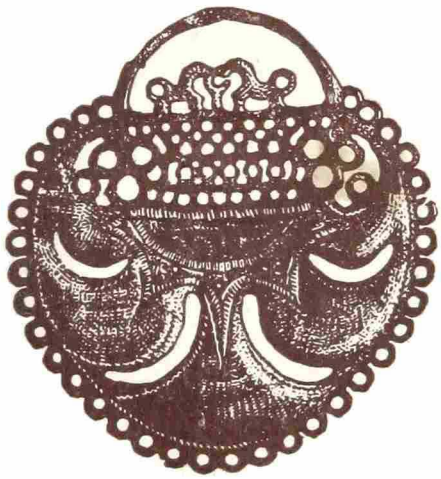
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2
1975

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
· НАУКА ·
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2
1975

Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
О. Н. Бадер, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский,
Ю. Н. Захарук (зам. главного редактора), *И. С. Каменецкий,*
М. К. Каргер, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков, В. С. Титов (отв. секретарь)

СОДЕРЖАНИЕ

Об актуальных задачах советской археологической науки 5
В. П. Третьяков (Ленинград). Неолит Верхнего Поднепровья и его отношение к днепро-донецкой культуре 9
В. И. Сарианиди (Москва). Степные племена эпохи бронзы в Маргиане . . 20
И. Л. Кызласов (Москва). Поминальные памятники таштыкской эпохи . . 30
Т. Н. Высотская (Симферополь). Общественные здания Неаполя Скифского 48
Г. В. Шишкина (Самарканд). Эллинистическая керамика Афрасиаба . . 60
Э. Грингмут-Дальмер (ГДР, Берлин). Развитие культурного ландшафта в западнославянских областях: проблемы, методы и результаты исследования 79
В. В. Мавродин, С. Н. Орлов (Ленинград, Новгород). К вопросу об «Уставе» князя Ярослава «о мостех» 89
А. В. Чернецов (Москва). Древнерусские изображения кентавров 100
Т. А. Хлебникова (Казань). Ранний Булгар 120
Л. В. Фирсов (Новосибирск). Опыт радиоуглеродного датирования известковых вяжущих растворов 133

Публикации

А. Х. Юсупов (Душанбе). Неолитическое поселение Сай-Сайед на юго-западе Таджикистана 138
С. С. Березанская (Киев). Неолитическая стоянка у хутора Гришевка на Средней Десне 148
В. Ф. Старков, Ю. Б. Сериков (Москва, Нижний Тагил). Стоянка Полуденка II в Среднем Зауралье 168
А. Д. Пряхин, В. И. Сагайдак (Воронеж). Металлообрабатывающая мастерская на поселении срубной культуры 176
Л. В. Копейкина (Ленинград). Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период 188
М. Г. Магомедов (Махачкала). Хазарские поселения в Дагестане 200
А. И. Романчук, В. Е. Рудаков (Свердловск). Керамический комплекс IX—X веков Баклинского городища 217

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1975 г.

Е. Б. Пругер (Ташкент). К истории разработки месторождений тальковых пород в Узбекистане 223
В. П. Даркевич (Москва). Медные и бронзовые изделия из Волжской Болгарии (XIII—XIV века) 232

Заметки

В. В. Сидоров, М. Г. Жилин (Москва). Мезолитическая стоянка Дальний остров в Подмосковье 244
В. И. Дьяков (Владивосток). Новая археологическая коллекция с о. Итуруп (Курильские острова) 249
В. С. Горбунов, М. Ф. Обыденнов (Уфа). Находки костяных псалиев эпохи бронзы в Башкирии 254
В. А. Непочатых (Хвалынск). Акинак из Хвалынска 258
В. А. Кореняко, А. А. Горбенко (Ростов-на-Дону, Азов). Котел сарматского времени в Азовском музее 259
М. В. Горбаневский, А. С. Фролов (Москва). Сюльгама дьяковского времени с Борисоглебского городища 260
Э. В. Ртвеладзе (Ташкент). К характеристике памятников Сурхандарьинской области ахеменидского времени 262
П. Н. Старостин (Казань). Погребение с остатками кремации в низовьях Камы 266
Ю. Н. Воронов, А. С. Вознюк (Сухуми). Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР 268

Критика и библиография

Н. Д. Праслов (Ленинград). H. de Lumley-Woodyear. Le Paleolithique inférieur et moven du Midi Méditerraneen dans son cadre géologique V. II. Bas-Languedoc — Roussillon — Catalogne, Paris, 1971 275
К. Л. Паавер (Тарту). Domestikationsforschung und Geschichte der Haustiere. Internationales Symposium in Budapest, 1971, Budapest, 1973 278
В. В. Бжания, В. И. Марковин (Москва). Избранные труды М. М. Трапша 280
Н. Л. Членова (Москва). В. С. Стоколос. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972 283
Е. Е. Кузьмина (Москва). О. А. Вишневская. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V веках до н. э. М., 1973 287
М. В. Горелик (Москва). E. B. Thomas. Helme, Schilde, Dolche. Studien über römisch-pannonische Waffenfunde, 1971 292
А. К. Амброз (Москва). G. Faider-Feytmans. Les nécropoles merovingiennes. Les collections d'archéologie régionale du Musée de Mariemont. 1970 296
М. Ф. Шур (Ленинград). Ю. Л. Щапова. Стекло Киевской Руси. М., 1972 300
С. И. Кочкуркина (Петрозаводск). Л. А. Голубева. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973 303

Хроника

О. А. Кондратьева (Псков). Подготовка к музеефикации памятников археологии и архитектуры в Пскове 306
В. В. Седов (Москва). VI Всесоюзная конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии 312
Т. Б. Томес (Ленинград). Новые поступления в фотоархив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР 315
К. А. Акишев, К. М. Байпаков (Алма-Ата). Музей археологии Академии наук Казахской ССР 316
Монгайт Александр Львович 318

ACADEMIE DES SCIENCES DE L'U.R.S.S.
INSTITUT D'ARCHEOLOGIE

Revue trimestrielle fondée en 1957

ARCHEOLOGIE SOVIETIQUE

№ 2
1975

Rédacteur en chef A. V. ARTSIKHOVSKI

SOMMAIRE

Sur les problèmes actuèls de l'archéologie sovietique 5
V. P. Trétiakov (Léningrad). Le Néolithique dans le bassin du Haut-Dniepr et ses rapports aves la culture de la région Dniepr-Don 9
V. I. Sarianidi (Moscou). Les tribus de la steppe à l'époque du bronze en Marghine 20
I. L. Kyzlassov (Moscou). Monuments funèbres de l'époque tachtyk 30
T. N. Vysotskaïa (Simféropol). Les édifices publics de Néapolis de Scythie 48
G. V. Chichkina (Samarkand). La céramique hellénistique d'Afrosiab . . . 60
E. Gringmuth-Dallmer (R.D.A., Berlin). L'évolution du paysage sous l'action de l'homme dans les contrées des Slaves occidentaux: problèmes, méthodes et résultats des recherches 79
V. V. Mavrodine et S. N. Orlov (Léningrad, Novgorod). A propos du «Statut du prince Iaroslav sur les chaussées de bois» 89
A. V. Tchernetzov (Moscou). Représentations de centaures dans la Russie ancienne 100
T. A. Khlebnikova (Kazan). Bulgar initial 120
L. V. Firsov (Novosibirsk). Une expérience de datation par l'analyse radiocarbonique des mortiers de chaux adhésifs 133

Publications

A. Kh. Youssoupov (Douchanbé). Fouilles de l'établissement néolithique de Sai-Saied sur le cours moyen de la rivière Vakhi 138
S. S. Bérézanskaïa (Kiev). Une station néolithique près du hameau de Grichevka sur la Moyenne-Diesna 148
V. F. Starkov et Y. B. Sérikov (Moscou, Nijny-Taghil). La station de Poloudienka II dans la région transouralienne centrale 168
A. D. Priakhine et V. I. Sagaïdak (Voronej). Un atelier métallurgique dans un établissement datant de la culture des tombes à charpente 176
L. V. Kopeïkina (Léningrad). Nouveaux renseignements sur l'aspect de Bérézan et d'Olbia à l'époque archaïque (origines de la tradition de construction) 188
M. G. Maghomédov (Mahatchkala). Les établissements khazars au Daghestan 200
A. I. Romantchouk et V. E. Roudakov (Sverdlovsk). Ensemble céramique des IXe—Xe siècles provenant des fouilles effectuées dans les ruines de Bakline 217
E. B. Prougher (Tachkent). Histoire de l'exploitation des gisements de roches talqueuses en Ouzbékistan 223
V. P. Darkiévitch (Moscou). Objets de cuivre et de bronze provenant de la Bulgarie volgienne (XIIIe—XIVe siècles) 232

Notices

V. V. Sidorov et M. G. Jiline (Moscou). Une station mésolithique à Dalnii Ostrov (environs de Moscou) 244
V. I. Diakov (Vladivostok). Une nouvelle collection archéologique provenant d'Itouroup (îles Kouriles) 249
V. S. Gorbounov et M. F. Obydennov (Oufa). Découverte en Bachkirie de mors en os de l'Age du bronze 254

V. A. Népotchatykh (Khvalynsk). Akhinakès provenant de Khvalynsk . . . 258
V. A. Koréniako et A. A. Gorbenko (Rostov-sur-le-Don, Azov). Chaudière en bronze de l'époque sarmate au musée d'Azov 259
M. V. Gorbanevski et A. S. Frolov (Moscou). Agrafes de la culture de Diakovo, provenant des ruines de Borissoglebski 260
E. V. Rtvéladzé (Tachkent). Caractère des monuments d'époque achéménide, dans la région de Sourkhan-Darine 262
P. N. Starostine (Kazan). Sépulture avec des vestiges de crémation, sur le cours inférieur de la Kama 266
Y. N. Voronov et A. S. Voznіouk (Soukhoumi). Nouvelles trouvailles archéologiques dans le district de Goudaouty 268

Critique et bibliographie

N. D. Praslov (Léningrad). H. de Lumley-Woodyear. Le Paléolithique inférieur et moyen du Midi Méditerranéen dans son cadre géologique. T. II. Bas-Languedoc, Roussillon, Catalogne. Paris, 1971 275
K. L. Paaver (Tartu) (Peis). Domestikationsforschung und Geschichte der Haustiere. Internationales Symposium in Budapest, 1971. Budapest, 1973 . . 278
V. I. Markovine et V. V. Bjanya (Moscou). Oeuvres choisies de M. M. Trapcha 280
N. L. Tchlénova (Moscou). V. S. Stokoloss. La culture de la population du Sud de l'Oural à l'Age du bronze. Moscou, 1972 283
E. E. Kouzmina (Moscou). O. A. Vichnievskaïa. La culture des tribus saces du cours inférieur du Syr-Daria, du VIIe s. au Ve s. av. n. ère. Moscou, 1973 287
M. V. Gorélik (Moscou). E. B. Thomas. Helme, Schilde, Dolche. Studien über römisch-pannonische Waffenfunde. 1971 292
A. K. Ambroz (Moscou). G. Faider-Feytmans. Les nécropoles mérovingiennes. Les collections d'archéologie régionale du Musée de Mariemont, 1970 296
M. F. Chour (Léningrad). Y. L. Chtchapova. La verrerie de la Russie Kiévienne. Moscou. 1972 300
S. I. Kotchkourkina (Pétrozavodsk). L. A. Goloubieva. Le village et les Slaves sur le lac Blanc. Moscou, 1973 303

Actualité archéologiques

O. A. Kondratieva (Pskov). Restauration et présentation des monuments d'archéologie et d'architecture à Pskov 306
V. V. Siédov (Moscou). La VIe Conférence de l'U.R.S.S. pour l'étude des pays scandinaves et de la Finlande 312
T. B. Tomèce (Léningrad). Nouveaux apports aux archives photographiques de l'Institut d'Archéologie de l'Académie des Sciences de l'URSS (division de Léningrad) 315
K. A. Akichev, K. M. Baipakov (Alma-Ata). Le Musée d'Archéologie de l'Académie des Sciences de la R. S. S. de Kazakhstan 316
A. L. Mongait 318

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ЗАДАЧАХ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Успехи и достижения советской археологической науки огромны и бесспорны. Расширилась сеть вновь созданных академических и внеакадемических археологических учреждений. Новые археологические центры возникли в Средней Азии, Сибири и Дальнем Востоке. Выросли новые кадры советских археологов, особенно интенсивен был этот рост в национальных республиках страны. Экспедиционные исследования советских археологов ознаменовались выдающимися открытиями мирового значения. В результате работ многочисленных археологических экспедиций в самых различных районах Советского Союза быстрыми темпами идет накопление массового археологического материала, являющегося важнейшим источником в изучении древнейшей истории народов нашей социалистической Родины. Все шире и эффективнее внедряются в изучение массового археологического материала современные методы исследования естественных и технических наук. Заметно возросла лабораторная база этих исследований. Значительных успехов добились археологи Советского Союза в разработке и исследовании важнейших актуальных проблем историко-археологической науки. Последние годы ознаменовались формированием в советской археологии новых направлений археологических исследований, значительно расширяющих и углубляющих наши знания о далеком прошлом народов нашей Родины. Из года в год растет удельный вес экспедиционных и обобщающих исследований по актуальным проблемам зарубежной археологии Европы, Азии и Америки. Советские археологи принимают самое активное участие в разработке ряда актуальных комплексных проблем советского обществознания, в частности, такой важнейшей проблемы, как закономерность развития и перехода от одной общественно-экономической формации к другой.

Успехи и достижения советской археологической науки были бы невозможны без глубокого творческого овладения общенаучными, методологическими, мировоззренческими основами диалектического и исторического материализма. Диалектико-материалистическое понимание истории и закономерностей общественного развития, марксистско-ленинское учение о социально-экономических формациях явились прочным научным фундаментом, предопределившим все дальнейшее развитие советской археологической науки. Благодаря этому советская археологическая наука была избавлена от постоянных, неизбежных и всегда обреченных на неудачу для буржуазной науки поисков основополагающих философских концепций, вплоть до позитивистского отрицания всякого значения философской общеметодологической основы научного познания.

Советские археологи, вместе с тем, не только творчески овладели основами диалектико-материалистической философии и ее методом, но и сами приняли активное участие в разработке историко-материалистических положений. Они внесли существенный вклад в разработку на базе теоре-

тического наследия классиков марксизма-ленинизма общей теории докапиталистических формаций, их движущих сил и закономерностей развития.

Важное мировоззренческое и идеологическое значение имеют фундаментальные исследования советских археологов, касающиеся актуальных проблем происхождения человека, процесса становления человеческого общества и начальных этапов его развития. Неоценимое идейно-теоретическое значение имеют археологические исследования вопросов происхождения и истории культуры и искусства. Следует особо подчеркнуть большую роль археологии в изучении истории религии. Эти исследования имеют значение в деле развертывания атеистической пропаганды в стране.

Советская археологическая наука в отличие от буржуазной археологии всегда составляла важный раздел исторической науки. Благодаря ставшей уже традиционной историко-социологической направленности археологических исследований советская археологическая наука оказывала и оказывает заметное влияние на развитие мировой археологии. Современный этап развития зарубежной науки, нередко именуемый «революцией в археологии» или «новой археологией», в значительной степени связан с поворотом передовой части зарубежных археологов к историко-социологической проблематике, правда, по-разному понимаемой различными школами и направлениями. Свидетельством растущего интереса зарубежной археологии к марксистской теории является организуемый в рамках ежегодного собрания Американской Антропологической Ассоциации симпозиум на тему «Марксистский подход к археологическим исследованиям».

На современном этапе коммунистического строительства, когда вопросы идеологической работы составляют его передовой участок, перед советской наукой стоят особо ответственные задачи. Советская археологическая наука в координации с другими общественными науками вносит существенный вклад в разработку ряда фундаментальных проблем, имеющих неоценимое историко-культурное, мировоззренческое и идеологическое значение. К их числу прежде всего следует отнести актуальные проблемы истории и теории докапиталистических формаций. Не случайно, именно вокруг этих сложнейших проблем в мировой науке развернулась ожесточенная идеологическая борьба. Советские историки в своих исследованиях бескомпромиссно и последовательно отстаивают марксистско-ленинское учение о социально-экономических формациях.

Успешное решение стоящих перед советской наукой, в том числе и археологией, важнейших идеологических задач возможно лишь при условии роста требований к деятелям науки, ее кадрам. Вопросы идеологической работы были предметом специального рассмотрения в ЦК КПСС. В принятом постановлении «О работе по подбору и воспитанию идеологических кадров в партийной организации Белоруссии» особо подчеркивалось, что на всех участках идеологического фронта должны стоять политически зрелые, инициативные кадры с высокой теоретической, профессиональной подготовкой. Большое внимание было уделено также идейному и профессиональному росту работников науки. Вопросы повышения теоретической и профессиональной подготовки кадров археологов имеют решающее значение на современном этапе развития археологической науки.

За последние годы, в результате осуществления небывалых по своим масштабам археологических исследований на крупнейших новостройках страны — Саяно-Шушенской, Усть-Илимской ГЭС, на новостройках Средней и Нижней Волги, на Украине, в Молдавии и в других республиках накоплен огромнейший археологический материал. Между тем его историческое осмысление и обобщение заметно отстает от темпов его накопления, что в значительной степени объясняется слабой разработкой актуальных проблем археологической теории.

Оценивая современное состояние археологических исследований, следует отметить, что большинство работ в этой области связано с решением

различных конкретных историко-социологических или культурно-этногенетических аспектов, проблем в пределах всего регионального и хронологического диапазона археологических исследований. В каждом конкретном случае исследователь сам определяет задачи, нужный объем археологического материала, методы его исследования, по своему усмотрению использует имеющуюся в наличии систему понятий или сам формирует ее, определяет и соответственно реализует свои принципы и методы теоретического исследования. Вследствие этого, как правило, предлагаемые решения различных вопросов и проблем весьма противоречивы. Это лишает положительные археологические знания таких важнейших научных качеств как стройность, согласованность, системность.

Разработка проблем археологической теории, и в особенности сложных проблем теории исследования, имеют огромное значение для развития нашей науки.

Ответственные задачи, требующие высокой теоретической и профессиональной подготовки, стоят перед археологами страны в связи с подготовкой многотомной «Археологии СССР» и планируемого Отделением истории АН СССР обобщающего труда, посвященного марксистской концепции истории СССР. Важную роль в деле повышения теоретической подготовки научных кадров, как отмечено в постановлении ЦК КПСС, должны сыграть теоретические и методологические семинары.

В нашей стране при различных ее археологических учреждениях работает широкая сеть методологических и теоретических семинаров. В Институте археологии АН СССР и его Ленинградском отделении на семинарах активно обсуждаются такие актуальные проблемы методологии и теории исторического процесса и его исследования, как «Проблемы происхождения и развития религии и религиозных воззрений», «Методика определения признаков возникновения первых классовых социально-экономических формаций (рабовладельческой и феодальной)», «Роль географического фактора в истории человеческого общества», «Союзы племен (формирование, социальная структура)», «Вопросы социологической интерпретации погребального обряда первобытной эпохи в современной зарубежной идеологии», «Становление ранних цивилизаций и их типология» и др. Накопленный к настоящему времени положительный опыт работы этих семинаров остается пока, к сожалению, не обобщенным.

С целью привлечения внимания к разработке актуальных проблем археологической теории и методики недавно была организована секция теории и методики археологических исследований при Пленуме Института археологии АН СССР, которая вызвала определенный интерес среди археологов страны, но работа которой, равно как и работа теоретических и методологических семинаров, пока слабо освещается в археологической печати. Заметно активизировалось внимание к теоретическим и методологическим проблемам общественных и исторических наук со стороны научных советов по комплексным проблемам «Истории мировой культуры» и «Закономерностей исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой», которыми при активном участии археологов Москвы, Ленинграда и союзных республик были проведены симпозиумы и научные конференции. Положительную оценку научной общественности получили симпозиум «Культурологические аспекты археологических и этнографических исследований», конференции «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя», «Возникновение раннеклассового общества» и др.

Важная роль в формировании марксистско-ленинского мировоззрения, непримиримости к буржуазной идеологии, в систематической работе по повышению идейно-теоретического и профессионального уровня археологических кадров принадлежит журналу «Советская археология». С этой целью журнал предполагает публикацию статей, посвященных разработке

теоретических и методологических проблем археологической науки. Для широкого их обсуждения в журнале предполагается также публикация материалов дискуссий. Значительно будет увеличена публикация критических обзоров работ, появившихся в последнее время в зарубежной литературе по проблемам археологической теории. Особое внимание будет уделено работе методологических и теоретических семинаров археологических учреждений Москвы, Ленинграда и союзных республик, обобщению и популяризации их опыта и достижений. Журнал планирует публикацию критических статей, посвященных анализу идейно-теоретического уровня крупнейших монографических исследований наиболее важных проблем археологической науки.

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

НЕОЛИТ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЕ

Неолит Верхнего Поднепровья и прилегающих к нему районов довольно широко освещен на страницах археологической литературы. Можно указать как публикации отдельных памятников, исследованных в различное время[1], так и работы, посвященные общим вопросам нового каменного века на этой территории. Авторы отмечали, что в эпоху неолита здесь по берегам водоемов бытовали открытые неукрепленные поселения, обитатели которых занимались охотой, рыболовством и собирательством. Таковы поселения Вороня на Угре; Шугайлово на севере Смоленщины; стоянки в бассейне р. Катыни; Веть IV и VI, Новый Быхов, Борок, Дедное, Хоршово, Палик, Мошка, Сосонка, Завалье, Борок Семиновский в Могилевской и на севере Гомельской областей; Стрелица, Романовичи, Липовый Брод недалеко от Гомеля и т. д.

В работах сводного характера[2] отмечалось, что материалы перечисленных поселений Верхнего Поднепровья свидетельствуют о наличии целого

[1] *К. М. Поликарпович.* Стоянки среднего Посожья. В кн.: «Материалы по археологии БССР», I, Минск, 1957, стр. 45—149; *его же.* Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа. Запіскі аддзелу гуманітарных навук, кн. 5. Працы Катаэдры археологіі, т. 1, Менск, 1928, стр. 123—252; *его же.* Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа. Працы..., кн. II, т. 2, Менск, 1930, стр. 383—478; *А. З. Каваленя, С. С. Шатау.* Матер'ялы с дагісторыі Тураушыны. Працы..., кн. II, т. 2, Менск, 1930, стр. 339—378; *А. Н. Лявданский.* Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии. Научные известия Смоленск. гос. ун-та, IV, 3, Смоленск, 1927, стр. 218—259; его же. Съляды нэолітычнае стаячкі пазьнейшых культур камня м. Новага Быхова. Навуковы зборнік інстытуту Беларускае культуры. Менск, 1925, стр. 106 сл.; *Е. А. Шмидт.* Результаты изучения археологических памятников в Смоленской области в 1949—1955 гг. Сборник научных работ, посвященный 25-летию Смоленского краеведческого научно-исследовательского ин-та (1930—1955), Смоленск, 1957, стр. 274—285; *его же.* Археологические памятники бассейна р. Угры в пределах Смоленской области. Сборник научных работ Смоленского краеведческого научно-исследовательского ин-та, 2, Смоленск, 1958, стр. 99—102; *И. И. Артеменко.* Памятники эпохи неолита и бронзового века верхнего Поднепровья. КСИИМК, 78, 1960, стр. 34—37; *его же.* Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской обл. БССР. В сб.: «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964, стр. 31—87; *его же.* Неолитические стоянки у с. Веть Могилевской области. КСИА АН СССР, 97, 1964, стр. 120—126; *его же.* Неолитические поселения в урочище Сосонка. КСИА АН СССР, 101, 1964, стр. 111—116; *его же.* Из археологических работ в верхнем Поднепровье в 1958 году. КСИА АН СССР, 84, 1961, стр. 63—65; *И. И. Артеменко, И. М. Тюрина.* Неолитическое поселение в урочище Стрелица. КСИА АН СССР, 106, 1966, стр. 38—43; *И. М. Тюрина.* Неолитические памятники Посожья. КСИА АН СССР, 111, 1967, стр. 108—115; *И. В. Гаврилова.* Дюнная стоянка Романовичи. КСИА АН СССР, 97, 1964, стр. 113—119; *В. П. Третьяков.* Древности в бассейне р. Катыни. СА, 1972, 4; *его же.* Поселения каменного века в бассейне р. Катыни в Смоленском Поднепровье. СА, 1972, 2; *В. П. Третьяков, Е. А. Шмидт.* Стоянка каменного века в бассейне р. Катыни в Смоленском Поднепровье. СА, 1973, 1.

[2] *И. М. Тюрина.* Неолит верхнего Поднепровья. СА, 1970, 3, стр. 40—49; *ее же.* Верхнее Поднепровье в эпоху неолита. Автореф. канд. дис. М., 1967; *ее же.* К вопросу о неолите Смоленщины. КСИА АН СССР, 126, 1971, стр. 115—119; *ее же.* Некоторые данные о неолитических племенах верхнего Поднепровья. В сб.: «Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в неолитическую эпоху». МИА, 172, 1973, стр. 184—186; *В. Ф. Исаенко.* Археологическая карта Белоруссии. Вып. I, Минск, 1968, стр. 10 сл.

ряда общих черт в культуре их обитателей. Так, по всему Верхнему Поднепровью изготавливали сходной формы топоры и тесла, скребки с гранями на спинке, округлые скребки диаметром от 3 до 6 *см*, треугольные скребки, наконечники стрел и копий листовидной ромбической и треугольно-черешковой формы, проколки из отщепов. Для ранненеолитических памятников этой территории были характерны ножевидные пластины и проколки из них, резцы, наконечники стрел свидероидного типа. Много общего мы замечаем и в керамическом производстве у верхнеднепровского населения. Здесь изготовлялись горшки с прямым или несколько профилированным венчиком, орнаментированные всевозможными композициями из оттисков гребенчатого штампа (зигзаги, елочка, сочетание вертикальных, горизонтальных и наклонных отпечатков и т. д.), округлыми или овальными ямками, расположенными рядами или в шахматном порядке, и нарезками. Перечисленные выше материалы, общие для неолита всего Верхнего Поднепровья, и позволяют говорить о существовании в эпоху нового каменного века единой археологической культуры, получившей название верхнеднепровской [3].

Между тем в литературе существует мнение, что неолитические памятники Верхнего Поднепровья не составляют особой археологической культуры, а являются лишь вариантом древностей днепро-донецкого типа. Такой позиции придерживается, в частности, Д. Я. Телегин [4].

Против этой гипотезы впервые выступила И. М. Тюрина, которая отмечала, что верхнеднепровская культура, как и все неолитические культуры лесной полосы, возникла на основе своеобразного мезолита свидероидного облика, отличного от мезолита степной зоны, характеризуемого наличием орудий геометрических очертаний, на основе которого и возникла днепро-донецкая культура. Различное происхождение верхнеднепровского и днепро-донецкого неолита, по мнению И. М. Тюриной, является достаточным основанием для выделения верхнеднепровских стоянок в самостоятельную археологическую культуру [5]. В сущности, то же следует из ряда предшествующих работ А. А. Формозова [6].

Кроме упомянутого выше тезиса И. М. Тюриной в защиту различий между лесными и степными неолитическими культурами, А. А. Формозов приводит следующие доводы: а) различие в формах сосудов — в лесной полосе в период нового каменного века бытовали в основном остро- и круглодонные сосуды, в степной — плоскодонные; б) различие в планировке могильников; в) различие уровня хозяйства — носители днепро-донецкой культуры были знакомы с земледелием и скотоводством, обитатели лесной полосы в эпоху неолита не знали производящего хозяйства [7].

Перечисленные выше тезисы не вызывают никакого сомнения, если говорить о сравнении степного и лесного неолита в целом. Однако в дан-

---

[3] *И. М. Тюрина.* Верхнее Поднепровье в эпоху неолита; *ее же.* Неолит верхнего Поднепровья, стр. 40 сл.

[4] *Д. Я. Телегин.* Неолитические памятники северной Украины и южной Белоруссии. В сб.: «Этнокультурные общности...», стр. 173—183; *его же.* История племен днепро-донецкой культуры (V—III тысячелетия до н. э.). Автореф. докт. дис. Киев, 1967; *его же.* О культурно-территориальном членении и периодизации неолита Украины и Белоруссии. СА, 1971, 2, стр. 3—31; *его же.* Неолітичні поселення лісостепового лівобережжя і Полісся України. «Археологія», XI, Київ, 1957, стр. 70—86; *его же.* Дніпродонецька культура. Київ, 1967; *его же.* К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре. СА, 1961, 4, стр. 26—40; *его же.* Основні результати робіт Київської експедиції 1962—1964 рр. «Археологія», XIX, Київ, 1965, стр. 88—99.

[5] *И. М. Тюрина.* Верхнее Поднепровье в эпоху неолита, стр. 10—12; *ее же.* Неолит верхнего Поднепровья, стр. 50, 51.

[6] *А. А. Формозов.* О времени возникновения различий между северными и южными культурами каменного века. КСИИМК, 59, 1955, стр. 3—10; *его же.* Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 67 сл.; *его же.* Об историческом месте неолитической культуры левобережной Украины. СА, 1970, 1, стр. 280—283.

[7] *А. А. Формозов.* Об историческом месте неолитической культуры левобережной Украины, стр. 180 сл.

ном случае речь идет о сравнении конкретно верхнеднепровских и днепродонецких материалов на ограниченной территории Поднепровья, поэтому, чтобы решить вопрос о возможности объединения их в одну культуру или же об отнесении их к двум различным культурам, следует внести в изложенные выше тезисы некоторые дополнения.

Действительно, если в целом мезолит степей отличается от мезолита лесной зоны, то утверждать это же для районов распространения в будущем днепро-донецкой и верхнеднепровской культур значительно сложнее. В последнее время Д. Я. Телегиным были опубликованы материалы мезолитических поселений левобережной Украины [8]. Судя по этим материалам, на данной территории в эпоху мезолита были известны не только геометрические типы орудия, но и формы, близкие мезолиту лесной полосы. Это наконечники стрел свидероидного типа, концевые скребки, скребки из ножевидных пластин со скошенным краем и двумя рабочими краями и скребки из отщепов округлой формы и с одной-двумя гранями на спинке, острия из мелких ножевидных пластин, конические одноплощадочные нуклеусы, сечения ножевидных пластин, всевозможные резцы и т. п.

В то же время известно, что в лесной зоне наряду с перечисленными выше изделиями встречаются и некоторые геометрические формы: трапеции, сегменты, пластинки с притупленной спинкой и др. [9] В настоящее время в белорусском и смоленском Поднепровье известны такие мезолитические стоянки, как Ладыжицы [10], Подлужье [11], Красный Бор, Смячка XIV, Гренск и др. [12] Сравнение материалов этих стоянок с тем, что найдено на Украине, если и не дает возможности говорить об идентичности каменной индустрии все же не позволяет провести резкую грань между киевским, белорусским и смоленским Поднепровьем.

Решая вопрос о сходстве или различиях верхнеднепровских и днепродонецких неолитических памятников, мы не можем использовать и данные по погребальному обряду, поскольку, если в настоящее время исследован целый ряд днепро-донецких могильников [13], то на территории Верхнего Поднепровья могильники пока неизвестны. По-видимому, не играют в данном случае решающей роли и возможные хозяйственные различия в культуре верхнеднепровских и днепро-донецких племен. По данным этнографии мы знаем, что в ряде случаев этнически однородное население по своему хозяйственному укладу делится на различные группы. Так, Л. А. Файнберг писал, что «эскимосы Аляски делятся на несколько крупных географических групп, имеющих каждая свои хозяйственные и культурные особенности». И далее: «Среди канадских эскимосов можно выделить пять крупных географических групп, несколько различающихся по хозяйственно-экономическим условиям быта» [14].

---

[8] *Д. Я. Телегин.* Мезолит левобережной Украины и его место в сложении днепродонецкой неолитической культуры. В кн.: «У истоков древних культур. Эпоха мезолита». МИА, 126, 1966, стр. 99—107.

[9] *А. А. Формозов.* Периодизация мезолитических стоянок европейской части СССР. СА, XXI, 1954, стр. 47, 48; *Ю. В. Кухаренко.* Первобытные памятники на территории Полесья. САИ, Б — 1—18, М., 1962, табл. I, рис. 18—21; *В. П. Левенок.* Мезолит среднерусского Днепровско-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры. В кн.: «У истоков древних культур...», стр. 88, 89.

[10] *В. П. Третьяков.* Поселения каменного века в бассейне р. Катыни в Смоленском Поднепровье, стр. 106—108; *его же.* Формирование неолитической каменной индустрии в бассейне р. Катыни на Смоленщине. КСИА АН СССР, 137, 1973, стр. 42.

[11] *Ф. М. Заверняев.* Поселения мезолитического времени на Соже и Десне. КСИИМК АН СССР, 67, 1957, стр. 63, 64.

[12] *В. П. Левенок.* Мезолит среднерусского Днепровско-Донского междуречья..., стр. 91.

[13] *Д. Я. Телегин.* О культурно-историческом месте некрополей днепро-донецкого типа. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964; *его же.* История племен днепро-донецкой культуры..., стр. 14; *его же.* Дніпродонецька культура, стр. 56.

[14] *Л. А. Файнберг.* Общественный строй эскимосов и алеутов (от материнского рода к соседской общине). М., 1964, стр. 88.

Стоянки	Орнамент					
	гребенчатый	ямочный	парезной	без орнамента	накольчатый	остальные виды орнамента
Катынь-1	55	16	15	13	—	1
Катынь-2	61	17	10	8	—	4
Катынь-3	61,4	15	14,3	9	—	0,3
Катынь-4	51,4	19	17,5	9	—	3,1
Шугайлово	60	21	17	—	—	2
Палик	60,9	25,3	4,1	9,4	—	0,3
Хоршово	54,5	12	1,6	31,9	—	—
Веть IV	57	31,6	11,4	—	—	—
Стрелица	55,1	31,6	1,3	3,1	8,5	0,4
Липовый Брод	50,9	39,7	2,3	2,6	2,1	2,4
Пустынка-5	35	22	2,5	39	—	1,5
Пчелица	31	22	9	33	4	1
Каменка	53,5	2	3,5	36	5	—
Грини	26,5	14	26,5	18	10	5
Бузьки	25	—	29	15	29	2
Мутиха	14	—	45	14	24	3
Пищики	15	—	71	—	14	—
Успенка	11	—	24	25	37	3
Собачки	44	—	17	3	35	1
Вовнижская правобережная стоянка	28	—	20	8	42	2
Никольский могильник	9	—	4	2	85	—

Таким образом, при решении вопроса о сходстве или различиях верхнеднепровских и днепро-донецких племен в этнокультурном плане особое значение приобретает керамика и ее орнаментация — массовый материал, находимый на всех поселениях этой обширной территории, позволяющий, по словам М. Е. Фосс, «судить о существовании различных этнических общностей у неолитического населения» [15].

В настоящее время нам известна большая группа поселений в бассейне Днепра, как в пределах РСФСР и Белоруссии, так и на Украине. Эти все памятники сгруппированы нами в таблицу по принципу их географического расположения в меридиональном направлении. В верхней ее части помещены самые северные поднепровские стоянки Катынь-1, 2, 3, 4, а также поселение Шугайлово на севере Смоленской области. Ниже идут поселения Палик, Хоршово и Веть IV (Могилевская и север Гомельской области). Следующая группа стоянок (Стрелица и Липовый Брод) находятся южнее — вблизи Гомеля. Поселения Пустынка-5, Пчелица, Каменка и Грини расположены уже на территории Украины, в северной части Киевской области. Еще ниже в нашей таблице помещены такие стоянки, как Бузьки, Мутиха, Пищики и Успенка, находящиеся южнее Киева, на Черкащине. Последняя группа памятников — Собачки, Вовнижская правобережная стоянка и Никольский могильник — находится в Надпорожье.

В таблице помещены результаты подсчетов различных видов орнамента на упомянутых поселениях. На основе их сравнения мы пытаемся выяснить, в чем состоит сходство и различие керамических комплексов этих стоянок, а также проследить, существуют ли какие-либо закономерности в изменении орнаментации керамики данных комплексов [16].

---

[15] *М. Е. Фосс.* Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, 29, 1952, стр. 77.

[16] В таблице в графе «гребенчатый орнамент» помещены и фрагменты керамики, украшенные так называемыми «лапчатыми» узорами.

Указанные в таблице результаты подсчетов произведены И. И. Артеменко (для стоянок Палик [17], Хоршово [18], Веть IV [19], Стрелица [20], Липовый Брод [21]), Д. Я. Телегиным (для стоянок Каменка [22], Бузьки, Мутиха, Пищики, Успенка, Собачки, Вовнижская правобережная стоянка, Никольский могильник [23]) и нами (для стоянок Пчелица [24], Катынь-1, 2, 3, 4 [25] и Шугайлово [26], Пустынка-5 [27] и Грини [28]).

Данные таблицы позволяют разделить материалы включенных в нее памятников на три группы. Первая из них (стоянки Катынь-1, 2, 3, 4, Шугайлово, Палик, Хоршово, Веть IV) характеризуются наличием керамики, украшенной гребенчатым орнаментом, нанесенным на 50—60% фрагментов сосудов. 15—20% фрагментов украшены ямочными узорами (за исключением стоянок Палик и Веть IV, где процент керамики, орнаментированной этим способом, возрастает до 25—30). 10—15% керамики с поселений этой группы украшены нарезным узором (за исключением стоянок Палик и Хоршово, где процент керамики, орнаментированной нарезками, падает до 4,1 и 1,6). Приблизительно 10% керамики не имеет каких-либо узоров. Лишь на стоянке Хоршово 31,9% всех фрагментов не украшено, а на стоянках Шугайлово и Веть IV вся керамика орнаментирована.

Таким образом, если мы не можем говорить об идентичности керамики перечисленных выше памятников, то ее заметное сходство мы не можем не отметить. Кроме того, в данном случае для нас особенно важно отсутствие на перечисленных стоянках керамики с накольчатым орнаментом, что говорит и об отсутствии генетических связей обитателей этих поселений с днепро-донецкими племенами, где этот вид орнамента играл весьма заметную роль [29].

Выделяемую нами следующую группу стоянок (Стрелица, Липовый Брод, Пустынка-5, Пчелица, Каменка, Грини) мы подразделяем на две подгруппы в зависимости от сходства и различий их керамических комплексов с фрагментами сосудов поселений первой группы. Сходство заключается в том, что в орнаментации керамики мы видим все элементы узо-

[17] Отчет И. И. Артеменко о раскопках этого поселения хранится в фондах Гомельского областного краеведческого музея.

[18] *И. И. Артеменко.* Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ села Ходосовичи..., стр. 49—51.

[19] *И. И. Артеменко.* Неолитические стоянки у села Веть Могилевской области..., стр. 120—122.

[20] Отчет И. И. Артеменко о раскопках этого поселения хранится в фондах Гомельского областного краеведческого музея.

[21] Там же.

[22] *Д. Я. Телегін.* Поселення дніпро-донецкої культури на півночні України. «Археологія», 2, Київ, 1971, стр. 51. (В кн. Д. Я. Телегина «Дніпро-донецька культура» на стр. 61 приведены иные процентные соотношения различных групп керамики. В настоящей работе мы использовали результаты подсчетов его последнего исследования, согласующихся с данными отчета в архиве ИА УССР).

[23] *Д. Я. Телегін.* Дніпро-донецька культура, стр. 61.

[24] Приведенные в настоящей статье наши подсчеты отличаются от данных Д. Я. Телегина (архив ИА УССР) неодинаковым соотношением гребенчатых и ямочных узоров. Д. Я. Телегин отнес фрагменты с ромбическими ямками к числу черепков, украшенных палочкой с так называемой намотанной на ней «веревочкой» (т. е. штампом), в то время как по нашим наблюдениям подобных оттисков здесь нет.

[25] *В. П. Третьяков.* Древности в бассейне р. Катыни. СА, 1972, 4.

[26] Подсчеты проведены при изучении материалов этой стоянки в фондах Смоленского областного краеведческого музея.

[27] Результаты наших подсчетов отличаются от данных Д. Я. Телегина, так как мы не учитывали керамику с вертикальными расчесами (трипольскую) как чуждую местному неолиту.

[28] В различных изданиях Д. Я. Телегиным даны три разнящихся друг от друга варианта подсчетов керамики с данного поселения (см.: *Д. Я. Телегін.* Поселення..., стр. 51; *его же.* Дніпро-донецька культура, стр. 61; там же, стр. 95). В настоящей статье помещены результаты наших подсчетов.

[29] На некоторых фрагментах стоянок могилевско-гомельского варианта верхнеднепровской культуры (Заваль̀е, Борок, Сосонка) встречена керамика с накольчатым орнаментом, но ее количество составляет десятые доли процента.

ров, характерных для первой группы. Однако их количественное соотношение неравнозначно. Так, на стоянках Стрелица и Липовый Брод гребенчатыми узорами орнаментировано от 50,9 до 55,1% керамики, ямочными — от 31,6 до 39,7%, нарезками — от 1,3 до 2,3%, не орнаментировано — от 2,6 до 3.1%. Эти подсчеты показывают определенную близость данных керамических комплексов с сосудами со стоянок первой группы, хотя и позволяют их выделить в особый вариант верхнеднепровской культуры.

Керамика поселений второй подгруппы (Пустынка-5, Пчелица, Каменка, Грини) характеризуется следующими особенностями. Мы видим уменьшение роли гребенчатого орнамента при украшении посуды — до 53—26%, ямочного — до 21—22%. Количество черепков с нарезными мотивами колеблется от 2,5 до 26,5%, а неорнаментированная керамика составляет от 18 до 39% всего комплекса. Общим отличием керамики поселений второй группы от первой является появление здесь накольчатых узоров (за исключением поселения Пустынка-5), которыми украшено в среднем 6%.

Керамика памятников третьей группы (Бузьки, Мутиха, Пищики, Успенка, Собачки, Вовнижская правобережная стоянка, Никольский могильник) резко отличается от посуды стоянок первой и второй групп [30]. Мы видим заметное снижение роли гребенчатого штампа, которым украшено в среднем 20% фрагментов. Совершенно отсутствует керамика, украшенная ямочным орнаментом. Увеличивается в среднем до 27% керамика с нарезными узорами, в среднем до 40% черепков украшалось наколами. Процент керамики без орнамента колеблется от 0 до 25.

Резкие отличия керамики смоленских и белорусских неолитических поселений [31], а также стоянок на севере Киевской и Черниговской областей, таких, как Грини [32], Каменка [33], Пчелица [34], Пустынка-5 [35] и многих других (у Любеча, близ хут. Корчевье, у сел. Клубовка, Коробки, Новоселки и т. д.) [36], от керамики поселений третьей группы заметны не только при сравнении элементов орнаментации и их количественного соотношения, но и при сопоставлении узоров в целом и их композиций.

В настоящее время опубликованы материалы целого ряда днепро-донецких памятников. Это включенные в нашу таблицу стоянка Бузьки на Черкащине [37] и Никольский могильник в Надпорожье [38], а также Лысогорский могильник [39], Дереевка [40] и другие стоянки в Поднепровье и вне его пределов — Александрия [41] и т. д.

---

[30] Поселения, объединенные нами в третью группу, Д. Я. Телегин, кроме того, подразделял еще на две подгруппы (см.: *Д. Я. Телегін.* Дніпро-донецька культура, стр. 61).

[31] Литература по этим памятникам дана в примечании 1 настоящей статьи.

[32] *Д. Я. Телегін.* Основні результати робіт Київської експедиції 1962—1964 рр. «Археологія», XIX, Київ, 1965, стр. 88—91.

[33] *Д. Я. Телегін.* Поселення дніпро-донецької культури на півночні України. «Археологія», 1971, 2, Київ, стр. 44—48.

[34] Там же, стр. 48, 49.

[35] *Д. Я. Телегін.* Дніпро-донецька культура, стр. 111 сл.; *его же.* Основні результати робіт Київской експедиції 1962—1964 рр., стр. 91, 92.

[36] *Д. Я. Телегін.* Поселенняя дніпро-донецької культури на півночні України, стр. 49 сл.

[37] *Д. Я. Телегин.* К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре. СА, 1961, 4, стр. 26—40.

[38] *Д. Я. Телегин.* Никольский могильник эпохи неолита-меди в Надпорожье. КСИА АН УССР, 11, Киев, 1961, стр. 20—26.

[39] *А. В. Бодянский.* Лысогорский неолитический могильник. КСИА АН УССР, 11, Киев, 1961, стр. 32—37.

[40] *Д. Я. Телегин.* Из работ Днепродзержинской экспедиции 1960 г. КСИА АН УССР, 12, Киев, 1962; *его же.* Дереївський неолітичний могилник. «Археологія», XVI, Київ, 1964, стр. 144—171.

[41] *Д. Я. Телегин.* Оскольская экспедиция 1955—1956 гг. КСИА АН УССР, 8, Киев, 1959; *его же.* Энеолитическое поселение и могильник у хутора Александрия. КСИА АН УССР, 9, Киев, 1960, стр. 10—20.

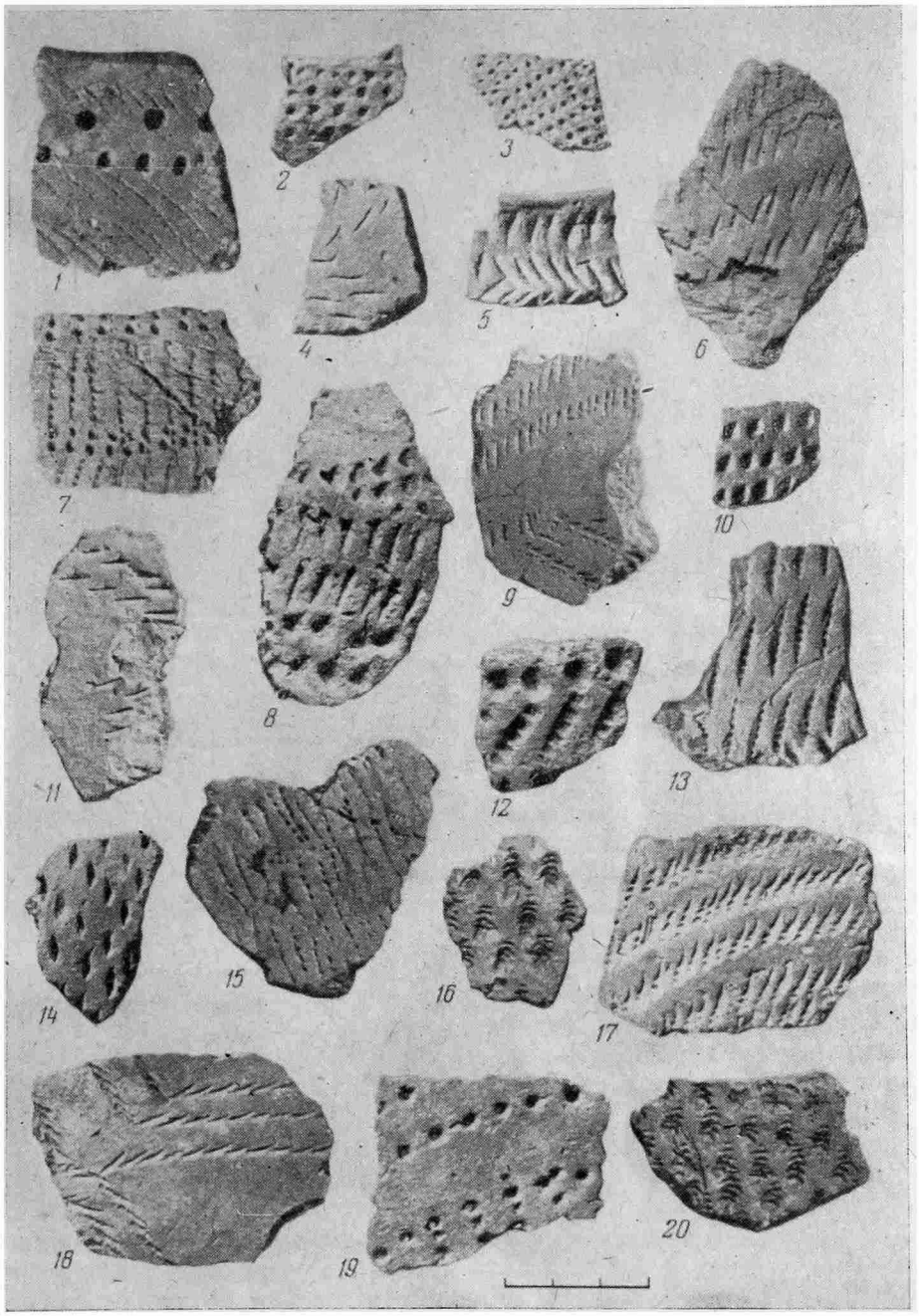


Рис. 1. Неолитическая керамика верхнеднепровской культуры *1, 6, 9, 13, 16* — Завалье; *2, 3, 10, 13* — Берково; *4, 5, 11* — Ельша; *7, 15* — Борок (в Могилевской области); *8* — Шугайлово; *12, 14* — Большая Карута; *17, 18, 20* — Веть IV

Керамика перечисленных выше памятников отличается сложностью формы и орнаментации, что не характерно для посуды со стоянок первой и второй групп. Если для последних свойственны кругло- и остродонные горшки с прямыми или отогнутыми наружу венчиками, то на стоянках третьей группы мы видим сосуды бомбовидной формы с S-видным венчиком и сильно выпуклыми боками, плоскодонную посуду с орнаментированным дном и четко выраженным венчиком, в ряде случаев встречены реберчатые горшки.

Керамика с поселений первой и второй групп орнаментировалась сравнительно простыми узорами, главным образом из оттисков гребенчатого

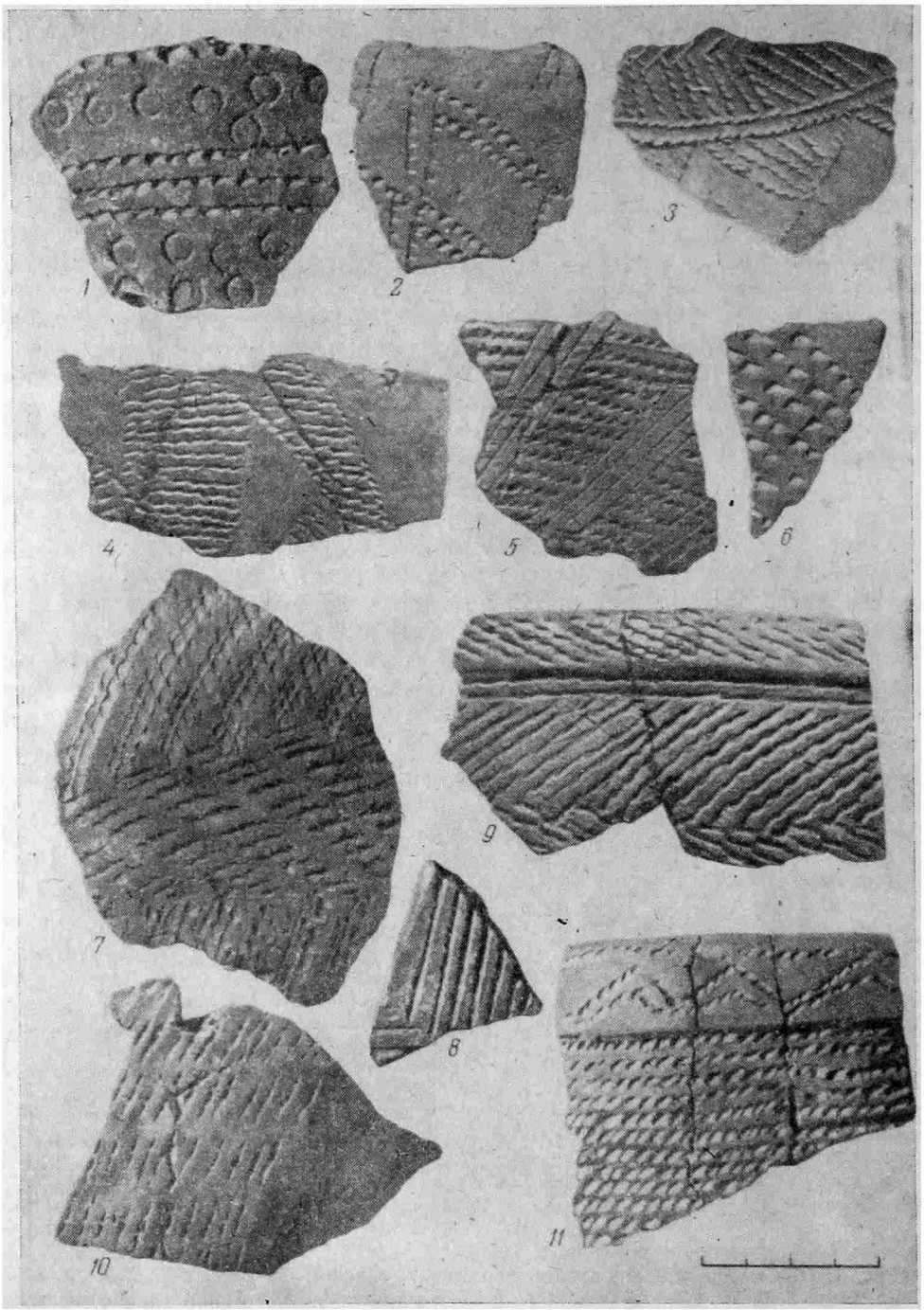


Рис. 2. Неолитическая керамика днепро-донецкой культуры *1—4, 6—11* — Никольский могильник II; *5* — Бузьки

штампа, нарезок и ямок. Среди них зигзагообразные линии, елочка, горизонтальные ряды из коротких отпечатков гребенки, ямок или нарезок, пояски, идущие вокруг сосуда, различные вдавления, расположенные в шахматном порядке. Более сложные узоры, состоящие из сочетаний перечисленных выше элементов орнамента, встречаются нечасто (рис. 1).

Узоры на керамике с памятников, отнесенных в данной статье к третьей группе (с нашей точки зрения, собственно днепро-донецких), значительно сложнее. Как правило, сосуды украшались сочетаниями различных узоров, выполненных разными элементами орнамента.

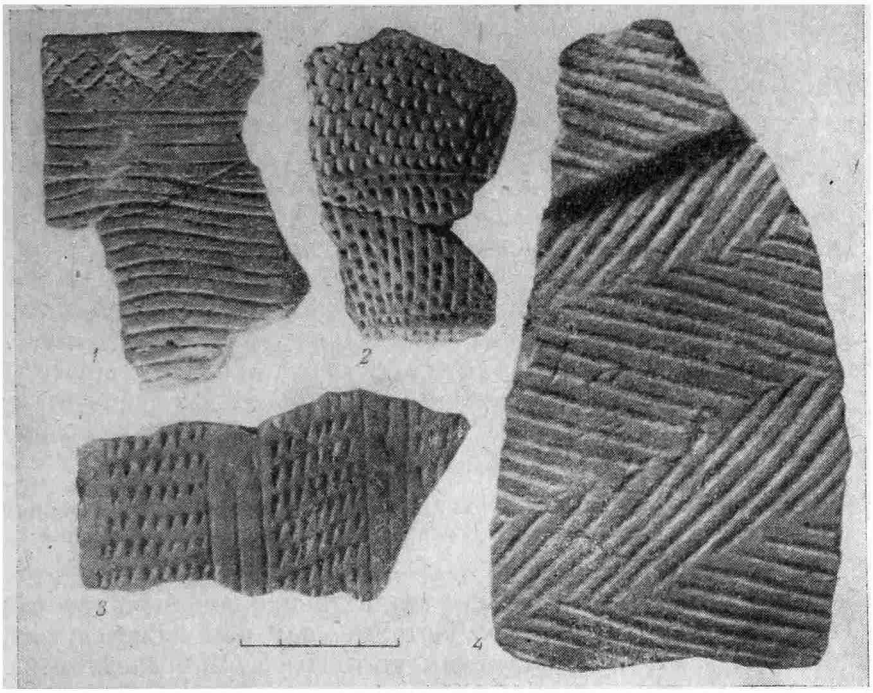


Рис. 3. Неолитическая керамика днепро-донецкой культуры *1—3* — Бузьки; *2*, *4* — Лысогорский могильник

Мы видим всевозможные сочетания горизонтальных, волнистых, наклонных и зигзагообразных полос, кружки в сочетании с линиями наколов, горизонтальные ряды перекрещивающихся нарезок, заштрихованных треугольников, зональный орнамент из наколов и прочерченных линий, ромбы и многое другое (рис. 2 и 3).

Необходимо отметить, что накольчатая керамика с поселений, отнесенных нами ко второй группе, и немногочисленные черепки с подобной орнаментацией с поселений Могилевской и севера Гомельской областей украшены чрезвычайно бедными в отличие от днепро-донецких узорами. Это, как правило, горизонтальные или наклонные ряды отступающей лопаточки (рис. 4).

Это обстоятельство имеет немаловажное значение, если мы предположим, что на территории Гомельской области и на севере Украины мы имеем зону контакта верхнеднепровских и днепро-донецких племен, причем последние не оказали серьезного влияния на своих северных соседей, передав им лишь один прием орнаментации глиняной посуды. А если это предположение верно, то нельзя объединять верхнеднепровскую и днепро-донецкую культуры. Больше того, представляется вероятным, что целый ряд поселений, отнесенных Д. Я. Телегиным ко второму (Каменка, Грини) и третьему (Пустынка-5, Пчелица, Коробки, Новоселки и др.) этапам днепро-донецкой культуры, по своим материалам ближе к таким памятникам, как Стрелица, Липовый Брод, Романовичи и другие стоянки верхнеднепровской культуры, в керамике которой мы видим лишь отдельные днепро-донецкие черты.

Немногие находки фрагментов плоских днищ на поселениях южной Белоруссии и на севере Украины также свидетельствуют лишь о влиянии днепро-донецких племен, поскольку основная форма неолитических сосудов и на Смоленщине, и в Белоруссии, и на упомянутых выше стоянках северной Украины сохранила свой самобытный облик, характерный для неолита лесной полосы.

Хотелось бы коснуться и еще одного вопроса, который, как нам кажется, подкрепляет высказанные выше соображения,— вопроса о принци-

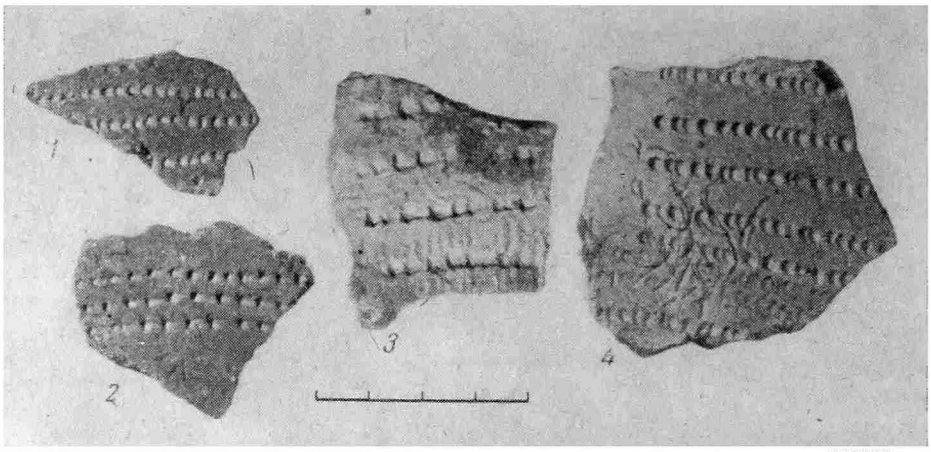


Рис. 4. Неолитическая керамика верхнеднепровской культуры, украшенная накольчатым орнаментом: *1* — Завалье; *2, 4* — Борок; *3* — Сосонка

пах выделения памятников третьего этапа днепро-донецкой культуры (по Д. Я. Телегину), тех памятников, которые, как нам кажется, затруднительно отождествлять с древностями этого типа. Как следует из работ Д. Я. Телегина, в основе предложенного им трехчленного хронологического деления днепро-донецкой культуры лежат данные стратиграфии и типологического анализа. Он писал: «В основе такого деления лежат, прежде всего, стратиграфические наблюдения (Игрень-8, Устье Оскола-2, хут. Тетеревский, Вильнянский могильник), а также данные типологического анализа вещественных остатков» [42]. Кроме того, им учитывалась топография памятников [43].

Однако наблюдения над топографией дают возможность выделить лишь первый и второй этапы днепро-донецкой культуры. Поселения третьего ее этапа находятся в тех же условиях, что и стоянки второго [44]. Материалы двухслойных поселений Игрень-8, Устье Оскола-2, хут. Тетеревский и Вильнянского могильника [45] также не дают возможности выделить третий этап днепро-донецкой культуры, так как не содержат его материалов.

Следовательно, для выделения третьего этапа днепро-донецкой культуры Д. Я. Телегиным был применен лишь типологический метод. Но выше мы пытались показать, что на основе типологического сопоставления керамических комплексов перечисленные в данной статье памятники ближе к верхнеднепровской культуре [46], а накольчатый орнамент на некоторых фрагментах керамики этих памятников свидетельствует лишь о существовании контактов верхнеднепровских и днепро-донецких племен.

Таким образом, мы приходим к выводу о возможности разграничения верхнеднепровских и днепро-донецких материалов и о том, что на Киевщине и Черниговщине в эпоху неолита бытовали памятники, близкие больше верхнеднепровским, хотя и испытавшим влияние днепро-донецкого неолита. Это обстоятельство и послужило причиной возникновения некоторых общих черт на памятниках изучаемого региона. Аналогичные явления происходили и в других районах Европейской части СССР — в по-

---

[42] *Д. Я. Телегин.* История племен днепро-донецкой культуры..., стр. 13.

[43] *Д. Я. Телегін.* Дніпро-донецька культура, стр. 21 сл.

[44] Там же, стр. 24 (табл. 1) и стр. 26 (рис. 4).

[45] Там же, стр. 10, 11 (рис. 1), стр. 37 сл.; *А. В. Добровольский.* Восьма Ігреньска стоянка. АП, II, Київ, 1948; *Д. Я. Телегин.* Раскопки неолитических стоянок в устье р. Оскола. МИА, 79, 1960, стр. 176—187.

[46] Ср.: *Д. Я. Телегін.* Дніпро-донецька культура, стр. 115, рис. 44, *1—14*; *его же.* Поселення..., стр. 50, рис. 4, *1—16* и рис. 1, *1—20* настоящей статьи.

речье Оки, где волго-окские племена испытали на себе влияние днепро-донецкой культуры [47], на средней Волге, где такое же влияние степное население оказало на аборигенов, и т. д. [48].

В заключение заметим, что во всех случаях влияние днепро-донецкой культуры сказывалось лишь в южных районах лесной полосы, т. е. днепро-донецкое население, расширяя свою территорию, не проникало далеко в глубь лесных массивов. Так, если мы наблюдаем следы контактов днепро-донецких племен и аборигенов на средней Волге, то их нет в бассейне Вятки [49], их нет и к северу от Волго-Окского междуречья [50]. То же можно сказать и о верхнеднепровской культуре (см. таблицу). Наиболее заметное влияние днепро-донецкие племена оказали на южные районы распространения этой культуры; севернее, в Могилевской области, они прослеживаются крайне незначительно и практически сходят на нет в пределах Смоленщины [51].

V. P. Tretiakov

LE NEOLOTHIQUE DANS LE BASSIN DU HAUT-DNIEPR ET SES RAPPORTS AVEC LA CULTURE DE LA REGION DNIEPR-DON

Résumé

L'analyse des matériaux du néolithique dans le bassin du Haut-Dniepr permet d'indiquer trois de ses aspects: un dans la région de Smolensk; l'autre dans celle de Moghilev; le dernier, au nord et au sud de la région de Gomel. Dans l'ensemble, ces antiquités sont très proches des matériaux de la même époque provenant des établissements situés le long du cours moyen du Dniepr, entre Kiev et la frontière de la Biélorussie et de l'Ukraine, ce qui permet de les grouper en une seule culture archéologique, celle du Haut-Dniepr, et sur le plan ethnologique et culturel de les détacher du néolithique de la région Dniepr-Don.

---

[47] *В. П. Третьяков.* О юго-западных связях рязанского неолита. СА, 1964, 4, стр. 18—24.

[48] *В. П. Третьяков.* Ранненеолитические памятники Среднего Поволжья. КСИА АН СССР, 131, 1972.

[49] *В. П. Денисов.* Новые археологические памятники на р. Вятке. СА, 1958, 3.

[50] *М. Е. Фосс.* Древнейшая история севера европейской части СССР, стр. 30 сл.

[51] *В. П. Третьяков.* Древности в бассейне р. Катыни.

В. И. САРИАНИДИ

СТЕПНЫЕ ПЛЕМЕНА ЭПОХИ БРОНЗЫ В МАРГИАНЕ

Раскопки оседлоземледельческих памятников эпохи поздней бронзы в Южном Туркменистане установили, что среди гончарной высококачественной посуды встречается в небольшом количестве лепная, с нарезным орнаментом керамика, более характерная для степных культур андроновского круга. В результате была выдвинута гипотеза о проникновении скотоводческих племен в традиционно земледельческие оазисы [1], которая, однако, в последнее время была поставлена под сомнение [2]. Поскольку взаимоотношение степных и земледельческих племен Средней Азии далеко выходит за пределы чисто археологических проблем и, наоборот, многие авторы связывают с этим процесс расселения арийских племен [3], есть все основания для пересмотра этого узлового вопроса на новом археологическом материале. Поэтому, когда в 1972 г. небольшой отряд Института археологии АН СССР возобновил разведочные работы в древней дельте р. Мургаб, проблеме соотношения лепной степной керамики и гончарной, оседлоземледельческой, было уделено особое внимание. В результате обследования уже известных поселений, таких, как Аучин и Тахирбай 3, на них была собрана дополнительная коллекция керамики степного круга. Кроме того, удалось открыть ранее неизвестные земледельческие памятники, с поверхности которых собрана небольшая коллекция лепной орнаментированной посуды, и, что особенно интересно, в непосредственной близости от них были выявлены развеянные стоянки с материалом, типичным для степных культур.

Прежде чем перейти к конкретной характеристике этой посуды, отметим, что вся она лепная, глина содержит большую примесь измельченной керамики, обжиг неровный черепок в изломе темный, отдельные фрагменты несут следы более качественного обжига, и тогда черепок имеет розоватый оттенок. В массе своей исследуемая коллекция представлена фрагментами, и можно лишь предполагать, что это были горшковидные сосуды с плоским дном, округлым туловом и слабо профилированным, почти всегда отогнутым венчиком. Орнамент (нарезной, нацарапанный, вдавленный) обычно располагается под самым венчиком и широким фризом охватывает весь корпус сосуда. Как правило, фрагменты покрыты ангобом (чаще всего нанесенным до орнаментации самого сосуда) светлых тонов. После этих замечаний перейдем к описанию самой керамики.

---

[1] Историю вопроса см. *Е. Е. Кузьмина.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы Средней Азии. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964, стр. 141—158.

[2] *И. Н. Хлопин.* Проблема происхождения культуры степной бронзы, КСИА АН СССР, 122, 1970, стр. 54—58; *Л. И. Хлопина.* Кухонная керамика времени Намазга VI. КСИА АН СССР, 132, 1972, стр. 59—64; *L. I. Hlopina.* Southern Turkmenia in the Late Bronze Age, East and West. Roma, 1972, vol. 22, 3—4, p. 212—213.

[3] Подробнее см. *Э. А. Грантовский.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, стр. 48—54.

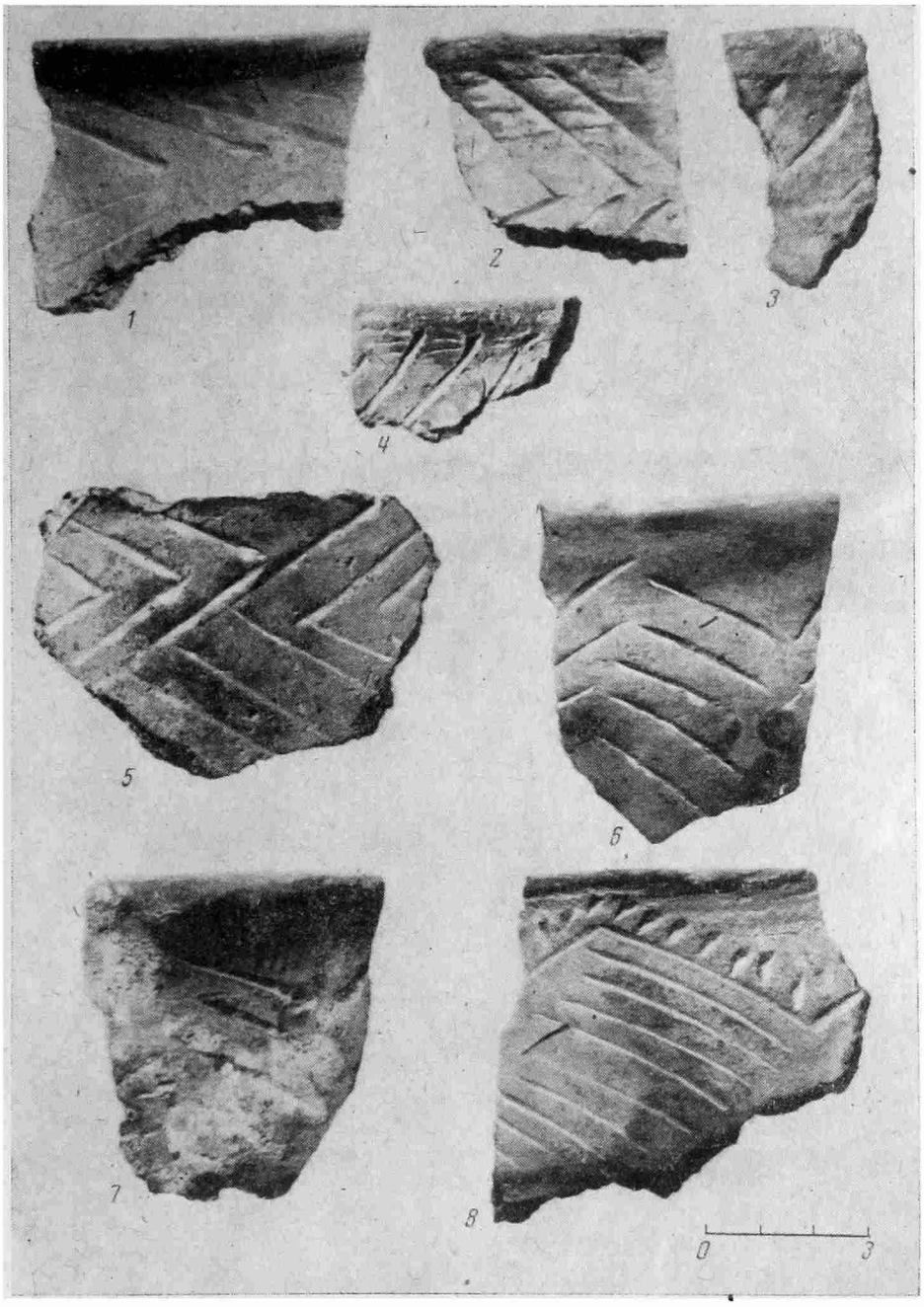


Рис. 1. Керамика с поселения Аучин 1

Памятник Аучин 1 состоит из крепости и примыкающего поселения, где уже ранее среди основной массы гончарной посуды были обнаружены фрагменты лепной орнаментированной керамики[4]. В 1972 г. здесь были собраны новые образцы подобной же посуды, украшенной нарезным елочным орнаментом (рис. 1, *1—7*), а также рисунками из заштрихованных треугольников (рис. 1, *8*), причем контуры треугольников подчеркнуты глубокими насечками.

Аучин 11 расположен в 1,5 *км* к востоку от Аучин 1 и представляет собой размытое пятно, усыпанное мелкой крошкой от лепной керамики. По всей видимости, это остатки развеянной стоянки, принадлежащей к

[4] *В. М. Массон.* Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, табл. XI.

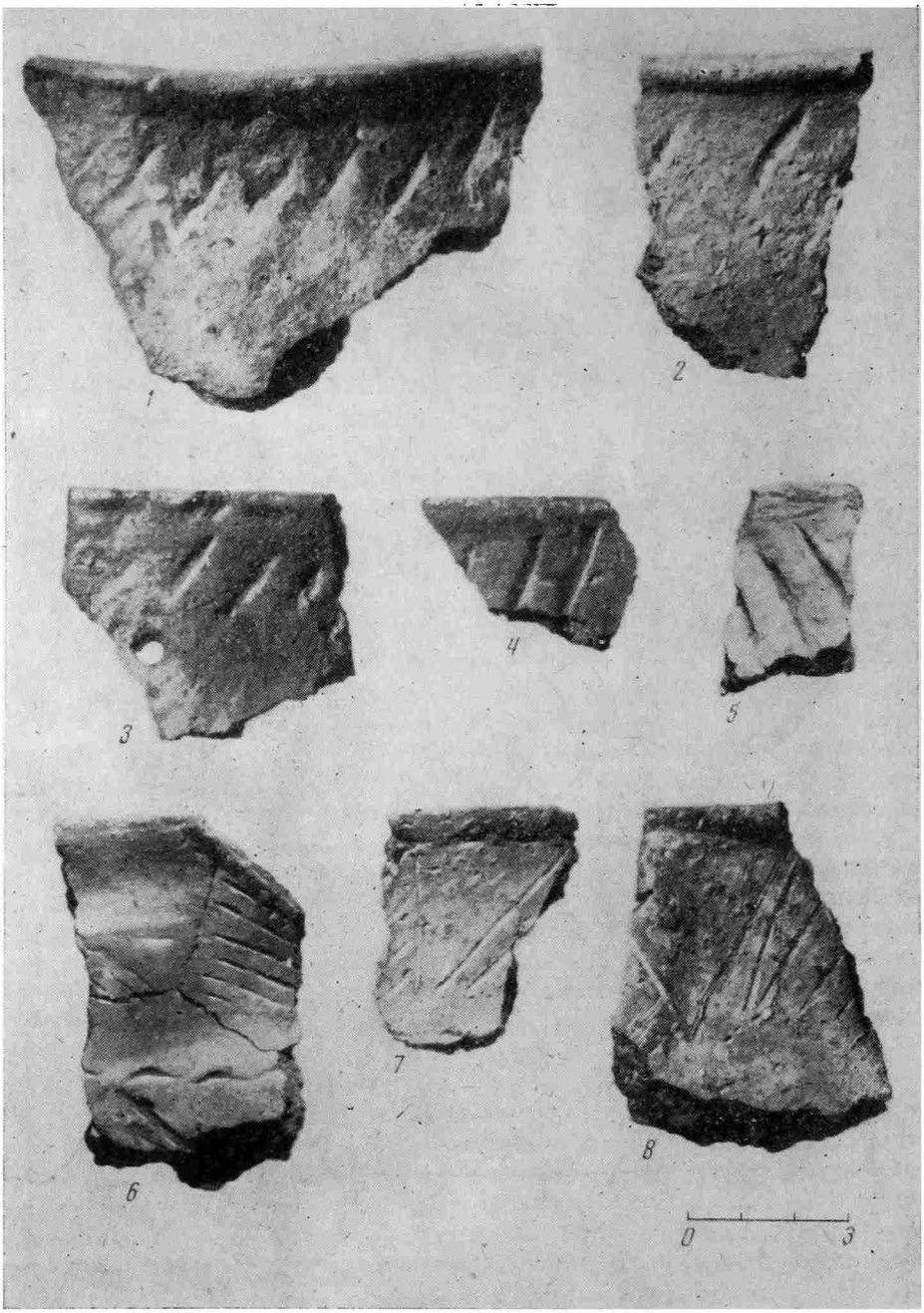


Рис. 2. Керамика с поселения Аучин 11

культуре степной бронзы. Со всей площади былой стоянки удалось собрать лишь около 20 фрагментов, дающих представление о формах и орнаментации керамики (рис. 2, 3). Имеются обломки сосудов с рисунками в виде косых насечек (рис. 2, *1—5*) и заштрихованных внутри рядов треугольников (рис. 2, *6—8*; 3, *7, 9, 10*). Выделяется один фрагмент с уступом, украшенным в свою очередь мелкими треугольными вдавлениями (рис. 2, *6*), и другой, также с уступом и двумя рядами треугольников (рис. 3, *10*). Достаточно широко представлены обломки сосудов, орнаментированные елочными рисунками (рис. 3, *1—6*).

Поселение Аучин 12 представляет собой остатки небольшого оседло-земледельческого памятника, расположенного в 500 *м* от Аучин 11 и сильно разрушенного процессами дефляции. Культурный слой почти полностью

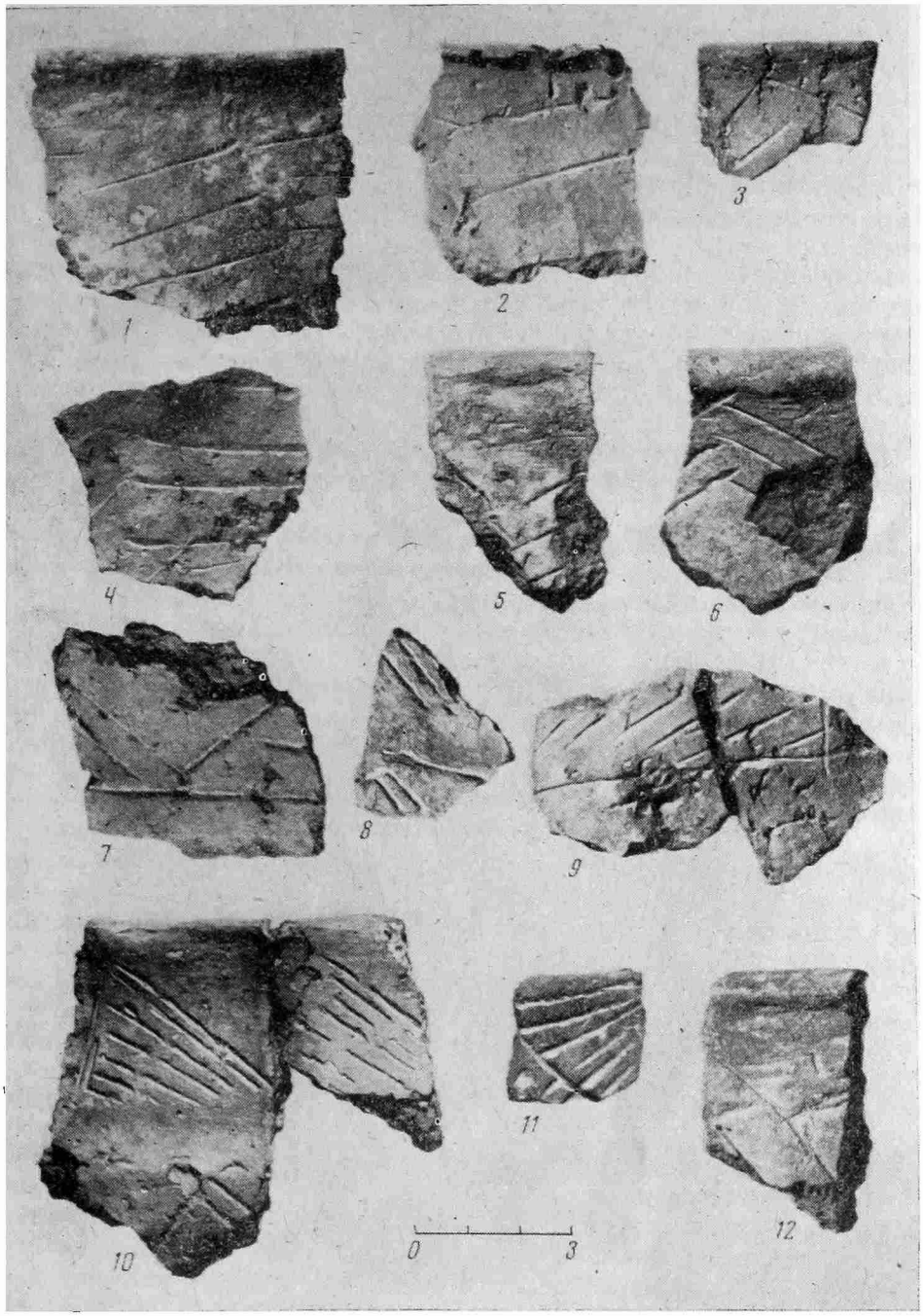


Рис. 3. Керамика с поселений Аучин 11 и 12

развеян, на поверхности среди основной массы гончарной керамики отмечены единичные фрагменты лепных горшков, на одном из которых сохранился нарезной орнамент (рис. 3, *12*).

Аучин 16 — стоянка с развеянным культурным слоем, расположена в 2 *км* к западу от Аучин 1, за первой грядой барханов, так что большая ее часть засыпана песком. В подъемном материале — сильно фрагментированная лепная керамика. Найдено лишь четыре обломка с орнаментом (рис. 4, *1—4*). Это елочный орнамент (рис. 4, *3*), заштрихованные внутри треугольники (рис. 4, *1*, *4*), причем на одном таком фрагменте рисунки треугольников по контуру украшены вдавленными «ресничками» (рис. 4, *1*).

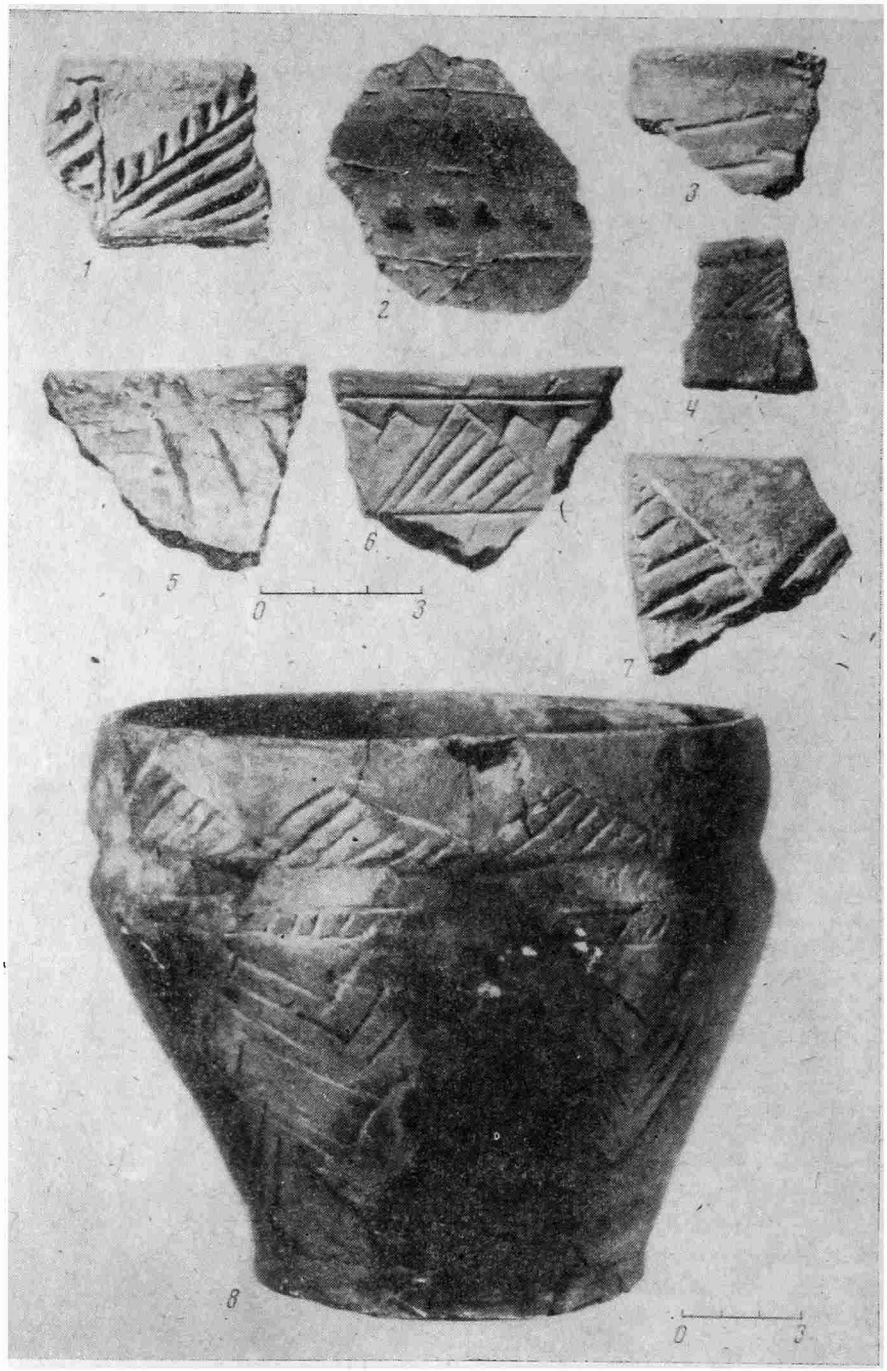


Рис. 4. Керамика с поселений Тахирбай 3 и 15

Имеется обломок сосуда с уступом и вдавленным орнаментом (рис. 4, *2*). Таковы образцы лепной орнаментированной посуды, обнаруженные в аучинском оазисе.

Небольшая коллекция подобной же посуды найдена и в тахирбаевской группе памятников. Так, дообследование поселения Тахирбай 3 выявило несколько таких фрагментов (рис. 4, *5—8*), среди которых имеются экземпляры с рисунками из рядов заштрихованных треугольников, подчеркнутых вдавленными «уголками» (рис. 4, *6*). Но бесспорно особого интереса заслуживает археологически целый сосуд, найденный на раскопе, на глубине 30—35 *см* от дневной поверхности (рис. 4, *8*). В противоположность

всем известным образцам этот сосуд имеет скорее баночную форму, чем горшковидную, прямо поставленный бортик слегка загнут внутрь, что также представляет большую редкость. Бортик украшен фризом из заштрихованных треугольников, ниже которого идет уступ, подчеркнутый узкой лентой с насечками. Остальная часть тулова до самого дна опоясана елочным орнаментом.

Тахирбай 13 — слабо выраженное в рельефе поселение, поверхность которого покрыта мелкими обломками керамики. Обращает внимание изобилие лепной посуды, в том числе расписной, типа Яз I, в меньшей мере отмечена гончарная керамика «ахеменидского» облика. Таким образом, этот памятник принадлежит иному культурному кругу, чем упомянутые выше, и в этом плане обнаружение здесь лепной нарезной керамики представляет особый интерес (рис. 5, *4*, *5*). К сожалению, орнаментированная посуда представлена лишь двумя фрагментами, орнамент на них аналогичен описанному выше. Кажется, впервые керамика степного круга найдена совместно с лепной расписной, относящейся к VII—VI вв. до н. э., что может указывать на наиболее поздний период существования этого типа керамики.

Поселение Тахирбай 14 расположено в непосредственной близости от Тахирбай 3. Это крупный оседлоземледельческий памятник, большая часть которого засыпана надувным песком. В массе основной гончарной керамики встречены единичные лепные фрагменты (рис. 5, *6—8*), из которых выделяется один обломок с зубчатым орнаментом и уступом (рис. 5, *6*). И наконец, на Тахирбай 16, (Гонур-депе), укрепленном городке, являвшимся столичным центром всего оазиса, среди основной массы гончарной посуды также встречены единичные обломки лепной орнаментированной керамики (рис. 4, *1—4*). Выделяются рисунки заштрихованных прямоугольников с «ресничками» (рис. 4, *1*), а также часть стенки с уступом и нацарапанным и вдавленным орнаментом (рис. 4, *2*).

Материалы, которыми мы располагаем, имеют принципиально важное значение в нескольких отношениях. Становится несомненным, что в Маргиане лепная с нарезным орнаментом керамика, встреченная на оседлоземледельческих памятниках, не является местной продукцией, а напротив, принадлежит степным культурам андроновского круга. Вряд ли есть необходимость конкретизации ее точной культурной принадлежности, в целом она ближе всего соответствует алакульскому этапу или, точнее, тазабагъябскому варианту андроновской культуры.

Расположение в непосредственной близости оседлоземледельческих памятников и стоянок культур степной бронзы, от раннего (аучинского) до позднего (тахирбаевского) периодов, указывает на вполне мирный и длительный характер сосуществования этих племен. Судя по новым обширным археологических материалам [5], в целом аналогичная картина наблюдается и в подгорной полосе Южного Туркменистана, так что внешне эффектную гипотезу о драматических событиях, связанных якобы с военным вторжением степных племен в традиционно земледельческие центры, следует признать ошибочной и не отвечающей характеру прямых археологических фактов. Действительно, в эпоху поздней бронзы степные, преимущественно скотоводческие племена двигаются в южном направлении и здесь вступают в контакты с местными оседлоземледельческими обитателями подгорной полосы Копет-Дага. Одним из таких контактов, очевидно, была обменная торговля, зафиксированная, с одной стороны, отмеченной выше лепной посудой на оседлоземледельческих памятниках, а с другой —

---

[5] *К. Кацурис.* Раскопки на Елькен-депе в Южной Туркмении. АО—1966, М., 1967, стр. 336; *В. И. Сарианиди, К. А. Кацурис.* Раскопки на Улуг-депе. АО—1967, М., 1968, стр. 342—344; *А. Я. Щетенко.* Раскопки Теккем-депе и Намазга-депе. АО—1971, М., 1972, стр. 529—530; *А. Я. Щетенко.* Раскопки Теккем-депе. АО—1972, М., 1973, стр. 485; *И. Н. Хлопин.* Раскопки на Намазга-депе. АО—1967, М., 1968, стр. 350.

наличием высококачественной, явно импортной, гончарной керамики на тазабагъябских поселениях далекого Хорезма [6].

Все более широкие раскопки соответствующих памятников показывают, что «степная» посуда появляется на самых поздних этапах комплекса Намазга VI. Так, на Теккем-депе она встречена на глубине до 0,8 *м* от дневной поверхности и полностью отсутствует в многометровых нижележащих наслоениях [7]. Важно отметить, что, по данным новых раскопок, общая толща культурных слоев периода Намазга VI составляет не 7 *м*, как это считалось раньше, а 4,5 *м* для Намазга-депе [8] и около 2 *м* на Улуг-депе [9]. Если учесть имеющиеся радиоуглеродные даты комплекса Намазга VI (для Улуг-депе 1330±95 до н. э; для «Вышки» Намазга-депе 1030±60 до н. э.) [10], то станет очевидным, что время существования его относится к XIII—X вв. и не ранее, причем отмеченные контакты со степными культурами скорее всего падают на последнее столетие. В этой связи отметим, что археологический комплекс Намазга VI выделяется достаточно широким распространением сероглиняной (в меньшей степени краснофонной) лощеной посудой и простым нацарапанным орнаментом. Приведенные наблюдения важны в связи с выдвинутой гипотезой о наличии «степной» керамики на памятниках Северного Афганистана [11], в связи с расселением ираноязычных племен из среднеазиатских степей. Следует отметить что пока, несмотря на специальные поиски, такие материалы здесь нам неизвестны, и хотя лепные, но неорнаментированные сосуды отмечены на многих памятниках эпохи бронзы (рис. 6), они полностью копируют местную гончарную керамику и не могут связываться с посудой андроновского круга. Как кажется, выдвинутой гипотезе противоречат и соответствующие хронологические рамки: почти все известные южнобактрийские памятники эпохи бронзы не содержат гончарной керамики с нацарапанным орнаментом, которая, как было показано выше, предшествует появлению лепной посуды степного типа в Южном Туркменистане. Теоретически можно допустить проникновение степных племен на левобережье Амударьи (где в песках открыты стоянки каменного века), однако и в таком, чисто гипотетическом, случае их дальнейшая история протекала, минуя земледельческие оазисы коренной Бактрии.

Суммируя все сказанное, можно считать твердо установленным факт распространения степных племен в южном направлении, вплоть до их контактов с традиционно земледельческими центрами юго-запада Средней Азии. Взаимоотношения земледельческих и степных племен носили в целом мирный характер, вплоть до обменной торговли. В заключение следует остановиться на лингвистической принадлежности племен андроновской общности. Не доказано, что андроновские племена были ираноязычными, но эта теория широко распространена и опирается на факт преемственности срубно-андроновских племен с саками, савроматами и скифами, ираноязычность которых не вызывает сомнений. Более того, высказана гипотеза об иранизации срубных и андроновских племен со стороны степных племен Приаралья [12]. Совершенно ясно, что вопрос этот, впредь до обнаружения каких-либо письменных свидетельств, будет оставаться дискус-

---

[6] *М. А. Итина.* Из истории населения степной полосы среднеазиатского междуречья в эпоху бронзы. КСИА АН СССР, 122, 1970, стр. 51.

[7] *А. Я. Щетенко.* Раскопки Теккем-депе и Намазга-депе..., стр. 530.

[8] *Он же.* Раскопки «Вышки» Намазга-депе. Сб. «Успехи Среднеазиатской археологии». 1. Л., 1972, стр. 53.

[9] *В. И. Сарианиди.* Продолжение работ на Улуг-депе. АО—1968, М., 1969, стр. 434.

[10] *Е. Н. Романова, А. А. Семенцов, В. И. Тимофеев.* Радиоуглеродные даты образцов из Средней Азии и Казахстана лаборатории ЛОИА АН СССР. Сб. «Успехи среднеазиатской археологии». 2, Л., 1972, стр. 59—60.

[11] *Е. Е. Кузьмина.* К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии. ВДИ, 1971, 1, стр. 135.

[12] Сб. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.— Л., 1966, стр. 232.

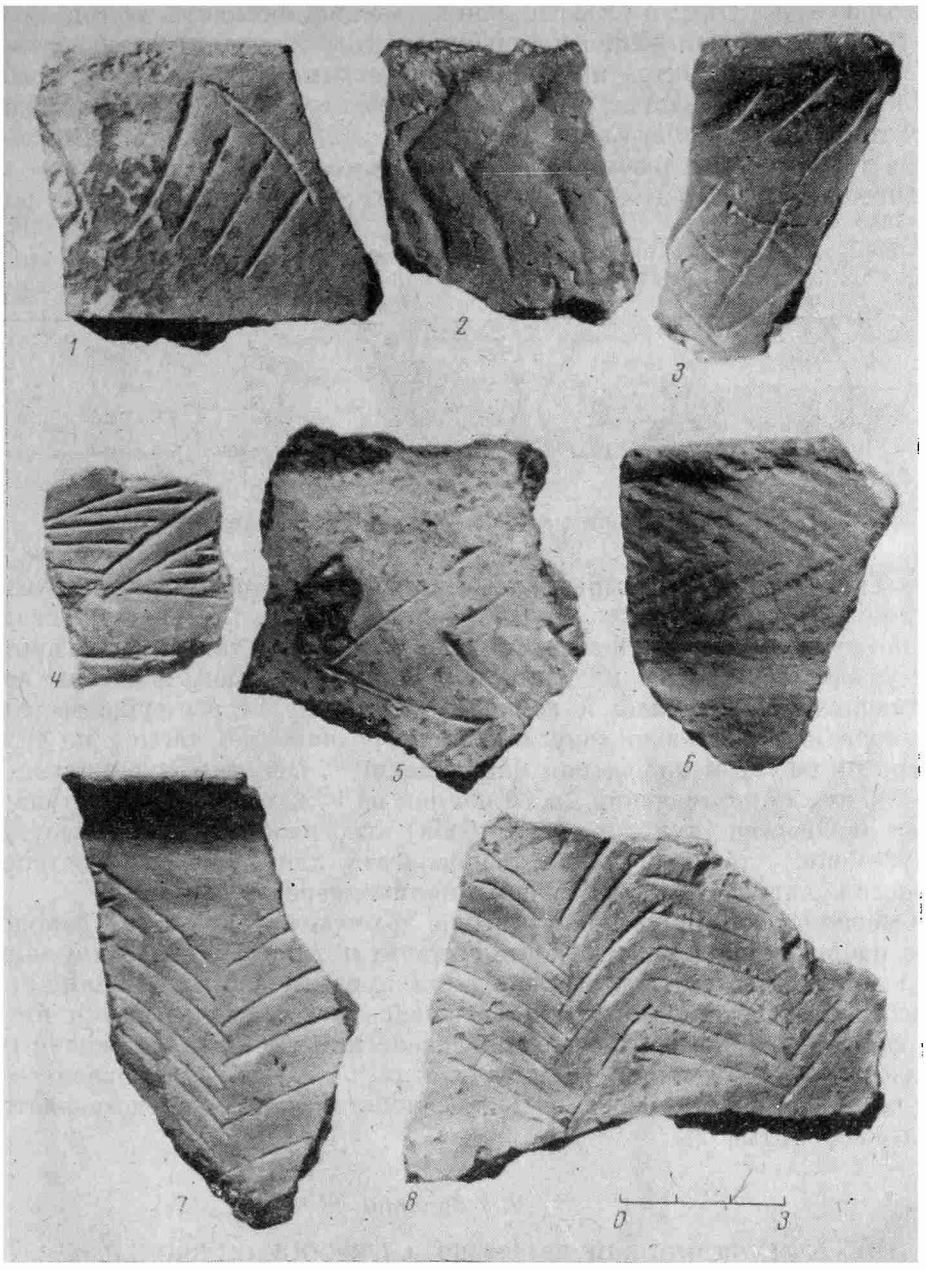


Рис. 5. Керамика с поселений Аучин 1, Тахирбай 13 и 15

сионным, что дает право выдвинуть иное предположение. В литературе высказано мнение о широком и, по-видимому, неоднократном расселении племен из иранского Хорасана в пределы Северного Афганистана и южных областей Средней Азии, что может ретроспективно отражать распространение восточноиранских языков в этом направлении[13]. Если дальнейшие исследования подтвердят ираноязычную принадлежность оседлоземледельческих племен Средней Азии эпохи поздней бронзы и в частности населения Маргианы, то не исключен и иной аспект в решении

[13] *В. И. Сарианиди.* Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане. КСИА АН СССР, 132, 1972, стр. 16—22; *его же.* Восточнохорасанская культура расписной керамики Афганистана. КСИА АН СССР, 136, 1973, стр. 17—22.

этой проблемы. Иными словами, вопрос можно поставить так: не происходил ли процесс иранизации по языку степных культур в результате отмеченных выше контактов их с земледельческими племенами, происхождение которых связывается с районами Древнего Ирана. И возможно, не случайно в могильнике Кокча 3 отмечены представители двух расовых типов, в том числе средиземноморского, характерного для населения земледельческого юга [14]. В этой связи особого интереса заслуживают могильники

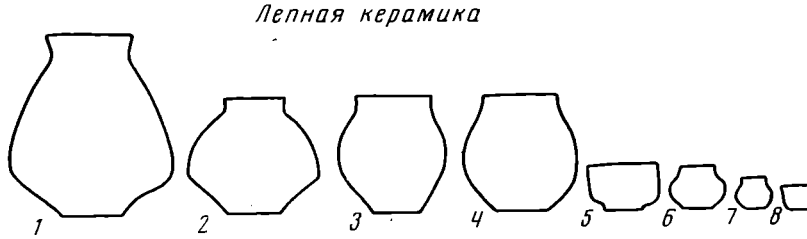


Рис. 6. Формы лепной керамики из Южной Бактрии

типа Тигровая Балка, погребальный инвентарь которых сочетает как традиционно земледельческие, так и степные элементы. Имеются сведения, что погребенные преимущественно относятся опять-таки к средиземноморскому антропологическому типу. По-видимому, правы все-таки авторы, считающие, что степные и земледельческие культуры существовали не изолированно [15], и даже допускающие передвижение племен не только с севера на юг, но и в обратном направлении [16]. Отметим, что южные влияния вплоть до переселения части племен из Южного Туркменистана в низовья Зеравшана (культура заман-баба) относятся еще к предшествующему времени [17], так что можно предполагать длительный и постепенный процесс культурных контактов и племенных передвижений.

Очевидно, что приведенные выше археологические и антропологические наблюдения дают основание выдвинуть гипотезу об ассимиляции по антропологическому типу и иранизации по языку части населения степной бронзы, непосредственно соприкасавшейся с земледельческими племенами, где средиземноморский антропологический тип являлся основным, начиная по крайней мере с IV тысячелетия до н. э. Проникновение восточноиранских племен в середине II тысячелетия до н. э. представляется наиболее вероятным [18].

V. I. Sarianidi

LES TRIBUS DE LA STEPPE A L'EPOQUE DU BRONZE EN MARGHIANE

Résumé

Il a été établi à la suite de nouvelles campagnes de fouilles que dans l'ancien delta de la Marghiane coexistaient côte à côte des établissements agricoles sédentaires ainsi que des stations de tribus nomades d'Andronovo-Tazabaghiab. La preuve en sont des

[14] *Т. А. Трофимова.* Черепа из могильника тазабагъябской культуры Кокча 3. Материалы Хорезмской экспедиции. М., 1961, 5.

[15] *В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова.* Палеоантропология Средней Азии. М., 1972, стр. 98.

[16] Сб. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.— Л., 1966, стр. 232.

[17] *А. Аскаров.* Поселение Заман-Баба. КСИА АН СССР, 93, 1963; *Л. В. Ошанин, В. И. Зезенкова.* Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953.

[18] В 1974 г. в Гонурском оазисе найдена новая стоянка андроновского круга, а также фрагменты лепной орнаментированной керамики на оседлоземледельческих поселениях.

découvertes isolées de céramique moulée avec un ornement incisé sur des monuments d'agriculteurs sédentaires des oasis d'Aoutchim et de Takhirbaev. La pénétration des tribus de pasteurs est évidente en direction du sud, où elles entrent en relations tout à fait pacifiques avec la population locale. Il y a tout lieu de supposer que la même chose s'est produite dans le reste du Turkménistan méridional. Il faut donc rejeter l'ancienne théorie selon laquelle des évènements tragiques auraient résulté d'une invasion armée des tribus de la steppe dans les centres agricoles par tradition. Actuellement il n'y a aucune preuve archéologique directe en faveur de la vieille conception. Au contraire, l'ensemble des faits existants indique des relations parfaitement pacifiques dans cette vaste zone de contact.

И. Л. КЫЗЛАСОВ

ПОМИНАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ТАШТЫКСКОЙ ЭПОХИ

Ранний железный век Хакасско-Минусинской котловины изучен сравнительно хорошо. Данные о таштыкской эпохе (I в. до н. э.— V в. н. э.) систематизированы и обобщены С. В. Киселевым и Л. Р. Кызласовым [1]. Однако в последние годы выявлен еще один вид памятников этого времени. Исследователям давно были известны ряды плит, вертикально вкопанных в землю на некотором расстоянии друг от друга. В прошлом веке их обследовали на Уйбатском чаа-тасе и возле улуса Кокова И. Р. Аспелин и Д. А. Клеменц [2]. В качестве принадлежности таштыкских могильников ряды вертикальных камней впервые отмечены в классификации С. А. Теплоухова [3]. Вывод основывался на их обычной территориальной связи.

С. В. Киселев подтвердил эти наблюдения (Уйбатский чаа-тас, Уйбат II, Ильинская гора на р. Тубе, окрестности с. Тесь), добавив стратиграфические обоснования [4].

Данные о всех рядах вертикальных камней, известных к середине 50-х годов, суммировал Л. Р. Кызласов. Им же были открыты и описаны подобные ряды стел на Изыхском, Верх-Аскизском, Све-тагском, Койбальском, Подзаплотском чаа-тасах, а также возле могильников у ул. Кызласова (р. М. Есь); в долинах рек Уйбат, Бейка, Бюрь и Белый Июс; отмечена одна оставшаяся от ряда плита на Сырском чаа-тасе [5].

Исследователи суммарно считали такие плиты принадлежностью грунтовых могильников и занимались прежде всего памятниками, наиболее важными для воссоздания общего хода исторического процесса на Среднем Енисее.

Раскопки рядов вертикальных камней начались лишь в конце 60-х годов, но и тогда еще не преследовались цели специального их изучения. Лишь по окончании работ Э. Б. Вадецкой на увале Мысок и М. П. Грязнова в пункте Тепсей III в 1968 г. несколько стел, включенных в широкие раскопы, были отнесены к хорошо известным исследователям рядам плит таштыкских могильников. Тогда стало понятным и назначение двух плит, раскопанных за год до этого у дер. Новая Черная. Но выявленные рас-

---

[1] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951; *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960.

[2] *H. Appelgren-Kivalo.* Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, Abb. 158—160; *И. Толстой и Н. Кондаков.* Русские древности в памятниках искусства, вып. 3. СПб., 1890, рис. 34, стр. 33; «Отчет о раскопках чаа-таса в Качинской степи в 1889 и 1890 гг. Д. А. Клеменцем». Архив ЛОИА, ф. 1, д. № 23, 1888.

[3] *С. А. Теплоухов.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ, т. IV, 2. Л., 1929, стр. 50.

[4] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири..., стр. 400, 415, 468; *его же.* Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. «Ежегодник государственного музея имени Н. М. Мартьянова», т. VI, 2. Минусинск, 1929, стр. 14, 15.

[5] *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха..., стр. 11; *его же.* Хакасская археологическая экспедиция 1958 г. Уч. зап. Хак. НИИЯЛИ, VIII. Абакан, 1960, стр. 165, 166; *его же.* Хакасская археологическая экспедиция 1959 г. Уч. зап. Хак. НИИЯЛИ, IX. Абакан, 1963; *его же.* Сырский чаа-тас. СА, XXIV, 1955, стр. 255, рис. 1.

копками жертвенные комплексы первоначально не связывались авторами работ в единое целое с обнаруженными камнями рядов [6].

В 1970 г. началось целенаправленное изучение этих памятников (раскопки М. П. Грязнова в пункте Тепсей IV на правом берегу Енисея и Л. Р. Кызласова на Койбальском чаа-тасе в долине р. Ут — правом притоке р. Абакан) [7]. В 1971 г. Э. Б. Вадецкой изучался ряд плит у с. Тесь [8]. В заметке, посвященной раскопкам 1967—1968 гг., Э. Б. Вадецкая постаралась привлечь внимание археологов к этому типу таштыкских памятников. После краткого историографического обзора ею было дано описание комплексов и поставлены некоторые вопросы [9]. В 1971 г. в одной из своих статей М. П. Грязнов упомянул об инвентаре поминальника, раскопанного им на Тепсее III [10]. Таким образом, интересующий нас вид памятников все еще мало известен в литературе.

Таштыкские жертвенно-поминальные комплексы изучены раскопками в восьми пунктах (рис. 1). Три из них расположены на правом берегу Енисея (Тепсей III и IV, Тесь) и пять — на левом берегу Енисея и на р. Абакан (Новая Черная, Мысок, Койбальский чаа-тас, Оглахты VI, Красный Яр) [11]. Попытаемся проанализировать доступные нам материалы этого нового источника по истории племен раннего железного века Хакасско-Минусинской котловины.

В расположении рядов каменных плит по отношению к границам таштыкских могильников нет определенной закономерности (таблица). Их обычно не бывает на грунтовых могильниках (Оглахты VI; ст. Ербинская; близ г. Кезек-таг на р. Бейке и в других местах) [12]. Иногда подобные стелы располагаются на ровном месте, где следов могильников вообще заметить не удается [13]. Объяснение этому будет дано ниже. О размерах таких рядов трудно говорить определенно. Не все камни сохранились. Без обширных раскопок нельзя установить истинного первоначального числа плит и протяженности рядов. Раскопы закладывались пока только вокруг камней, заметных на поверхности, и поэтому не охватывали всей площади комплексов.

Степень сложности памятников различна (таблица). На могильниках чаще всего отмечен один ряд вертикально вкопанных плит. Но иногда таких рядов бывает два. На Верх-Аскизском чаа-тасе их три, а на Койбальском, вероятно, четыре (относятся к трем склепам). Раскоп «А» на Тепсее III захватил три, а в раскоп «Б» Тепсея III попало пять рядов вертикальных плит [14].

---

[6] *Э. Б. Вадецкая.* Поминальные камни таштыкских могильников. КСИА АН СССР, 128, 1971, стр. 34; см. также: *Э. Б. Вадецкая.* Работы Таштыкского отряда. АО—1968. М., 1969, стр. 185; *М. П. Грязнов, М. Н. Комарова.* Раскопки у горы Тепсей на Енисее. АО—1968, М., 1969, стр. 177, 178; *Э. Б. Вадецкая.* Раскопки на месте дер. Новая Черная. АО—1967, М., 1968, стр. 181, 182; *М. П. Грязнов.* Миниатюры таштыкской культуры. АСб. ГЭ, 13, 1971, стр. 94.

[7] *М. П. Грязнов.* Комплекс таштыкских погребальных памятников у горы Тепсей. АО—1970, М., 1971, стр. 202, 203; *Л. Р. Кызласов.* Двадцатый год работы Хакасской экспедиции. АО—1970. М., 1971, стр. 218.

[8] *Э. Б. Вадецкая, Г. А. Максименков, В. Е. Чижов.* Начало работ Тубинской экспедиции. АО—1971. М., 1972, стр. 276.

[9] *Э. Б. Вадецкая.* Поминальные камни таштыкских могильников...

[10] *М. П. Грязнов.* Миниатюры таштыкской культуры, стр. 96.

[11] Ввиду неопределенности материалы раскопок на Красном Яру нами не использованы (*Э. Б. Вадецкая.* Раскопки под горой Оглахты на р. Енисее. АО—1972, М., 1973, стр. 201).

[12] Наблюдения Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1971—1973 гг.

[13] *Л. Р. Кызласов.* Хакасская археологическая экспедиция 1958 г., стр. 166; *его же.* Таштыкская эпоха..., стр. 157; *Э. Б. Вадецкая.* Поминальные камни..., стр. 36; близ могильника Койбалы II.

[14] *С. В. Киселев.* Древняя история..., стр. 400; *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха..., стр. 11; *его же.* Хакасская археологическая экспедиция в 1958 г., стр. 165, 166; *его же.* Хакасская археологическая экспедиция 1959 г.; *Э. Б. Вадецкая.* Поминальные камни..., стр. 34; *М. П. Грязнов.* Отчет Карасукского отряда Красноярской археологической экспедиции за 1968 г., стр. 31, 44; архив ИА, д. 3922.

Ряды енисейского левобережья тяготеют к меридиональной ориентировке (таблица). Особенно хорошо видна закономерность в положении составляющих их плит, узкие грани которых почти всегда направлены на восток и запад. У памятников, расположенных на правом берегу Енисея, такой четкости нет ни в ориентировке рядов, ни в положении плит [15]. Возможно, наметившиеся различия случайны и объясняются малочисленностью известных правобережных памятников.

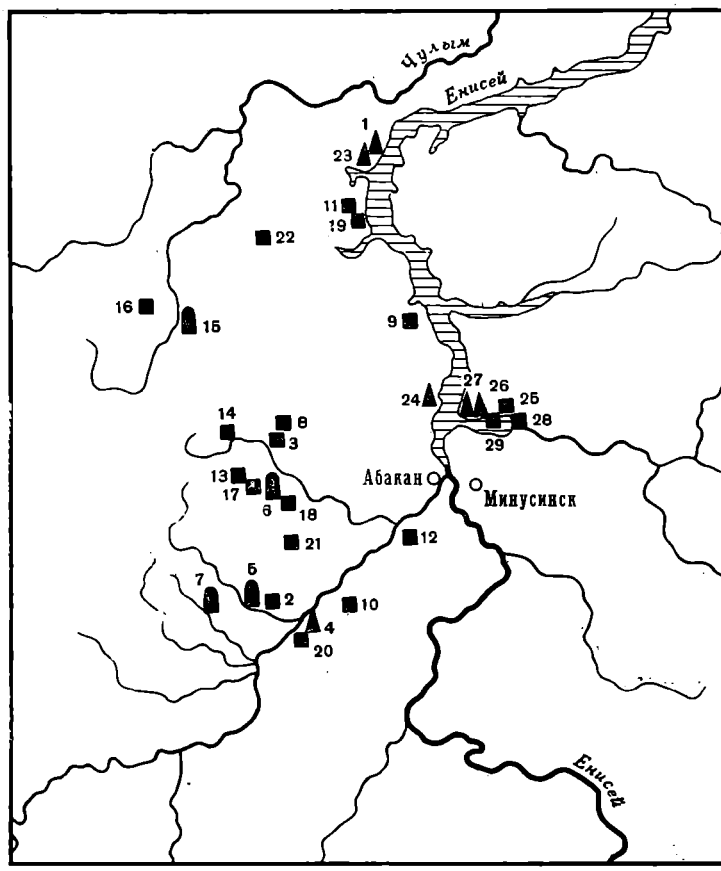


Рис. 1. Поминальные памятники таштыкской эпохи, схема (в 1 *см* 20 *км*).
Условные обозначения: треугольник — раскопанные, квадрат — нераскопанные, высокая фигура — ряды высоких плит, цифра — номер памятника по таблице

Раскопки дают новый материал, необходимый для правильного понимания назначения, определения времени сооружения и культурной принадлежности таштыкских рядов.

На Койбальском чаа-тасе к востоку от 12 стел (девять из них были на поверхности) в раскопе обнаружено восемь ям. Каждая из них располагалась против узкой грани одной из плит (рис. 2). Ямы были удалены от плит на 0,22—0,55 *м*. В пяти ямах находились каменные ящики. Их размеры: № 1 — 0,7×0,5 при глубине 0,39 *м* от погребенного дерна; № 4 — 0,5×0,4×0,3; № 5 — 0,42×0,28×0,6; № 6 — 0,5×0,75×0,45; № 7 — 0,48×0,3×0,4 *м* (размеры ям, не имевших ящиков: № 2 — 0,8×0,7×0,75; № 3 — 0,7×0,6×0,6; № 8 — 0,65×0,5×0,79 *м*). Все ямы и ящики были

[15] *С. В. Киселев.* Древняя история..., стр. 400, 414; *Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев.* Чаа-тас у села Копёны. Тр. ГИМ, XI. М., 1940, стр. 27; *С. А. Теплоухов.* Ук. соч., стр. 50; *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха..., стр. 11; *его же.* Хакасская археологическая экспедиция 1958 года, стр. 165, 166; *Э. Б. Вадецкая.* Ук. соч., стр. 34.

Расположение рядов

№№ по схеме	Местоположение	Окраина могильника	Ориентировка ряда	Ориентировка плит	Число плит в ряду	Примечание
		Левый берег Енисея				
1	Увал Мысок	ЮВ	С—Ю	З—В	—	—
2	Све-тагский чаа-тас	В	С—Ю	З—В	—	—
3	Усть-Бюрь	—	С—Ю	З—В	11	—
4	Койбальский чаа-тас					
		СЗ	ССЗ—ЮЮВ	ЗЗЮ—ВВС	9	—
		СЗ	С—Ю	З—В	2	—
		На могильнике	ССВ—ЮЮЗ	З—В	2 и 3	2 ряда (11 *м*)
5	В.— Аскизский чаа-тас	ЮЗ	ССВ—ЮЮЗ	З—В	3 и 5	2 ряда
		В	ССВ—ЮЮЗ	З—В	43	70 *м*, изваяния; за склепами
6	Уйбатский чаа-тас	ЮВ	ССВ—ЮЮЗ	З—В	34	Изваяния
7	ул. Кызласов	ЮЮЗ	ССВ—ЮЮЗ	З—В	18	120 *м*, изваяние
8	р. Бюрь	ЮЮЗ	ССВ—ЮЮЗ	З—В	12	25 *м*
9	Копенский чаа-тас	ЮЗ	ССЗ—ЮЮВ	—	5	Изваяние
10	Куйбышевский чаа-тас	ЮЗ	СЗ—ЮВ	ЗЗЮ—ВВС	16	40 *м*, 2 ряда?
11	«Копи»	СВ	ССВ—ЮЮЗ	—	8	—
12	Изыхский чаа-тас	ЮЗ	СВ—ЮЗ	З—В	4	—
13	г. Улуг-таг, р. Бейка	—	СЗ—ЮВ	З—В	—	—
14	р. Уйбат	—	СЗ—ЮВ	—	—	—
15	г. Оспа, р. Б. Июс	ЮЗ	СЗ—ЮВ	—	54	80 *м*, 2 ряда
16	Подзаплотский чаа-тас	ЮВ	—	—	—	2 ряда
17	Бейка I	—	—	—	—	2 ряда
18	Уйбат II	В	—	—	—	—
19	С. Батени	СВ	З—В	С—Ю	6	—
20	Койбалы II	Не на могильнике	СВ—ЮЗ	ЗЗС—ВВЮ	5	25 *м*
21	Сырский чаа-тас	З	С—Ю(?)	З—В	1	Переиспользованы
22	ул. Коков	—	—	—	30	—
23	д. Н. Черная	—	—	—	—	—
24	Красный Яр	—	—	—	—	—
		Правый берег Енисея				
25	г. Ильинская	С	З—В	С—Ю	12	—
26	Тепсей III	ЮЗ	СЗ—ЮВ	ЮЗ—СВ	—	—
27	Тепсей IV	ЮЗ	СЗ—ЮВ	ЮЗ—СВ	—	—
28	с. Тесь (1928 г.)	ЮЗ	С—Ю	З—В	5	—
29	с. Тесь (1972 г.)	—	—	—	—	—

покрыты плитками (рис. 3 и 4). Ящик 5 заложен сверху обломками скалы до глубины 0,3 *м* [16].

Сходную картину дали раскопки на Тепсее III и IV. Здесь ямы располагались напротив узких северо-восточных граней плит. Каменные ящики обнаружены раскопками в поминальниках у с. Тесь, на увале Мысок [17], а также при осмотре Л. Р. Кызласовым ряда плит у горы Улуг-Таг на р. Бейке. Во всех подобных ямах или ящиках найдены остатки мясной и жидкой пищи (рис. 2—6). Жертвоприношения оставлялись изредка просто на почве с восточной стороны плит (скопления костей животных обнаружены возле стел VI, VII и VIII Койбальского чаа-таса, перед которыми ям не оказалось — рис. 2).

[16] *Л. Р. Кызласов.* Двадцатый год..., стр. 218.

[17] *М. П. Грязнов.* Комплекс..., стр. 203 (на Тепсее III к 32 стелам относятся 30 ям); *Э. Б. Вадецкая.* Поминальные камни..., стр. 34; *Э. Б. Вадецкая, Г. А. Максименков, В. Е. Чижов.* Ук. соч., стр. 277.

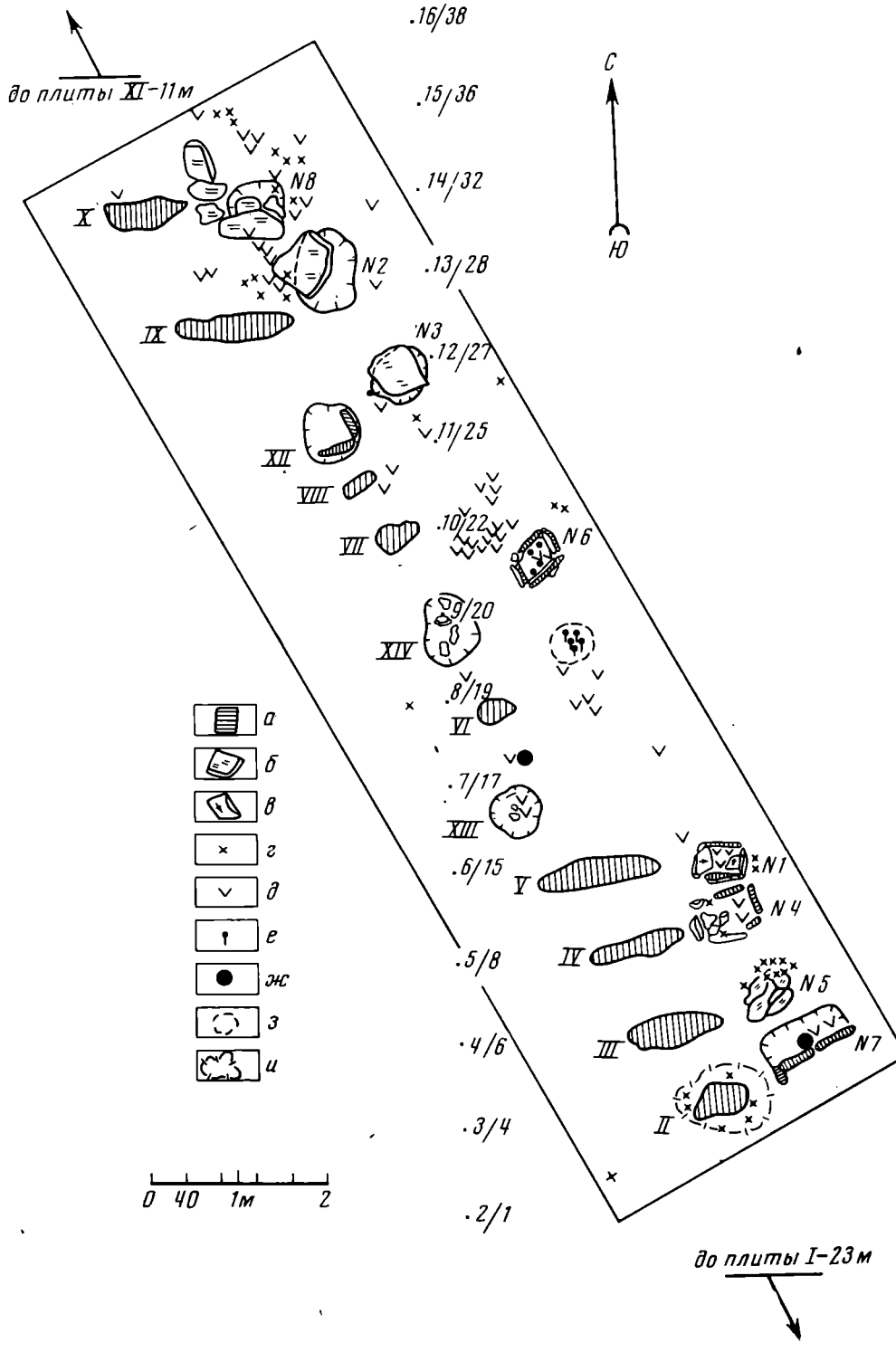


Рис. 2. Жертвенно-поминальный ряд Койбальского чаа-таса: *а* — стоящая плита, *б* — горизонтальная плита, *в* — наклон плиты, *г* — обломки сосудов, *д* — кости животных, *е* — кальцинированные кости животных, *ж* — разные находки, *з* — зола, *и* — граница разброса обломков сосудов в первом слое

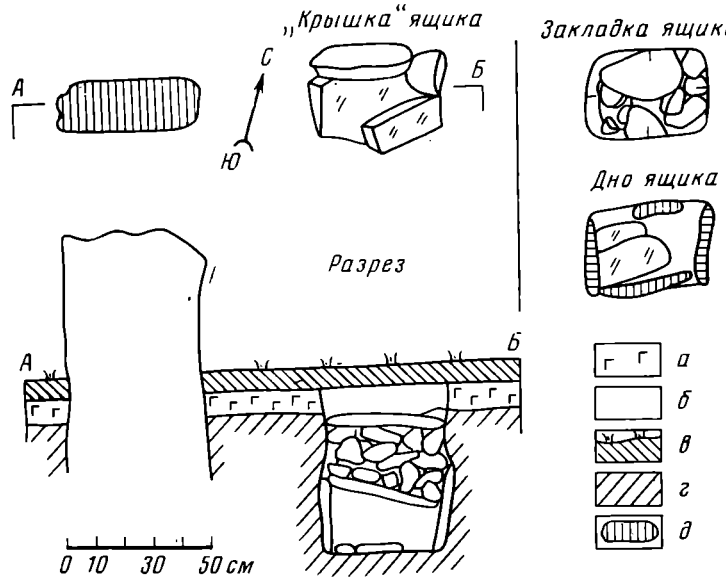


Рис. 3. Койбальский чаа-тас. Стела III, ящик 5 *а* — погребенный дерн, *б* — супесь, *в* — дерн, *г* — материк, *д* — стоящие камни

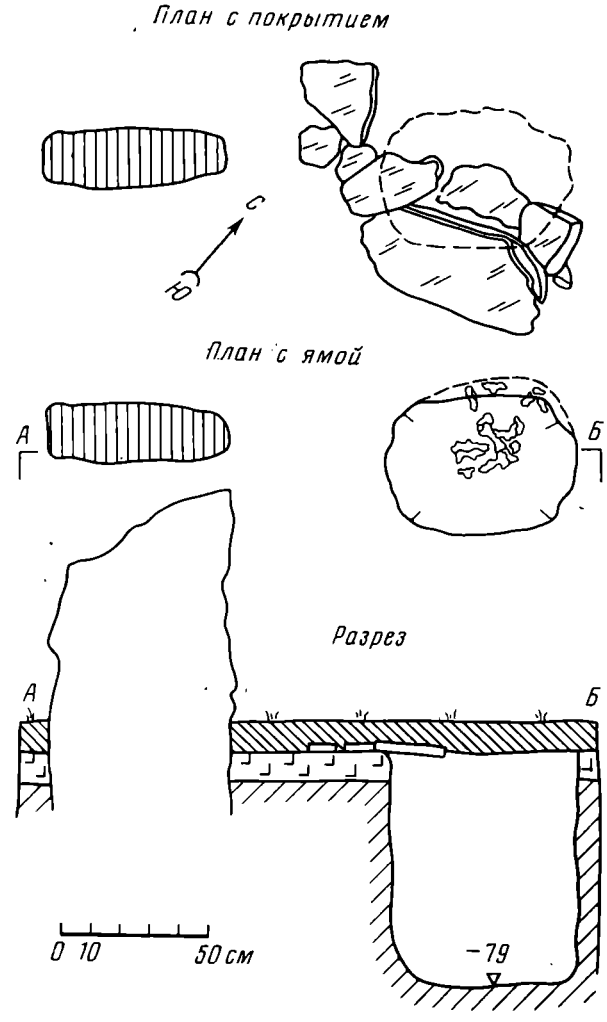


Рис. 4. Койбальский чаа-тас. Стела X, яма 8

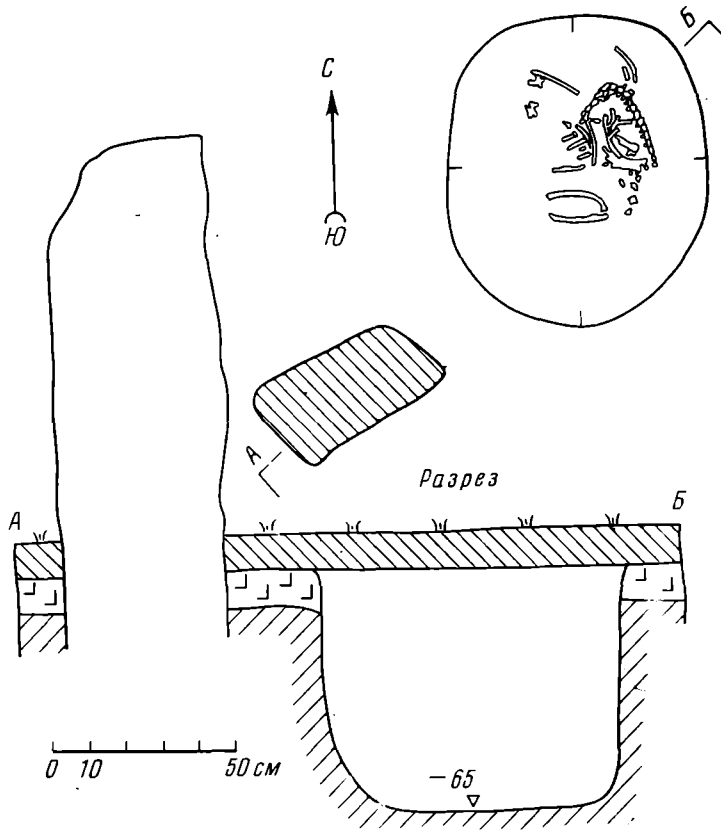


Рис. 7. Койбальский чаа-тас. Туесок из ящика 6

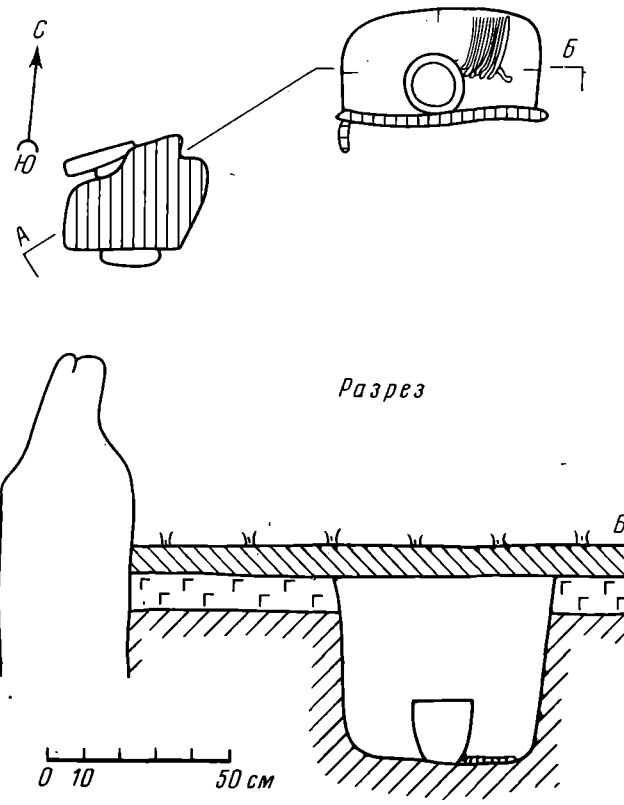


Рис. 6. Койбальский чаа-тас. Стела II, ящик 7

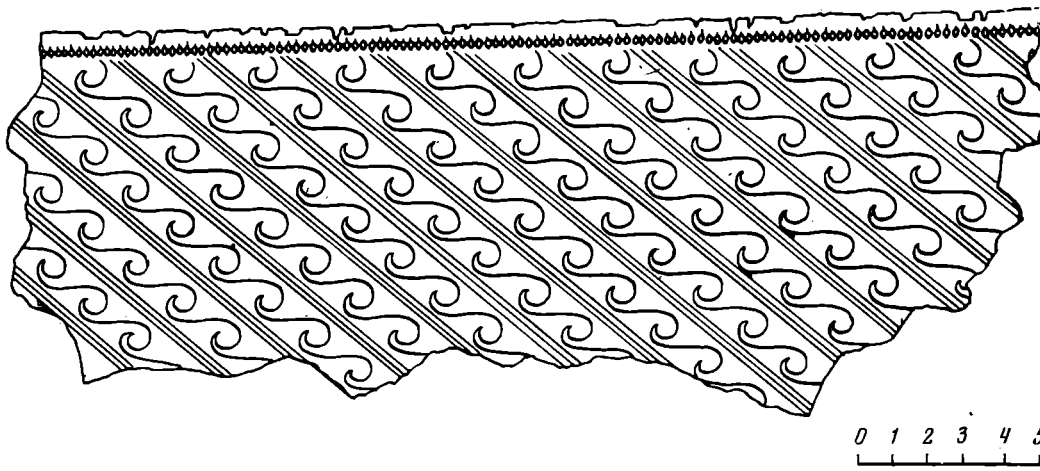


Рис. 7. Койбальский чаа-тас. Туесок из ящика 6

Кости, найденные в ямах перед плитами Койбальского чаа-таса, принадлежали преимущественно особям мелкого рогатого скота. Обычны находки костей таза и позвоночника, ребер и лопаток, реже — костей ног. Видимо, в яму клали лучшие куски грудинки и задней части туши. В яме 2 найден почти полный скелет овцы, лежавший на боку (рис. 5). Однажды обнаружены кости передней части туши крупного рогатого скота (яма 8). В ящике 6 найдены остатки таза, ног и ребра лошади, но здесь же лежали и кости овцы. О жидкой пище, находившейся в ямах, свидетельствуют найденные там сосуды. Глиняные горшки оказались в двух ящиках 6 и 7 (рис. 6). Возможно, в другие ямы была положена только мясная пища или совершались возлияния. Жидкости могли ставить и в сосудах из недолговечного дерева и бересты. В ящике 6 найдены остатки берестяного туеска [18] (рис. 7). Аналогично содержимое жертвенных ям, раскопанных близ горы Тепсей. Кроме костей животных и горшков в четырех ямах здесь оказались железные скобки. Некогда они стягивали лопнувшие стенки старых деревянных сосудов [19] (скорее всего блюд для мяса). Находки на увале Мысок, у д. Н. Черная, у с. Тесь подтверждают такой же состав жертвенной пищи [20].

В ямах у плит везде нет вещей. Лишь в ящике 6 Койбальского чаа-таса оказался обломок узкой железной окислившейся пластины с остатками дерева на одном конце. Скорее всего это также скрепка от сгнившего деревянного сосуда [21]. Содержимое ям (иногда с каменными ящиками) позволяет сделать вывод об их жертвенном назначении. Приношение в каждой жертвенной яме совершалось лишь однажды.

На Койбальском чаа-тасе кости животных встречены не только в жертвенных ямах, но и под дерном возле стел. Здесь оказались обломки челюстей, зубы, пяточные и таранные кости, плюсны, обломки ребер, позвонки, таз и лопатки. Все это кости овцы, коровы и лошади. Отметим, что в самих ямах находки костей конечностей и черепов очень редки [22]. Вне ям найдены и куски лепных таштыкских сосудов. Интересна находка на го-

---

[18] *Л. Р. Кызласов.* Двадцатый год..., стр. 218.

[19] *М. П. Грязнов.* Раскопки у горы Тепсей на Енисее, стр. 177—179; *его же.* Миниатюры..., стр. 94, 96, рис. 1, *1, 2, 4, 5*; *Э. Б. Вадецкая.* Поминальные камни..., рис. 7; *М. П. Грязнов.* Комплекс..., стр. 203.

[20] *Э. Б. Вадецкая.* Работы таштыкского отряда, стр. 185; *ее же.* Поминальные камни..., стр. 34, рис. 6; *Э. Б. Вадецкая, Г. А. Максименков, В. Е. Чижов.* Начало работ Тубинской экспедиции, стр. 277.

[21] *Л. Р. Кызласов.* Двадцатый год..., стр. 218.

[22] У горы Тепсей выявлена та же закономерность.

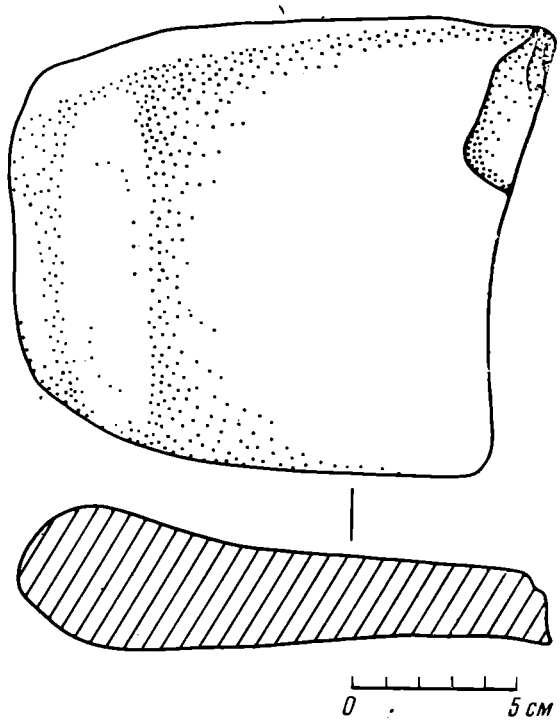


Рис. 8. Койбальский чаа-тас. Обломок зернотерки

ризонте между плитами VI и XIII обломка куранта таштыкской зернотерки (рис. 8) [23].

Посуда, найденная в ямах всех ныне известных рядов, принадлежит к типам, характерным только для таштыкской эпохи. Этим окончательно устанавливается культурная принадлежность памятников. На Койбальском чаа-тасе найдены три лепных горшка. Обжиг неравномерный, поверхность пятнистая (серая с красновато-коричневыми или черными пятнами). Черепки в изломе черные. Тесто — с примесью песка или мелкого гравия. Два сосуда могут быть отнесены к баночным типам — I и II [24]. Оба они под венчиком украшены штампованным узором: одним круглоямочным пояском или двумя полулунными (рис. 9, *1—2*).

Баночные сосуды с подобными орнаментами бытуют на протяжении всей эпохи. Но венчик одной из банок имеет еще и насечки по краю. По Л. Р. Кызласову, это признак посуды только раннего изыхского этапа [25]. Третий сосуд похож на небольшую кринку. Он украшен двумя поясками узора, образованными тремя полосками резного линейного и двумя рядами штампованного подромбического орнамента (рис. 9, *3*). Ближайшая аналогия этому сосуду — горшок из грунтовой могилы 1 Изыхского чаа-таса [26]. Отдельные обломки посуды, найденные вне ям, не могут помочь при определении датировки комплекса. Можно лишь отметить еще один фрагмент венчика раннего сосуда, который имеет насечки по краю. Все указанные признаки относятся к раннеташтыкской посуде. Это позволяет заключить, что изучаемый ряд вертикальных плит Койбальского чаа-таса относится к изыхскому этапу (I в. до н. э.— I в. н. э.).

[23] *Л. Р. Кызласов.* Ук. соч., стр. 218. У стелы II обнаружены в одном месте обломки «кыргызской» вазы, относящиеся уже ко времени чаа-таса (VI—IX вв.).

[24] Для характеристики форм сосудов и орнаментов использована классификация Л. Р. Кызласова (см. *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха...).

[25] Там же, стр. 66, 73.

[26] Там же, рис. 25, *1*.

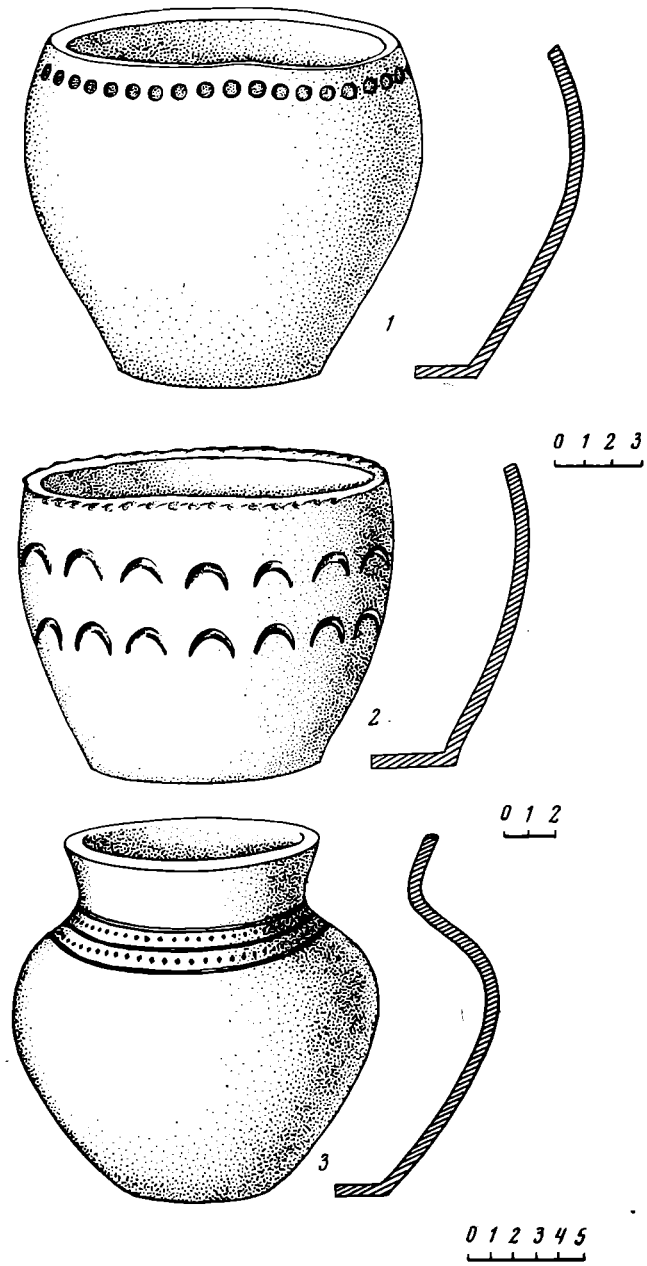


Рис. 9. Сосуды из жертвенных ям Койбальского чаа-таса (*1, 3* — из ящика 6; *2* — из ящика 7)

Склепы — единственный известный вид таштыкских погребальных памятников Койбальского могильника. Очевидно, ряды плит связаны с ними. Не случайно стелы стоят здесь к юго-западу и западу от склепов, т. е. перед их входами.

В ямах возле рядов плит Тепсея III найдено 44 сосуда [27], представляющих семь типов таштыкской посуды: баночный II (18 экз.), баночный I (10 экз.), подвесной I (9 экз.), бочонковидный I (4 экз.), горшковидный II (1 экз.), сферический (1 экз.), кувшины (1 экз.). Большинство сосудов этих типов бытует длительное время (исключая лишь поздний камешковский этап). То же подтверждает и орнаментация сосудов. Употребление

[27] Выражаю глубокую благодарность М. П. Грязнову за любезно предоставленную мне возможность ознакомиться с коллекцией из его раскопок, хранящейся в Гос. Эрмитаже.

прямоугольного штампа на некоторых из них сужает границы датировки до двух ранних этапов эпохи.

Определенные временные рамки указывают три последних типа сосудов. Кувшины с округлым плечиком и налепным носиком, а также сосуды типа горшковидный II встречаются, начиная со II этапа. А сферические горшки известны лишь для I этапа [28]. Эти три сосуда происходят из разных рядов вертикальных плит раскопа Б. Сферический сосуд датирует ряд IV, в котором он найден, изыхским этапом (I в. до н. э.— I в. н. э.). Ряды I и II, судя по горшковидному сосуду и кувшину, должны относиться к I—II вв. н. э. Не противоречат этим датам и все остальные сосуды. Следовательно, ряды вертикальных плит Тепсея III сооружались не одновременно. Раньше всех, вероятно, был построен V ряд, затем IV, а еще позднее соответственно ряды III, II и I раскопа Б. Сооружение рядов шло в направлении с юго-запада на северо-восток. Ряды, включенные в раскоп А, и жертвенный комплекс, разрушенный могилами периода древнехакасского государства (названный «поминки»), расположенные к северо-востоку от раскопа Б, должны относиться к сырскому этапу. Последовательность сооружения рядов подтверждают и наблюдения над горизонтальной стратиграфией раскопа А. Ямы ряда II находятся в створе с плитами ряда I, а часть ям ряда III — с плитами ряда II. Такое «наползание» рядов друг на друга легко объяснимо их хронологическим различием.

На Тепсее III известны и склепы, и грунтовые могилы. Поскольку все последние содержат лишь детские погребения, они, по-видимому, относятся к одному из склепов и одновременны ему. В склепе 1 Тепсея III найдены бронзовые пряжки типов 1 и 2 и железная гнутая пряжка с неподвижным шпеньком [29]. Аналогичные пряжки известны лишь на I этапе, а тип 1 встречается и в начале сырского этапа [30]. В склепе найден и костяной наконечник стрелы, подобный известным наконечникам I этапа [31]. О ранней дате свидетельствует близость этого экземпляра к некоторым тагарским типам [32].

Бронзовые пластины-амулеты в виде двух конских головок (особенно удлиненные) также относятся к изыхскому времени [33]. Этой дате не противоречит и найденная в склепе посуда [34]. Находка здесь деревянного бочонка, совершенно аналогичного обнаруженному в Оглахтинском могильнике, хорошо подтверждает указанную дату [35]. Уточнить ее позволяют стратиграфические наблюдения. Один из углов каменной крепиды склепа 1 перекрывает грунтовую могилу [36], вероятно, изыхского этапа. Если это так, то скорее всего склеп был построен в начале I в. н. э. Все эти наблюдения позволяют нам не согласиться с более поздней датировкой склепа 1, предложенной М. П. Грязновым (III—V вв. н. э.) [37].

---

[28] *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха..., стр. 45, 49, 67, 118.

[29] ГЭ—2616/18; ГЭ—2616; ГЭ—2616/24.

[30] *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха..., стр. 36, 38, табл. IV, рис. 60, стр. 125.

[31] ГЭ—2616/25; *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха..., стр. 87.

[32] *С. В. Киселев.* Древняя история..., табл. XXVI, рис. 18, 22, 24.

[33] *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха..., рис. 32, стр. 89, 90.

[34] ГЭ — № 170—177.

[35] *С. В. Киселев.* Древняя история..., стр. 406; *М. П. Грязнов.* Отчет Красноярской археологической экспедиции за 1968 г.

[36] *М. П. Грязнов.* Отчет Красноярской археологической экспедиции за 1968 г., стр. 64, 65.

[37] *М. П. Грязнов, М. Н. Комарова.* Раскопки у горы Тепсей на Енисее. АО—1968, М., 1969, стр. 179; *М. П. Грязнов.* Миниатюры..., стр. 99. Вопрос о дате этого памятника имеет особое значение в связи с находкой там деревянных планок с высокохудожественными резными эпическими сценами. Открытие их в раннеташтыкском склепе говорит о том, что этот художественный стиль существовал в готовом виде уже в начале эпохи, т. е. сложился до возникновения таштыкской культуры. Его местных корней пока не удается проследить. Вероятно, появление этого стиля следует связывать с пришлым населением, принявшим участие в сложении таштыкской культуры. Дальнейшее развитие этого стиля мы находим у средневековых тюркских народов. Поэтому можно связывать его появление с гяньгунями. Если это предположение

Инвентарь склепа 2 Тепсея III представлен пряжками типов 1, 6 и 12 [38]. Первая форма типична для I этапа, но продолжала бытовать и во II. Вторая встречается лишь на сырском этапе. Третья форма появляется в конце этого периода и распространяется в последующем [39]. Амулеты с головками коней, найденные в склепе 2, тоже относятся к сырскому времени [40]. Таким образом, этот склеп следует отнести ко II в. н. э.

Третий склеп могильника, вероятно, был сооружен на раннем изыхском этапе. Найденные в нем пряжки (второго и третьего типов) известны лишь в памятниках I в. до н. э.— I в. н. э. [41] Датировку подтверждают найденные в склепе ранние сферические сосуды [42]. В склепе встречены также амулеты изыхских типов. Наконец, о времени памятника говорит сам погребальный обряд. Сочетание трупоположения и трупосожжения, обнаруженное в склепе 3,— черта, характерная только для изыхского этапа [43].

Таким образом, мы имеем все основания считать склеп 3 самым ранним в группе Тепсей III. Вероятнее всего, именно к нему и относятся детские грунтовые могилы (склеп 1 их перекрывает, а склеп 2 принадлежит другому этапу). Склеп 3 следует датировать второй половиной I в. до н. э.

Таштыкское кладбище на Тепсее III функционировало с начала изыхского этапа и до конца сырского, т. е. в I в. до н. э.— II в. н. э. Как видим, жертвенные ряды Тепсея III одновременны склепам и, несомненно, относятся к ним.

У жертвенного ряда на Тепсее IV найдено 16 горшков [44]. Сосуды типов бочонковидный II и сферический известны лишь среди посуды I этапа. Баночка с насечками по венчику тоже характерна для изыхского инвентаря [45]. К этому же времени относится и склеп 4 этого могильника. На это указывают формы бронзовых пряжек (типы 1 и 2), амулетов [46] и глиняных сосудов, найденных в этом склепе. Так, банка с двумя желобками по верхнему краю восходит еще к тагарским формам [47]. Аналогии сосуду с крупным налепным рассеченным валиком можно найти в инвентаре тагарско-таштыкского переходного этапа (II—I вв. до н. э.) [48].

Все раскопанные на Тепсее IV грунтовые могилы детские. Ряд вертикальных стел относится несомненно к склепу 4. Значит, и здесь это памятники одновременные. О связи рядов вертикальных плит со склепами говорит и то, что среди найденных в жертвенных ямах сосудов есть «склеповые» формы посуды, обычно не встречающиеся в грунтовых погребениях эпохи [49].

На всех других могильниках, где изучены жертвенно-поминальные ряды, имелись и погребальные склепы [50]. Всюду связь их подтверждается

верно, то находки в северо-западной Монголии и смежных областях изображений подобного стиля могли бы до некоторой степени уточнить наши представления о районе первоначального обитания гяньгуней.

[38] ГЭ — Те III, скл. II, № 23—25, 29.

[39] *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха..., стр. 37, 38, 40, рис. 7—9.

[40] Там же, стр. 89, 90, 130, 131, 140, рис. 48, 52.

[41] ГЭ — Те III, скл. III, № 26—28; Таштыкская эпоха..., стр. 40.

[42] ГЭ — Те III, скл. III, № 54, 60, 61.

[43] *М. П. Грязнов.* Могильники у горы Тепсей. АО—1969, М., 1970, стр. 177; *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха..., стр. 76—78.

[44] Баночный I (5 экз.), баночный II (5), подвесной I (2), подвесной II (1), бочонковидный I (1), бочонковидный II (1), сферический (1).

[45] ГЭ — Те IV, пом. 16, № 9; пом. 20, № 5; ср. *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха..., стр. 46; ГЭ — Те IV, пом. 16, № 10.

[46] ГЭ — Те IV, м. 4, № 2—5.

[47] ГЭ — Те IV, м. 4, № 23.

[48] ГЭ — Те IV, м. 4, № 17; могильник Каменка.

[49] *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха..., стр. 67—72.

[50] *Э. Б. Вадецкая.* Раскопки на месте дер. Новая Черная, стр. 181; *ее же.* Работы Таштыкского отряда, стр. 185.

одновременностью инвентаря этих памятников [51]. Везде ряды плит расположены перед входами в склепы [52].

Таким образом, ряды вертикально стоящих плит относятся не ко всем памятникам таштыкской эпохи, а лишь к погребальным склепам. Поэтому их и нет на чисто грунтовых могильниках типа Оглахтинского.

Вертикально поставленная каменная плита и расположенная перед ней яма с жертвенной пищей — основное звено таштыкских рядов. Этнографические материалы дают некоторую возможность для реконструкции этого обряда. На годовых поминках тюркоязычных чувашей (XIX в.), например, родственники умершего «отправляются в лес, где варят приготовленное мясо в котле. Вблизи от разведенного огня выбирают дерево... срубают его и... отсекают чурбан, делают топором или долотом род человеческой головы... Чурбан ставят вертикально, врывая его в землю... Старейший в роде усопшего берет ножик и отрезает по ломтю хлеба и раздает по блину и куску вареного мяса, оставляя равную часть и тени умершего, которую изображает чурбан-идол. Эту часть кладут в вырытую около чурбана ямочку» [53] (разрядка моя.— *И. К.*).

Если взглянуть на описанную картину глазами археолога, т. е. выделить материальное проявление обряда, то легко установить два основных его элемента: вертикально врытый столб, символизирующий тень умершего, и яму с жертвенно-поминальной пищей перед ним. Сходство с изучаемыми археологическими памятниками позволяет сближать и характер обрядов. Ряды плит таштыкских могильников предстают перед нами как остатки некогда происходивших на кладбищах поминок.

Могут указать на некоторое несоответствие таштыкских памятников приведенной этнографической аналогии. Во-первых, описывается деревянное, а не каменное изображение «тени умершего». Во-вторых, плиты рядов не имеют следов обработки. В-третьих, на поминках чувашей участвует одно изображение «тени умершего», в то время как на таштыкских могильниках плиты многочисленны и расположены рядами.

Но рассматривая последнее обстоятельство, необходимо учесть, что чуваши совершали одиночные погребения, а таштыкские склепы были коллективными усыпальницами. Конечно, и возле них поминки всякий раз справлялись по одному покойному. Но плиты и жертвенные ямы пристраивались друг к другу. Так со временем возникали длинные ряды камней.

Изображение усопшего у многих тюркских народов делалось из дерева и камня. Этнографические примеры можно найти в Северной Монголии и Синьцзяне, у туркмен, башкир и казахов, у крымских татар и у тех же чувашей [54]. Возможно, деревянные изображения умершего существовали и в таштыкскую эпоху. В склепах, как известно, обнаружены части скульп-

---

[51] ГЭ—2543; ГЭ — М пом. 64 и др. Склеп 4 Койбальского чаа-таса не связан с изученным рядом (объект 5), а ряд этого склепа не раскопан. Объект 5 соотносится с другим раннеташтыкским, судя по ограде, склепом, к сожалению, также оставшимся нераскопанным.

[52] Лишь в одном случае помимо рядов у входов в склепы известен особый ряд за их задними стенками (Верх-Аскызский чаа-тас). Ряд протяженностью до 70 *м* составляют 43 камня высотой до 2,5 *м*. Для разъяснения этого случая необходимы раскопки. Кстати, отметим здесь, что ряды плит могут служить поисковым признаком склепов.

[53] *С. И. Руденко.* Чувашские надгробные памятники. МЭР, т. I. СПб., 1910, стр. 83.

[54] *Н. Ф. Катанов.* О погребальных обычаях у тюркских племен с древнейших времен до наших дней. ИОАИЭ, т. XII, вып. 2. Казань, 1894, стр. 128; *М. Е. Массон.* О происхождении некоторых намогильников Южного Туркменистана. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1. Ашхабад, 1949; *М. М. Мендикулов.* Памятники архитектуры полуострова Мангышлак и западного Устюрта. Алма-Ата, 1956, стр. 14—19; *С. П. Поляков.* Этническая история северо-западной Туркмении в средние века. М., 1973; *F. Bergman.* Archeological Researches in Sinkiang. Stockholm, 1939, p. 62—68, Pl. V; *П. Д. Степанов.* Этнографическое изучение южной группы башкир в Саратовской и Куйбышевской областях. СЭ, IV, 1940, стр. 211; *С. И. Руденко.* Ук. соч., стр. 86, 87.

тур людей (деревянные головы, костяные руки), а в грунтовых могилах найдены набивные кожаные «куклы» в человеческий рост, воспроизводящие тело умершего [55].

Необработанность плит таштыкских поминальников также явление необособленное [56]. Подобные памятники встречаются у туркмен и башкир. Возможно, во время поминок на вертикальные камни таштыкских кладбищ надевались одежды и головные уборы умерших для достижения некоторого сходства с поминаемым человеком. Пережитками таких обычаев, вероятно, являются изображения головных уборов на надгробных памятниках многих современных народов.

Чуваши, туркмены, крымские татары часто высекали на таких камнях личные или родовые тамги [57]. На таштыкских плитах Сырского чаа-таса, переиспользованных в период VI—IX вв., выбиты тамги и спирали. Как правильно указал Л. Р. Кызласов, эти камни первоначально стояли в таштыкском поминальном ряду этого могильника [58]. Одна из стел Койбальского чаа-таса имеет изображение пяти орлов, выбитых, очевидно, также в таштыкское время [59]. Первоначальная принадлежность стелы к поминальному ряду объясняет смысл изображения — птицы символизируют отлетающие души умерших.

Аналогии нашим памятникам можно найти в более позднем археологическом материале сопредельных областей. При тюркских поминальных оградках VI—VIII вв. в Туве довольно часто (25% изученных памятников) стоит не изваяние, а простая каменная плита, символизирующая умершего [60]. В некоторых случаях изваяния (личиной на восток) стоят в рядах с необработанными плитами. Такие цепочки тянутся с севера на юг [61]. Плиты с древнехакасскими надписями также иногда образуют ряды с необработанными камнями. О поминальном характере этих сооружений, которые, к большому сожалению, никто не копал, говорят сами надписи [62].

Изученные памятники существенно дополняют наши представления о культе умерших в таштыкскую эпоху. Ряды вертикальных плит — свидетельство совершавшихся поминок, в которых, по мнению таштыкцев, принимала участие и душа умершего. Выясняется, что поминки были тесно связаны с представлением о кормлении этой души. В ямах всегда находятся остатки лучших частей туш животных. Кости, найденные вне ям,— это остатки пира живых, и они, как отмечалось, резко отличаются по составу. Родственники умершего оставляли себе на поминальном пиру худшие части туши. На наш взгляд, приношения были частью умилостивительного обряда, устраивавшегося в честь умершего сородича и его «злой души», которой опасались оставшиеся в живых.

---

[55] *С. В. Киселев.* Древняя история..., стр. 446, табл. XXXVIII, *2*, *6*; *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха..., стр. 97; *его же.* Кто жил в Хакасии две тысячи лет назад? «Наука и жизнь», 1969, 12.

[56] Отметим здесь, что в рядах часто стоят переиспользованные энеолитические антропо-зооморфные изваяния (таблица). Возможно, именно сходство с человеческой фигурой привлекло к ним внимание таштыкцев.

[57] *М. Е. Массон.* Ук. соч., стр. 47, 48; *С. И. Руденко.* Ук. соч., стр. 86; *С. П. Поляков.* Ук. соч., стр. 26, 30, 42, 46.

[58] *Л. Р. Кызласов.* Сырский чаа-тас. СА, XXIV, 1955, стр. 246, 250, 255, рис. 1, 42, 45.

[59] *Л. Р. Кызласов.* Двадцатый год работы Хакасской экспедиции, стр. 219; *его же.* Таштыкская эпоха..., стр. 144, 145 и рис. 54, *5*.

[60] *Л. Р. Кызласов.* История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 26. Данные о частом использовании для этой цели дерева у многих народов, возможно, позволят по-иному взглянуть на относительно многочисленные (33%) «оградки без всяких дополнительных устройств» (стр. 115, 116). Вполне вероятно, что раскопки у восточных стен таких оград могли бы выявить ямы от некогда стоявших в них деревянных изображений.

[61] *С. С. Сорокин.* Древние каменные изваяния Южного Алтая. СА, 1968, 1, стр. 260, 261.

[62] *Л. Р. Кызласов.* Ук. соч., стр. 115, 116.

Количество остатков поминального пира говорит не только о том, что у каждой плиты он совершался однажды, но и об участии в нем одной или нескольких близких семей. Они входили в одну родовую организацию, что объясняет строгий порядок в расположении поминальных комплексов ряда. Напомним вновь, что ряды плит относятся к коллективным усыпальницам — склепам. Подобным сооружением оформлялся, вероятно, не каждый надгробный пир. У склепа, нередко содержащего до 100—200 погребений, обычно находится ряд лишь в несколько десятков плит. Очевидно, для живых почитание памяти тех или иных умерших было неравнозначно [63].

Все наблюдения приводят нас к выводу о существовании в таштыкскую эпоху одной из форм семейно-родового культа предков [64]. А это позволяет судить об общественном строе населения, поскольку «культ предков представляет собой не универсальное и, что очень важно, далеко не первобытное явление. Оно свойственно сравнительно поздней стадии исторического развития — стадии патриархально-родового строя» [65].

На Тепсее жертвенно-поминальные ряды состоят из небольших тонких плиток. Длина монументов Уйбатского чаа-таса достигает 3—4 *м*. Обычная высота подобных плит Хакасии — 0,5—1,5 *м*. Чем может объясняться такая разница их размеров? [66]

Ряд плит (или несколько рядов) одного кладбища — поминальное сооружение определенной родовой группы. Огромный камень, возможно, свидетельство возвеличивания, некоторой героизации образа умершего, которого он символизировал; значит, ряд необычно крупных плит — свидетельство возвеличивания целого рода. Такой род, вероятно, главенствовал над окрестным населением. Жертвенно-поминальный ряд своеобразно отражал эту власть.

Нигде в бассейне Среднего Енисея нет поминального ряда, подобного Уйбатскому. Но нигде нет и такого большого количества таштыкских склепов, как на этом чаа-тасе. Археологи давно обратили внимание на особое значение этого могильника. Примечательно, что здесь же расположены каменные курганы типа чаа-тас последующей эпохи древнехакасского государства. Они также резко отличаются от одновременных памятников монументальностью конструкций и богатством инвентаря. Наконец, до революции именно в этом районе проживали самые богатые баи, происходившие из основного правящего рода хакасов — сеока «Хыргыс». Не отразил ли жертвенно-поминальный ряд таштыкского времени начавшийся процесс выделения аристократического рода, ставшего в последующую эпоху сложения государства правящим и династийным?

Другие ряды, камни которых превышают обычные размеры, достигая 2—2,5 *м*, находятся на р. М. Есь возле улуса Кызласова, на Верх-Аскизском чаа-тасе и у горы Оспа на р. Белый Июс.

На основании указанных наблюдений таштыкское общество представляется нам союзом племен периода, предшествующего раннеклассовым образованиям. Каждое племя возглавлялось одним правящим родом (возможно, ими оставлены поминальные ряды, подобные сооружению близ улуса Кызласова). Эти племена, вероятно, объединялись вокруг одного племени с главенствующим родом [67]. Возможно, именно такому роду при-

[63] Ряды плит — памятники одного из этнических компонентов таштыкского населения. Поэтому они могут относиться лишь к части умерших, погребенных в склепе. Это не противоречит мнению Л. Р. Кызласова о родо-племенном характере склепов (Таштыкская эпоха..., стр. 191).

[64] При понимании этого термина мы пользуемся определением, данным С. А. Токаревым (*С. А. Токарев.* Ранние формы религии. М., 1964, стр. 266).

[65] Там же.

[66] Речь идет о средней высоте ряда плит в целом.

[67] Картографирование рядов плит крупных размеров позволило бы, возможно, установить число племен, входивших в это объединение, и районы их расселения. Упомянутые ряды находятся в районах, занимаемых ныне современными хакасскими племенами: сагайцами, бельтырами, качинцами и кызыльцами.

надлежал поминальный ряд Уйбатского чаа-таса. Таким племенем могли быть древние гяньгуни-кыргызы — ведь недаром впоследствии у каждого хакасского племени правящим был род «Хыргыс».

Известно, что погребальный обряд раннеташтыкского времени отразил взаимодействие в начале эпохи по крайней мере двух крупных этнических групп. Для одной характерны были грунтовые могилы и обряд трупоположения, для другой, пришлой и тюркоязычной,— погребальные склепы и обряд сожжения умерших [68]. Как установлено нами, поминальные ряды связываются с погребальными склепами [69], т. е. являются характерной чертой тюркоязычного этнического компонента. Некоторые отмеченные ранее различия в ориентации рядов и плит, возможно, позволят в будущем наметить и более дробное внутреннее деление для этой этнической группы [70].

Подобных рядов в тагарскую эпоху на Среднем Енисее не существовало [71]. Изучая происхождение пришлого этноса, мы имеем право опираться и на поминальные ряды. Теория центральноазиатского происхождения гяньгуней заставляет искать южные и юго-восточные параллели. В южной Туве в степи Кӧжэлиг-Хову, на правом берегу р. Тес-Хем, зафиксирован ряд из шести необработанных вертикальных камней. Он тянется с северо-северо-запада на юг-юго-восток [72]. Нередко в Туве и Монголии рядами стоят и «оленные» камни. Они также направлены с севера на юг или с северо-востока на юго-запад. Все эти памятники предшествуют таштыкской культуре и датируются VII—III вв. до н. э.

Отметим здесь три параллельных ряда «оленных» камней, расположенных в долине Ушкийн Увэр в окрестностях г. Мурена (МНР). Ряды их строго выдерживают направление с севера на юг, а узкие «лицевые» грани 15 камней обращены на восток. Назначение подобных рядов подчеркивают обычные для «оленных» камней высеченные на них символы мужчины — воина [73]. Плиточные могилы в Восточном Забайкалье, как правило, также тянутся цепочками с севера на юг. Ориентировка самих могил — восток — запад. Стоящие у их восточных стенок «сторожевые камни» нередко образуют параллельные с могилами ряды. Наиболее вероятно также поминальное назначение этих камней. Отметим, что там же описан ряд из небольших камней, стоящих в западном направлении на протяжении 18 *м*. Он относится к плиточной могиле [74].

[68] *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха..., стр. 78.

[69] Это не означает, что другая этническая группа совсем не имела жертвенных памятников. На грунтовом Оглахтинском могильнике в 1970 г. был раскопан небольшой, возможно жертвенный, каменный ящик (0,68×0,5×0,2 *м*). Под его покрытием обнаружены слои бересты, идущие до самого дна и даже заходящие под стенки ящика. В ящике ничего больше не найдено. Он отчасти схож с нашими поминальниками: вытянут с запада на восток и перекрыт небольшими плитами. На этом сходство кончается Обряды, видимо, различные. Возможно, этот ящик отражает и влияние первой этнической группы на вторую.

[70] Ср. деление, намеченное Л. Р. Кызласовым по конструкциям и инвентарю склепов (Таштыкская эпоха..., стр. 13—28, 65—67 и др.).

[71] В значительно более ранний период в Хакасии сооружались жертвенные ряды, состоящие из «окуневских» изваяний (личинами на восток) и простых менгиров. Три таких ряда в районе ст. Ербинская были также вытянуты с севера на юг. См. *Л. Р. Кызласов.* Каменные «старушки» Хакасии. АО—1971, М., 1972, стр. 295.

[72] На одном камне ряда выбиты изображения двух горных козлов и лося (наблюдения Л. Р. Кызласова).

[73] *Л. Р. Кызласов.* Этапы древней истории Тувы. В кратком изложении. Вестн. МГУ, истор.-филол. серия, 1958, 4, стр. 85; *Э. А. Новгородова.* Новые памятники искусства древней Монголии. Сб. «Монголын эртний туухсоёлын зарим асуудал». Улаан-баатар, 1972, стр. 55—71. К сожалению, «оленные» камни продолжают изучаться лишь как памятники искусства; их раскопки имеют целью полное выявление и расчистку упавших стел. Мимоходом отмечается, что «камень окружала круглая каменная выкладка (диаметр ее 170 *см*)»; осталось неизвестным, зачем «в двух метрах на восток от стелы были врыты три остроугольных камня, аналогично таким же угловым камням у северной стенки керексура „ж"» (там же, стр. 57, 58).

[74] *Ю. С. Гришин.* О плиточных могилах Восточного Забайкалья. СА, 1968, 1, стр. 178, 183.

Пока трудно решить, насколько удовлетворяют нас эти аналогии. Намечается лишь направление и предмет поисков, которые могут прояснить происхождение этнических группировок таштыкского населения или показать распространенность подобного поминального обряда, отражающего определенный уровень развития общества.

Поминальные ряды доживают до последнего, камешковского этапа таштыкской культуры [75]. В III—V вв. появляются таштыкские каменные изваяния, как бы соединяющие две основные черты поминального культа: вертикальный камень и маску, по-разному изображавшие умершего человека. Существует мнение о генетической связи этих изваяний со статуями тюрок VI—VIII вв. [76] Подтверждением этого может быть некоторое сходство таштыкских и тюркских поминальных комплексов при всей их индивидуальности [77]. К обряду таштыкского времени (или к общему корню) могут восходить следующие черты тюркских поминальных памятников: 1) изображение умершего, располагающееся лицом на восток; 2) замещение в ряде случаев изваяния необработанной вертикально врытой плитой; 3) построение оградок в ряды, вытянутые с севера на юг [78]. В поминальниках древних тюрок жертвенная пища нередко оказывается спрятанной в ямки [79], которые часто бывают выложены камнями. Встречаются здесь и каменные ящички [80].

Можно предположить, что пережитки этого обряда сохранились у тюркских племен и позднее. Вспомним описание у Ахмеда ибн-Фадлана приношения женой даров умершему гузу: «Она взяла (немного) мяса и молока и кое-что (из того), что мы подарили ему, вышла из (пределов) «домов» в дикую местность, вырыла яму, погребла в ней то, что имела с собой, и произнесла (какие-то) слова» [81]. В сообщении обращает на себя внимание состав обычной жертвы душе умершего — мясная и жидкая молочная пища. Таковы были и приношения в таштыкских поминальных жертвенниках.

Как отмечалось выше, в период древнехакасского государства существовали ряды плит, содержащие стелы с выбитыми на них эпитафиями. Характер поминального культа изменялся здесь, как и у тюрок-тугю: от «коллективности» поминальных памятников, их многочисленности и построения цепочкой к «индивидуальности», обособленности друг от друга, к распаду цепочек на звенья. Этот процесс, видимо, приводит затем к появлению одиноко стоящих плит с надписями. Каждая из таких стел посвящена одному человеку и в какой-то мере символизирует его, так как повествование в эпитафии всегда ведется от первого лица.

Такое развитие поминальных памятников — отражение реального процесса изменения представлений о роли человеческой личности, происходившего в раннем средневековье. Это было вызвано изменениями в социально-экономическом строе общества, в данном случае переходом от патриархально-родовой к классовой, феодальной организации.

---

[75] Такой ряд на могильнике Уйбат II С. В. Киселев связывал с раскопанными им позднеташтыкскими погребениями (*С. В. Киселев.* Древняя история..., стр. 468; *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха..., стр. 151, 156).

[76] *Л. Р. Кызласов.* Таштыкская эпоха..., стр. 157—160.

[77] У тюрок поминальники вообще часто связаны с рядами вертикальных камней. Это и «балбалы» VI—VIII вв. и «усы» шурмакских памятников (*Л. Р. Кызласов.* Этапы древней истории Тувы, стр. 94, 95).

[78] *Л. Р. Кызласов.* История Тувы в средние века, стр. 26; *Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев.* Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Тр. ГИМ, XVI. М., 1941.

[79] *Л. А. Евтюхова.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, 24, 1952, стр. 114 сл.; *Л. Р. Кызласов.* Уч. соч., 30, 31; *его же.* Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.). Вестн. МГУ, истор. серия, 1960, № 1, рис. 4.

[80] *А. А. Гаврилова.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.— Л., 1965, стр. 14—17, табл. III—V.

[81] *А. П. Ковалевский.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 126.

Приведенные факты свидетельствуют не только об определенной близости представлений и обрядов, связанных с поминальным культом, но и о близости социально-экономических процессов, происходивших у племен Саяно-Алтайского нагорья в I и начале II тысячелетий нашей эры.

I. L. Kyzlassov

MONUMENTS FUNEBRES DE L'EPOQUE TACHTYK

Résumé

Les recherches de ces dernières années dans la dépression de Hakass-Minoussinsk ont révélé la destination de plusieurs menhirs, qui sont alignés en général du nord au sud (Ier s. av. n. ère — Ve s. de n. ère). Chaque menhir symbolisait l'âme du mort. Aux festins funèbres annuels, les membres d'un même clan dressaient une stèle semblable, et devant sa face orientale ils laissaient dans une fosse ou une petite boîte de pierre les meilleurs morceaux de viande ainsi que du liquide dans un récipient. Par ces offrandes on cherchait à se concilier «l'âme du défunt» durant le banquet funèbre. La destination de semblables monuments est confirmée par des observations faites sur les habitudes analogues qu'on rencontre chez de nombreux peuples turcs du passé et d'aujourd'hui. On a établi que la coutume d'élever ces monuments a existé durant toute l'époque tachtyk. Cependant, les alignements de menhirs ne sont pas en rapport avec les tombes en pleine terre datant de cette époque, mais seulement avec les sépultures funéraires collectives devant l'entrée desquelles ils étaient disposés. Compte tenu de la diversité ethnique de la population tachtyk, les rangées de stèles dressées sont le trait caractéristique de l'un de ses composants, les Hianhuns, et peuvent aider à résoudre les questions d'ethnogénèse. Les monuments funèbres du cours moyen de l'Iénisseï sont une source historique digne de foi. Des rangées de dalles d'une hauteur exceptionnelle ont été érigées par les tribus dirigeantes. Ceci permet de distinguer des centres tribals; l'organisation sociale de la société est formée par une union de tribus au stade de décomposition du régime clanal. On peut établir le nombre des tribus constituant cette union. Il est remarquable qu'on rencontre une rangée de hauts menhirs sur les terres de chacune des principales tributs actuelles de Hakasses. L'évolution des monuments funèbres révèle des changements dans la valeur du rôle social de l'individu. C'est pourquoi il est important d'établir que cette évolution est analogue chez les autres peuples saïanoaltaïques, et qu'elle reflète l'unité des processuús sociaux qui ont eu lieu ici.

Т. Н. ВЫСОТСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

Как показали раскопки, центральные городские ворота Неаполя скифского открывались, по-видимому, лишь в торжественных случаях, для совершения каких-то церемоний. К воротам со стороны города подходила площадь, засыпанная белой известковой крошкой. Прямо перед воротами находилось здание с портиками. Остатки этого здания или, точнее, двух одинаковых зданий разных строительных периодов были открыты раскопками 1949—1950 гг.[1] Наиболее древнее сооружение, относящееся к первому строительному периоду, располагалось к северу от центральных городских ворот на расстоянии 19,5 *м*. Оно представляло собой стену толщиной 0,65 *м* (стена «К»), тянущуюся параллельно оборонительной стене с востока на запад на 18,4 *м*, по-видимому, с двумя портиками. Стена почти полностью выбрана, сохранились остатки забутовки восточного портика со следами выборки. Он имел размеры 3,9 × 1,8 *м*. Западный портик сохранился хуже, прослеживались лишь очертания постели. Расстояние между выступами 10,6 *м*[2]. Сооружение с выступами-портиками просуществовало не более 100 лет, затем оно было разрушено, разобрано и вместо него ближе к городским воротам, на расстоянии 15 *м* от них, возведено совершенно аналогичное сооружение бо́льших размеров.

От новой стены («Л») сохранились лишь следы выборки, судя по которым ее толщина была 0,85 *м*, длина 29,3 *м* (рис. 1, *1*). Восточный выступ сохранился лучше западного. Он был сложен из хорошо отесанных квадров, некоторые из которых рустованы. Размеры выступов одинаковые: длина 7,8 *м*, ширина 2,4 *м*. Сохранившаяся высота восточного выступа 0,53 *м*, центральная часть его плотно забита бутом. Западный выступ отстоял от восточного на 10,6 *м*. При раскопках обоих сооружений встречено большое количество глины от разрушенных сырцовых кирпичей, а также черепицы, покрывавшей, по-видимому, кровлю портиков.

В глинистом слое была найдена хорошо сохранившаяся дорическая капитель из известняка от квадратного столба размером 35 × 35 *см*. Принимая во внимание величину подиумов портиков, можно предположить, что на каждом из них помещалось по шесть таких столбов с капителями (рис. 1, *2*). Промежутки между столбами и задние стены портиков, по-видимому, украшали мраморные статуи и бронзовые рельефы, остатки которых обнаружены близ восточного и западного портиков: обломок кисти правой женской руки из мрамора, держащей копье или посох, фрагмент мраморного постамента небольшой статуи с посвятительной надписью Деметре, обломок литой бронзовой статуи с изображением прядей волос (возможно, фрагмент рельефа), несколько мелких обломков мраморных скульптур, фрагмент мраморного постамента [3].

[1] *П. Н. Шульц.* Отчет о работах тавро-скифской экспедиции за 1945—1949 гг. Архив ОАСА, инв. А № 3/7; *А. Н. Карасев.* Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1950 г. Архив ОАСА, инв. А № 4/10.

[2] *П. Н. Шульц.* Исследования Неаполя скифского (1945—1950 гг.). ИАДК, Киев, 1957, стр. 69, рис. 4.

[3] Там же, стр. 73, рис. 6.

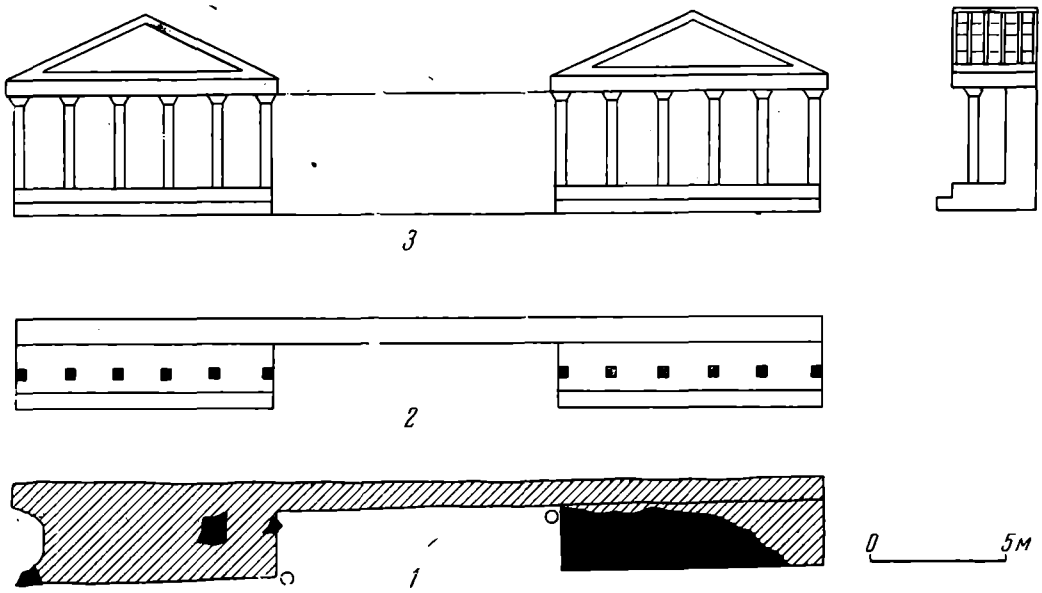


Рис. 1. Здание с портиками

В траншее Уварова, проходившей близ нашего сооружения к юго-западу от него, была обнаружена надпись Посидея, посвященная Ахиллу. А в 1827 г. близ западного портика были найдены рельефы с изображением Скилура и Палака, пьедестал от статуи Скилура, плита с посвящением Афине Линдийской [4]. Вероятно, мраморные статуи и бронзовые рельефы являлись первоначально украшением здания первого строительного периода, а затем были перенесены в новое.

Прямых аналогий неапольским зданиям с портиками неизвестно. Сооружение этих памятников П. Н. Шульц относил к разному времени. Наиболее ранние из них (здание «К») он на основании клейменой синопской черепицы, датированной Б. Н. Граковым, относил к III в. до н. э. [5] Второе здание («Л») благодаря находкам синопских и родосских клейм, характеру кладки, палеографическим особенностям надписи П. Н. Шульц датировал III—II в. до н. э. [6] и даже II в. до н. э. [7]

К сожалению, значительная группа клейм из раскопок этих лет в настоящее время утрачена, и мы лишены возможности пересмотреть их для уточнения датировки описанных сооружений. Тем не менее нельзя забывать, что группа синопских клейм, ранее датированная Б. Н. Граковым III в. до н. э., в настоящее время относится к IV в. до н. э. Исходя из этого не исключена и более ранняя дата древнейшего здания с портиками («К») — не III, а IV в. до н. э. Сооружение второго здания может относиться к III—II вв. до н. э.

В течение ряда лет на Неаполе скифском в центральной части города на месте предполагаемого акрополя и за пределами городища были открыты остатки четырех культовых зданий.

Здание «А» [8]. На северо-западном участке Неаполя скифского в 1955—1958 гг. было открыто здание, ориентированное с северо-востока на юго-

[4] Там же, стр. 71.
[5] Там же, стр. 70.
[6] Там же, стр. 71.
[7] Там же, стр. 70.
[8] *А. Н. Карасев.* Отчет о работе Крымской скифской экспедиции ИИМК АН СССР на городище Неаполь скифский с 1955 г. Архив ОАСА инв. А № 21/3; *П. Н. Шульц.* Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1956 г. Архив ОАСА, инв. А № 29/2; *его же.* Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1957 г. Архив ОАСА, инв. А № 31/2; *его же.* Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1958 г. Архив ОАСА, инв. А № 32/1.

запад, состоявшее из двух помещений: главного зала и сеней. Зал имел форму не вполне правильного прямоугольника. Здание сооружалось в течение двух строительных периодов. От первого из них полностью сохранились северная, западная стены и частично восточная. Они сложены на глине, лежат на скальной корке. Немногочисленные находки, среди которых обнаружен фрагмент мегарской чаши, датируют первый строительный период концом II — началом I в. до н. э. Перестройка здания произошла, по-видимому, на рубеже нашей эры.

Стены второго строительного периода сохранились значительно лучше. План здания этого времени полностью повторяет план предшествующего периода с той лишь разницей, что северная и западная стены имеют дополнительную по толщине кладку, своего рода «завалинку» толщиной 0,4—0,7 *м* (толщина каменного цоколя стен 1 *м*). Общие размеры здания: длина 19, ширина 9 *м*. Главный зал от сеней отделен поперечной стеной, имеющей дверной проем шириной 1,6 *м*. Сени были ограждены выступами продольных стен — антами длиной 2,5, шириной 1,5 *м*. Между торцами продольных стен имеется узкая кладка, отделявшая пол сеней от вымостки улицы. Пол здания был известковый, толщиной от 4 до 25 *см*. Он перекрывает земляной пол предшествующего периода. На полу найдены железные гвозди от деревянных стропил перекрытия. Почти в центре зала в первый и второй строительный периоды находился круглый глиняный очаг диаметром 1 *м*. Он неоднократно ремонтировался. Прослежено четыре слоя обожженной глины. Очаг вмазан в пол на 11 *см* ниже его уровня.

Вокруг очага в скальной корке находились ямки от деревянных стояков, поддерживающих перекрытие над ним, где должно было находиться отверстие, служившее одновременно для освещения и вывода дыма. Всего открыто 16 ямок диаметром 20—25 *см*, глубиной 14—40 *см* (рис. 2). Некоторые из них использовались и в первый и во второй строительные периоды. Близ очага на полу в небольшой ямке находился разбитый лепной горшок. На полу найдено большое количество (13 500 фрагментов) черепицы (в основном херсонесской) I в. н. э.— остатки рухнувшей кровли. Стены здания с внешней стороны были покрыты глиняным раствором, внутри оштукатурены и расписаны. Так как прослеживался лишь один слой расписной штукатурки, то можно предположить, что роспись была нанесена после перестройки здания, во втором строительном периоде. Как удалось доказать И. В. Яценко, она была выполнена боспорскими мастерами-живописцами во II в. н. э. [9] До этого, возможно, стены просто белились. По штукатурке на западной, восточной и южной стенах были нанесены разнообразные граффити [10].

В северо-западном углу главного зала находились обломки черепа оленя с остатками рога, а рядом — обломки лепного горшка. При разборке кладки в юго-западном углу главного зала найден лепной сосуд с захоронением ребенка.

План здания, его отделка, находки не оставляют сомнений в том, что оно было общественным, по всей вероятности культовым. После разрушения и гибели его в главном помещении была вырыта овальной формы яма диаметром 1,2 × 0,9 *м* для свалки мусора (обломков амфор, черепицы, битой лепной посуды, костей домашних животных). Обнаруженный в яме материал (II—III вв. н. э.) говорит о том, что здание погибло где-то на рубеже II—III вв. н. э. Погибло оно не от пожара — никаких его следов во время раскопок не встречено. В III в. н. э. на месте здания вдоль его западной стены сооружаются семь хозяйственных ям.

---

[9] *И. В. Яценко.* Декоративная роспись общественного здания в Неаполе скифском. СА, 1960, 4, стр. 91—112.

[10] *О. Д. Дашевская.* Граффити на стенах здания в Неаполе скифском. СА, 1962, 1.

Здание «В» [11]. К юго-востоку от здания «А» открыты остатки здания «В», полностью повторяющего его план, но немного меньше по размерам и ориентированного с северо-запада на юго-восток. Здание «В» также состоит из главного зала и сеней длиной 15, шириной 7,6 *м*. Анты сеней соединены узкой кладкой в один камень, к которой вплотную подходила вымостка из известковой крошки. Из сеней в главный зал вел дверной проем шириной 1,6 *м*. Сохранившийся фундамент стен здания имеет толщину 1,2—1,3 *м*, свидетельствующую о монументальности постройки

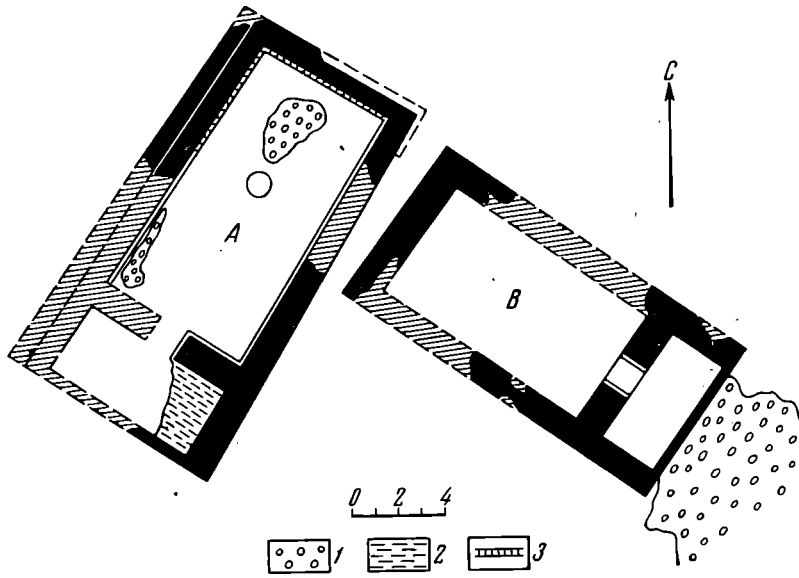


Рис. 2. Здания «А» и «В»: *1* — вымостка из мелкого камня; *2* — пол из известковой крошки; *3* — остатки штукатурки

(рис. 2). Здание пережило два строительных периода. К первому из них относятся остатки кладок юго-западной и северо-восточной сторон. Кладки на глине, их основание, лежит на скале. Северо-восточная кладка имеет торец — сравнительно короткий ант здания первого периода. Оно перекрывало жилое здание «Д», выстроенное в III—II вв. до н. э.

Судя по остаткам кладок на глине, лежащих на скале, здание «В» было выстроено в эллинистический период, может быть до появления здания «А». Затем оно было разрушено, выстроено здание «А» и вновь восстановлено лишь во II — начале III в. н. э. Ко второму строительному периоду относится северо-западная стена и часть северо-восточной, образующие углы. Стены сложены на глинистом растворе, очень небрежно. При перестройке удлинились анты сеней. Подошва продленной части сеней лежит выше подошвы антов первого строительного периода. Дверной проем из сеней заложили каменным закладом, во дворике с наружной стороны у сеней появляется очаг размером 60 × 60 *см*. Остатков пола и очага внутри главного зала не сохранилось. В юго-западном углу найдены 13 целых и много мелких обломков отпиленных рогов молодых оленей и 4 небольших отрезка рогов крупных оленей.

Здание «В» первого строительного периода также принадлежало культовым сооружениям Неаполя. После перестройки его былое назначение, видимо, было утрачено. На рубеже II—III вв. н. э. или в начале III в. н. э. здание было разрушено. На его развалинах лежал слой обломков амфор и черепицы, свалейных сюда после того, как этот участок города был заброшен.

[11] *П. Н. Шульц.* Отчет о раскопках Неаполя скифского с 1956 г. Архив ОАСА, инв. А № 29/2.

Здание «З» [12]. В 1956—1957 гг. за пределами городской стены велись раскопки зольника № 3, расположенного к юго-востоку от центральных городских ворот на расстоянии 60 *м* от городской стены. Во время раскопок под восточной полой зольника было открыто здание длиной 11 и шириной 5,6 *м*, ориентированное с севера на юг с небольшим отклонением на запад. Сохранился цоколь стен, сложенных из камней на глине, толщиной 0,65 *м*. Цоколь лежал на скальной корке. Здание состояло из главного зала и сеней. Анты сеней сохранились плохо, примерная длина их была 1,2—1,25 *м*, ширина 0,65—0,7 *м*. Среди сохранившихся камней западного анта обнаружены кости мелкого рогатого скота. У западного анта с южной стороны на скальной корке находилось детское погребение в могиле, обложенной небольшими камнями. Размер могилы: длина 0,85, ширина 0,35 *м*. Погребенный лежал в скорченном положении, головой на восток, череп его положен на камень, на шее мелкие бусы из голубой пасты и агата. По-видимому, погребение относится ко времени возникновения здания. На оси дверного проема между антами находилось цилиндрическое углубление, выдолбленное в скале, его диаметр 0,15 *м*, глубина 0,6 *м*. Сверху оно было обложено камнями. Углубление служило, по-видимому, для установки деревянного столба, поддерживающего перекрытие сеней.

Во время раскопок здания обломков черепицы не обнаружено. Можно предположить, что здание имело земляную крышу. На глинобитном полу в главном зале найдены обломки эллинистических амфор, позволяющих датировать здание III—II вв. до н. э. Во II в. до н. э. после пожара и разрушения, связанного, по-видимому, с периодом диофантовых войн, здание подверглось перестройке. Деревянная перегородка, отделявшая зал от сеней и сгоревшая в пожаре, заменяется каменной, увеличивается до 70 *см* толщина стен. В отдельных местах стены второго строительного периода сохранились на высоту до 1 *м*, с внутренней стороны они были обмазаны глиной. Следы побелки и штукатурки не обнаружены. Почти в центре главного зала, ближе к северной стене, прослежены остатки круглого в плане очага или, вернее, очажной ямы диаметром 0,9 *м*. По-видимому, яма связана с существованием на этом месте очага в первый и второй строительный периоды.

Здание «З» погибает на рубеже нашей эры. Находок позднее этого времени при раскопках не найдено.

На месте главного зала почти в центре его на высоте 1 *м* от уровня глиняного пола первого строительного периода возникает прямоугольный очаг размером 0,75 × 0,85 *м*, сложенный из поставленных на ребро каменных плит.

Как мы уже отмечали, здание «З» было перекрыто впоследствии зольником № 3, под которым в свою очередь находился малый зольник № 1, расположенный к юго-востоку от здания, примерно на расстоянии 10 *м* от него. В процессе раскопок 1956 г. была открыта лишь западная, очень небольшая часть зольника, пола которого выложена камнями, а на поверхности прослежены остатки каменной вымостки (рис. 3). П. Н. Шульц отмечал, что ограда из рваных камней зольника возникла не ранее II в. н. э., а вымостка датируется I в. н. э.; время сооружения самого зольника он относил к рубежу нашей эры [13], т. е. ко времени гибели здания «З».

Однако не следует забывать, что раскопан незначительный кусок зольника и суждение о его дате может быть лишь предварительным. Тщательный анализ находок из зольника показывает, что они относятся ко времени начиная с IV—III вв. до н. э. вплоть до рубежа нашей эры, т. е. соответствуют периоду существования здания. Малые размеры зольника (примерный диаметр 4 *м*), каменные вымостки на нем невольно наводят на мысль:

[12] *П. Н. Шульц.* Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1956 г.; *его же.* Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1957 г.

[13] *П. Н. Шульц.* Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1957 г., стр. 11 сл.; *его же.* Отчет о раскопках Неаполя скифского в 1958 г., стр. 20 сл.

не связан ли зольник со зданием «З», не является ли он жертвенным холмом при культовом здании?

Ответ на этот вопрос мы получим, рассмотрев еще одно здание такого же типа.

Здание «Е». В 1957—1959 гг. к югу от оборонительной стены было открыто здание «Е». Оно расположено в 11,25 *м* к югу от стены и в 47 *м* на юго-восток от центральных городских ворот. Здание ориентировано с севера на юг с небольшим отклонением на запад. Оно состоит из двух помещений: главного зала размером (внутренний) 10,3×5 *м* и сеней размером

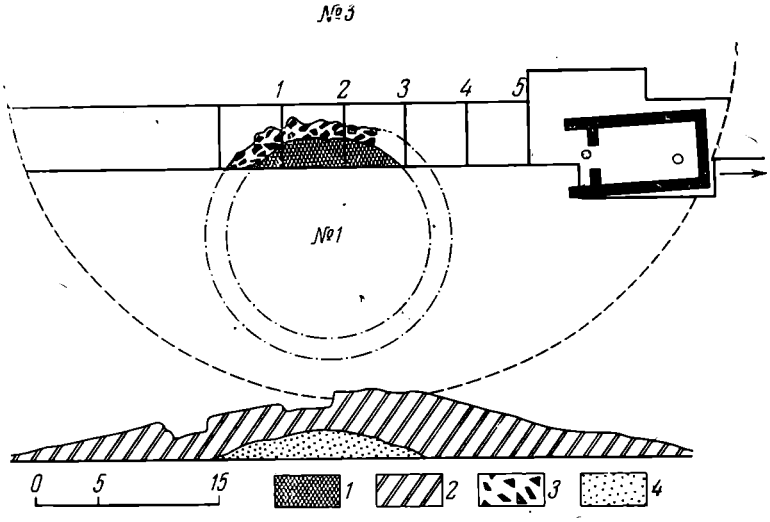


Рис. 3. Схема расположения зольников у здания «З»: *1* — вымостка зольника № 1; *2* — насыпь зольника № 3; *3* — остатки каменной обкладки зольника № 1; *4* — зольник № 1

5×1,95 *м*. Общие размеры по внешнему обводу 13,4×6,5 *м*. Здание «Е» пережило два строительных периода. Оси кладок первого и второго периодов не полностью совпадают. Стены имели цоколь из слегка отесанных камней на глине. Основание стен находилось ниже уровня пола на 8—11 *см*. Стены толщиной 0,8 *м*, сложенные из камня и сырцовых кирпичей, снаружи и изнутри были обмазаны глиной. Следы штукатурки не прослежены. Следы побелки сохранились на южной стене главного зала около дверного проема. С южной стороны из сеней в главный зал вел впоследствии заложенный дверной проем шириной 1,45 *м*. Косяки проема выложены из подтесанного камня. Дверной проем был обрамлен деревянной рамой, от которой сохранились следы — продольные углубления шириной 22 *см*.

Возможно, второй дверной проем вел в главный зал с запада. Здесь наблюдается разрыв в стене шириной 1,75 *м*. Впоследствии при перестройке здания и этот дверной проем был заложен, и вход в дом, очевидно, располагался с восточной стороны.

В сенях хорошо сохранился восточный ант длиной 1,8, шириной 0,8 *м*.

Пол здания был мазаный, глинобитный. Отчетливо прослеживались два уровня пола, разделенные между собой золистой прослойкой толщиной 10—12 *см* с вкраплениями угля. Пол подмазывали 11 раз. У дверного проема прослеживался глинобитный порог высотой 10—15 *см* над уровнем пола главного зала. В сенях также был глинобитный пол, его уровень выше уровня пола главного зала на 20—30 *см*.

В сенях сохранились две небольшие ямки от деревянных столбов, поддерживавших перекрытия. Их диаметр 10—16 *см*, глубина 5—6 *см*. Почти в центре главного зала находился прямоугольный очаг размером 1,88×

× 1,34 *м*. Его основание залегает на уровне пола первого строительного периода. Очаг продолжал существовать и во втором строительном периоде. Он тщательно обмазан, хорошо заглажен и сильно прокален, особенно в центре. По продольным сторонам очага в его бортах расположены по две с каждой стороны ямки диаметром 4—8 *см*. Они предназначались для установки рогаток для очага.

По северному краю располагались еще две маленькие ямки и очажная яма диаметром 0,6—0,7 *м*, глубиной 0,15 *м*. В ней обнаружены обломки небольшого лепного горшка.

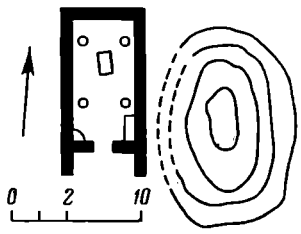


Рис. 4. Схема расположения зольника у здания «Е»

По сторонам очага с четырех сторон находились ямы для деревянных стояков, поддерживающих перекрытие. Они цилиндрические, диаметром 0,55—0,68 *м*, глубиной до 0,3 *м*. Обломков черепицы на полу не найдено. Это свидетельствует о том, что крыша здания была земляной. В западной стене главного зала, ближе к юго-западному углу, находилась ниша глубиной 30 *см*. В юго-восточном углу того же помещения располагалась лежанка, сложенная из мелкого камня, обмазанная сверху толстым слоем глины. Боковые стороны лежанки были расписаны полосами красной охры и сажи. Размер лежанки: длина 2,63 *м*, ширина 0,6 *м*, высота над полом 0,2 *м*. У северного края лежанки, вероятно, находилась ниша, аналогичная нише западной стены. В юго-западном углу главного зала был открыт жертвенник, представляющий собой яму диаметром 30 *см*, глубиной 30 *см*, обмазанную внутри глиной и выложенную сверху камнями. В яме обнаружены кости от пяти ягнят, обломки лепных сосудов и антропоморфных и зооморфных фигурок [14].

Со стороны сеней к зданию примыкала ровная площадка, местами присыпанная известковой крошкой. Впоследствии она застраивается более поздними хозяйственными помещениями. Фрагменты керамики рубежа нашей эры, обнаруженные на полу главного зала, позволили П. Н. Шульцу датировать возникновение здания «Е» I в. до н. э. [15] Однако заметим, что нижний горизонт пола отделен от верхнего прослойкой в 10 *см* толщиной. В ней встречались фрагменты стенок родосских амфор. Кладки первого строительного периода сложены на глине хорошего качества. Исходя из этого, можно считать, что здание возникло не позже II в. до н. э. В I в. н. э. оно перестраивается. Кладки второго строительного периода сложены менее тщательно из более мелких камней. Ось здания отклоняется к востоку, крупными камнями закладывается дверной проем. С востока вплотную к зданию сооружается пристройка хозяйственного назначения. Возникает ряд хозяйственных помещений к западу и югу. Использование всех построек на данном участке прекращается в III в. н. э.

К юго-востоку от здания «Е» находился небольшой зольник в форме вытянутого овала высотой 0,5 *м*, длиной 2,5 *м*, шириной 0,65 *м* (рис. 4).

По поводу этого зольника в отчете П. Н. Шульца сказано следующее: «Края его несколько оплыли и перекрыли остатки восточной стены здания и хозяйственные помещения. Зольник возник после их разрушения. По-видимому, он был насыпан сразу, находки в нем перемешаны (они от последних веков до н. э. до III в. н. э.)» [16]. Но обратимся к самим находкам. Наряду с массовым материалом (фрагментами амфор) в зольнике найдены обломки античных терракотовых масок, фрагмент фигурного сосуда в виде Сатира, обломок терракотовой фигурки Гермеса — рука, держащая кошель, терракотовая головка Афродиты (?), обломки лепных

[14] *В. М. Маликов*. Жертвенник из пригородного здания Неаполя скифского. КСИА АН УССР, 1961, 11, стр. 64—69.

[15] *П. Н. Шульц*. Отчет за 1957 г., стр. 15.

[16] *Он же*. Отчет за 1958 г., стр. 30.

курильниц и глиняных баранов, золотая подвеска, две бронзовые статуэтки Диоскуров [17]. Все эти предметы датируются эллинистическим и частично римским временем, т. е. временем существования здания, и принадлежат весьма ценным, в основном привозным, изделиям. И что особенно важно, набор их не случаен, а связан, по-видимому, с культами богов, в том числе и греческих. Наряду с этим в зольнике найдены предметы I—II вв. н. э.: бронзовые фибулы, бусы, три бронзовых ключа в виде герм, многочисленные обломки стеклянных сосудов, краснолаковый светильник, фрагменты краснолаковых мисок.

Весьма возможно, зольник был одновременен зданию «Е» и представлял собой жертвенный холм, служивший для совершения жертвенных возлияний различным богам, в том числе и Диоскурам, культ которых был, по-видимому, весьма близок скифам. Культовая принадлежность здания «Е» вряд ли была утрачена и в первые века нашей эры, хотя обряды, отправляемые в нем, могли измениться. Зольник в этот период, возможно, использовался уже не как жертвенный холм, а как свалка мусора. Впоследствии, когда этот район города опустел, зольник постепенно расползался. Зола, легко раздуваемая ветром, постепенно накрыла остатки разрушенных построек. В силу малых размеров зольника и легкости перемещения золы в конечном итоге нижние слои могли наплыть на верхние, создавая впечатление перемешанности. Не исключена возможность и перекопки зольника в наше время.

Итак, на Неаполе скифском открыто четыре здания типа мегарон [18]. Два из них («А» и «В») были выстроены в центральной части города, в районе предполагаемого акрополя, два («З» и «Е») — за пределами стены. Культовая принадлежность зданий не вызывает сомнений.

В главном зале каждого дома (в здании «В» очаг не сохранился) находился очаг, а в одном из углов кости жертвенных животных. Культовые здания Неаполя имели одинаковые пропорции, но отличались размерами. Наиболее раннее здание «З» было выстроено в III—II вв. до н. э. Почти одновременно с ним в центральной части Неаполя возводится здание «В», но оно, как мы указывали выше, просуществовало недолго. В том же районе города во II в. до н. э. возводится новое, самое большое из известных, культовое здание «А». За пределами городской стены во II в. до н. э. возводится здание «Е».

Как известно, здания типа мегарон имеют длительную историю и уходят своими корнями в микенский мир. Неизменным атрибутом дворцов-мегаронов Микен, Тиринфа, Пилоса [19], так же как и жилых мегаронов Греции эпохи Гомера [20], был очаг в центре главного зала. Впоследствии греки, воспринявшие этот древнейший тип жилища для храмовой архитектуры, убрали очаг, заменив его алтарем перед входом. Однако в некоторых древних греческих храмах сохранились очаги, например в храме VIII в. до н. э. в Дреросе на о. Крите [21].

При сопоставлении всех элементов культовых зданий Неаполя, невольно бросаются в глаза различия между загородными и городскими сооружениями (рис. 5). Здания «З» и «Е», по-видимому, имели плоскую крышу. Они были перекрыты деревянным накатником, поверх которого мог быть слой глины или земли (рис. 5, *1*, *2*). В центре здания «Е» находился очаг, а перекрытие опиралось на четыре столба, расположенные вокруг него.

---

[17] *П. Н. Шульц.* Бронзовые статуэтки Диоскуров из Неаполя скифского. СА, 1969, 1, стр. 120—136, рис. 2.

[18] Нельзя согласиться с П. Н. Шульцем, что дом на участке «В» Неаполя также относится к типу мегарон (см. *П. Н. Шульц.* Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму. Проблемы скифской археологии. М., 1971, рис. 2-И). Он имеет иной план и будет рассмотрен нами в другой связи.

[19] *C. W. Blegen* and *W. Rawson.* The palace of Nestor at Pylos in the western Messenia. Princeton, 1966, p. 34.

[20] Odysseia, XVI, 286—290.

[21] *В. Д. Блаватский.* Архитектура античного мира. М., 1939, стр. 17.

В крыше над очагом мог находиться фонарь для проникновения света и выхода дыма. Не исключено также, что свет проникал через дверь, служившую и для выхода дыма. Здания «А» и «В» отличались большим совершенством и монументальностью постройки. Они имели, как мы видели, черепичную крышу (рис. 5, *3*, *4*).

Ширина зданий («В» — около 8 *м*; «А» — около 9 *м*) предполагает двускатную крышу, требующую иной конструкции перекрытий — продольных и поперечных балок, треугольников фронтонов. Как мы уже

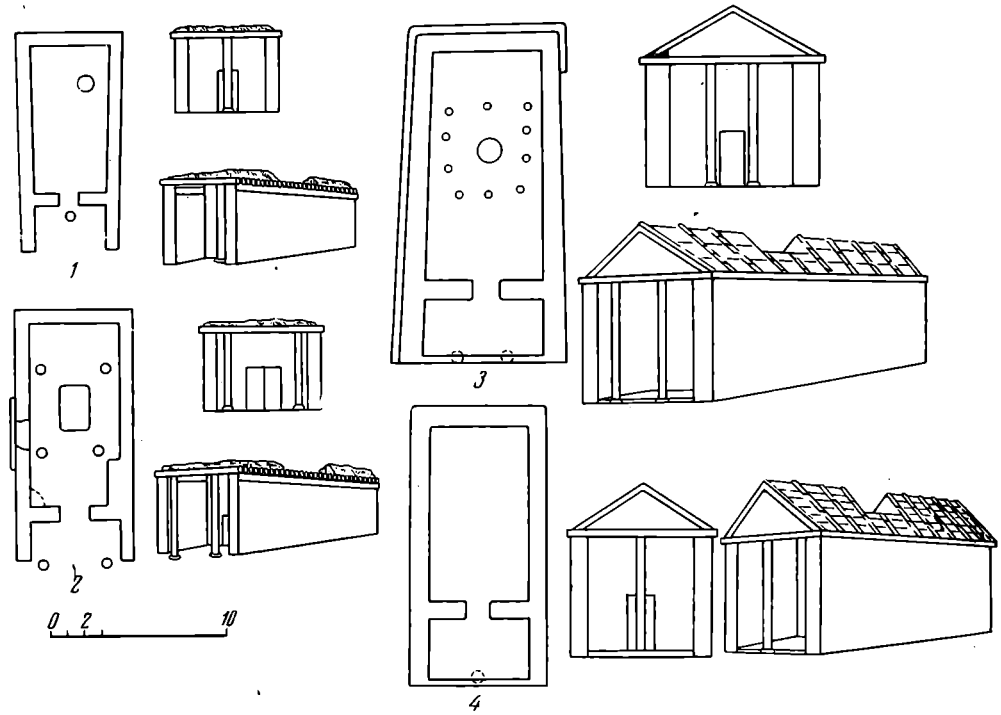


Рис. 5. Культовые здания Неаполя скифского (планы и реконструкции): *1* — здание «З»; *2* — здание «Е»; *3* — здание «А»; *4* — здание «В»

отмечали, планировка всех рассматриваемых зданий совпадает. И нельзя согласиться с П. Н. Шульцем в том, что неапольские здания аналогичны по плану мегаронам микенской культуры [22]. Мегароны Микен и Тиринфа, состоящие из двух-трех помещений, имели почти квадратный в плане зал и мало чем напоминают здания Неаполя.

Откуда же могли попасть на Неаполь здания типа мегарон?

В архитектуре зданий Неаполя в плане, в соотношении размеров главного зала и сеней, в характере перекрытий (зданий «А» и «В») наблюдается сближение с греческим храмом в антах [23]. Ближайшую аналогию мы находим в Ольвии, в храме V в. до н. э. (рис. 6, *4*) и храме Зевса III в. до н. э. (рис. 6, *5*). Последние в свою очередь близки храмам Милета (рис. 6, *1*, *2*). По-видимому, во время ионийской колонизации Северного Причерноморья греками завезен этот тип храма. Тесное общение с ольвиополитами и боспорскими греками в V—II вв. до н. э. повлекло за собой восприятие скифами античных архитектурных форм, в том числе и типов зданий, связанных с культами. Возможно, что культовые здания Неаполя были выстроены руками греческих мастеров. Появляются аналогичные здания и в Приднепровской Скифии (Золотая Балка — рис. 6, *3*). Здесь

[22] *П. Н. Шульц.* Позднескифская культура..., стр. 135 сл., рис. 2.

[23] На это вскользь указал П. Н. Шульц в упомянутой выше статье (стр. 135), однако планы зданий Неаполя он сопоставляет с микенскими мегаронами.

они, так же как и всюду в Северном Причерноморье [24], играют роль культовых сооружений [25].

При строительстве культовых зданий Неаполя, так же как Ольвии и Золотой Балки, четко соблюдались архитектурные пропорции в планировке. Витрувий, говоря о храме в антах, пишет: «Длина храма определяется тем, что ширина его должна быть вдвое меньше длины» [26]. Строгое соблюдение этого правила мы видим и в Неаполе. Длина здания «А» 19 *м*,

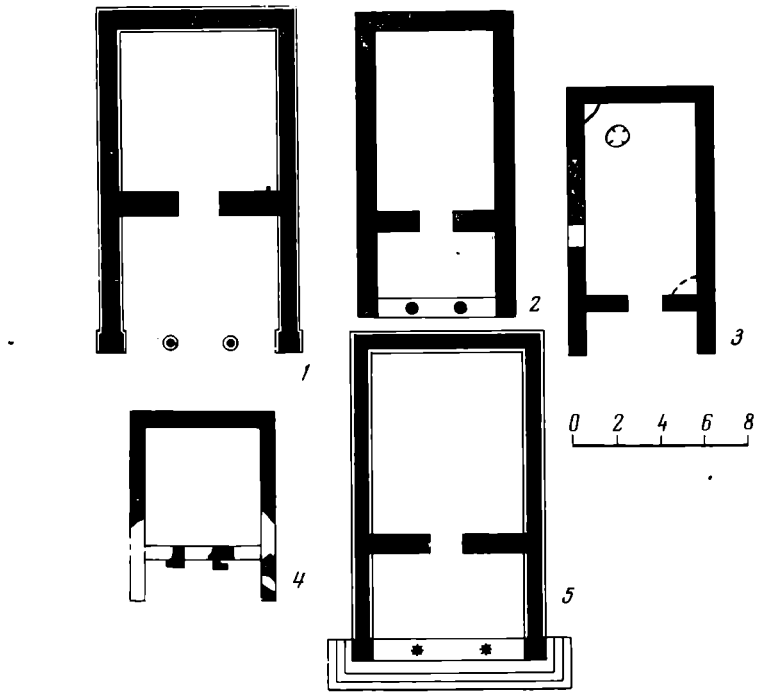


Рис. 6. Сравнительная таблица планов храмов и мегаронов: *1* — храм Афины в Милете IV в. до н. э.; *2* — храм Афины в Милете VI в. до н. э.; *3* — ольвийский храм V в. до н. э.; *4* — храм Зевса в Олимпии III в. до н. э.; *5* — культовое здание городища Золотая Балка

ширина 9 *м*; длина здания «В» 15 *м*, ширина 7,6 *м*; длина здания «Е» 13,4 *м*, ширина 6,5 *м*; длина здания «З» 11 *м*, ширина 5,6 *м*.

Относительно ориентации храмов читаем у Витрувия: «Храм вместе с изваяниями, помещающимися в целле, должен быть обращен к вечерней стороне неба, чтобы взоры приходящих к алтарю для жертвоприношений или совершения богослужений обращены были к восточной части неба» [27].

Из всех культовых зданий Неаполя по этому правилу построено самое большое — здание «А», вход которого обращен на юго-запад. Загородные здания Неаполя имеют по аналогии с храмами Ольвии [28] почти меридиональную ориентацию с небольшим отклонением на запад.

---

[24] *И. Д. Марченко.* Некоторые итоги раскопок на Майской горе. КСИА АН СССР, 95, 1963, стр. 86 сл., рис. 32.

[25] Жилой дом, состоящий из больших сеней и маленького зала с очагом, открыт в Золотой Балке (*М. І. Вязьмітіна.* Золота Балка. Київ, 1962, стор. 32, рис. 8, *23*, *24*). Он приобщен П. Н. Шульцем к зданиям типа мегарон, хотя резко отличается от рассматриваемых нами культовых сооружений (*П. Н. Шульц.* Позднескифская культура, рис. 2-К).

[26] *Витрувий.* 10 книг об архитектуре. М., 1936, кн. 4, гл. I.

[27] Там же, кн. 4, гл. V, 1.

[28] Храм Аполлона V в. до н. э., храм IV в. до н. э., храм III в. до н. э. (*А. Н. Каравев, Е. И. Леви.* Ольвийская агора. СА, 1958, 4).

Наблюдаемое нами различие между городскими и загородными культовыми зданиями Неаполя вызывает вопрос: не были ли городские дома предназначены для собраний и культовых церемоний знатных представителей общества, а более примитивные, загородные, для рядового населения? Или же это различие вызвано обрядами, отправляемыми в культовых зданиях? Очень интересное предположение высказал П. Н. Шульц. По его мнению, здание «Е», выстроенное за городом, у дороги, было связано с культом Диоскуров [29].

Исключительный интерес при рассмотрении культовых загородных зданий Неаполя представляют зольники, которые были, по-видимому, жертвенными холмами-эсхарами подобно обнаруженным в Мирмекии [30]. Вряд ли можно сомневаться в вотивном назначении находок, обнаруженных в зольнике при здании «Е».

Павсаний описывает сооружение жертвенника, находящегося против Елевфер, следующим образом: «Кладут четырехугольные брусья, прилаживая как камни при постройке здания, и, подняв до известной вышины, накладывают хворост. Затем представители городов приносят жертву: Гере — корову, Зевсу — быка, наполняют их вином и курениями и вместе с дедалами (небольшими культовым скульптурами — *Ред.*) кладут на жертвенник и зажигают. Частные лица жертвуют кто что может: у кого средств меньше, тот жертвует что-нибудь из мелкого скота. Все эти жертвы сжигаются, причем сгорает и сам жертвенник» [31]. По-видимому, нечто подобное происходило и в Неаполе. Возможно, что зола с очага внутри здания собиралась и ссыпалась в зольник.

Как мы отмечали, зольники при зданиях «З» и «Е» располагались с юго-восточной стороны, т. е. направо от входа. В греческих храмах жертвенники часто помещали направо от входа. Павсаний, описывая жертвенник Артемиде Агротере в Олимпии, пишет: «А в самой притании, в той палате, где священный очаг, направо от входа жертвенник Пана. Очаг тоже сделан из пепла, и на нем огонь горит целый день и целую ночь. Золу из этого очага несут на жертвенник Олимпийского Зевса» [32]. Предполагаемый алтарь храма на Майской горе в окрестностях Фанагории также находился справа от входа [33]. Известно, какую роль у греков играл культ огня-очага. Однако не меньшую роль играл он и у скифов. В качестве одного из наиболее ярких примеров может служить храм-святилище богини огня с алтарем в виде кучи золы, окруженное домами металлургов на Каменском городище [34]. По мнению Н. Н. Погребовой, многие ямы Гавриловского городища служили для выброса золы и очажных остатков, связанных с культом домашнего очага [35]. На вотивный характер находок в зольниках на поселениях скифского времени в бассейне Северного Донца и на культовое назначение зольников обращал внимание Б. А. Шрамко [36]. И именно в силу того большого значения, которое имел очаг и культ огня у скифов, центральное место в культовых зданиях Неаполя принадлежало очагу. А зольники-эсхары представляли собой синкретическое отражение собственно скифских и греческих представлений, связанных с культом огня и жертвоприношениями.

В связи с этим невольно возникает вопрос: всегда ли зольники позднескифских городищ Крыма и Приднепровья были свалкой мусора, как

[29] *П. Н. Шульц.* Бронзовые статуэтки Диоскуров, стр. 135.

[30] *В. Ф. Гайдукевич.* Мирмейские зольники-эсхары. КСИА АН СССР, 103, М., 1965.

[31] *Paus.*, IX, 3, *7*.

[32] *Paus.*, V, 13, *8*.

[33] *И. Д. Марченко.* Ук. соч., стр. 87, рис. 32, *а*.

[34] *Б. Н. Граков.* Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 63; *его же.* Скифы. М., 1971, стр. 34.

[35] *Н. Н. Погребова.* Позднескифские городища на Нижнем Днепре. МИА, 64, 1958, стр. 200.

[36] *Б. А. Шрамко.* Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца. КСИИМК, 54, 1954, стр. 112.

часто считается? Почему, например, под зольником на городище Золотая Балка были обнаружены две ямы, одна из которых обложена камнями и заполнена пеплом, обломками глиняной посуды и костями животных? [37] Может быть, в разное время и при разных условиях зольники имели различные функции и часть их действительно представляла собой жертвенные холмы подобно зольнику у здания «Е» Неаполя скифского.

T. N. Vysotskaïa

LES EDIFICES PUBLICS DE NEAPOLIS DE SCYTHIE

Résumé

La place située devant les portes principales de Néapolis de Scythie était probablement destinée à des cérémonies solennelles. Il s'y trouvait un édifice à portiques, dont sont restés des pans de murs construits à deux époques différentes. La plus ancienne construction remonte au IVe s. av. n. ère. Aux édifices publics de la ville se rapportent aussi quatre bâtiments du type mégaron, dont deux (A et B) s'élèvent au centre de la ville, deux autres (E et 3) hors des murs d'enceinte. Dans la salle principale de chaque maison il y avait un foyer, dans l'un des angles des ossements d'animaux de sacrifice. Les bâtiments avaient des proportions identiques et différaient seulement par leurs dimensions. Près des maisons suburbaines (E et 3) on a trouvé des tas de cendres qui sont des monticules sacrificatoires, des eskharaï. La plus ancienne construction (le bâtiment 3) a été élevée aux IIIe—II e ss. av. n. ère. Presque en même temps, dans la partie centrale de la ville, on érige l'édifice B. Au IIe s. av. n. ère, à côté de lui on construit le plus grand bâtiment A, puis l'édifice E. Toutes ces constructions avaient une destination cultuelle. Elles tirent leur origine du temple grec à antes. Etant donné la grande importance du foyer et du culte du feu chez les Scythes, le foyer occupait une place centrale dans les édifices cultuels de Néapolis. Et les monceaux de cendres — les eskharaï — y reflètent le mélange dés croyances purement scythes et des idées grecques sur le culte du feu et les sacrifices.

---

[37] *М. І. Вязьмітіна.* Ук. соч., стор. 65.

Г. В. ШИШКИНА

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА АФРАСИАБА

Впервые комплекс керамики периода Афрасиаб II был выделен в 40-е годы А. И. Тереножкиным, производившим небольшие раскопки, зачистки, наблюдения за земляными работами при постройке дороги и потому не имевшим в своем распоряжении обильного материала[1]. Последовавшие после большого перерыва полевые исследования 1962—1964 гг. на северо-западе и 1969—1971 гг. — на севере Афрасиаба[2] дали возможность уточнить и значительно расширить ассортимент составляющей комплекс посуды. Массовый материал и четкая стратиграфия нижних слоев раскопа на северо-западе[3], а особенно зольно-гумусных наслоений у городской стены на севере городища[4], позволили выделить ряд признаков, свойственных только одному из двух соприкасающихся по времени бытования и во многом сходных комплексов (Афрасиаб II и III), и тем самым провести между ними границу, на которой размещается керамика переходных вариантов.

Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет представить ниже довольно полный состав керамического комплекса Афрасиаб II (включая и переходный к следующему периоду этап).

I — кубки — глубокие сосуды, высота которых превышает 1/2 диаметра[5]: *1* — стенки округлых очертаний, пропорции приземисты, высота меньше диаметра: А — на плоском донце (рис. 1, *3*; рис. 2, правая колонка), Б — на кольцевом поддоне (рис. 2), В — на ножке (переходный период — ? и Афрасиаб III); *2* — резервуар округлых очертаний, вытянутых пропорций, высота больше диаметра; А — на ножке (рис. 1, *1*; рис. 2); *3* — цилиндроконическое тулово[6]: А — на плоском донце (рис. 2), Б — на кольцевом поддоне (рис. 2), В — на ножке (переходный период и Афрасиаб III) (рис. 2), Г — на дисковидном поддоне (рис. 2);

II — чаши — сосуды разных размеров, высота которых равна или меньше 1/2 диаметра[7]: *1* — профиль венчика «клювовидный» — «рыбное блюдо» (рис. 3, *1—5*, *7*, *8*); *2* — венчик четких очертаний резко отогнут (верхняя плоскость его либо горизонтальна, либо наклонена наружу):
А — Т-образный профиль венчика (рис. 4, *3*, *6*, *9*), Б — Г-образный профиль венчика (рис. 4, *4*, *7*, *8*); *3* — чаши с развернутым бортом на поддоне (?), верхняя плоскость венчика наклонна внутрь (рис. 5, *1*, *5*, *6*): А — стенки плавно отогнуты (рис. 5, *8*), Б — венчик четко профилирован (рис. 5, *5*, *7*),

---

[1] *А. И. Тереножкин.* Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, рис. 69, III, 1—9.

[2] Афрасиабская экспедиция Института истории и археологии АН УзССР, руководитель до 1966 г.— В. А. Шишкин, в 1967—1971 гг.— Я. Г. Гулямов. В работах участвовали: К. Алимов, Я. Амиров, Л. Г. Брусенко, Е. Лушникова, Л. Павчинская. Фотографии Е. Н. Юдицкого.

[3] Раскоп 9, шурф 3; 72-метровая траншея, квадраты А — Л.

[4] Раскоп в 40-метровом квадрате 41/XVI.

[5] Исключены круглодонные сосуды — см. раздел III.

[6] Под цилиндроконической разумеется только та форма, где изгиб стенки четко выражен или подчеркнут выступом снаружи и ложбиной внутри.

[7] Исключены круглодонные сосуды, см. раздел III.

В — на стенке внутри — уступ (рис. 5, *1—4, 6*); *4* — чаши с венчиком, закругленным внутрь (рис. 4, *12—20*); А — на дисковидном поддоне, Б — на кольцевом поддоне, В — на плоском донце;

III — круглодонные чаши, высота меньше диаметра: *1* — полусферическая или в форме «шарового сегмента» «мегарская чаша» (рис. 3, *12—16*); *2* — развернутый борт, выделенный перехватом тулова и ребром (рис. 6, *2*);

IV — крупные сосуды с широким устьем на высоком поддоне — «кратеры» [8] (рис. 7);

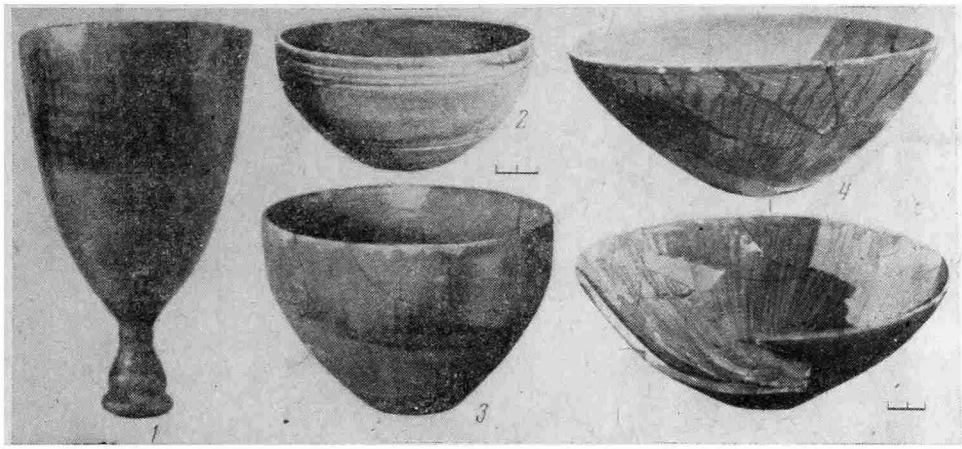


Рис. 1. Красноангобированная керамика. *1* — кубок I — *2* — А, полосчатое лощение, верхняя часть задымлена; *2* — «мегарская чаша», сплошное потускневшее лощение; *3* — кубок I — *1* — А, полосчатое лощение, верхняя половина задымлена; *4* — чаша на маленьком плоском донце, радиально-полосчатое лощение зигзагом

V — кувшины, диаметр горла (под венчиком) равен или меньше 1/2 диаметра по плечикам (сильно фрагментированы);

VI — широкогорлые сосуды закрытой формы — горшки, диаметр горла больше 1/2 диаметра по плечикам;

VII — сосуды с широким устьем — хумы (высотой от 1 *м* и больше) и хумчи (высотой 0,40—1 *м*): *1* — цилиндрическое тулово, манжетовидный венчик; *2* — тулово яйцевидное, венчик с широкой горизонтальной площадкой; *3* — покатые плечики, венчик отогнут наружу;

VIII — сосуды из жаростойкой глины — котлы: *1* — круглодонные, *2* — плоскодонные;

IX — светильники [9].

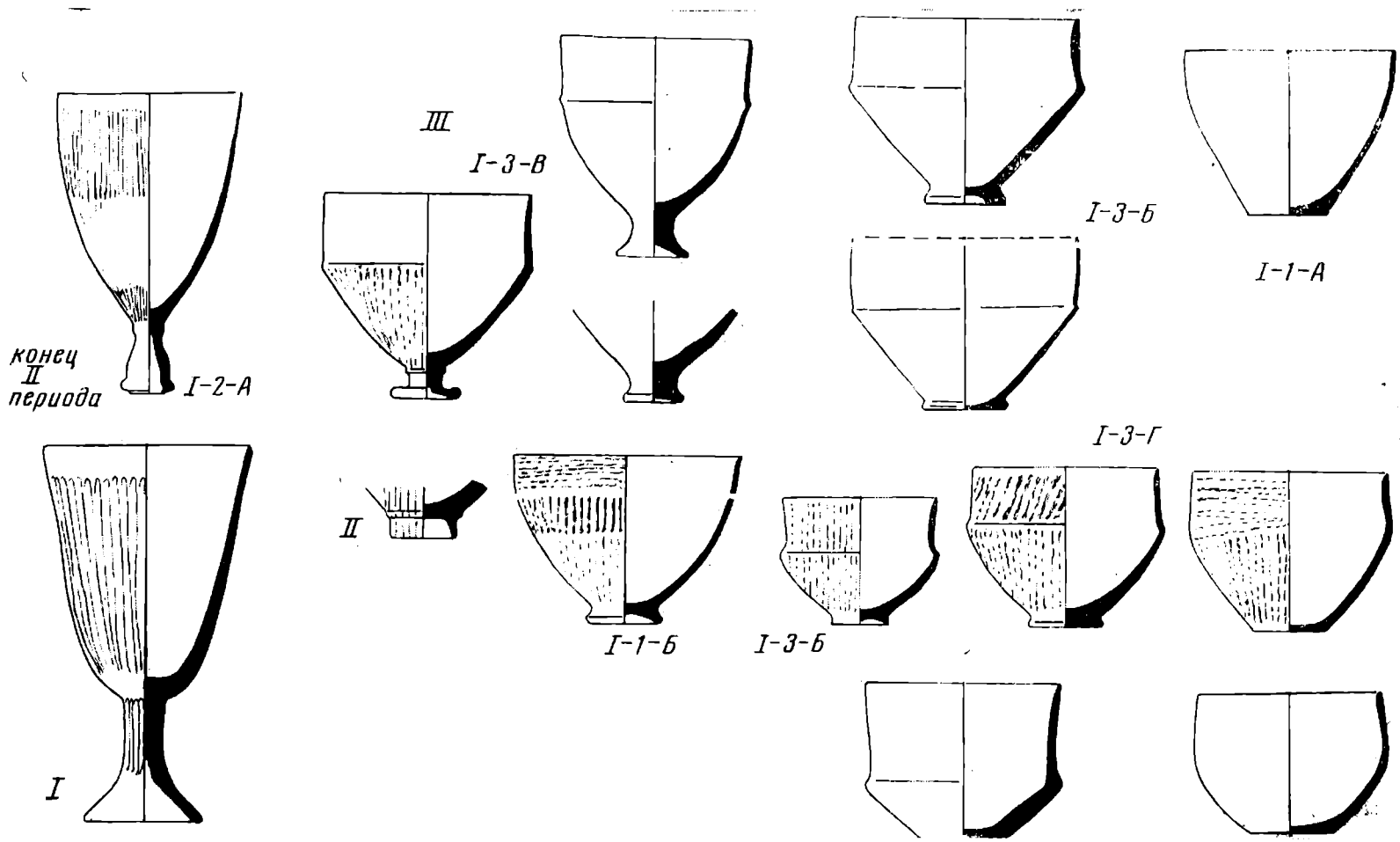
Несмотря на бесспорно прослеживаемые нити, связывающие комплекс Афрасиаб II с предшествующим, различие между ними настолько велико, что почти все формы столовой посуды могут казаться привнесенными в готовом виде. Тем не менее анализ афрасиабской керамики и сопоставление ее с материалами из других более южных районов приводит к выводу о местной основе [10] формирования новых типов посуды, хотя и под сильным чужеродным влиянием.

---

[8] За неимением места ниже рассматриваются только те типы посуды, в которых наиболее явственно проявилось эллинистическое влияние.

[9] Предложенная схема не включает все варианты форм керамики периода Афрасиаб II, тем более что многие из них пока единичны и фрагментарны. Частично комплекс Афрасиаб II представлен на рис. 7 в ст. Г. В. Шишкиной «О местонахождении Мараканды» (СА, 1969, 1); надписи на табл. искажены: вместо «II период» следует «II—III периоды» (№№ 119, 120, 122, 125—130, 132, 134, 136—149, 155—159, 161—163 относятся ко II периоду), вместо «III период» — «переход к IV периоду».

[10] В связи с чем следует ожидать выявления промежуточного этапа Афрасиаб I—II (возможно, бывшего сравнительно кратковременным), характеризуемого переходными типами керамики.


конец II периода
I-2-А
III
I-3-В
I-3-Б
I-1-А
I-3-Г
II
I-1-Б
I-3-Б
I

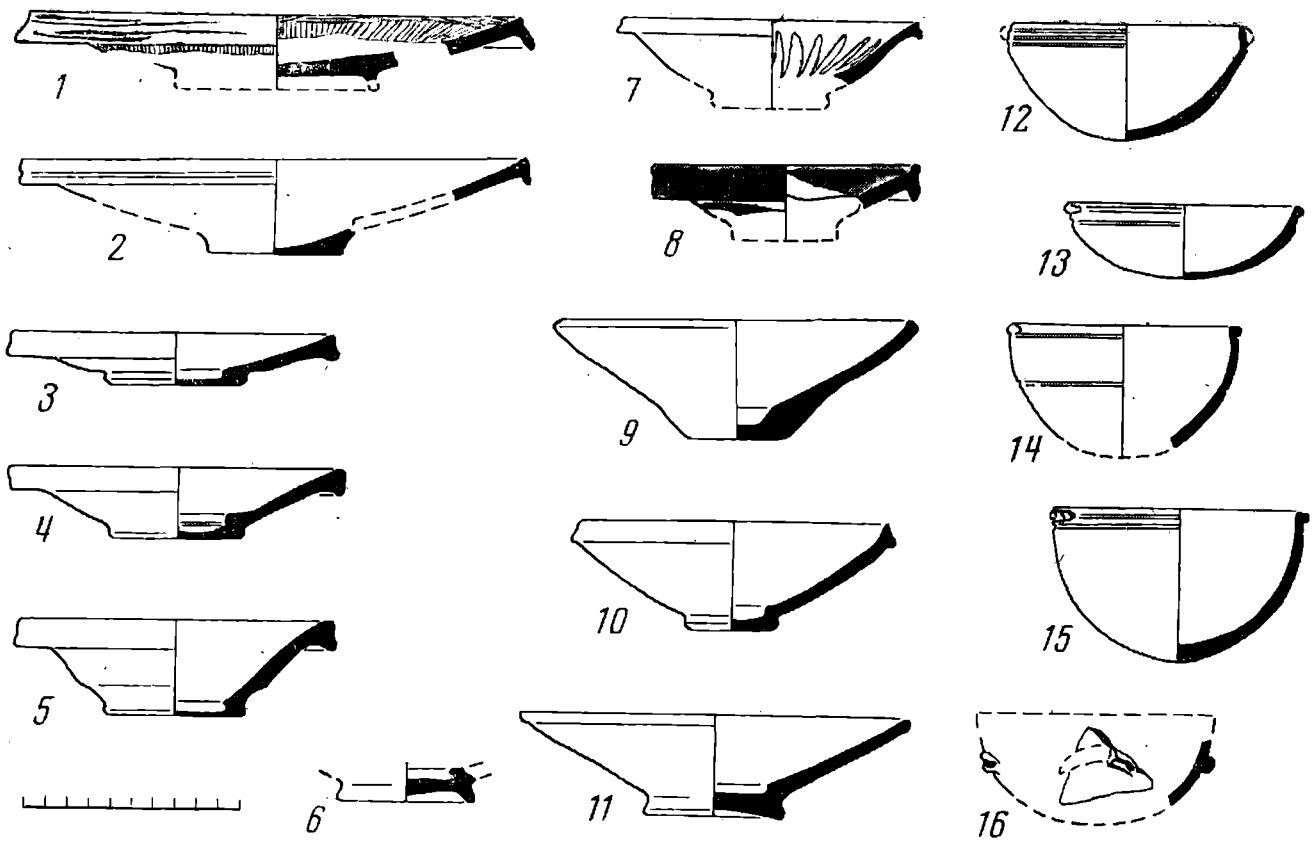


Рис. 3. «Рыбные блюда» — II — *1* и «мегарские чаши» — III — *1*. *1* — серый черепок, черный ангоб, полосчатое лощение; *2* — розовый черепок, черный ангоб, сплошное **лощение; *3*, *5*, *6*, *9*, *10*** — без ангоба; *4* — светлый ангоб; *7* — без ангоба, лощение зигзагом; *8* — красные полосы по белому ангобу; *11–16* – красный ангоб, сплошное лощение

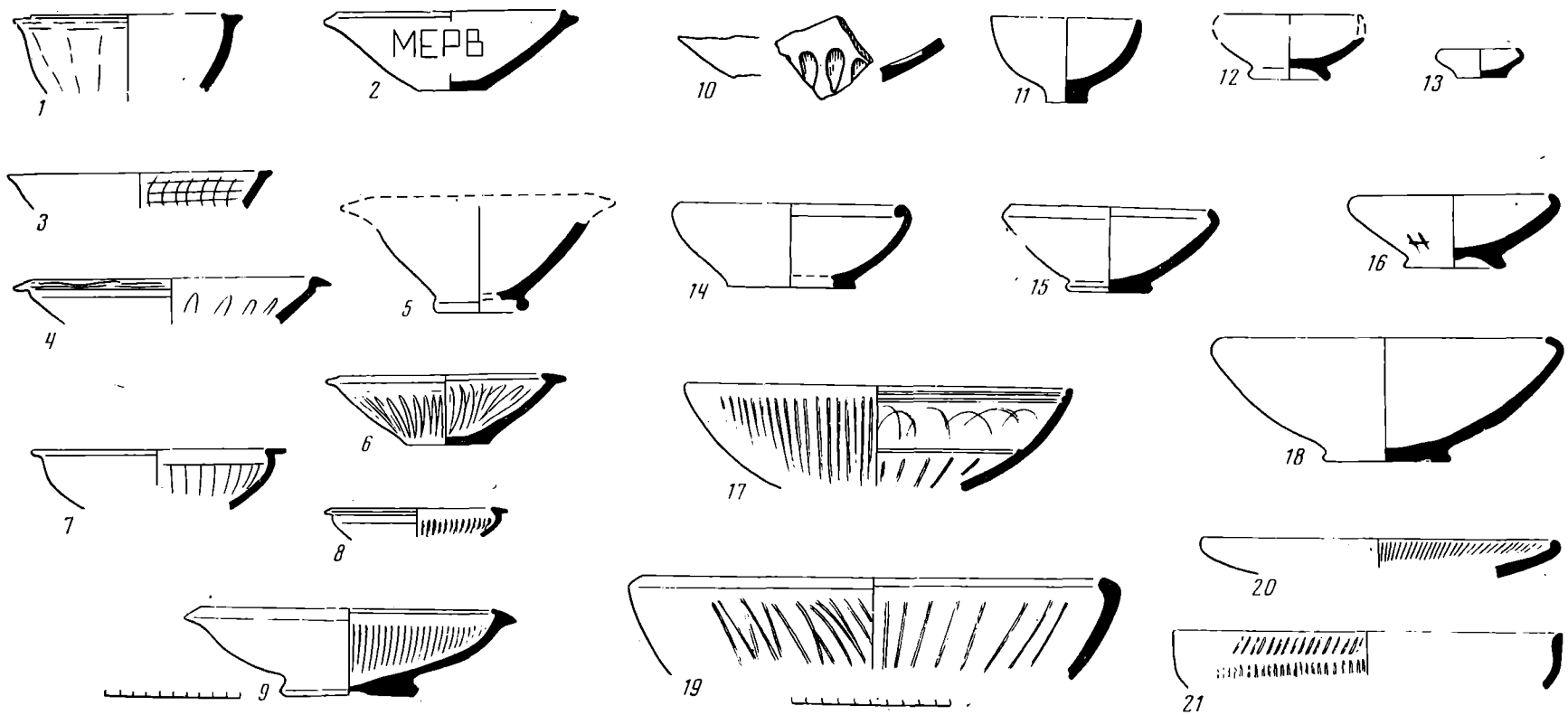


Рис. 4. Чаши II — *1* и II — *4; 1, 3, 4, 7—9* — красный ангоб, полосчатое лощение; *5* — серыe черепок и ангоб, сплошное лощение; *6* — лощение по неангобированной поверхности; *10—13; 16—20* — красный ангоб; *14— 15* — без ангоба; *21* — темные полосы лощения по неангобированной поверхности

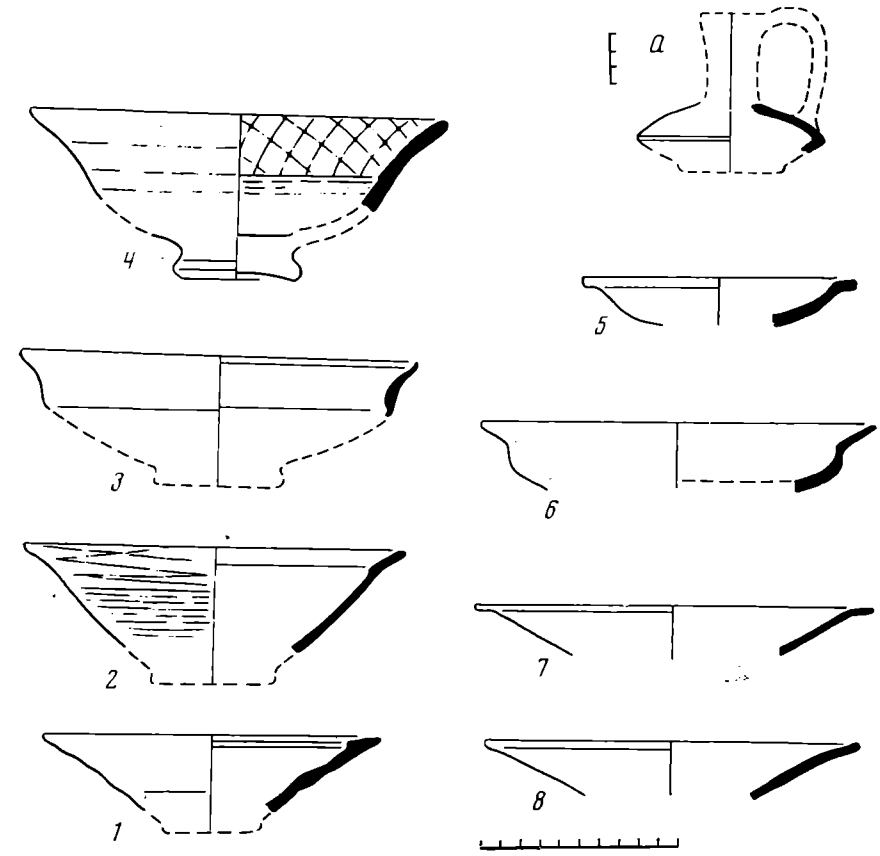


Рис. 5. Чаши II — *3* и биконический кувшинчик. *а, 1, 2, 6—8* — красный ангоб, лощение; *4, 3* — серый черепок, черный ангоб; *5* — без ангоба

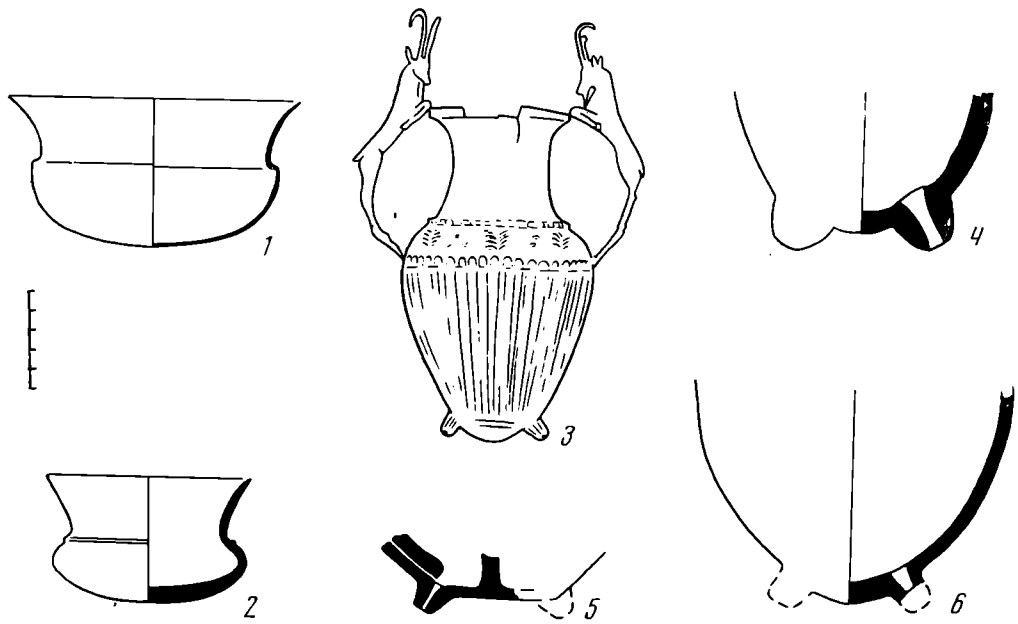


Рис. 6. Керамические сосуды Средней Азии и их металлические прототипы. *1* — бронзовая чаша V—IV вв. до н. э. из Персеполя (по Э. Ф. Шмидту); *3* — серебряный сосуд из Синопы (по Г. А. Тирацяну); *2, 5, 6* — керамические сосуды с Афрасиаба (*6* — по Н. Б. Немцевой); *4* — Кой-крылган-кала (по М. Г. Воробьевой)

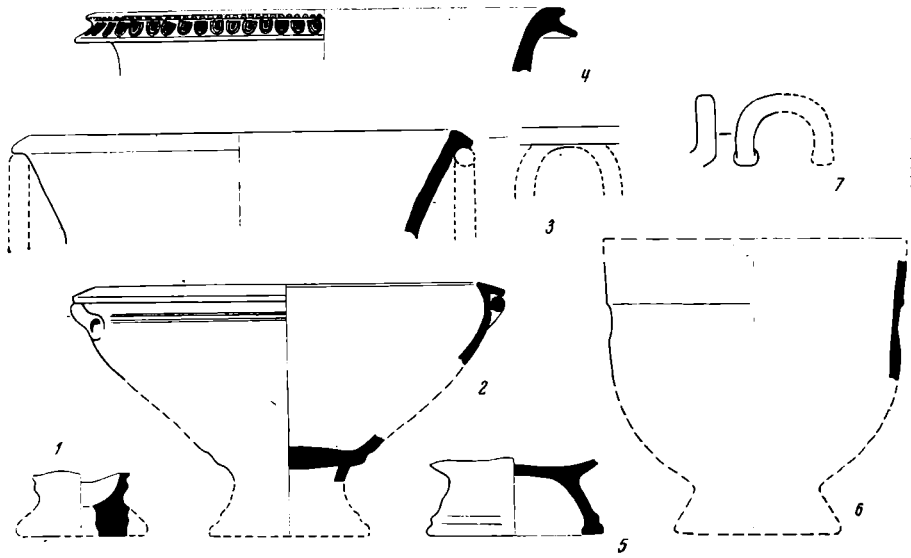


Рис. 7. «Кратеры». *1* — красный ангоб, *2* — светлый черепок, снаружи красный ангоб с черными подпалинами, внутри черный ангоб, *3* — красный ангоб с подпалиной; *4* — коричневато-серый ангоб на сером черепке, сплошное лощение (из материалов С. К. Кабанова); *5, 6* — черный ангоб на сером черепке

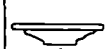
В какой степени это влияние выражено в керамике древнего Самарканда показывают ведущие формы сосудов комплекса Афрасиб II — прежде всего чаши четырех видов (II — *1*, рис. 3, *1—5*, *7*, *8*; II—*2*—А, рис. 4, *6*, *9*; II—*3*—Б, рис. 5, *7*,; II—*4*, рис. 4, *16*). Сравнение местных чаш с греческими (рис. 8) вряд ли оставит сомнение в их однотипности, причем некоторые из афрасиабских вариантов совершенно не отличаются от греческих. То же можно сказать и о единственном пока на Афрасиабе кувшинчике с биконическим туловом (ср. рис. 5, *а* и рис. 8, внизу справа).

Среди материалов из раскопок последнего десятилетия обращают на себя внимание еще две ранее не упоминавшиеся формы керамики — полусферические круглодонные чаши и крупные сосуды на высоком полом или сплошном поддоне. Круглодонные чаши разных пропорций, но неизменно с двумя желобками и двумя удлиненными налепами валиками вдоль края (рис. 1, *2*; рис. 3, *12—16*), всегда покрыты преимущественно красным ангобом и обработаны сплошным лощением. Прототипом афрасиабского круглодонного сосуда (III—*1*) представляются «мегарские» чаши, производившиеся в областях Средиземноморья со второй половины III в. до н. э. Чаши такой формы (III—*1*) появляются на Афрасиабе не в начале второго периода, а где-то ближе к его середине, становятся довольно обычными к концу его (см. табл. 1, № *4*) и исчезают в третьем периоде. «Мегарские» чаши изготовлялись и с красным, и с черным покрытием, причем более ранним вариантом были черноангобированные сосуды[11]. На Афрасиабе преобладают красноангобированные чаши, но нередки и с черным ангобом по серому черепку.

На ранних этапах периода Афрасиаб II появляются сосуды с широким устьем на высоком поддоне (IV). Резервуар их в виде большой глубокой чаши с Г-образным венчиком и стенками, суженными к полому поддону, под венчиком небольшие скобовидные ручки (рис. 7, *2*). Несмотря на своеобразие формы, сосуды вызывают ассоциацию с греческим кратером. Хронологическая последовательность появления типов «кратеров» пока не устанавливается, но для разных этапов периода Афрасиаб II зафиксированы

[11] *J. V. Noble.* The Techniques of painted Attic Pottery. N. Y. (1965), p. 43. На это исследование мое внимание обратила С. П. Борисковская.

Таблица

NN пп	Тип	Форма	Диаметр, см	Высота, см	Шифр слоя			
					41/XVI / XVIII-XX	41/XVI / XXI-XXII	41/XVI / XXIV-XXV	Р-9 / XV-XVIII
1	I-?-В				1,6%			
2	I-?-В				3,3%			
3	I-2-А		14	21,3	0,4%			
4	III-1		13-16	5-6,3	6,4%	11%	3%	
5	I-1-Б		16	11,6	1%	1%	1,4%	0,4%
6	I-1-А		11,5-17,4	6,4-12	3,4%	10%	21%	46%
7	I-3-Г		9,4-21	7,5-12,5	23%	12%	1,4%	0,8%
8	II-3-В		19,5-24,5	8,5	0,4%	0,4%		0,8%
9	II-2-А,Б		13,3-24,3	4-6,5	4,4%	2,5%	6%	1,6%
10	II-3-А,Б		13,8-21	5,5-6	0,8%	5%		9%
11	II-1		13,8-26,2	2,3-5,4	7,4%	16,5%	13%	7,8%
12	II-4		5,5-27	1,7-8	14,6%	26,6%	4,4%	13%
13	IV				3%	0,8%	1,4%	1,5%
14	V, VI		9,5-12,5 17-28		20%	20%	48%	19%
15	I-3-А		16,4	12				0,8%

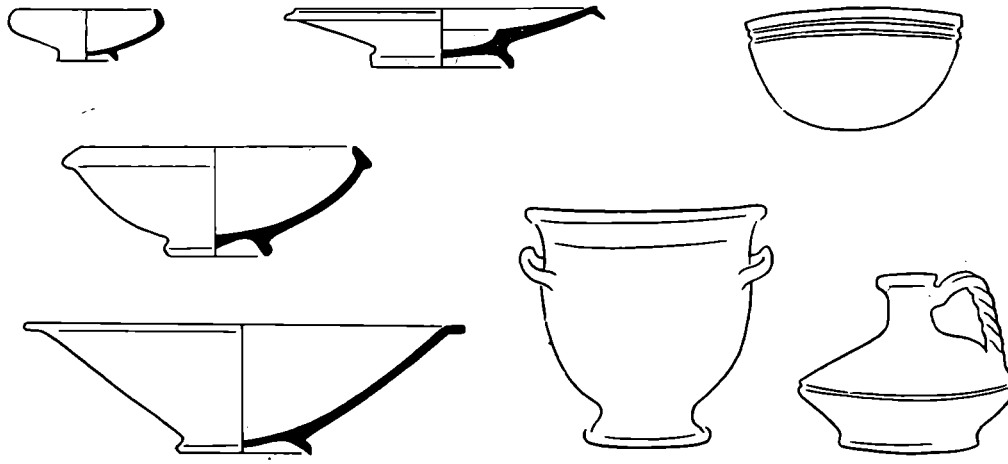


Рис. 8. Формы греческой посуды — прототипы афрасиабской керамики

разнообразные варианты тулова (рис. 7, *2* и *6*), венчиков (рис. 7, *2*, *3*, *4*), поддонов (рис. 7, *1*, *5*) и ручек (рис. 7, *2*, *3*, *7*). Черепок «кратеров» либо красноватый, либо серый, ангоб, как правило, черный, залощенный сплошь, или в более поздних (в пределах периода II) вариантах, орнаментированный сетчатым лощением.

Черты сходства афрасиабской и греческой посуды не исчерпываются близостью, а порой и идентичностью форм. Местные сосуды, хотя они и не расписывались, по качеству обработки поверхности гораздо ближе к греческим, чем это может показаться на первый взгляд. В общей массе лощеной керамики качество лощения может и не очень высоко, но есть и экземпляры с отличным лощением [12], не уступающие прекрасным образцам эллинистической посуды. Тусклый блеск лощеной поверхности большинства афрасиабских сосудов Н. С. Гражданкина объясняет содержанием в глине частиц извести, при обжиге разлагавшейся и разрывавшей заглаженную поверхность пузырьками газа. Большое значение, по всей вероятности, имело соблюдение температурного режима. При дополнительном обжиге афрасиабского фрагмента тонкостенного кубка с ярким красным ангобом и отличным лощением при температуре 900° покрытие слегка потускнело, а черепок приобрел розоватый оттенок [13].

Экспериментально исследовавший технологию производства греческой черно- и краснолаковой посуды Дж. В. Ноубл описывает процесс изготовления керамики, реконструируемый и на основании среднеазиатской лощеной керамики. Сосуд в обоих случаях покрывается специально подготовленной глиной — ангобом, по которому после подсушки проводится тщательная полировка галькой, костью или твердым деревом [14]. На Афрасиабе в слоях II периода найдены и костяные лощила (ребро, трубчатая кость), и плоская галька со следами красного ангоба на стертых гранях края, применявшаяся для полосчатого лощения.

Самаркандские гончары умели получить черный ангоб двух видов — матовый в незалощенных участках и, как греческие, спекшийся с металлическим блеском. Причем черные ангобы известны как на черепке красных оттенков, так и на сером, что объясняется особенностями обжига. Сильно железистые глины при обжиге в окислительной (с доступом воздуха) среде приобретали красный цвет. Добавка сырого дымящего топлива с прекращением доступа воздуха придавала изделиям черный цвет. При

[12] Найдены фрагменты кувшина, чаши и кубка. Красный плотный ангоб на стенках кувшина залощен до такой степени, что напоминает глазурь хорошего качества.

[13] Обжиг произведен в муфельной печи в лаборатории археологической технологии под руководством Н. С. Гражданкиной.

[14] *J. V. Noble.* Op. cit., p. 34.

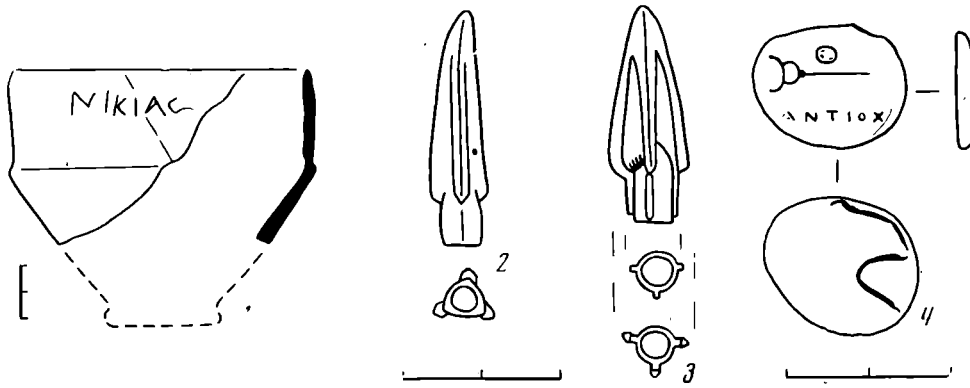


Рис. 9. *1* — фрагменты кубка с греческой надписью; *2* — бронзовый наконечник стрелы из раскопа 41/XVI в северной части Афрасиаба; *3* — бронзовый наконечник; *4* — монета из раскопа к востоку от городища (из материалов Ю. Ф. Бурякова)

температуре 950° ангобное покрытие, спекаясь, приобретало металлический блеск. Пористый черепок сосуда вновь получал красный оттенок, если в обжигательную печь опять открывался доступ воздуха, но ошлакованная поверхность ангоба уже не окислялась и не теряла своего черного цвета, закрепленного соединением окиси железа с кислородом.

Разницу в цвете верхней и нижней частей сосуда, столь обычную и для афрасиабской керамики, Дж. Ноубл объясняет частичным погружением изделий в песок, насыпанный на под печи. Восстановительный обжиг при температуре 800° придавал выступающей из песка части сосуда черный цвет, оставляя нижнюю красной [15]. Однако эффект мог быть получен более простым способом — размещением сосудов открытых форм (а только на них подобный прием наблюдается) перед обжигом один в другом, как, видимо, и поступали самаркандские гончары, в результате чего граница между красным и черным не всегда четкая.

Есть и другие частные детали, подтверждающие связь местной посуды с греческими образцами. К примеру, рыбные блюда в Танаисе (III—II вв. до н. э.) иногда орнаментировались полосами черного ангоба по черепку [16], а одно из афрасиабских «рыбных блюд» (II—*1*) раскрашено широкими полосами красного ангоба (рис. 3, *8*).

Еще одним свидетельством связи местной культуры с греческой служат фрагменты цилиндроконического кубка с процарапанной надписью NIKIAΣ (рис. 9, *1*) — женским именем в родительном падеже — пример вотивных надписей, широко распространенных в античном мире [17].

Несмотря на очень большую близость античной и самаркандской посуды, местная керамика настолько своеобразна, что речь должна идти не о подражании импортным образцам, а о существенной переработке исходных типов сосудов.

Объяснение тому направлению, которое получила переработка античной керамики, следует искать в более древних среднеазиатских комплексах, где уже бытовали сосуды, близкие к эллинистическим и формой, и размерами, а возможно, и назначением. Вероятно поэтому почти без изменений были восприняты античные чаши нескольких видов. «Рыбному блюду» с четкой профилировкой клювовидного венчика предшествует форма сосуда примерно тех же размеров и пропорций, но с венчиком, имеющим не отогнутый, а сплошной утолщенный край (продолжает бытовать и в эллини-

[15] Там же, стр. 31, 32, 34, 37, 76.

[16] Знакомством с керамикой из Танаиса обязана Т. М. Арсеньевой, за что приношу глубокую благодарность.

[17] См. *В. Ф. Гайдукевич*. Вотив из Мирмекия. Сб. «Культура античного мира». М., 1966, стр. 70.

стических комплексах). Фрагменты таких светлоангобированных чаш найдены на Афрасиабе в слоях с керамикой Афрасиаб I, есть эта форма и на Яз-Тепе. Один из местных вариантов чаш близок античной с Т-образным венчиком [18].

Форма же кратера основательно видоизменяется. Трудно сказать, насколько сохранилось его функциональное назначение. Во всяком случае, сосуды эти служили вместилищем жидкости, которая вычерпывалась из них, о чем свидетельствует характер потертости ангоба на днищах всех найденных на Афрасиабе обломков кратеров [19]. Не исключена возможность, что и здесь подобные сосуды использовались для вина, тем более, что в период Афрасиаб III они нередко украшались головками спутника Диониса—Силена.

Привилась форма кувшина со смятым устьем — ойнохоя. В слоях Афрасиаб II найдено около десяти сильно фрагментированных горловин ойнохой, дающих профилировку венчика нескольких вариантов. «Мегарская чаша», сохранив свою полусферическую форму, утратила пышную рельефную орнаментацию, заменив ее двумя валиками и желобками по краю. Да и другие виды чуждой им орнаментики местные мастера совершенно не восприняли; но вновь возродили прием вертикально-полосчатого лощения, имевший глубокие корни в среднеазиатском гончарном ремесле [20] и в несколько своеобразном варианте примененный на кубках с высокой ножкой комплекса Афрасиаб I.

Некоторые типы керамики формировались под влиянием металлических изделий. При сравнении одного из афрасиабских сосудов (рис. 6, *2*) [21] с бронзовой круглодонной чашей из Персеполя (рис. 6, *1*) [22] становится очевидной их взаимосвязь. Форма металлического кувшина с двумя сосками (рис. 6, *3*), надо полагать, популярная в свое время, широко внедрилась в керамическое производство Армении [23], Хорезма [24] и Согда (рис. 6, *4—6*).

Серия кубков разных типов своим происхождением обязана развитию местных форм керамики. Кубок на плоском донце (I—*1*—А) мало изменяется на протяжении всего периода существования от Афрасиаба I до конца Афрасиаба III. На каждом из этапов он представлен несколькими незначительно разнящимися вариантами пропорций и профилировки тулова (рис. 2, правая колонка). Истоки этой формы, как и кубка на ножке, уходят в IV тысячелетие до н. э. Периодами они как будто исчезают, но, возможно, изготовляются в столь незначительном количестве, что не всегда могут быть зафиксированы. И все же обе формы сосудов следует считать восточными, не связанными в интересующем нас случае с влияниями античной керамики. То же самое можно сказать о цилиндроконических кубках на плоском донце (I—*3*—А), от которых ведет происхождение тип цилиндроконического кубка на дисковидном (I—*3*—Г), кольцевом (I—*3*—Б) поддонах (см. рис. 2, вторая колонка справа) и на ножке (I—*3*—В).

---

[18] См. *В. М. Массон.* Раннеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, табл. XXXVIII, *1*; XXXIX, *21*; X, *1*, *15*.

[19] Кстати, то же наблюдается у кубков на ножках, донца которых в большинстве случаев (включая и кубки периода III) внутри сильно потерты.

[20] Лощение вертикальными полосами широко применялось во второй половине II тысячелетия до н. э. *В. И. Сарианиди.* Продолжение работ на Улуг-Тепе, АО — 1968, М., 1969, стр. 434; *Е. Е. Кузьмина.* К вопросу о формировании культуры северной Бактрии. ВДИ, 1972, 1, стр. 139, прим. 68.

[21] Найден Дж. Мирзаахмедовым в размытом оврагом зольнике.

[22] *E. F. Schmidt.* Persepolis, II, Chicago, pl. 68, *1*. Среди импортных вещей из кургана Солоха есть бронзовая чаша (IV в. до н. э.) той же формы, но иных пропорций. *Н. А. Онайко.* Античный импорт в Приднестровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. САИ, Д1 — 27, 1970, стр. 101, табл. XV, XLV, *410*.

[23] *Г. А. Тирацян.* Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э. СА, 1964, 3, рис. 6, *2*, *3*.

[24] *М. Г. Воробьева.* Керамика Хорезма античного периода, Тр. ХЭ, IV, М., 1959, табл. V, *23*, *24*.

В развитии кубка на ножке намечаются две линии. Кубки вытянутых пропорций на высокой полой или сплошной ножке появляются в согдийской керамике не позднее конца периода Афрасиаб I[25] — около IV в. до н. э. Сосуды не покрыты ангобом, но в отличие от других типов синхронной керамики поверхность их обработана частыми вертикальными полосками, нанесенными на подсушенную глину, — нечто среднее между срезом и лощением. Продолжение развития формы отмечено несколькими экземплярами кубков также вытянутых пропорций, но выполненных на технологически более высоком уровне, в стиле основной массы керамики Афрасиаб II со сплошным или полосчатым лощением по красному ангобу (рис. 1, *1*; рис. 2, левая колонка).

В конце периода II кубки вытянутых пропорций начинают вытесняться приземистыми с округлым и цилиндроконическим резервуаром. Форма приземистого кубка на ножке складывается на основе сосудов ранних типов. Кольцевой поддон, часто с утолщением в центре донца, как бы заимствованный у чаш, создает переход от кубка на плоском донце (I—*1*—А) и от цилиндроконического на дисковидном поддоне (I—*3*—В) к кубкам с резервуаром соответствующей формы на ножке (I—*1*—В и I—*3*—Г; рис. 2)[26]. Тем самым согдийский материал не подтверждает установленной А. М. Мандельштамом хронологической последовательности типов кубков на ножке (раньше цилиндроконические, затем рюмкообразные)[27], синхронных Афрасиабу III.

Почти все основные формы керамики Афрасиаб II, слабо или совсем не видоизменяясь, существовали длительное время, оставаясь характерными и для периода Афрасиаб III. Общими для комплексов II и III были кубки с плавной линией стенок на маленьком донце (I—*1*—А), цилиндроконические на дисковидном поддоне (I—*3*—Г); чаши с «клювовидным» профилем венчика диаметром 11—16, редко до 24 *см* (II—*1*); чаши с Г- и Т-образным профилем венчика (II—*2*—АБ), с развернутым бортом и уступом внутри (II—*3*—АБВ), малых размеров (диаметр 11—16 *см*) чаши с закругленным внутрь краем на плоском донце, дисковидном и кольцевом поддонах (II—*4*—АБВ). Общи и такие технологические признаки, как хорошо подготовленная формовочная масса с органическими добавками (пух камышевых метелок)[28], тонкотертые, плотно покрывающие (густые) поверхность сосудов красные и черные ангобы; широкое применение лощения, преимущественно по ангобу.

Отличительная, легко распознаваемая особенность керамики периода Афрасиаб II — массовость продукции, обработанной вертикальными, горизонтальными и наклонными лощеными полосами. Негативным признаком служит отсутствие в слоях Афрасиаб II (исключая поздний этап периода) кубков с приземистым резервуаром на ножке.

Попытка выявить момент появления некоторых форм керамики сделана на основании подсчета процентного соотношения типов столовой посуды, правда, включая все виды узкогорлых и широкогорлых кувшинов, поскольку оказалось затруднительным определить назначение многих из них (табл. 1). При подсчете экземпляров сосудов за единицу принимались венчик, ручка или донце, в то же время у фрагментов предполагаемых близких форм сравнивались структура и цвет черепка, качество и цвет ангоба, способ обработки поверхности. Учитывались только достаточно выразитель-

---

[25] Впервые выявлены С. К. Кабановым на западе Афрасиаба.

[26] Независимо от того, что в пределах Афрасиаб II кубок вытянутых пропорций на ножке (I — *2* — А) предшествует приземистому (I — *1* — В и I — *3* — В), такую последовательность в развитии этой формы нельзя считать постоянной. Известны значительно более ранние приземистые (Иран, IV—II тысячелетия до н. э.) и вытянутые — поздние (Афрасиаб IV) кубки.

[27] *А. М. Мандельштам.* Кочевники на пути в Индию. МИА, 136, 1966, стр. 156.

[28] См. *Н. С. Гражданкина.* Опыт технологического исследования древней красноангобированной керамики Узбекистана. ИМКУ, 3, Ташкент, 1962, рис. 2 и 3.

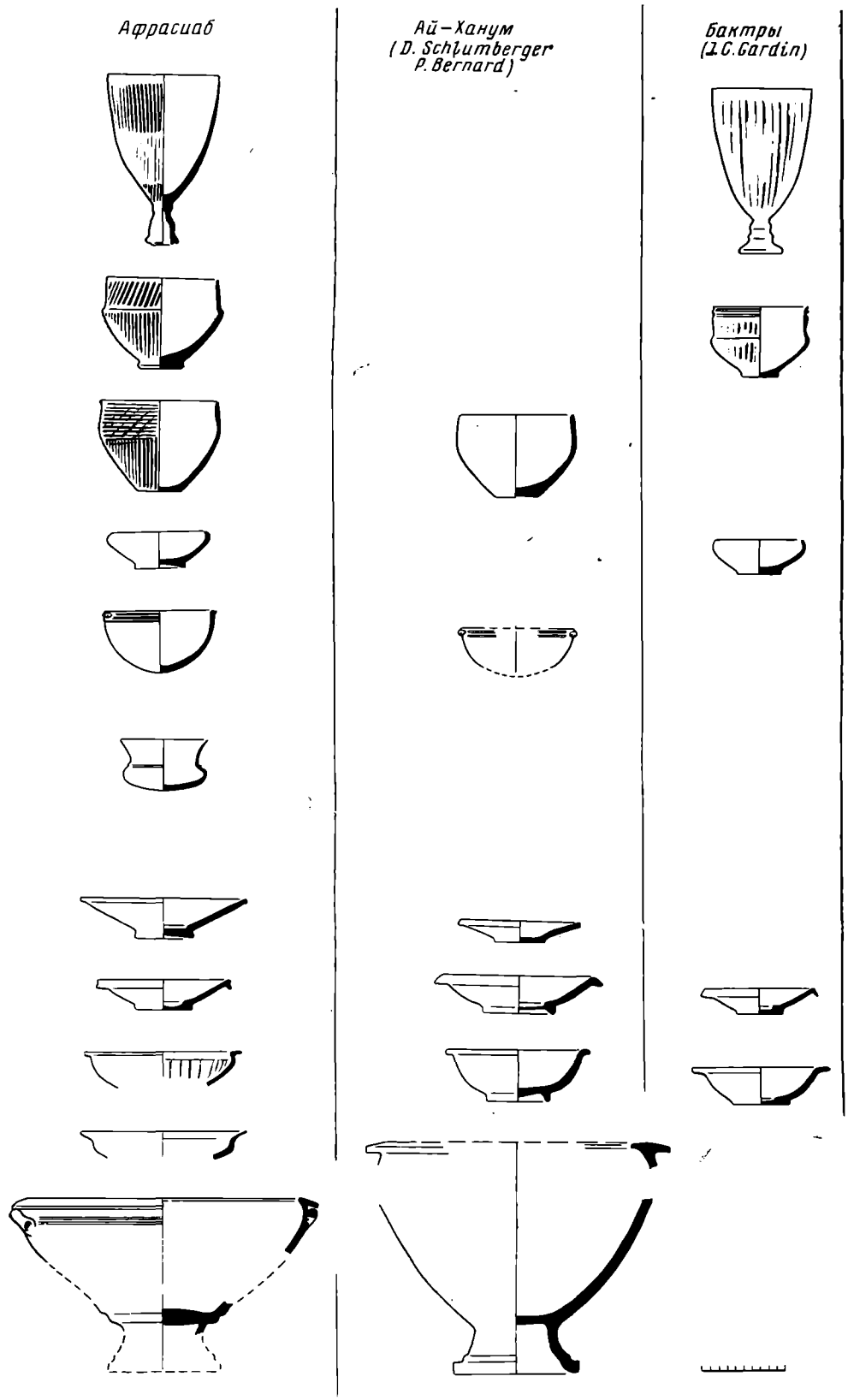
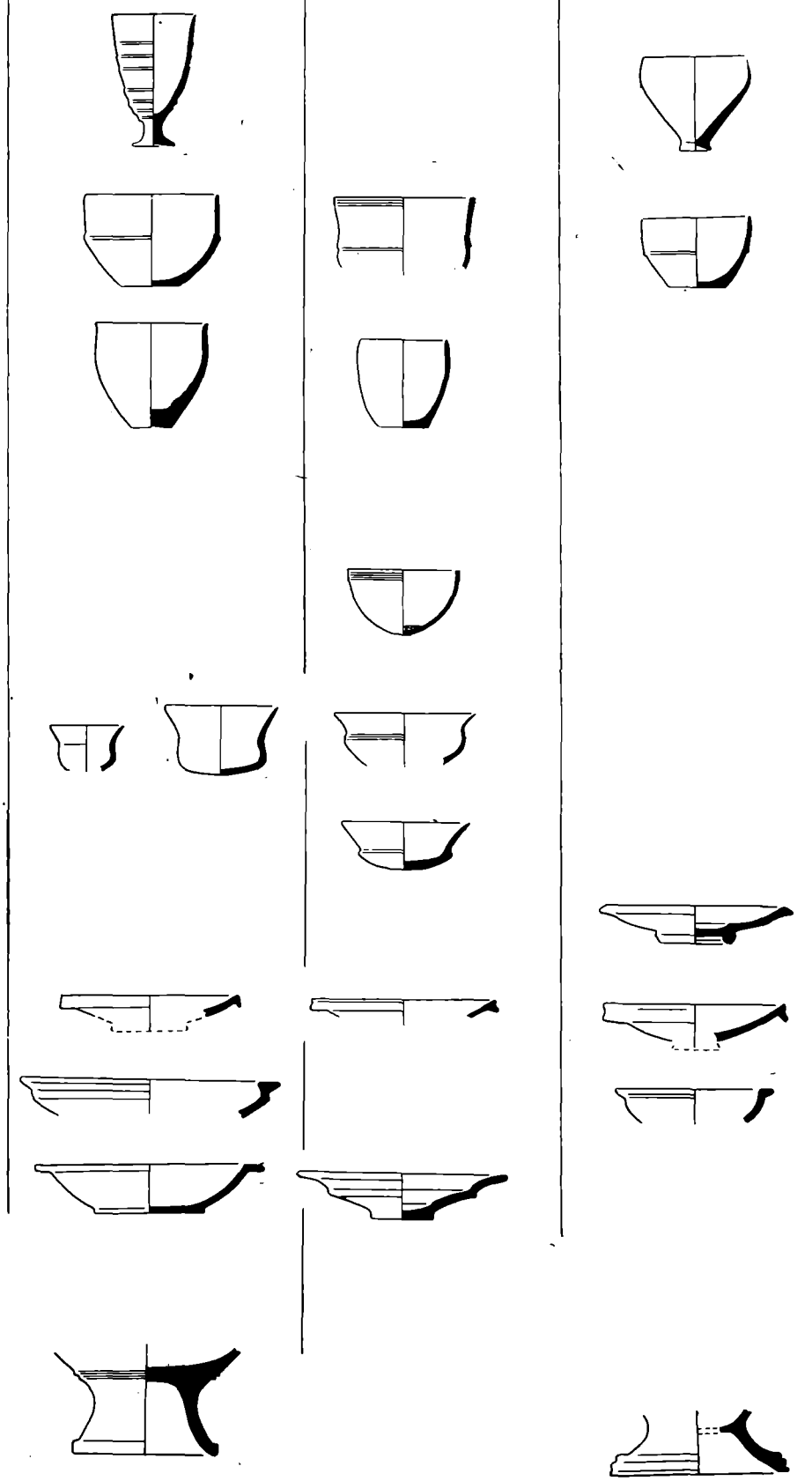


Рис. 10. Сравнительная таблица форм керамики. Исследователи датируют материал второй половиной I тысячелетия до н. э. (за исключением кубка I — *3* — А из Хорезма — VI—V вв. до н. э.)

Хорезм „поселения апасиаков“ (по М.Г. Воробьевой)

Чарсада, Таксила (M. Wheeler, J. Marshall)

Мерв (по З.И. Усмановой)



ные фрагменты стенок: стенка кубка с полосчатым лощением, стенка кувшина лощеного без соответствующих венчиков, ручек и донец и другие подобные случаи. Результаты подсчетов получены на основании выборок из четырех слоев: 657 определимых экземпляров сосудов из ярусов XV—XVIII раскопа 9 на северо-западе городища, 67 из XXIV—XXV ярусов раскопа 41/XVI на севере, 446 из XXI—XXIII и 323 из XVIII—XX ярусов того же раскопа.

Руководствуясь наличием ранней формы цилиндроконического кубка на плоском донце (I—*3*—А; табл. 1, № 15) и отсутствием «мегарских» чаш (III—*1*), слой раскопа 9 можно считать наиболее ранним из представленных, последовательность же трех других определяется стратиграфией раскопа 41/XVI. Большинство сосудов, составляющих комплекс, изготовлялось на протяжении всего периода Афрасиаб II, с начального и до последнего этапа. Насколько закономерно полученное процентное соотношение типов посуды, можно будет судить только после сопоставления с анализом новых материалов.

Логичной представляется картина, выявленная для «мегарских» чаш: отсутствие их в раннем слое, нарастание количества в двух последующих слоях, убывание на последнем этапе периода II (табл. 1, № 4), что согласуется с полным отсутствием «мегарских» чаш в периоде Афрасиаб III. Отсутствие же кубков вытянутых пропорций (I—*2*—А) на ранних этапах периода II, надо думать, обусловлено малочисленностью их (всего 0,4% в верхнем слое — табл. 1, № 3), тем более что несомненная типологическая связь с кубками Афрасиаб I предполагает непрерывность их производства. Незначительный процент кубков с округлым (табл. 1, № 5) и цилиндроконическим резевуаром на кольцевом поддоне, возможно, объясняется переходным характером этих форм. Некоторое время они сосуществуют с новой формой кубка на ножке, но вскоре совсем перестают изготовляться.

Комплексы, в той или иной степени близкие керамике периода II на Афрасиабе, получили широкое распространение во второй половине I тысячелетия до н. э. Северные границы их ареала намечаются по нескольким пунктам, материалы из которых опубликованы. Все основные формы сосудов комплекса: кубки на плоском донце (I—*1*—А), «рыбные блюда» (II—*1*), чаши с Т- и Г-образными венчиками (II—*2*—АБ), крупные сосуды с массивным ребром в придонной части, венчики хумов с горизонтальной площадкой представлены в керамике городища Бабиш-Мулла I[29] (рис. 10, колонка «Хорезм») и частично Ток-Калы[30]. В бабиш-муллинской керамике процент лощеных сосудов незначителен, основная их масса покрыта красным ангобом, встречается черный ангоб на красноватом черепке и вертикально-полосчатое лощение на чашах и кувшинах[31]. В хорезмийских комплексах, датируемых исследователями IV—III вв. до н. э., есть черты, связывающие их с согдийской керамикой периода Афрасиаб II: кубок вытянутых пропорций, правда, со своеобразной ребристой разделкой резервуара; чаша с Т-образным профилем венчика; кубки округлых очертаний на плоском донце со слегка развернутым бортом[32], в отличие от афрасиабских, имеющих прямые стенки; высокие полые поддоны «кратеров» (?)[33] и круглодонные чаши — довольно сильно измененный вариант (рис. 10, «Хорезм») общего для обширной территории прототипа (рис. 6, *1*). Кубки на плоском донце (I—*1*—А) и чаши с Т-образным венчиком (II—*2*—А), обработанные

---

[29] *С. П. Толстов.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 168, рис. 95.

[30] *А. В. Гудкова.* Ток-Кала. Ташкент, 1964, стр. 38 сл., рис. 9. (Дата II—III вв. н. э.)

[31] За возможность ознакомиться с материалом приношу большую благодарность Л. М. Левиной.

[32] На Афрасиабе представлен пока одним экземпляром.

[33] По М. Г. Воробьевой — это поддоны курильниц (гл. II «Керамика» в кн.: «Кой-Крылган-Кала», М., 1967, стр. 112, 122).

горизонтальными и вертикальными полосами лощения по красному ангобу, найдены в Ура-Тюбе [34].

Только общностью происхождения можно объяснить большое сходство керамики Афрасиаб II с комплексом III—II вв. до н. э. из Мерва (ср. рис. 4, *1*, *2* и рис. 10, «Афрасиаб», «Мерв») при всем своеобразии последнего, что выражается прежде всего в меньшем проценте сосудов на поддоне [35] и в характерной форме кубка на высоком поддоне, не находящего прямых параллелей в других комплексах. Как и на Афрасиабе, значительная часть мервской столовой посуды покрыта красным ангобом со сплошным лощением, но известны случаи применения черного ангоба и полосчатого лощения [36].

На юге ареал описываемого комплекса с заметно ослабленной степенью общности и с более выраженным местным своеобразием достигает Таксилы, Чарсады и верховьев Ганга [37], где среди местных форм выделяются сосуды явно эллинизированного облика (рис. 10, «Чарсада», «Таксила»).

Наибольшая близость керамики периода Афрасиаб II обнаруживается с материалами из Ай-ханум [38] и одним из комплексов Бактр [39] (рис. 10). Здесь и общность форм, и обработка поверхности сплошным и полосчатым лощением по красному и черному ангобам. Рассмотренные параллели согдийскому комплексу заставляют признать, что несмотря на возможность существования каких-то связей между северными областями Средней Азии и Причерноморьем [40] еще в пору правления Ахеменидов, местная материальная культура как до, так и после походов Александра складывалась в тесной взаимосвязи с культурой южных районов.

Начало формирования керамического комплекса Афрасиаб II по времени совпадает с переменами в других сферах, в частности, в строительной технике, где продолговатый сырцовый кирпич вытесняется квадратным. Смена формата кирпича, выявленная при изучении стратиграфии городских стен Афрасиаба, происходит еще в то время, когда в керамическом комплексе не наблюдается сколько-нибудь ощутимых перемен. Но уже следующий этап, отмеченный строительством новых городских укреплений из квадратного сырцового кирпича связан со сложившимся комплексом Афрасиаб II. В поисках абсолютной даты для нового комплекса керамики помогают бронзовые наконечники стрел. Одни из них, трехлопастной с втулкой подтреугольного сечения, извлечен из гумусного слоя, предлежащего слоям с керамикой периода Афрасиаб III. Принятые для подобных наконечников стрел даты в пределах V—III вв. до н. э. вполне согласуются с находками бронзовых наконечников в несколько более поздних слоях Афрасиаб III, датированных С. К. Кабановым тем же временем [41]. Допол-

---

[34] *В. А. Ранов* и *Е. Д. Салтовская.* О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г. Археологические работы в Таджикистане, в. VII (1959 год). Тр. Ин-та истории АН ТаджССР, XXXI, Душанбе, 1961, стр. 120 сл., стр. 122, рис. 10, *3*, рис. 12.

[35] Без поддона изготовляются в Мерве и цилиндроконические кубки, тем самым сближающиеся более всего с хорезмийскими (см. рис. 10, второй ряд сверху). Особенностями формы и технологии они отличаются от цилиндроконических кубков I — *3* — А Афрасиаба I (ср. рис. 2, внизу).

[36] *З. И. Усманова.* Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-Кала. Тр. ЮТАКЭ, XII, Ашхабад, 1963, стр. 190.

[37] *J. Marshall.* Taxila. Cambridge, 1951, v. II, p. 416, 418; v. III, pl. 123, *84*; 124, 107; *M. Wheeler.* Charsada. Oxford, 1962, fig. 10, 11, 12; 29, *251*, *252*, *254*; *B. B. Lal.* Excavations at Hastinapura and other Explorations at Upper Canga and Sutlej Basins 1950—1952. Ancient India, 1954, 10, Ancient India, 11. New Delhi, fig. 18, XXXII, XXXIV; 19, XL, XII.

[38] *D. Schlumberger et P. Bernard.* Aï Khanoum, BCH, LXXXIX, II, Paris, 1965. p. 606—639.

[39] *J. C. Gardin.* Céramiques de Bactre, MDAFA, XV, Paris, 1957, pl. VII, *23a(1)*, *a(2)*, *24b*; III, *15b*; IV, *16a, 17, 19b, c, 18a, b*, XIII, *3*.

[40] *С. П. Толстов.* По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 109, 192; *его же.* Новые археологические открытия в Хорезме и некоторые проблемы древней истории Индии. Сб. «Индия в древности», М., 1964, стр. 139.

[41] *С. К. Кабанов.* Ареал и эволюция двух керамических форм. СА, 1964, 3, рис. 2, *1—5*.

нительные сведения к датировке слоя получены на холме восточнее городища, где вместе с керамикой типичного для Афрасиаба II облика найдены бронзовый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 9, *3*) и медная монета (16×19 *мм*) овальной формы (рис. 9, *4*) с именем Антиоха (без титула «Василевс») [42]. Независимо от того, которому из Антиохов [43] мог принадлежать чекан, монета должна быть отнесена к III в. до н. э.

Попытка обратиться к историческим фактам ближайшего времени, которые могли существенно отразиться на облике местной культуры, неизбежно приведет к походам Александра Македонского, повлекшим за собой широкое распространение эллинистического влияния. Предложенная А. И. Тереножкиным новая датировка периодов Афрасиаб II и III IV—III вв. до н. э. [44] вместо ранее опубликованной IV—II вв. до н. э. [45] требует уточнений, поскольку она не учитывает самого факта эллинизации комплексов, длительности периодов II—III и довольно характерных признаков в слоях III периода, заставляющих относить его конец к рубежу нашей эры или к I в. н. э. Кроме того, теперь, когда массовый материал дает возможность провести границу между комплексами II и III, нет нужды рассматривать их совокупно.

Как обоснование даты комплексов II и III, А. И. Тереножкин приводит наконечники стрел, к сожалению, без должного внимания к стратиграфии их находок. Оставив в стороне найденные в слоях Афрасиаб I двухлопастные и черешковые наконечники, рассмотрим обстоятельства обнаружения трехлопастных втульчатых наконечников стрел. Наиболее ранняя группа их, датированная А. И. Тереножкиным VI — первой половиной V в. до н .э. [46], представлена двумя вариантами с округлым (1) и ромбовидным (2) очертанием лопастей. Наконечники первого варианта найдены с керамикой периода I [47] — в слое близ городской стены III периода и в ремонтной кладке той же стены [48]. Наконечники стрел второго варианта извлечены из слоя Афрасиаб I [49] и из завала городской стены Афрасиаб III [50]. Стратиграфия находок этих четырех наконечников делает очевидной их принадлежность только к слою Афрасиаб I [51] и тем самым не позволяет служить основанием для датировки периода III [52].

Два наконечника стрел более позднего времени (V—IV вв. до н. э.) найдены в слое Афрасиаб III, опять же у самой городской стены. И только два еще более поздних наконечника (рис. 8, *2*, *3*), с датировкой одного из которых IV—III вв. до н. э. А. И. Тереножкин [53] согласен, обнаружены

---

[42] *А. И. Тереножкин,* Вопросы периодизации и хронологии древнего Самарканда. СА, 1972, 3, рис. 1, *8* (опубликован наконечник стрелы); *Ю. Ф. Буряков, М. Тагиев.* О кангюйско-кушанских слоях Афрасиаба. Общественные науки в Узбекистане, № 8, 1968, стр. 58—60; *Я. Г. Гулямов, Ю. Ф. Буряков.* Новые данные по истории древнего Самарканда. Общественные науки в Узбекистане, 9, 1970, стр. 70.

[43] Не могла бы монета относиться к медной эмиссии Антиоха I того периода, когда он был наместником восточных владений отца? (См.: История таджикского народа. I, М., 1963, стр. 286).

[44] *А. И. Тереножкин.* Вопросы периодизации..., стр. 95.

[45] *А. И. Тереножкин.* Согд и Чач., стр. 153.

[46] *А. И. Тереножкин.* Вопросы периодизации..., стр. 93 сл., рис. 1,*2—4, 9.*

[47] Там же, рис. 1, *2.*

[48] Там же, рис. 1, *3.*

[49] Там же, рис. 1, *9.*

[50] Там же, рис. 1, *4*; *С. К. Кабанов.* Изучение стратиграфии городища Афрасиаб. СА, 1969, 1, стр. 186. Слой прилегает к поверхности стены у ее основания и, по словам автора, «прикрывает», но не перекрывает стену, как у А. И. Тереножкина. Слой не перемешан, как оговаривает А. И. Тереножкин, если не считать возможного попадания в него мелких фрагментов I периода из разрушенных кладок городской стены, а содержит комплекс керамики Афрасиаб III. Стратиграфия участка в описании А. И. Тереножкина искажена (Вопросы периодизации..., стр. 94).

[51] В более поздний слой два наконечника попали с грунтом и, как показывают находки в теле ремонтной стены, с керамикой Афрасиаб I при возведении городских укреплений.

[52] *А. И. Тереножкин.* Вопросы периодизации..., стр. 95.

[53] Там же, стр. 95.

с керамикой Афрасиаб II в зольнике[54] и в хорошо изолированном слое[55]. Такая ситуация не позволяет и наконечники V—IV вв. считать датирующими комплекс III и объясняет их присутствие в слое, скорее всего, разрушением городской стены, из строительного материала которой они и попали в завалы. В итоге только наконечники IV—III вв. могут быть привлечены для обоснования времени бытования комплекса II, но ни в коем случае не Афрасиаба III. В связи с изложенными соображениями приходится отказаться и от тезиса А. И. Тереножкина о начале упадка города во II в. до н. э.[56]

Изменения, резко отразившиеся на облике материальной культуры, а затем и в сокращении территории города, начали сказываться не раньше первых веков нашей эры. Нужно признать, что, во всяком случае, первая, упоминаемая А. И. Тереножкиным[57], волна кочевых племен (II—I вв. до н. э.) не вызвала существенных перемен в жизни города на Афрасиабе, хотя есть основания говорить о контакте горожан с кочевниками в этот период.

Удалению комплекса Афрасиаб II за пределы последней четверти IV в. до н. э. препятствует также его эллинизированный (в сравнении с предшествующим материалом) облик и тесная связь с эллинистической керамикой других пунктов Востока и Средиземноморья. Время бытования комплекса в какой-то мере определяется греческой надписью, монетой Антиоха и наконечниками стрел IV—III вв. до н. э. (рис. 8, *1—4*). Труднее обстоит дело с выявлением хронологической границы между слоями II и III периодов. В этом случае придется обратиться к результатам исследований типологически близких керамических комплексов, добытых за пределами Согда.

Переходный этап от II к III периоду определяется массовым производством кубков приземистых пропорций на ножке (I—*1*—В и I—*3*—В), вытеснивших ранние кубки с вытянутым резервуаром (I—*2*—А). Анализ материалов из большого могильника позволил А. М. Мандельштаму подтвердить (несколько уточняя) датировку I в. до н. э. — I в. н. э., предложенную М. М. Дьяконовым для группы погребений Туп-хона[58].

Эта группа представляет интерес, так как в одной из могил был найден кубок, типологически восходящий к афрасиабскому (рис. 1, *1*; рис. 10, вверху слева). Кубок из Туп-хона, судя по изгибу стенок, видимо, моложе близкого ему по форме и технологии кубка из Шахри-Бану (рис. 10, колонка «Бактры»)[59] и тем более моложе афрасиабского. Опираясь на все это, за неимением более веских оснований можно предварительно провести границу между комплексами Афрасиаб II и III где-то на рубеже II и I вв. до н. э.[60]

Останавливаясь на степени эллинизации столь отдаленных от Средиземноморья, как Согд, областей, исследователи обычно ограничивались сферой искусства. Однако характерные особенности керамического комплекса Афрасиаб II показывают, насколько глубоко эллинистическое влияние проникло не только в культуру верхушки восточного общества, но и в повседневную жизнь города на краю ойкумены.

---

[54] Зольник на северном краю городища $\left(\frac{41/XVI}{XXII}\right)$.

[55] *Ю. Ф. Буряков, М. Тагиев.* Ук. соч., стр. 59. Следует учесть, что и наконечник стрелы, и монета Антиоха найдены не в «слое со смешанной керамикой», как пишет А. И. Тереножкин (Ук. соч., стр. 95), а в слое с четко выраженным комплексом керамики Афрасиаб II, который, по словам авторов, «изолирован от более поздних примесей».

[56] *А. И. Тереножкин.* Вопросы периодизации..., стр. 98.

[57] Там же, стр. 99.

[58] *М. М. Дьяконов.* Работы Кафирниганского отряда. МИА, 15, 1950, стр. 165, табл. 83, 7; *А. М. Мандельштам.* Кочевники на пути в Индию..., рис. 55, *5*, стр. 153.

[59] *J. C. Gardin.* Op. cit., pl. XIII, *3*.

[60] Посвятивший изучению афрасиабских кубков статью С. К. Кабанов, датируя кубки на высокой ножке III—II вв. до н. э., удревняет и датировку слоев Афрасиаб III, из которых они происходят: *С. К. Кабанов.* Ареал и эволюция двух древних керамических форм. СА, 1964, 3, стр. 85.

G. V. Chichkina

LA CERAMIQUE HELLENISTIQUE D'AFROSIAB

Résumé

Pour la première fois au cours de ces dernières années on a découvert à Afrosiab (ruines de l'ancienne Samarkand) un ensemble de céramiques se rapportant à la période II, suffisamment important pour montrer ses particularités indiquant une forte hellénisation. La comparaison avec les spécimens de poterie grecque montre combien la céramique hellénishtique sogdienne était proche de ses prototypes (cf. les fig. 3, 5, 7 avec la fig. 8). C'est presque sans modifications que se sont implantés dans la céramique sogdienne les «plats aux poissons», les coupes à rebord incurvé et celles portant un motif en forme de «T» ou de «gamma». Il est assez facile de reconnaître les «coupes de Mégare» (fig. 3, 12—16), les «cratères» (fig. 7), et encore davantage les «oenochoès». L'aire de la culture plus ou moins apparentée à l'ensemble sogdien d'Afrosiab II est très vaste: elle s'étend du Khorezm, depuis Oura-tioubé au nord, jusqu'à Taxil et au cours supérieur du Gange au sud (fig. 10). L'étude de l'ensemble d'Afrosiab II a montré combien l'influence hellénistique avait pénétré profondément dans la vie quotidienne de cette ville.

Э. ГРИНГМУТ-ДАЛЬМЕР

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ОБЛАСТЯХ: ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ *

Современные археологические исследования характеризуются особо тесным переплетением исторических и естественнонаучных исследовательских методов. Это обстоятельство делает необходимым тесное сотрудничество представителей различных научных дисциплин, что может быть эффективно осуществлено лишь в рамках крупных научно-исследовательских организаций. При этом возможны два варианта: или исследовательская группа, состоящая из представителей различных специальностей, разрабатывает какую-либо тему, исходя из общей концепции, либо один специалист решает какую-либо задачу, находясь в контакте с учеными других специальностей. В настоящем сообщении речь идет как раз об исследовании последнего типа и делается попытка решить весьма сложную проблему: восстановить древний ландшафт.

Исследованием древнего ландшафта первоначально занималась только палеогеография, вскоре, однако, интерес к этим исследованиям проявила и археология. Основное внимание уделялось проблеме восстановления так называемого первобытного ландшафта (Urlandschaft), т. е. ландшафта, существовавшего во время появления первых оседлых поселений — в эпоху раннего неолита. Позже интерес сосредоточился на середине I тысячелетия н. э. Это время было чрезвычайно важным для истории развития ландшафта современной территории ГДР, ибо именно тогда, в эпоху, непосредственно последовавшую за великим переселением народов, были заложены основные черты современного культурного ландшафта [1].

При исследовании древнего ландшафта мы решаем три основные задачи: 1) восстановление пространственного распределения лесов, болот и областей заселения в определенный период и изменений в этом распределении на протяжении исторического развития; 2) изучение тех изменений в культурном ландшафте, которые произошли благодаря появлению поселений, полей, путей сообщения, производственных и культовых центров; 3) попытку выявить связь между общественными отношениями и формированием культурного ландшафта.

Приводимые ниже рассуждения касаются некоторых проблем изучения древних ландшафтов на территории между Эльбой — Заале и Одером — Нейссе.

Северные и центральные районы этой области были покрыты льдами плейстоценового оледенения, и характер ледниковых отложений обусловил

---

* Перевод П. М. Долуханова.

[1] *O. Schlüter.* Die Siedlungsräume Mitteleuropas in frühgeschichtlicher Zeit. Bd. 1. Einführung in die Methodik der Altlandschaftsforschung. Remagen, 1952; *O. Schlüter.* Die Siedlungsräume Mitteleuropas..., Bd. 2/1. Erklärung und Begründung der Darstellung. Das südliche und nordwestliche Mitteleuropa. Remagen, 1953; *O. Schlüter.* Die Siedlungsräume Mitteleuropas.., Bd. 2/2. Erklärung und Begründung der Darstellung. Das mittlere und nordöstliche Mitteleuropa. Remagen, 1958.

полого-волнистый или всхолмленный рельеф этой территории. Особенно хорошо выражены в рельефе четыре широкие, тянущиеся с юго-востока на северо-запад долины стока ледниковых вод. На юге поднимаются Средне-Германские горы, достигающие высоты 1000 *м* и незаселенные в интересующее нас время. Между этими зонами располагается волнистое предгорье, переходящее на западе рассматриваемой территории в широкую равнину.

Историческое развитие этой области происходило неравномерно[2]. Германские племена, жившие здесь в первые века нашей эры, начиная с IV в., были охвачены волнами переселения народов, в результате чего область эта опустела, за исключением ее юго-западной части. Начиная с VI в. н. э., сюда продвигаются сперва небольшими группами и из различных областей славянские племена. В какой мере это сопровождалось контактами с оставшимся германским населением, пока сказать трудно. Некоторые данные, например дославянские топонимы[3], говорят в пользу такой возможности. Но не подлежит сомнению, что такие контакты были незначительными. В IX в. произошла консолидация славянских племен на основе объединения типа военной демократии. Тогда же начинается борьба славянских племен против экспансии франкского и ранненемецкого феодальных государств, захвативших в первой трети X в. южную часть рассматриваемой территории. Средняя и северная области, напротив, сохраняли свою независимость (правда, с временными перерывами) вплоть до середины XII в. В это время, совпадающее с периодом начала развитого феодализма, усиливается немецкая экспансия на восток, что сопровождается колонизацией земель крестьянами из Западной Германии и Голландии. При переходе власти в руки немцев осуществлялась широкая ассимиляция славянского населения. Лишь на юго-востоке, в Лужице, сорбскому меньшинству удалось сохранить славянский язык и славянскую культуру.

Попытаемся проследить основные направления развития культурного ландшафта для указанной территории в славянский период. Как следует из сформулированных выше задач, в первую очередь необходимо восстановить соотношение лесов и областей расселения. Это можно сделать, лишь нанеся на карту все достоверные поселения, относящиеся к интересующему нас периоду. Поскольку письменных источников у нас почти совсем нет, мы опираемся полностью на археологические материалы. К счастью, эта область хорошо изучена археологически, поэтому практически можно исключить вероятность изменения основных ареалов археологических памятников, возможно лишь увеличение их числа.

Как указывалось, исследуемая территория почти полностью лишена находок, относящихся к середине I тысячелетия н. э.[4]. Это означает, что в то время территория была покрыта лесом, ибо в среднеевропейских климатических условиях отсутствие оседлого населения в какой-либо местности соответствует ее полной облесенности. Картина полностью меняется в славянское время, для которого мы знаем приблизительно 5 тысяч памятников[5]. Многие селища расположены в ранее незаселенных районах, следовательно, здесь земли расчищались путем корчевания (подсеки). Тем самым опровергается ранее высказанное буржуазными учеными мнение о том, что славяне не производили расчистки лесов.

Рассмотрим внимательнее распределение памятников. Первого взгляда на карту достаточно, чтобы увидеть, что находки распределены неравномерно по территории. Они концентрируются в определенных областях, в ос-

---

[2] *J. Herrmann.* Die Slawen in Deutschland. Ein Handbuch. Berlin, 1970.

[3] *E. Eichler.* Grundsätzliche Bemerkungen zur Erforschung des vorslawischen Substrats in der altsorbischen Onomastik, ZfA, Bd. 2, 1968, S. 117—125.

[4] *W. Schulz.* Völkerwanderungs — und Merowingerzeit (5.bis 7.Jahrhundert). AuF., 3, 1958, S. 269—276.

[5] *J. Herrmann.* Op. cit., Beilage.

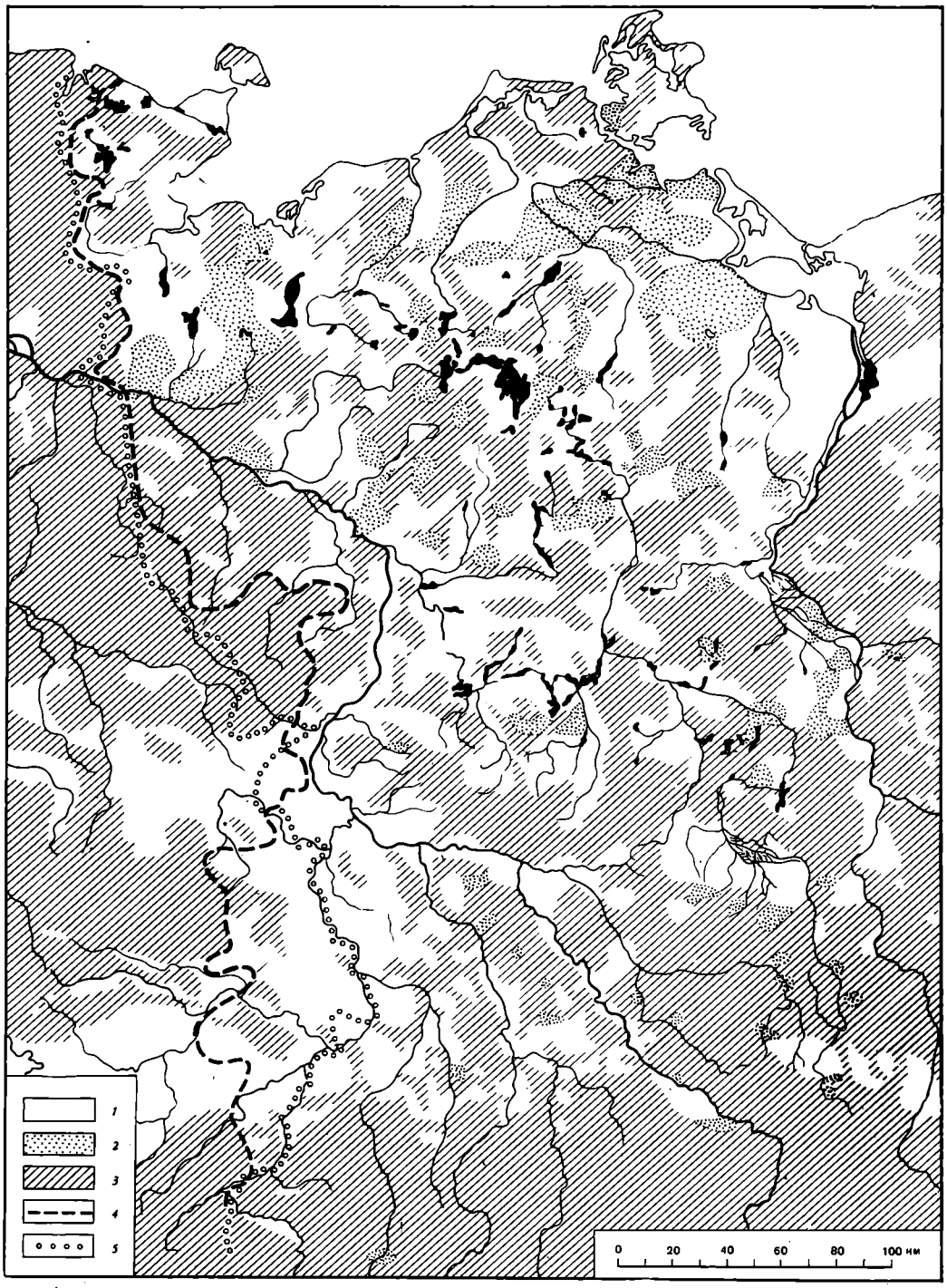


Рис. 1. Области, заселенные славянами к западу от Одера и Нейссе в раннем средневековье (по Й. Херрману): *1* — области, заселенные в раннеславянское время (до 1000 г.); *2* — области, заселенные в позднеславянское время (после 1000 г.); *3* — области, занятые в славянское время лесом; *4* — западная граница распространения славянских древностей; *5* — западная граница распространения славянских топонимов
Примечание: карты этой статьи публикуются с разрешения МВД ГДР.

новном на севере, за исключением позднеславянских (после 1000 г. н. э.) памятников. Картографирование позволяет получить достаточно ясное представление о соотношении леса и областей заселения в славянское время (рис. 1), из чего следует, что в раннеславянское время отдельные заселенные участки были разделены огромными пространствами лесов. Кроме

того, на основании достоверных исторических сведений основные ареалы могут быть связаны с конкретными названиями племен [6]. Тем самым возможна увязка археологических и письменных источников.

Карта показывает, что в позднеславянское время, т. е. после 1000 г. н. э., были очищены от леса и заселены значительные пространства; происходило интенсивное освоение новых земель, которое продолжалось вплоть до XII в.

После захвата всей исследуемой территории немцами материальная культура славян была довольно быстро ими ассимилирована. Археологические возможности проследить дальнейшее развитие культуры славян на этом исчерпываются. Письменные источники, имеющиеся в большом количестве, тоже не могут дать четких указаний, поскольку их этническая интерпретация оказывается спорной. Но зато может быть использована новая группа источников, позволяющая судить об участии славян в освоении новых земель, а именно — топонимы. Если мы нанесем на карту эту группу источников (которая детально разработана для интересующей нас территории [7]), то окажется, что область распространения славянских топонимов значительно шире области распространения славянских археологических памятников. Это означает, что славяне принимали активное участие в освоении новых земель и в немецкое время.

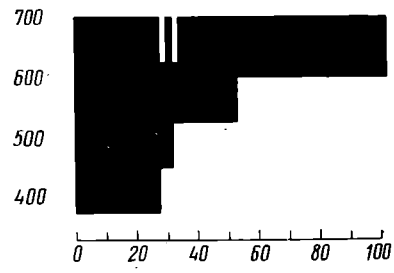


Рис. 2. Продолжительность существования слоя германских полей погребений в Мозельской области

Освоение новых земель после середины I тысячелетия н. э. не ограничивалось ареалом расселения славян. Диаграммы, приведенные на рис. 2, выразительно свидетельствуют об увеличении числа могильников культуры полей погребений (поселения здесь неизвестны) в Мозельской области в промежутке между V и VII вв. н. э. [8]. Перпендикуляр обозначает время существования памятников в районе, перекрытом культурой полей погребений, тогда как горизонтальная линия обозначает количество погребений. Из этого следует, что в VII в. н. э. их количество возросло почти вдвое по сравнению с VI в. н. э. Продемонстрированное археологическими и антропологическими исследованиями сильно возросшее количество погребений VII в. н. э. является, с другой стороны, доказательством значительного увеличения количества населения. Аналогичное развитие наблюдается также и в других германских областях, затронутых внутренней колонизацией.

Таким образом, задача разграничения областей поселений и области леса при наличии достаточно надежных источников решается сравнительно просто. Сложнее восстановить области болот и низин. Эти ландшафтные формы весьма распространены в областях ледникового ландшафта на севере и связь с ними славянских памятников дала повод буржуазным исследователям утверждать, что славяне были отсталым народом, занимались лишь охотой и рыболовством и жили в болотах. При этом исходили из предположения, что теперешние заболоченные участки были таковыми всегда. Однако это опровергается современными данными. Приблизительно начиная с XII в., происходит подъем уровня грунтовых вод, вызванный климатическими причинами [9].

[6] Ibid., Abb. 1.

[7] *J. Herrmann.* Op. cit., Beilage.

[8] *E. Lange.* Botanische Beiträge zur mitteleuropäischen Siedlungsgeschichte. Berlin, 1971.

[9] *W. Müller.* Der Ablauf der holozänen Meerstransgression an der südlichen Nordseeküste und Folgerungen in bezug auf eine geochronologische Holozängliederung. Eis — zeitalter und Gegenwart, 13, 1962, S. 197—226.

Начиная с XIII в.[10], этот процесс усиливается из-за запруживания многих рек с целью устройства водяных мельниц. Все это привело к тому, что многие поселения были оставлены и перенесены на более высокие места.

В качестве примера можно привести местность близ Потсдама (рис. 3). Раннеславянское селище находилось в долине. Затем оно было перенесено на склон. С началом германской колонизации стало необходимым еще раз

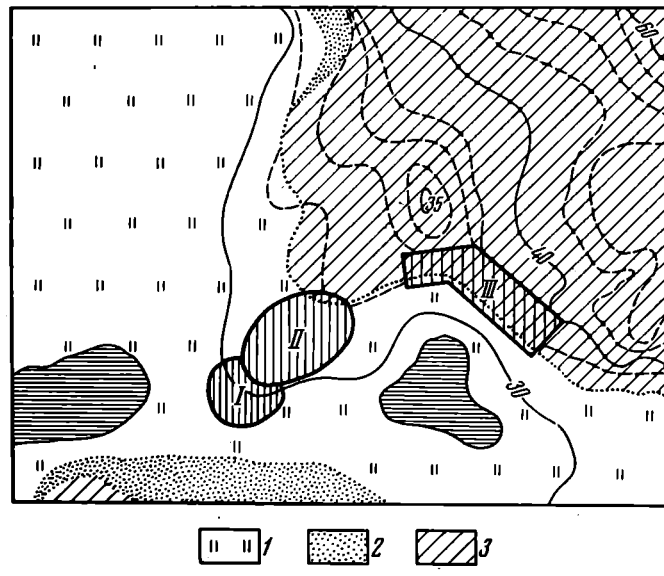


Рис. 3. Гетц, округ Бранденбург. Перенос славянского поселения из низменности на возвышенность вследствие подъема уровня грунтовых вод (по Й. Херрману): *1* — низина; *2* — пойменные пески; *3* — возвышенность; I — раннеславянское поселение; II — позднеславянское поселение; III — средневековая деревня

перенести поселение: теперь уже на возвышенность, где существует село до настоящего времени. Следовательно, площадь болот и низин в славянское время была значительно меньшей, чем сейчас. Однако картографирование этих форм ландшафта на значительных пространствах на теперешнем уровне наших знаний сделать пока невозможно.

В отличие от задачи разграничения областей поселений от областей лесов и болот, проблема реконструкции составляющих культурного ландшафта наталкивается на значительные методические трудности. Поскольку подобный анализ выходит за рамки настоящей статьи, мы ограничимся здесь тем, что охарактеризуем в общих чертах культурный ландшафт того времени, не входя в вопросы методики его реконструкции[11].

В славянское время укрепленное городище было определяющим элементом ландшафта как в морфологическом, так и в функциональном отношении (рис. 4). Городища или были окружены большим количеством открытых поселений разной величины, либо большая часть населения концентрировалась непосредственно в городище или же в находящихся под его защитой и непосредственно примыкающих к нему поселениях. Поселения были окружены двойной зоной хозяйственного назначения. Непосредственно к хозяйственным и жилым постройкам примыкала зона сравнительно интенсивного хозяйственного использования, состоящая из огородов, полей

[10] *J. Herrmann.* Wasserstand und Siedlung im Spree-Havel-Gebiet in frühgeschichtlicher Zeit. AuF 4, 1959, S. 91—106.

[11] *J. Herrmann.* Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. Berlin, 1968.

и выпасов. Далее следовала полоса леса, сильно разреженная вследствие порубок и использования лесных пастбищ для скота; видовой состав этих лесных полос значительно отличался от лесов, не затронутых хозяйственной деятельностью.

Таким образом, восстанавливается сравнительно определенная картина развития культурного ландшафта, обусловленная как природными условиями, так и общественными отношениями, степенью развития производительных сил.

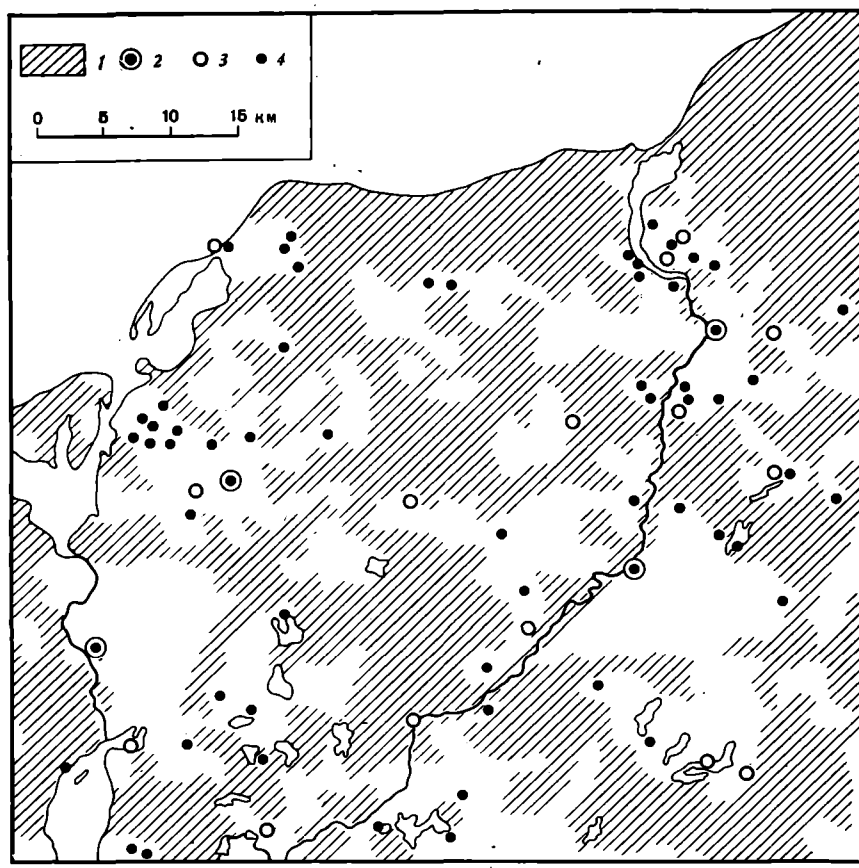


Рис. 4. Позднеславянские области заселения и пограничные леса в Северном Мекленбурге (по Ф. Энгелю): *1* — реконструкция распространения лесов на основании данных топонимики и границ угодий; *2* — основные городища; *3* — прочие городища; *4* — селища

Прежде чем решать эту проблему, попробуем выявить связь между процессом расселения людей и природными условиями. Геолого-геоморфологическая структура расселения прослеживается достаточно определенно [12]. В славянское время заселялись области с расчлененным рельефом и с достаточной водоносностью. Области, заселенные после 1000 г. н. э., напротив, часто характеризуются нерасчлененным рельефом. Это свидетельствует о большей степени независимости от условий географической среды. Но при этом следует иметь в виду, что после 1150 г. н. э. климат сделался более влажным и вследствие этого сухие почвы стали более пригодными для обитания. Однако прямая зависимость типа поселений от свойств почв в настоящее время не может быть прослежена [13].

[12] Ibid., S. 12.
[13] Ibid., S. 78.

Необходимо отметить, что нигде поселения не располагались выше 200-метровой изогипсы [14].

Хозяйственная деятельность является определяющим моментом для формирования культурного ландшафта. Важнейшей отраслью в то время, естественно, было сельское хозяйство. Комплексные методы исследования позволили получить в последние годы ряд важных сведений относительно сельского хозяйства для интересующего нас времени.

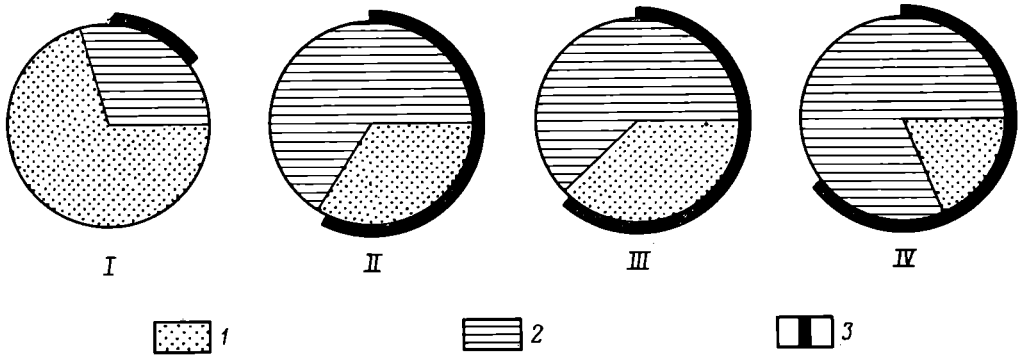


Рис. 5. Данные палинологии относительно структуры раннеисторических ландшафтов к западу от Одера и Нейссе (по Э. Ланге). I – германские (0–500 г.), II – раннеславянские (500–1000 г.), III – позднеславянские (1000–1200 гг.), IV – немецкие (1200—1500 гг.); *1* — подорожник, *2* — хлебные злаки, *3* — процентное отношение (2+1) к сумме древесной пыльцы

На рис. 5 показаны данные спорово-пыльцевого анализа, произведенного Э. Ланге [15]. Внешняя кривая показывает соотношение пыльцы недревесной растительности, связанной с человеческими поселениями, к пыльце деревьев. Это соотношение дает представление о размерах земель, отвоеванных у леса при устройстве поселений. Можно заметить, что площадь этих земель значительно возросла в период расселения здесь славянских племен. Одновременно произошло возрастание роли земледелия по отношению к скотоводству, бывшему основой экономики в германское время. Этот вывод сделан на основании изменения соотношений пыльцы хлебных злаков (ржи, пшеницы, ячменя, овса) к пыльце подорожника (Plantago), типичного пастбищного сорняка. Полученные данные позволяют заключить, что производимое славянами сведение лесов имело целью расширение пахотных угодий. В немецкое время, по-видимому, освоение новых земель в основном прекращается, но процент пахотных угодий еще более увеличивается. Не совсем ясна форма землепользования, однако можно предположить, что господствовала система мелких земельных участков, разделенных межами. На это в особенности указывают находки лемехов сохи (рис. 6): соха обычно связывается именно с этой формой землепользования. Близ раннеславянского селища в Бранденбурге были обнаружены крестообразно проходящие следы вспашки сохой, которые относились именно к такой форме полей [16]. Нельзя сделать окончательных выводов и в отношении системы земледелия, остается также неясным, как конкретно земледелие отражалось на облике ландшафта. Очевидно, преобладала переложная система с периодическим забрасыванием потерявших плодородие участков, так как нет никаких указаний на применение удобрений. Таким образом, выясняется общее направление развития; однако имеются и возможности для более детальных выводов.

[14] *W. Coblenz.* Zur Situation der archäologischen Slawenforschung in Sachsen. In Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe. Saale und Oder»; hrsg. v. H. Ludat, Giessen, 1960, S. 1—14.

[15] *E. Lange.* Op. cit.

[16] *K. Grebe, H.-J. Vogt.* Untersuchungen auf der Dominsel zu Brandenburg (Havel). AuF, 16, 1971, S. 160—167.

На карте (рис. 7) показаны результаты применения методов двух научных дисциплин, которые превосходным образом дополняют друг друга. Кружками показаны результаты остеологических исследований, при этом черные сектора отражают содержание костей домашних животных, а белые — диких. Исследуемая область при этом явно распадается на три части: на севере и на юге потребность в мясе почти целиком покрывалась скотоводством, в срединной области (район Берлина) большое значение сохраняла охота.

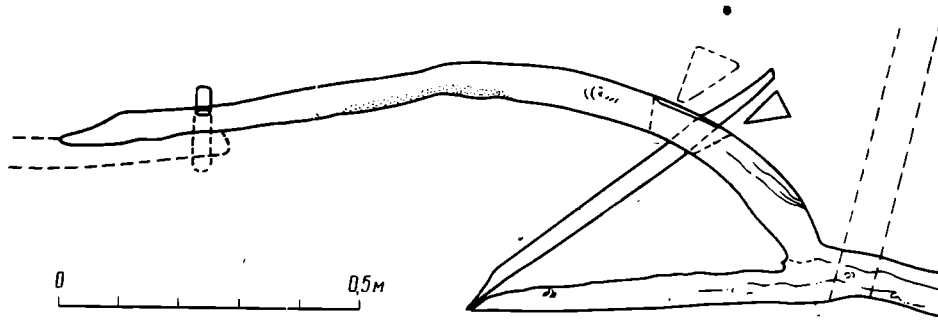


Рис. 6. Раннеславянская соха из Даберготц, округ Нойруппин (по Й. Херрману)

Эта картина также подтверждается данными пыльцевого анализа, когда, как об этом говорилось выше, учитывается соотношение пыльцы хлебных злаков и пастбищных сорняков. В срединной области преобладает пыльца хлебных злаков (показанная квадратными значками); на юге и на севере значительно увеличивается содержание пыльцы растений, указывающих на интенсивное скотоводство. Таким образом, независимо полученные выводы двух наук подтверждают общее заключение о структуре сельского хозяйства.

Если попытаться найти причину таких различий в структуре сельскохозяйственного производства, то прежде всего следует исследовать связь уровня развития производительных сил с формированием культурного ландшафта. Хотя в распоряжении племен, селившихся в системе р. Хафель, были наиболее бедные почвы, земледелие в этом районе играло важнейшую роль [17]. Высокий уровень развития производительных сил здешних племен выявляется при анализе всего археологического материала. Как показал Й. Херрман [18], важным средством определения уровня общественного развития являются клады. Картирование кладов [19] показывает, что этот тип памятников наиболее распространен в области Хафеля. Этот вывод подтверждается анализом ремесленного производства [20]. Таким образом, можно сделать заключение о том, что уровень развития сельскохозяйственного производства является показателем общественного развития.

Приведенные выше соображения далеко не исчерпывают проблематику изучения древних ландшафтов. В заключение было бы полезно подытожить следующие важные выводы.

1. Всестороннее изучение древних ландшафтов возможно лишь как результат тесного сотрудничества представителей различных научных дисциплин. При исследовании палеоландшафтов западнославянских областей учитывались данные археологии, топонимики, пыльцевого анализа и зоологии.

2. Освоение земель славянами к западу от Одера и Нейссе происходило в почти незаселенной местности и сопровождалось интенсивным сведением (подсекой) лесов. Особо интенсивное освоение новых земель, в особенности

[17] *J. Herrmann.* Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse..., S. 113
[18] Ibid.
[19] Ibid., Abb. 18.
[20] Ibid., Abb. 44.

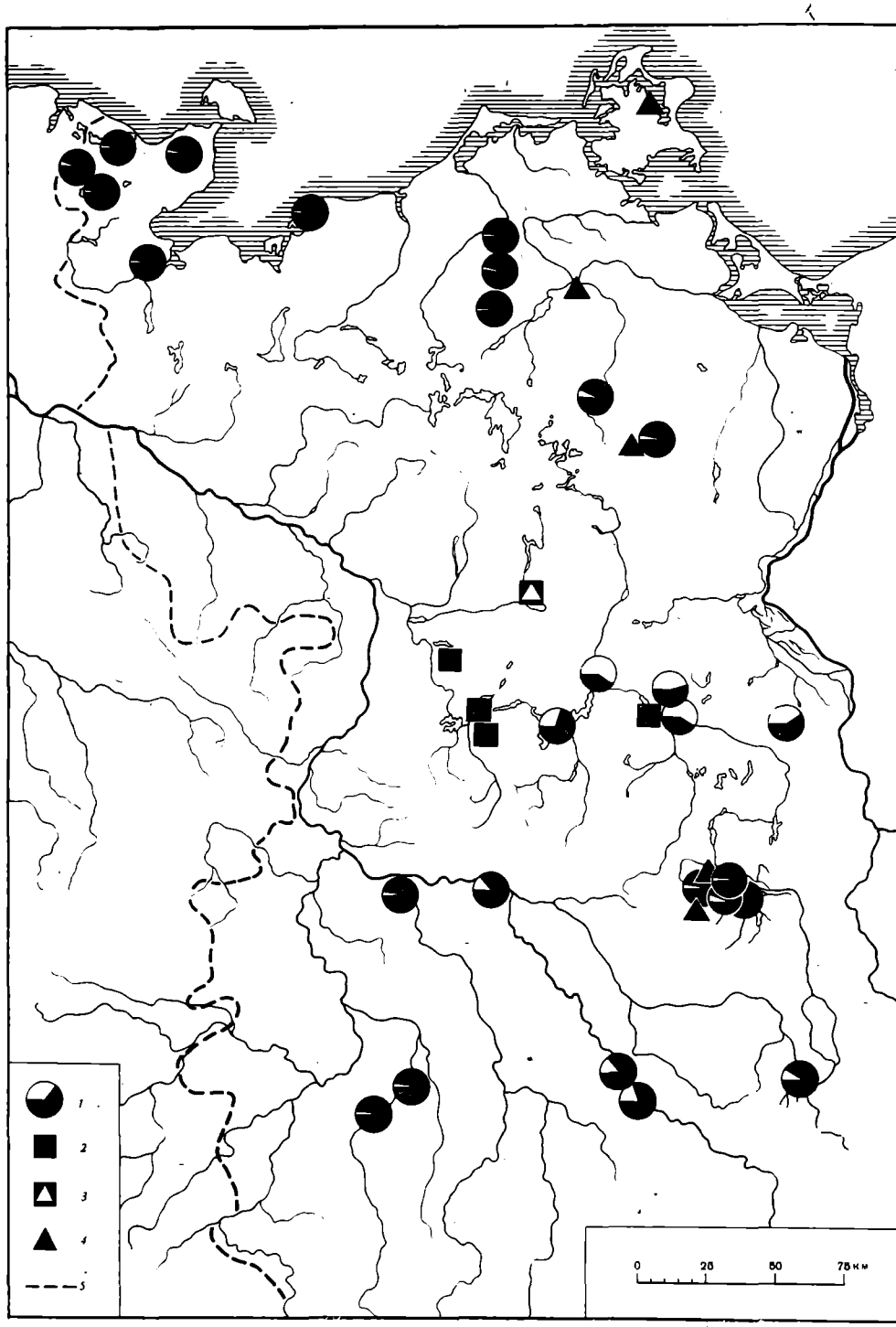


Рис. 7. Биологические данные относительно сельского хозяйства в раннем средневековье к западу от Одера и Нейссе (по Й. Херрману): *1* — отношение костей домашних животных (черный сектор) к костям диких животных (белый сектор); отношение пыльцы хлебных злаков к пыльце сорняков: *2* — более чем 6 : 1; преобладание земледелия; *3* — между 3 : 1 и 6 : 1; *4* — менее чем 3 : 1, развитое скотоводство; *5* — западная граница распространения славянских древностей

на севере рассматриваемой области, произошло после рубежа II тысячелетия. Даже после включения области в немецкое феодальное государство славяне принимали активное участие в освоении новых земель.

3. Заболачивание многих низин, в пределах которых установлены славянские поселения, произошло в сравнительно недавнее время в связи с повышением уровня грунтовых вод. Тем самым лишены основания утверждения буржуазных историков о том, что славяне были лишь охотниками и собирателями.

4. Укрепленные городища были важным элементом культурного ландшафта. Окружавшие их незащищенные поселения имели весьма различную протяженность и были окружены двойной зоной хозяйственного использования, а именно — интенсивно используемой зоной пастбищ и лугов, а также зоной леса, разреженного в результате вырубок и выпаса скота.

5. В славянское время, по сравнению с германским, сократилась площадь, занятая лесом, и усилилась роль земледелия в ущерб скотоводству. При этом выявляются региональные отличия.

6. Конкретное развитие ландшафта зависит от уровня развития производительных сил, что определяет степень господства человека над природой. Природа создает лишь предпосылки, степень использования которых зависит от уровня развития производительных сил.

E. Gringmuth-Dallmer

L'EVOLUTION DU PAYSAGE SOUS L'ACTION DE L'HOMME DANS LES CONTREES DES SLAVES OCCIDENTAUX: PROBLEMES, METHODES ET RESULTATS DES RECHERCHES

Résumé

En se basant sur les données de l'archéologie, de la toponymie, de l'analyse du pollen, et de la zoologie, on a rétabli quelques particularités de l'évolution du paysage dans les contrées des Slaves occidentaux sur le territoire de la R.D.A. On a pu établir que la mise en valeur par les Slaves des terres à l'ouest des fleuves Oder et Neisse s'est accompagnée d'une réduction intensive (déboisement) des forêts, surtout après le IIe s. de n ère. Les. agglomérations fortifiées ont été l'élément fonctionel déterminant de la transformation du paysage. Elles étaient entourées d'une zone d'exploitation économique intense (champs, pâturages, prairies) et d'une zone de forêts clairsemées. On a également établi qu'à la période slave la superficie des forêts a diminué par rapport à la période germanique et que le rôle de l'agriculture a augmenté. L'évolution concrète du paysage est déterminée par le niveau de développement des forces de production.

В. В. МАВРОДИН, С. Н. ОРЛОВ

К ВОПРОСУ ОБ «УСТАВЕ» КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА «О МОСТЕХ»

Рукопись «Устава», который определял мостовые повинности для жителей Новгорода и Новгородской земли, обнаружена около 150 лет назад. Она сохранилась в двух вариантах. Н. М. Карамзин нашел один вариант в Синодальной библиотеке в списке XV в. харатейной Кормчей книги, в приписке к «Русской Правде» [1]. Второй вариант «Устава», список которого датируется XIV в., обнаружен в библиотеке Мусина-Пушкина и издан Д. Дубенским с подробными комментариями [2]. Вслед за первооткрывателями к изучению «Устава» обращались и обращаются многие исследователи, внесшие большой вклад в его изучение. Но, как отметил А. А. Зимин, слабое знание топографии древнего Новгорода затрудняло изучение этого сложного древнерусского документа, и он до сих пор полностью не вошел в научный оборот [3].

Наша попытка обратиться к исследованию данного памятника оправдана тем, что за последние десятки лет в значительной степени изучена топография Новгорода Великого и многие пункты, указанные в «Уставе», могут быть точно определены на местности. Например, установлено местоположение ряда улиц, упомянутых в «Уставе»: Добрыниной, Пискупли, Чудинцевой, Прусской, Ильиной, Михайловой, Бардовой. Известны местоположения моста через Волхов и церкви Бориса и Глеба в детинце, которые также фигурируют в «Уставе». Точное знание этих пунктов поможет внести значительную ясность в понимание содержания «Устава» и дополнить научную значимость этого важнейшего письменного источника [4].

По структуре текст «Устава» неоднороден. Некоторые исследователи считают, что он неоднократно редактировался и дошел до нас в более поздней редакции. Например, М. Н. Тихомиров относит появление «Устава» к концу XII в., а окончательную его редакцию — к началу XIII в. [5] Н. Г. Порфиридов склонен относить древнейшую часть «Устава» даже к XI в., в окончательной редакции — к концу XII — началу XIII в. [6] Б. А. Рыбаков считает, что «Устав» редакционно упорядочен около 1230 г. [7] Ниже приводим текст по списку XIV в., изданному впервые Д. Дубенским с разночтениями других вариантов, внесенных Б. А. Рыбаковым [8].

---

[1] *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, т. II. СПб., 1834 (примечания), стр. 24, № 35, 65, 103.

[2] *Д. Дубенский.* Русские достопамятности, издаваемые Императорским обществом истории и древностей российских, ч. II. М., 1843.

[3] *А. А. Зимин.* Памятники права Киевского государства. М., 1952, стр. 214.

[4] *М. К. Каргер.* Основные итоги археологического изучения Великого Новгорода. СА, IX, 1947, стр. 137—168; *С. Н. Орлов.* К топографии Новгорода X—XVI вв. Сб. «Новгород. К 1100-летию города». М., 1964, стр. 264—285.

[5] *М. Н. Тихомиров.* Исследование о Русской Правде. М.— Л., 1941, стр. 143—150.

[6] *Н. Г. Порфиридов.* Древний Новгород. М.— Л., 1947, стр. 89.

[7] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 724.

[8] *Б. А. Рыбаков.* Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. ИЗ, 1938, № 2, стр. 132—152.

«А се устав Ярославль о мостех. Осменником[9] поплата в Людин конец через греблю до Добрыни улици в городняя ворота до Пискупли улици с Прусы до Бориса и Глеба мостити, а тиргожаном (тигожанам) до коломлян (коломнян), а коломляном до Нередичького мосту, нередичаном до бережан (вережан), а бережаном до пидьблян, а пидбляном до Чюдинцеве улице, а Цюдинцеве улице с Загородци до городних ворот, а владыце сквозе городняя вороты с изгои и с другими изгои до Острой городни. 1-я Давыжа ста (Давыжья, Давыдьжа), 2-я Слепчева ста, 3-я Бобыкова ста (Бовыкова, Быкова), 4-я Олексина ста, 5-я Ратиборова ста, 6-я Кондратова ста, 7-я Романова ста, 8-я Сидорова ста, 9-я Гаврилова ста, 10-я княжа ста[10], 11-я княжа ста, 12-я Ржевьская ста (Ржевская), 13-я Бежичкая ста (Бежицская), 14-я Вочковая (Водьская), 15-я Обонинская (Обонижьская), 16-я Луская (Лучкаа, Лужеская), 17-я Лопьская, 18-я Волхоская (Поволховская, Волховская) трои риле, 19-я Яжелбичкая (Яжелвичкая, Яжелбичьская) двои риле до Торгу. Софьяном до тысячкого, тысячкому до вощник, от вощник посаднику до Великого ряду, от Великого ряду князю до немецкого вымола, немчем до Еваня (Ивана) вымола, от Еваня вымола готом до геральда (до Алфердова) вымола до задьнего, от Веральдова вымола огнищаном до Бутятина (Будятина) вымола, Ильинцам до Матфеево вымола, Михаилове улице (Михаиловцам) до Бардове улици, а Витковлянам (Витьковцам, Вилковичам) до Клемяных (Климятиных) сеней».

Текст документа действительно резко распадается как бы на три части. К первой части относится перечисление первых восьми участков, где определена повинность по мощению осменникам с прусами, жителям Чудинцевой улицы, владыке с изгоями и пяти пригородным поселкам. Вторая часть перечисляет повинности 19 сотен. Третья часть определяет еще 18 участков повинностей со слов «софьяном» и до конца текста.

Из текста «Устава» следует, что документ определяет мостовые повинности жителям не только Новгорода, но и Новгородской земли, причем участки «Устав» называет условно, не уточняя их координат и объектов мощения[11]. Этот факт дает возможность предположить, что участки повинностей сложились раньше записи его в том виде, в каком он дошел до нас, и всем, кто выполнял эти повинности, они были хорошо известны. Мысль эта высказывалась и ранее[12]. Таким образом, нельзя связывать появление «Устава» с последним из князей с именем Ярослав, который был в Новгороде с 1264 по 1271 г.[13] Почти все исследователи исключают возможность возникновения мостовой повинности и «Устава» при Ярославе Мудром, в XI в. (умер в 1054 г.), так как в тексте упоминаются церковь Бориса и Глеба в детинце, которая впервые была построена не ранее середины XII в., и Иванское сто вощников, известное из грамоты князя Всеволода Мстиславича (не ранее 30-х годов XII в.)[14]. Следовательно, «Устав» мог появиться только во второй половине XII в. Но на уточнении даты возникновения «Устава» мы остановимся ниже, когда рассмотрим основные его положения.

Во-первых, нужно установить, какие же повинности по мощению определял «Устав». Большинство исследователей считают, что «Устав» опре-

---

[9] Осменник выполнял обязанности сборщика пошлин (см. *А. А. Зимин.* Ук. соч., стр. 214; *А. И. Семенов.* Осменники «Устава о мостех» (Новгор. истор. сб. Новгород, 1962, № 10, стр. 253 сл.).

[10] Б. А. Рыбаков первые 10 сотен считает городскими, на которые делились жители улиц города. Сотни названы по именам сотских. С номера 11, со второй княжей сотни и включая сотню под номером 19 (девять сотен) автор относит к волостным, провинциальным сотням, убедительно помещая их на местности (см. *Б. А. Рыбаков.* Ук. соч., стр. 136 сл.).

[11] См. текст «Устава о мостех».

[12] *В. С. Передольский*, личный архив. Государственный архив Новгородской области (ГАНО), ф. 717, оп. 1, д. № 1, лл. 7 и 8 об., где автор приводит и библиографию по теме.

[13] *В. Л. Янин.* Новгородские посадники. М., 1962, стр. 151.

[14] *М. Н. Тихомиров.* Исследование о Русской Правде. М.— Л., 1941, стр. 145.

делял повинности по замощению городских улиц древнего Новгорода[15]. Но первоиздатель древнейшего списка «Устава» Д. Дубенский допускал, что «Устав» определял повинности не только по замощению улиц, но и по строительству оборонительных сооружений вокруг города[16]. Д. Малковский, касаясь этого вопроса, писал, что «Устав» определяет повинности мостить улицы, делать пристани и мосты через р. Волхов[17]. Н. Г. Порфиридов, исследуя этот документ, допускал, что «Устав» определяет повинности мостить главные улицы города и производить «ремонт мостов»[18]. Л. В. Черепнин, изучая этот документ, пришел к выводу, что «Устав» представляет собой разверстку расходов «по постройке мостов», имея в виду мосты через реки[19]. Крупнейшие исследователи памятника в наше время, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, А. А. Зимин и др., связывают повинности «Устава» с мощением улиц города[20]. Этой точке зрения, очевидно, в какой-то степени способствует открытие археологами деревянных мостовых улиц древнего Новгорода за последние 40 лет. Такому разнообразию толкования документа способствовало и то, что термин «мостить» в древнерусском языке означал мощение не только мостовых улиц и мостов через реки и рвы, но и настилов в оборонительных сооружениях и настилов на полатях церквей[21].

Чтобы рассмотреть обе точки зрения и правильно определить значение повинностей «Устава», обратимся к тексту этого документа. Выделим из текста названия улиц, которые там встречаются, а именно: Добрынина, Пискупля (или Бискупля), Прусская (прусы), Чудинцева. Эти улицы находились на Софийской стороне, и их местоположение нам хорошо известно. Улицы Ильина, Михаилова и Бардова находились на Торговой стороне[22]. Кроме улиц «Устав» упоминает несколько раз «городские ворота», местоположение которых легко устанавливается. Например, известно, что улица Пискупля южным концом подходила к проезду из детинца в Людин конец. Раскопками Новгородского музея установлено, что этот проезд находился на месте современной Спасской башни. Мост, который шел через ров (греблю) детинца, упирался в Добрынину улицу[23] (рис. 1).

Таким образом, на участке «Устава» осменников с прусами и упоминается мощение только пространства моста через ров между улицами Добрыниной и Пискуплей. Дальше осменники[24] и прусы обязывались мостить от Пискуплей улицы и до Бориса и Глеба. В «Уставе» не указано, что именно мостить: улицу Пискуплю или боевой ход стены детинца? В результате археологических исследований установлено, что Пискупля улица не подходила к церкви Бориса и Глеба[25], которая в 1167 г. была построена каменной, и основание ее открыто археологическими раскопками у восточной стены детинца[26]. Но напротив церкви, в стене детинца, очевидно, тогда уже стояла Борисоглебская башня, на месте которой и была возведена одноименная башня в конце XV в. Последняя также не сохранилась, но

---

[15] *М. Н. Тихомиров.* Ук. соч., стр. 145—149; *А. А. Зимин.* Ук. соч., стр. 214.

[16] *Д. Дубенский.* Ук. соч., стр. 294, прим. 2.

[17] *Д. Малковский.* О происхождении Великого Новгорода («Временник имп. Моск. общества истории и древностей российских»», кн. 12. М., 1852, стр. 11).

[18] *Н. Г. Порфиридов.* Ук. соч., стр. 89.

[19] *Л. В. Черепнин.* Феодальные архивы XIV—XV вв. М.— Л., 1948, стр. 254.

[20] *М. Н. Тихомиров.* Ук. соч.; *его же.* Источниковедение истории СССР, ч. I. М., 1940, стр. 75 сл.; *его же.* Древнерусские города. М., 1956, стр. 131 сл.; *Б. А. Рыбаков.* Ук. соч., стр. 716 сл.; *его же.* Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. (ИЗ, 1938, № 2, стр. 132—152); *А. А. Зимин.* Ук. соч., стр. 213 сл.

[21] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1895, стр. 17; *В. Даль.* Толковый словарь, т. II. М., 1956, стр. 349, 350.

[23] *С. Н. Орлов.* К топографии Новгорода X—XVI вв. Сб. «Новгород. К 1100-летию города». М., 1964, стр. 264—285.

[23] *М. К. Каргер.* Основные итоги археологического изучения Великого Новгорода. СА. IX, 1947, стр. 156—165; *С. Н. Орлов.* Ук. соч., стр. 269, рис. 1, *1—1.*

[24] См. текст «Устава о мостех».

[25] *С. Н. Орлов.* Ук. соч., стр. 269, рис. 1, *1—1.*

[26] *М. К. Каргер.* Новгород. Л.— М., 1970, стр. 69, 70.

ее основание открыто при реставрационных работах и законсервировано в натуре. Так устанавливается, что осменники и прусы по «Уставу» обязаны были мостить мост через ров (греблю) детинца и участок оборонительной стены детинца от «городних ворот», т. е. от проезда Спасской башни до башни Бориса и Глеба (рис. 1).

Второй раз «городние ворота» упоминаются в «Уставе» на участке, который мостили владыка с изгоями. В «Уставе» сказано: «... а владыце сквозе городняя вороты с изгои и с другими изгои до Острой городни»

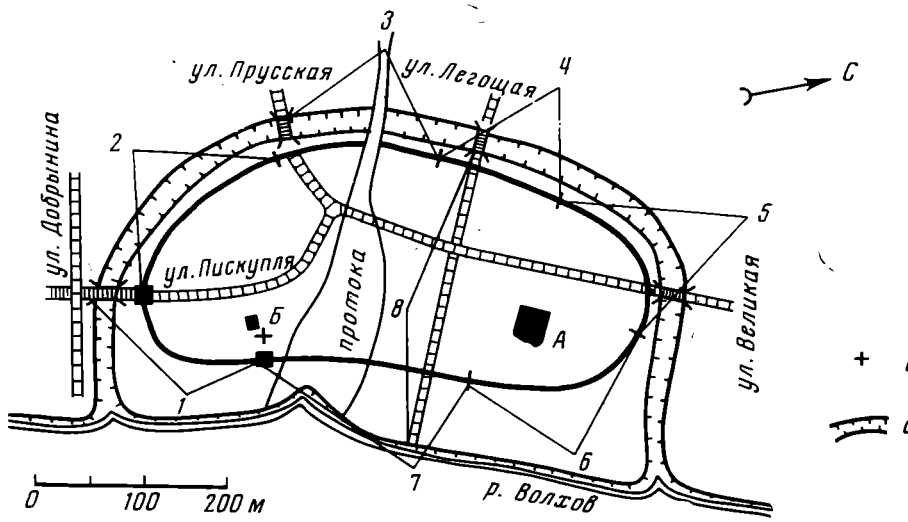


Рис. 1. Схематический план детинца в Новгороде на конец XII в. с нанесением участков «мощения» по «Уставу» князя Ярослава «О мостех»: *1* — участок «осменников с прусами»; *2* — уч. тигожан; *3* — уч. коломлян; *4* — уч. Нередицкого моста; *5* — уч. вережанам; *6* — уч. пидьблян; *7* — уч. Чюдинцевой ул. «с Загородцы»; *8* — уч. «Владыки с изгоями». *А* — Софийский собор; *Б* — церковь Бориса и Глеба; *а* — место сгоревшей дубовой Софии; *б* — ров

(рис. 1, 2). Попытаемся установить на местности и этот участок. «Острая городня», по-видимому, была принадлежностью моста через р. Волхов и находилась вблизи левого берега (возможно, это был ледорез). Местоположение Волховского моста нам также известно. Следовательно, «городние ворота», упомянутые в данном случае в «Уставе», и был проезд из детинца на мост к Волхову (рис. 1).

Текст «Устава» позволяет установить местоположение еще двух участков, а именно: 18-я сотня, Волховская (Поволховская), мостила «трои риле», а 19-я, Яжелбичская, — «дви риле, до Торгу». Из текста ясно, что эти два участка располагались на пространстве моста через Волхов и подъездов к нему, «до Торгу» (см. стр. 90). Известно, что площадь Торга на правом берегу Волхова находилась вдоль северной стороны улицы Ильиной, которая начиналась от Волховского моста с подъездами (рис. 2)[27].

Таким образом, устанавливается местоположение четырех участков повинностей «Устава». Все эти участки связаны с замощением не городских улиц, а моста через ров (греблю) к югу от детинца, проезда через детинец «сквозь городние ворота» на Волховский мост (до «Острой городни») и на площади моста через Волхов «до Торгу». Выше мы уже установили, что обязанности осменников и прусов распространялись на участок стены детинца от «городних ворот», т. е. до современной Спасской башни, до башни Бориса и Глеба. Это единственный из 45 участков повинностей «Устава», размер которого мы можем определить примерно в метрах, а именно: длина

[27] *А. И. Семенов.* Топография Новгородского Торга в 1583 г. Новгор. истор. сб., 1. Новгород, 1936.

стены детинца от середины проезда современной Спасской башни, где обнаружены деревянные мостовые Пискуплей улицы, до середины Борисоглебской башни составляет около 180 *м*. К этому нужно прибавить еще около 50 *м*, длину моста через ров (греблю) до Добрыниной улицы. Общая длина участка осменников и прусов, следовательно, устанавливается приблизительно в 230 *м* (рис. 1).

Спрашивается: где же располагались другие участки «Устава» и что они собой представляли? За осменниками и прусами следуют участки

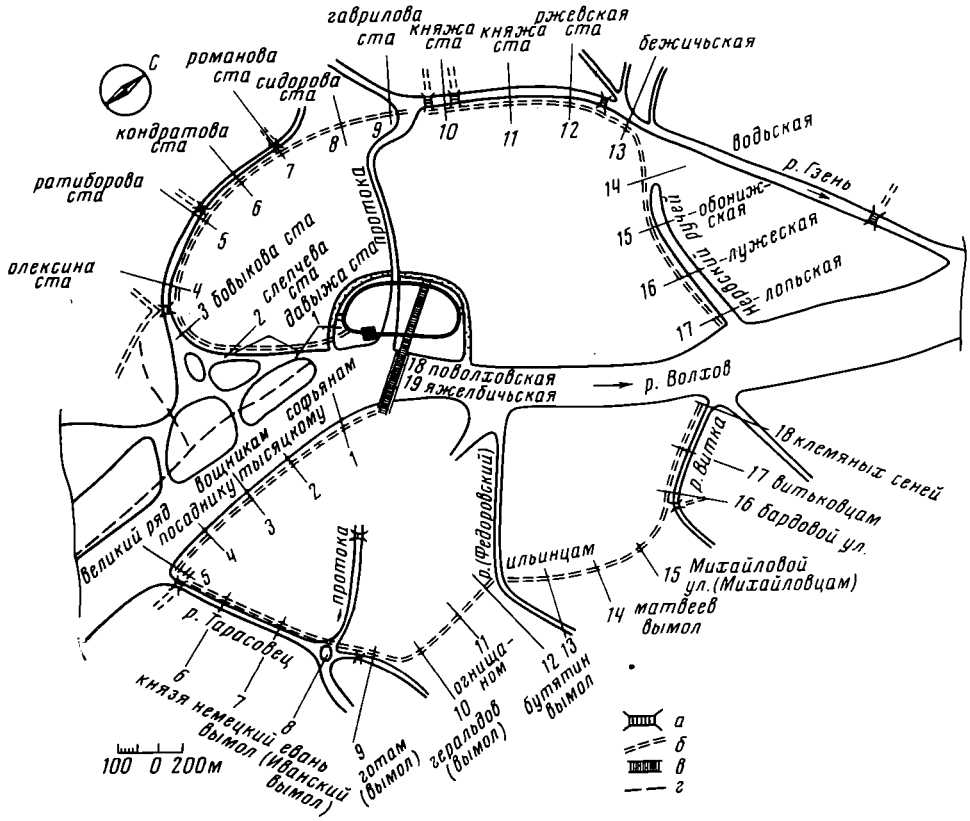


Рис. 2. Схематический план оборонительных сооружений Новгорода на конец XII в. с нанесением участков «мощения» по «Уставу» князя Ярослава «О мостех». *а* — мост; *б* — линия окольного города; *в* — улицы; *г* — пешеходные и зимние дороги

тигожан, коломлян, нередичан, веряжан, пидблян и жителей Чудинцевой улицы с загородци. О последних сказано, что они мостят не свою улицу, так как Чудинцева улица не подходила к городним воротам с запада, здесь начиналась улица Легощая[28] (рис. 1). Таким образом, в «Уставе» нет ни одного упоминания о повинности, связанной с мощением городских улиц для Софийской стороны. И кроме того, почему городские улицы должны были мостить жители пригородных поселков, например коломляне (поселок Колмово находился в 2 *км* севернее города), нередичане (поселок у нередицкого моста), веряжане (поселки по р. Веряже), пидбляне (известный поселок гончаров в устье р. Пидьбы) и даже тигожане (тигожский погост находился более чем в 100 *км* севернее Новгорода на р. Тигоде).

Естественно поэтому предположить, что все шесть участков, помещенные в «Уставе» между участками осменников и владычан, также имели повинности по мощению не улиц города или детинца, а мостов через ров и боевого хода оборонительной стены вокруг детинца. Определим эти участки в натуре. Выше мы установили в метрах размер участка осменников

[28] *С. Н. Орлов.* К топографии Новгорода X—XVI вв..., стр. 269, рис. 1, *12—12*.

с прусами, он составляет около 230 *м*. Внутренний периметр детинца имеет длину около 1380 *м*. Прибавим к этому длину четырех мостов через ров, которые выходили из детинца. К северу мост выходил на улицу Великую, к западу — на улицы Прусскую и Легощую и к югу — к Добрыниной (рис. 1)[29]. Длина четырех мостов не превышала 200—220 *м*. Следовательно, общая длина перекрытий боевого хода стены детинца и мостов через ров достигала примерно 1580 *м*. Если мы разделим это число на семь участков, которые «Устав» связывает с детинцем, то и получим, что каждый участок для мощения имел в длину около 230 *м*, т. е. равные участку осменников с прусами, который мы обозначили на плане первым номером (рис. 1). Условно остальные участки можно наметить в следующем виде: участок 2 займет пространство между башнями Спасской и Покровской, 3 — от Покровской башни до проезда под западной аркой (по выражению «Устава», «до городних ворот») (рис. 1, 2). В участок 4 войдет мост через ров в западном направлении из детинца на древнюю улицу Легощую и участок стены, включая современную Владычную башню. Участок 5 займет пространство стены между Владычной и Владимирской башнями и мост через ров на Великую улицу. Участки 6 и 7 приходятся на остальную часть восточной стены детинца. Восьмой участок «Устава», который мы относим к детинцу, мостили владыка с изгоями. Этот участок, как сказано выше, занимал проезд через детинец от западных ворот и «сквозе городние ворота до острой городни», т. е. подъезды к востоку на мост через Волхов (см. рис. 1, 2).

Во второй части «Устава» определены повинности в мощении 19 сотням, 10 из которых исследователи относят к городским и остальные к административно-территориальному делению Новгородской земли[30]. Участки по счету 18-й и 19-й сотен «Устав» точно определяет: 18-я, Волховская (Поволховская), мостила «трои риле» и 19-я, Яжелбитская, — «двои риле, до Торгу». Термин «риле», «рель», «релка» в древнерусском языке имел два значения: «риле» — «пролет перил моста» и «рель» — «сухая возвышенность, гривка на поверхности земли»[31]. В Псковской летописи мы встречаем подтверждение такому толкованию, где сказано: «пояли псковичи наймиты на новый мост на Пскове-реке, а запас балки наймитов, а рилини и дубья Псковская»[32]. Следовательно, Поволховская сотня несла повинности по мощению моста через Волхов от «Острой городни» и на протяжении трех пролетов перил, а Яжелбитская — конец моста и подъезды к нему с правого берега до Торга[33]. По длине участки на Волховском мосту, очевидно, были короче, чем предыдущие, но по площади, наверное, они не уступали другим, так как ширина мощения Волховского моста была, конечно, шире боевого хода («моста») оборонительных сооружений или моста через ров (рис. 2).

18-я и 19-я сотни «Устава» как бы завершают определение повинностей на Софийской стороне. Следовательно, те 17 сотен, которые перечислены ранее их в «Уставе», могли иметь повинности только на Софийской стороне, но они не определены по объектам. Бесспорно, что и эти 17 сотен должны были нести повинности по мощению на каком-то крупном и важном общественном объекте. Таким объектом на территории Софийской стороны кроме названных в конце XII — начале XIII в. могла быть только линия Окольного города.

В результате многолетних археологических исследований выявлены материальные остатки оборонительных сооружений на протяжении всей дли-

---

[29] *С. Н. Орлов.* Ук. соч., стр. 269, рис. 1.

[30] *Б. А. Рыбаков.* Ук. соч., стр. 132—152; *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 124—126.

[31] *В. Даль.* Толковый словарь, т. IV, 1956, стр. 91.

[32] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 709.

[33] Торг здесь упомянут, по-видимому, не как участок повинностей, а как топографическое место. Именно от подъездов к мосту и начинался Торг.

ны линии Окольного города на обоих берегах Волхова. Протяженность линии Окольного города на Софийской стороне от Дворцовой башни детинца и до северной оконечности земляного вала составляет около 4000 *м*. К этому нужно еще прибавить длину мощения не менее пяти мостов через ров и речку Гзень, что составит еще около 250 *м* [34] (рис. 2). Так устанавливается, что и на линии Окольного города участки мостовой повинности имели длину около 240—250 *м*, т. е. примерно равнялись участкам повинности в детинце (рис. 1).

Переходим к третьей части «Устава», которая начинается после перечисления повинностей сотен и с упоминания участка «софьян». В этой части «Устава» определены повинности жителям Новгорода, которые по роду своей деятельности группировались вокруг тех или иных общественных учреждений. Например, названы шесть вымолов (пристаней), которые, по-видимому, обслуживали определенных судовладельцев. «Софьяне», как предполагает А. А. Зимин, были служителями «Дома св. Софии» [35]. Кроме Иванского вымола несут повинности по мощению члены известного Иванского сто, «вощники». Упоминается объединение «огнищане» [36]. Привлечены к мостовой повинности так называемые «Клемяные сени». Некоторые исследователи это объединение считают «клеймяными сенями», т. е. местом, где ставили «клеймо» на изделия мастеров-ремесленников [37]. В этой части «Устава» также фигурируют повинности жителей поселка по р. Витке (витковляне). Речка Витка, вернее, две речки впадали в Волхов с восточной стороны города, там, где стоит церковь Бориса и Глеба на Подоле (рис. 1) [38]. Повинности «Великого ряда», т. е. главного участка по Торгу, очевидно, выполняли те купцы, которые там имели торговые предприятия, но не входили в определенные «сто». Мостовую повинность несли и высшие сановники новгородской феодальной республики: посадник, тысяцкий и князь. Наконец, в этой части «Устава» указаны повинности жителей трех улиц: Ильиной (ильинцам), Михаиловой и Бардовой. Все три улицы нам известны на Торговой стороне [39]. Из текста «Устава» следует, что и жители этих улиц мостили не мостовые своих или других улиц, а несли мостовую повинность общегородского значения. Такие общегородские повинности и на Торговой стороне могли быть связаны только с оборонительной линией Окольного города.

Таким образом, мы имеем по «Уставу» 18 участков мостовой повинности для Торговой стороны. Встает вопрос: какое же пространство на линии Окольного города занимали эти участки? Обратимся к натуральным остаткам земляного вала Окольного города. Протяженность его от церкви Бориса и Глеба на Подоле, в северной части и до конца Славны, до устья р. Тарасовца на юге достигала примерно 3100 *м* (рис. 2). Кроме того, по аналогии с Софийской стороной центр Торговой стороны, а именно Великий Торг, вечевая площадь, Двор Ярослава и участок города вдоль Волхова до конца Славно, должен был иметь оборонительные сооружения, защищенные от реки. Поэтому мы включаем в линию Окольного города периода действия «Устава» участок береговых оборонительных сооружений вдоль Волхова к югу от Волховского моста до устья р. Тарасовца. Длина этого участка около 1300 *м*. Следовательно, общая протяженность линии оборонительных сооружений на Торговой стороне для этого периода составляла около

---

[34] *С. Н. Орлов.* Ук. соч., стр. 269, рис. 1.

[35] *А. А. Зимин.* Ук. соч., стр. 214.

[36] А. Н. Насонов предполагает, что огнищане в Новгороде, упомянутые в «Уставе о мостех», представляли собой какую-то военную организацию, близкую к князю (*А. Н. Насонов.* Ук. соч., стр. 44).

[37] *Н. М. Карамзин.* История Государства Российского..., т. II, прим. стр. 35, № 103; *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 732. Автор приводит сведения о наличии клеймения изделий ремесленников в древнерусских городах.

[38] *С. Н. Орлов.* К топографии Новгорода X—XVI вв..., стр. 277, рис. 2.

[39] Там же.

4400 *м* (рис. 2). Естественно, что оборонительные сооружения Окольного города на Торговой стороне не должны были иметь большую сложность, чем на Софийской. Поэтому справедливо предположить, что участки мостовой повинности для Торговой стороны не были меньше по размерам, чем на Софийской. И действительно, судя по приведенным цифрам, длина участков мостовой повинности и здесь не превышала 240 *м*. Как видим, все участки «Устава» мостовой повинности имели примерно одинаковые размеры: в длину около 230—240 *м* (рис. 1, 2).

Встает вопрос: повинности «Устава» обязывали строить вновь оборонительные сооружения или поддерживать их в порядке, т. е. производить так называемый текущий ремонт? Рассмотрим сообщения письменных источников по этому вопросу. Известно, что детинец даже в камне был построен в первой половине XII в., т. е. до появления «Устава». Новгородские летописи многократно упоминают и о строительстве оборонительных сооружений на линии Окольного города. Например, под 1169 г. Первая Новгородская летопись уже отмечает наличие «острога около города» и что его «устроили», т. е. ремонтировали в момент опасного вторжения суздальских войск [40].

Под 1224 г. в той же летописи сказано, что «...новгородци же скопиша всю волость, а около города острог доспеша» [41]. В 1270 г. летопись вновь отмечает, что «новгородци же поставиша острог около города по обе строне, а товар въвозиша в город» [42]. Особо ярко летопись пишет по этому поводу под 1316 г. Позволим себе выписать эту цитату. «В лето 6824 (1316) ... поиде князь Михаил к Новугороду со всею землею; а новгородци учиниша острог около города по обе стороне и соидеся вся волость Новгородская: пълесковици, ладожане, рушане, корела, ижера, вожане» [43]. В 1430 г. летописец снова отметил, что «... пригон был крестьяном к Новугороду город ставити» [44]. Подобные же сообщения летописцев есть и от XVI в. [45] Много сохранилось письменных материалов о строительстве и ремонтах оборонительных сооружений в Новгороде от XVII в., которые свидетельствуют, что эти работы выполнялись в результате всеобщей повинности [46]. Известны случаи, когда оборонительные сооружения в Новгороде строили и за счет государства. Так было в 1391 г., когда взяли 5000 руб. из казны «у святой Софии с полатей, скопления владычня» и на эти деньги возвели каменные башни на линии Окольного города «против каждой улицы» [47]. Основания этих башен во многих пунктах сейчас исследованы на обеих сторонах города. Было построено не менее 40 башен [48]. Еще раньше, в 1335 г., «была заложена каменная стена на Торговой стороне, на Славне владыкой Василием с тысячкым Остафьем и со всемъ Новымъгородом» [49]. Остатки этой стены также обнаружены и изучены на протяжении свыше 200 *м* [50].

Как правило, за счет государства в Новгороде возводили и Великий Волховский мост. Первая Новгородская летопись содержит по этому поводу много сведений. Например, под 1144 г. сообщается, что «... Делаша мост въсъ прес Волхово, по стороне ветхого, нов въесь» [51]. Через 44 года,

[40] НПЛ, 1950, стр. 33.
[41] Там же, стр. 64, 268.
[42] Там же, стр. 88, 89, 320.
[43] Там же, стр. 95, 327.
[44] Там же, стр. 416.
[45] ПСРЛ, т. VI, стр. 302.
[46] *С. Н. Орлов, А. В. Воробьев.* Оборонительные укрепления древнего Новгорода. Новгород, 1959; *С. Н. Орлов.* К топографии и истории оборонительных сооружений древнего Новгорода. Уч. зап. НГПИ. Некоторые вопросы истории СССР, т. I, 1. Новгород, 1965, стр. 23 сл.
[47] ПСРЛ, т. IV, стр. 98.
[48] *С. Н. Орлов.* К топографии и истории оборонительных сооружений древнего Новгорода, стр. 4, 5, рис. *1, 2.*
[49] НПЛ, 1950, стр. 346.
[50] *А. В. Арциховский.* Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, 11, 1949, стр. 124—135; *С. Н. Орлов.* К топографии и истории..., стр. 34, 35.
[51] НПЛ, 1950, стр. 27.

в 1188 г., мы снова находим запись «... делаша мост нов через Волхово по стороне ветъхого» [52]. Под 1228 г. летописец сообщает, что «водой выдрало» девять городней у Великого моста, а под 1229 г. уже записано о постройке нового моста через Волхов «выше старого» [53]. Имеются записи о постройке нового моста в 1305 и в 1336 гг. [54] Через два года, в 1338 г., новый мост через Волхов был в значительной степени разрушен большой водой, вырвало 10 городней. И в том же году, как сообщает летописец, «... делаша мост нов, что было вышибло, повелением владыки Василия; сам бо владыка пристал тому, и почал и кончал своими людьми» [55]. Как видим, здесь архиепископ восстанавливает мост целиком за счет казны Софийского собора, т. е. за счет государства. Позднее, когда «Устав» перестал действовать [56], по-видимому, население облагалось особым денежным налогом взамен мостовой и других повинностей. Жители Ладоги, например, писали в челобитной новгородскому воеводе в 1686 г., что «... велено с них ладожан посадских людей и с уездных крестьян в Великий Новгород в городовое строение збирать по семи гривен з двора и больше, да с них же де собрано в воеводское дворовое строение по шести денег з двора, да в починку через реку Волхов мосту велено збирать по два алтына з двора и от того де они платят в городовое и в дворовое и в мостовое строенье двойное тягло в конец разорились» [57].

Из всего сказанного следует, что мостовые повинности «Устава» обязывали население не строить заново оборонительные объекты, мост через Волхов и прочее, а только ремонтировать в период между капитальными перестройками, т. е. содержать в порядке важнейшие общественные и оборонительные сооружения, как-то: перекрытия боевых ходов на стенах детинца и Окольного города, междуэтажные перекрытия в боевых башнях, мосты через рвы, главный проезд через детинец и настил Волховского моста (рис. 1, 2 [58]). Длина всей линии, которую нужно было содержать, т. е. систематически ее ремонтировать в соответствии с повинностями «Устава» достигала 10 *км*. По-видимому, группы населения, несущие повинности по «Уставу», не выполняли ремонт непосредственно сами, а собирали взносы, «поплату», и нанимали специалистов. Как известно, статьи пространной «Русской правды» определяли плату «городнику» и «мостнику» [59]. В конце XII в. в Плотницком конце Новгорода жил городник Жирошка, дочь которого Еуфимия заложила монастырь в 1197 г. [60] Местоположение Евфимьевского монастыря в Плотницком конце установлено [61].

В заключение необходимо остановиться на уточнении датировки «Устава». С каким из пяти Ярославов, княживших в Новгороде в XI—XIII вв., можно связать возникновение мостовой повинности? Выше мы уже отмечали, что последний князь Ярослав Ярославич, княживший с 1264 по 1271 г., должен быть исключен на том основании, что участки повинностей «Устава» практически сложились гораздо раньше, чем они были записаны [62]. Исключается и Ярослав I (умер в 1054 г.), потому что в тексте «Устава» упоминается Борисоглебская башня, названная по церкви Бориса и Глеба

---

[52] НПЛ, 1950, стр. 39.
[53] Там же, стр. 67, 68.
[54] Там же, стр. 332.
[55] НПЛ, 1950, стр. 348, 349.
[56] По мнению Б. А. Рыбакова, мостовая повинность в Новгороде существовала еще в XIV в. (см. *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 724).
[57] ЦГАДА, ф. 141, д. 65, Приказные дела старых лет, за 1686 г., лл. 118, 119.
[58] Как известно, в деревянных сооружениях быстрее всего выходят из строя и требуют ремонта покрытия, особенно на мостах через водные преграды. Но это не исключает того, что в повинности «Устава» могли входить обязанности по ремонту других повреждений.
[59] НПЛ, 1950, стр. 496.
[60] Там же, стр. 43 и 237.
[61] *С. Н. Орлов.* К топографии Новгорода..., стр. 277, рис. 2.
[62] *В. Л. Янин.* Новгородские посадники. М., 1962, стр. 151—154.

в детинце, а церковь впервые появилась там в 1146 г.[63] Как уже указывалось, многие исследователи считают, что текст «Устава» сложился не сразу, а имеет вставки, добавления и упорядочения[64]. На наш взгляд, документ сложился единовременно, он четко распадается на три части не по времени возникновения, а по объектам, на которых выполнялись повинности, а именно: первая часть — детинец и Волховский мост; вторая часть — Окольный город на Софийской стороне и третья часть — Окольный город на Торговой стороне. Как видно из «Устава», мостовая повинность была особой государственной повинностью, она ложилась не только на тягловое население, но и на господствующие слои и даже на церковнослужителей.

Время возникновения мостовых повинностей, очевидно, нужно отнести к концу XII в., когда в Новгороде был князь Ярослав Владимирович (с 1182 по 1199 г.). К этому периоду, по-видимому, не только возникла линия Окольного города, но она уже сложилась в определенную систему, особенно после осады Новгорода суздальцами в 1169 г.[65] Но запись текста «Устава», очевидно, была выполнена позднее, когда уже участки повинностей прочно вошли в обычай, т. е. в начале XIII в. Текст «Устава» мог быть записан при любом князе. Носил же он имя того князя Ярослава, при котором возник.

Нельзя оставить без объяснения здесь и факт упоминания в «Уставе» только семи улиц города, в то время как к концу XII в. в Новгороде, в его прибрежной части и детинце, было более 50 улиц, покрытых деревянными мостовыми, местоположение которых нам сейчас известно[66]. Две улицы, Пискупля в детинце и Добрынина, упоминаются в связи с границами участков повинностей и только жители пяти улиц были привлечены к выполнению мостовой повинности, а именно: Чудинцевой и Прусской на Софийской стороне, Бардовой, Ильиной и Михаиловой — на Торговой стороне. По-видимому, жители улиц Чудинцевой и Прусской не входили в городские, уже сложившиеся «сто». Подобное же предположение относится и к улице Бардовой Торговой стороны. Из археологических исследований нам известно, что эта улица возникла в XI—XII вв. на огромном пустыре и тянулась вдоль безымянного ручья[67].

Улицы Ильина и Михаилова — одни из древнейших улиц центра Торговой стороны, и они, конечно, возникли в ранний период жизни города. Обе эти улицы примыкали к Великому Торгу и Ярославову дворищу. Ильина улица начиналась от Волховского моста, шла мимо Торга и вечевой площади на восток к Окольному городу, а далее давала начало зимнему пути к Бронницам, по р. Мсте и к р. Поле. Михаилова улица занимала участок бывшей Пробойной улицы от улицы Ильиной к югу, мимо церкви Михаила до р. Волхова. На западной стороне Михаиловой улицы находилось Ярославово дворище, напротив, на восточной, — территория Немецкого двора[68]. Очевидно, не случайно жители только этих двух улиц из центральной части Торговой стороны были обложены мостовой повинностью. По-видимому, на этих улицах также проживала часть населения, которое не входило в перечисленные «Уставом» организации и учреждения. Любопытный факт заключается и в том, что в 1547 г., когда мостили мост через Волхов, летописец отметил, что помостили новым мостом и улицу Ильину, т. е. помостили ее за счет государства[69]. А под 1543 г. в летописи рассказано о мощении и улицы Михаиловой в следующих словах: «Того же лета оуличане мост исправиша по старому месту и оучиниша его выше старого,

[63] НПЛ, 1950, стр. 27; *М. Н. Тихомиров.* Исследование о Русской Правде. М.— Л., 1941, стр. 145.

[64] *М. Н. Тихомиров.* Ук. соч., стр. 145; *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, 1948, стр. 724.

[65] НПЛ, 1950, стр. 33, 221.

[66] *С. Н. Орлов.* К топографии Новгорода..., стр. 264—285.

[67] Там же, стр. 277, рис. 2, *21—21.*

[68] Там же, стр. 277, рис. 2.

[69] Новгородские II и III летописи, 1879, стр. 76.

а стал мост в пятнадцать рублев, иже бысть от Буянки мимо оулиц к Николе»[70]. Местоположение обеих улиц установлено при археологических наблюдениях благодаря фиксации их деревянных мостовых[71]. Кроме этих двух случаев Новгородские летописи ни разу больше не упоминают о мощении улиц в Новгороде. А всего улиц в Новгороде по Писцовым и Лавочным книгам XVI в. насчитывается свыше 70, и все они, конечно, имели деревянные мостовые, хотя в слоях XVI в. мостовые не всегда сохраняются[72].

Таким образом, если доводы, изложенные выше, верны, то они вносят некоторую ясность в этот ценнейший и сложный древнерусский письменный источник из истории Новгорода Великого, но не снимаются и все вопросы. Например, чем объяснить, что к мощению объектов детинца были привлечены пять пригородных поселков? Почему они не входили в те или иные «сто»? Далее, почему все городские и территориальные «сто» выполняли повинности по мощению на Софийской стороне? Было ли здесь преднамеренное распределение, или участки определялись жеребьевкой? Кроме того, что такое «сто»? Является оно административно-управленческой единицей или военной? Особенно это относится к территориальным, сельским «сто».

Все эти вопросы требуют дальнейших исследований.

V. V. Mavrodine, S. N. Orlov

A PROPOS DU «STATUT DU PRINCE IAROSLAV SUR LES CHAUSSÉES DE BOIS».

Résumé

Le manuscrit du «Statut» a été étudié par de nombreux auteurs. La plupart des savants ont pensé que le «Statut» établissait la charge par la population de revêtir de bois les rues de Novgorod. Les plus récentes recherches archéologiques sur la topographie de Novgorod, sur ses fortifications et l'emplacement du pont franchissant le Volkhov dans la ville ont permis de mettre au jour dans l'agglomération quatre secteurs, qui sont mentionnés dans le «Statut» comme faisant l'objet de revêtement: le pont sur le fossé du diétinetz (Kremlin), entre les rues Dobrynina et Piskouplia et jusqu'à l'église Boris-et-Gleb; le passage entre «les portes de la ville jusqu'à Ostraïa gorodnia», et deux secteurs sur le pont du Volkhov. D'après le texte du «Statut» on voit que les charges de revêtement de trois secteurs sont liées au revêtement du pont sur le Volkhov et de ses abords. Le secteur depuis la rue Piskouplia jusqu'à l'église Boris-et-Gleb est également lié non au revêtement de la rue Piskouplia, mais à la tour de l'enceinte du diétinetz. Pour la première fois on a pu établir la longueur du secteur que la population devait revêtir de bois: 230 m environ.

Quant au contenu, le texte du «Statut» se divise nettement en trois parties. Les deux premières établissent la charge de revêtement pour le «côté» de Sainte-Sophie, y compris le pont sur le Volkhov. La troisième partie du «Statut» établit les secteurs à charge pour divers groupes de la population, à partir du mot «de Sainte-Sophie...» Dans cette partie on compte 18 secteurs où il n'y a pas non plus de renseignements sur le rapport des charges avec le revêtement en bois des rues de la ville. Les auteurs en concluent que ces charges étaient relatives à la ligne formée par le faubourg Okolny, du côté Commercial, dont la longueur était d'environ 4400 mètres. La longueur de chaque secteur à charge dans le «côté» Commercial ne dépassait pas 240 mètres. L'article précise la date du document. Selon les auteurs les charges du «Statut» sont apparues à la fin du XIIe s. et n'ont pas été fixées par écrit avant le début du XIIIe siècle.

---

[70] ПСРЛ, т. IV, ч. I, 3. Л., 1929, стр. 617.
[71] *С. Н. Орлов.* К топографии Новгорода..., стр. 276—280.
[72] Там же, стр. 264—285.

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

ДРЕВНЕРУССКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ КЕНТАВРОВ

В средневековом русском искусстве образ кентавра представлен значительным числом изображений. Как сами эти изображения, так и связанные с ними данные письменных источников могут расширить наши представления об иконографии и символике этого образа в средневековом искусстве.

Древнейшее русское изображение кентавра находится на резной деревянной колонне XI в. из Новгорода (рис. 1, *1*)[1]. Кентавр окружен плетеным орнаментом, в который вплетен его хвост. Ноги звериные (не конские). Рукой держит себя за хвост. Передняя часть изображения утрачена. Выше кентавра на колонне изображен грифон. Описание людей с ногами животных встречается в русских списках сказания об индийском царстве («а иная у мене земля, в ней же люди пол пса да пол человека ..., а иные у мене люди скотьи ноги имеюще»), упоминаются они в слове Мефодия Патарского в числе «нечистых человеков», заклепанных в горе Александром Македонским («а иным скотия ноги»)[2]. Кентавры со звериными ногами встречаются среди средневековых западноевропейских изображений[3].

Кентавры в резном уборе Дмитриевского собора во Владимире (1194—1197 гг.) (рис. 1, *2*, *3*)[4]. Первый изображен влево, замахивается мечом (?), другой рукой, обернувшись, держит себя за хвост (ср. с новгородской колонной). Второй вправо также замахивается (рука обломана), в левой руке заяц. Оба кентавра с длинными волосами, имели короны (у второго она не сохранилась, но видна на старых фотографиях)[5], в рубашках, с конскими ногами. У второго хвост конский, у первого — нет (с кисточкой). Эти кентавры связывались В. П. Даркевичем с заимствованным с романских образцов циклом подвигов Геракла[6], Г. К. Вагнер[7] указывает на византийские аналогии[8]. Изображения вооруженных кентавров, в частности с мечами, можно возводить к византийским изображениям на тему похода Диониса в Индию (рис. 1, *8*)[9]. Образ кентавра-охотника со зверьком в руке

[1] *А. В. Арциховский.* Колонна из новгородских раскопок. Вестн. МГУ, история, 1954, 4.

[2] *А. Н. Веселовский.* Южнорусские былины III—XI. СПб., 1881, стр. 251, *Н. Тихонравов.* Памятники отреченной русской литературы. т. II, СПб., 1863, стр. 259.

[3] *J. Bayet.* La symbolisme du serf et du centaure à la Porte Rouge de Notre Dame de Paris. Revue Archéologique, serie 6, XLIV, Paris, 1954, p. 38; *F. Bologna.* Die Anfänge der Italienischen Malerei. Dresden, 1964, fig. 35.

[4] *Г. К. Вагнер.* Скульптура древней Руси. Владимир, Боголюбово. М., 1969, стр. 264, 266.

[5] *А. А. Бобринский.* Резной камень в России. М., 1916, табл. 10.

[6] *В. П. Даркевич.* Подвиги Геракла в декорации Дмитриевского собора во Владимире. СА, 1962, 4, стр. 101, 102.

[7] *Г. К. Вагнер.* Ук. соч., стр. 264—266; *его же.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской. М., 1964, стр. 111—116.

[8] *A. Goldschmidt, K. Weitzmann.* Die Byzantinischen Elfenbeiskulpturen. Bd. I, Berlin, 1930, Taf. XV, *30*(f); LXX, *121*; *K. Weitzman.* Greek Mythology in Byzantine Art. Princeton, 1950, pl. LVIII, fig. 240.

[9] *K. Weitzmann.* Op. cit., p. 182, pl. LVIII, *240, 241.*

(в другой — иногда палица) связан с иконографией Хирона. В средневековом искусстве (как византийском, так и западном) такие изображения обычно связаны с созвездием Центавра (Centaurus)[10] (рис. 1, *4*) встречаются также в прикладном искусстве (резьба по кости), в частности находка из Херсонеса[11].

Кентавр, скачущий вправо, замахивающийся булавой (палицей) с миндалевидным щитом, имеющим геральдический рисунок, изображен на костяном футляре, найденном в слоях XII в. в Пскове (рис. 1, *7*)[12]. Ноги конские, конское туловище перехвачено широким орнаментированным поясом. Палица (булава) восходит к античной традиции, встречается в западноевропейских изображениях кентавров[13]. На оборотной стороне фантастический зверь. Щит можно видеть у кентавра на крестильной купели XII в. из Хорнборга (Готланд) и на керамических плитках пола XIII в. из Эльзаса (Шлеттштадт)[14].

Кентавры в резном уборе Георгиевского собора в Юрьеве Польском (1230—1234 гг.) (рис. 1, *5*, *6*)[15]. Одно изображение в числе декоративных сюжетов в орнаментальной рамке (ср. с новгородской колонной). Кентавр влево в островерхой шапке с опушкой (фригийский колпак?) и в рубахе с застежками, обернувшись назад, держит боевой топор. Ноги и хвост конские. Два других изображения симметрично расположены рядом на стене западного притвора. Коронованные кентавры в рубашках с пуговицами держат в одной руке зайца (ср. с кентаврами Дмитриевского собора), а в другой булаву (жезл?) (ср. с изображением псковского костяного футляра). Ноги звериные, хвост конский. На заднем плане деревца. Интересную аналогию по сочетанию ряда признаков представляют некоторые изображения на западноевропейских резных шашках, например на найденной в Приднепровье шашке из коллекции Ханенко (рис. 6, *4*). Кентавр в рубашке, ноги звериные, хвост тоже, «крючком» (собачий?), на заднем плане — дерево, за которое он держится рукой, в другой руке — булава[16]. Булава и заяц в изображении кентавров на стене собора в Юрьеве Польском восходят к иконографии Хирона и астрономического символа созвездия Центавра. Сочетание короны с туловищем хищника можно видеть у крылатых «антропоидов» с человеческой головой, оседланных всадниками на сосудах Сан-Миклошского клада[17] (связываемого с протоболгарами, находившимися, вероятно, под влиянием сасанидских образцов). Корону и «львиное» туловище находим у грузинского кентавра-стрельца XII в.[18].

Кентавр на золоченых вратах (дверях), первоначально находившихся в новгородском Софийском соборе (ныне в Троицком соборе Александрова), исполненных в 1336 г. — так называемые васильевские врата (рис. 2, *1*)[19]. Он представлен влево в короне (ср. с изображениями владимиро-суздальских соборов) с крыльями, с коронованной фигуркой царя Соломона в руках. Ноги и хвост конские. Конский торс перехвачен широким орнамен-

---

[10] *G. Thiele.* Antike Himmelsbilder. Berlin, 1898, S. 125, fig. 53; Drzwi Gnieznienskie, t. II, Wrocław, 1959, str. 342, rys. 89, 90; Enciclopedia dell'Arte Antica. Roma, 1966, 7, p. 1286, fig. 1417.

[11] *В. П. Даркевич.* Путями средневековых мастеров. М., 1972, стр. 75.

[12] *И. К. Лабутина.* Охранные раскопки в Пскове. АО — 1972, М., 1973, стр. 20, 21.

[13] Drzwi Gnieznienskie, t. II, Wrocław, 1959, str. 343, rys. 91, 92.

[14] Ibid., str. 336, rys. 76; *Z. Kadar.* L'influence des peuples cavalières nomades sur la formation des représentations médiévales de centaures. Acta Archaeologica t. II, Budapest, 1952, p. 311, fig. 4.

[15] *Г. К. Вагнер.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, стр. 111—116, табл. XXVIII, *а, б.*

[16] *В. П. Даркевич.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе X—XIV вв. САИ Е — 157, М., 1966, стр. 16, № 27, стр. 125, табл. 25, *2.*

[17] *Г. К. Вагнер.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси..., стр. 114; *Н. Мавродинов.* Старобългарското изкуство. София, 1959, стр. 116, рис. 108, стр. 120, рис. 115. 116.

[18] *Г. Алибегашвили.* Художественный принцип иллюстрирования грузинской рукописной книги XI — начала XIII в. Тбилиси, 1973, табл. 42.

[19] *В. Н. Лазарев.* Васильевские врата 1336 г. СА, XVIII, М., 1953.

1

2

3

4

5

6

7

8

Рис. 1. Древнерусские изображения кентавров и некоторые их аналогии (рис. 2—7 — подпись та же). *1* — резная колонна XI в. из Новгорода, *2, 3* — рельефы на стенах Дмитриевского собора во Владимире, *4* — символ созвездия Центавра по средневековой западноевропейской астрономической рукописи; *5, 6* — рельефы на стенах Георгиевского собора в Юрьеве Польском, *7* — костяной футляр XII в. из раскопок во Пскове, *8* — фрагмент византийского костяного ларца

тированным поясом (ср. изображение на псковском костяном футляре). На пластине с изображением кентавра имеется надпись: «Китоврас мече братом своим Соломоном на землю обетованную за сл...». Китоврас, согласно Азбуковнику XVII в., это «онокентавр, кентавр»[20]. «Онокентавр, — согласно Подлиннику XVII в., — зверь китоврас, иже от главы яко человек, а от ног аки осьл». Иппокентавр также переводится как «китоврас»: «иппокентаврос... — китоврас зверь, от главы до пояса человек, от пояса же есть по всему конь» (Азбуковник XVII в.)[21]. «Великий царь Китоврас» описывается олонецким сказителем как «человек — ноги лошадиные, степь человечья»[22]. Композиция иллюстрирует известное отреченное сказание о Соломоне и Китоврасе. Сказочный кентавр, обманом захваченный Соломоном, помогает ему в строительстве иерусалимского храма и затем, получив свободу, демонстрирует царю свою силу и забрасывает его так далеко, что царя удалось разыскать лишь с большим трудом. Легенда, по-видимому, непосредственно переведенная на старославянский с древнееврейского, была известна еще в домонгольской Руси[23]. Изображение соответствует тексту: «он же простер крило свое и удари Соломона и заверже и на конец земли обетованныя; уведаша же мудрецы его книжници, взыскаша Соломона». Ранние тексты легенд о Соломоне и Китоврасе не дают объяснения, почему Китоврас изображен в короне и назван братом Соломона. Эти подробности есть в известной по списку XVII в. легенде о похищении жены царя Соломона. «Бысть во Иерусалиме царь Соломон, а во граде Лукорье царствуя царь Китоврас. Обычай же той имея царь — во дни царствует над людьми, и в нощи обращашеся зверем китоврасом и царствует над зверьми, а по родству брат царю Соломону»[24]. Наличие короны можно также объяснить тем, что в талмудических (Мишна, трактат Гиттин; Танхума Гакодум) и мусульманских вариантах легенды заменяющий Китоврасса демон (Асмодей, Сахр) временно захватывает престол Соломона[25]. Превращение Асмодея в кентавра облегчалось тем, что в средние века последнего относили к демоническим существам (см. ниже). В византийской легенде Testamentum Solomonis в постройке храма среди других демонов участвует получеловек-полуконь[26]. В Талмуде Асмодей, приняв облик Соломона, сохраняет звериные (или птичьи) ноги; там же, а также в русской версии легенды упомянуты крылья. Крылатые кентавры известны среди древневосточных и эллинистических изображений (рис. 3, *1*)[27]. Кентавр — музы-

[20] *А. Н. Веселовский.* Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. Собр. соч., т. 8, вып. I, Пг., 1921, стр. 165, 166.

[21] *Ф. И. Буслаев.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. т. II., СПб., 1861, стр. 370; *И. М. Тарабрин.* Лицевой букварь Кариона Истомина. Древности. Тр. Московского археологического общества, XXV, М., 1916, стр. 308.

[22] *Г. И. Куликовский, В. Х.* Из олонецких легенд. Этнографическое обозрение, XI, 1891, 4, стр. 198.

[23] *Н. Тихонравов.* Ук. соч., т. I, СПб., 1863, стр. 254—257; *Н. А. Мещерский.* Искусство перевода Киевской Руси. ТОДРЛ, XV, М.— Л., 1958, стр. 57, 58.

[24] *Ф. И. Буслаев.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стр. 718—721.

[25] Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и мидрашей. ч. I, Одесса, 1910, стр. 123—127; *А. Н. Веселовский.* Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе..., стр. 160, 161.

[26] *А. Н. Веселовский.* Там же, стр. 164.

[27] *W. H. Roscher.* Ausfuhrliches Lexikon der Griechischen und Romischen Mythologie. Bd. II, Leipzig, 1890—97, S. 1055; *М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова.* Парфянские ритоны Нисы. Альбом иллюстраций. М., 1956, табл. IX, XVII, XXI (возможно, что

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

Рис. 2. *1* — фрагмент новгородских врат 1336 г., *2* — фрагмент новгородского паникадила XV—XVI вв., *3* — изображение на донце сосуда, найденного в московском Кремле, *4* — оборотная сторона бронзового зеркала, найденного на острове Фаддея (XVII в.), *5* — сибирское подражание русскому зеркалу, *6, 7* — монеты Ивана Михайловича Городенского, *8* — монета Владимира Андреевича Серпуховского, *9* — монета Василия Михайловича Кашинского, *10* — монета Бориса Александровича Тверского, *11* — печать Филикса, *12* — монета Петра Дмитриевича Дмитровского, *13* — монета Михаила Борисовича Тверского

кант с крыльями и туловищем леопарда — изображен на исполненной византийским художником миниатюре Ванского евангелия XII в.[28] (рис. 3, *2*). Крылатые кентавры в качестве символов созвездий встречаются на персидских миниатюрах[29] (рис. 3, *3*). Крылья у всех описываемых кентавров помещены на уровне плечевого пояса туловища животного, а не человека, как у всех русских крылатых кентавров (влияние иконографии ангелов?). Мифическое существо с туловищем мула и женской головой в венце, на котором Мухаммед возносился на небо (Бурак), иногда изображалось с крыльями; известно изображение без крыльев, но с человеческим торсом (настоящий кентавр)[30] (рис. 3, *5*) Образ крылатого зверя с человеческой головой в венце (сфинкс) часто встречается в мусульманском искусстве[31], упомянутые «антропоиды» сан-миклошского клада аналогичны по иконографии. Восточные кентавры-стрельцы обычно имеют короны[32] (рис. 4, *4*). Образ кентавра, преследующего человека, встречается в западноевропейском искусстве (рис. 5, *6*)[33].

Кентавры на новгородских хоросах (паникадилах) XV—XVI вв. (рис. 2, *2*)[34] по иконографии наиболее близки Китоврасу врат 1336 г. Они с крыльями, в коронах, ноги и хвост конские. На плечах держат жезл (ср. кентавры Георгиевского собора в Юрьеве Польском), в одном случае — копье. Кентавр с жезлом на плече в паре с кентавром, замахивающимся мечом известен в резьбе по кости XII в. из Италии[35]. Практически тождественные изображения кентавров имеются на бронзовом зеркале XVII в., найденном близ полуострова Таймыр на о. Фаддея среди вещей, оставленных погибшими русскими полярными мореходами (рис. 2, *4*), и на сходных русских зеркалах или их местных копиях и подражаниях, встречающихся в Сибири почти повсеместно[36]. Находка подобного зеркала зафиксирована также в одном из курганов Воронежской области[37]. Крылатый коронованный кентавр вправо, держит на плече жезл. В левой руке миниатюрный щит (ср. изображение на псковском костяном футляре). Ноги и хвост конские.

Изображение кентавра, оттиснутое изнутри на дне сосуда, в котором в могилу ставилось миро, оставшееся после соборования (найден в Москов-

на ритонах изображены тритоны); Ср.: *R. Ghirshman.* Perse. Proto-iraniens, Medes, Achéménides. Paris, 1969, p. 309, fig. 371; *Б. Б. Пиотровский.* Искусство Урарту. Л., 1962, стр. 47, рис. 14; стр. 48, рис. 18, табл. II, III.

[28] *В. Н. Лазарев.* История Византийской живописи. т. I, М., 1947, стр. 135; т. II, М., 1948, табл. 207; ср. *В. В Стасов.* Славянский и восточный орнамент по рукописям старого и нового времени. СПб., 1887, табл. CXLIV, *8*.

[29] SPA, V, pl. 2, 854, B.

[30] *T. W. Arnold.* Painting in Islam. New York, 1965, p. 117—122; 112—113; pl. XXV, b; p. 132—133, pl. LIII; LV, d; LVI, a, b; *М. Ашрафи.* Миниатюры XVI в. в списках произведений Джами из собраний СССР. М., 1966, стр. 69.

[31] *F. Sarre, F. R. Martin.* Die Ausstellung Meisterwerken Muhammedanischer Kunst in München 1910. München, 1912, Bd II, 99, 110, 153.

[32] Ibid., Taf. 140; *E. Kühnel.* Miniaturmalerei in islamischen orient. Berlin, 1922, Taf. 34, 41; *Z. Kadar.* Op. cit., p. 310, fig. 1.

[33] *J. Bayet.* Op. cit., p. 52—55, fig. 5, 6.

[34] *И. Толстой, Н. Кондаков.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. VI, СПб., 1899, стр. 163, 164, рис. 201, 203; *Г. К. Вагнер.* О зооморфных изображениях на древнерусских хоросах. КСИА АН СССР, 81, 1960, стр. 26, 27, рис. 8, 10.

[35] *A. Goldschmidt, K. Weitzmann.* Op. cit., Bd I, Taf. LXX, *121*.

[36] *А. П. Окладников.* Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея. СА, XIII, 1950, стр. 143, рис. 3 (карта находок).

[37] *Ст. Зверев.* Воронеж на XII археологическом съезде. Тр. Воронежской ученой архивной комиссии. Вып. II, Воронеж, 1904, стр. 158.

ском Кремле, в погребении XV—XVI вв.) (рис. 2, *3*)[38]. Крылатый коронованный кентавр влево вынимает меч из ножен. Конское туловище перехвачено широким поясом. Хвост не конский (с кисточкой). Древнейшие на Руси изображения кентавров с мечами — на стенах Дмитриевского собора (?). Кентавры с мечами известны также в Западной Европе и Византии[39]. Известно сходное, но испорченное изображение крылатого коронованного кентавра, обнажающего меч, оттиснутое на сосуде (фрагмент керамики с Кунцевского городища XVI в. (?))[40].

Обнажающий меч крылатый коронованный кентавр с конским хвостом и копытами имеется также на медной монете Ивана Михайловича Городенского (вассал великого князя тверского, 1399—1425 гг.) (рис. 2, *6*)[41]. На обороте монеты всадник с соколом. На серебряной монете того же князя также кентавр, но меч отсутствует (рис. 2, *7*). Кентавр влево, вынимающий меч из ножен, без короны и крыльев, находится на серебряных монетах Владимира Андреевича Серпуховского (вассал великого князя московского, 1358—1410 гг.) (рис. 2, *8*)[42] и Василия Михайловича Кашинского (вассал великого князя тверского, до 1426 г.) (рис. 2, *9*)[43]. Дефектное, скорее всего аналогичное изображение находится на монете великого князя тверского Бориса Александровича (1425—1461 гг.) (рис. 2, *10*)[44]. Крылатый кентавр с мечом в руке помещен на монете без указания имени князя (суздальско-нижегородское княжество?)[45]. Кентавр без крыльев, в короне (?), поднявший в обеих руках не вполне ясные предметы, изображен на свинцовой новгородской печати первой половины XIV в., принадлежавшей наместнику Филиксу (рис. 2, *11*) (последний упоминается в договоре 1338 г. с немцами)[46]. Следует отметить, что это изображение и по времени и по месту происхождения наиболее близко Китоврасу врат 1336 г. Изображение кентавра вправо, с мечом и кубком в поднятых руках на монетах Петра Дмитриевича Дмитровского (вассал великого князя московского, 1389—1428 гг.) (рис. 2, *12*)[47]. Вероятнее всего, на печати Филикса те же предметы. Ритуальная поза с поднятыми мечом и кубком встречается также в рукописном тератологическом орнаменте и на монете XV в.[48]. На обороте монет Петра Дмитриевича — человеческая голова или сдвоенная человеческая голова (как у Януса). Последнее изображение вместе с изображением кентавра может рассматриваться как отражение легенды о двухголовом муже, подаренном Соломону Асмодеем-Китоврасом (сюжет связан с судами Соломона)[49].

К списку древнерусских изображений кентавра, имеющих общие специфические черты и атрибуты, сближающие их с Китоврасом врат 1336 г., по-видимому, следует присоединить изображения коронованных кентавров, не имеющих человеческого торса, у которых голова покоится непосредственно на зверином туловище. Такие изображения известны на изразцах,

---

[38] *М. Г. Рабинович.* О древней Москве. М., 1964, стр. 160, 161, рис. 72, *2*; *Р. Л. Розенфельдт.* Московское керамическое производство XIII—XVIII вв. САИ Е1 — 39, М., 1968, стр. 111, табл. 17, № 13.

[39] *Z. Kadar.* Op. cit., p. 311, fig. 4; *A. Goldschmidt, K. Weitzmann.* Op. cit., Taf. XV, *30*(f); LXX, *121*.

[40] Автор пользуется случаем выразить признательность А. Г. Векслеру, ознакомившему его с этим материалом.

[41] *А. Орешников.* Русские монеты до 1547 г. Исторический музей. Описание памятников. Вып. I, М., 1896, табл. VI, № 263—265.

[42] *А. Орешников.* Ук. соч., табл. XII, № 581—548.

[43] *И. Г. Спасский.* Русская монетная система. Л., 1962, стр. 80, табл. 56, *7*.

[44] *А. Орешников.* Ук. соч., табл. II, № 54.

[45] Там же, табл. XVII, № 817.

[46] *В. Л. Янин.* Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. II, М., 1970, стр. 121, 219, № 701.

[47] *А. Орешников.* Ук. соч., табл. XIII, № 644—649; табл. XIV, № 655—658.

[48] *В. В. Стасов.* Картины и композиции, скрытые в заглавных буквах древних рукописей. СПб., 1884, рис. 11; *А. Орешников.* Ук. соч., табл. XVI, № 774.

[49] *А. Н. Веселовский.* Славянские сказания..., стр. 109, 251; Агада. стр. 110—113 (Бет-Гамидраш); *Н. Тихонравов,* Ук. соч., т. I, СПб., 1863, стр. 257, 258.

Рис. 3. *1* — крылатый кентавр-стрелец. Месопотамия, *2* — деталь миниатюры Ванского евангелия XII в., *3, 5* — персидские миниатюры XIV в., *4* — гравюра из итальянской книги XVI в.

псковских керамических плитах и колоколах[50]. Сходное изображение, но без короны, известно среди глиняных поливных игрушек[51].

На керамических плитах с барабана главки псковской церкви Георгия со Ввоза (1494 г.) изображен кентавр вправо с палицей и миндалевидным щитом (рис. 6, *1*)[52] (ср. изображение на псковском костяном футляре).

[50] *И. И. Плешанова.* О зверином орнаменте псковских колоколов и керамид. В сб. «Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова». М., 1968, стр. 208, 213.
[51] *Л. А. Динцес.* Русская глиняная игрушка. М.— Л., 1936, стр. 49, рис. 13.
[52] *И. И. Плешанова.* Псковские архитектурные керамические пояса. СА, 1963, 2, стр. 211, 212, рис. 1, *1*; стр. 213, рис. 2.

Здесь кентавр включен в не совсем ясную композицию. Перед кентавром вставший на дыбы зверь, сзади — две птицы, которые или сидят на дереве, или клюют круп кентавра. По краям — две человеческие фигуры. В нижней части плиты четыре круга, в которых изображены звери и птицы. Кентавр с бородой и конским хвостом.

Кентавр, обернувшись назад, замахивается палицей с торчащими сучьями — инициал рукописной Псалтыри XIV в. (рис. 6, *2*)[53]. Ноги не конские. Своеобразная аналогия кентаврам с палицей и булавой. Кентавр, несущий на плече ствол дерева с сучьями, имеется среди западноевропейских изображений (Милан, капитель XII в.)[54].

Значительная группа древнерусских изображений кентавра представляет его как зодиакального Стрельца (Sagittarius).

Зодиакальный кентавр-стрелец влево, обернувшись, стреляет назад. Русская доделка магдебургских врат новгородской Софии XIV в. (рис. 4, *1*)[55]. Ноги и хвост конские, на боку колчан. Следует отметить, что это изображение сближает с Китоврасом врат 1336 г. не только время создания, но и то, что оба изображения находились на дверях одного и того же собора и даже были помещены сходным образом в нижней части врат. Вероятно, эти изображения перекликались и по своей символике. Следовательно, в данное изображение стрельца-кентавра вкладывался более широкий смысл, чем просто обозначение созвездия. Сходное изображение имеется на так называемом посохе Геронтия (резная кость, Новгород, XV в.)[56]. То же на некоторых удельных монетах без указания имени князя[57]. На обороте некоторых монет — человек с секирой в руке, на других зверь с головой, обращенной назад.

Вариант зодиакального Стрельца. Кентавр, обернувшись, стреляет в пасть змея, вырастающего из его хвоста. Эта вариация стрельца известна в ряде списков Христианской топографии Косьмы Индикоплова (рис. 4, *3*)[58] (в частности, в рукописи 1495 г.). Такая трактовка зодиакального стрельца, по-видимому, идет с мусульманского Востока (ср. рис. 4, *4*), встречается также в польской геральдике[59].

Однако в большей части списков Косьмы Индикоплова XVI—XVII вв. кентавр-стрелец стреляет вперед (рис. 4, *5*), так же как и в византийских рукописях[60]. Сходное изображение на одном из знамен полков иноземного строя XVII в. Хотя в данном случае кентавр с конскими ногами и хвостом стреляет вперед, Ю. В. Арсеньев связывает это изображение с перенесением на Русь польских геральдических эмблем[61]. Различные вариации зодиакального кентавра-стрельца нередки в русском декоративном искусстве:

---

[53] *А. Некрасов.* Очерки из истории славянского орнамента. Человеческая фигура в русском тератологическом рукописном орнаменте XIV в. Памятники древней письменности и искусства. CLXXXIII, СПб., 1913, табл. VII, рис. 3; Ср.: *В. В. Стасов.* Славянский и восточный орнамент..., табл. XVII, *8*; табл. LVIII, *12*.

[54] *Z. Kadar.* Op. cit., p. 312, fig. 7.

[55] *Ф. Аделунг.* Корсунские врата, находящиеся в новгородском софийском соборе. М., 1834, стр. 62, 63; *А. И. Анисимов.* Автопортрет русского скульптора Авраама. Изв. АН СССР. Отделение гуманитарных наук, 1928, 3, стр. 183.

[56] *Г. Н. Бочаров.* Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969, стр. 106, 107.

[57] *А. Орешников.* Ук. соч., табл. XVII, № 797—807, 810—815.

[58] *Е. К. Редин.* Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1916, стр. 178, рис. 178; табл. IX, *1*.

[59] *E. Kühnel.* Miniaturmalerei im Islamischen Orient. Berlin, 1922, Taf. 34, 41; *F. Sarre, F. R. Martin.* Op. cit., Bd II, Taf. 140; *Ю. В. Арсеньев.* Геральдика. М., 1908, стр. 195; *Z. Leszczyc.* Herby szlachty Polskiej. Poznan, 1908, t. I, str. 123—124; t. II, tabl. XXIX.

[60] *Е. К. Редин.* Ук. соч., стр. 179, рис. 181—183; стр. 181, рис. 186; табл. V, рис. 1; ср.: стр. 126, рис. 102, 102а, стр. 127, рис. 103; стр. 130, рис. 105; см. также: *И. М. Тарабрин.* Ук. соч., табл. XXVI, буква I (иппокентавр); табл. XLIV, буква Ъ (стрелец).

[61] *Ю. В. Арсеньев.* О знаменах с геральдическими изображениями в русском войске XVII в. Смоленск, 1911, стр. 9; *его же.* Геральдика, стр. 195, 196, 277, табл. К, рис. 6.

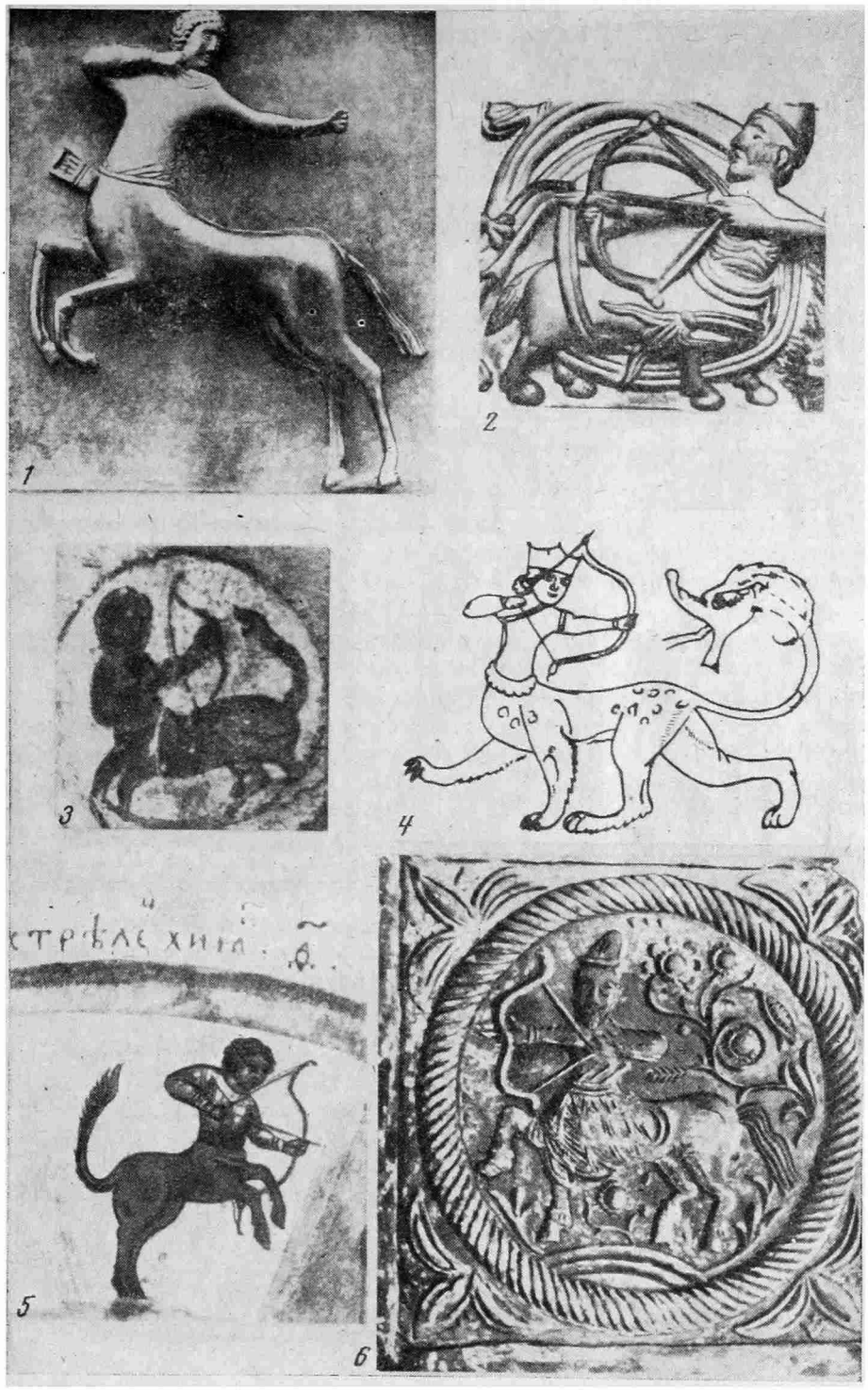


Рис. 4. *1* — фрагмент Магдебургских врат новгородской Софии (русская доделка XIV в.), *2* — рельеф на стене церкви в Студенице, *3* — фрагмент миниатюры рукописи Христианской топографии Косьмы Индикоплова 1495 г., *4* — восточный кентавр-стрелец (Грузия, XII в.), *5* — фрагмент миниатюры рукописи Христианской топографии Косьмы Индикоплова XVI в., *6* — красный изразец

Рис. 5. *1* — Фрагмент серебряного пластинчатого браслета из Тверского клада, *2* — роспись ларца XVII—XVIII вв., *3* — поливной изразец середины XVII в., *4* — фрагмент византийского костяного ларца, *5*, *6* — средневековые капители, Франция

на изразцах (рис. 4, *6*)[62], на лубочных картинах (например, известный лубок, изображающий роспись плафона Коломенского дворца — солнце и луну со знаками зодиака и аллегорическими фигурами времен года)[63], на фигурных бронзовых замочках из Павлова Посада, на финифтяных блюдах[64], на распространявшихся среди аборигенов Сибири бронзовых зеркалах (на них есть, в частности, коронованные кентавры-стрельцы с крыльями) (рис. 2, *5*)[65]. Интересен расписанный изнутри ларец XVII—XVIII вв. (рис. 5, *2*)[66], на котором кентавр-стрелец, обернувшись, стреляет в оленя (популярный западноевропейский сюжет).

Следует отметить, что для обозначения созвездия Стрельца на Руси использовалось не только изображение кентавра, стреляющего из лука. В Изборнике Святослава 1073 г. стрелец представлен в виде бородатого мужчины с луком[67]. Сходные изображения есть в некоторых лицевых рукописях Христианской топографии Косьмы Индикоплова[68]. В других списках созвездие Стрельца изображалось в виде лучника с рыбьим хвостом[69]. Иногда на миниатюрах одной и той же рукописи зодиакальный стрелец изображался по-разному (кентавр и лучник с рыбьим хвостом)[70].

Некоторые древнерусские изображения кентавров не попадают ни в одну группу, но свидетельствуют о популярности образа. На серебряном пластинчатом браслете XII—XIII вв. из тверского клада изображен кентавр, обернувшийся назад (рис. 5, *1*)[71]. Б. А. Рыбаков рассматривает его жест (палец, поднесенный ко лбу) как позу размышления апокрифического Китовраса[72]. В. П. Даркевич считает, что на браслете неудачно воспроизведена композиция — кентавр-стрелец и олень[73] (однако у первого отсутствует лук, а второго опознать невозможно). Ноги у этого кентавра не конские. На монете тверского князя Михаила Борисовича (1461—1486) (рис. 2, *13*) представлен кентавр с воздетыми руками[74]. Ноги и хвост не конские.

Чертами кентавра наделена в списке Александрии XVII в. «девица Горгонея», т. е. Горгона-Медуза (рис. 7, *3*). В тексте она описывается: «имуще же лице и перси и руки человечески, а нози и хвост имеет аки у коня, на главе же ей за влас место змии имеет»[75]. Конское туловище Горгоны перехвачено широким поясом (архаичная деталь). В той же рукописи изображен целый отряд кентавров-лучников. Изображение иллюстрирует текст: «человецы на них воссташа — до пояса горе человек, а от пупа долу — конь, исполини (!) же нарицаются»[76].

Наиболее поздняя группа изображений кентавра в народном русском искусстве связана с иллюстрациями к пришедшему на Русь через Италию

---

[62] *Р. Л. Розенфельдт.* Ук. соч., стр. 117, табл. 20, *9*.

[63] *Д. А. Ровинский.* Русские народные картинки. СПб., 1900, т. I, стлб, 48—49, табл. V.

[64] *И. Забелин.* Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России. ЗАО, т. 6, СПб., 1883, стр. 313, 314.

[65] *С. Руденко.* Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска. Материалы по этнографии России. т. II, Пг., 1914, стр. 52, рис. 29 (e, f); ср.: *А. Бобринский.* Народные русские деревянные изделия. М., 1914, вып. 12, табл. 170, *2* (стрелец в короне, XVI в.).

[66] *М. Н. Каменская.* Роспись по дереву. Русское декоративное искусство. Т. I. М., 1962, стр. 173, рис. 112.

[67] Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских. М., 1855, табл. V.

[68] *Е. К. Редин.* Ук. соч., стр. 178, рис. 180; стр. 180, рис. 184, 185.

[69] Там же, стр. 178, рис. 177, 179; табл. IV, *2*.

[70] Там же, стр. 183.

[71] Тверской клад 1906 г. ЗОРСА, XI, Пг., 1915, стр. 14, табл. II, *2*.

[72] *Б. А. Рыбаков.* Архитектурная математика дервнерусских зодчих. СА, 1957, 1, стр. 84.

[73] *В. П. Даркевич.* Путями средневековых мастеров. М., 1972, стр. 150—152.

[74] *А. Орешников.* Ук. соч., табл. IV, *177*.

[75] *Ф. И. Буслаев.* Исторические очерки..., стр. 370, 371, рис. 6.

[76] Там же, стр. 370, 371, рис. 5.

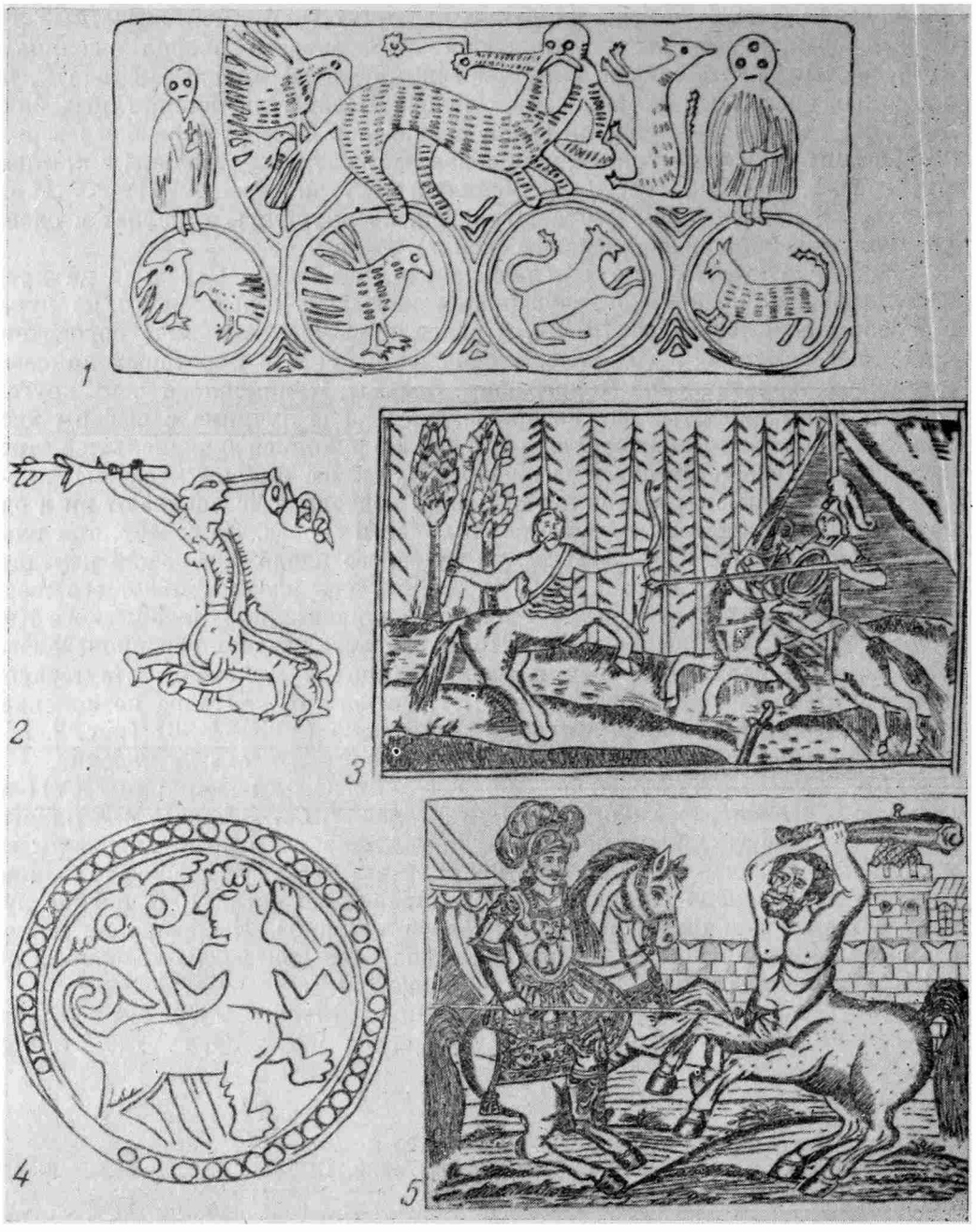


Рис. 6. *1* — поливная плита с Псковской церкви XV в., *2* — инициал XIV в., *3* — лубок середины XVIII в., *4* — романская шашка, найденная в Приднепровье (XII в.), *5* — лубок XIX в.

и Балканы рыцарскому роману XII—XIII вв. о Бове королевиче (Бово д'Антона)[77].

На изразце 40-х годов XVII в., т. е. на тридцать лет более раннем, чем древнейшие известные русские списки сказания, Бова бьется с Полканом-богатырем, у которого изображены песьи ноги (рис. 5, *3*). Детали изображения (пеший Бова с саблей) соответствуют ранней, белорусской версии Сказания о Бове. Надпись на изразце гласит: «БОВА С ПОЛЬК[А]НОМ БИЕТЬ[СЯ]»[78]. В самом раннем русском (белорусском) познанском спи-

[77] *А. Н. Веселовский.* Из истории романа и повести. СПб., 1888, стр. 289.

[78] *Р. Л. Розенфельдт.* Ук. соч., стр. 119, табл. 21, рис. 19; *В. Д. Кузьмина.* Бой Бовы с Полканом на муравленых изразцах (Из истории белорусско-русских связей в

ске Сказания о Бове Полкан (Пулкан) описывается: «мает образ человечый — и руки и перси широки, до пояса — человек, ано нижеи як пес — от пса и жоны рожон есть»[79]. В остальных русских списках эти сведения о происхождении Полкана (представленные в западном оригинале развернутой версией) отсутствуют. В рукописях XVII в. Полкан описывается аналогично: «по пояс песьи ноги, а от пояса что и прочий человек»[80]. Позднее на лубочных картинках и в лубочных изданиях XVIII—XIX вв. Полкан получает конские ноги (рис. 6, *3*, *5*). На части лубочных изданий Полкан изображен с луком (рис. 6, *3*). В тексте сокращенного лубочного издания Полкан описывается соответственно: «который имеет конские ноги, а по поиѣ человек, имея в руку палицу железную и лук» (в рукописях XVII в. упоминается только палица)[81].

Среди древнерусских изображений кентавра трудно выделить обособленные иконографические группы. Различные признаки и атрибуты встречаются в разных сочетаниях. Исключение составляет, пожалуй, образ кентавра-стрельца, но и в этом случае есть отдельные поздние изображения, на которых черты зодиакального стрельца сочетаются с атрибутами других групп древнерусских изображений кентавров. На зеркалах, сделанных русскими мастерами (или по русским образцам) для Сибири, встречаются изображения крылатых кентавров-стрельцов в коронах. В иллюстрированных лубочных изданиях Полкан-богатырь держит в одной руке палицу, в другой — лук (черта зодиакального стрельца). Аналогичное явление в западной иконографии — итальянская книжная гравюра XVI в., представляющая кентавра-музыканта с луком (рис. 3, *4*). Большая часть древнерусских изображений кентавра представляет его с конскими ногами и хвостом; отступления редки и не связаны с какими-либо другими чертами и атрибутами.

Древнейшие из достаточно хорошо сохранившихся изображений кентавров на стенах Дмитриевского собора во Владимире восходят к византийским образцам. Сохраняя элементы преемственности с последними, кентавры собора в Юрьеве Польском уже представляют своеобразную, самобытную трактовку. Их выделяет не только специфический набор атрибутов, но и видное место в убранстве храма, свидетельствующее о большой смысловой нагрузке этих изображений. Вполне вероятна связь этих изображений с апокрифом о Соломоне и Китоврасе[82].

Следует отметить, что, отталкиваясь от балканских и отчасти западноевропейских источников, русские мастера домонгольского времени не заимствовали из первых наиболее распространенную трактовку кентавра в качестве музыканта (рис. 5, *4*)[83], а из вторых также наиболее распространенную трактовку образа кентавра в качестве зодиакального стрельца (рис. 4, *2*)[84].

Значительным национальным своеобразием отличаются изображения кентавров XIV—XVI вв., особенно с коронами и крыльями. Сходство с изображением кентавра на новгородских вратах 1336 г. позволяет связывать их с апокрифическим Асмодеем-Китоврасом. Может быть выделена довольно-

---

первой половине XVII в.). В кн.: «Литературные связи древних славян». ТОДРЛ, XXIII, Л., 1968, стр. 253—260.

[79] *А. Н. Веселовский.* Из истории романа и повести..., стр. 154.

[80] Памятники древней письменности, т. II, 1, СПб., 1879, стр. 71.

[81] *Д. А. Ровинский.* Ук. соч., стлб. 194; Сб. «Русский лубок XVII—XIX вв.». М.—Л., 1962, табл. 74.

[82] *Г. К. Вагнер.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси..., стр. 115, 116.

[83] *А. В. Банк.* Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.— М., 1966, табл. 134; *Н. П. Кондаков.* Македония. Археологическое путешествие. СПб., 1909, стр. 238, 239, табл. 9; *A. Goldschmidt, K. Weitzmann.* Op. cit., pl. IX, *21*(*a*), pl. XX, *33*(a); XXXI, *50*(b).

[84] *Z. Kadar.* Op. cit., p. 310, fig. 3; p. 311, fig. 5; pl. LXXXIII, LXXXIV; *J. Bayet.* Op. cit., p. 24; fig. 2; p. 52, fig. 4; p. 53, fig. 55; p. 55, fig. 6; p. 56, fig. 7; *F. Bologna.* Op. cit., Taf. 25.

но значительная самобытная группа изображений, на которых кентавр представлен вынимающим меч из ножен (как с короной и крыльями, так и без них). Эти и другие изображения вооруженных кентавров связаны с феодальной эмблематикой (изображения на монетах, печати, знамени).

Наименее своеобразны изображения в виде зодиакального стрельца (появляющиеся на Руси одновременно с изображениями крылатых кентавров и в дальнейшем вытесняющие их). Изображения кентавра, пускающего стрелу вперед, близки византийским аналогиям, назад — западноевропейским. Вариант кентавра, пускающего стрелу назад, с хвостом в виде змеи, имеет восточное происхождение, однако известен также в польской геральдике, где его происхождение связывалось с литовской княжеской династией, правившей в XIII в. Родоначальники литовского рода Дауспрунгас, связанного с гербом в виде кентавра («Kitaurus» или «Kitowras», позднее «Hipocentaurus») по преданию прибыли в Литву из Рима, скрываясь от преследований Нерона. Название этой геральдической эмблемы часто встречается в тексте западнорусских летописей, излагающих легендарную историю Литвы. «Шляхты были чотыри рожаи наивышние именем Китоврасы» (варианты: «с Китоврас», «z herbu Kitowrasowa»); «узяли собе государем князя литовского и жомоитского сына Утенусова с Китоврасу»; «и ту скончался род китоврасов»; «дядко мой Наримонт, коли сел на великом княжестве литовском, герб свой Китаврус (Китоврас)' зоставил братии своей, а собе уделал герб чоловека на кони з мечом, а то знаменуючи через тот герб — пана (государя) дорослого, хто бы мог боронити мечом отчизны своея» [85]. Последняя цитата интересна не только указанием на определенную связь между эмблемой в виде кентавра и литовским вариантом ездеца («Pogoń»), но и тем, что отражает вытеснение эпическим героем мифического в эмблематике периода образования государства. Связь изображений кентавра и всадника может быть отмечена на ларце IX в. из Терначино [86], где они помещаются последовательно рядом, в паре, и на медных монетах Ивана Михайловича Городенского, где кентавру на лицевой стороне соответствует сокольник на оборотной. Поздний пример — сцена боя Бовы с Полканом. Ряд древнерусских изображений, кентавра-стрельца (Магдебургские врата, монеты, знамя) показывает, что этот образ символизировал не только созвездие, но мог носить и более широкую смысловую нагрузку.

Следует отметить, что астральным символом на Руси могли служить не только изображения кентавра-стрельца. Крылатый коронованный кентавр со щитом и скипетром на найденном на о. Фаддея зеркале изображен на фоне звезд (рис. 2, *4*) [87]. Так же можно трактовать циркульный орнамент, заполняющий фон, на котором представлена фигура кентавра с псковского костяного футляра (рис. 1, *7*). Образ кентавра-охотника соответствует созвездию Центавра.

Древнерусский термин «китоврас» может быть использован для всех изображений кентавра. Это слово используется в некоторых списках «Сказания об индийском царстве» — «водятся у нас ... киторасы звери: головы человечьи, власы женския» (Ср. Апокалипсис, 9, *7*, *8*) [88]. Термин «китоврас» употреблялся западнорусскими книжниками для обозначения геральдической эмблемы в виде зодиакального Стрельца. В пародии XVII в. на церковное богослужение «Служба кабаку» упоминается «месяц китоврас» [89], где слово «китоврас», очевидно, обозначает созвездие.

---

[85] ПСРЛ, т. XVII, СПб., 1907, стлб. 228, 235, 240, 250, 256, 257, 296, 300, 304, 309, 310, 358, 361, 370, 371, 422, 424, 427, 435, 474, 486, 489, 490.

[86] *Н. Мавродинов.* Ук. соч., стр. 76, рис. 69.

[87] *А. П. Окладников.* Ук. соч., стр. 142.

[88] *Н. Тихонравов.* Летописи русской литературы и древности. т. II, кн. 4, отд. III., М., 1859, ср. 101.

[89] *В. П. Андрианова-Перетц.* «Праздник кабацких ярыжек», пародия — сатира второй половины XVII в. ТОДРЛ, I, Л., 1934, стр. 215.

Рис. 7. *1* — миниатюра XVI в., *2* — киевская книжная гравюра начала XVII в., *3* — миниатюра из рукописной Александрии XVII в.

Популярность на Руси образа кентавра-стрельца способствовала тому, что в изображениях на лубочных картинках Полкана-богатыря вместо песьих ног помещены конские ноги и лук. Любопытно, что соответствующие изменения были внесены и в сокращенный текст лубочных изданий, что является интересным примером обратного влияния иконографии на литературу.

Кентавры с палицей (булавой) представляют наименее ясную группу древнерусских изображений кентавров, но имеют некоторые западноевропейские аналогии. Поливные плиты XV в. из Пскова, на которых кентавр с палицей и щитом представлен как элемент композиции, вероятно, свидетельствует о каком-то литературном или фольклорном источнике (можно было бы предположить, что это Полкан, погибший в бою со львами, однако русские списки сказания о Бове до XVII в. неизвестны). В XVII в., вероятно, под западным влиянием, распространяются изображения кентавров с обнаженным человеческим торсом, однако большая часть их изображается по-прежнему одетыми, согласно древнерусской традиции.

Многозначность древнерусских изображений кентавра, своеобразие их символики и иконографии ясно прослеживается при сравнении со средневековым византийским и западноевропейским материалом. Рассмотрим наиболее важные группы средневековых изображений кентавра и место в них русских китоврасов.

Изображения кентавров, непосредственно связанные с античной мифологией. Это прежде всего кентавры-музыканты из свиты Диониса (главным образом флейтисты), кентавры — противники Геракла, кентавр Хирон в виде стрельца или охотника, а также в качестве воспитателя Ахилла[90]. Кентавры-охотники на Руси известны на стенах владимирских соборов; кентавр-стрелец изображался на Руси, по-видимому, вне связи с античной мифологией. Связь кентавров, изображенных на стенах Дмитриевского собора во Владимире, с циклом подвигов Геракла сомнительна ввиду их близости образцам, не имеющим отношения к этому циклу. Никаких следов непосредственной связи древнерусских изображений китоврасов с литературной традицией, восходящей к античным мифам о кентаврах, нет.

К античной традиции восходит также изображение созвездий Стрельца и Центавра в виде кентавров. Иконография символов обоих созвездий была известна на Руси. Для древнерусских изображений кентавров-стрельцов такое значение было основным, по-видимому, только в тех случаях, когда они изображались в числе других знаков зодиака. В то же время и другие иконографические разновидности кентавра могли отождествляться с созвездиями.

Целый ряд изображений кентавров так или иначе связан с христианской литературной традицией. Кентавры (онокентавры) упоминаются в тексте Библии по переводу 70 толковников: «... и почиют ту сирини, и беси тамо воспляшут. И онокентавры тамо вселятся», «и онокентаври вселятся в нем ... И срящутся беси со онокентавры и возопиют друг ко другу, ту почиют онокентаври, обретше себе покоища» (в масоретском тексте этому соответствует: «... страусы будут жить там и демоны будут скакать там. И шакалы будут выть ...», «демон будет перекликаться с другим, только нечистая сила ночная будет покоиться там и найдет себе приволье») — Исайя, 13, *21*, *22*; 34, *11—14*. Вероятно, эти отрывки и явились первопричиной отнесения кентавров к нечистой силе. Описание апокалиптической саранчи в Откровении Иоанна Богослова (9, *3—12*) дало возможность представить ее на миниатюре русской рукописи XVI в. в виде крылатых кентавров в коронах и пластинчатых доспехах, с хвостами, заканчивающимися змеиными головами[91] (рис. 7, *1*), — явление, кажется, уникальное

[90] *Г. К. Вагнер.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси..., стр. 112; *В. П. Даркевич.* Путями средневековых мастеров..., стр. 74, 75.

[91] *Ф. И. Буслаев.* Свод изображений из лицевого Апокалипсиса по русским рукописям с XVI по XIX в. СПб., 1884, II, табл. 82, ср. табл. 40 и 258 б.

в христианской иконографии. В житиях святых упоминается кентавр, явившийся Антонию Великому. Эту сцену можно видеть, например, на гравюре киевского мастера первой половины XVII в.[92] (рис. 7, *2*).

Кентавр как учитель героев и охотник (Хирон) упоминается также у Григория Назианзена в надгробной речи Василию Великому. В русских переводах: «ни некоего кентавра, тех самех ироона учителя, ни стреляти заяц...» — перевод XI в.[93]; «не от коего коня китовраса именуема» — перевод XIV в.[94].

Своеобразная христианская интерпретация образа кентавра есть в Физиологе, в частности в его русском списке XV в., в статье о спринах и инокентаврах. «Икентавр пол его есть человека, а пол осляте. Тако и человек весь не сотворен в всех путех своих. Будуть неции собрани в церкви, образ имуще благочестия, а силы его отметающися. И в церкви яко человеци суть, а егда излезуть то погибнут. Таци же сущи сирин и инокентавр лице вземлють»[95].

Изображение кентавров среди других реальных и фантастических существ на византийском консульском диптихе VI в. связано с идеей райского сада (в композицию включена сцена грехопадения)[96]. Подобный смысл мог в какой-то мере вкладываться в изображение кентавров наряду с другими реальными и фантастическими существами на стенах Дмитриевского собора, где изображения деревьев и растительного орнамента, вероятно, также связаны с идеей райского сада («земного рая»). Однако наличие корон и оружия ясно показывает, что символика указанных изображений этим не ограничивалась.

Прямой и бесспорной связи между всеми перечисленными христианскими представлениями о кентаврах и их древнерусскими изображениями не прослеживается. Можно вспомнить отрицательное отношение Бернарда Клервосского к изображению кентавров в церковном искусстве. «Но для чего же в монастырях, перед взорами читающих братьев эта смешная диковинность, эти странно-безобразные образы, эти образы безобразного?... К чему чудовищные кентавры?»[97]. Русские ревнители чистоты церковного предания также строго относились к подобного рода светским «мудрованиям» в искусстве: «Над вратами же домов у православных христиан воображаемых зверей и змиев и никаких неверных храбрых мужей поставляти не подобает. Ставили бы над вратами у своих домов православные християне святые иконы или честные кресты»[98]. Ряд авторов высказывал предположение, что в этом тексте «неверными храбрыми мужами» названы кентавры[99].

Среди западноевропейских изображений кентавра во многих он символизирует дьявола, порок. Это — кентавр, стреляющий в оленя (символ верующей души) (рис. 5, *5*), преследующий человека или убегающий от человека, преследующего его[100]. На Руси кентавр, стреляющий в оленя, изображался в XVII. в. Только одно домонгольское изображение может быть связано с этой композицией и то передает ее искаженно. Борьба кен-

---

[92] *Д. А. Ровинский.* Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв. СПб., 1895, стр. 34, 410.

[93] *А. Будилович.* XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе, СПб., 1875, стр. 24.

[94] *А. В. Горский, К. И. Невоструев.* Описание славянских рукописей московской синодальной библиотеки. М., 1859, т. II, стр. 85, 86.

[95] *А. Карнеев.* Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб., 1890, стр. 242, 243.

[96] *J. Bayet.* Op. cit., p. 46, fig. 3; p. 64.

[97] Цит. по кн.: *В. П. Даркевич.* Путями средневековых мастеров..., стр. 25.

[98] Цит. по: *Ф. И. Буслаев.* Общие понятия о русской иконописи. Общество древнерусского искусства при московском публичном музее. Сборник на 1866 г. М., 1866, стр. 17.

[99] См. напр.: *А. И. Леонов, Н. Н. Померанцев.* Деревянная скульптура. Русское декоративное искусство. т. I, М., 1962, стр. 136.

[100] *J. Bayet.* Op. cit., p. 52—56, fig. 4—6; Encyklopedie Umeni Středoveku. Praha, 1969, str. 17, fig. 22.

тавра и человека представлена на Руси сценой расправы Китовраса с Соломоном, где Китоврас соответствует конкретному демону — Асмодею талмудического первоисточника. Это изображение в отличие от западноевропейских бесспорно связано с конкретным повествовательным текстом.

Значительная часть средневековых изображений кентавра имеет определенный политический смысл. Они символизируют воинственных язычников — степных кочевников и пруссов [101]. Изображения кентавра проникают в геральдику [102]. На Руси к числу политических эмблем можно с большой долей вероятности отнести изображения вооруженных кентавров, особенно те из них, которые находятся на монетах, печати, знамени. На многих изображениях подчеркнуты регалии — корона, жезл. Г. К. Вагнер считает возможным связывать образ Китовраса с ремесленной средой [103], поскольку Китоврас апокрифа является архитектором Соломона и хранителем строительных секретов. Наконец, в работе автора этой статьи была предпринята попытка связать сцену с кентавром на новгородских вратах 1336 г. с политической обстановкой того времени и, в частности, с враждебным отношением к великому князю московскому [104].

Для средних веков в целом не характерно изображение кентавра в роли «культурного героя», каким был античный Хирон. Средневековый Хирон обычно стрелец или охотник. Строительная деятельность Китовраса дает основания трактовать в таком плане изображения кентавра, связанные с апокрифом, хотя ни на одном изображении строительная деятельность кентавра не отражена.

Можно ставить вопрос об определенной роли изображений китовраса в народных верованиях и даже магии. Особенно ярко свидетельствует об этом ритуальный сосуд из погребения с изображением китовраса, оттиснутым изнутри. Сюда же относятся изображения кентавров на паникадилах и на барабане главы псковского храма (откуда они не были видны). В народных заговорах упоминаются «полканы» («сатанаилы, дьявоилы, лешие и полканы», «Полкан, Полкан! Разбей ты огненного змея, ты соблюди девичью красу Солнцевой девы») [105], возможно, представлявшиеся в виде кентавров. Вторичное признание в качестве предмета культа русские изображения кентавра получили у народов Сибири, узнававших в китоврасе своих богов [106].

Изображение Китовраса с Соломоном на вратах 1336 г. наряду с другими изображениями тех же врат (пляска царя Давида перед ковчегом) автор связывает с еретической идеологией, с возникновением ереси стригольников [107]. Во всяком случае это изображение характеризует представления той среды, которая рождала ереси, среды, увлекавшейся духовными стихами (иллюстрация к житию Варлаама и Иоасафа, наиболее популярному именно в виде духовного стиха, также присутствует на пластине врат), апокрифическими сказаниями и даже создававшей их (ср. «Послание о земном рае», написанное заказчиком врат архиепископом Василием). В таком широком плане новгородские врата и изображенного на них кентавра связывали с отреченными сказаниями и ересями Б. А. Рыбаков и Г. К. Вагнер [108]. Сказание о Соломоне и Китоврасе еще в XIV в. было отнесено к числу ложных книг. «О Соломоне цари и о Китоврасе басни и кощуны — все лгано, не бывал Китоврас на земли, но еллиньстии (вероятно,

---

[101] *Z. Kadar.* Op. cit.; *Z. Kepinski.* Symbolika drzwi Gnieznienskich. In: Drzwi Gnieznienskie, t. II, str. 266, 288.

[102] *J. Franklyn, J. Tanner.* An Encyclopaedic Dictionary of Heraldry. Oxford, 1970, p. 64.

[103] *Г. К. Вагнер.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси..., стр. 115.

[104] *А. В. Чернецов.* К изучению символики новгородских врат 1336 г. КСИА АН СССР, 144, 1975.

[105] *И. П. Сахаров.* Сказания русского народа. СПб., 1841, т. I, кн. 2, стр. 20, 47, 48.

[106] *А. П. Окладников.* Ук. соч., стр. 144, 147, 148, 170.

[107] *А. В. Чернецов.* Ук. соч.

[108] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 649, 650, 770; *Г. К. Вагнер.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси..., стр. 115.

в значении языческие, неправославные) философи ввели» [109]. Любопытно, что Рабан Мавр относил гиппокентавра к вымышленным животным, а онокентавра к реальным [110] (согласно виршам Кариона Истомина, «зверь ипокентавр — созданно животно», т. е. действительно существующее) [111]. Можно вспомнить, что в западных бестиариях сирены и кентавры символизируют «двуязычных и двухсердечных людей, т. е. еретиков, которые обманывают и совращают простодушных» [112]. Кентавры на стенах Дмитриевского собора входят в систему изображений, связанную с кругом представлений «Голубиной книги», т. е. духовных стихов, отреченных книг и связанных с ними ересей [113].

Окончательное превращение человека-пса — Пуликана — из рыцарского романа о Бово д'Антона (Бевис Гемптонский) в кентавра произошло на Руси, однако не исключено, что иконографические аналогии русскому Полкану-богатырю могут быть найдены на Западе.

A. V. Tchernetzov

REPRESENTATIONS DE CENTAURES DANS LA RUSSIE ANCIENNE

Résumé

Dans l'art russe médiéval et populaire le centaure Kitovras est très souvent représenté. Les plus anciennes représentations remontent aux XIe et XIIe siècles et sont liées à l'influence de modèles byzantins et romans. Plus tard on voit se répandre des traits spécifiques caractéristiques: couronnes, ailes, sceptres et armes. La représentation du centaure sur les portes dorées de Novgorod, en 1336, est en rapport avec une légende médiévale très répandue sur le roi Salomon et le constructeur miraculeux du Temple de Jérusalem. Dans la version russe de la légende, le centaure Kitovras tient lieu du démon initial Asmodée qui dépassa en sagesse le roi Salomon et l'avait vaincu pour un temps. Le centaure Sagittaire, symbole de la constellation, est connu en Russie depuis le XIVe siècle. Une variante du centaure Sagittaire, sous le nom russe de «Kitovras», était un ancien emblème héraldique polono-lituanien. D'autres variantes de l'iconographie du centaure et le terme même de «kitovras» ont pu également être employes pour désigner la constellation (figures tracées sur un fond d'étoiles). Il faut très probablement voir un sens politique dans les effigies de centaures armés, surtout sur des monnaies, bulle, étendard. On peut considérer la scène du châtiment de Salomon par le centaure comme l'expression de l'état d'esprit des Novgorodiens hostile au grand-prince de Moscou. D'autre part, cette figure sert d'illustration à un ouvrage hérétique mis à l'index des livres mensongers du XIVe siècle. Certaines représentations russes de centaure ont un sens mystique et peut-être aussi magique.

Au XVIIe s. on voit représenter le Polkane-bogatyr (Pulicano) venu du roman de chevalerie de Beuve d'Hanton (Bevis of Hampton, Bueves d'Hanstone) (demi-homme demi-chien dans le texte original). Les traits du centaure ont été appliqués même à la Gorgone Méduse de la Mythologie antique et aux sauterelles de l'Apocalypse.

Les représentations russes du centaure ne se divisent pas en groupes iconographiques isolés. Le centaure Sagittaire peut être doté d'une couronne et d'ailes; Polkane peut se voir attribuer des jambes de cheval et un arc, sous l'influence du Sagittaire zodiacal.

---

[109] *А. Пыпин.* Исследования для объяснения статьи о ложных книгах. Летописи занятий археографической комиссии за 1861 год. СПб., 1862, стр. 27, 39, 52, 54.

[110] *J. Bayet.* Op. cit., p. 36, note 4.

[111] *И. М. Тарабрин.* Ук. соч., стр. 285.

[112] *Z. Kadar.* Op. cit., p. 307.

[113] *И. Толстой, Н. Кондаков.* Ук. соч., VI, стр. 31—37; *Г. К. Вагнер.* Скульптура древней Руси..., стр. 10, 330, 364, 388.

Т. А. ХЛЕБНИКОВА

РАННИЙ БУЛГАР

Огромный интерес на протяжении двух с половиной столетий к останкам г. Булгара [1] создал большую библиографию об этом памятнике [2], что свидетельствует о значении его в средневековой истории края. Для большинства исследователей булгарской истории это значение было бесспорным как в отношении золотоордынского периода, так и более раннего X—XI вв. Булгар, с остатками его на Булгарском городище, как столица Волжской Булгарии с начала ее истории рассматривается в описаниях XVIII — начала XIX в., в исследованиях XIX—XX вв. Одно перечисление имен сторонников этого взгляда заняло бы целую страницу текста. Другой точке зрения, высказанной в середине XIX в. [3], о размещении Булгара на месте Болгарского городища лишь с XIII в., а раннего Булгара на ином месте вскоре же был дан решительный отпор [4].

Все же в конце XIX в. были предприняты поиски другого Болгара X в. по Волге, к югу от Болгарского городища [5]. Они были безуспешны. Однако взгляд на Болгарское городище как на остатки только позднего города все же существавал. Так, В. Ф. Смолин относил его возникновение к XII в. [6] Не видел раннего материала на Болгарском городище и П. А. Пономарев, усмотревший его на Билярском городище и на Суваре [7]. М. Худяков [8] и А. С. Башкиров [9] признавали на Болгарском городище только остатки Болгара XIII—XIV вв.

Существаване такого взгляда на Болгарское городище для XIX и начала XX в. легко объяснимо. Неясность и зачастую противоречивость письменных свидетельств древних авторов о раннем Булгаре, невыразительность археологических материалов домонгольского периода Болгарского городища в силу незначительности археологических работ и плохой сохранности ранних слоев, наличие сохранившихся на городище наземных

[1] Имеются в виду его остатки на городище Болгары или Великие Болгары в Куйбышевском районе ТАССР на левом берегу Волги.

[2] См. *А. П. Смирнов.* Волжские Болгары. Тр. ГИМ, XIX, М., 1951; Тр. КАЭ, I—IV; МИА, 42, 1954; 61, 1958; 80, 1960; 111, 1962; в сб. «Поволжье в средние века». МИА, 167, 1970.

[3] *В. В. Григорьев.* Булгар. Энциклопедический лексикон. Изд. тип. Плюшара, т. VII, 1836, стр. 292.

[4] *Н. Березин.* Булгар на Волге. Казань, 1853, стр. 7—11.

[5] ОАК за 1898 г. СПб., 1901, стр. 49—50; *А. А. Спицын.* Поездка для отыскания остатков древних Болгар. Отчет о поездке 1898 г. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1(АК), д. 63; *его же.* Заметки о поездке 1898 г. ИАК, 60, 1916, стр. 73—93.

[6] *В. Ф. Смолин.* Болгарский город Бряхимов. ИОАИЭ, т. XXX, вып. 1, 1925, стр. 145; *его же.* Археологический очерк Татреспублики. Материалы по изучению Татарстана, вып. 2. Казань, 1925; *его же.* По развалинам древнего Булгара. Казань, 1926, стр. 3.

[7] *М. Худяков.* Петр Алексеевич Пономарев. ИОАИЭ, XXX, вып. 3, 1920, стр. 250—251; *П. А. Пономарев.* Краткий отчет о раскопках и разведках в районе Билярска летом 1915 г. ИОАИЭ, XXX, вып. 1, 1919, стр. 48—51.

[8] *М. Худяков.* Развалины Великого города. Казанский музейный вестник, 1—2, 1921, стр. 78—83.

[9] *А. С. Башкиров.* Памятники булгаро-татарской культуры на Волге. Казань, 1928.

архитектурных памятников XIV в., обилие находок с городища этого же времени и неизученность вопросов о ранних городах Волжской Булгарии и путях их возникновения — таковы причины того, что ряд исследователей не видел в Болгарском городище памятника X—XI вв.

С началом систематических археологических исследований на городище экспедицией Гос. Исторического музея, Института истории материальной культуры (теперь Институт археологии) и Гос. музея Татарской республики под руководством А. П. Смирнова, а также с работами на других булгарских памятниках, с появлением большого нового материала, с организацией глубокого изучения истории Волжской Булгарии, с появлением исследований мешхедской рукописи Ибн-Фадлана мнение о Булгаре X—XI вв. на Болгарском городище утвердилось [10]. Сохранилось лишь сомнение о характере его в самом начале X в. до Ибн-Фадлана и в момент его пребывания у булгар [11].

В последующее время в связи с изучением путей возникновения ранних городов Волжской Булгарии [12] среди булгароведов установился единый взгляд на ранний Булгар как на поселение городского характера, возникшее к началу X в. как политический, административный центр Волжской Булгарии, т. е. как столицу государства.

В последнее время с возобновлением раскопок на Билярском городище опять ставится под сомнение роль раннего Булгара как города и первой столицы [13]. Этот взгляд рожден прежде всего сравнением археологических остатков Булгара и Биляра, какими видит их А. Х. Халиков для X в. Он подкреплен пересмотром толкования некоторых письменных свидетельств; сыграло роль и сравнение Биляра с городами Дунайской Болгарии и Средней Азии. Имела значение при возникновении этого взгляда и неразработанность проблемы раннего города булгар.

В отличие от прежних исследователей XIX — начала XX в., не нашедших археологически раннего Булгара на Болгарском городище и поэтому искавших его в другом месте, А. Х. Халиков не может его не видеть. Но в сравнении с Биляром Булгар для него не выглядит городом. Здесь он разделяет точку зрения А. Ю. Якубовского, рассматривавшего Булгар начала X в. как ставку, а не город. Принимает А. Х. Халиков и предположение А. Ю. Якубовского о начале строительства первого города с приездом Ибн-Фадлана, но в отличие от А. Ю. Якубовского, связывавшего это строительство с территорией Болгарского городища, А. Х. Халиков переносит его на Билярское городище. Здесь он близок к высказываниям В. В. Григорьева, искавшего древний Булгар на другом месте и считавшего названия «Булгар» и «Буляр» лишь разным произношением одного имени. Мнение П. А. Пономарева, видевшего наиболее ранние города булгар на Билярском и Суварском городищах, также, по-видимому, сыграли свою роль в формировании взгляда А. Х. Халикова. Но прежде чем обратиться к аргументам автора этого взгляда, необходимо несколько дополнить имеющиеся в печати [14] сведения о раннем Булгаре.

---

[10] *А. П. Смирнов.* Болгары. Тезисы докладов археологической сессии Ученого совета ГИМ. М., 1941, стр. 10; *его же.* К вопросу о местоположении г. Великие Булгары. Доклад на археологической секции Н.-и. ин-та музейной и краеведческой работы. 1942; *его же.* Волжские Булгары. Тр. ГИМ, XIX, 1951. В районе Болгарского городища склонен был видеть главный город и Б. Д. Греков: *Б. Д. Греков.* Волжские болгары IX—X вв. ИЗ, 14, 1945, стр. 21.

[11] *А. Ю. Якубовский.* К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX—X вв. СА, X, 1948; *С. А. Янина.* Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. МИА, 111, 1962, стр. 190—191.

[12] *А. П. Смирнов.* Основные этапы истории города Болгара. МИА, 42, стр. 309, 314 сл.; *А. М. Ефимова.* К вопросу о происхождении городов Волжской Булгарии. Казань, 1957.

[13] *А. Х. Халиков.* О столице домонгольской Булгарии. СА, 1973, 3, стр. 83—89.

[14] *А. П. Смирнов.* Основные этапы истории г. Болгара и его историческая топография. Тр. КАЭ, I; МИА, 42, 1954, стр. 302; *его же.* О столице государства волжских булгар. СА, 1972, 1, стр. 98—102 и многие другие работы.

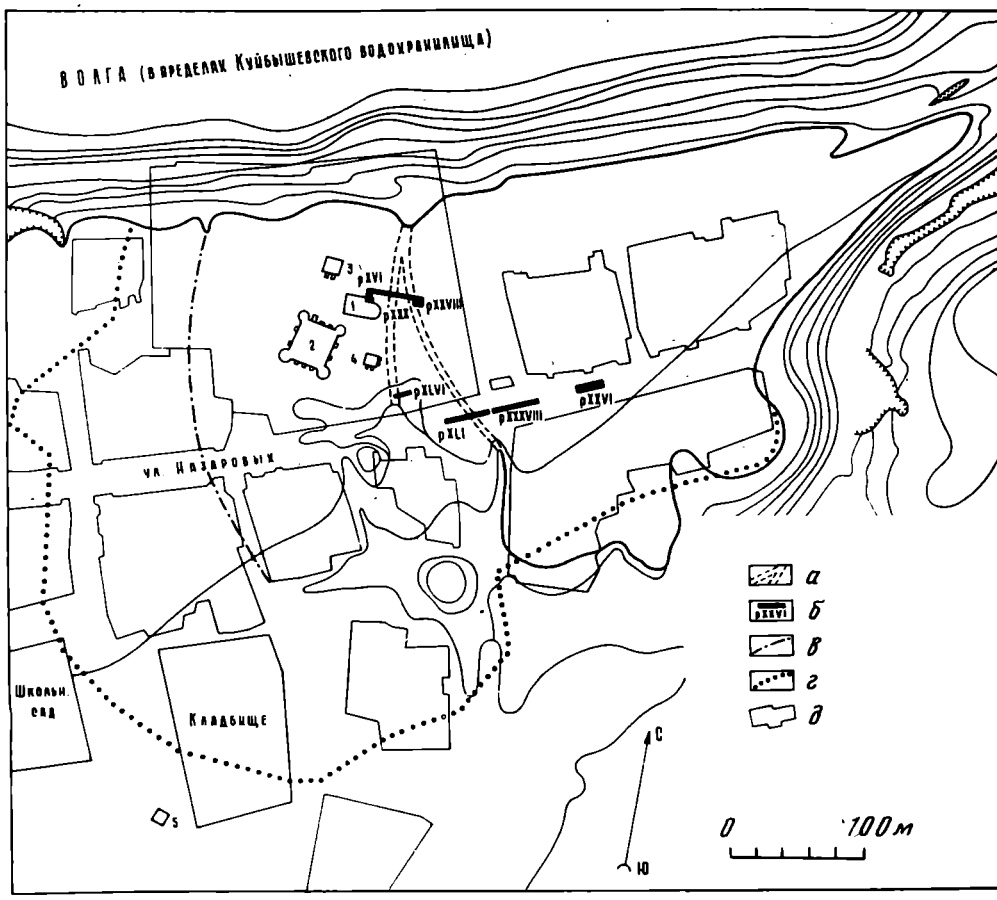


Рис. 1. План Булгара X—XII вв. Составлен на основании мензульной съемки 1972—1973 гг., выполненной кафедрой астрономии Казанского университета под руководством С. С. Перуанского.

Условные обозначения: *а* — рвы, *б* — раскопы, *в* — возможная граница третьей линии укреплений, *г* — «замашный вал», по описанию Н. Савенкова и И. Крапивина (XVIII в.), *д* — усадьбы и постройки села. *1* — церковь Успения, *2* — Соборная мечеть, *3* — дюрбе «Монастырский погреб», *4* — дюрбе «церковь св. Николая», *5* — Черная палата

Несмотря на то что интенсивная строительная деятельность в Болгарах золотоордынского времени очень сильно разрушила его ранние напластования, постановкой систематических работ на городище с каждым сезоном полевых исследований удается получить что-то новое и для истории раннего Булгара. Так, в последние годы значительно пополнились наши знания о его укреплениях и территории. В 1967—1969, 1972—1973 гг. (раскопы XVI, XXVIII, XXX, XLI, XLVI) исследовались самые ранние укрепления Булгара, восходящие к основанию культурного слоя [15]. Укрепления состоят из двух рвов и стен вдоль внутреннего рва. Первоначальная глубина рвов — 2,6—2,9 *м*, ширина — 4—6—7 *м*. Оба рва северным концом упирались в край террасы в 450—460 *м* от конца мыса и немного восточнее Успенской церкви, другим южным концом выходили к глубоким отрогам оврага. Наружный (западный) ров, располагаясь у края террасы в непосредственной близости от внутреннего (восточного) рва, затем расходит-

[15] *Ю. А. Краснов, А. П. Смирнов, Т. А. Хлебникова.* Новые данные по истории города Болгара. СА, 1, 1969, стр. 213—214; *Н. Д. Аксенова, Ю. А. Краснов, А. П. Смирнов, Т. А. Хлебникова.* Поволжская экспедиция. АО — 1968, М., 1969, стр. 170; *Н. Д. Аксенова, А. П. Смирнов, Т. А. Хлебникова.* Раскопки городища Болгары. АО — 1969, М., 1970, стр. 171—172; *Н. Д. Аксенова, Т. А. Хлебникова.* Исследование Булгара. АО — 1972, М., 1973, стр. 151—152; *их же.* Работы в Болгарах. АО — 1973, М., 1974; *Т. А. Хлебникова.* Итоги изучения центра г. Болгара в 1964—1970 гг. Сб. «Города Поволжья в средние века». М., 1974.

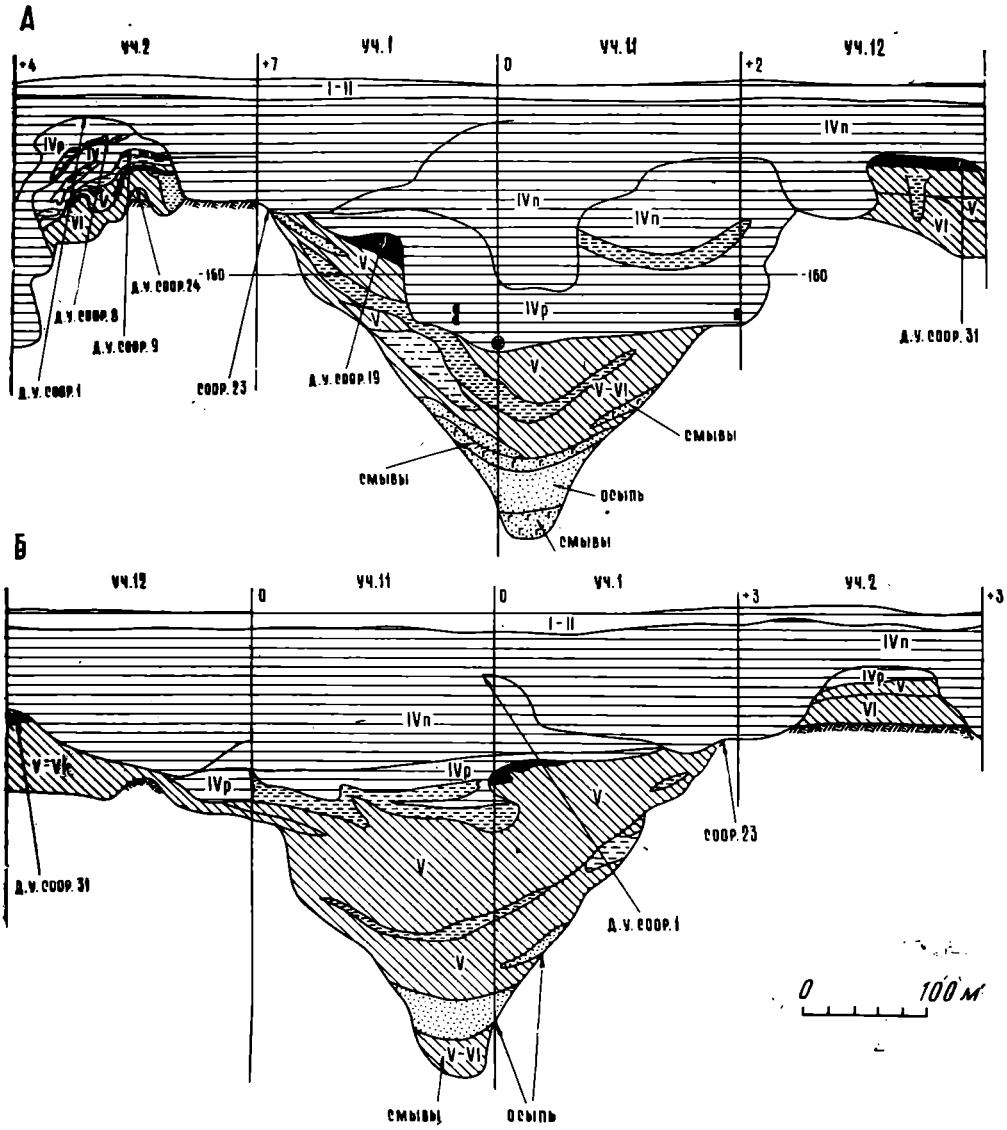


Рис. 2. Профиль внутреннего рва на раскопе XLI. *А* — северо-западная стенка, *Б* — юго-восточная стенка. I—II — слои XVIII—XX вв.; IV п — верхний горизонт слоя золотоордынского времени середины XIV — начала XV в.; IV р — нижний горизонт слоя золотоордынского времени второй половины XIII — начала XIV в.; V — слой домонгольского времени XII — начала XIII в.; VI — слой домонгольского времени X—XI вв.

ся с ним на расстояние около 40 м (рис. 1, 2). К настоящему времени отроги оврага сильно заплыли и слабо заметны лишь в виде низины по ул. Назаровых юго-восточнее развалин Соборной мечети. Исходя из археологических наблюдений 1967 г. на водопроводной траншее [16], 1973 г. на раскопе XLVI и современного рельефа, зафиксированного завершающимся ныне топографическим планом Болгарского городища, эти отроги составляли единое целое с оврагом, отмеченным на плане с. Болгар в «Полном географическом описании нашего отечества» [17] как значительный западный отрог Иерусалимского оврага [18].

[16] Архив БГИАЗ, инв. № 630.

[17] «Полное географическое описание нашего отечества», под ред. П. Семенова-Тяньшанского, т. VI. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901.

[18] Ныне он прослеживается севернее «Черной палаты» и старого кладбища села, начиная от школьной усадьбы и далее на восток севернее юго-восточного края

Строители укреплений первоначального Булгара включили, таким образом, в систему его обороны естественные преграды — овраги и обрыв террасы к реке. Использование естественно укрепленных мысов на высоких террасах с усилением их обороны с напольной стороны свойственно многим домонгольским городищам Волжской Булгарии[19]. Несколько необычным в системе укреплений раннего Болгара является соединение рва не с валом, признаки которого, несмотря на двукратный разрез укреплений, обнаружить не удалось, а со стенами по краю рва. Однако именно эту систему напольных укреплений можно считать теперь у волжских булгар ранней. Так, к началу X в. восходят первоначальные укрепления Танкеевского городища в виде глубокого рва и стен по обе его стороны[20]. Только стены Танкеевского городища представляли собой частокол, а на Болгарском городище они могут быть реконструированы как бревенчатые, забранные в крупные, глубоко врытые в землю столбы, расположенные на расстоянии 1,8—2 *м* друг от друга. Первоначальная система укреплений Танкеевского городища из рва со стенами впоследствии, в течение домонгольского же периода, была заменена другой, из двойного вала и рвов, причем с расширением площади огражденной укреплениями. То же можно предположить и для Болгар.

Описанные первоначальные укрепления Булгара охватывают площадь примерно в 90 тыс. $м^2$. Но все исследователи городища последних десятилетий утверждают, что этой площадью территория раннего Булгара не ограничивалась. За пределами описанных рвов, отделявших, вероятно, наиболее укрепленную часть Булгара, его цитадель, к западу от них раскопками 1946 г.[21] на западном краю площади «Четырехугольника», 1938 г. у «Монастырского погреба», 1957 г.[22] восточнее и 1964—1965 гг.[23] у Соборной мечети, в водопроводной траншее 1967 г. по центральной улице села, в тех, что были вблизи рвов, и в тех, что размещались на расстоянии до 160—200 *м* от них, вскрывались ранние домонгольские напластования, одновременные и близкие по характеру таковым на территории восточнее рвов. Эта территория за рвами с достаточно хорошо выраженным слоем X—XI вв.[24] равна по крайней мере 30 тыс. $м^2$. Западная граница ее приближается еще к одному отрогу указанного выше оврага, выходящего в Иерусалимский. Этот отрог заметен ныне в виде пологого подъема на ул. Назаровых по проулку со стороны северо-восточного края старого кладбища. Но он хорошо заметен на упомянутом выше сводном плане с. Болгар, изданном П. Семеновым-Тяньшанским. Не было ли здесь еще одной линии укреплений раннего Булгара (рис. 1)? В этой связи интересно упо-

---

села, так называемого Черноморья. В его русле расположено озерко, образовавшееся, видимо, в результате земляной насыпи, устроенной для перехода из центра села на юго-восточный край, преградившей сток воде в Иерусалимский овраг.

[19] *Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков.* Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Тр. КФАН СССР, сер. истор. н. Казань, 1954, стр. 63 сл; *Р. Г. Фахрутдинов.* Картографирование и классификация городищ Волжской Булгарии. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в СССР, 1970 г. Тбилиси, 1971.

[20] *Т. А. Хлебникова.* Краткие итоги исследования Танкеевского городища в 1963 г. Итоговая научная сессия КИЯЛИ АН СССР за 1963 г. (краткое содержание докладов). Казань, 1964, стр. 67.

[21] *А. М. Ефимова, О. С. Хованская, Н. Ф. Калинин, А. П. Смирнов.* Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 г. КСИИМК, XXI, 1947, стр. 108; *А. П. Смирнов.* Основные этапы истории города Болгара. МИА, 142, 1954. стр. 309—310.

[22] *А. П. Смирнов.* Раскопки городища Великие Болгары в 1957 г. Казань, 1959, стр. 9—10, 16—17; *З. А. Акчурина, Л. П. Воскресенская, А. П. Смирнов.* Работы на городище Великие Болгары в 1957 г. Поволжье в средние века. МИА, 164. 1970, стр. 7.

[23] *Т. А. Хлебникова.* Итоги изучения...

[24] Это VI слой стратиграфической шкалы городища, разработанной уже в первые годы экспедиционых работ под руководством А. П. Смирнова.

минание подполковника Свечина в отчете о ревизии лесов 1765 г. о трех «довольно видимых» рвах, выходящих к Иерусалимскому оврагу [25].

Была или не была укреплена первоначально эта западная часть раннего Булгара — в любом случае мы можем констатировать, что его территория X в. занимала не менее чем 120 тыс. $м^2$. Домонгольские напластования с объектами XI—XII вв. археологически зафиксированы раскопами 1947—1949 гг. [26] еще западнее на 120—130 *м* от указанной западной границы раннего Булгара, или в 280—300 *м* от линии рвов. Это результат расширения посада на протяжении домонгольского периода. Для X же века это могла быть лишь мало заселенная окраина [27].

В менее выраженном виде, много слабее мощностью и с редкими маловыразительными находками и сооружениями домонгольские напластования прослежены на городище еще шире, на расстоянии до 800 *м* от рвов [28], но без разделения на хронологические горизонты. По характеру слоя эта территория представляется далекой окраиной домонгольского города, без возможности уточнить это время.

К вопросу о территории домонгольского Булгара имеют отношение сведения начала XVIII в. о «малом окопе» дьяка Михайлова [29] и о «замашном вале» подполковника Н. Савенкова и геодезиста И. Крапивина [30]. А. П. Смирнов считал, что эта система укреплений ограничивала территорию раннего городища [31]. Предлагаю несколько уточнить понимание этого «малого окопа» или «замашного вала», исходя из появления новых данных об укреплениях раннего Булгара в виде описанных выше рвов.

Вычерчиванием «замашного вала» по замерам Н. Савенкова и И. Крапивина мы получаем конфигурацию, охватившую укрепленную им площадь почти с трех сторон. Она свидетельствует об окружной системе, чем заметно отличается от первоначальных укреплений Булгара. Конструктивно это прежде всего вал, что также отличает эту систему от начальной. Для выявления размещения «замашного вала» на местности имеет значение указание в описании: «меж валов и горою 250 сажень». Если эту фразу сравнить с аналогичным измерением расстояния между концами большого вала, которые, как хорошо известно, выходят к обрыву волжской террасы (а в описании это обозначено: «От валу до валу горою 965 сажень», т. е. 965 сажень вдоль по горе, по краю террасы), то станет понятным, что для «замашного вала» имеется в виду не только расстояние между концами вала, но и расстояние до горы, куда выходил один конец вала откуда-то, где находился другой его конец. Откуда? Естественнее предположить, что от другого крутого обрыва, служившего сильной естественной преградой, которой в условиях Болгарского городища является прежде всего Иерусалимский овраг в его низовье.

Необходимость именно такого размещения на местности «замашного вала» вытекает из особенности ориентировки планов по обмерам Н. Савенкова и И. Крапивина. Они составлены с разницей под 90° по отношению

---

[25] *В. Л. Борисов.* Описание развалин г. Булгара подполковником Свечиным в 1765 г. ИОАИЭ, XIV, вып. 5, 1898, стр. 574.

[26] *З. А. Акчурина, Л. М. Ефимова, А. П. Смирнов, О. С. Хованская.* Исследование города Болгара. КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 153—155; *их же.* Раскопки Великих Болгар. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 64—65; *О. С. Хованская.* Новые данные о городе Болгаре. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 127; *А. М. Ефимова.* Металлургические горны в городе Болгаре. КСИИМК, XXXVIII, 1951 стр. 131—135; *А. П. Смирнов.* Основные этапы..., стр. 310—311.

[27] *А. М. Ефимова.* К вопросу о происхождении городов Волжской Болгарии. Казань, 1957, стр. 10.

[28] *Н. Д. Аксенова, Т. А. Хлебникова.* Работы в Болгарах. АО — 1973, М., 1974.

[29] *К. И. Новоструев.* О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского ханств. Тр. I АС, т. II. М., 1871, стр. 8—9.

[30] *С. М. Шпилевский.* Древние города и другие булгаро-татарские памятники Казанской губ. Казань, 1877, приложение, стр. 571 сл.; *А. Дмитриев.* Древний Булгар и татарские о нем предания. ИОАИЭ, VII, 1888, стр. 7.

[31] *А. П. Смирнов.* Основные этапы..., стр. 314—315.

к географическому меридиану. Это легко выявляется по хорошо сохранившемуся и сейчас большому валу.

В результате наложения полученной конфигурации «замашного вала» на план местности (рис. 1) можно наметить прохождение его от края Иерусалимского оврага по северной стороне упомянутого выше западного его отрога, с поворотом через него на южную сторону на месте современного перехода из центра села к юго-восточной его окраине. На юге «замашный вал» проходит полукругом севернее «Черной палаты», на западе он охватывает ремесленный посад XI—XII вв., вскрытый раскопками 1947—1949 гг., и подходит к краю волжской террасы близ того участка, где его искали экспедиционными работами 1947 г. Таким образом, надо считать, что он включил в укрепленную часть города растущий к западу посад и тот отрог Иерусалимского оврага, к которому выходили ранние рвы Булгара. Эта территория равна 240 тыс. *м*^{2}.

Все проведенные наблюдения позволяют считать, что «замашный вал» построен позднее укреплений первоначального Булгара с целью усиления всей системы обороны его и с некоторым расширением территории внутри укреплений. Время строительства замашного вала без дополнительных археологических работ определить точнее вряд ли удастся.

Заканчивая рассмотрение вопроса о территории раннего Булгара, необходимо еще заметить, что по краю волжской террасы работами 1947—1948 гг. на Бабьем Бугре [32], работами 1957 г. на территории усадьбы Масловых [33] близ Британкина озера, а также раскопами 50-х годов на склоне террасы [34] обнаружены ранние домонгольские напластования X—XI вв. А. П. Смирнов высказывает мнение, что ранняя застройка волжской террасы тянулась вплоть до Ага-Базара [35], возникновение которого также относится к рассматриваемому времени [36].

Изучая территорию раннего Булгара, необходимо учитывать теснейшую связь между этими поселками и собственно Булгаром, поскольку Ага-Базар был портом Булгара и все поселки по берегу реки жили с ним той же жизнью.

Несколько сведений о характере и содержании культурных напластований раннего Булгара. Сохранность их лишь в виде фрагментов между более поздних ям очень затрудняла выяснение этого вопроса. Сооружения домонгольского времени, особенно наиболее ранние, редко удавалось вскрыть целиком. Как правило, они сильно нарушены или почти уничтожены интенсивной последующей жизнью города. А сколько различных построек разрушено совсем и сколько перемещено в вышележащие слои вещевого материала?!

Мощность домонгольских напластований вне сооружения на вскрытых участках городища [37] восточнее рвов [38]—30—80 *см*, между рвами [39]—30—

---

[32] *З. А. Акчурина, А. М. Ефимова, А. П. Смирнов, О. С. Хованская.* Исследование города Болгара, стр. 149—141; *их же.* Раскопки Великих Болгар, стр. 74—78; *А. М. Ефимова.* К вопросу о происхождении городов Волжской Болгарии, стр. 7—8.

[33] *З. А. Акчурина, Л. П. Воскресенская, А. П. Смирнов.* Работы на городище Великие Болгары в 1957 г., стр. 8—13; *А. П. Смирнов.* Раскопки городища Великие Болгары в 1957 г., стр. 41.

[34] Там же, стр. 10; *А. П. Смирнов.* Основные этапы..., стр. 313; *его же.* Итоги археологических работ в зоне затопления Куйбышевской ГЭС. Казань, 1955, стр. 15—16; *его же.* Итоги исследований в зоне строительства Куйбышевской ГЭС. КСИИМК, 50, 1953, стр. 7.

[35] *А. П. Смирнов.* Раскопки городища Великие Болгары в 1957 г., стр. 10.

[36] *А. П. Смирнов.* Археологические работы ИИМК АН СССР на Новостройках. КСИИМК, 55, 1954, стр. 23—24; *его же.* Раскопки городища Великие Болгары...; *А. М. Ефимова.* К вопросу о происхождении городов..., стр. 7—8; *Б. Б. Жиромский.* Ага-Базар. МИА, 42, 1954, стр. 337.

[37] По данным отчетов и публикаций о работах за 1946—1949, 1957, 1964—1973 гг.

[38] Вскрыта площадь в 434 *м*^{2}.

[39] Вскрыта площадь в 136 *м*^{2}.

70 *см*, западнее рвов до намеченной выше границы Булгара X в.[40]—25—70 *см*, западнее этой границы[41] — до 50—55 *см*. На VI слой X—XI вв.— там, где он разграничен с V слоем — XII — начала XIII в., приходится соответственно 20—30, 20—45 и 20—50 *см*. VI слой повсеместно представляет собой супесь, более или менее гумированную, с мелкими углистыми включениями, более заметными вверху и редкими внизу. Иногда супесь имеет белесоватый оттенок в основании слоя. Образовался этот слой в результате переработки почвенного, зачастую подзолистого грунта. Часто VI слой завершается тонкой (2—3 *см*) углистой прослойкой, отграничивающей его от вышележащего V слоя. Многолетними наблюдениями выяснено, что застройка и вещевое содержание слоя X—XI вв. сравнительно с напластованиями XII — начала XIII в. и тем более со слоями золотоордынского времени слабее. Но каково оно?

Суммируя имеющиеся к настоящему времени сведения о сооружениях VI слоя, можно сказать, что они представлены остатками нескольких наземных с подпольями и полуземляночных жилищ (на раскопках 1957, 1964, 1967, 1970 и 1972 гг.); наземных хозяйственных построек с плетневой (на раскопе 1972 г.) и столбовой (почти на всех раскопах) конструкцией; зерновыми ямами, до десятка (на раскопах 1964—1965, 1967, 1972 гг.) и рядом ямных сооружений невыясненного назначения из-за очень фрагментарной сохранности или неполного их вскрытия. В слое встречены участки с углистыми прослойками от сгоревших деревянных конструкций. Если к изложенному добавить, что напластования X—XI вв. прослеживаются лишь на 1/10 части вскрытой площади, то, пытаясь представить интенсивность застройки в слое, мы вправе соответствующим образом увеличить возможное число сооружений.

Вещевые остатки раннего Булгара представлены находками при вскрытии сохранившихся фрагментов VI слоя и материалами X—XI вв. во вторичном залегании, где их немало обнаружено в результате перекопанности 9/10 площади этого слоя. Они состоят из массы бытового материала, орудий труда для различных отраслей хозяйства, ремесленного и земледельческого, некоторых производственных остатков, оружия, пищевых отходов в виде костей животных и обуглившихся зерновых запасов. Налицо как предметы местного ремесленного и домашнего производства из различных материалов, так и привозные вещи в виде украшений, поливной глиняной посуды, предметов быта, попавшие в Булгар в результате широких торговых связей с Востоком, Русью, Крымом, Закавказьем.

В целом содержание VI слоя Булгара близко к тому, что дают многие другие памятники рассматриваемого времени культуры волжских булгар. Это явление уже неоднократно подмечено[42] и представляется закономерным на раннем этапе развития материальной культуры Волжской Булгарии и начальном пути формирования ее городов. Как на городищах, так и на селищах наблюдаются в это время наземные и земляночные жилища и большое число хозяйственных ям. Занятие сельским хозяйством свойственно в этот период не только селу, но и городу. И только большее число привозных вещей да ремесленной продукции несколько отличают содержание ранних городских слоев.

Подводя итог, можно сказать, что ранний Булгар — достаточно сильно укрепленное поселение, с крепостной частью, имеющей двойную систему укреплений, разделенных пространством, с застройкой за ними типа посада, который тоже был, возможно, укреплен. Ранний Булгар сравнительно невелик по площади, но не менее 120 тыс. $м^2$ (плюс порт на Ага-Базаре),

---

[40] Вскрыта площадь 1222 $м^2$.

[41] В пределах посада XI—XII вв. работами 1947—1949 гг. вскрыта площадь около 800 $м^2$.

[42] *А. П. Смирнов.* Раскопки городища Великие Булгары в 1957 г., стр. 41; *З. А. Акчурина, Л. П. Воскресенская, А. П. Смирнов.* Работы на городище Великие Болгары в 1957 г., стр. 8.

со значительным культурным слоем, содержащим немало различных строений жилого и хозяйственного характера и вещевого материала бытового и производственного происхождения, а также привозные вещи. Каково это поселение?

Присоединяясь к мнению исследователей, усматривающих в основе раннего Булгара крепостное замковое поселение булгарского феодала [43], возле которого быстро сосредотачивается ремесленное и торговое население, предлагаю для дальнейшего выяснения поставленного вопроса провести сравнение с памятниками салтово-маяцкой культуры, имеющими к нашим самое прямое и непосредственное отношение.

С. А. Плетнева, работами которой так выразительно представлены теперь эти памятники, прослеживает два типа городищ, рассматривая их в прямой связи с общественным развитием как последовательные ступени в процессе «от кочевий к городам» [44].

Ранний Булгар по расположению на большой водной магистрали, на мысу с крутыми склонами, по силе и системе укреплений близко стоит к каменным замкам II типа салтово-маяцких городищ [45], являющихся социально наиболее развитой формой феодальных замков VIII—IX вв. [46] Отличает его отсутствие каменных укреплений со скифскими чертами в них и бóльшая площадь. Оба эти отличия легко объяснимы. В Среднем Поволжье камень с успехом заменен более распространенным здесь деревом, и в основе Булгара лежит нескифское поселение. Что касается большей площади Булгара, то полагаю, что она объясняется характером раннего Булгара, отличающимся от характера салтово-маяцких каменных замков II типа.

Булгар X в.— это уже не просто феодальный замок, хотя он и несет его черты, но более крупное городское поселение с посадом, и здесь оно как по площади, так и по планировке и в целом по значению сопоставимо с такими городищами-городами салтово-маяцкого круга памятников, как Саркел IX—X вв., Семикаракорское городище и др. [47], являющимися заключительным этапом в длительном социальном процессе «от кочевий к городам». Ранний Булгар, возникновение которого можно относить к рубежу IX—X вв. [48], завершая, как и салтово-маяцкие города, процесс перехода полукочевого булгарского населения на оседлость, является в то же время началом становления городов в Среднем Поволжье. Это первое городское поселение, возникшее на основе замка-крепости на большом международном торговом пути в районах плодородных земль и богатых лугов, как торговый центр широких международных связей по Волге и Каме, как политический центр формирующегося феодального государства и экономический центр широкой земледельческо-скотоводческой округи. Именно как торговый и политический центр он привлекал к себе торговый и ремесленный люд и очень скоро стал широко известным в международной торговле городом на Волге, который уже Эль-Балхи, писавший в начале X в. [49], сравнивает с Киевом.

---

[43] *А. П. Смирнов.* Основные этапы истории города Болгара..., стр. 309; *А. М. Ефимова.* К вопросу о происхождении городов Волжской Болгарии, стр. 12—17.

[44] *С. А. Плетнева.* Средневековые поселения верховьев Северского Донца. КСИИМК, 79, 1960; *ее же.* От кочевий к городам. МИА, 142, 1967.

[45] Там же, стр. 28—29.

[46] Там же, стр. 25—44, 50.

[47] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам, стр. 37.

[48] *А. П. Смирнов.* Основные этапы..., стр. 309; *А. М. Ефимова.* К вопросу о происхождении городов Волжской Булгарии, стр. 7—10, 12.

[49] *В. И. Беляев.* Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 1, Л., 1937, стр. 26. Датирует сочинение Эль-Балхи «Изображение областей» 919—920 гг. В. В. Бартольд во введении к Худуд-аль-алем высказывает аналогичное мнение. Худуд-аль-алем. Рукопись А. Г. Туманского. Л., 1930, стр. 11.

На этом начальном этапе возникновения городов, в условиях определенной роли полукочевого скотоводства в хозяйстве булгар, решающим для Булгара явилось его положение на международных торговых путях, его значение политического центра формирующегося государственного образования. На этом этапе город еще невелик. Он не играет еще той экономической роли, какая свойственна последующим крупным городам в условиях полной оседлости и развивающегося внутреннего рынка.

Булгар никогда не терял своего значения международного рынка. Развивалось в нем и ремесло. Но в бурном росте внутренней торговли на протяжении домонгольского времени, связанной с успехами в производственной деятельности булгар, он уступил первенство Биляру, с чем в какой-то мере и связан последующий в конце XI—XII вв. переход политического центра туда. Сыграло свою роль и неоднократное разрушение города в течение домонгольского периода, происходившее в результате борьбы за волжский водный путь, что и способствовало переносу столицы в более спокойные условия.

Ранний Булгар и Биляр — разные последовательные этапы, а возможно, и разные пути развития города в Среднем Поволжье, связанные с общественным и экономическим развитием Волжской Булгарии домонгольского периода. Сравнение их правомерно только с учетом этого, иначе возникает опасность ошибочных выводов, которые, как мне представляется, и допустил А. Х. Халиков в оценке Булгара и Биляра, стремясь на этом основании пересмотреть вопрос о первоначальной столице Волжской Булгарии.

Широкие работы, поставленные в последние несколько лет на Билярском городище, своим материалом объективно должны сыграть большую роль как для изучения самого городища, так и для многих вопросов экономической и социальной истории Волжской Булгарии, ибо Билярское городище — один из наиболее значительных памятников края. Но для этого необходимы большие публикации результатов раскопок. Постановка вопроса о значении памятника в истории края, да еще в пересмотр установившихся взглядов, без этой предварительной работы по публикации материалов преждевременна и ставит читателя в очень затруднительное положение. Однако попытаемся рассмотреть некоторые вопросы на предложенных А. Х. Халиковым в статье данных.

Возникновение поселения на Билярском городище к началу X в. надо, по-видимому, признать, хотя для выяснения этого вопроса приведенных в статье материалов еще недостаточно. Необходим весь комплекс материала в связи со стратиграфией и топографией памятника. Выяснению же территории и характера этого поселения исследователь уделил совершенно недостаточно внимания, особенно если учесть размах раскопочных работ на городище и значение изучения этого вопроса в оценке Биляра, которую он стремится прежде всего дать. За территорию Биляра в начале X в. А. Х. Халиков принимает площадь, ограниченную внутренним валом наружного кольца укреплений, т. е. по существу всю площадь городища. Основание для этого он видит в результатах работ на этих укреплениях. Они проведены дважды: в 1928 г. экспедицией А. С. Башкирова и в 1968 г. экспедицией А. Х. Халикова. В результате работ 1928 г. (зачистка ямы на валу и шурфы 1,5×1,5 *м*) автор их дает сведения о существовании, по его мнению, первоначального вала и о подсыпке его [50], но у него нет сведений о сооружении этой линии укреплений «на чистой погребенной почве без выраженных культурных остатков» [51]. Для этого вывода А. Х. Халиков увидел, по-видимому, основание уже в результатах работ экспедиции 1968 г., когда зачисткой среза вала (раскоп VI) был получен полный его профиль. Этот профиль исследователь приводит на рис. 2 (верхний) своей

[50] *А. С. Башкиров.* Экспедиция по изучению булгаро-татарской культуры летом 1928 г. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР, вып. III. Казань, 1929, стр. 30—31.

[51] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 86.

статьи [52] и видит в нем «остатки ранних укреплений, сооруженных на стерильной почве, очевидно, в начале строительства города» [53].

Анализ приведенного чертежа позволяет сделать вывод, что сооружение вала — дело позднее. Считать его воздвигнутым на погребенной почве никак нельзя. Значит, под укреплениями на стерильной почве разумеется залегающее ниже широкое (до 7 *м*) неглубокое (до 1 *м*) углубление с очень пологими стенками, истолкованное вскоре после его вскрытия как искусственный ров по краю террасы речки Елшанки [54]. Но в разбираемой статье А. Х. Халиков избегает такого толкования прослеживаемого в профиле углубления, понимая, очевидно, что для этого необходимы более убедительные данные, хотя и дает ссылку на прежнее высказывание. Наличие этого невыразительного углубления, прослеженного на протяжении менее 2 *м*, отнюдь не достаточно для реконструкции системы укреплений и выяснения территории Биляра, а других данных нет.

Что касается вала, то в определении времени его сооружения исследователи, по-видимому, были близки к истине при отнесении его к XII в. в информации в «Археологических открытиях 1968 г.», так как его насыпь при вскрытии, как указывает П. И. Старостин, дала мордовскую сюльгаму с довольно сильно расширяющимися лопастями [55] и относительно позднего облика керамику [56].

Отсутствие в слое, подстилающем вал, находок X—XI вв., отсутствие их и в насыпи вала, землю для которого, как обычно, брали, по-видимому, откуда-то поблизости, не дает возможности согласиться с А. Х. Халиковым, что сюда, до внешнего кольца укреплений распространялась территория Биляра X—XI вв. Какова же эта территория, проходит ли граница в промежутке между внутренним и внешним кольцом укрепления, на основании приведенных в статье А. Х. Халикова сведений по раскопам в этом промежутке судить не представляется возможным.

Изучение времени возникновения внутренней линии укреплений также находится лишь на уровне разведок. Траншея, часть профиля которой приведена на том же рис. 2 (нижний), не дает достаточных данных для решения этого вопроса. А сведения по работам 1928 г., к которым А. Х. Халиков отсылает читателя, состоят только в том, что вал имел неоднократную надсыпку и содержал вещевые находки [57]. Данных о том, что он «был насыпан на чистой погребенной почве без выраженных культурных остатков» [58], среди них нет. Для выяснения этого вопроса совершенно необходимы дополнительные раскопочные работы.

Из изложенного следует, что территория Биляра X в. не выяснена. Неоднократное повторение в статье утверждения об огромной его площади [59], об изначальной его планировке в виде внутреннего и внешнего города [60] звучат навязчиво и являются недоказанными. Думается, что ясна неправомерность проделанного А. Х. Халиковым сравнения Билярского городища в пределах наружного кольца укреплений с Булгарским городи-

---

[52] Там же, стр. 87.

[53] Там же, стр. 86. Здесь требуется внести уточнение. Срез до основания слоя произвел П. Н. Старостин. Р. Г. Фахрутдинову принадлежит лишь прирезка, сделанная по гребню вала для выяснения его наземной конструкции.

[54] *А. Х. Халиков, П. Н. Старостин, Р. Г. Фахрутдинов.* Исследование Биляра. АО — 1968, М., 1969, стр. 169.

[55] По классификации А. Е. Алиховой XII—XIII вв. (*А. Е. Алихова.* Из истории мордвы конца I — начала II тысячелетия н. э. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959, стр. 39—40, табл. 1, *47*).

[56] *П. Н. Старостин, Р. Г. Фахрутдинов.* Отчет о работах на VI раскопе исследований Биляра в 1968 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3750, л. 68, 72.

[57] *А. С. Башкиров.* Экспедиция по изучению булгаро-татарской культуры..., стр. 31.

[58] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 86.

[59] Там же, стр. 85, 91, 92.

[60] Там же, стр. 85, 93.

щем более раннего времени [61], а сопоставление Биляра в таком виде с планировкой столичных городов Дунайской Болгарии и Средней Азии [62] возможно лишь с учетом определенной разницы во времени.

Можно ли считать выясненным характер поселения начала X в. на Билярском городище? На основании приведенных в статье данных — нельзя. Утверждения о времени сооружения укреплений не доказаны. При выяснении времени застройки домами, караван-сараем и объектами ремесленного производства речь идет о X в., не позже X в. А каковы данные стратиграфии, соотношение объектов с укрепленностью поселения? Эти сведения отсутствуют.

На чем решается вопрос о том, что Биляр был столицей с начала возникновения его? Прежде всего на планировке внешнего и внутреннего города, на убежденности автора в пребывании Ибн-Фадлана в районе Биляра, на толковании сообщения Муккадеси. Выше было отмечено, что планировка в виде внутреннего и внешнего города имеет отношение к периоду значительно позднее X в. Сообщение Ибн-Фадлана с бесспорностью свидетельствует лишь об откочевке его с булгарским царем от места первоначального пребывания [63], но отнюдь не о связи его миссии со строительством Биляра. Что касается сообщения Муккадеси, то это едва ли не самое неясное и противоречивое из всех имеющихся арабских письменных свидетельств. Существует ряд попыток объяснить это сообщение Муккадеси [64], и все они лишь догадка. Можно ли опираться на такое свидетельство?

Это же сведение Муккадеси используется для определения Биляра как Булгара. Булгар же на Булгарском городище уже с XI в., по мнению А. Х. Халикова, называется городом Ибрахима или Бряхимовым. Но то, что справедливо в отношении XII в., нельзя переносить в XI в., тем более что Эмир Ибрахим, правивший в начале XI в. в Булгарии, назван «государем Булгара и той области, которая целиком называется Булгар» [65]. А. Х. Халиков не учитывает этого прямого свидетельства о названии города, а берет лишь факт правления Ибрахима и переименовывает Булгар начала XI в. в Бряхимов XII в.

Помещая Булгар X—XI вв. на месте Билярского городища, А. Х. Халиков вступает в противоречие со сведениями арабских писателей, располагавших Булгар на р. Итиль, не пытаясь этого объяснить. Вызывает возражение обращение со свидетельствами арабских географов, без учета существующих толкований их, без того анализа, которого требует такого рода источник. А. Х. Халиков не приводит полного текста, свидетельства, а берет лишь отрывки из него, перемежая их своими словами, несущими нагрузку его толкования. После выдержки из Эль-Балхи о «внешнем Булгаре» звучит вывод о наличии «сведений о двух Булгарах, из которых один (внутренний) был столицей, а другой маленький (внешний) — торговой пристанью страны» [66]. Однако такого противопоставления у Эль-Балхи нет, и нет основания для вывода о двух Булгарах [67]. Прибегая к сообщению Муккадеси о городах Булгаре, Суваре и третьем городе, который «больше обоих вышеупомянутых городов», но имя которого Д. Хвольсон не разобрал, а Готвальд читает как «Хадар» [68], А. Х. Халиков приписывает ему (Муккадеси) несуществующие у него разделение двух Булгаров и указа-

[61] Там же, стр. 92.

[62] Там же, стр. 93.

[63] *А. П. Ковалевский.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 139.

[64] *Д. Хвольсон.* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 84—85; *С. М. Шпилевский.* Древние города и другие булгаро-татарские памятники Казанской губ. Казань, 1877, стр. 9, 53; *Б. Д. Греков.* Волжские болгары в IX—X в. стр. 21—22.

[65] *Б. И. Заходер.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе, ч. II. М., 1967, стр. 46.

[66] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 96.

[67] *С. М. Шпилевский.* Ук. соч., стр. 7—8.

[68] Там же, стр. 9, 53.

ние на большую величину одного из них[69]. Такое вольное обращение с источниками не вызывает доверия и к ряду других положений статьи, основанных на письменных, фольклорных и языковых данных. Их, как, впрочем, и обращение к свидетельствам арабских географов, следовало бы рассмотреть арабистам.

И в заключение позволю себе заметить, что исследователям Биляра для определения его места и значения в истории Волжской Булгарии и в развитии ее культуры необходимо прежде всего хорошо представлять, каким он был для того или иного отрезка времени, т. е. что ему свойственно археологически в тот или иной период. Здесь огромную роль играет стратиграфическое изучение памятника, которому, судя по статье, до сих пор еще не было уделено должного внимания. Без выяснения содержания слоя в различные периоды жизни города, в его характере, в его истории не разобраться. Истины вроде бы для археолога прописные, но, к сожалению, в данном случае ими пренебрегли.

К вопросу о первоначальном типе города Волжской Булгарии необходимо подходить с учетом всех особенностей социально-экономической основы и путей его возникновения. При этом, мне кажется, мы недооцениваем ту преемственность, которую имеет культура Волжской Булгарии, ее раннего этапа, с культурой салтово-маяцкого мира. Хотя, конечно, многое другое (развитие местного населения, связи с более развитыми странами Средней Азии и т. д.) играло свою роль и должно быть учтено.

---

[69] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 96.

T. A. Khlebnikova

BULGAR INITIAL

Résumé

Les fouilles de la mission archéologique du cours de Volga ont fourni un matériel nouveau sur la période initiale de l'histoire de Bulgar, notamment sur son territoire, fortifications, contenu de la couche d'habitation. En proposant à l'attention du lecteur ces nouveaux renseignements tout en appelant les données obtenues précédemment et en confrontant le Bulgar initial avec les agglomérations fortifiées de Saltovo-Maïatsk l'auteur propose de considérer le Bulgar du début du Xe s. comme l'étape primitive de la formation des villes dans le cours moyen de Volga qui, tout comme celles du monde de Saltovo-Maïatsk, à leur origine se trouvaient être des citadelles en possession des voies commerciales, concentrant le pouvoir politique et attirant le peuple artisanal. Au début de son existence Bulgar apparaît comme centre primitif de la formation étatique féodale au premier stade de sa constitution, centre du commerce international s'entourant progressivement de quartiers artisanaux. L'auteur conteste l'idée de la confrontation du Bulgar initial avec Bilar tel qu'il est reconstitué pour le Xe s. par Khalikov, car, à son avis, sous cet aspect il se rapporte à une date plus récente, tout en proposant de considérer de Bulgar initial et Bilâr comme deux étapes consécutives dans le développement des villes de la Bulgarie volgienne.

Л. В. ФИРСОВ

ОПЫТ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ ИЗВЕСТКОВЫХ ВЯЖУЩИХ РАСТВОРОВ

Датирование древних построек проводят, как правило, на основании исторических документов (в том числе по эпиграфическим памятникам), по находкам монет, по характерным наборам керамики и других остатков материальной культуры, наконец, по архитектурным аналогиям. Комплексный подход к решению задачи в большинстве случаев дает удовлетворительные результаты. Однако есть достаточно примеров, когда все эти материалы указывают на более или менее широкое время бытования постройки или на отдельные его моменты, сопряженные с прошлыми событиями, а не на конкретный момент сооружения, особенно если датировка дается по монетам и керамике. Ссылки на аналогии также не всегда ведут к установлению точной даты, поскольку архитектурные традиции бывают устойчивыми на протяжении длительного времени.

Таким образом, комплексное историко-археологическое датирование небезупречно, что ясно каждому археологу. Сошлемся на такой пример, как Херсонес Таврический, раскопки которого проводят вот уже полтора столетия, но для которого все еще достаточно нерешенных хронологических проблем. Его монументальные средневековые базилики и мощные оборонительные стены и башни времен античности и средневековья в большинстве своем остаются без точно установленной даты сооружения. Мнения исследователей по этому поводу расходятся зачастую на 300—700 лет.

Радиоуглеродным методом датирования можно внести ясность в спорные вопросы хронологии, но и этот путь не всегда оправдывает надежды, если в качестве материала используются древесина и уголь от деревянных конструкций построек, костные и другие органические остатки, синхронные, в общем, времени бытования построек, но далеко не всегда моментам их возведения. Задача состоит в том, чтобы найти и датировать такой материал, который был бы вполне синхронен моменту кладки каменной постройки, а в сложных постройках — моментам последующих коренных реконструкций и частных переделок.

Таким материалом может быть известковый вяжущий раствор (далее — ИВР), использование которого для радиоуглеродного датирования вполне возможно в связи с происхождением заключенного в нем углерода. Строительная воздушная известь (CaO) представляет собой продукт обжига древнего известняка, содержащего только стабильные изотопы углерода, радиоуглерода в известняке нет. При обжиге углерод выходит в атмосферу в виде углекислого газа. Для приготовления ИВР негашеную известь (кипелку) затворяют водой и получают пушонку — гашеную известь $Ca(OH)_2$. Добавляя наполнитель (песок, гравий, гальку, толченую керамику), пушонку заливают (укладывают) в кладку постройки, и именно с этого момента начинается твердение ИВР, суть которого сводится к кристаллизации гидрата окиси кальция из насыщенного раствора и к его карбониза-

ции углекислым газом воздуха, проникающего в швы кладки по многочисленным порам в ИВР. В конечном итоге образуется карбонат кальция $CaCO_3$, в котором весь углерод заимствован из атмосферы вместе с радиоуглеродом C^{14} и имеет изотопный состав, отвечающий изотопному составу углерода в атмосфере. Преобразования, происходящие в ИВР, как бы включают радиоактивные часы для отсчета времени от момента заливки раствора в кладку до наших дней.

Однако есть одно сомнительное обстоятельство. Твердение ИВР не происходит мгновенно. По старой пословице, «известь в сто лет — еще ребенок». Мнение некоторых специалистов сводится к тому, что твердение

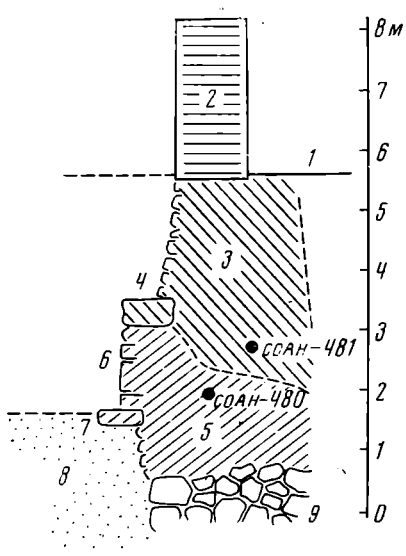


Рис. 1. Поперечный вертикальный разрез оборонительной стены Херсонеса на стыке 14 и 15-й куртин и башни XIII: *1* — современная поверхность за оградой музея-городища, *2* — ограда территории музея, *3* — зона бутовой кладки средневековой стены, *4* — остатки внутреннего (тыльного) панциря средневековой стены, *5* — зона бутовой кладки римской стены, *6* — кордонная кладка внутреннего панциря римской стены, *7* — каменная плита, отмечающая поверхность эспланады в римское время, *8* — суглинисто-карбонатный грунт с обломками эллинистической керамики и другими культурными остатками, *9* — крупноглыбовая кладка с глинистым уплотнением в основании стены (возможно, эллинистическое время).

Черными кружками отмечены пункты отбора проб известкового вяжущего раствора в позднем проломе стены

протекает крайне медленно и что даже в ИВР, твердевших сотни лет, наряду с карбонатом кальция все еще есть некарбонизированный гидрат окиси кальция. К счастью, это касается, по-видимому, построек, кладка которых герметизирована воздухонепроницаемыми отложениями (например, фундаменты в водонасыщенных глинистых грунтах). В наземных частях построек, даже таких мощных, как оборонительные стены многометровой толщины, высыхание и твердение ИВР непродолжительны, обусловливают развитие открытой системы пор, чем обеспечивается аэрация всего объема ИВР и быстротечная его карбонизация. В общем срок, необходимый для полной карбонизации гидратной извести, не больше 10—20 лет. Для окончательного суждения о скорости карбонизации необходимы специальные исследования, однако для этой цели можно воспользоваться также и радиоуглеродным датированием, сопоставляя результаты с исторически достоверными датами.

Для проверки необходимы образцы ИВР из сооружений, время возведения которых установлено по историко-археологическим данным достаточно точно или, на худой случай,— до столетия, если иметь в виду получение предварительных результатов. Для опытов автором в 1971 г. были отобраны две пробы ИВР из монолита оборонительной стены Херсонеса, на стыке 14 и 15-й куртин и башни XIII, в зоне позднего пролома (рис. 1). Стена вскрыта О. И. Домбровским со стороны внутреннего (тыльного) панциря во время раскопок южного парода античного театра. Основание стены покоится на глыбовой кладке с глинистым уплотнением. Возможно, эта субструкция представляет собой остатки оборонительной стены эллинистического времени; ИВР в ней нет. Выше сохранилась кладка стены римского времени: кордонная облицовка внутреннего панциря и

мощная средняя зона бутового наполнения на прочном белом ИВР с балластом из хорошо просеянного крупного кварцевого песка. Римская стена, возведенная в конце I или во II в. н. э., на $^2/_3$ или даже на $^3/_4$ высоты была разрушена в IV—V вв. На ее остатках, как на фундаменте, в средние века построили также панцирно-бутовую оборонительную стену, использовав для связки ИВР, аналогичный римскому, но менее прочный и с более грубым песчано-гравийным наполнителем. Возведение средневековой стены может быть отнесено, по историко-археологическим данным, к VI—X вв., вероятнее всего, к IX в., когда в Херсонесе проводилось интенсивное бытовое, храмовое и фортификационное строительство.

Таблица 1

Предварительные результаты радиоуглеродного датирования двух проб ИВР из Херсонеса

Номер СОАН	Удельная активность бензола, *имп/мин·г* *		Предполагаемая дата, века нашей эры	Радиоуглеродные	
	образца	эталона		возраст до 1970 г.	дата, г. н. э.
480	4,277	5,269	I—II	1905±100	65
481	4,708	5,269	IX (VI—X)	1135±100	835

* Собственная активность бензола (образца и эталона) без фона установки.

Пробы ИВР (СОАН-480 из римской стены, СОАН-481 из средневековой) отбиты из монолита кладки в месте позднего пролома, в полуметре выше и ниже поверхности, разделяющей римскую и средневековую кладки. Материал ИВР в обеих пробах был чистый, без загрязняющих примесей, куски до упаковки в пластиковые мешки тщательно отобраны, промыты и просушены. Поиски методики выделения карбоната кальция и синтеза бензола привели к исчерпанию большей части материала обеих проб, но все же удалось синтезировать по несколько миллилитров бензола, достаточных для датирования с довольно значительным лабораторным допуском. В табл. 1 помещены результаты, полученные при расчете по бензолу от эталонной древесины СОАН-20 с возрастом 230 лет до 1970 г. Радиоуглеродные даты близки к ожидаемым и весьма обнадеживают в части перспективности ИВР для датирования.

Уменьшение лабораторного допуска до ±25—30 лет при той же продолжительности счета активности бензола достигается использованием большего количества бензола (до 20 *мл*). Выход чистого $CaCO_3$ из ИВР находится в обратной зависимости от количества наполнителя, содержание которого колеблется в пределах от 10 до 75%, часто около 60%. Приблизительно только четверть $CaCO_3$ может быть извлечена из пробы по следующей схеме обработки: раздавливание кусков ИВР, размачивание в дистиллированной воде (до двух суток), растирание, отсадка крупных фракций, декантация тонких взвесей, отсадка тонких взвесей, декантация раствора и сушка осадка тонких взвесей. При 60% наполнителя и 40% $CaCO_3$ выход $CaCO_3$ в виде тонкой фракции составляет не больше 10% (следовательно, не больше 4,4% CO_2 или не больше 1,2% углерода). В конечном итоге из 1 *кг* ИВР удается синтезировать 6—8 *мл* бензола, поэтому необходимы пробы в 2—3 *кг*, желательно вдвое-втрое больше.

При датировании ИВР приходится опасаться удревняющих загрязнений. Ими могут быть карбонатные обломки в составе наполнителя (галька, гравий и более мелкие зерна древних известняков), раковинный песок (в некоторых ИВР его довольно много), карбонатная пыль эолового происхождения. Недопустимо упрощение технологии обработки пробы и проведение синтеза бензола так, как это делается, например, при обработке раковин моллюсков (выделение CO_2 действием соляной кислотой на образец целиком): даже незначительное растворение в кислоте древних карбонатов поведет к резкому удревнению радиоуглеродной даты. Недопусти-

мо также слишком сильное растирание размоченного исходного материала, поскольку балластные частицы (особенно кварцевый песок) служат абразивом, обдирают поверхность гальки и гравия древних известняков наполнителя, тем самым в тонкие взвеси переходит «мертвый» карбонат кальция. Растирание исходного материала следует проводить в фарфоровых чашках резиновыми пробками, непродолжительно, без усилия, добавляя горячую дистиллированную воду.

Карбонатная пыль эолового происхождения должна быть удалена после раздавливания и размачивания кусков ИВР тщательной двукратной промывкой на лабораторных ситах. Только после этого шлам можно подвергнуть дальнейшей обработке. Как велико может быть удревнение дат за

Таблица 2

Радиоуглеродное датирование образцов ИВР с эоловыми загрязнениями и после очистки. Херсонес

№ СОАН	№ образца	Сооружение	Предположительная историко-археологическая дата, вв. н. э.	Радиоуглеродный возраст до 1970 г., лет		Дата по Б, г. н. э.
				А	Б	
766	2	Оборонительная стена, куртина 16	X—XI или позже?	2500±45	1320±35	650
768	4	Прямоугольная боевая башня XVII	VI—X?	2270±60	1420±55	550
769	7	Оборонительная стена, куртина 20	VI или VIII—X?	2380±45	1550±75	420
771	9	Лестница у башни XVI	V—VI или VI?	1830±185	1230±35	740

Способы выделения карбоната кальция из ИВР: А — без предварительной промывки шлама, Б — из хорошо промытого шлама. Образцы ИВР предоставлены Херсонесским историко-археологическим музеем в 1972 г., датированы в 1973 г.

счет эоловых загрязнений ИВР «мертвым» карбонатом (продуктами выветривания скальных известняков, известковистых почв и даже известняковых камней самой кладки), показывает табл. 2. Образцы бензола, синтезированного без предварительной промывки исходного материала ИВР (столбец А), удревнены в 1,5—2 раза по сравнению с бензолом, полученным при полной обработке пробы с предварительной промывкой шлама (столбец Б). В последнем случае радиоуглеродные даты, по-видимому, близки к действительным, хотя между ними и археологическими датировками есть расхождения, которые, более вероятно, следует отнести на счет неуверенности археологических датировок. Избежать эоловых загрязнений можно, отбирая образцы ИВР из монолитов кладки, отбивая наиболее прочные его куски, но и эта мера не всегда бывает эффективна из-за наличия в ИВР легко разрушаемых древних карбонатов.

Особенно нежелательно присутствие в составе наполнителя в ИВР включений мергелистых известняков и мергелей. Они распознаются в образцах под бинокуляром, для их удаления необходима не только предварительная промывка шлама, но и его ручная разборка. Мергелистые включения разрушаются при непродолжительном растирании шлама, шлам повторно промывается на лабораторных ситах и только после этого поступает в дальнейшую обработку.

Представленная выше небольшая серия радиоуглеродных дат вселяет уверенность, что использование известковых вяжущих растворов для целей хронологии вполне перспективно и окажет археологии услугу, однако необходимо совершенствование методики обработки проб.

L. V. Firsov

UNE EXPERIENCE DE DATATION PAR L'ANALYSE RADIOCARBONIQUE DES MORTIERS DE CHAUX ADHESIFS

Résumé

En théorie, l'emploi de mortiers adhésifs de chaux (IVR) pour établir la date d'anciennes constructions est parfaitement possible, car lors du durcissement de l'IVR aux dépens de la carbonisation de la chaux hydratée, dans le matériau de l'IVR se forme du carbone, y compris du radiocarbone (carbonisation du gaz carbonique de l'atmosphère lors de l'aération des maçonnages). Deux échantillons de l'IVR des murailles romaines (Ier et IIe ss. de n. è.) et médiévales (vers le IXe s. de n. è.) de Chersonèse de Tauride ont montré l'âge auquel on s'attendait. Quatre autres échantillons d'IVR provenant de Chersonèse ont décelé l'influence vieillissante des pollutions par le sel de l'acide carbonique de l'atmosphère. Dans cet article, on cite de brefs renseignements sur la méthode de séparation du carbonate de calcium de l'IVR pour l'analyse radiocarbonique, et on donne certaines recommandations pour le choix des échantillons. La datation des anciennes constructions par l'IVR peut rendre de grands services à l'archéologie.

Публикации

А. Х. ЮСУПОВ

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ САЙ-САЙЕД НА ЮГО-ЗАПАДЕ ТАДЖИКИСТАНА

В последние годы широко развернувшееся изучение памятников каменного века Средней Азии привело к открытию новых комплексов и культур, позволяющих, в частности, приступить к созданию общей картины неолита Средней Азии во всем его культурно-хозяйственном разнообразии и локальной специфике.

Как установлено, на юго-западе Таджикистана была распространена оригинальная гиссарская культура [1], причем раскопки крупного памятника этой культуры — Туткаула — позволили дать ее развернутую характеристику [2]. К числу памятников гиссарской культуры относится и поселение Сай-Сайед, находящееся в 91 *км* от Душанбе и в 3 *км* юго-восточнее поселения Туткаул. Оно принадлежит к числу памятников этой культуры, расположенных вдоль среднего течения р. Вахш от Нурека до Оби-Гарма.

Сай-Сайед открыт в 1956 г. А. П. Окладниковым, в 1963 и 1965 гг. здесь были произведены первые рекогносцировочные работы. С 1966 по 1972 г. на памятнике этом велись систематические раскопки (рис. 1), в результате чего было вскрыто 3500 $м^2$ и выявлена сложная стратиграфия культурных наслоений [3].

Поселение Сай-Сайед расположено на левом берегу Вахша в районе Нурекского водохранилища, у конуса выноса одноименного сая. По рельефу местности это широкая долина Вахша, происхождение которой на рассматриваемом участке во многом обусловлено геологическим строением и тектоникой. Долина выработана основной рекой позже неогенового времени и ранее голоцена, причем фиксируются два уровня вахшских террас: верхний, с относительной высотой над уровнем реки 48—50 *м*, где приурочено поселение Сай-Сайед, и нижний, с высотой до 20 *м* от поймы реки.

Поселение Сай-Сайед занимает конус выноса длиной с юго-запада на северо-восток 80 *м* и шириной 40 *м*. Высота конуса выноса над современным уровнем сая около 12—15 *м*. Он резко понижается к Вахшу, его высота над голоценовой равниной не превышает 3—4 *м*.

В зоне раскопок была установлена такая последовательность культурных напластований Сай-Сайеда (рис. 2).

В верхней части поселения залегает слой толщиной от 1 до 3,1 *м*, в котором встречаются остатки построек и предметы материальной куль-

[1] *А. П. Окладников.* Исследования памятников каменного века Таджикистана. МИА, 66, 1958.

[2] *В. А. Ранов, Г. Ф. Коробкова.* Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане. СА, 1971, 2.

[3] *В. А. Ранов, А. Х. Юсупов.* Раскопки в зоне строительства Нурекской ГЭС. АО — 1969. М., 1970; *А. Х. Юсупов.* Изучение неолитических памятников Юго-Западного Таджикистана. Сб. «Успехи среднеазиатской археологии», 1. Л., 1972; *В. А. Ранов, В. А. Жуков, А. Х. Юсупов.* Работы по каменному веку в Таджикистане в 1971 году. Сб. «Успех среднеазиатской археологии», 2. Л., 1972; *А. Х. Юсупов.* Итоги изучения неолитического поселения в среднем течении р. Вахш. Сб. «Каменный век Средней Азии и Казахстана». Ташкент, 1972, стр. 75.

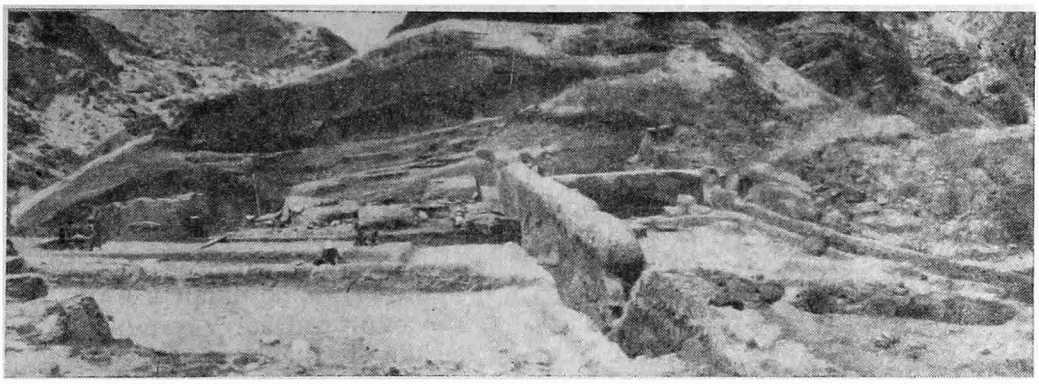


Рис. 1. Общий вид поселения Сай-Сайед

туры средневековья, раннего железа и эпохи бронзы. Соответствующие археологические материалы встречаются на всей территории раскопок. Особенно много их в северо-восточной части Сай-Сайеда, где этот верхний слой представлен ямами. Иногда эти ямы разрушают первый горизонт каменного века. Среди найденных материалов встречаются средневековая керамика, относящаяся к XII в.[4], железные наконечники стрел.

Был обнаружен костяк ребенка в сопровождении бронзовых предметов: четырехгранного шила и иголок с ушками, а также керамики степной бронзы со сложным орнаментом, аналогичной керамике Кайрак-Кумов[5].

Ниже отмеченных слоев начинаются наслоения каменного века, в которых выделяются в основном три культурных горизонта.

Культурный горизонт 1 представляет собой супесь светло-серого цвета толщиной от 75 *см* до 1 *м* 20 *см*. Он прослеживается по всему раскопу на площади 3500 $м^2$.

В этом горизонте встречаются небольшие овальные каменные очаги (диаметром в среднем от 40 до 75 *см*), остатки каменных выкладок и зольных пятен.

На всех вскрытых площадках горизонта 1 встречаются каменные выкладки, обрамляющие очаги. В большинстве своем они однослойные, реже многослойные из плотно уложенных вахшских галек. Форма их округлая и полусферическая, диаметр разный, круглые очаги 40×40 *см*, полусферические 1×110 *см*, глубиной до 20 *см* (вертикальный разрез). Однако некоторые каменные выкладки встречаются без типичного очажного заполнения. В слое обнаружены обломки красного песчаника, а в одном случае сохранились остатки глиняных обмазок, возможно танура или пола, напоминающие аналогичные находки в Куй-Бульене[6]. Очень интересны каменные оградки, состоящие из трех — пяти плоских плиток красного песчаника или мелового известняка. Камни поставлены плотно друг к другу, вертикально или боком, образуя четырехугольник вроде ящика, причем в середине лежат кости животных. Размеры больших оградок $50 \times 30 \times 25$ *см*, диаметр 50×40 *см*. Таких оградок найдено несколько; возможно, они использовались для хранения запасов мяса.

Подобные оградки на поселениях гиссарской культуры встречаются впервые, и даже на полностью раскопанном Туткауле они не были обна-

---

[4] *А. Э. Юркевич.* Археологические работы в зоне затопления Нуркской ГЭС в 1961 г. ТГИИ, АН Таджикской ССР, XII, 1964, стр. 144.

[5] *Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов.* Древности Кайрак-Кумов. Тр. АН Таджикской ССР, 1962, стр. 33.

[6] *А. П. Окладников.* Археологические работы в Таджикистане в 1958 г. ТГИИ, АН Таджикской ССР, XXII, 1961, стр. 3—9 (на этот факт наше внимание обратил В. А. Ранов).

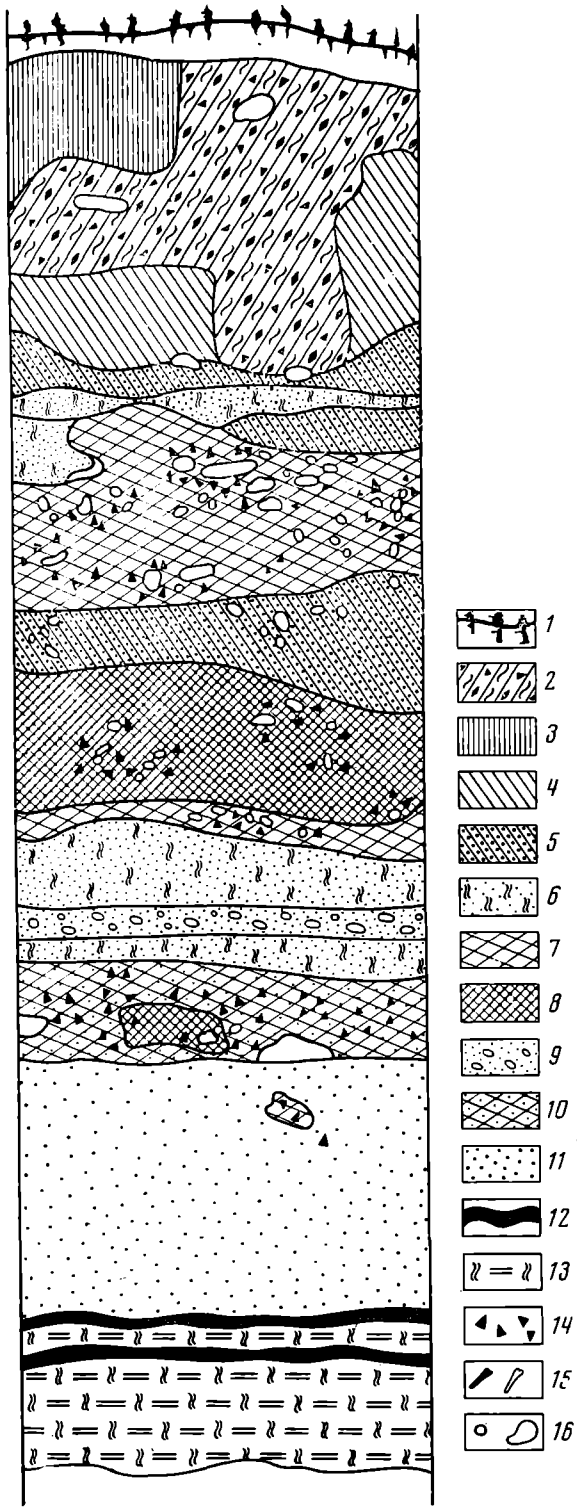


Рис. 2. Стратиграфический разрез

1 — дерновый слой; *2* — средневековые ямы; *3* — супесь, смешанная с суглинком; *4* — супесь светло-серого цвета; *5* — супесь коричневого цвета; *6* — супесь, смешанная с натечным суглинком; *7* — супесь, насыщенная углем серого цвета; *8* — супесь, сильно насыщенная углем темно-серого цвета; *9* — селевая щебенка; *10* — Вахшский аллювиальный песок, насыщенный углем; *11* — Вахшский аллювиальный песок; *12* — натечный суглинок, сильно насыщенный углем; *13* — натечный речной ил; *14* — уголь; *15* — кости; *16* — камни

ружены. Окончательное решение вопроса об их назначении требует полной проработки всех материалов Сайеда.

Культурный горизонт 2 отличается от горизонта 1 более темной окраской из-за большого количества очагов и очажных пятен, напоминая в этом отношении соответствующие наслоения Туткаула[7]. Он залегает в супеси темно-бурого цвета над завалом красного песчаника, который образовался в результате тектонических воздействий.

Мощность слоя, вскрытого на площади 3500 *м*^{2}, от 2 до 2,2 *м*. Как и в горизонте 1, здесь встречаются каменные выкладки, но обломки песчаника и обмазка не попадаются. В горизонте 2, рядом со скалой, у которой располагалось поселение, найден хорошо сохранившийся костяк, впущенный в культурный слой. По определению Т. П. Кияткиной, «череп очень массивный, с резко выраженной областью надпереносья, покатым лбом. Расовый тип европеоидный, натурализованный, долихокранный. В целом по типу близок к известному черепу из Туткаула, который относится к кругу протосредиземноморских форм»[8].

Культурный горизонт 3 заметно отличается от второго. Он расположен под завалом крупных глыб красного песчаника, образовавшихся при тектонических изменениях, и лежит на вахшском песке аллювиального происхождения. Мощность слоя песка 2 *м*, а культурного слоя — 40 *см*. Культурные отложения имеют темно-серый оттенок за счет углистых отложений. Встречаются очаги и углистые пятна. Всего вскрыта площадь в 120 *м*^{2}.

---

[7] *В. А. Ранов, Г. Ф. Коробкова.* Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры..., стр. 134—139.

[8] *Т. П. Кияткина, В. А. Ранов.* Первые антропологические находки каменного века в Таджикистане (неолитические черепа из Туткаула). ВА, 1971, 37, стр. 149 сл.

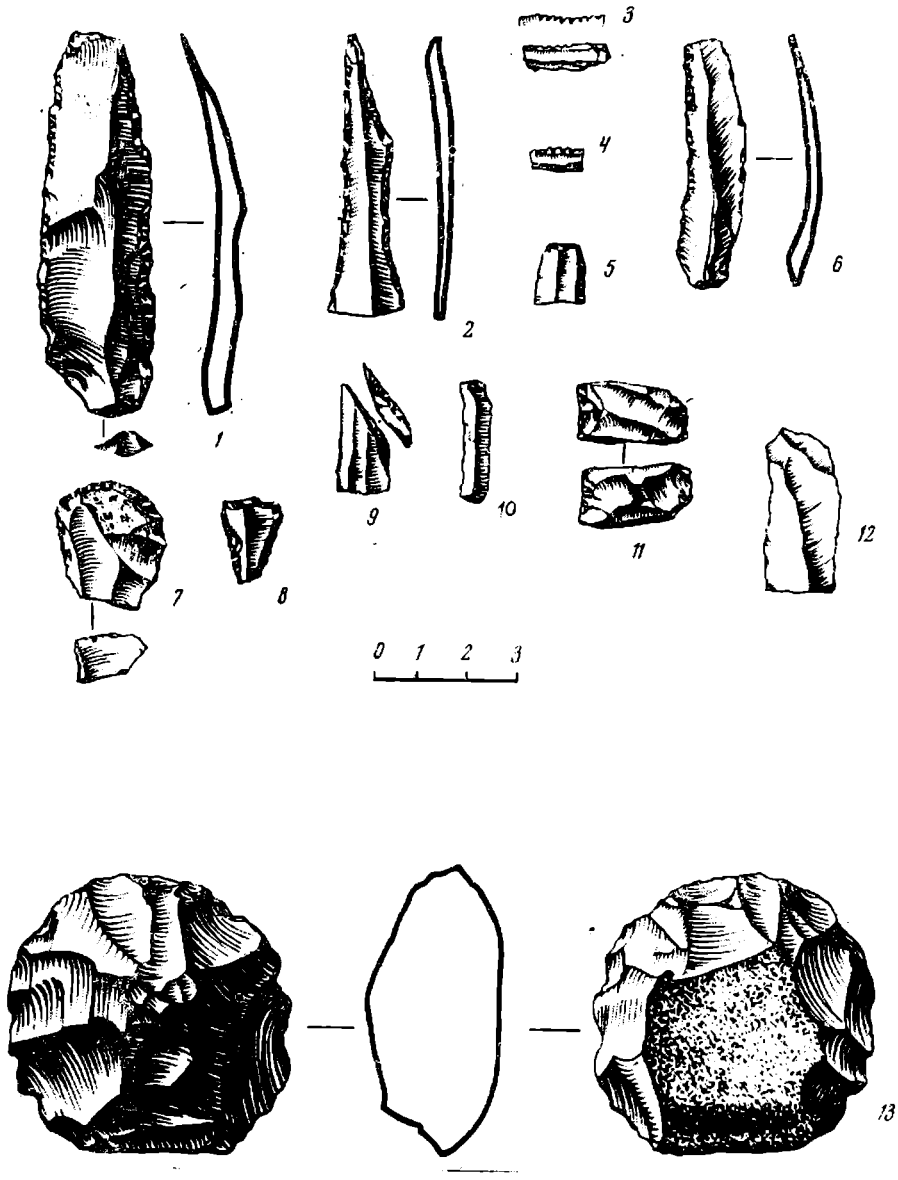


Рис. 3. Кремневые орудия горизонтов 1, 2 и 3

Одновременно с изучением горизонта 3 были заложены две траншеи и один шурф размером 2×2 *м* с целью уточнения стратиграфии поселения, в которых выявлены еще два слоя, названные четвертым и пятым углистыми слоями. Из них четвертый залегает под 2—2,3-метровой толщей вахшского песка, имеет темно-коричневый цвет, представляет собой плейстоценовую супесь, сильно смешанную с углем, и, судя по некоторым признакам, является переотложенным. Мощность его 7—10 *см*.

Пятый углистый слой расположен на глубине 30 *см* от четвертого. Он связан с саевыми наносами, имеет толщину 5—7 *см* и серую окраску, частично перемешан с окатанной галькой и речной щебенкой. Находок в этом случае не обнаружено.

Обратимся к характеристике археологических материалов по горизонтам, сравнивая их со слоями расположенного рядом другого поселения этой культуры — Туткаула.

Сай-Сайед в целом дал богатую коллекцию каменных, костяных и кремневых орудий. Всего за шесть сезонов собрано свыше 30 тыс. изделий.

По материалу изделия всех культурных горизонтов можно подразделить на три группы: кремневые, галечные, костяные.

Следует отметить, что процентное соотношение их неодинаково.

В горизонте 1 поселения Сай-Сайед 50—60% коллекции составляют кремневые материалы, так как остальные изделия галечные. Судя по количеству и богатству находок этого горизонта, в Сай-Сайеде коллекция кремневых орудий превосходит туткаульскую. Среди кремневого инвентаря обращают на себя внимание крупные ножевидные пластины из высококачественного кремня (6—8 *см* длиной) (рис. 3, *1, 2*) с затупливающей ретушью по краям, закругленные с одного конца и с выделенной «головкой» — с другого. Подобные пластины известны в индустриях кельтеминарской культуры в Хорезме (например, Кават-7 [9]) и джейтунской культуры в Туркмении [10]. Можно найти и другие элементы, сближающие эти находки с инвентарем указанных культур. Это прежде всего выемчатые скобели на пластинах, редкие концевые скребки, ножевидные пластинки и т. д. Идентична и техника расщепления кремния, особенно близкая к технике обработки камня на Джейтуне. Что касается гиссарского элемента, то он обычен и не отличается от инвентаря этого типа из Туткаула. Это типичные галечные орудия: чопперы и чоппинги, отбойники, терки, в малом количестве мелкие зернотерки ладьевидной формы, оббитые гальки, галечные нуклеусы и всевозможные грубые отщепы, изделия из галечных отщепов и пластин.

Среди костяных орудий известны шилья, изготовленные из ребер мелких животных, лощила из того же материала. Встречены бусы, четырехугольные, удлиненных пропорций, и один детский браслет кольцеобразной формы из рога оленя. Подобные находки на поселении Туткаул не обнаружены. Сходство индустрии горизонта 1 с позднеджейтунской позволяет условно датировать горизонт 1 в Сай-Сайеде концом VI — началом V тысячелетия до н. э.

Горизонт 2 значительно отличается от горизонта 1 по составу инвентаря, хотя сырье остается прежним.

Для кремневых изделий характерна микролитическая традиция, а галечные орудия слегка отличаются иными приемами обработки, чем аналогичные изделия горизонта 1. Эта группа орудий изготовлена из эффузивных пород и обработана более грубо. Из костяных орудий встречаются только шилья, лощила и единственный экземпляр обломка иглы, сделанной из птичьей кости.

Кремневые орудия горизонта 2 Сай-Сайеда аналогичны туткаульским из второго культурного слоя, тогда как галечные имеют некоторые отличия. Так, галечные орудия в виде чоппера и чоппинга представлены в Сай-Сайеде большим числом экземпляров. Кроме того, они более архаичны и имеют удлиненную форму. Среди кремневых изделий обращают на себя внимание скребки на отщепах (боковые и концевые) (рис. 3, *7*) и пластинках (рис. 3, *5, 10*), острие со скошенным ретушью концом (рис. 3, *9*), треугольные геометрические орудия (рис. 3, *8*), ножи на пластинках без ретуши (рис. 3, *12*), пилки (рис. 3, *3, 4*), скребки на нуклеусах сибирского типа и т. д. Таким образом, набор орудий близок к туткаульскому. Однако сегменты и острия в Туткауле встречаются только в горизонте 2а, в то время как в Сай-Сайеде они связаны с верхней частью горизонта 2. Следует отметить, что в середине горизонта кремневых орудий становится значительно меньше, чем в кровле, а в нижней части они почти не встречаются, за исключением единичных пластин и нуклеусов.

Вторую группу орудий, сделанных из крупнозернистых пород камня, представляют шлифованные топоры треугольной формы с широкими

[9] *А. В. Виноградов.* Неолитические памятники Хорезма. М., 1968, стр. 93, рис. 43 и 12; *У. Исламов.* Неолитическая культура в низовьях Кашкадарьи. Общественные науки в Узбекистане, 10, 1965, стр. 56—58.

[10] *В. М. Массон.* Поселение Джейтун. Л., 1971, табл. 22—27.

острыми лезвиями (рис. 4), чопперы и чоппинги, отбойники, песты-куранты, изготовленные из округлой формы гальки и чоппингов, скребла и скобели из отщепов. Последние в средних и нижних уровнях горизонта 2 встречаются в большом количестве, но без вторичной обработки (рис. 5, *4*). К этой же группе принадлежат скребла на чопперах с легкой подправкой рабочего края, скобели на нуклевидных обломках (рис. 5, *3*), пластины призматической формы (рис. 5, *2*). Ножи с пришлифованным лезвием, являющиеся характерным типом индустрии верхней части горизонта, в более глубоких наслоениях отсутствуют.

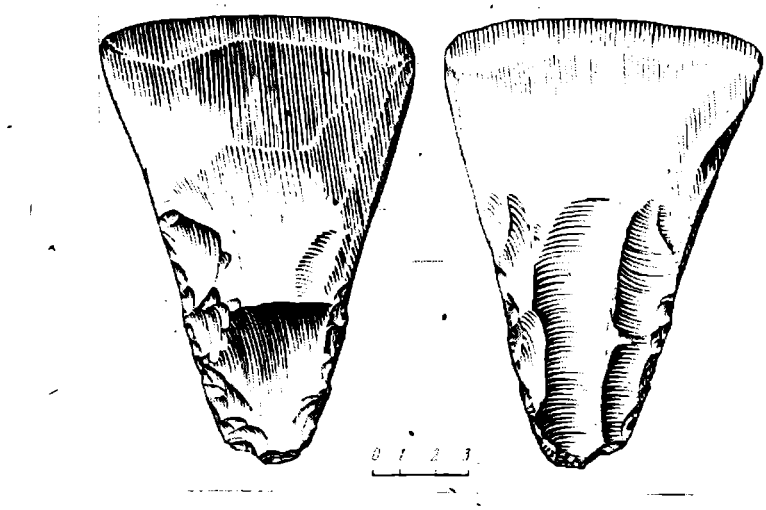


Рис. 4. Шлифованный топор

По сравнению с горизонтом 1 возрастает количество рубящих орудий — в виде чопперов и чоппингов, использовавшихся для разбивания костей и обработки дерева. В целом индустрия горизонта 2 Сай-Сайеда выглядит более древней, чем индустрия одноименного горизонта Туткаула. Следует надеяться, что дальнейшая обработка материала из Сай-Сайеда позволит уточнить эту ориентировочную датировку.

Горизонт 3 дал мало находок — всего около 500 экз. Тем не менее коллекция достаточно выразительная и отличается от индустрии других культурных слоев. Если из костяных изделий в горизонте 2 больше всего представлены шилья, лощила, то в горизонте 3 встречаются лишь отдельные фрагменты функционально неопределенных костяных изделий.

Предварительные подсчеты показали, что здесь полнее всего представлены отбросы, среди них галечные отщепы (кремневые полностью отсутствуют). Из других изделий встречаются лишь галечные — чопперы, чоппинги (около 100 экз.), сырьем для них служили окатанные эффузивные породы. Среди обработанных изделий имеется один дисковидный нуклеус мустьерского типа с круговым скалыванием отщепов в направлении от краев к центру (рис. 3, *13*). Имеются два топоровидных орудия удлиненной формы, с односторонней обработкой лезвия. Одно представлено рабочей частью (рис. 6, *1*), второе — обушковой (рис. 6, *2*). По технике оформления они напоминают палеолитические топоры Франции. Имеется наконечник копья треугольной формы из речной окатанной породы, у которого один край подправлен мелкой ретушью, хотя возможно, что эта ретушь образовалась при употреблении изделия. Эта находка уникальна как для Сайеда, так и для Туткаула.

В целом индустрия горизонта 3 Сай-Сайеда весьма архаична. Об этом свидетельствуют грубо обработанные топоры, скребла округлой формы,

дисковидные ядрища, обломок наконечника копья при полном отсутствии кремневого элемента и пластинчатой техники. Нет здесь геометрических микролитов. Все это позволяет рассматривать данный комплекс как более древний по сравнению с горизонтом 3 Туткаула, индустрия которого представлена микролитической техникой, большим числом геометрических микролитов, выполненных только из кремня. По этим признакам ориентировочно мы можем датировать этот горизонт верхнепалеолитическим временем и стратиграфически поместить его ниже горизонта 3 Туткаула. Даль-

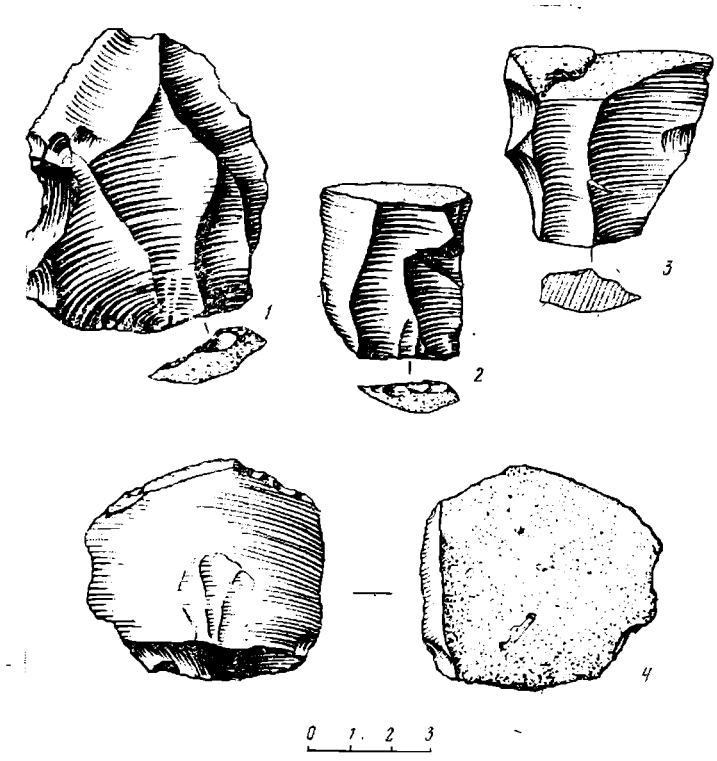


Рис. 5. Галечные орудия горизонта 2

нейшее исследование геологии Пули-Сангинского ущелья должно помочь уточнению времени существования поселения Сай-Сайед. В целом культурные напластования Сай-Сайеда можно характеризовать следующим образом:

Горизонт 1 — типичный комплекс развитой гиссарской культуры. В нем встречаются орудия из эффузивных пород, представленные чопперами и чоппингами, шлифованными топорами, массивными отщепами, оббитыми гальками, нуклеусами. Здесь распространены также кремневые выемчатые скобели, пластины, скребки. Налицо галечная техника, тесно переплетающаяся с пластинчатой, очень близкой к позднеджейтунской.

Горизонт 2 — это мощный слой 2-метровой толщи, распадающийся на три хронологических периода:

а) верхний, содержащий типично «гиссарский» комплекс с целым рядом архаических черт;

б) средний, отличающийся от верхних слоев преобладанием индустрии галечного элемента с незначительной долей кремневого;

в) нижний, представленный галечными орудиями архаичной формы при почти полном отсутствии кремневых и костяных изделий. В целом его можно сопоставить по стратиграфии и типологии с горизонтом 2а поселения Туткаула.

Горизонт 3 содержит остатки чисто галечной индустрии верхнепалеолитического облика. Здесь полностью отсутствует пластинчатая техника и микролитоидные элементы. В дальнейшем можно надеяться, что радиоуглеродный анализ угля из горизонта 3 и дальнейшее изучение коллекции позволит более конкретно подойти к вопросу об абсолютной датировке этого горизонта.

В связи с изучением Сай-Сайеда интерес вызывает вопрос о погребальном обряде гиссарских племен. Находки нескольких захоронений на поселении Туткаул, погребенных прямо в культурном слое, позволили

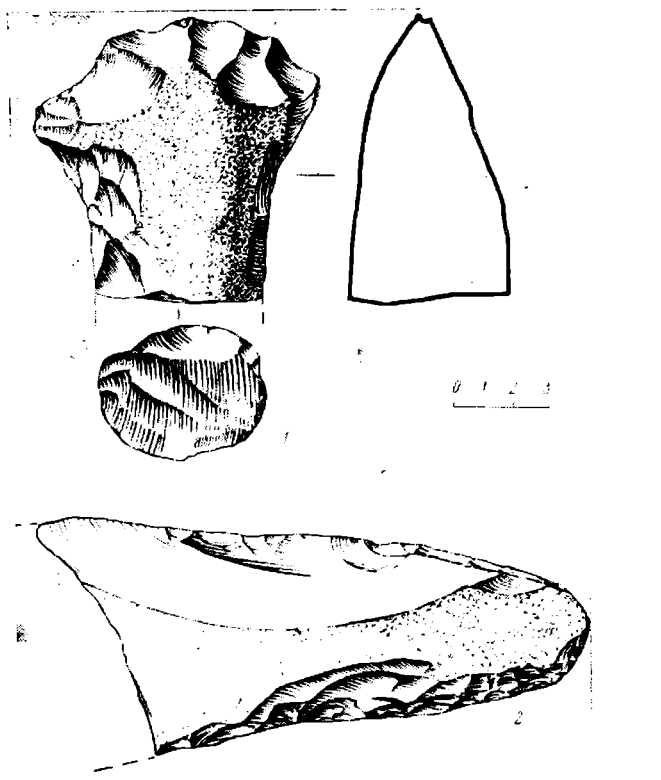


Рис. 6. Галечные орудия горизонта 3

В. А. Ранову сделать вывод об их случайном характере. В настоящее время после открытий аналогичных погребений на поселении Сай-Сайед мнение о случайном характере этих захоронений следует изменить. Уже сейчас можно говорить о том, что гиссарцы хоронили своих умерших прямо на территории тех поселений, где они жили, не сооружая специальных могильников. Интересно, что такое же явление наблюдалось и у джейтунских племен, которые также хоронили своих соплеменников на территории поселков, под полом домов [11].

Предварительная обработка полученных материалов показала, что Сай-Сайед — памятник, имеющий большое значение для изучения горного неолита Средней Азии, представленного в Таджикистане гиссарской культурой. Среди памятников этой культуры достаточно определенно выделяются по крайней мере два типа:

во-первых, это временные стоянки, обычно с развеянным культурным слоем, в том числе иногда весьма крупные. Таковы Кум-Тепа, Дагана,

[11] *О. К. Бердыев.* Чагыллы-Тепе — новый памятник неолитической Джейтунской культуры. Материальная культура народов Средней Азии Казахстана. М., 1966, стр. 5, 7.

Кули-Суфиен в Нурекском районе, Тугузак Калкут, Як-Су в Дангаринском районе, Гули-Кандос, Дастгираки-Боло, Зулмовуд в Яванском районе;

во-вторых, поселения многократного обитания, имеющие мощные культурные горизонты, в том числе Туткаул, Сай-Сайед в Нурекской группе, Куй-Бульен — в Дангаринской.

Раскопки Сай-Сайеда существенно дополняют характеристику гиссарских памятников второго типа. Достаточно мощные культурные отложения, очаги, каменные выкладки, каменные оградки — все это свидетельствует о том, что перед нами базовое поселение многократного обитания. Весьма показательно также наличие в культурном слое погребения.

Для характеристики хозяйства обитателей Сай-Сайеда могут быть использованы фаунистические материалы и результаты предварительного анализа орудий труда, проведенные Н. Н. Скакун. В результате можно утверждать, что ведущей отраслью хозяйства в Сай-Сайеде было скотоводство. Так, по результатам предварительного анализа костей животных и первого и второго строительных горизонтов, проведенного Ш. Шараповым, 73% принадлежат домашнему мелкому рогатому скоту — овце и козе [12]. Г. Ф. Коробкова на основе анализа многочисленных материалов считает возможным реконструировать скотоводство гиссарских племен как выгонное, наиболее эффективное в данных экологических условиях [13].

Охота, судя по всему, стояла на втором месте в получении мясной пищи. Около 27% костей животных относится к диким особям. Объектом охоты служили дикий бык, впервые определенный еще Б. Батыровым, лошадь, лиса, волк. Наличие зернотерок и единичных вкладышей серпов свидетельствует об обработке какой-то растительной пищи. Никаких других данных о наличии земледелия пока нет. Среди домашних производств следует назвать обработку шкур, дерева, камня и кости.

Таким образом, Сай-Сайед представляет собой новый важный памятник, характеризующий культуру и хозяйство горных племен Средней Азии в эпоху мезолита и неолита.

A. Kh. Youssoupov

FOUILLES DE L'ETABLISSEMENT NÉOLITHIQUE DE SAI-SAIED SUR LE COURS MOYEN DE LA RIVIERE VAKHI

Résumé

Saï-Saïed est un monument de grande importance pour l'étude du néolithique dans les montagnes de l'Asie Centrale, représenté au Tadjikistan par la culture hissare. Parmi les monuments de cette culture on peut distinguer de manière assez nette deux types au moins.

Ce sont d'abord des stations provisoires, en général à couches culturelles disséminées, parfois très importantes comme celles de Koum-Tepé, de Daghana, de Kouli-Souphien dans la région de Nourek, de Tougousak Kalkout, de Iakh-Sou dans la région de Dangarinn, de Goulikandoss, de Dastghiraki-Bolo, de Zoulmovoud dans la région de Iavan.

Ce sont ensuite des établissements d'habitat répété, évoquant des horizons culturels importants, parmi lesquels Toutkaoul, Saï-Saïed dans le groupe de Nourek; Kouï-Boulienn dans celui de Dangarinn.

Les fouilles de Saï-Saïed viennent compléter de manière essentielle les traits caractéristiques des monuments hissars du second type. D'importants dépôts culturels, des

[12] *Ш. Шарапов.* Остатки млекопитающих из неолитической стоянки Сай-Сайед (Юж. Тадж.). Тр. Ин-та зоологии и паразитологии АН ТаджССР, 1972.

[13] *Г. Ф. Коробкова.* К проблеме неолитических скотоводов Средней Азии. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973, стр. 209, 210.

foyers, des assises et des murettes de pierre, tout ceci atteste que nous nous trouvons en face d'un important établissement d'habitat répété.

L'élevage formait la principale branche d'économie à Saï-Saïed, où 73% reviennent au petit bétail domestique — brebis et chèvres. La chasse occupait la seconde place: près de 27% des ossements d'animaux appartiennent à des espèces sauvages. L'existence de meules à grain et d'emmanchements de serpe prouve l'usage d'une alimentation végétale. Jusqu'à présent il n'y a pas d'autres données sur l'existence de l'agriculture. Parmi les industries domestiques il faut nommer le traitement des peaux de bêtes, le travail du bois, de la pierre, de l'os.

Ainsi, Saï-Saïed constitue un nouveau monument important, caractérisant la culture et l'économie des tribus montagnardes de l'Asie Centrale à l'époque du mésolithique et du néolithique.

С. С. БЕРЕЗАНСКАЯ

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА У ХУТОРА ГРИШЕВКА НА СРЕДНЕЙ ДЕСНЕ

Несмотря на то что неолит с ямочно-гребенчатой керамикой обнаружен на Украине уже давно, сведения о нем из-за отсутствия сколько-нибудь полно исследованных памятников остаются крайне скудными и фрагментарными. Соответственно этому выводы и соображения более общего исторического порядка, основанные на данных совсем небольших раскопок и сборах на поверхности, лишены необходимой убедительности. Сказанное делает понятным интерес, который вызвала прекрасно сохранившаяся, стратифицированная неолитическая стоянка, обнаруженная автором при раскопках поселения эпохи бронзы. В статье сообщается о первых основных результатах ее исследования.

Стоянка находится на южной окраине хутора Гришевка Борзнянского района Черниговской области. Она расположена на мысу озера Трубин, из которого вытекает небольшая речка, впадающая в Десну, недалеко от устья р. Сейм. В настоящее время высота мыса над летним уровнем воды в озере 2—2,5 *м* (рис. 1).

На стоянке вскрыта площадь 400 $м^2$ при средней мощности культурного слоя в 1,5 *м*. Геологическое строение мыса на большей части площади, занятой стоянкой, таково: первый слой, мощностью от 15 до 30 *см*,— гумусированный песок, второй слой, мощностью от 1 до 1,5 *м*,— светлый, аллювиальный песок, в верхней части сероватого цвета, в средней — с включением ордзанда, в нижней — с прослойками суглинка. Третий слой — зеленовато-бурый суглинок. Все слои резко наклонены в сторону берега озера.

В центральной части мыса траншеями, а затем раскопом прослежена древняя промоина, почти не выраженная в современном рельефе и выделяющаяся на поверхности лишь более густой растительностью. В пределах промоины геоморфологический разрез был иным, чем в остальной части мыса. Формирование отложений, заполняющих промоину, происходило в условиях периодически высоких паводков, чередующихся с периодами низкого стояния воды в озере. В результате в промоине образовались отчетливо прослеживаемая система трех погребенных почв и перекрывающие их прослойки светлого стерильного песка и желтого суглинка.

На стоянке прослежены следы пребывания двух неолитических культур: а) днепро-донецкой и б) ямочно-гребенчатой керамики; причем днепро-донецкая культура представлена двумя, а культура ямочно-гребенчатой керамики четырьмя хронологическими этапами. Значение Гришевской стоянки увеличивается благодаря тому, что не только поселения двух различных культур, но и слои, отражающие отдельные этапы их развития, выявлены в прекрасных стратиграфических условиях, позволяющих судить об их хронологическом взаимоотношении (рис. 2).

Данные стратиграфии показывают, что наиболее древними обитателями стоянки были племена днепро-донецкой культуры. Следы их пребыва-

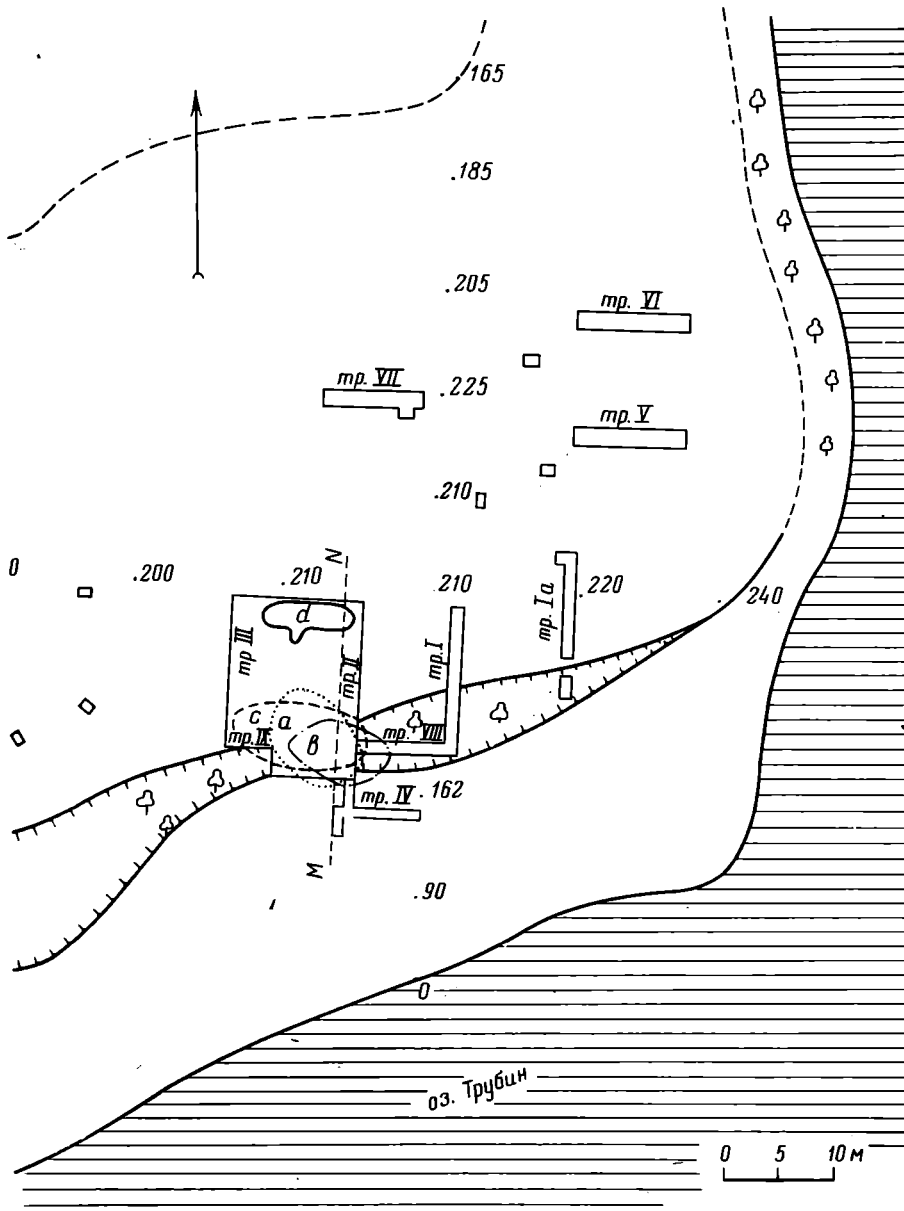


Рис. 1. План стоянки: *a* — «жилище с ракушками» культуры с ямочно-гребенчатой керамикой; *b* — «нижнее» жилище культуры с ямочно-гребенчатой керамикой; *c* — «верхнее» жилище культуры с ямочно-гребенчатой керамикой; *d* — жилище верхнего горизонта днепро-донецкой культуры

ния обнаружены в основании всей толщи культурных напластований по краю высокой поймы, где они залегают на зеленовато-буром суглинке, образовавшемся в раннеголоценовый период в условиях обширного водоема [1]. Образование культурного слоя произошло, естественно, значительно позже появления суглинка, но геологически связано с ним. Наиболее древний (нижний) культурный горизонт днепро-донецкой культуры прослежен в трех местах в виде слабо выраженных очажных пятен, небольшого количества костей животных и нескольких скоплений керамики.

Вторичное заселение стоянки племенами днепро-донецкой культуры, произошедшее через значительный промежуток времени, было более про-

[1] Заключение о геоморфологическом строении мыса было дано д-ром геол. наук И. Ф. Векличем и канд. геогр. наук П. М. Долухановым.

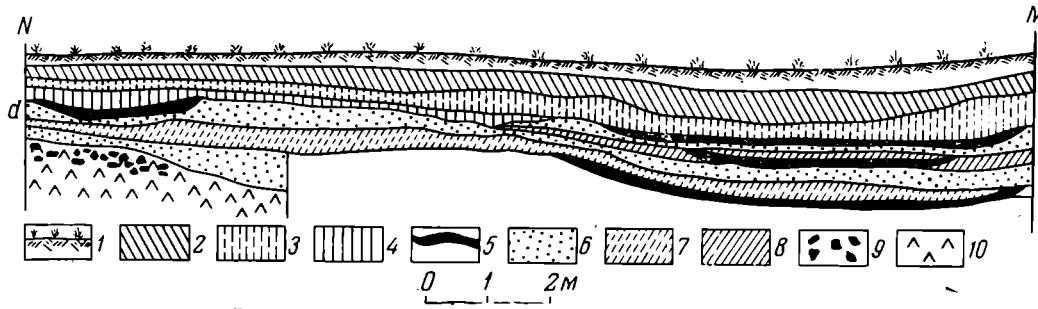


Рис. 2. Стратиграфическое залегание культурных слоев: *1* — пахотный слой; *2* — четвертый горизонт культуры ямочно-гребенчатой керамики; *3* — третий горизонт культуры ямочно-гребенчатой керамики; *4* — верхний горизонт днепро-донецкой культуры; *5* — жилища: *a* — «жилище с ракушками», *b* — «нижнее» жилище, *c* — «верхнее» жилище, *d* — жилище верхнего горизонта днепро-донецкой культуры; *6* — стерильный песок: *7* — первый горизонт культуры ямочно-гребенчатой керамики, *8* — второй горизонт культуры ямочно-гребенчатой керамики, *9* — нижний горизонт днепро-донецкой культуры, *10* — материковый суглинок, MN — линия разреза на плане

должительным. Связанные с ним культурные остатки прослеживались на значительной площади. Стратиграфически они залегали над первым горизонтом днепро-донецкой культуры, от которого отделены стерильной прослойкой песка. Сравнение данных археологической и геологической стратиграфии позволило установить также, что верхний горизонт днепро-донецкой культуры залегает выше первого горизонта культуры ямочно-гребенчатой керамики, но ниже трех остальных.

Обнаружено и исследовано жилище верхнего горизонта днепро-донецкой культуры, расположенное в центральной части мыса, в 30—35 *м* от берега озера (рис. 3). Оно представляет собой полуземлянку глубиной 0,5—0,6 *м*, удлиненно-овальной формы, размерами 8,4×2,3 *м*, с сенями, выходящими в сторону реки. Справа и слева от входа находилось по очагу. Вдоль северной стенки и у входа прослежено несколько столбовых ям. В жилище и соответствующем ему культурном слое обнаружено большое количество керамики, изделий из камня и кости, а также костей животных.

Несмотря на то что керамика нижнего и верхнего горизонтов безусловно принадлежит к одной культуре, она значительно различается. Керамика, обнаруженная в нижнем горизонте, представлена небольшой группой (около 50 фрагментов), принадлежащих 5—6 сосудам. В глине, из которой они изготовлены, примесь песка и растительных волокон. Сосуды толстостенные, плохо обожжены, розовато-бурого и серого цвета. Поверхность мажущаяся, в одном случае подлощенная (рис. 4, *10—13*). Обломки принадлежат крупным сосудам с острым дном, вытянутым яйцевидным туловом, с отогнутым наружу венчиком. Орнамент состоит из оттисков крупной гребенки, образующих вертикальные и горизонтальные ряды, наколов, крупных ямок и ямок, нанесенных размочаленной палочкой (рис. 5, *1, 2*).

Керамика из верхнего горизонта днепро-донецкой культуры значительно лучшего качества, чем описанная выше. Она содержит меньше растительных примесей, более тонкостенная, лучше обожжена. Формы и орнаментация сосудов разнообразнее. По типам орнамента керамику можно разделить на четыре группы: гребенчатую, ямочную, накольчатую, линейную (рис. 4, *1—9*). В нижнем горизонте кремневых изделий не обнаружено. В верхнем горизонте днепро-донецкой культуры, главным образом в жилище, найдено около 30 изделий из кремня и кварцита. Кремень местный, деснинский, серый с белыми вкраплениями. По исходному материалу орудия могут быть разделены на пластинчатые (они преобладают) и отщеповые. Среди типов орудий округлые скребки (рис. 6, *1, 2, 4, 5, 10*), скребки неправильных форм (рис. 6, *3, 11, 22*), ножевидные орудия (рис. 6, *18—21*), наконечники стрел треугольной формы с прямым и вогну-

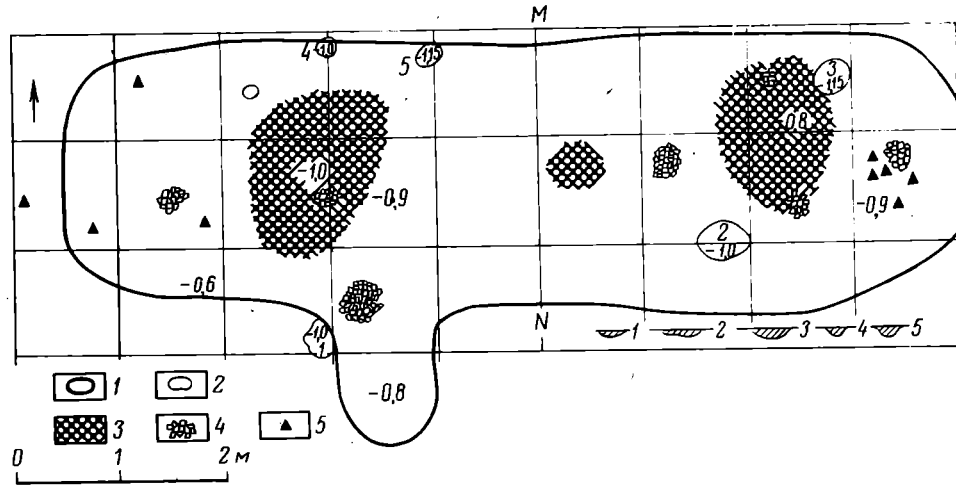


Рис. 3. План жилища днепро-донецкой культуры (верхний горизонт): *1* — контуры жилища; *2* — ямы; *3* — очаги; *4* — скопления керамики; *5* — кремень

тым основанием (рис. 6, *6—9*), трапеции (рис. 6, *14, 15*), клиновидный топор (рис. 6, *26*), заготовки для небольших режущих орудий (рис. 6, *16, 17*), проколки (рис. 6, *28, 29*). Из кварцита изготовлены клиновидные топоры (рис. 6, *25*) и миниатюрные, тщательно обработанные круглые скребки (рис. 6, *12, 13*). Найдено несколько фрагментов от роговых мотыжек, костяное долотце, проколка, подвеска (рис. 6, *24*) и штамп для гребенчатой орнаментации (рис. 6, *23*).

Рассмотренные материалы Гришевской стоянки можно сравнивать с материалами ряда памятников Северной Украины и Юго-Восточной Белоруссии, входящих, по классификации Д. Я. Телегина, в круг Гомельско-Черниговского варианта днепро-донецкой культуры [2]. Необходимо также отметить безусловные черты сходства комплекса днепро-донецкой культуры Гришевской стоянки с памятниками Среднего Подонья и других западных районов лесостепной полосы РСФСР (Рыбное озеро I и II, нижний слой стоянки Университетская IV и др.), выделяемых в последнее время в особую, хотя и родственную днепро-донецкой, культуру [3]. Это сходство проявляется в довольно значительном распространении ямочного орнамента, в более широком, нежели в южных областях днепро-донецкой культуры, применении песка в качестве примеси при изготовлении глиняного теста, в отсутствие сосудов с шиповидным дном и прочерченным криволинейным орнаментом.

Как уже отмечалось, кроме днепро-донецкой культуры на Гришевской стоянке обнаружены следы обитания племен культуры ямочно-гребенчатого неолита. Для устройства жилищ ими была избрана древняя промоина, в которой четко прослеживаются четыре строительных горизонта, соответствующих слоям погребенной почвы, разделенных между собой слоями стерильного песка и более тонкими прослойками суглинка (рис. 7). В результате изучения жилищ ямочно-гребенчатого неолита наиболее древним надо считать названное нами «жилище с ракушками», обнаруженное на глубине 2 *м* от современной поверхности. Пол жилища, покрытый плотной коркой спрессованной золы и кухонных отбросов, находился на уровне грунтовых вод. Жилище имело округлую форму, его размеры

[2] *Д. Я. Телегін.* Дніпро-донецька культура. Київ, 1968, стр. 101 сл.; *его же.* Поселення дніпро-донецької культури на Півночі України. Археологія, 1971, 2, стр. 44—52.

[3] *В. П. Левенок.* Неолитические поселения на р. Матыре под Липецком. КСИА АН СССР, 111, 1967, стр. 116—120, рис. 41; *его же.* Памятники днепро-донецкой культуры в Лесостепной полосе РСФСР. КСИА АН СССР 126, 1971, стр. 108—114.

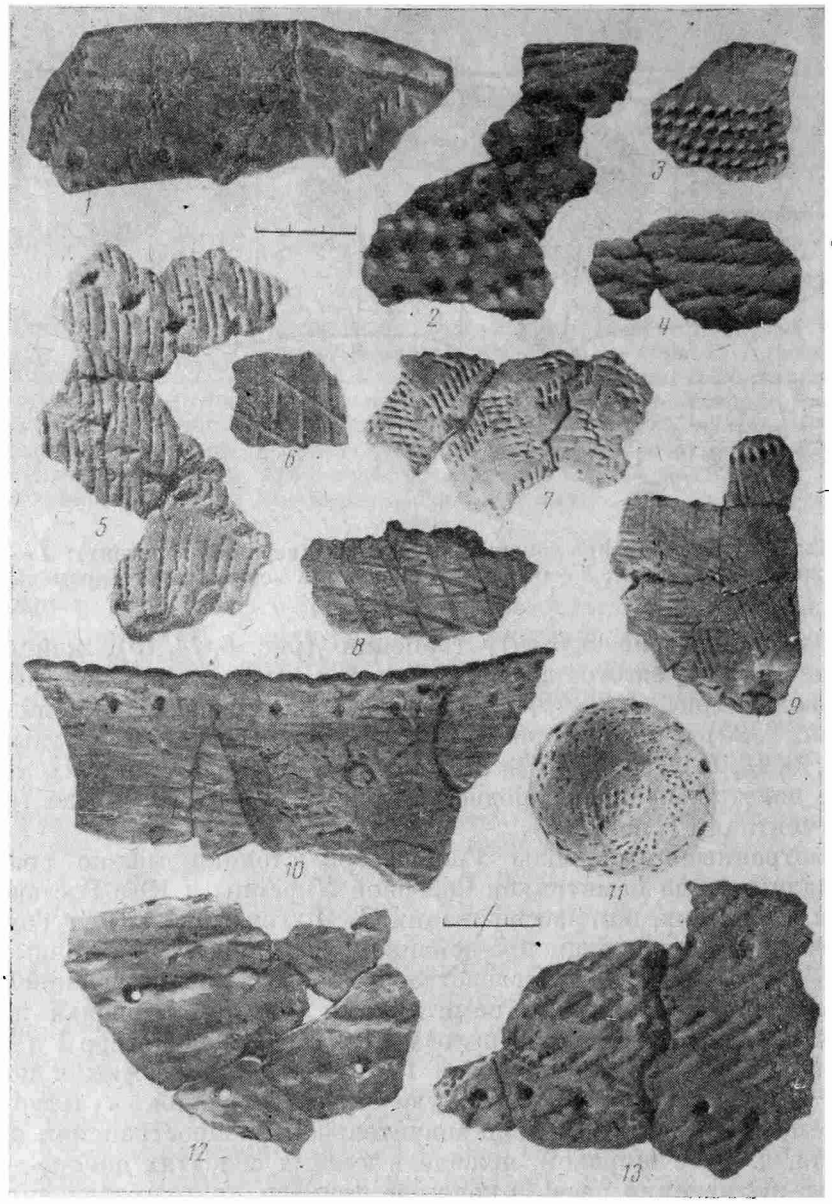


Рис. 4. Фрагменты керамики из нижнего и верхнего горизонта днепро-донецкой культуры: *1—9* — верхний горизонт, *10—13* — нижний горизонт

8 × 7,5 *м*. В нем находились остатки трех очагов — двух больших и одного, имеющего значительно меньшие размеры. Вокруг центрального очага расположены три скопления раковин Unio — самое большое размерами 4 × 3,2 *м*, два других — поменьше. Раковины, открытые и закрытые, лежали друг на друге в несколько слоев общей мощностью от 5 до 10 *см*. Многие ракушки были обожжены, между ними в большом количестве встречались кости животных и фрагменты посуды (рис. 8, *1*). На полу жилища обнаружено около 200 фрагментов керамики, принадлежащих 10—12 сосудам.

Над жилищем с ракушками прослежено еще два жилища, соответственно получивших название «нижнего» и «верхнего». «Нижнее» жилище отделено от жилища с ракушками слоем белого стерильного песка и прослойкой бурого суглинка общей мощностью от 0,25 до 0,4 *м*. Оно подпрямоугольной формы, длинные стороны ориентированы с запада на юго-во-

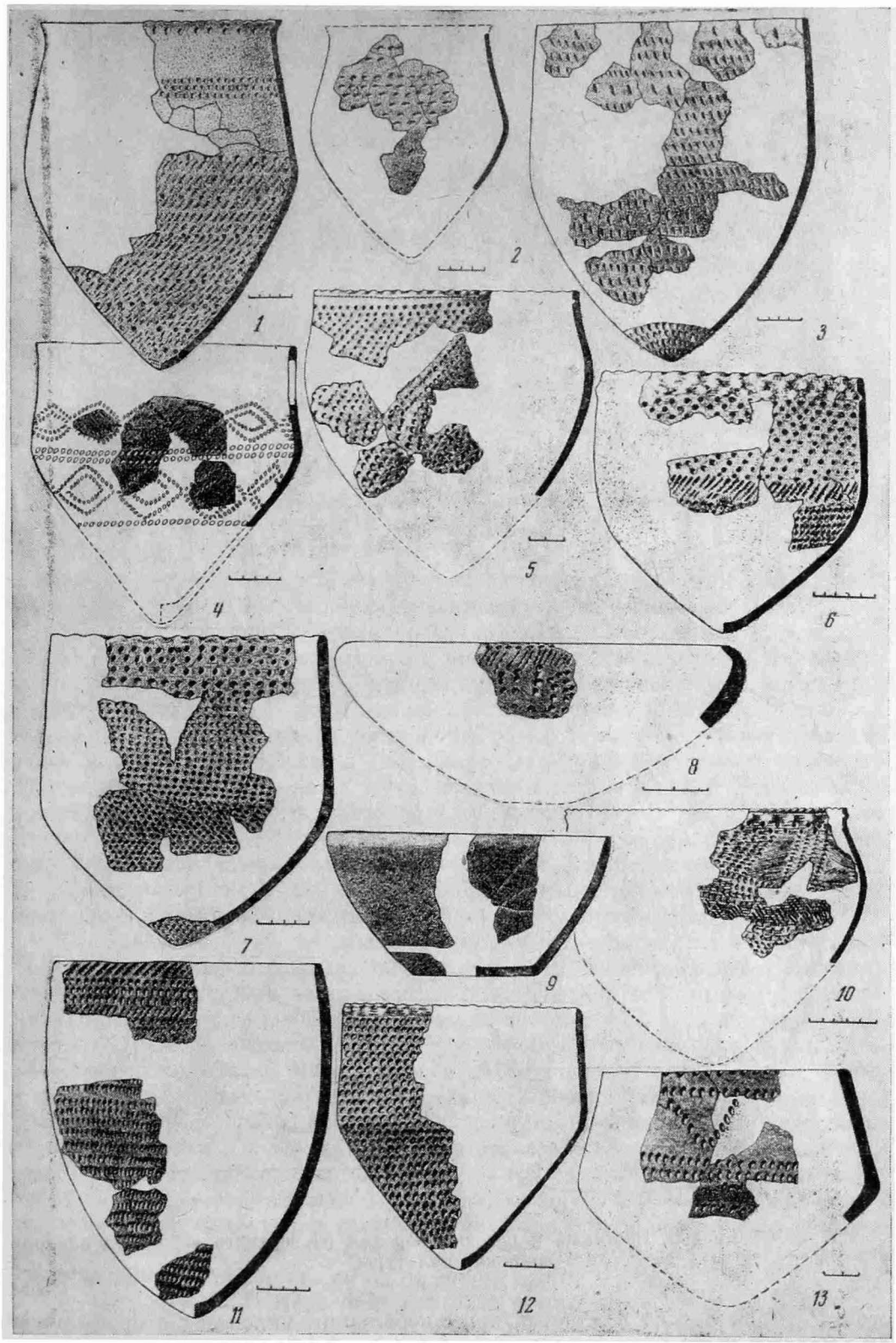


Рис. 5. Сосуды из различных горизонтов поселения: *1—2* — нижний горизонт днепро-донецкой культуры; *3, 8, 11, 13* — третий горизонт культуры с ямочно-гребенчатой керамики; *4, 6, 12* — второй горизонт культуры ямочно-гребенчатой керамики; *5* — четвертый горизонт культуры ямочно-гребенчатой керамики; *7, 9, 10* — первый горизонт культуры ямочно-гребенчатой керамики

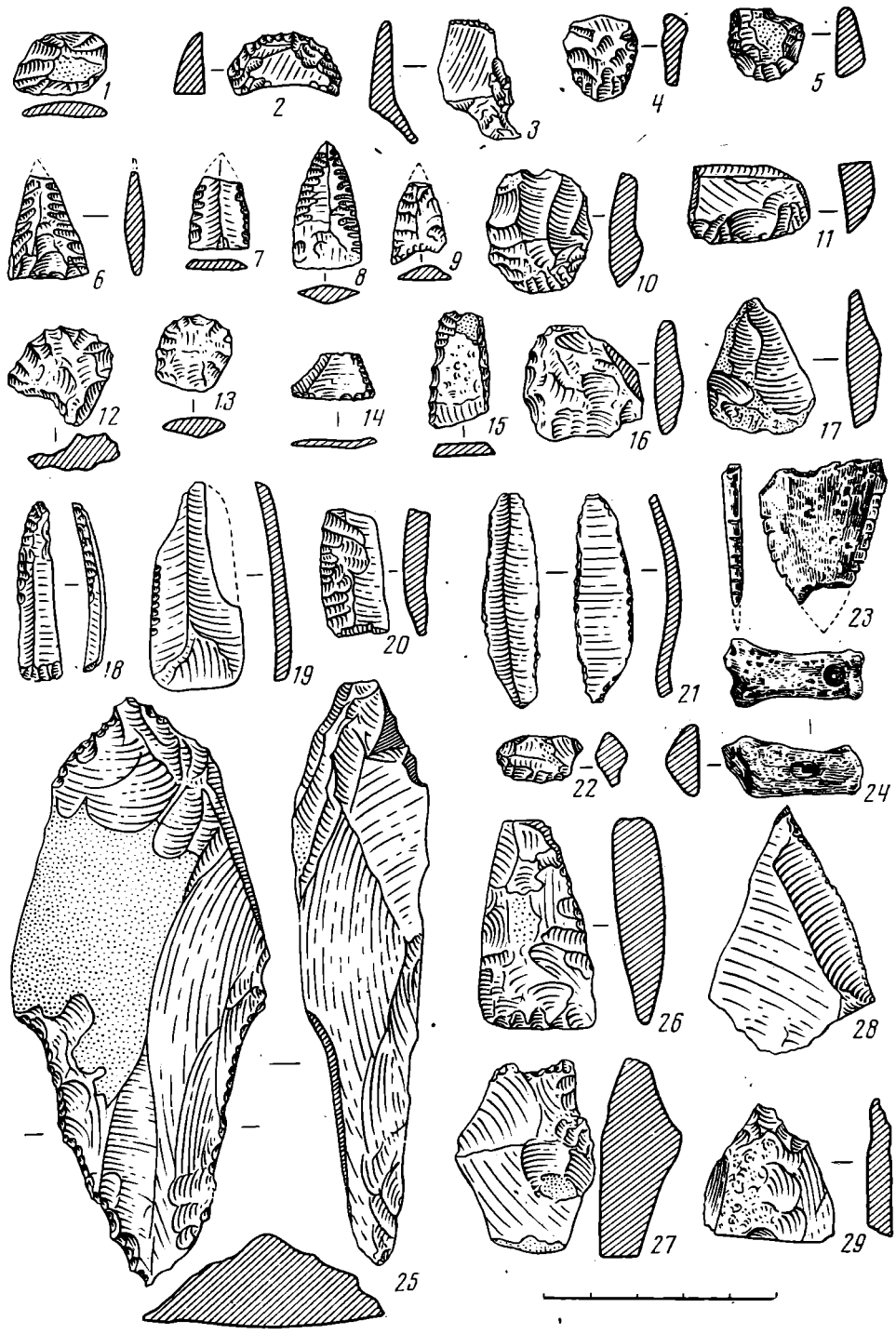


Рис. 6. Кремневые, костяные и роговые изделия из верхнего горизонта днепродонецкой культуры

сток. Размеры 8 × 5,4 *м*. Ровный пол с небольшим уклоном в сторону реки был покрыт слоем плотно спрессованных угольков и костей рыб. Огромное количество рыбьих костей находилось также в очаге, занимавшем всю центральную часть жилища (рис. 8, II). На полу жилища, главным образом вокруг очага и в восточной половине, обнаружено сравнительно немного керамики, по количеству значительно уступающей находкам из жилища с ракушками. Однако, поскольку некоторые сосуды были обнару-

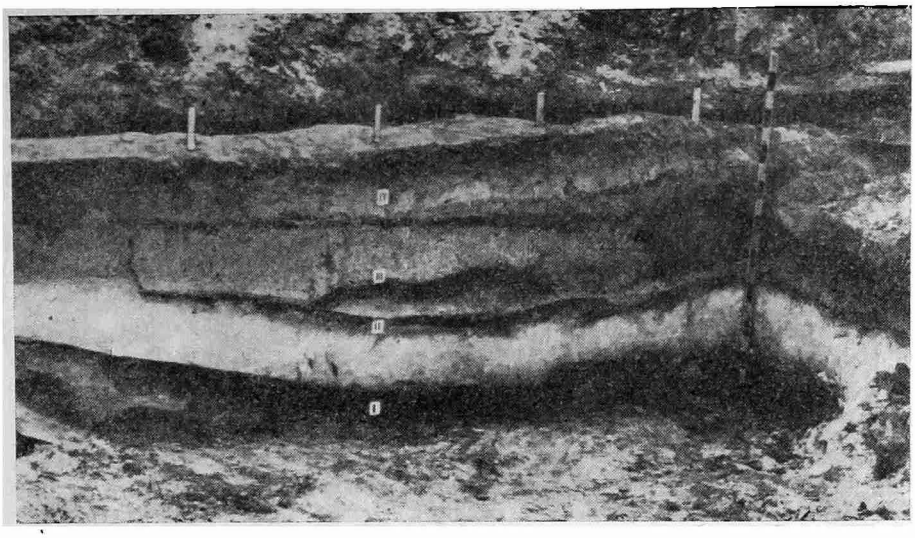


Рис. 7. Стратиграфическое залегание горизонтов культуры ямочно-гребенчатой керамики: I — первый горизонт; II — второй; III — третий; IV — четвертый горизонт

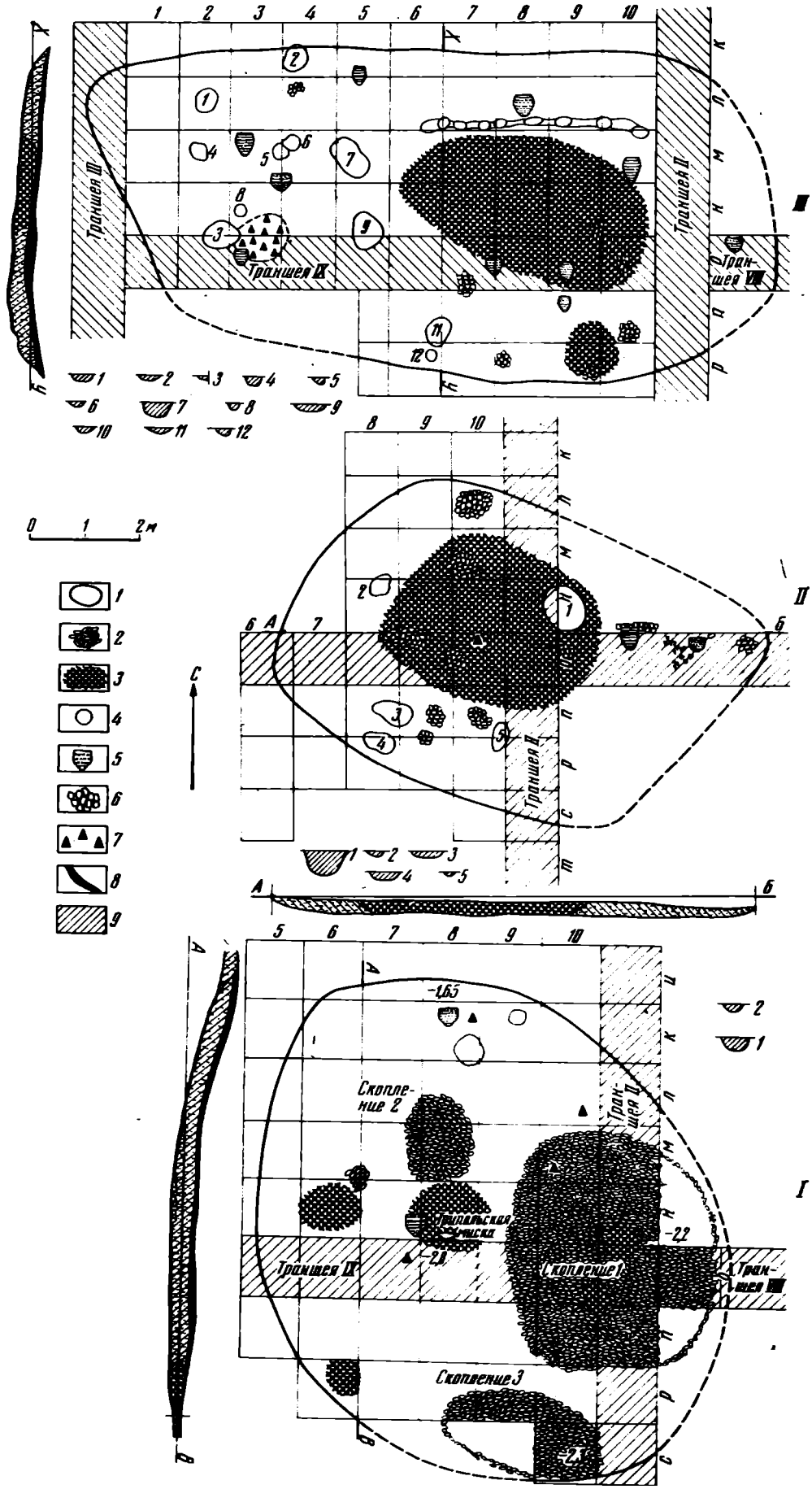
жены в виде компактных развалов, для характеристики «нижнего» жилища также удалось восстановить несколько керамических форм.

«Верхнее» жилище, отделенное от «нижнего» прослойкой бурого суглинка толщиной 5—10 *см* и слоем белого песка мощностью 15—18 *см*, имело значительно большие размеры, чем два нижележащих. Его длина около 12 *м*, ширина 6 *м*. Жилище вытянуто вдоль берега, с запада на восток, вход прослеживался со стороны реки. В жилище обнаружено два очага и остатки сооружения (возможно, заслона от ветра), от которого сохранилась канавка длиной 4,3 *м*, шириной 1,5 *см* и в ней 8 неглубоких конических ямок. В юго-западном углу «верхнего» жилища находилась мастерская по изготовлению кремневых изделий, где обнаружено множество различных готовых изделий и отходов производства (рис. 8, III) В «верхнем» жилище найдено особенно большое количество керамики, кремневых и костяных изделий, а также костей животных.

На последнем, наиболее позднем этапе своего существования поселение ямочно-гребенчатого неолита расширяется и занимает не только древнюю промоину, но и пространство вокруг нее. Связанные с этим горизонтом находки залегали в основании почвенного слоя и в верхней части подпочвы. Четко выраженных жилых сооружений, относящихся к заключительному этапу жизни поселения, не обнаружено. Лишь в одном месте, над северной частью «верхнего» жилища, прослеживалось скопление керамики, которое образовывало прямоугольник довольно правильных очертаний размерами 5 × 3 *м*. Однако отсутствие здесь очага и ясно выраженного пола не позволяет настаивать на жилом характере этого сооружения.

Несмотря на значительную площадь, которую занимало поселение на позднем этапе, находки, связанные с ним, гораздо беднее, а керамика более фрагментарна, что объясняется отсутствием сохранившихся жилищ и более поздними нарушениями культурного слоя.

Анализ материала позволяет говорить о том, что все четыре вышеописанных горизонта принадлежат к одной и той же культуре, относящейся к кругу ямочно-гребенчатого неолита, и характеризуют ее различные, но не слишком удаленные друг от друга хронологические этапы. Наиболее ощутимо временные различия прослеживаются в изменении керамики. От горизонта к горизонту усовершенствуется технология изготовления керамики, формы и орнаментация сосудов становятся разнообразнее. Керамика всех четырех горизонтов изготовлена из глины с примесью песка, содер-



Траншея III
Траншея IX
Траншея II
Траншея VIII
III
0 1 2м
С
II
Траншея II
I
-1,65
Скопление 2
Трипольская миска
Траншея IX
Скопление 1
Траншея VIII
Скопление 3

жание которого все время возрастает. Исключением является посуда, обнаруженная в жилище с ракушками, вообще наиболее резко отличающаяся от остальной. В ней кроме песка имеется значительное количество примесей растительных волокон, она плохо обожжена, толстостенна, легко крошится и ломается. Цвет сосудов из жилища с ракушками оранжево-бурый, внутренняя поверхность покрыта грубыми бессистемными расчесами. Сосуды имеют котловидную форму, иногда с небольшим переломом в верхней части тулова (рис. 5, *7*, *10*). Характерна форма высоких прямых венчиков с загнутым внутрь краем, орнаментированным изнутри одним или двумя рядами круглых ямок. Большинство сосудов украшено ямками, покрывающими сплошь всю поверхность тулова и дно. Вместе с тем встречены сосуды, имеющие пустые, неорнаментированные зоны. Ямки имеют различную форму: круглую, овальную, подпрямоугольную. Пояса ямок чередуются с поясами гребенчатого штампа, наколами, нанесенными в «скорописной» манере, чаще — теми же ямками, имеющими иную форму, величину и наклон (рис. 9, *2*, *4*, *11—13*). Большой интерес представляет найденная (в обломках) в центральном очаге жилища с ракушками привозная трипольская мисочка. Она изготовлена из прекрасно отмученной глины розового цвета с серыми пятнами, имеет коническую форму тулова, ровные стенки и плоское дно (рис. 5, *9*). В целом же посуда из жилища с ракушками имеет значительно более архаический вид, чем керамика из других горизонтов.

Керамика «нижнего» и «верхнего» жилищ и особенно из четвертого горизонта значительно лучшего качества. В большинстве случаев она хорошо обожженная и тонкостенная. Среди форм выделяются сосуды: а) котловидные; б) с перегибом на тулове; в) яйцевидные. У всех сосудов острые или округлые днища и прямые венчики, иногда с загнутым внутрь краем. В «верхнем» жилище найден обломок небольшой мисочки полусферической формы (рис. 5, *8*) и большое количество различных миниатюрных сосудов (рис. 5, *13*). Почти все сосуды орнаментированы полностью, у многих, кроме того, украшены с внутренней стороны венчики и днища. Среди орнаментальных мотивов преобладает ямочный, значительно реже, всегда в сочетании с ямочным, встречаются гребенчатый и гусеничный. Ямки, или круглые, или удлиненные, иногда совсем узкие (щелевидные), нанесены в шахматном порядке, зонами. Зоны ямок чередуются с зонами гребенки или, чаще, ямками другой формы и других размеров (рис. 5, *6*, *7*). В «нижнем» и «верхнем» жилищах встречено довольно большое количество керамики, украшенной различными геометрическими фигурами, треугольниками, ромбами, также нанесенными ямками (рис. 5, *4*, *13*; рис. 9, *10*).

В орнаментации керамики, обнаруженной в четвертом, наиболее позднем горизонте, много новых, своеобразных и неизвестных ранее черт. Появляются сосуды, украшенные оттиском шнура (рис. 9, *3*), получает распространение орнамент в виде прямоугольного штампа и отступающей лопаточки, в обычном ямочном орнаменте заметна небрежность, часто отсутствует шахматный порядок, иногда сосуды украшаются не полностью, появляются пустые зоны, ямки имеют различную форму (в том числе и ромбическую) и часто нанесены очень неаккуратно.

В верхнем горизонте особо нужно отметить небольшую группу керамики темно-красного цвета, изготовленную из глины с очень большой примесью крупнозернистого песка. Обнаруженные фрагменты принадлежат плоскодонным сосудам с выпуклым туловом, орнаментированным

Рис. 8. Планы и разрезы жилищ культуры ямочно-гребенчатой керамики: I — «жилище с ракушками» (первый горизонт); II — «нижнее» жилище (второй горизонт); III — «верхнее» жилище (третий горизонт). *1* — контуры жилищ; *2* — кучи ракушек; *3* — очаги; *4* — ямы; *5* — сосуды; *6* — скопление керамики; *7* — кремень; *8* — полы жилищ и прослойки суглинка, перекрывающие их; *9* – заполнение жилищ

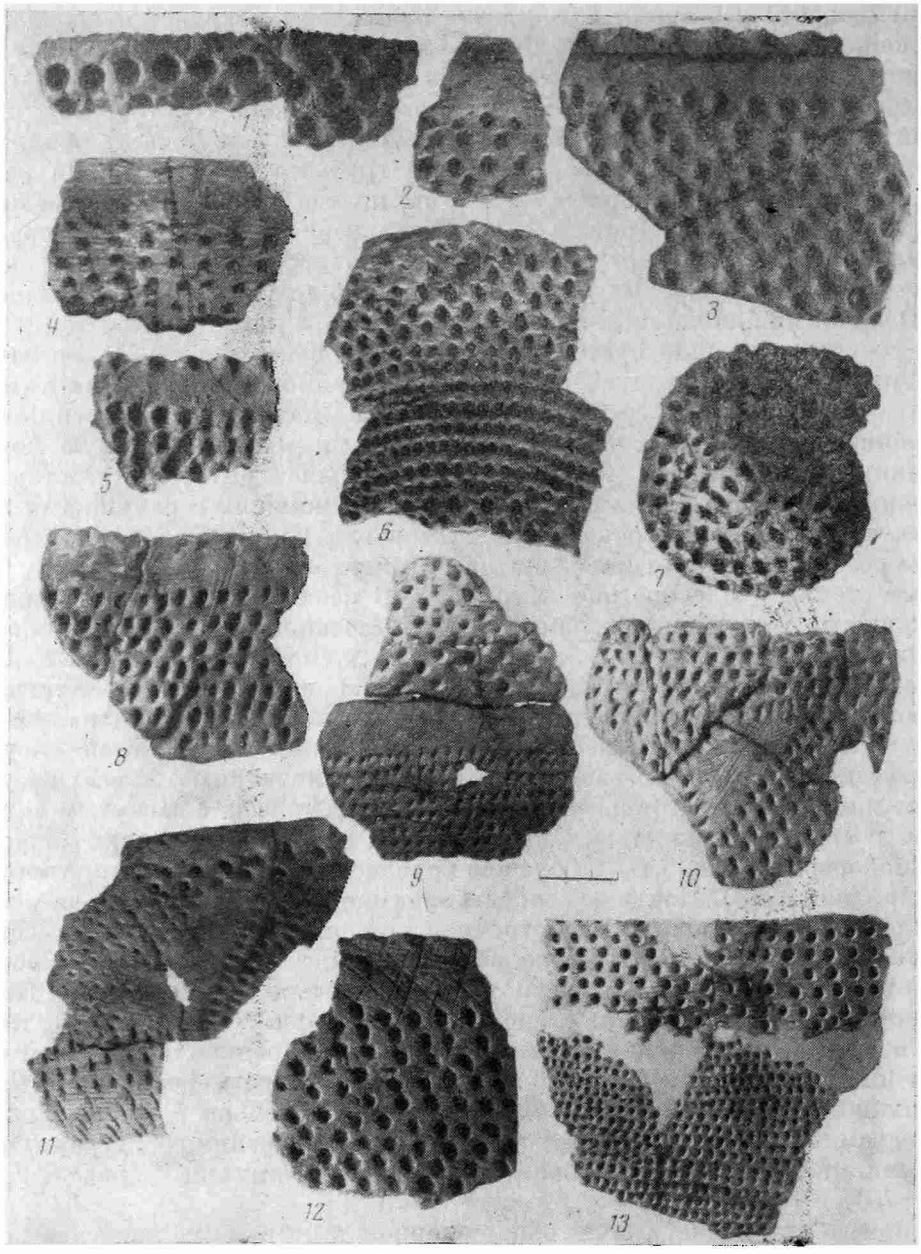


Рис. 9. Фрагменты керамики из различных горизонтов культуры ямочно-гребенчатой керамики: *1, 6, 7* — «верхнее» жилище (третий горизонт); *2, 4, 11—13* — «жилище с ракушками» (первый горизонт); *5, 8—10* — «нижнее» жилище (второй горизонт); *3* — четвертый горизонт

оттиском довольно крупного прямоугольного штампа, отпечатки которого образуют различные композиции. Один из фрагментов принадлежит, по-видимому, миске или крышке с загнутым внутрь краем (рис. 10, *1*). Наиболее близкие аналогии для описанной посуды встречаются в керамике культуры шаровидных амфор Подолии и Волыни.

Кремневый инвентарь, встреченный во всех четырех горизонтах, различается между собой значительно меньше, чем керамика. Всего здесь обнаружено около 200 предметов, большинство — в «верхнем» жилище. Кремень, из которого изготовлены орудия, местный, деснинский, серого цвета с белыми прожилками и вкраплениями. Нуклеусы небольших размеров, одно- и двухплощадные. Большинство орудий изготовлено на отщепах, многие — из бесформенных обломков кремня. Пластины как исходный

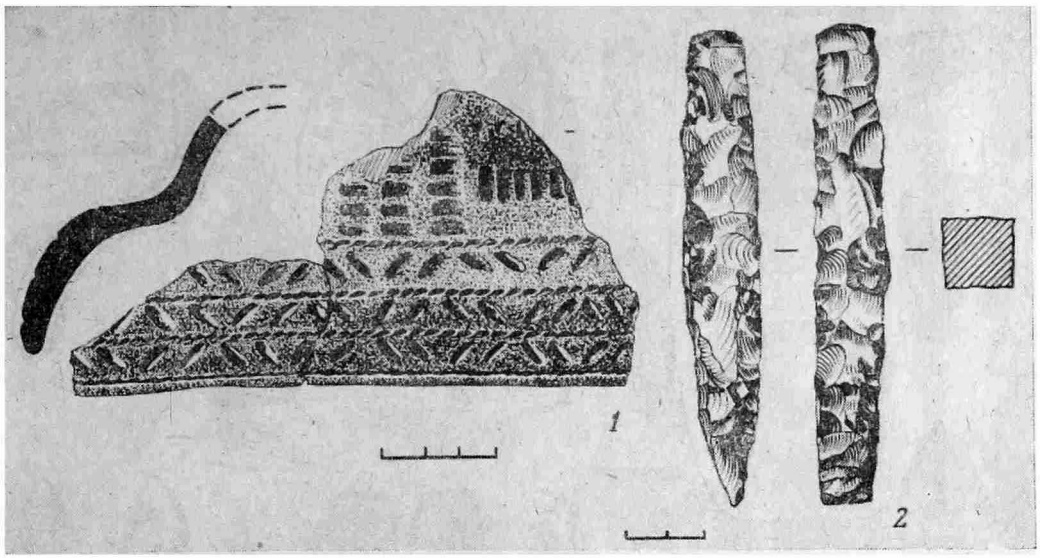


Рис. 10. Предметы культуры шаровидных амфор, обнаруженные в третьем и четвертом горизонтах культуры ямочно-гребенчатой керамики

материал редки, малы и имеют неправильную форму. Среди орудий преобладают скребки небольших размеров, односторонние, двусторонние, концевые (рис. 11, *1—7*). Несколько орудий имеет резцовый скол, обработанный ретушью (рис. 11, *19*). Своеобразны орудия довольно крупных размеров удлиненной формы, овальные в сечении, с сильно забитыми боковыми гранями (рис. 11, *24, 26*). Характерным типом орудий являются скребла и скобели, изготовленные из обломков или толстых отщепов с высоким сечением, обработанные крутой ретушью и имеющие по краю характерную забитость (рис. 11, *20—23*). К группе ножей следует отнести небольшое количество орудий с дуговидным лезвием, изготовленных на краевых сколах, пластинах или отщепах (рис. 11, *8, 9, 10*).

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие рубящих орудий. К ним можно отнести лишь одно орудие клиновидной формы с прямым лезвием (рис. 11, *25*). Немногочисленны также наконечники стрел и дротиков. Стрелы, обнаруженные в жилище с ракушками, архаичны. Все они (за исключением одной) небольших размеров, изготовлены на краю сломанных пластин и обработаны только с одной стороны (рис. 11, *12, 13, 14, 17, 18*). Остальные наконечники из «нижнего» и «верхнего» жилищ и верхнего горизонта имеют треугольную форму и тщательно отретушированы с обеих сторон (рис. 11, *11, 16*). В верхнем горизонте найден крупный наконечник дротика правильной треугольной формы с широким плоским черенком (рис. 11, *15*). Здесь же обнаружено кремневое долото длиной 11 *см*, шириной 2,5 *см*, прямоугольное, почти квадратное в сечении. Оно изготовлено из привозного кремня желтоватого цвета, обработано по всей поверхности крупными глубокими сколами (рис. 10, *2*). Долото находит для себя прямые аналоги среди орудий культуры шаровидных амфор, откуда, по всей вероятности, оно вместе с группой керамики, орнаментированной прямоугольным штампом, и попало на стоянку[4]. Из «верхнего» жилища происходит фрагмент шлифованного орудия, возможно топора. Обнаружено также несколько невыразительных обломков от орудий из кварцита.

Среди немногочисленных костяных и роговых изделий несколько фрагментов мотыжек, обломок гарпуна, обломок долота, недоработанный, клиновидный топорик, несколько лощил, две проколки (рис. 12, *1—9*).

[4] *T. Wiślański.* Kultura amfor Kulistych w Polsce Północno — Zachoniej. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, ris. 7, *4*; ris. 18, *9*; ris. 59, *16*.

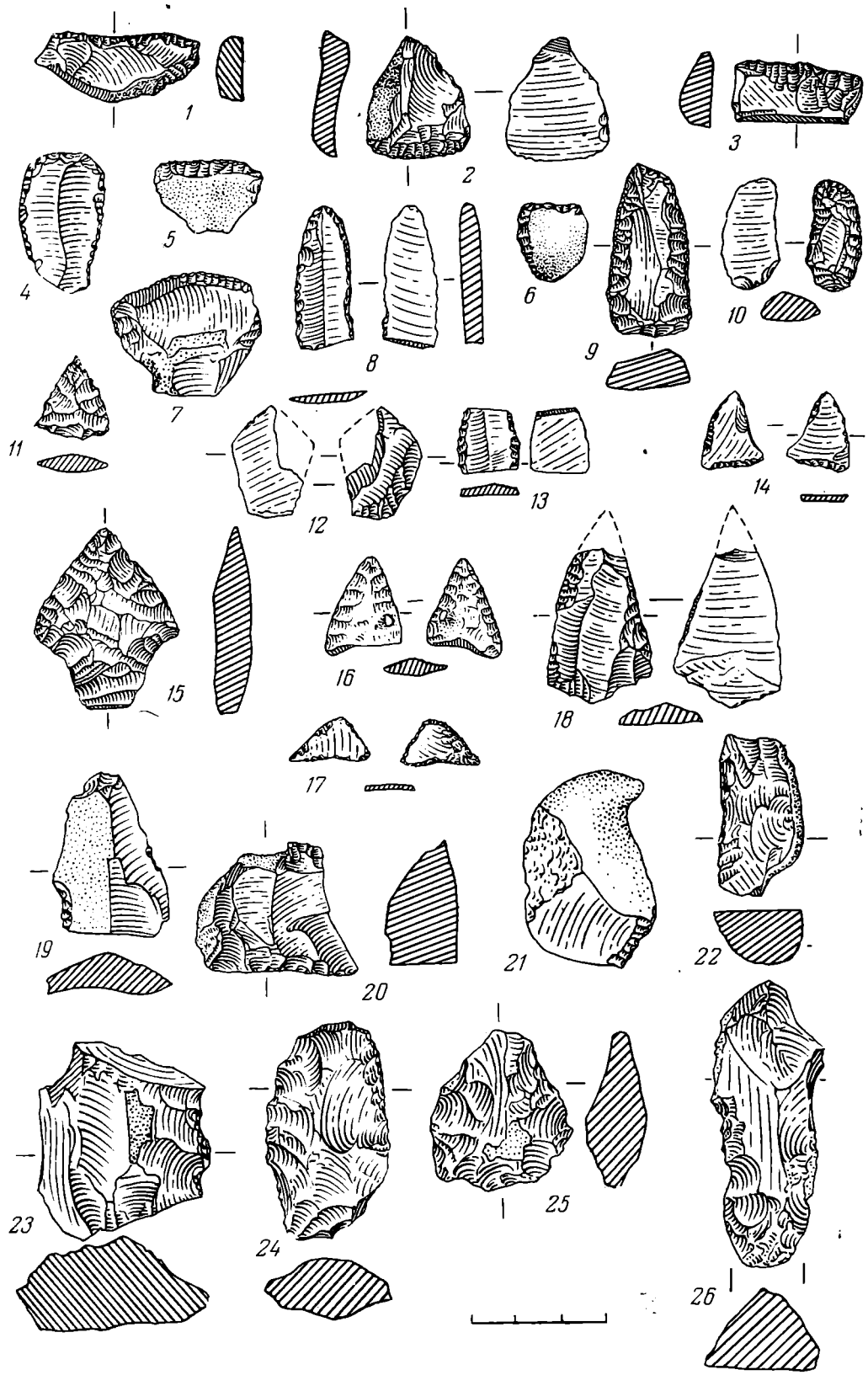


Рис. 11. Кремневые изделия из различных горизонтов культуры ямочно-гребенчатой керамики: *12—14, 18, 22—26* — «жилище с ракушками» (первый горизонт); *15* — четвертый горизонт; остальные из «нижнего» и «верхнего» жилищ (второй и третий горизонты)

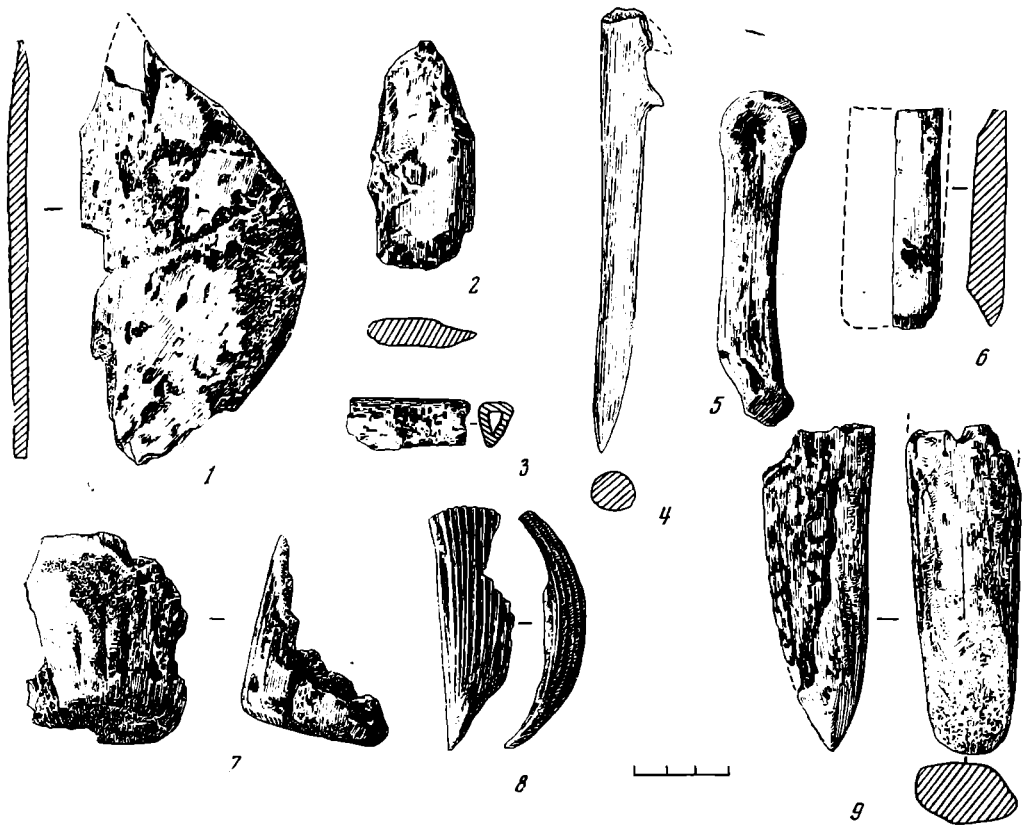


Рис. 12. Изделия из кости и рога, обнаруженные в «нижнем» и «верхнем» жилищах

На поселении были взяты образцы для спорово-пыльцевого анализа, проведенного в Институте ботаники АН УССР канд. биол. наук Г. А. Пашкевич. Анализ показал, что степень насыщенности пыльцой и спорами различных горизонтов неодинакова. Нижний горизонт днепро-донецкой культуры пыльцы и спор не содержал. В стерильной прослойке, отделяющей наиболее древний культурный горизонт от жилища с ракушками, встречено небольшое количество пыльцы ольхи и орешника. Травянистые растения были здесь представлены единичными пыльцевыми зернами злаков, осок, гречишных, маревых, розоцветных, сложноцветных, полыней. Незначительное количество пыльцы не дает возможности составить четкое представление о характере растительности ко времени возникновения наиболее раннего горизонта культуры ямочно-гребенчатой керамики, однако остатки коры сосны, ольхи и березы свидетельствуют о том, что эти породы произрастали в непосредственной близости от стоянки.

В спорово-пыльцевом комплексе трех последующих горизонтов культуры ямочно-гребенчатого неолита преобладает пыльца деревьев, в среднем до 6%, пыльца трав составляет в среднем 24%, спор — 7,4%. Среди древесных пород господствующее положение в спектре занимает пыльца березы, причем значение ее возрастает (от 9 до 93%). Уменьшается значение пыльцы сосны (с 10 до 3%). Кроме этих пород встречена пыльца дуба (0,9—2,6%), липы (0,5—1,5%), вяза (0,9—1,7%), граба (1,0—1,4%), бука (0,6%), орешника (3,6—7,8%). Среди пыльцы травянистых растений преобладает пыльца злаков, в значительном количестве — осок. Разнотравье представлено несколькими видами сложноцветных, а также пыльцой бобовых, гречишных, лютиковых. В этих горизонтах обнаружена также пыльца растений, сопутствующих жилью человека,— крапивы, щавеля, маревых, подорожника.

Определение костного материала *

Культура и горизонт	Бык	Лошадь	Лось	Олень благородный	Косуля	Кабан	Лесной кот	Лисица	Барсук	Выдра	Куница лесная	Заяц	Бобр	Птицы (утки, гуси, журавли)	Черепаха	Рыбы (сом, судак, щука)	Наземные и речные моллюски
Жилище днепро-донецкой культуры (верхний горизонт)	—	—	69,4	—	—	8,4	—	6,2	—	—	4,2	1/4	—	85/15	13/3	8/7	—
«Жилище с ракушками» — первый горизонт культуры ямочно-гребенчатой керамики	—	2/1	—	—	—	27/5	—	1/1	1/1	—	—	1/4	4/14	84/35	25/3	27/10	Много
«Нижнее» жилище — второй горизонт культуры ямочно-гребенчатой керамики	1/1	1/1	10/1	—	—	44/5	1/1	1/1	—	—	1/1	—	28/4	29/6	156/17	—	—
«Верхнее» жилище — третий горизонт культуры ямочно-гребенчатой керамики	11/2	7/2	1/1	7/2	12/3	342/8	—	7/2	—	4/2	—	—	—	67/9	12/2	19/13	—
Четвертый горизонт культуры ямочно-гребенчатой керамики	3/1	—	10/1	—	—	54/2	—	1/1	—	—	—	—	—	3/2	5/1	2/1	—

Числитель — количество костей, знаменатель — число особей. В каждом жилище и слое встречены кости домашней собаки.
* Определение сделано В. И. Бибиковой.

Комплекс отличается от характерных для этого времени спорово-пыльцевых спектров, полученных при анализе близлежащих торфяников, чрезвычайным обилием пыльцы березы. Это явление можно объяснить изменением состава лесных пород в связи с порубками, пожарами и другой хозяйственной деятельностью человека.

На стоянке обнаружено большое количество костей диких зверей, птиц, рыб и черепахи. Среди домашних животных обнаружена только собака, кости которой встречены в обоих культурных комплексах и во всех четырех горизонтах культуры ямочно-гребенчатой керамики. Взятый отдельно для каждого горизонта фаунистический материал позволяет судить не только о характере животного мира, но и об усложнении охоты на протяжении существования стоянки (таблица).

Для датировки описанных выше четырех горизонтов культуры ямочно-гребенчатой керамики имеются следующие основания. Уже отмечалось, что в жилище с ракушками найдена трипольская миска. Она характерна для памятников позднего триполья Киевщины типа Чапаевка — Лукаши. Эти памятники имеют две радиокарбоновые даты (Евминка — 2920±100 и Чапаевка 2840±100), прекрасно согласующиеся с археологической датировкой [5]. Отнесение наиболее древнего жилища с ракушками на основании трипольского импорта к началу III тысячелетия до н. э. подтверждается датировкой Долговской (2820±60) и Подзоровской (2770±60) [6] стоянок, с которыми материалы Гришевского жилища с ракушками проявляют несомненное сходство.

Конец существования стоянки определяется на основании находки в верхнем горизонте группы керамики и кремневого долота, принадлежащих культуре шаровидных амфор. По периодизации Т. Вислянского, такая керамика относится ко второму, так называемому шнуровому периоду культуры шаровидных амфор, датируемому на основании C^{14} и металлических изделий последней четвертью III тысячелетия до н. э.[7] Датировка верхнего горизонта Гришевской стоянки концом III тысячелетия до н. э. подтверждается распространившимся в этот период шнуровым орнаментом. Не противоречит такой датировке и найденный здесь обломок сосуда позднего периода ямной культуры. В целом датировка верхнего горизонта соответствует времени, когда, по наблюдениям многих исследователей, в лесостепной части Центральной и Восточной Европы происходят значительные передвижения племенных групп, приведшие в начале II тысячелетия до н. э. к смешению ряда культур и распространению различных культурных элементов далеко от своего первоначального ареала.

Исходя из датирующих материалов, имеющихся для нижнего и верхнего горизонтов, можно предполагать, что в общей сложности Гришевская стоянка существовала 600—700 лет. Абсолютная датировка каждого из четырех горизонтов сейчас едва ли возможна. Однако тщательные наблюдения за изменениями в керамике различных горизонтов, а также сравнение последней с керамикой других многослойных стоянок типа Долговской и однослойных стоянок с чистыми комплексами и датирующими материалами в дальнейшем, вероятно, позволят превратить Гришевку в опорный пункт достаточно дробной периодизации культуры ямочно-гребенчатой керамики на территории Северной Украины.

Не ставя в настоящей статье задачи определить аналогии для каждого из четырех горизонтов культуры ямочно-гребенчатой керамики, в целом для Гришевской стоянки в качестве наиболее близких памятников следует указать на Десне Погореловский комплекс (урочище Эсмань, Коса,

---

[5] Археологія Української РСР. Т. І. Київ, 1971, стр. 199, рис. 3.

[6] *В. П. Левенок.* Новые раскопки стоянки Подзорово. КСИА АН СССР, 117, 1969, стр. 90.

[7] *T. Wiślanski.* Ук. соч., стр. 125—131.

Вырчище) [8] и Долговскую стоянку на Верхнем Дону [9]. Эти памятники с Гришевской стоянкой сближает сходная топография, многослойность, которая обусловлена устойчивой оседлостью и своеобразием хозяйства. На Долговской стоянке встречен аналогичный тип жилищ, среди которых особенно поразительное сходство проявляет «жилище с ракушками». Очень близка керамика, сходная не только по формам и орнаментации, но и по технологическим признакам, аналогичен кремень, для которого характерны одна и та же форма нуклеусов, отщепы, как основной исходный материал для изготовления орудий, набор орудий. На всех названных стоянках встречены одинаковые изделия из кости и рога. Аналогична фауна, обнаруженная в Гришевке и на Долговской стоянке. Сходство с Гришевской стоянкой проявляют и другие стоянки Верхнего и Среднего Подонья, в частности Подзоровская стоянка [10]. И если эта близость не так отчетлива и ярка, как сходство с Долговской стоянкой, то объясняется это, вероятно, только более полным исследованием последней.

То обстоятельство, что Гришевская стоянка тяготеет к неолитической культуре Подонья, заставляет с сомнением отнестись к правильности определения ареала деснинско-сожской культуры, разобщающей бассейны Десны и Верхнего Подонья. Характеристика, данная в свое время этой культуре И. Г. Розенфельдт, сейчас уже не согласуется с имеющимися материалами и, по-видимому, может относиться или к наиболее позднему хронологическому этапу деснинско-сожской культуры, или к одной из ее групп, населявших в основном верховья Десны [11].

На основании преобладания в керамике Гришевской стоянки остродонных сосудов, украшенных круглоямочным орнаментом, она может быть сопоставлена со стоянками ямочно-гребенчатой керамики Волго-Окского бассейна. В кремневом инвентаре Гришевской стоянки, как и волго-окских стоянок, встречены аналогичные изделия из кости и рога (гарпуны, проколки). Сказанное дает основание в широком плане относить Гришевскую стоянку к кругу культур ямочно-гребенчатого неолита, в котором она занимает наиболее западную окраину. Однако попытка установления для Гришевки более близких аналогий среди памятников культур волго-окского неолита не приводит к положительным результатам. Так, в Гришевке абсолютно отсутствуют такие наиболее характерные для соседней белевской культуры черты, как керамика с ромбическими вдавлениями (единичные фрагменты керамики с ромбическим орнаментом встречены в самом верхнем горизонте стоянки, но и там эта посуда выглядит чужеродной) и кремневые орудия из крупных ножевидных пластин.

Мало общего у Гришевской стоянки и с памятниками сравнительно близко расположенной рязанской культуры. Среди ее материалов нет ни типичных для последней широких кремневых наконечников копий, ни огромных желобчатых тесел, ни крупнозубчатого орнамента. Наиболее интересны взаимоотношения рассмотренного памятника с льяловской культурой. Как известно, многие исследователи само появление на Украине, и в частности на Десне, ямочно-гребенчатого неолита связывают с продвижением льяловской культуры [12]. Однако сравнение памятников льяловской культуры с Гришевской стоянкой указывает на то, что и они значительно

---

[8] *М. Я. Рудинский.* Погорілівка. АП, VI, 1956, стр. 163—171; *В. И. Митрофанова.* Неолитическое поселение на Десне. АО — 1966, М., 1967, стр. 190, 191.

[9] *В. П. Левенок.* Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону. МИА, 131, 1965, стр. 223—251.

[10] *М. Е. Фосс.* Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области. КСИИМК, 75, 1969; *В. П. Левенок.* Новые раскопки стоянки Подзорово. КСИА АН СССР, 117, 1969, стр. 84—91.

[11] *И. Г. Розенфельдт.* К вопросу о связях древнего населения бассейнов рек Десны и Оки в конце III — начале II тысячелетия до н. э. КСИИМК, 75, 1959, стр. 92 сл.

[12] *Н. Н. Гурина.* Неолит лесной и лесостепной зон Европейской части СССР. Сб. «Каменный век на территории СССР». М., 1970, стр. 153, рис. 7.

различаются между собой. Для льяловских стоянок характерны тонкостенные, хорошо обожженные сосуды полуяйцевидной формы. В двух наиболее ранних горизонтах Гришевской стоянки («жилище с ракушками» и нижнее жилище) керамика вообще очень плохого качества — она толстостепенна, слабо обожжена и представлена в основном котловидными сосудами, иногда с перегибом на тулове. Хорошо обожженные, тонкостенные сосуды полуяйцевидной формы появляются в Гришевке сравнительно поздно, главным образом в верхнем жилище. В какой-то степени керамику Гришевки и льяловских стоянок сближает распространенный в обоих районах круглоямочный орнамент. Однако если в Гришевке он абсолютно доминирует, то на многих льяловских стоянках (Буньковская, Бисеровская и др.) орнамент гораздо разнообразнее: кроме ямочного узора здесь встречены полулунные и ногтевые вдавления, ромбические ямки, а также различные геометрические узоры, нанесенные гребенчатым штампом. Все перечисленные виды орнамента почти неизвестны в Гришевке. Отличия наблюдаются и в кремневой индустрии. Так, на Гришевской стоянке совершенно отсутствуют характерные для льяловской культуры ножевидные пластины, скребки на концах пластин, рубящие орудия в виде тесел и грубо оббитых топоров.

Таким образом, материалы Гришевской стоянки, как будто, не подкрепляют гипотезы тех исследователей, которые появление на Десне ямочно-гребенчатого неолита связывают с продвижением к юго-западу волго-окских племен [13]. И напротив, исследования Гришевки дают новые основания для подтверждения предположения ряда археологов о местном происхождении ямочно-гребенчатого неолита на Десне, а также о том, что одну из наиболее древних групп лесного неолита составляют именно стоянки Десны и междуречья Среднего Днепра и Дона [14]. Действительно, наиболее древнее «жилище с ракушками» выглядит исключительно архаично. Прежде всего такое впечатление создают скопления раковин Unio, служивших, по-видимому, важной, если не основной, статьей питания обитателей стоянки, что более характерно для мезолитической, а не неолитической эпохи. Показателен состав костного материала, в котором преобладают кости мелких животных, птиц, рыб и черепахи, свидетельствующие о слабом развитии охоты. Далее, обнаруженная в «жилище с ракушками» керамика настолько плохого качества, что возникает мысль о крайне незначительном опыте изготовления глиняной посуды. На местное происхождение древнейшей ямочной керамики Гришевской стоянки указывает также ее сходство с керамикой нижнего слоя днепро-донецкой культуры, проявляющееся в наличии таких черт, как растительная примесь, толстостенность, подлощенность поверхности, розовый цвет. В орнаменте это сходство проявляется в наколах, нанесенных в «скорописной» манере, ямках, расположенных под венчиком, прочерченных линиях, неорнаментированных зонах и т. д.

Обращает на себя внимание то, что кремневый инвентарь Гришевской стоянки близок к кремню мезолитических стоянок Десны. Сходны нуклеусы, для которых характерны небольшие размеры и неправильная форма, что объясняется скалыванием с них крупных отщепов или просто обломков, на которых изготовлена основная часть орудий; сходна и большая, очень типичная серия орудий, получивших название «нуклеовидных скоблей», напоминающих «рабо»; сходны ножевидные орудия с изогнутым лезвием, для изготовления которых употреблялись кривые, краевые отщепы; сходны наконечники стрел, изготовленные на концах обломанных пластин и отретушированные только с одной стороны. Сказанное подтверждает вы-

---

[13] *И. Г. Розенфельдт.* К вопросу о связях..., стр. 102; *Н. Н. Гурина.* Ук. соч., стр. 153, рис. 7.

[14] *П. П. Ефименко.* До питання про джерела культуры пізньої бронзи на території Волго-Кам'я. Археологія, II, Київ, 1948. стр. 35—38; *А. А. Формозов,* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 102.

вод, к которому давно пришли М. В. Воеводский и А. А. Формозов в результате анализа материалов мезолитических стоянок Десны, и в частности стоянки Песочный Ров,— вывод о том, что в неолитическую эпоху сохраняются все основные черты деснинской мезолитической культуры, и о сложении на ее основе местного неолита [15]. Если верно, что нижний горизонт культуры ямочно-гребенчатой керамики Гришевской стоянки, представленный «жилищем с ракушками», является одним из древнейших памятников ямочно-гребенчатого неолита Северной Украины, а ее верхний горизонт, смыкающийся с культурами шаровидных амфор и шнуровой керамики, является ее заключительным этапом, то, следовательно, стоянка в целом отражает более или менее полностью весь период существования и развития культуры ямочно-гребенчатого неолита на Средней Десне. Это имеет большое значение как для хронологии этой культуры, так и для ее периодизации, поскольку до настоящего времени из-за отсутствия датированных и стратифицированных памятников в обоих вопросах существует большой разнобой. В свете гришевских материалов наиболее убедительной выглядит следующая датировка ямочно-гребенчатого неолита на Украине: начало III тысячелетия (может быть, самый конец IV тысячелетия) — конец III тысячелетия до н. э. Реальным подтверждением этому является возможность синхронизировать памятники ямочно-гребенчатого неолита с такими культурами более южных областей, как среднестоговская и трипольская. Известно, что на поселении среднестоговской культуры у с. Деревка, датируемом концом IV — первой половиной III тысячелетия до н. э., обнаружено большое количество сосудов с ямочным орнаментом [16]. Синхронизация ямочно-гребенчатой керамики с поздним Трипольем, кроме Гришевки, прослежена на поселениях Пустынка 5 и Лизогубовка [17].

Отнесение ранних памятников ямочно-гребенчатой керамики к середине и даже первой половине IV тысячелетия до н. э., как это предлагает В. Н. Даниленко [18], не имеет, на наш взгляд, сколько-нибудь твердых оснований и не находит подтверждений в материалах Гришевской стоянки.

Материалы Гришевской стоянки и ее хорошая стратиграфия имеют важное значение для выяснения взаимоотношений днепро-донецкой и ямочно-гребенчатой культур на территории Северной Украины. Еще в 1955 г. Д. Я. Телегин в результате разведочных работ на Сейме высказал предположение о том, что Левобережная часть Северной Украины была занята двумя группами ямочно-гребенчатого и гребенчато-накольчатого (или днепро-донецкого) неолита [19]. О двух культурных компонентах соседней, более восточной территории после раскопок стоянки Подзорово примерно в те же годы писала М. Е. Фосс [20]. Однако отсутствие чистых комплексов и памятников с надежной стратиграфией долгое время не позволяло выяснить относительную хронологию и характер взаимоотношений двух названных культур. В археологической литературе появились самые различные мнения о том, одна это культура или две, и если две, то какая же из них древнее. Соединение археологической и геологической стратиграфии на Гришевской стоянке показывает, что ранние этапы днепро-донецкой культуры значительно древнее самых нижних горизонтов ямочно-гребенчатого неолита. Далее, когда ямочно-гребенчатый неолит выглядит уже вполне сформировавшимся (на Гришевской стоянке он представлен «жи-

---

[15] *М. В. Воеводский, А. А. Формозов.* Стоянка Песочный Ров на р. Десне. КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 45, 54; *А. А. Формозов.* Этнокультурные области... стр. 96.

[16] *Д. Я. Телегин.* Основные черты и хронология среднестоговской культуры эпохи меди. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966.

[17] *В. И. Митрофанова.* Поздненеолитическое поселение в ур. Лес близ с. Мнево на Черниговщине, сб. «Древности Белоруссии», Минск, 1966.

[18] *В. Н. Даниленко.* Неолит Украины. Киев, 1969, стр. 193—195.

[19] *Д. Я. Телегин.* Исследование неолитических памятников в окрестностях г. Путивля на р. Сейм. КСИА АН УССР, 4, 1955, стр. 146.

[20] *М. Е. Фосс.* Исследование неолитических стоянок..., стр. 24.

лищем с ракушками»), днепро-донецкая культура продолжает существовать, о чем свидетельствует ее верхний горизонт, перекрывающий «жилище с ракушками», представленный жилищем и мощным культурным слоем с большим количеством находок. Керамика этого горизонта претерпела некоторые изменения, но не оставляет сомнения в ее генетической преемственности с керамикой нижнего горизонта и в отнесении комплекса к днепро-донецкой культуре.

Таким образом, на основании данных Гришевской стоянки можно предполагать, что на протяжении всего периода существования ямочно-гребенчатого неолита (т. е. на протяжении III тысячелетия до н. э.) параллельно с племенами культуры ямочно-гребенчатого неолита на Десне обитали постоянно или, что вероятнее, периодически племена днепро-донецкой культуры. На материалах Гришевской стоянки видно также, что эти две культуры поддерживали между собой тесные контакты, влияли друг на друга, но ни одна из них не была поглощена или ассимилирована другой и не потеряла своей индивидуальности.

S. S. Bérézanskaïa

UNE STATION NEOLITHIQUE PRES DU HAMEAU DE GRICHEVKA SUR LA MOYENNE DIESNA

Résumé

En 1969—1971, on a effectué les fouilles d'une station néolithique, située sur la Moyenne Diesna près du hameau de Grichevka, district de Borznian, région de Tchernigov. Sur une rive du lac Troubine, la station occupe un promontoire qui domine de 2 m. les eaux du lac. On a découvert dans cette station les traces de deux cultures: une céramique de la région Dniepr-Don, et une autre décorée à peigne et à fossettes. En outre, la culture de la région Dniepr-Don est représentée par deux étapes chronologiques, et celle à peigne et à fossettes par quatre. Pour la première fois sur le territoire de l'Ukraine, on a établi dans cette station le type d'habitations des tribus du néolithique à peigne et à fossettes, et obtenu des matériaux caractérisant la vie et l'économie de ces tribus. A partir des matériaux trouvés dans cette station de culture tripolienne et de culture des amphores sphériques, on peut situer la station de Grichevka au début du IIIe ou à la fin du IIIe millénaire av. n. ère, et supposer qu'à de petits intervalles elle a existé 600 ou 700 ans. La stratigraphie impeccable de la station permet d'établir le vrai caractère des rapports culturels et chronologiques de deux cultures synchrones à une étape donnée: celle de la région Dniepr-Don et celle de la céramique à peigne et à fossettes.

В. Ф. СТАРКОВ, Ю. Б. СЕРИКОВ

СТОЯНКА ПОЛУДЕНКА II В СРЕДНЕМ ЗАУРАЛЬЕ

Вторая Полуденская стоянка была открыта в 1946 г. Н. П. Кипарисовой и раскопана ею в 1947—1948 гг. Материалы стоянки не получили должного освещения в литературе [1].

Стоянка расположена в 12 *км* к западу от Нижнего Тагила на левом берегу Полуденки напротив известного памятника Полуденка I. Она находится на невысокой двухметровой террасе, на небольшом мыске, образованном изгибом реки.

Площадь стоянки, видимо, невелика. Исходя из данных раскопок, можно считать, что она вряд ли превышала 300 $м^2$. Поверхность ее сильно нарушена разного рода постройками и глубокими колеями, так что культурный слой в некоторых местах оказался перемешанным до основания [2].

Раскопками вскрыта площадь 186 $м^2$. Культурный слой залегает непосредственно под дерном и простирается на глубину в среднем на 30—40 *см*, достигая в некоторых местах 60 *см*. Структура культурного слоя довольно однородна. Он представляет собой суглинок темно-серого цвета, рыхлый, с примесью гальки, причем по мере приближения к реке количество гальки заметно увеличивается. Подстилающий слой — галька с песком. На ненарушенных участках раскопа удалось проследить некоторые элементы стратиграфии в виде стерильной прослойки окатанной гальки, разделяющей культурный слой на два горизонта [3]. К сожалению, Н. П. Кипарисова рассмотрела материал раскопок суммарно, без подразделения его по горизонтам, нет указаний на нижний горизонт и в описи находок; однако есть основание полагать, что слоем гальки была перекрыта часть ямы № 4, где найдено два нуклеуса и волнисто-гребенчатая керамика.

Никаких остатков строительных конструкций при раскопках обнаружено не было, хотя поверхность материка несет на себе след незначительных перекопов в виде бессистемно расположенных неглубоких ямок различных размеров и конфигураций. Именно в районе этих ям на площади в 120 $м^2$ собрано наибольшее количество находок. Здесь найдены 1078 обломков керамики, 695 отщепов и изделий из камня, а также много жженых костей. Это довольно большая концентрация, если учесть, что на остальной части раскопа (66 $м^2$) обнаружено всего 288 находок.

Таким образом, всего на поселении собран 2061 предмет. Среди них наибольшее количество составляет керамика — 1309 штук. Она довольно разнообразна и типологически подразделяется на несколько групп, соответствующих различным археологическим периодам. Наибольшее место

---

[1] Имеется лишь небольшая заметка о стоянке О. Н. Бадера (*О. Н. Бадер.* Археологические памятники Тагильского края. Уч. зап. ПГУ, 1958, т. 8, 2, стр. 329).

[2] Данные о памятнике даются по отчету Н. П. Кипарисовой (*Н. П. Кипарисова.* Отчет о раскопках левобережной Полуденской стоянки «Полуденка II» близ Н. Тагила — 1947 г. Архив ИА, р-I/115).

[3] Там же, стр. 7, 8.

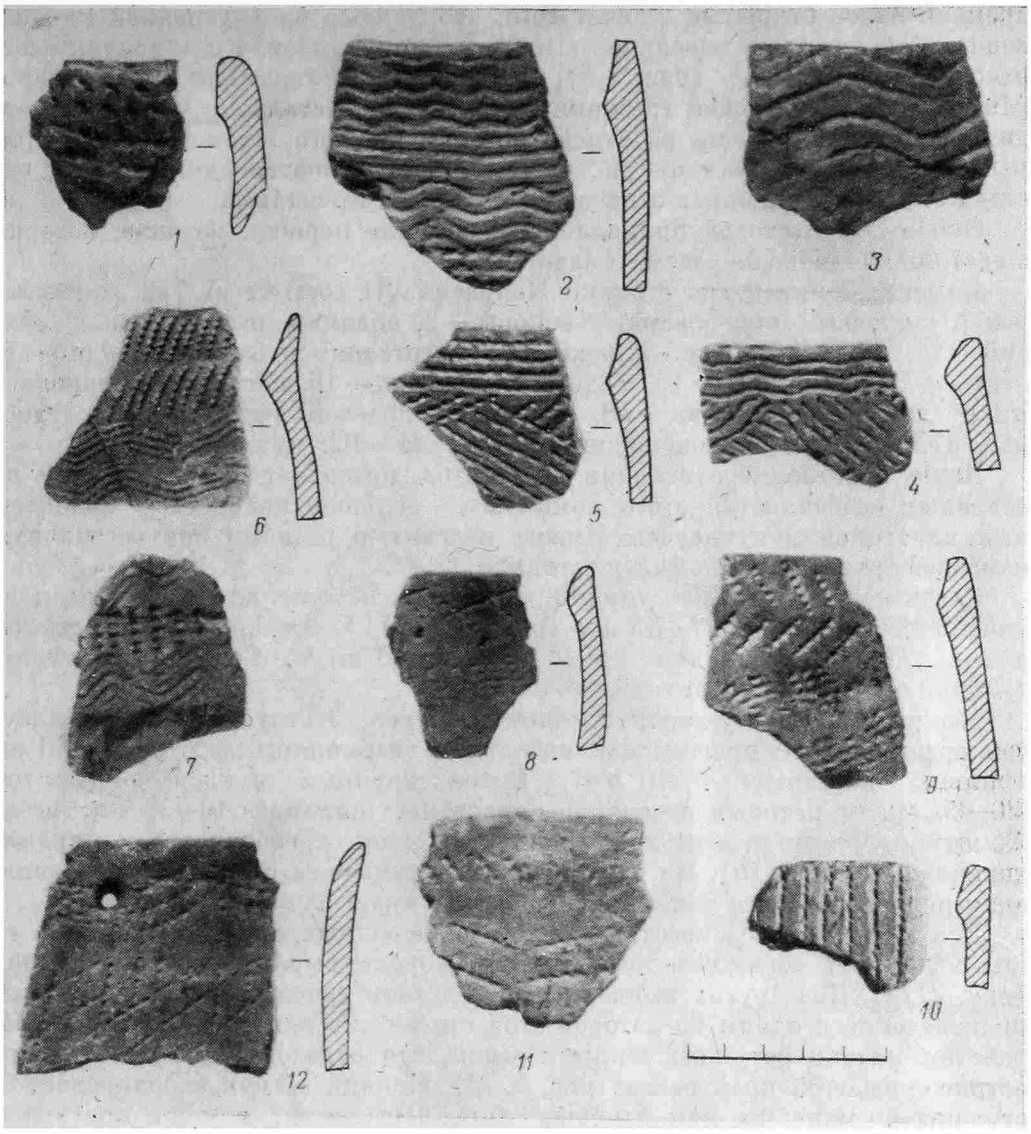


Рис. 1. Керамика

занимает керамика периода неолита — 72,1%. Последняя в свою очередь является многокомпонентной и включает в себя керамику всех трех периодов неолита: раннего (13,7%), развитого (30,7%) и позднего (55,6%).

Керамика раннего периода характеризуется следующими признаками: она толстостенна и снабжена массивным выступом на внутренней стороне венчика. Керамика украшена сплошь прямыми или волнистыми линиями, нанесенными методом отступающей палочки или гладким прочерчиванием. Основной вид орнамента — горизонтальные волнистые линии (рис. 1, *1—3*). На нескольких фрагментах встречен орнамент в виде наклонных полос, нанесенных методом отступающей палочки (рис. 1, *3*, *4*). Сосуды с отступающей палочкой нередко украшены сверху наколами (рис. 1, *1*).

Керамика периода развитого неолита близка керамике из землянок соседней стоянки Полуденка I и характеризуется так называемой волнисто-гребенчатой орнаментацией (рис. 1, *6*, *7*). Сосуды — с прямыми толстыми стенками (6—9 *мм*) и рельефным подтреугольным в сечении выступом на внутренней стороне венчика с четко обозначенным ребром (рис. 1, *6*).

Последняя, наиболее многочисленная группа керамики относится к периоду позднего неолита. Для нее характерно преобладание в орнаментации различных узоров, нанесенных гребенчатым штампом. Сосуды этого

времени более открытые за счет того, что наплыв на внутренней стороне венчика теряет свою массивность или вообще исчезает, а сам венчик слегка отгибается наружу (рис. 1, *8*). Большая часть керамики орнаментирована методом шагающей гребенки (рис. 1, *8*, *9*). Остальная украшена различными комбинациями из отпечатков гребенчатого штампа в виде прямых или ломаных линий (рис. 1, *10*, *11*), встречаются также пояса, составленные из наклонных отпечатков гребенчатого штампа.

Около 28% находок принадлежит керамике периода металла, которая в настоящей статье не рассматривается.

Каменный инвентарь стоянки Полуденка II состоит из 752 экземпляров и включает: шлифованные топоры — 2, обломки шлифованных орудий — 11, шлифованные плитки — 8, заготовки рубящих орудий — 9, песты — 3, отбойники — 10, молоты — 2, ножи — 16, острия — 3, наконечники стрел — 16, скребки — 58, отщепы с краевой ретушью — 24, отщепы — 372, резцы — 9, ножевидные пластинки — 92, нуклеусы — 117.

Даже простое перечисление предметов позволяет отметить одну из основных особенностей этого комплекса — большое количество ножевидных пластинок и нуклеусов. Вместе с девятью резцами они составляют наиболее архаический комплекс стоянки.

Среди ножевидных пластинок преобладают небольшие экземпляры длиной 22—37 и шириной 5—13 *мм* (рис. 2, *1*—*7*). Более крупных пластинок длиной 49—68 и шириной 14—28 *мм* всего 8 штук. Сечение пластинок треугольное и трапециевидное.

Микролитическому характеру пластинок соответствует и состав нуклеусов, среди которых преобладают небольшие экземпляры высотой 10—30 *мм* (ширина негативов 3—10 *мм*). Более крупных нуклеусов высотой 30—65 *мм*, от которых отделялись пластины шириной 10—38 *мм*, всего 23 штуки. Форма нуклеусов карандашевидная (преобладает) и пирамидальная (рис. 2, *9*, *10*). На двух нуклеусах замечены следы употребления: один использовался в качестве скребка, а второй служил ретушером.

Все девять резцов изготовлены на ножевидных пластинках. Семь из них оформлены сбоку резцовым сколом и хорошо выражены типологически (рис. 2, *11*). Два других выявлены посредством трасологического анализа, произведенного одним из авторов этой статьи [4]. У одного из них край обработан мелкой ретушью таким образом, что образовалось клювовидное острие — рабочий край резца (рис. 2, *12*). Кончик острия заполирован, со стороны брюшка на нем заметны линейные следы, идущие под углом к продольной оси пластинки. Характер и направление линейных следов показывает, что резцом работали в горизонтальном направлении на себя.

Второй резец представлен ножевидной пластинкой с выступающим верхним левым углом, который служил в качестве рабочего края (рис. 2, *13*). Его кромка смята, на ней имеются микросколы, которые показывают, что резцом работали от себя в горизонтальном направлении.

Архаичность описанного комплекса несомненна: орудия периода развитого неолита характеризуются двусторонней обработкой, широким применением отщепов, шлифованных макролитов и изделий из сланца. Синхронизация такого большого количества неретушированных пластинок, нуклеусов и резцов с развитым неолитом невозможна. Затруднительно сопоставление его и с ранненеолитической керамикой стоянки Полуденка II. Против этого говорит сравнение их количественных показателей: керамики раннего типа здесь всего 113 экз. Это означает, что рассмотренный комплекс кремневых орудий превышает количество керамики почти в два раза. Такое соотношение в неолите лесного Зауралья пока не было отмечено нигде.

---

[4] Трасологическое исследование поверхности изделий было произведено Ю. Б. Сериковым. Анализу было подвергнуто 343 предмета. В их число вошли все основные типы орудий, ножевидные пластинки, нуклеусы и осколки с острыми краями.

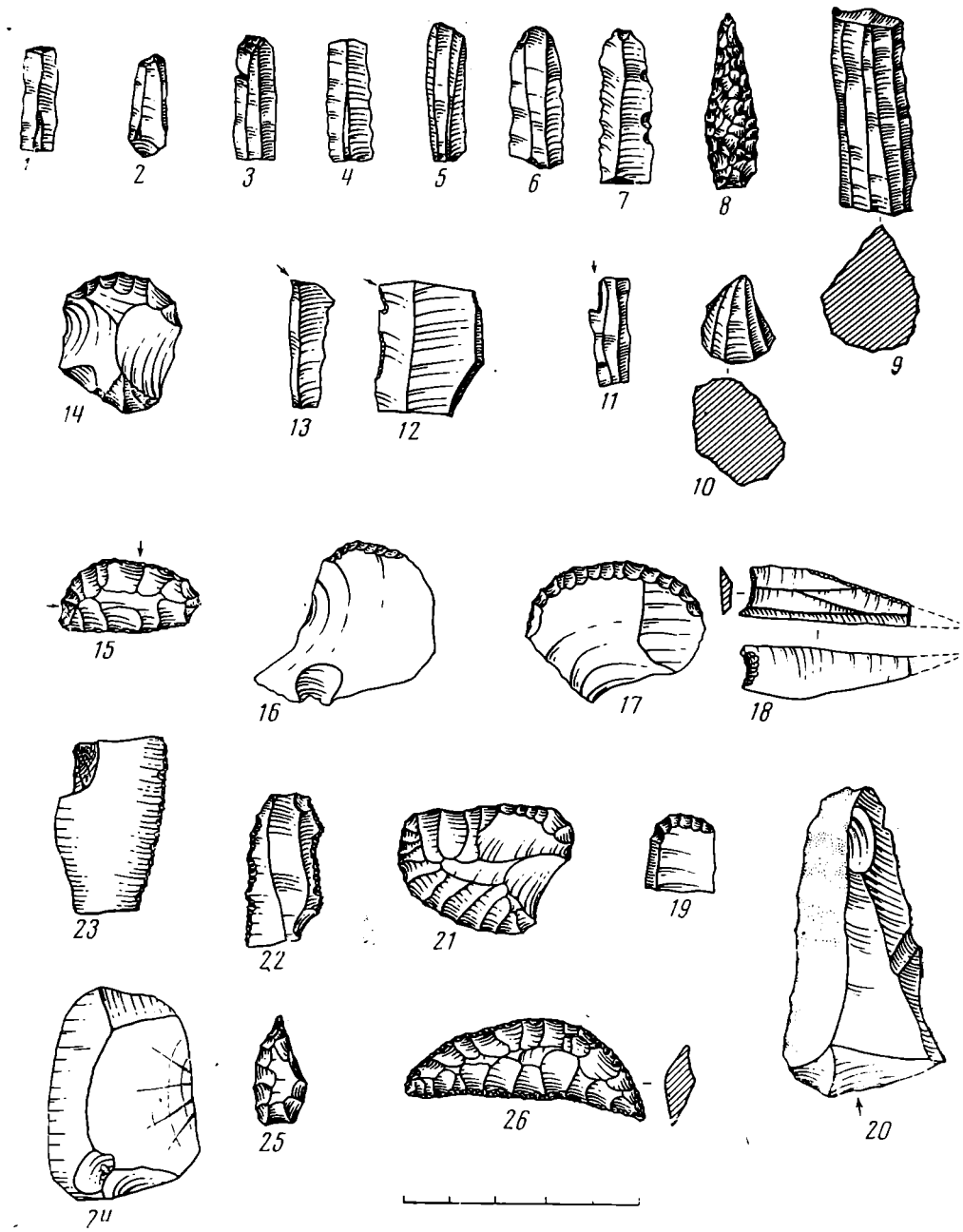


Рис. 2. Изделия из камня. *1—7* — ножевидные пластинки; *8* — наконечник стрелы; *9, 10* — нуклеусы; *11—13* — резцы; *14—17* — скребки на отщепах; *18* — асимметричная трапеция; *19* — концевой скребок; *20* — боковой скребок; *21—24* — ножи; *25* — сверло; *26* — нож серповидной формы

Большое значение для определения возраста выделенного комплекса микролитов имеет находка на стоянке геометрического микролита в виде асимметричной трапеции (рис. 2, *18*). Трапеция сохранилась почти целиком, отсутствует лишь самый конец острия. Она изготовлена на ножевидной пластинке трапециевидного сечения. Ширина пластинки 11, толщина 2, длина сохранившейся части 35, длина скошенного участка 23 *мм*. Тупой торец изделия снабжен выемкой, подработанной со стороны брюшка довольно крупной ретушью, скос обработан мелкой притупляющей ретушью со стороны спинки. По своей форме это изделие приближается к сильно вытянутому острию. Ближайшие аналогии этому предмету мы находим в мезолитических памятниках Южного Зауралья, где, по наблю-

дениям Г. Н. Матюшина, такие формы являются наиболее поздними [5]. Эта трапеция — единственная в лесном Зауралье, и ее появление здесь может свидетельствовать о проникновении ее с юга. Подобные проникновения в период позднего мезолита были, вероятно, очень редкими и слабыми, так как они не оказали никакого влияния на сложение местного неолита. С другой стороны, присутствие здесь этого изделия может свидетельствовать в пользу мнения о мезолитическом возрасте наиболее архаического комплекса стоянки Полуденка II. Этот вывод подтверждается наличием в лесной зоне Зауралья и Западной Сибири целого ряда бескерамических памятников с кремневым инвентарем, построенным на базе микропластинок (Черноозерье II и Черноозерье IV-а [6], Сухрино [7], Крутики I, Крутики II [8] и др.).

Продолжая характеристику каменного инвентаря стоянки Полуденка II, укажем, что он будет рассмотрен с учетом данных трасологического анализа, т. е. на основе функционального назначения вещей.

Самую большую группу составляют скребки — 62 экз., из них 4 выделены с помощью микроанализа. Типологически скребки делятся на три группы: округлые с высоким рабочим краем и крутой ретушью (25 шт.) (рис. 2, *14*, *15*), пластинчатые на отщепах (28 шт.) (рис. 2, *16*, *17*) и концевые на ножевидных пластинках (6 шт.) (рис. 2, *19*). Скребки, выделенные при помощи микроанализа, составляют еще одну группу — боковые на ножевидных пластинах (3 шт.). Два из них являлись одновременно и концевыми скребками. Один из них представляет собой массивную, слегка изогнутую первичную ножевидную пластину длиной 65 *мм* (рис. 2, *20*). Правый край ее подработан ретушью с брюшка. Этот участок и широкий край пластины сильно закруглены и залощены. На закруглении присутствуют и линейные следы. Третий боковой скребок — это ножевидная пластинка длиной 40 *мм*. Один край ее отретуширован и несет на себе следы сработанности: рабочая кромка выкрошена и закруглена, при большом увеличении прослеживаются и линейные следы, идущие перпендикулярно кромке лезвия (рис. 3, *1*). Характер сработанности рабочей части рассмотренных выше скребков говорит о том, что ими работали по коже. Всего кожевенных скребков на стоянке 11 штук. Определено несколько скребков по кости и дереву. Они отличаются от кожевенных скребков характером сработанности рабочей части: она не закруглена, а несколько уплощена.

Наконечники стрел представлены 16 экземплярами. Большинство из них изготовлено из молочно-белого кварца. Наконечники довольно однотипны: они имеют вытянутую листовидную форму и линзовидное сечение. Основание прямое или с небольшой выемкой (рис. 2, *8*). На одном наконечнике удалось обнаружить следы использования в работе — фасетки ретуши, оформляющей верхний конец наконечника, сильно сглажены и заполированы. Наконечник употреблялся в качестве проколки. Вторая проколка, найденная на стоянке, представлена ножевидной пластинкой с приостренным рабочим краем, который подправлен ретушью и сильно залощен.

На стоянке имеется 39 ножей, из которых 29 выделено при помощи микроанализа. Почти все ножи (за исключением одного) относятся к разряду мясных и подразделяются на несколько типов.

Ножи первого типа изготовлены из плиток серого кварцита. Они массивны, имеют приостренный или притупленный передний конец и дву-

[5] *Г. Н. Матюшин.* О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита. СА, 1969, 4, стр. 43.

[6] *В. Ф. Генинг, В. Т. Петрин, Л. Л. Косинская.* Первые поселения эпохи позднего палеолита и мезолита в Западной Сибири. Сб. «Из истории Сибири», 5. Томск, 1973.

[7] *В. Ф. Генинг.* Уральская комплексная археологическая экспедиция. АО—1966, М., 1967.

[8] Хранится в Нижнетагильском краеведческом музее.

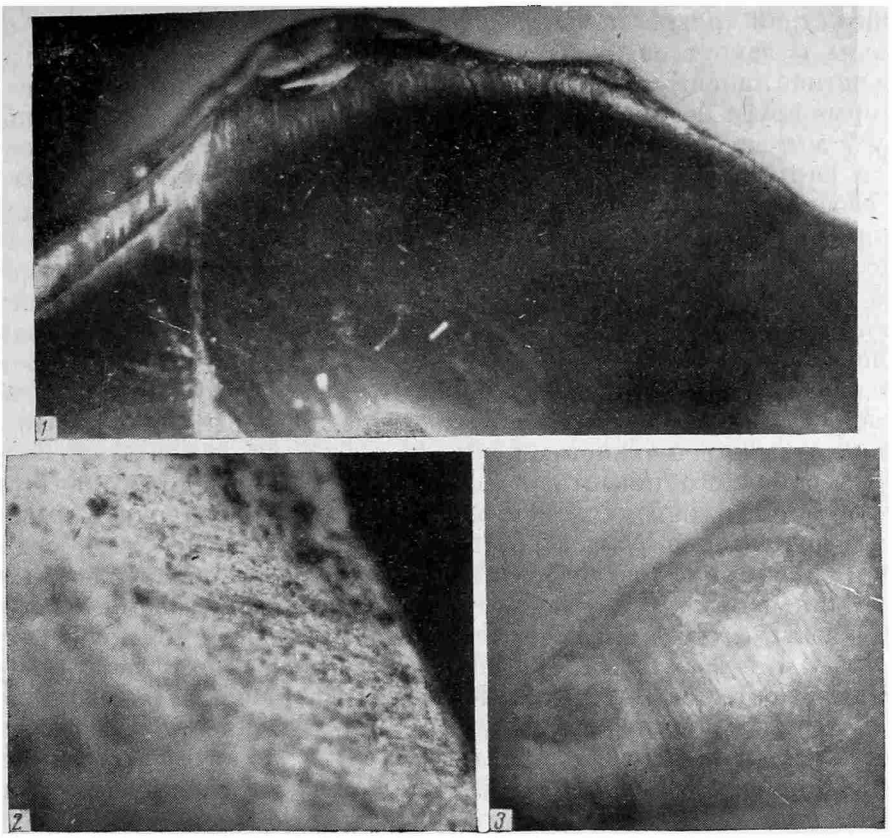


Рис. 3. Следы сработанности рабочих краев скребка по коже (*1*), строгального ножа (*2*) и сверла (*3*)

стороннеобработанное лезвие (рис. 2, *21*). О том, что этими ножами работали по мясу, говорит характер их поверхности, которая несет на себе следы слабой залощенности.

Ножи второго типа выполнены на ножевидных пластинках. Один край таких ножей обработан приостряющей ретушью, а другой имеет на углу выемку, обозначенную ретушью или сколом, которая служила для упора указательного пальца (рис. 2, *22*).

Ножи третьего типа также изготовлены на ножевидных пластинках, но без обработки ретушью. Они могут быть выявлены только при помощи микроанализа. Линейные следы на таких ножах не улавливаются, но хорошо прослеживается заполированность рабочей части лезвия. Такие же следы имеются на ножах из отщепов и вкладышах.

Интересным орудием из серии мясных ножей является нож, изготовленный из обломка шлифованного тесла (рис. 2, *23*). Один край его подработан мелкой ретушью и сильно залощен, а противоположный имеет выемку на углу, служившую для упора указательного пальца при резании. Еще из одного обломка шлифованного орудия изготовлен единственный на стоянке строгальный нож (рис. 2, *24*). Внутренняя сторона обломка слегка подшлифована. На ней заметны следы в виде линейной зашлифованности, расположенные под углом к кромке лезвия (рис. 3, *2*).

О широком применении сверления на стоянке свидетельствует находка 24 обломков керамики с отверстиями, пройденными по сухой глине. Сверление происходило с наружной стороны, о чем свидетельствует коническая форма отверстия (рис. 1, *12*). Внешний диаметр отверстия 3—10 *мм*, внутренний — 2—5 *мм*, глубина отверстия 4—10 *мм*.

На стоянке найдено два сверла. Первое сверло представляет собой обработанное двусторонней ретушью острие длиной 23 *мм* (рис. 2, *25*).

Кончик острия сильно закруглен, фасетки ретуши, оформляющей острие, сглажены и закруглены. На закруглении даже невооруженным глазом видны четкие линейные следы в виде концентрических кругов (рис. 3, *3*). Некоторые круги перекрещиваются друг с другом. Диаметр сверла внизу 3, вверху 7 *мм*, глубина проникновения в материал 10 *мм*. Сильная сношенность и симметричный профиль сверла свидетельствуют о том, что орудием работали по камню и что оно употреблялось в дисковом приборе.

Второе орудие, связанное со сверлением,— развертка. Она изготовлена на массивной ножевидной пластине длиной 7 *мм*. Вся ее поверхность сильно залощена. Один конец орудия более узкий, он оформлен ретушью, которая сильно сглажена и закруглена. На закруглении видны следы сработанности в виде концентрических кругов. Нужно отметить, что эти следы не обозначены на самом конце изделия вследствие того, что орудие вставлялось в заранее пройденное отверстие. Развертка при работе зажималась непосредственно кистью руки.

Среди каменного инвентаря Полуденки II встречено два интересных орудия. Оба они выполнены из кварца и имеют серповидную форму. Одно из них фрагментарно. Оно, вероятно, сломалось в процессе изготовления, так как никаких следов сработанности на нем не обнаружено. Второе орудие длиной 5 *см* имеет законченную серповидную форму. Оба конца его заострены, а вся поверхность покрыта тонкой двусторонней ретушью (рис. 2, *2б*). Качество обработки довольно высокое. Вогнутое лезвие отделано более тщательно и хорошо заострено. На нем прослежена залощенность с обеих сторон, но линейных следов сработанности вследствие прозрачности материала уловить не удалось.

Коллекция шлифованных орудий на стоянке не очень многочисленна. Здесь найдено два целых орудия (топоры) и 11 обломков (более всего тесел). К разряду шлифованных орудий можно отнести также три массивных песта.

Один из топоров сильно уплощенный и обоюдоострый, одна его сторона огранена двумя четкими ребрами. Длина топора 130, ширина 60, толщина 25 *мм*. Ширина лезвий 58 и 48 *мм*. Широкое лезвие сработано гораздо сильнее узкого.

Все песты имеют форму усеченного конуса. На более широкой плоскости видны многочисленные мелкие выбоины, выступающие участки сильно стерты. Один пест сработан с обеих сторон.

Коллекцию каменных орудий дополняют 9 заготовок рубящих орудий, 3 шлифовальных плиток, 10 отбойников и 2 молота.

На заготовках рубящих орудий никаких следов употребления не обнаружено, все они являются незаконченными орудиями труда.

В качестве отбойников служили круглые камни диаметром 55—70 *мм* или слегка удлиненные гальки. Круглые отбойники сильно сработаны со всех сторон, гальки, служившие в качестве отбойников, имели две рабочие плоскости на противоположных концах.

Молоты довольно массивны. Они имеют вытянутую клиновидную форму и слегка изогнуты так, что бойки оказались несколько опущенными вниз. Они уплощены и сильно сработаны.

Как видно из описания орудий, для них характерно применение различных видов сырья, в том числе кварца, сланцев и других пород. К сожалению, отсутствие петрографического анализа материала не позволяет в настоящее время говорить об источниках сырья и давать технические характеристики.

Интересной особенностью каменного инвентаря исследуемой стоянки является полное отсутствие комбинированных орудий. Это отличает его от относительно ранних комплексов соседней стоянки Полуденка I и является, вероятно, признаком хронологическим. Последнее замечание подкрепляется и характером керамического инвентаря стоянки Полуденка II — преобладанием керамики периода позднего неолита.

V. F. Starkov, Y. B. Serikov

LA STATION DE POLOUDIENKA II DANS LA REGION TRANSOURALIENNE CENTRALE

Résumé

La station a été fouillée par N. P. Kiparissova en 1946. Le présent article est la première publication de ce monument.

Comme les recherches l'ont montré, les matériaux de la station peuvent être répartis en plusieurs groupes de différentes époques; parmi eux, le plus ancien est un ensemble de petites lamelles tranchantes, de tranchets et autres outils, caractéristiques pour la période du mésolithique. L'âge très reculé de cet ensemble est confirmé par la présence d'un microlithe géométrique en forme de trapèze asymétrique du type sud-ouralien.

Parmi les matériaux néolithiques on distingue trois groupes de céramique: ceux des étapes ancienne, évoluée et tardive, qui diffèrent par le caractère de l'ornementation. La céramique la plus ancienne est décorée uniquement à l'aide de bâtonnets; celle de l'étape suivante réunit des ornements exécutés au moyen du bâtonnet et du peigne; celle de la dernière période du néolithique est décorée au peigne.

Les objets de silex sont caractérisés suivant les données de l'analyse au microscope des surfaces d'attaque de ces objets, ce qui a permis d'établir leurs fonctions et d'ajouter à la liste de ces outils des éclats et des lames non retouches.

Parmi les outils on distingue divers grattoirs (pour la peau, le bois et l'os), des lames (pour la viande, à racler, et pour les peaux), des têtes de flèches, des forets, des haches, et autres objets.

А. Д. ПРЯХИН, В. И. САГАЙДАК

МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩАЯ МАСТЕРСКАЯ НА ПОСЕЛЕНИИ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

В 1972 г. Левобережным донским отрядом экспедиции Воронежского университета при раскопках Мосоловского поселения срубной культурно-исторической общности исследовано производственное помещение и получены другие свидетельства металлообработки бронзы. Предварительная их характеристика дается далее.

Мосоловское (Корнюшинское) поселение расположено напротив одноименного села на мысу левого берега р. Битюг в левобережье Дона (территория Аннинского района Воронежской области). Оно обнаружено в 1962 г. Г. И. Корнюшиным в обнажении берега, образовавшегося при разработке карьера. Здесь была собрана коллекция керамики срубного типа, три обломка форм для отливки топоров, два обломка форм для отливки серпов, отдельные обломки крышек плавильных чаш и бронзовая пластинка [1].

Затем поселение было осмотрено нами в 1971 г. Мыс поселения возвышается над уровнем поймы на 8—9 *м*. Территория мыса четко ограничена склонами в сторону р. Битюг и к ручью, впадающему в Битюг. Примерные размеры поселения 160 × 180 *м*. Площадь поселения задернована, и только вблизи склонов есть лес. На поверхности выделяется 15 четко выраженных западин разного размера и глубины и несколько менее выраженных углублений. Основное число западин фиксировалось вблизи северного склона мыса, опускающегося к ручью, где скорее всего концентрировались помещения жилого и хозяйственного характера.

На южной окраине поселка как бы особняком выделялась одна большая по площади, но неглубокая западина, в районе которой в 1972 г. экспедицией Воронежского университета был заложен раскоп I площадью 590 $м^2$ (рис. 1), примыкающий к обнажению карьера [2].

Раскоп дал преимущественно материалы времени срубной общности [3].

Культурный слой в раскопе I залегает под дерновой прослойкой толщиной 5—10 *см*. Это почти однородный чернозем с редкими вкраплениями песка. Толщина культурного слоя на разных участках раскопа колеблется от 0,4 до 0,8 *м*. Насыщенность слоя материальными остатками значительна.

Керамика, обнаруженная в культурном слое раскопа, типична для памятников срубной культурно-исторической общности времени ее рас-

[1] На карте Г. И. Корнюшина это пункт 24. *Г. И. Корнюшин.* Археологические памятники в Аннинском районе Воронежской области (Материалы к археологической карте). См. *П. Д. Либеров.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы, М., 1964. стр. 183, рис. 4, *22—26* (приложение).

[2] *В. И. Сагайдак.* Отчет Левобережного донского отряда археологической экспедиции Воронежского университета за 1972 г. Архив ИА АН СССР, р-1, ф. 4777.

[3] Кроме того, встречены немногочисленные свидетельства более раннего времени, есть отдельные обломки керамики раннего железного века и древнерусского времени.

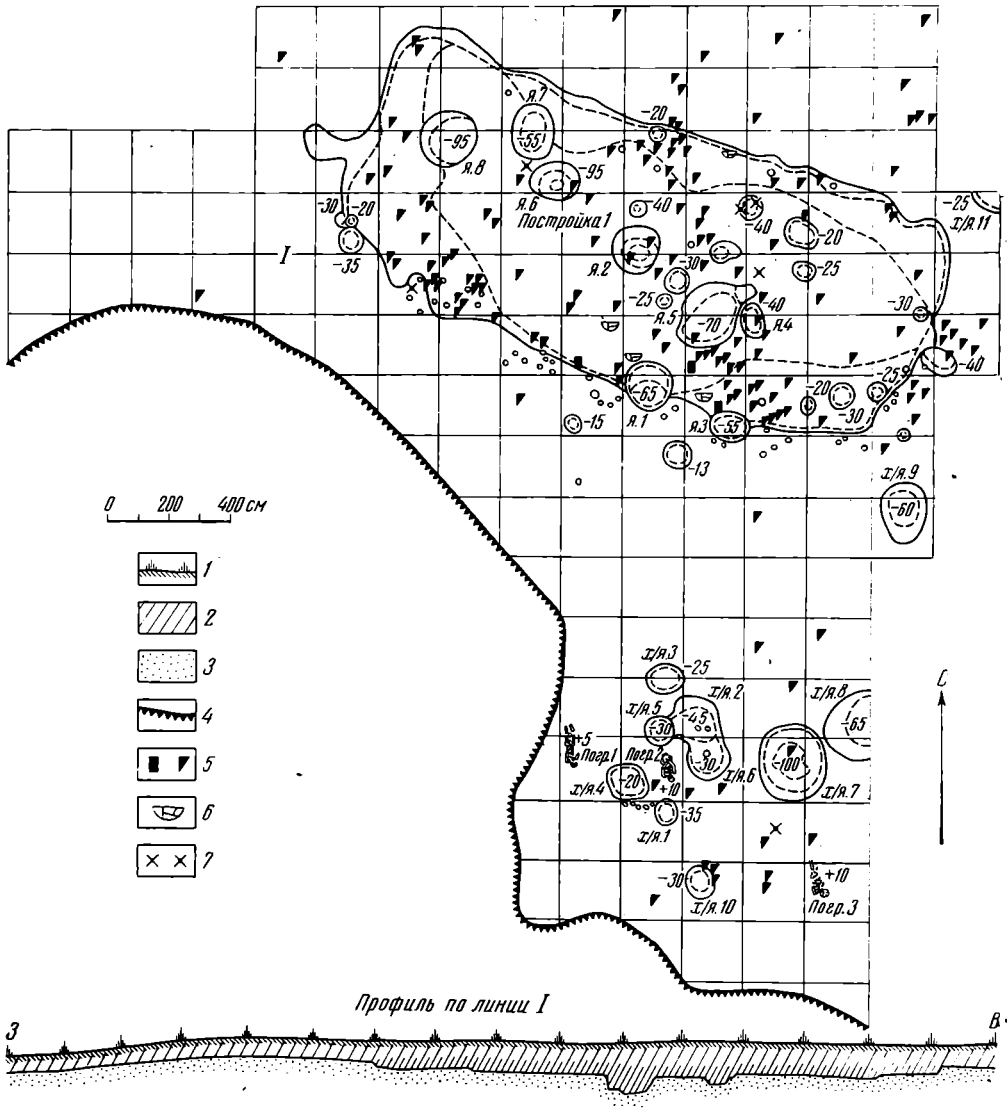


Рис. 1. Раскоп I на Мосоловском поселении *1* — гумус; *2* — чернозем; *3* — песок; *4* — обнажение; *5* — литейные формы (целые и обломки); *6* — развалы плавильных чаш; *7* — каменные молоты

цвета. Это остроребериые (рис. 2, *2*, *5*), горшковидные (рис. 2, *3*, *4*, *6*) и баночные (рис. 2, *1*, *7*, *8*) сосуды. Несравненно меньшим числом представлены миски (рис. 2, *9*, *11*) и чашки (рис. 2, *10*). Внешние поверхности сосудов красно-желтого цвета с темными пятнами, часты расчесы поверхностей. Внутренние поверхности серые или черные, цвет излома черный. В тесте есть примесь песка, шамота, реже белого камня. На большинстве сосудов, исключая остроребериые, орнамент нанесен только в верхней части тулова. Изредка орнаментом покрывался срез венчика. Наиболее характерными элементами орнамента являются простые или оттиснутые зубчатым штампом насечки и боковые вдавления, подтреугольные вдавления, простые прочерченные линии или линии, образованные вдавлениями зубчатого штампа или веревки. На остроребериых сосудах орнамент, как правило, покрывает всю верхнюю половину тулова, а иногда заходит и на нижнюю часть сосуда. Кроме керамики срубной общности встречено и несколько обломков от сосудов покровского типа, имеющих многие абашевские черты (рис. 2, *12*, *13*). Эти сосуды имеют характерный отворот венчика, орнаментацию из прочерченных линий и примесь ракушки в тесте.

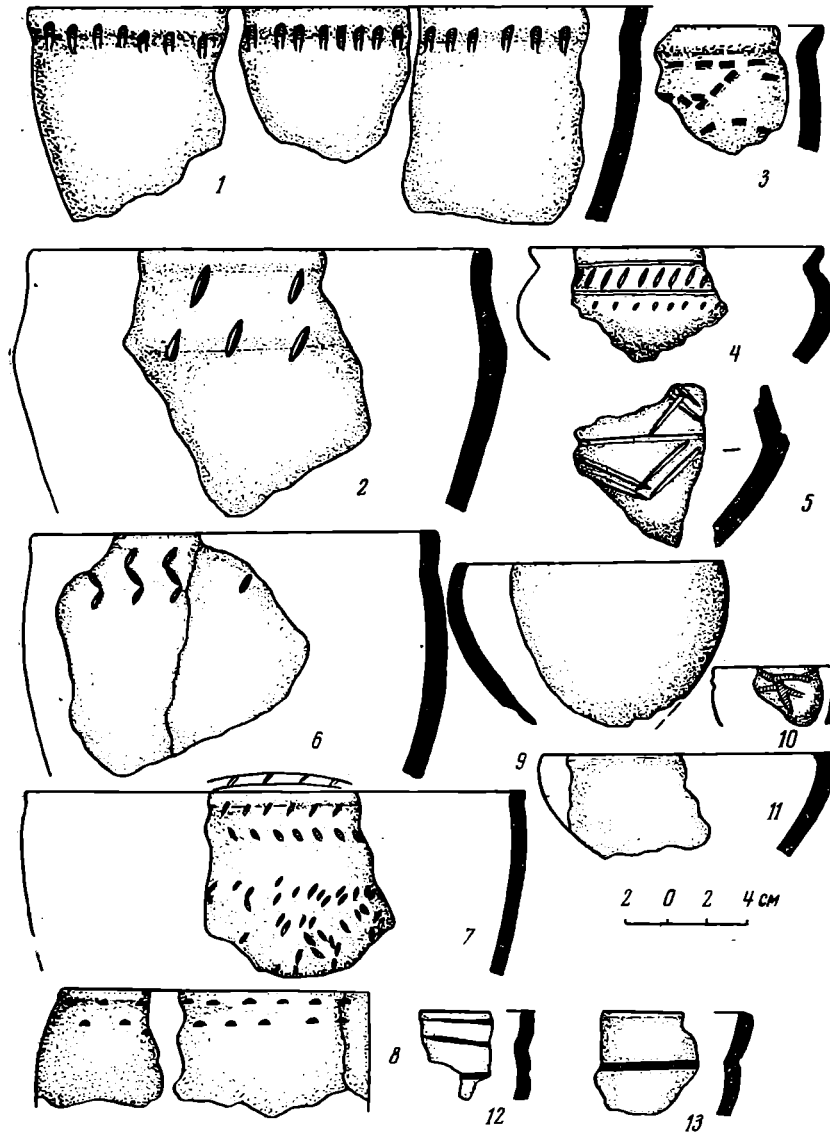


Рис. 2. Керамика срубной общности из культурного слоя на площади раскопа I Мосоловского поселения

Делать какие-либо заключения на основании этих находок пока преждевременно.

Значительную серию находок из культурного слоя составляют бронзовые изделия. Во втором штыке слоя встречено бронзовое долото с несомкнутой втулкой, изготовленной ковкой (рис. 3, *1*). Долота этого типа более известны в комплексах срубной культурно-исторической общности [4]. На территории лесостепного Дона находка долота с несомкнутой втулкой известна на поселении Отрожка-2 под Воронежем [5]. Бронзовый крюк (рис. 3, *2*) найден также во втором штыке культурного слоя. Втулка его полая, сделана из откованной и согнутой бронзовой пластины. Из этой же пластины путем сплошной проковки образовано и круглое в сечении жало крюка. В верхнюю часть втулки через отверстия продета небольшая брон-

[4] *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 60, рис. 13, *7—8*; *Е. Н. Черных.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, рис. 52, *20*.

[5] Раскопки Б. Г. Тихонова, 1970 г.

зовая скоба, служившая для крепления древка в полости втулки. Находки таких крюков на территории лесостепной полосы Восточной Европы нам известны лишь в двух случаях (поселение поздней бронзы у Моечного Озера в Поволжье и Лобойковский клад невдалеке от Днепропетровска)[6]. Более широко крюки этого типа известны в комплексах культур более раннего времени на территории Северного Кавказа.

К категории бронзовых украшений относятся желобчатый браслет, обломок ромбического в сечении колечка и две трубчатые подвески. Браслет имеет выпукло-вогнутую поверхность и незамкнутые округлые концы (рис. 3, *3*). Один его конец сохранился полностью, а другой обломан. На концах браслета расположены небольшие прямоугольные отверстия. Подборку такого типа браслетов приводит Е. Н. Черных[7]. Но наиболее близкими аналогиями мосоловскому браслету являются два браслета с притупленными концами и округлыми дырочками из погребения 2 кургана 35 Покровского могильника[8] и браслет из Чардымского могильника[9].

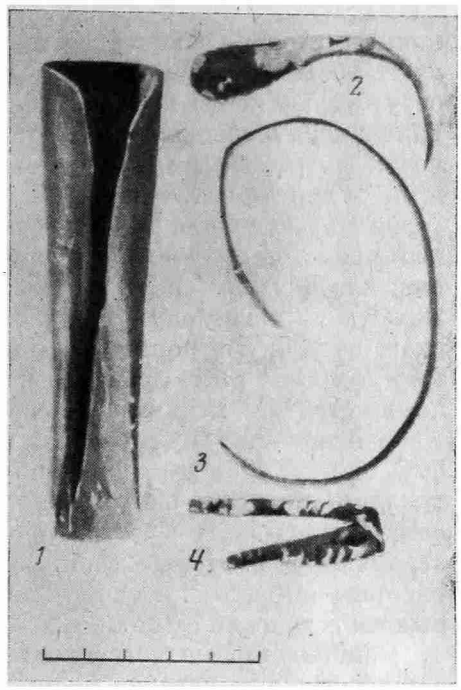


Рис. 3. Бронзовые изделия из культурного слоя раскопа I Мосоловского поселения *1* — долото; *2* — крюк; *3* — браслет; *4* — подвеска

Ромбическое в сечении колечко сохранилось неполностью. Оно сделано из согнутого откованного стерженька. Интересны две подвески из тонких бронзовых пластинок, свернутых в трубочки (рис. 3, *4*). Внешние их поверхности украшены выпуклыми ободками. Аналогии этим подвескам известны в срубных комплексах Ильменских курганов[10], в I Бережновском могильнике[11], а также в комплексах Балановского могильника[12].

Что касается свидетельств металлообработки, обнаруженных в культурном слое раскопа 1, то они будут рассмотрены ниже, в связи с описанием производственного помещения.

В культурном слое раскопа 1, в южной его части, т. е. на самой окраине поселения обнаружены три погребения. Погребения залегают на 5—10 *см* выше уровня материка. Костяки положены на спину и ориентированы головой на юг (погребения 1, 2) и юго-восток (погребение 3). Кости рук вытянуты вдоль туловища, кисти положены на таз. При хорошей общей сохранности костей у всех костяков, однако, отсутствуют или смещены отдельные части скелета. У костяка из погребения 1 смещены кости ног, отсутствует большинство костей правой руки и вся средняя часть позво-

---

[6] *А. Е. Алихова.* Комаровское поселение у Моечного озера. МИА, 61, 1958, рис. 4, *4*; *Е. Н. Черных.* История металлургии Восточной Европы в позднем бронзовом веке. Рукопись докт. дис. М., 1972, стр. 681, рис. 155, *1—4*.

[7] *Е. Н. Черных.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья..., рис. 61, *41, 48—50, 55, 57*.

[8] Фонды Саратовского областного краеведческого музея, № 922.

[9] *П. С. Рыков.* Археологическая экспедиция по Хопру. Сообщ. ГАИМК, 8, 1931, стр. 33.

[10] *Н. К. Качалова.* Ильменские курганы. АСб ГЭ, 12, 1970, рис. 11, *4*.

[11] *И. В. Синицын.* Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60, 1959, рис. 25, *5*.

[12] *О. Н. Бадер.* Балановский могильник. М., 1963, стр. 190—192, рис. 123, *1—2*.

ночного столба. У костяков из погребений 2 и 3 почти полностью отсутствуют кости ног. У костяка из погребения 3, кроме того, почти полностью отсутствуют кости правой руки, а хорошо сохранившаяся нижняя челюсть находилась в области таза. Определение времени и культурной принадлежности погребений затруднительно, так как сопровождающего инвентаря в погребениях нет. Вокруг костяков на одном с ними уровне обычный материал из заполнения культурного слоя. Лишь в области грудной клетки костяка из погребения 3 обнаружен обломок литейной формочки, служившей для отливки вислообушного топора. В то же время на тазовых костях скелета из погребения 1 лежал обломок маленького сосудика энеолитического облика. Но последний попал сюда, скорее всего, в результате засыпки могильной ямы. Небезынтересно заметить, что в слое под самими костяками встречена керамика поздней бронзы.

В основании культурного слоя на территории раскопа 1 расчищено большое по площади полуземляночное помещение (постройка 1) и серия хозяйственных ям разного диаметра и глубины, две из которых (хозяйственные ямы № 9 и 11) находятся вблизи от этой полуземляничной постройки, а остальные составляют компактную группу, находящуюся на расстоянии более 6 *м* от него. На площади и вокруг некоторых хозяйственных ям есть ямки от столбов.

Наибольший интерес представляет постройка 1, занимавшая большую часть северного участка площади раскопа. Котлован постройки, углубленный в материк на 0,3—0,6 *м*, имел прямоугольную форму с закругленными углами. Его размеры 8,5 × 19,5 *м*. Длинной осью котлован ориентирован по линии СЗ — ЮВ. Стенки котлована сравнительно отвесные. Пол выровнен, он слегка понижается к центру. С северо-запада, т. е. со стороны реки, в постройку вел небольшой вход, представлявший собой корытообразное углубление длиной 1,5 *м* и шириной 1 *м*. Очагов на полу постройки не обнаружено.

О деревянной конструкции наземной части постройки свидетельствуют многочисленные ямы и ямки от столбов, обнаруженные внутри котлована и по его краям. Большие размеры и глубина отдельных ям от столбов могли быть вызваны массивностью столбов, служивших опорой кровли, а также сыпучестью песчаного грунта. Кровля, по всей видимости, была двускатной, судя по расположению больших ям в один ряд по центральной оси.

В основании котлована постройки обнаружено восемь ям. Шесть из них расположены вдоль центральной длинной оси котлована, еще две (№ 1 и 3) примыкают к южной стене котлована. В заполнении ям наряду с обломками срубной керамики были обнаружены обломки литейных форм, фрагменты плавильных чаш, осколки каменных предметов и другие свидетельства металлообработки. Заполнение самого котлована, как, впрочем, и ям на его площади, однородное, но несколько более темное по сравнению с культурным слоем на окружающей площади. В заполнении котлована кроме обломков керамики и небольшой серии костного материала были найдены одно бронзовое шило, единичные бытовые предметы и многочисленные следы металлообработки, встречавшиеся в котловане на разных уровнях — целые и обломки глиняных литейных форм и крышек, целые и обломки плавильных чаш, каменные песты, наковаленки и молоты, самые разнообразные отходы металлообработки (капли металла, выплески, обломки бронзовых пластинок и т. д.); аналогичные находки встречались и на прилегающей к котловану площади.

На всей площади раскопа, включая котлован, обнаружено свыше 140 экз. обломков литейных форм и крышек. В основном они представлены обломками, часть из которых крайне фрагментарна. Из них свыше 90 обломков, а также целые или склеиваемые литейные формочки обнаружены в заполнении котлована постройки 1. Все формочки сделаны из глины, и подавляющее их большинство уже было в употреблении. Тесто фор-

мочек промешано хорошо. Видимый характер примесей в составе теста для их изготовления не отличается от состава глины для изготовления большей части посуды с поселения. Обжиг сравнительно ровный, цвет внешней поверхности желто-красный, в изломе — черный. На внутренней поверхности формочек в результате воздействия расплавленного металла заметен серовато-белый налет и характерные трещинки.

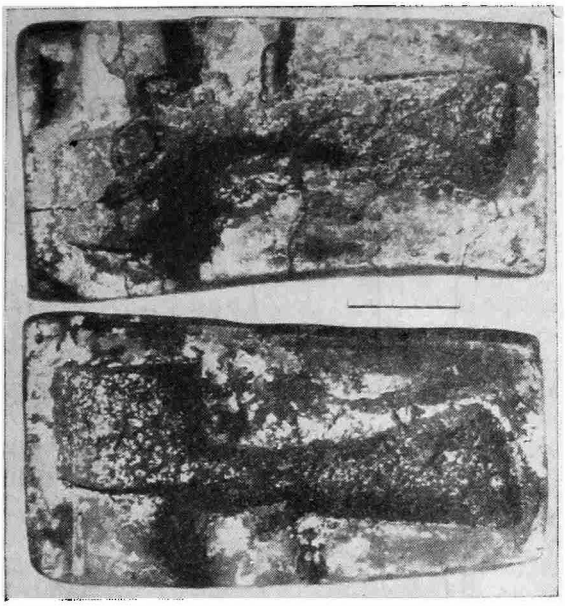


Рис. 4. Литейные формы для отливки топоров с Мосоловского поселения

Литейные формы делятся на две группы: двустворчатые и одностворчатые. Двустворчатые литейные формы служили, в основном, для отливки вислообушных топоров. Целые и обломки формочек, определенно служивших для отливки топоров, обнаружены в количестве 50 экз. (рис. 4, рис. 5, *1, 2*). Каждая из створок таких форм представляет собой массивный прямоугольный, вытянутых пропорций глиняный брусок с несколько закругленными или прямыми углами. В обушковой части бруски шире, к лезвийной части — сужаются. Размеры и толщина глиняных створок различны в зависимости от размеров отливавшегося в них топора. Получаемые топоры имели массивный обух и длинный несколько загнутый и расширенный у основания лезвия клин. Проушины, как правило, овальной в плане формы. Подобные топоры выделяются в южноуральский тип, по классификации Б. Г. Тихонова [13], или массивновислообушный, по классификации Е. Н. Черных [14]. По предложенной С. Н. Кореневским более дробной классификации топоров, подобные топоры относятся к четвертой группе вислообушных топоров, характерных для срубной культуры [15]. В целом нельзя не отметить, что все исследователи отмечают принадлежность этого типа топоров племенам срубной культурно-исторической общности.

Двустворчатые формы для отливки других предметов встречены только в обломках. Одна из них служила для отливки двух округлых в сечении прутьев, другая — для отливки копий с округлой втулкой сейминского типа.

Сравнительно большую серию составляют обломки односторонних форм для отливки плоских предметов — серпов, серповидных изделий, ножей, тесел и заготовок. В процессе отливки литейная форма накрывалась специально вылепленными для этих целей плоскими крышками, обломки которых также найдены (в нескольких случаях отмечено использование в качестве крышки тыльной стороны литейных форм). Крышки в отдельных случаях дополнительно подрабатывались. Так, на них формовалась нервюра для придания ребристости ножам. На крышках сбоку делались углубления для литников при отливке серпов. Иногда разными сторонами одной крышки накрывались литейные формы разнотипных предметов.

---

[13] *Б. Г. Тихонов.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, 90, 1960, стр. 62, 63.

[14] *Е. Н. Черных.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья., стр. 58.

[15] *С. Н. Кореневский.* Металлические втульчатые топоры Уральской горно-металлургической области. СА, 1973, 1, стр. 47—50, рис. 6, 8.

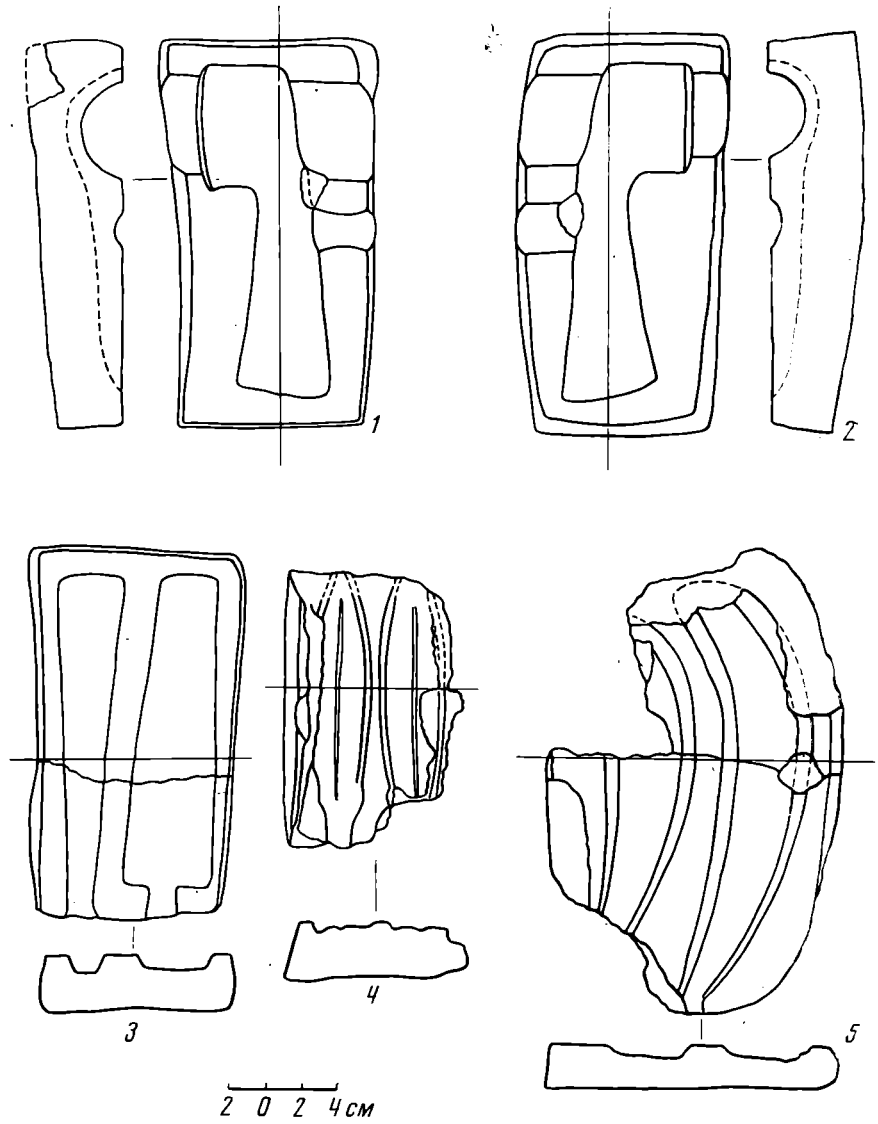


Рис. 5. Литейные формы с Мосоловского поселения

Серпы отливались в формах, рассчитанных на изготовление одновременно двух или трех изделий (рис. 6, *1, 2*; 5, *5*). Об этом свидетельствуют как находки самих литейных форм, так и отпечатки контуров серпов на крышках. Всего обнаружено 20 обломков самих литейных форм для отливки серпов и 10 обломков крышек к ним. На всех формах для отливки серпов отсутствует крюк для крепления серпа в рукоятке. Вероятно, крюки на отливаемых серпах отковывались уже после литья при окончательной доработке изделия. В целом нетрудно заметить, что серпы, отливавшиеся в этих литейных формах, типичны для срубной культуры [16]. Среди литейных форм данной серии выделяется один обломок, имеющий значитель-

[16] *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 62, 63, рис. 14, *10, 11*; *Б. Г. Тихонов.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье, стр. 68, табл. VIII, *30*; табл. XX, *1, 8, 10—12, 16*; табл. XXV, *43*; *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала, М., 1967, стр. 185, 192, 193; *Е. Н. Черных.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья, рис. 53, *1—12, 15.*

ную глубину отпечатка тыльной стороны широкого изделия. Не исключено, что это обломок литейной формы, служившей для отливки косарей.

Приведенное описание свидетельствует, что древние мастера, работавшие в данном помещении, специализировались в основном на изготовлении топоров и серпов.

Всего лишь несколькими экземплярами представлены односторонние литейные формы для отливки ножей (рис. 7, *1*) и крышки, употреблявшиеся для накрывания этих форм (три обломка самих литейных форм и

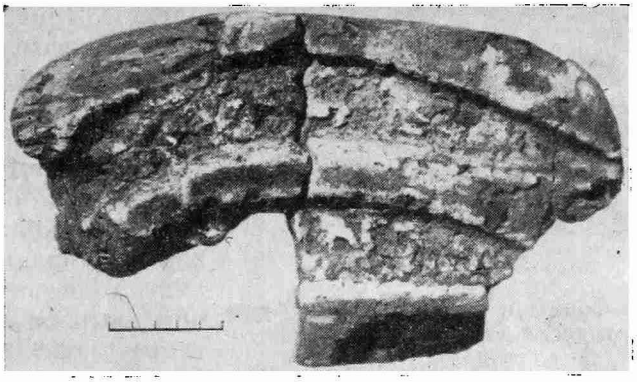


Рис. 6. Обломок литейной формы для отливки серпов с Мосоловского поселения

две крышки). Отливавшиеся ножи имели хорошо выраженное характерное для ножей срубного населения перекрестие, ребристость и прямой черенок. Формой черенка эти ножи отличаются от основной массы ножей в памятниках абашевской культуры.

Отливка плоских тесел также производилась в односторонних формах с крышками. Иногда одна форма служила для отливки одновременно нескольких тесел. Обнаружено три литейных формы (рис. 7, *2*, *3*; 5, *3*) и две крышки. Литники на матрицах примыкают обычно к пятке негатива тесла. Но в одном случае литник примыкал к лезвийной части негатива (рис. 7, *2*). Заливка жидкого металла с этой стороны неминуемо портила лезвие тесла. В данном случае лезвийная часть негатива изделия была дополнительно углублена, и негатив уже служил не для отливки тесел, а для отливки заготовок, т. е. данная литейная форма, вначале служившая для отливки двух тесел, затем использовалась уже для отливки тесел и заготовок — по одному негативу каждые. Тесла, судя по негативам, относятся к категории удлиненных, расширяющихся к лезвию. Лезвийная их часть после отливки оттягивалась проковкой. От этого типа тесел отличается сужающееся к лезвию тесло, отливавшееся в форме, обломок которой встречен на поселении в одном экземпляре (рис. 7, *3*). Такого рода тесла отливались в многопредметной форме, найденной в Башкирии. Кроме негатива для отливки такого типа тесла, на этой форме есть негатив срубного ножа, негатив тесла с расширением в лезвийной части и боковыми выступами вблизи пятки, а также негатив удлиненного тесловидного изделия [17].

Заканчивая описание литейных форм с Мосоловского поселения, следует заметить, что подавляющее большинство многопредметных форм служило для отливки однотипных предметов. И только в одном случае представлен обломок литейной формы, служившей одновременно для отливки тесел и серпов.

Большую трудность представляет выяснение способа скрепления формочек. Только на одной из крышек как будто бы отмечаются, правда

[17] *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала, стр. 184, рис. 20, *4*.

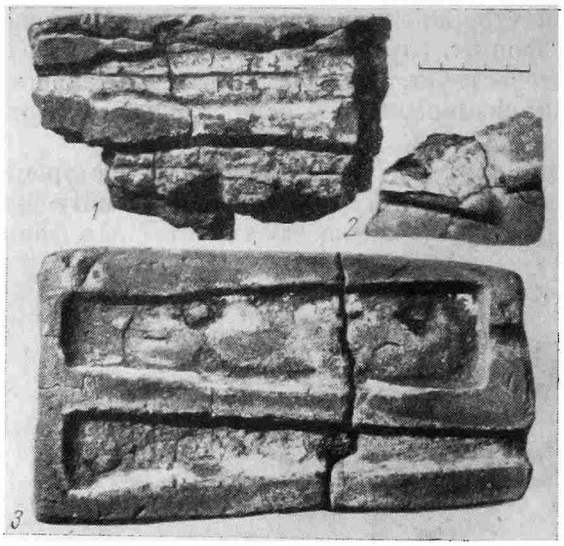


Рис. 7. Литейные формы и их обломки для отливки ножей (*1*) и тесел (*2, 3*) с Мосоловского поселения

нечеткие, неглубокие округлые ямки, возможно, свидетельствующие о способе крепления формы с крышкой при помощи штифтов. Такой способ крепления формочек, но сделанных из сланца, хорошо известен по материалам эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморьи [18].

На поселении обнаружено три почти целых (рис. 8, *2—4*) и большое количество обломков плавильных чаш. Все они имеют форму глубоких мисок с носиком для слива жидкого металла. Способ оформления носиков для слива чрезвычайно прост — они выполнены по сырой глине простым вдавлением пальца или палочки по срезу венчика. Характер дна у плавильных чаш различный. В тесте примеси шамота и песка. Обжиг хороший. Внешние поверхности их имеют желто-коричневый цвет, внутренние — серый. Верхние края чаш сильно ошлакованы и имеют характерную губчатую поверхность. В качестве плавильных чаш на поселении, кроме специально изготовленных, часто употреблялись днища тарных и кухонных сосудов, верхняя часть которых, видимо, была к этому времени сломана (рис. 8, *5*). Края таких «плавильных чаш» также сильно ошлакованы и имеют ноздреватую поверхность. В одном случае, предположительно, можно говорить о крышке, служившей для накрывания плавильных чаш (рис. 8, *1*). Цвет стенок и характер глиняного теста крышки такие же, как и у плавильных чаш. Края ошлакованы.

С доработкой отливаемых в формах бронзовых предметов и с кузнечным изготовлением бронзовых изделий и литых заготовок связываются находки массивных каменных молотов, пестов (рис. 8, *6—11*) и наковален. Три молота с перехватом и пест были обнаружены в заполнении котлована постройки 1. Четвертый каменный молот найден непосредственно около юго-западного края котлована, а пятый обнаружен на южном участке раскопа, невдалеке от хозяйственной ямы 7. Молоты и пест довольно массивны. На боковых поверхностях некоторых молотов отчетливо видны потертости, образовавшиеся от ремней или веревок, которыми молоты крепились к рукояткам. Рассмотренные свидетельства металлообработки связываются, бесспорно, с поселком срубной культурно-исторической общности. Об этом свидетельствует не только типология отливаемого в формах металла, но и сама керамика из заполнения котлована постройки 1. Вся она типична для срубной культурно-исторической общности времени ее расцвета. Наиболее яркие экземпляры посуды приводятся на рис. 9.

Нетрудно заметить, что эта керамика в целом сходна с керамикой из слоя на окружающей площади. Нельзя не обратить внимания, что в заполнении котлована постройки нет совсем керамики абашевского типа. Нет и

---

[18] *А. М. Лесков.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. Сб. «Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР», Киев, 1967; *И. Г. Черняков.* Техника изготовления литейных форм и металлических изделий в Северном Причерноморье в эпоху поздней бронзы. Там же, стр. 182.

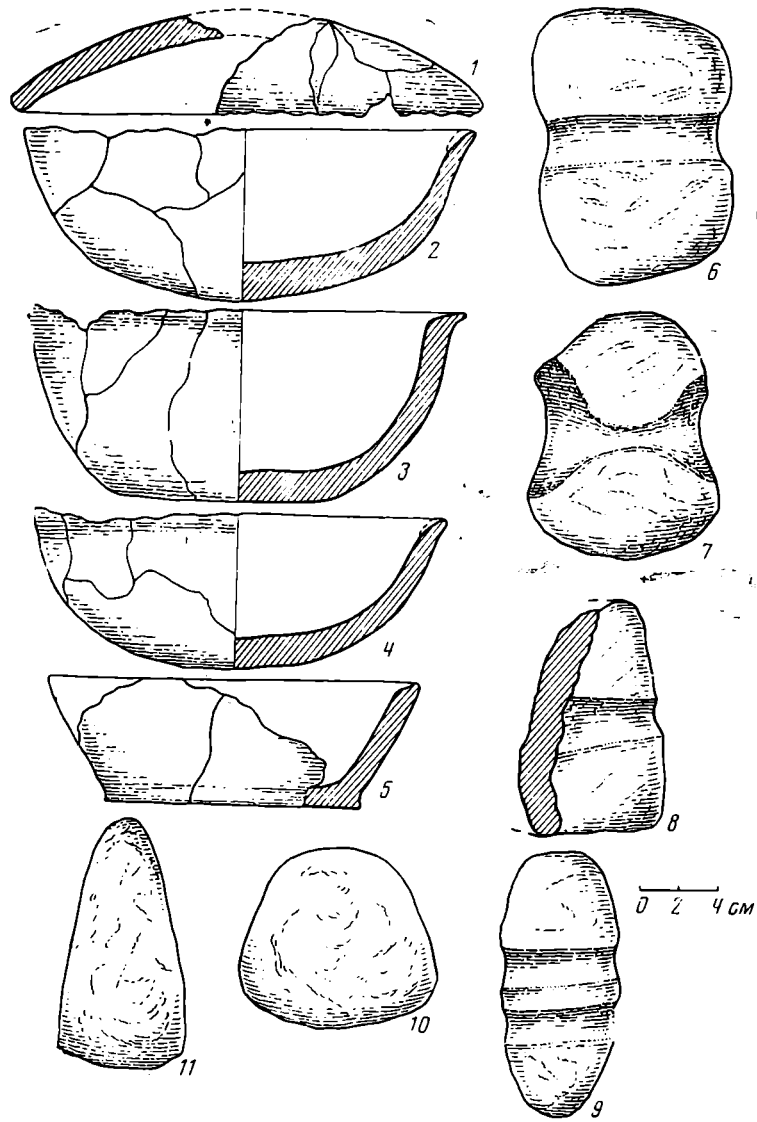


Рис. 8. Плавильные чаши, молоты и песты с Мосоловского поселения

позднесрубной посуды, например посуды с налепными «срубными» валиками, единичные обломки которой встречены в культурном слое.

Открытая на Мосоловском поселении постройка 1 является скорее всего производственным помещением, связанным с доработкой отлитых за его пределами бронзовых изделий. Для понимания характера металлообработки на Мосоловском поселении большое значение будет иметь расширение раскопок, что позволит прежде всего ответить на вопрос о том, является ли данное помещение единственным производственным помещением по металлообработке на поселении или мы имеем дело лишь с частью более значительного производственного комплекса.

Мосоловское поселение является не единственным поселением срубной культурно-исторической общности, где обнаружены свидетельства металлообработки.

Только на территории лесостепного Подонья такого рода свидетельства известны с поселения у Вогрэсовской дамбы в черте г. Во-

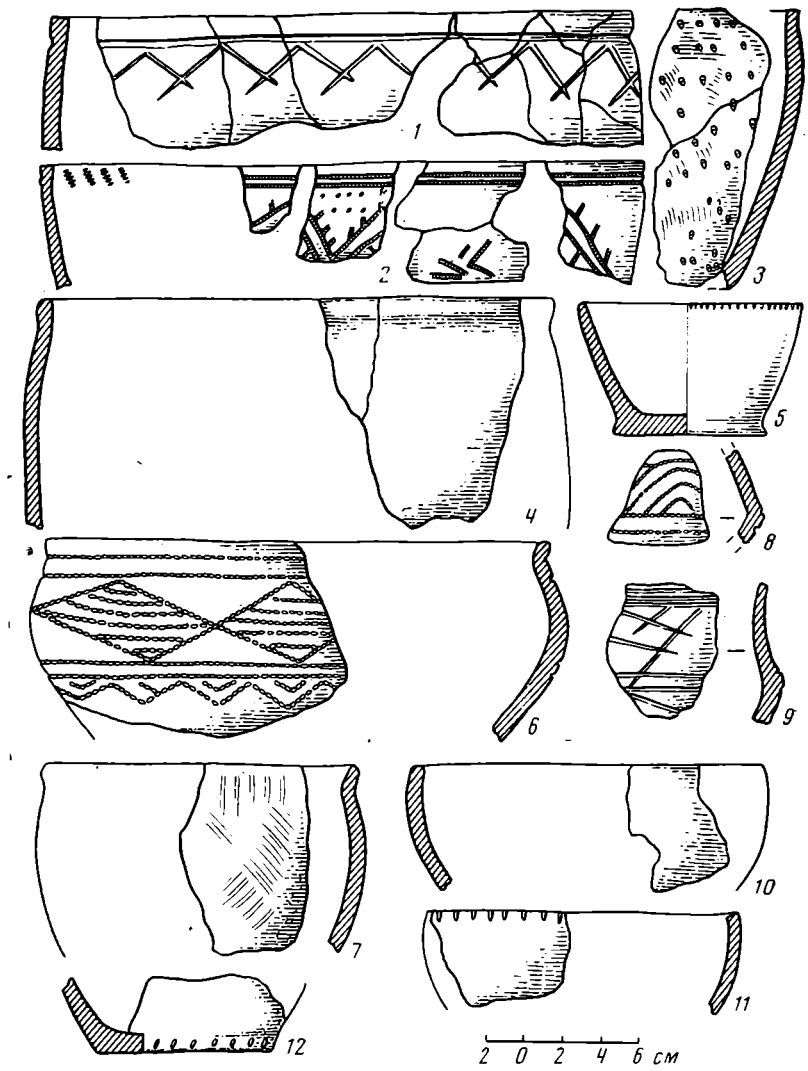


Рис. 9. Образцы керамики из заполнения котлована постройки I Мосоловского поселения

ронежа [19], поселения у с. Боровое на р. Усманке [20], на поселениях Отрожка 1 и Отрожка 2 на р. Воронеж [21].

Основное время существования Мосоловского поселения может быть отнесено к концу третьей — последней четверти II тысячелетия до н. э. Ориентиром для определения начальной даты поселения являются случаи обнаружения здесь керамики абашевского типа и почти полное отсутствие ранних приземистых форм сосудов срубного типа. С другой стороны, время функционирования производственного комплекса нельзя распространять на самый поздний этап срубной культурно-исторической общности, так как в заполнении постройки 1 нет сосудов с вытянутыми пропорциями.

Дальнейшие раскопки Мосоловского поселения, как, впрочем, и проведение спектрального и металлографического анализа металла с поселения, должны дать более полное представление об этом уникальном памятнике эпохи поздней бронзы с металлообрабатывающим производством на территории лесостепной зоны Восточной Европы.

---

[19] *Г. В. Подгаецкий.* Гор. Воронеж. Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М.— Л., 1941, стр. 159, табл. XXIV, *3—9*.

[20] Раскопки археологической экспедиции Воронежского университета 1967 г. под руководством А. Д. Пряхина.

[21] Раскопки Воронежской новостроечной экспедиции 1969—1971 гг. под руководством Б. Г. Тихонова.

A. D. Priakhine, V. I. Sagaidak

UN ATELIER METALLURGIQUE DANS UN ETABLISSEMENT DATANT DE LA CULTURE DES TOMBES A CHARPENTE

Résumé

Les fouilles de 1972 dans l'établissements de Mossolov — communauté culturelle et historique des tombes à charpente à la fin de l'Age du bronze — situé au bord de la rivière Bitioug, sur la rive gauche du Don, ont permis de découvrir un atelier de travail des métaux. C'était une construction à demi creusée dans le sol, de forme rectangulaire, d'une superficie de 8m50x19m50. A l'intérieur de cette aire creusée et sur l'emplacement attenant on a trouvé de nombreux témoignages attestant qu'on y travaillait les métaux: des moules et couvercles en argile, entiers et en fragments (plus de 140 exemplaires), des formes entières ou brisées, des pilons en pierre, des marteaux, de petites enclumes, des gouttes de métal, des éclaboussures, des fragments de plaques de bronze, etc. Les moules se divisaient en moules univalves et bivalves. Dans cet établissement on fondait surtout des haches et des serpes emmanchées. On fondait en outre des herminettes, des couteaux, lances, et autres objets. Au voisinage de cet atelier on a découvert plusieurs fosses dépotoirs et trois sépultures dans une couche culturelle. L'établissement de Mossolov doit être daté de la fin du IIIe ou du dernier quart du IIe millénaire av. n. ère

Л. В. КОПЕЙКИНА

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОБЛИКЕ БЕРЕЗАНИ И ОЛЬВИИ В АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

(истоки строительной традиции)

Облик архаического города, его планировка, особенности архитектуры архаического жилого и общественного здания — все это чрезвычайно интересные, но сравнительно малоизученные вопросы [1]. В их разработке самую большую трудность представляет плохая сохранность архаических сооружений. Даже в таких поселениях, как Березань и Ольвия, где архаический слой очень мощный, насыщенный, строительные остатки этого времени фрагментарны и только с большими допущениями позволяют делать какие-либо выводы о планировке города, об устройстве и архитектуре жилищ [2]. Очень интересные и важные данные получены в результате раскопок архаических слоев Березани и Ольвии в последние годы.

На Березани за это время раскрыт в центральной части острова, почти у самой западной границы поселения, целый участок с остатками полуземлянок и каменных построек конца VII—VI вв. до н. э. (рис. 1). Застройка здесь велась только на протяжении одного столетия, и, таким образом, архаические сооружения сохранились здесь лучше, чем где бы то ни было. Четко различаются два строительных периода: первый датируется концом VII — первой половиной VI в. до н. э., второй целиком падает на вторую половину VI в. до н. э. В первый период весь этот участок был покрыт грунтовыми сооружениями жилого и хозяйственного назначения. К настоящему моменту открыто восемь полуземлянок. Они имеют прямоугольную или овальную форму (размер 4×3 *м*, $2{,}5 \times 4$ *м*), заглублены в материк, как правило, на 0,7—0,9 *м*. В некоторых хорошо сохранился вход, остатки очагов, пола и углубления от опорных столбов. В заполнении полуземлянок среди привозной греческой керамики преобладают фрагменты родосско-ионийских сосудов конца VII — первой половины VI в. до н. э., а также содержится сравнительно много лепной керамики. Полуземлянки расположены без какого-либо определенного плана.

В середине — третьей четверти VI в. до н. э. постройки первого периода были почти одновременно засыпаны и над ними на основе плотной трамбовки из глины и скальной крошки была проложена улица и возведен целый ряд домов с каменными фундаментами. Улица ориентирована строго с севера на юг (рис. 2). Ее удается проследить на расстоянии 21 *м*. Ширина улицы — 3,5 *м*. Улица вымощена обломками стенок амфор, а обочины выложены известняковыми плитками и мелким камнем. Интересно отме-

---

[1] *K. Weikert.* Typen der archaischen Architectur in Griechenland und Kleinasien. Augsburg, 1929; *H. Drerup.* Griechische Baukunst in Geometrischen Zeit, Archaeologice Homerica, II. Gättingen, 1969; *S. Sinos.* Die Vorklassischen Hausformen in der Agais. Mainz am Rein, 1971, S. 110.

[2] *Б. В. Фармаковский.* Ольвия. СПб., 1915, стр. 15; *Е. И. Леви, А. Н. Карасев.* Дома античных городов Северного Причерноморья. Сб. АГСП I, 1955, стр. 215.

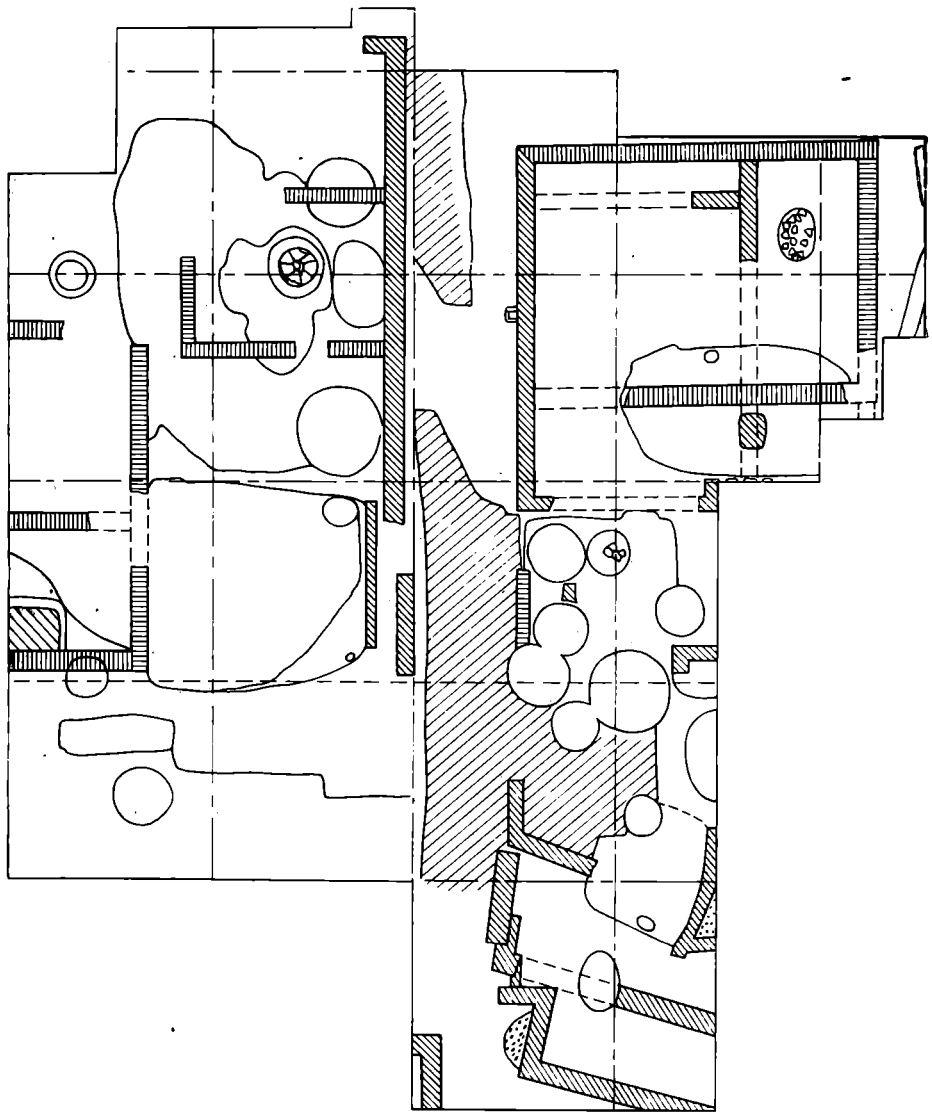


Рис. 1. План северо-западного участка на Березани

тить, что такое же устройство и ширину имеют архаические улицы, открытые в древнем Милете [3].

Все дома с каменными фундаментами группируются в основном по обе стороны улицы и имеют ту же ориентировку. Очень интересное по своей планировке и конструкции здание располагалось вдоль западной обочины улицы. От него сохранилась цокольная часть восточной стены — мощная, двухслойная кладка длиной 11,5 *м*, лицевая сторона которой, выложенная орфостатами, имеет полигональный характер; кроме того, сохранилась часть северной стены и в центральной части прямоугольное помещение с круглым в плане сооружением [4], которое скорее всего яв-

[3] *A. Gerkan.* Milet. Berlin, 1925, I, 8, S. 43, Abb. 30; *М. М. Кобылина.* Милет., М., 1965, стр. 64.

[4] Сооружение имеет цилиндрическую форму с выступающей крышкой и слегка выступающим цоколем. Высота 0,7 *м*, диаметр крышки 0,72 *м*, толщина плит крышки 0,1 *м*. Сооружение покоится на культурном слое. «Тело» базы сложено из «фасонных» подтесанных плиток снаружи, а внутри бутовый камень. Сооружение не имеет характерных для алтарей признаков: ни следов жертвоприношений, ни слива, ни жертвенных закладов. См. *C. Javis.* Greek Altars. Origins and Typology. Missouri, 1949, p. 193, § 53.

Рис. 2. Улица VI в. до н. э. (вид на север)

ляется базой от опорного столба (рис. 3, 4). Здание совершенно очевидно перестраивалось. К самому раннему времени его существования относится восточная цокольная стена и база (подошвы их находятся на одном уровне). Техника кладки восточной стены, ее размеры, наличие опорных столбов — все это дает возможность сделать предположение, что в этот начальный период здание имело мегаронную планировку [5]. В позднейшем же варианте оно представляло собой вытянутый в плане прямоугольник размером 11,5 × 6 *м* с несколькими помещениями внутри и имело ориентацию север — юг.

К западу от него открыты остатки кладок еще одного дома. Здание частично уходит в западный борт раскопа, но все же план его можно хорошо себе представить. Оно также имеет прямоугольную форму, вытянуто с севера на юг и состояло из двух помещений, южного (размер 3,3 × 4 *м*) и большего по площади северного. Общая длина здания около 9 *м*. Внутри южного помещения сохранились остатки очага.

С восточной стороны улицы, непосредственно напротив здания с базой для опорного столба, было расположено большое здание, планировка которого полностью восстанавливается (рис. 5). Оно также имело прямоугольную форму и ориентировано с севера на юг. Дом состоял из нескольких помещений: большого, западного (6 × 6 *м*) и двух меньших по площади — южного и восточного. Причем восточное помещение, вероятно, служило внутренним двориком: в нем сохранились остатки каменной вымостки. Фундаменты дома выложены из плоских известняковых плит с незначительными следами подтески и подгонки (высотой 0,4 *м*, шириной 0,5 *м*). Характер кладок, способ их соединения между собой [6] показывают, что здание пережило два строительных периода. Сначала оно занимало пло-

[5] О пропорциональных соотношениях и конструкции домов мегаронного типа см. *H. Drerup.* Op. cit., S. 91.

[6] Фундамент северной стены здания на востоке образует крепкий угол, соединяясь с кладкой восточного фундамента в переплет. Западный же его конец только примыкает к западной кладке, а в верхней части перекрывает ее. По характеру обработки и техническим данным кладки тоже различаются. Все это позволяет предполагать здесь два строительных периода.

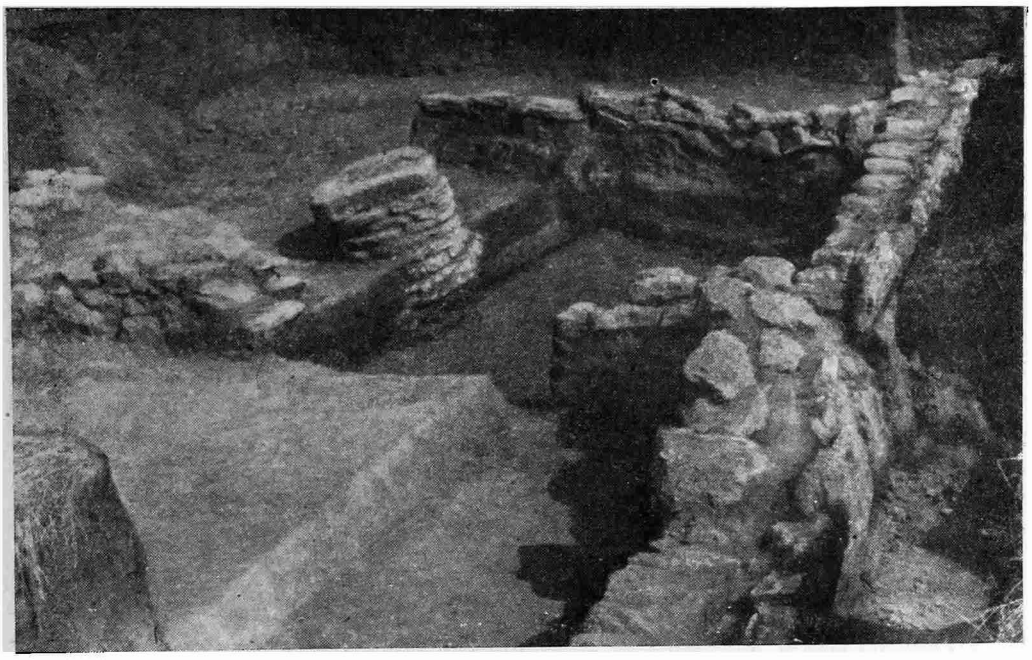


Рис. 3. Остатки дома с базой от опорного столба

Рис. 4. База от опорного столба

щадь 48 $м^2$ и было вытянуто с севера на юг. Позднее, однако, в пределах же второй половины VI в. до н. э., оно было расширено к востоку. При этом возникает новая северная, восточная стена и перегородка, идущая с востока на запад. Общая площадь здания в это время равнялась 72 $м^2$. Крышу, видимо, поддерживали деревянные подпорки. Гнездо для одной из таких подпорок сохранилось у западной стены дома. К востоку от него было расположено еще одно здание, столь же внушительных размеров [7]. Дома разделял узкий переулок (шириной 0,9 $м$), ориентированный так же, как и улица, с севера на юг.

[7] В 1973 г. открыт только фундамент его западной стены. Длина кладки 13,5 $м$.

Рис. 5. Вид здания, расположенного к востоку от улицы

Остатки очень интересных сооружений были раскрыты в южном конце улицы: это заглубленное в материк прямоугольное помещение и примыкающие к нему с юга и запада фундаменты наземных построек. Их ориентировка несколько отличается от правильной планировки, характерной для всех остальных построек второго периода на этом участке. Все они имеют направление с юго-востока на северо-запад. Наибольший интерес здесь представляет помещение, впущенное в материк. Это прямоугольное в плане сооружение со скругленными углами, размер 2,6 × 2 *м*. Помещение заглублено в материк на 1,15 *м*. Материковые стенки его были облицованы каменной кладкой. Одна из них хорошо сохранилась (рис. 6). Кладка сложена из крупных, хорошо обработанных прямоугольных известняковых блоков. Сохранилось семь рядов в высоту. Помещение это относится либо к жилищам полуземляночного типа [8], либо является подвальной частью здания, фундаменты наземной части которого располагались дальше к югу. Фундаменты сохранились очень фрагментарно и не дают возможности с точностью восстановить планировку дома. Помещение, заглубленное в материк, прекратило свое существование уже в 20-е годы VI в. до н. э., о чем свидетельствует материал из его засыпи: при зачистке его была раскрыта свалка керамического боя третьей четверти VI в. до н. э. Очевидно, засыпка помещения была связана с сооружением вымостки улицы и прилегающих к ней зданий. Таким образом, можно думать, что этот комплекс возник несколько раньше улицы и домов, расположенных севернее.

В засыпи всех этих сооружений среди расписной греческой керамики преобладает керамика стиля фикеллура и чернофигурные аттические сосуды. Обращает на себя внимание тот факт, что в их заполнении обнаружено большое количество терракот в отличие от других участков, где находки их чрезвычайно редки. Найденные терракоты характерны для архаических слоев городов Северного Причерноморья в целом. Здесь представлены самые разнообразные типы, но особенно много фрагментов терракотовых фигурок богини, сидящей на троне. Такое скопление терракот в одном месте заставляет думать о каком-то особом, может быть культо-

[8] По своему устройству и размерам сооружение очень близко к жилищам полуземляночного типа, открытым на пос. Широкая Балка. См. *Б. М. Рабичкин.* Поселение у Широкой балки. КСИИМК, X, 1951, стр. 114, рис. 1, 2.

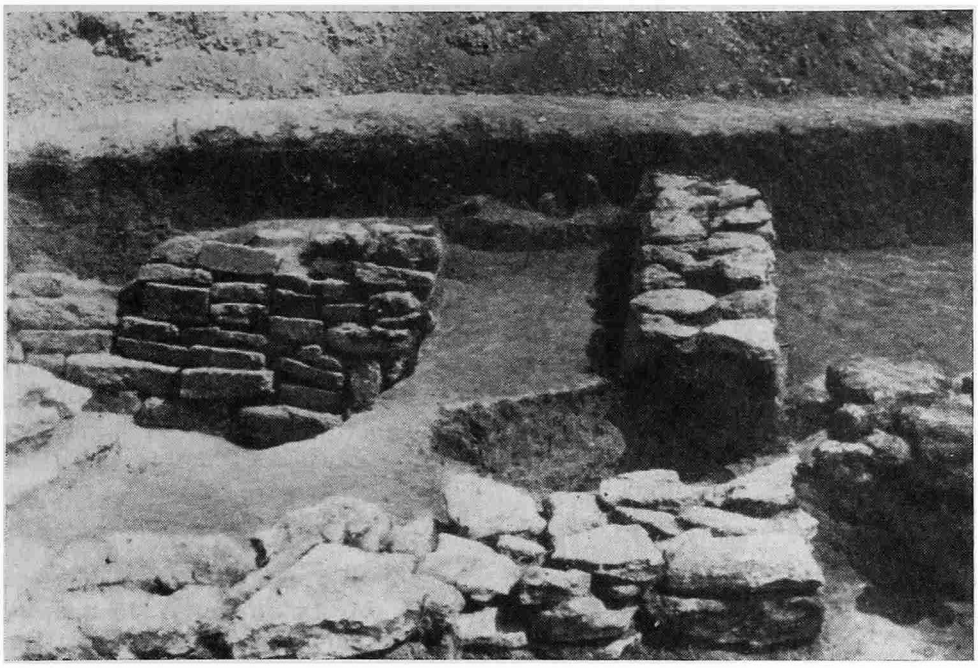


Рис. 6. Помещение, заглубленное в материк

вом, назначении этих сооружений. Об этом же свидетельствует конструкция и размеры зданий. Например, здание с мощной базой для опорного столба совершенно очевидно отличается от обычных жилых построек по своей конструкции и монументальности. Да и другие дома по площади превышают архаические постройки, открытые ранее на Березани, например на раскопе А и В — 8 [9], а также архаические жилые дома, известные нам по раскопкам других античных поселений Северного Причерноморья. Так, дом эмпория в Пантикапее занимал площадь всего 8 $м^2$, а так называемый дом Коя конца VI в. до н. э.— 40 $м^2$ [10].

Ясно, что на этом участке во второй строительный период мы имеем дело не с рядовой жилой застройкой, а скорее всего с каким-то общественным центром. На это указывает и наличие правильной планировки, явление, которое до сих пор не встречалось в северопричерноморских городах в столь ранний период. Улица и дома, окружавшие ее, за исключением разве что южного комплекса, были, видимо, построены почти одновременно и по какому-то единому плану.

Результаты раскопок на этом участке имеют очень большое значение для уточнения облика березанского поселения архаической поры, а вместе с тем и особенности его исторического развития в этот период. Мы не видим никакого спада в экономической и культурной жизни поселения во второй половине VI в. до н. э., как это почему-то было принято считать до сих пор [11]. Наблюдается бурный подъем строительства, причем не только жилого, хозяйственного, но и общественного характера. Именно в это время поселение, вероятно, достигает своих максимальных размеров, и лишь

[9] *Э. Р. Штерн.* Раскопки на о. Березань. ОАК 1908, стр. 84; 1909—1910, стр. 107, рис. 154.

[10] *В. Д. Блаватский.* Строительное дело Пантикапея. МИА, 56, 1957, стр. 13, рис. 7, стр. 19.

[11] Еще в работах и отчетах Э. Р. Штерна было высказано предположение, что во второй половине VI в. до н. э. в течение 25—50 лет был перерыв в жизни березанского поселения. Более поздние археологические раскопки не подтвердили этого, но все же мнение о том, что во второй половине VI в. до н. э. березанское поселение переживает упадок, сохранилось: см. *Я. В. Доманский.* Из истории населения Нижнего Побужья в VII—IV вв. до н. э. АСбГЭ 2, 1961, стр. 38.

с начала V в. до н. э. границы его начинают сокращаться, о чем красноречиво свидетельствует гибель всех построек на северо-западном участке в конце VI в. до н. э.

Параллельно с раскопками на Березани чрезвычайно интересные остатки архаических построек удалось раскрыть в последние годы и в Ольвии, на территории здания дикастерия и непосредственно к западу от него. В архаическое время здесь уже существовал целый жилой квартал с насыщенной и плотной застройкой [12]. Однако его планировка не восстанавливается так четко, как это мы видим на Березани. Удается воссоздать только отдельные сооружения: полуземлянку, подвал с каменными стенками, различного рода углубления и фундаменты наземных сооружений. Наибольший интерес на этом участке представляет здание, раскрытое непосредственно к западу от дикастерия. Хорошо сохранившийся фундамент и цокольная часть стен позволяют почти полностью реконструировать его планировку. По плану оно представляет собой вытянутый прямоугольник, ориентировано с юго-востока на северо-запад. Здание состояло из двух наземных помещений: южного, почти квадратного (5,5×5,5 *м*), узкого северного (2,2×5,5 *м*) и подвала, который находится на севере (3×5,5 *м*). Наибольшая высота цоколя 0,5 *м* (рис. 7).

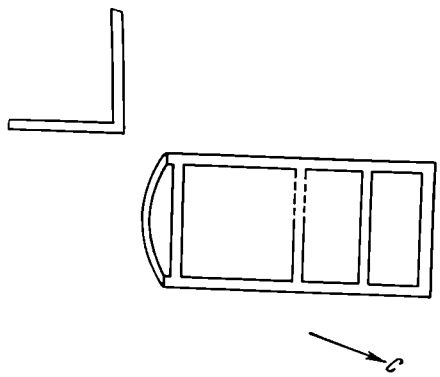


Рис. 7. План ольвийского архаического дома с полигональной кладкой

Наземные кладки здания во многих местах были выбраны до подошвы при позднейших перестройках. Лучше всего сохранилась восточная стена. Как можно видеть, перед нами великолепный образец так называемой полигональной кладки, выложенной на два лица (рис. 8, 9). Наиболее тщательно обработана ее восточная сторона. Она составлена из больших, пригнанных друг к другу монументальных плит, поставленных на ребро. Несколько хуже сохранились западная и южная стены. Подошва кладок выложена из крупных, горизонтальных блоков местного и привозного камня. По одному такому большому блоку выступает с восточной и западной стороны за пределы южной кладки. Можно предположить, что они служили основанием для колонн или опорных столбов. Здесь, на юге, видимо, был расположен вход в здание, оформленный как открытый портик [13]. Апсидообразная однорядная кладочка из небольших камней, примыкающая с юга к подошве восточной и западной стен, видимо, тоже была как-то связана с оформлением входа в здание (рис. 10).

Как уже отмечалось, с севера примыкает подвальная часть здания. Подвал впущен в материк на глубину 2 *м*. Стенки его были выложены двухрядной каменной кладкой. Каменная обкладка сохранилась на всю высоту только с южной стороны. Лицевой ряд ее сполз вниз почти на протяжении всей стены. С востока и запада камни от облицовок сохранились только у подошвы, северная же граница подвала устанавливается только по материковому срезу. В северо-западном углу подвала открыты остатки очага, видимо вмонтированного в каменную обшивку стенок. Подвал был разрушен, видимо, еще в древности до его засыпки.

Здание возведено на естественном возвышении. Перед его сооружением все неровности рельефа были тщательно выровнены посредством довольно

[12] *А. Н. Карасев.* Раскопки Ольвийской агоры в 1967—1969 гг. КСИИМК, 130, 1972, стр. 40.

[13] Возможно, он имеет такой же вид, как на модели дома из Аргосского герайона. См. *H. Drerup.* Op. cit., Taf. OIIIa, IIa, b.

Рис. 8. Восточная стена (лицевая сторона)

толстого утрамбованного слоя из чередующихся слоев известняковой крошки и перемешанной полевой земли. Керамический материал, найденный у подошвы кладок здания и в заполнении подвала (фрагменты чернофигурной аттической керамики, ионийских сосудов), показывает, что на рубеже VI—V вв. до н. э. здание прекратило свое существование. Следовательно, его сооружение относится ко времени не позднее середины VI в. до н. э.

Огромная ценность и важность открытия этого здания для истории архаической Ольвии очевидна. Как известно, впервые отрезок полигональной кладки был обнаружен в Ольвии Б. В. Фармаковским в районе кургана Зевса [14]. Теперь же открыто здание подобного типа, план которого восстанавливается полностью. По планировке оно сходно с домами, открытыми на Березани. Но по монументальности, техническим особенностям кладки, по сохранности оно не имеет себе равных ни в Ольвии, ни вообще в Северном Причерноморье. Здание явно выходит из числа рядовых построек. Мощное цокольное основание, монументально оформленный вход, то, что оно было расположено на возвышенности, в центральной части города, в непосредственной близости от теменоса при входе на агору,— все это заставляет предполагать, что это постройка общественного типа или жилище какого-то знатного лица [15]. На расстоянии 2,5 *м* от юго-западного угла этого здания в 1973 г. начато вскрытие еще одного здания сходной конструкции, с цоколем, выложенным в полигональной технике [16]. Таким образом, работы на этом участке впервые за долгие годы раскопок позволяют нам с большей определенностью воссоздать картину каменного наземного строительства в архаической Ольвии.

Открытия последних лет на Березани и в Ольвии дают возможность делать некоторые обобщающие выводы относительно особенности конструкции архаических домов этих поселений, относительно строительных приемов и традиций, бытовавших здесь в этот период. Прежде всего они заставляют прийти к выводу, что массовое наземное строительство, камен-

[14] *Б. В. Фармаковьский.* Разкопування Ольбіі, р. 1926, Одеса, 1929, стор. 44, мал. 26.

[15] Это предположение подтверждается также и тем, что в заполнении сооружения почти нет лепной и кухонной керамики.

[16] Открыт северо-восточный угол здания, часть северной цокольной кладки длиной 4 *м* и восточной цокольной кладки длиной 6 *м*.

Рис. 9. Восточная стена и перегородка (вид изнутри)

ное строительство начинается только с середины VI в. до н. э., а в первой половине VI в. до н. э. преобладают землянки и полуземлянки [17]. Дома с каменными фундаментами по своему устройству и планировке и на Березани, и в Ольвии очень близки. Они, как правило, прямоугольны в плане, состоят обычно из одного, двух или трех помещений, вытянутых по одной оси. Иногда появляется небольшой внутренний дворик или подвальное помещение. Как показывают раскопки в Ольвии, подвальные помещения становятся довольно распространенным явлением уже к концу VI в. до н. э. [18] В одном из помещений находился очаг. Фундаменты домов были выложены из камня, а стенки из сырцовых кирпичей. Крышу дома, вероятно камышовую, поддерживал ряд деревянных подпорок. Такую схему здания использовали при постройке жилых домов, ее же использовали и при постройке более монументальных зданий, как мы это видим на примере ольвийского дома.

Сходную планировку и устройство имеют архаические дома VI—V в. до н. э., открытые и в других поселениях Северного Причерноморья, например в Тиритаке или в Пантикапее [19]. Таким образом, можно думать, что в архаический период во всем Северном Причерноморье бытовали более или менее единые приемы массового строительства, что неудивительно, так как эти традиции были завезены греческими переселенцами из одних и тех же метрополий Восточной Ионии. В этом плане чрезвычайно интересно провести параллель между методами застройки восточноионийских и северопричерноморских городов в архаический период.

---

[17] Периодизация наземного каменного строительства, предложенная в свое время Э. Р. Штерном (первая половина VI в. и конец VI—V в. до н. э.), была совершенно справедливо подвергнута критике со стороны М. Ф. Болтенко и В. В. Лапина. См. *Э. Р. Штерн.* Указ. соч., ОАК, 1904, стр. 47—49; 1906, стр. 5—52; 1909—1910, стр. 106—111; *В. В. Лапин.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, стр. 98.

[18] Остатки архаических подвалов были открыты на территории дикастерия в Ольвии и к западу от него. См. *А. Н. Карасев, Е. И. Леви.* Работы ольвийской экспедиции ЛОИА в 1960—1962 гг. КСИИМК, 103, 1965, стр. 85, рис. 29; *А. Н. Карасев.* Раскопки Ольвийской агоры в 1967—1969, рис. 8. Архаические подвалы обозначены под № 1, 2, 5. За последние годы остатки архаических подвалов были открыты также на участке АГД.

[19] *В. Ф. Гайдукевич.* ВДИ, 1940, 3, 4, стр. 306; *Е. И. Леви, А. Н. Карасев.* Дома античных городов Северного Причерноморья, стр. 217, рис. 1; *В. Д. Блаватский.* Ук. соч., стр. 13.

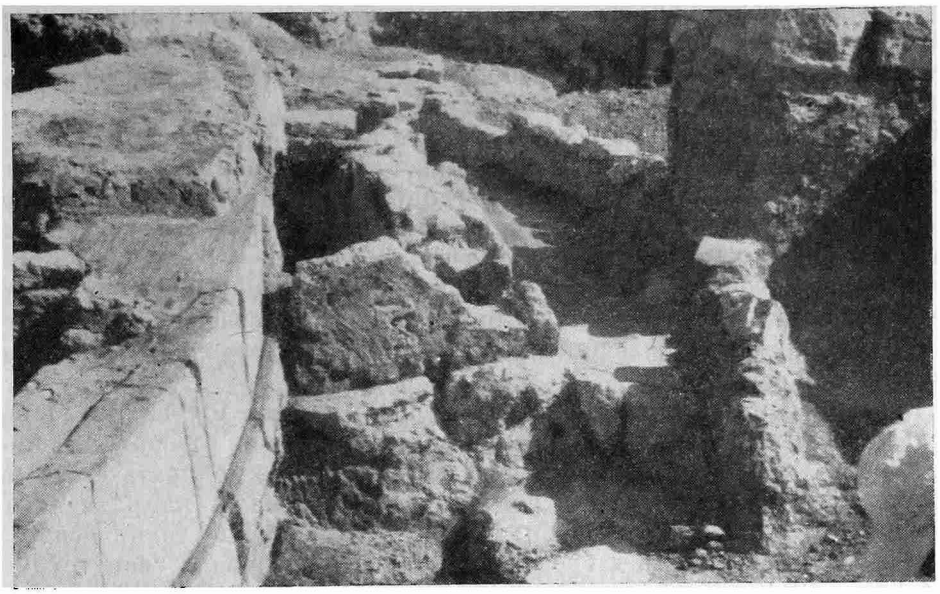


Рис. 10. Юго-западный угол дома и апсидообразная кладка

В конце геометрического, в раннеархаическое время в Ионии сосуществуют два типа зданий: дома с мегаронной планировкой и прямоугольные дома с одним или несколькими помещениями, вытянутыми по одной оси. Дома мегаронного типа по сравнению с последними обычно более монументальны (11×6, 10×5 *м*). Здесь часто применяется полигональная кладка. С мегаронной планировкой зданий мы сталкиваемся, когда речь идет о культовых сооружениях или зданиях общественного характера, дворцах правителей. Мегаронную планировку, например, имел храм Афины в Милете, святилище на Фасосе, на Хиосе, так называемый дом правителя на Хиосе, дворец правителя в Ларисе [20]. Жилые дома — это чаще всего вытянутые в плане прямоугольники, где одно помещение следует за другим. Такие дома нам известны по раскопкам на Хиосе, в Милете и Смирне [21]. В Смирне и Милете некоторые дома имели внутренний дворик, который располагался либо по оси крытых помещений, либо примыкал сбоку. Иногда вход в дом был оформлен антами. Одно из помещений в доме, как правило, больше остальных по размеру — это главный зал. Во многих домах сохранились следы очагов. Такая планировка, несомненно, происходит от мегаронной, как предполагают Вейкерт и Бордман. Однако здания эти проще по устройству, меньше по размеру (6×4, 7×5 *м*), имеют каменные фундаменты и сырцовые стены.

На возможность заимствования строительных приемов в Ионии указывал уже в свое время В. Д. Блаватский при описании архаических домов Боспора [22]. Раскопки же Березани и Ольвии с еще большей наглядностью показывают, насколько сильными и стойкими были ионийские традиции в Северном Причерноморье. Мы встречаем здесь традиционную для раннеархаической Ионии схему жилого дома. Причем она продолжает жить вплоть до V в. до н. э., когда в самих ионийских городах уже отходят от этой простой, архаичной планировки и начинают строить дома с более

[20] Milet, I, 8, Abb. 18, *8, 15*; *М. М. Кобылина.* Ук. соч., стр. 86, рис. 25, 26. PW, suppl. VII, 1940, Haus, S. 251; *J. Boardman.* Excaveitions in Chios, 1952—55. BSA, Suppl. 6, 1967, p. 31, 36.

[21] *М. М. Кобылина.* Ук. соч., стр. 59, рис. 10, 12; *K. Weikert.* Op. cit., S. 65, 168; *J. Boardman.* Op. cit., p. 37, 42—46, fig. 21—27; *E. Akurgal.* Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. Berlin, 1961, S. 184, Abb. 134; *J. M. Cook.* Greeks in Ionia and the East, N. Y., 1963, p. 72.

[22] *В. Д. Блаватский.* Ук. соч., стр. 15.

разветвленной сетью внутренних помещений [23]. Преемственность ионийской традиции мы видим, например, в применении полигональных кладок, прекрасным примером для которых могли послужить кладки, встречаемые в Смирне, Ларисе [24].

Регулярная планировка в столь раннее время, с которой мы сталкиваемся на Березани,— это тоже традиция, заимствованная из ионийских метрополий. Ведь мы знаем, что регулярная планировка если не всего города, то хотя бы отдельных его кварталов была известна в ионийских центрах уже в архаический период, а именно в VII—VI вв. до н. э. Такая планировка встречается еще в доаллиатовских слоях древней Смирны. Улицы и дома там имели строгую ориентировку с севера на юг. Черты регулярной планировки зафиксированы также на отдельных участках в Милете и на Родосе [25].

Строительный опыт ионийских метрополий, как мы видим, широко использовался во вновь основанных причерноморских городах. Но вместе с тем они вынуждены были с самого начала приспосабливать его к местным условиям. Ассортимент строительного материала, климатические и географические условия, наконец, подчас ограниченные технические возможности и стесненность в средствах — все это создавало свои трудности и заставляло искать новых решений. Так, на Березани из-за недостатка материала камень использовался в самом минимальном количестве: из него выкладывались только фундаменты стен. При этом чаще всего применялись известняковые плиты с очень незначительной подтеской, сложенные на глиняном растворе. Стены же, как правило, выкладывались из сырцовых кирпичей. Так строились архаические дома не только на Березани, но и во всех других поселениях Северного Причерноморья: и в Ольвии, и в Пантикапее, и в Тиритаке, и т. д. [26] Одним из наиболее важных и интересных новшеств было появление подвального помещения. В ионийских городах мы не встречаем ни одного архаического дома с подвалом. И поэтому помещения такого типа, открытые в поселениях Северного Причерноморья, не всегда правильно интерпретировались. Например, Э. Р. Штерн и М. Ф. Болтенко не сразу определили два таких помещения, найденных на Березани в 1909 и 1913 гг., как подвалы [27]. Теперь уже архаические подвалы хорошо известны на Березани и в Ольвии, и мы не можем сомневаться в их назначении. Очевидно, появление подвальной части дома было продиктовано не столько хозяйственными нуждами, сколько местными природными условиями. Они, вероятно, использовались часто как жилые помещения, о чем, например, свидетельствует наличие очага в подвале описанного выше ольвийского дома. Эта традиция, зародившаяся в архаическое время, находит свое дальнейшее развитие в позднейшем строительстве Березани, Ольвии и других поселений в Северном Причерноморье.

В статье мы почти не коснулись другого типа жилища, очень распространенного в архаический период в Северном Причерноморье,— землянок и полуземлянок, ибо этот вопрос требует отдельного серьезного исследования. Но совершенно несомненно, что использование такого типа жилищ и в отдельных случаях сосуществование их с наземными постройками — это тоже одна из интереснейших особенностей местного строительного дела.

---

[23] PW, Suppl. VII, S. 250—253.

[24] *J. M. Cook.* Old Smyrna, 1948—1951. BSA 53—54, 1958—1959, p. 93, pl. 20, *c.* Larisa am Hermos I, Berlin, 1940, Taf. 3—8.

[25] *E. Akurgal.* The Early Period and the Golden Age of Ionia. AJA, 66, 1962, p. 374. *H. Drerup.* Op. cit., S. 99.

[26] *Е. И. Леви, А. Н. Карасев.* Дома античных городов Северного Причерноморья..., стр. 217.

[27] *В. В. Лапин.* Ук. соч., стр. 98.

Таким образом, в застройке поселений Северного Причерноморья, прежде всего Березани и Ольвии, в архаический период преобладает ионийская строительная традиция, но с самого начала появляются и совершенно характерные местные особенности, которые развиваются и усиливаются по мере роста самих поселений.

L. V. Kopeĭkina

NOUVEAUX RENSEIGNEMENTS SUR L'ASPECT DE BEREZAN ET D'OLBIA A L'EPOQUE ARCHAIQUE

Résumé

L'article est consacré aux résultats des fouilles des niveaux archaïques menées ces quatre dernières années sur les sites de Bérézan et d'Olbia. Il relate les renseignements fournis par l'examen des constructions archaïques y déblayées. Une attention particulière est accordée à l'étude des vestiges des maisons aux fondations en pierre. C'est sur les sites de Bérézan et d'Olbia que l'on a découvert pour la première fois quelques maisons archaïques de la deuxième moitié du VI s. av. n. é. dont on peut reconstituer presque entirement le plan et définir la construction complète. L'infrastructure de ces maisons a pas mal de commun. Toutes sont de plan rectangulaire allongé, comportent de 1 à 3 locaux parfois avec une cour interieure ou une cave. La plus intéressante de toutes est celle déblayée à Olbia dans le secteur E-3. Elle est composée de deux locaux à la surface de terre et un souterrain, allignés sur un axe. Le socle est bâti suivant la technique de la maçonnerie polygonale. Cet édifice se distingue d'une façon spectaculaire du nombre des bâtisses communes ordinaires. Il ne se trouve pas d'analogies, quant à son infrastructure et le caractère monumental, non seulement à Olbia mais également en d'autres localités du littoral nord de la mer Noire.

L'analyse des niveaux archaïques amène à la conclusion que la construction en masse des édifices aux fondations de pierre ne débute qu'au milieu du VI s. av. n. è. tandis que avant ce temps les constructions du type souterrain et demi-souterrain prédominent.

Le problème de l'influence de la tradition ionique sur la construction des localités du littoral nord de la mer Noire est également considéré dans l'article. L'expérience de construction des metropoles ioniques y était vraisemblablement largement utilisé. Pourtant, dès l'origine, prennent leur dèveloppement les particularités locales telles que utilisation des constructions aménagées en pleine terre, caves etc.

М. Г. МАГОМЕДОВ

ХАЗАРСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ

До недавнего времени сведения, известные по восточной географической литературе, о бытовании многочисленных хазарских городов и поселений на территории Приморского Дагестана не имели подтверждения со стороны археологии. Слабая изученность памятников не только в Дагестане, но и по всей Юго-Восточной Европе, где на обширных территориях, по данным источников в VII—X вв., простиралась Хазарская держава, наряду с противоречивостью и скудостью самих источников порождали различные, порой взаимоисключающие оценки исследователей культуры каганата и роли Хазарского государства в истории нашей страны [1].

Археологическое изучение Хазарии, предпринятое советскими исследователями [2], широко развернулось после Великой Отечественной войны с началом работ Волго-Донской экспедиции под руководством М. И. Артамонова. В результате этих работ в бассейне Волги и Дона выявлены и большими площадями раскопаны многочисленные памятники так называемой салтово-маяцкой культуры [3]. В фундаментальном труде М. И. Артамонова «История хазар», написанном по данным письменных источников с привлечением и обширных материалов раскопок, дается капитальное исследование хазарской проблемы в целом [4]. Однако основные археологические материалы в работе не проанализированы и этнокультурная их принадлежность осталась, по существу, невыясненной.

Следующим серьезным шагом в изучении хазарской культуры является работа С. А. Плетневой. Ей удалось убедительно доказать, что широко распространенная в Юго-Восточной Европе салтово-маяцкая культура связана с Хазарским каганатом [5]. Она выделила пять локальных вариантов этой культуры, которые соответствовали политическим или племенным объединениям, входившим в состав каганата. Необходимо отметить, что С. А. Плетнева выделила среди них отдельно и дагестанский вариант хазарской культуры [6], остававшийся до этого практически неизвестным.

В предлагаемой работе дается обзор хазарских памятников, исследованных в последние годы в Приморском Дагестане, где, по сведениям пись-

---

[1] *В. В. Григорьев.* Россия и Азия. СПб., 1876, стр. 66; *Б. А. Рыбаков.* К вопросу о роли хазарского каганата в истории Руси. СА, XVIII, 1953, стр. 131; *М. И. Артамонов.* История хазар. Л., 1962, стр. 453; *А. Алексин, Л. Н. Гумилев.* Хазарская Атлантида. Азия и Африка, 1962, 2; *Л. Н. Гумилев.* Открытие Хазарии. М., 1966, стр. 92 сл.

[2] *Ю. В. Готье.* Железный век в Восточной Европе. М.— Л., 1930; *И. И. Ляпушкин.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, 62, 1958; *Н. Я. Мерперт.* О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, XXXVI, 1951; *М. И. Артамонов.* Средневековые поселения на нижнем Дону. ИГАИМК, 131, Л., 1935 сл.

[3] Труды Волго-Донской экспедиции, I, МИА, 62, 1958; II, МИА, 75, 1959; III, МИА, 109, 1963.

[4] *М. И. Артамонов.* История хазар, стр. 453.

[5] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. М., 1967.

[6] Там же, стр. 186.

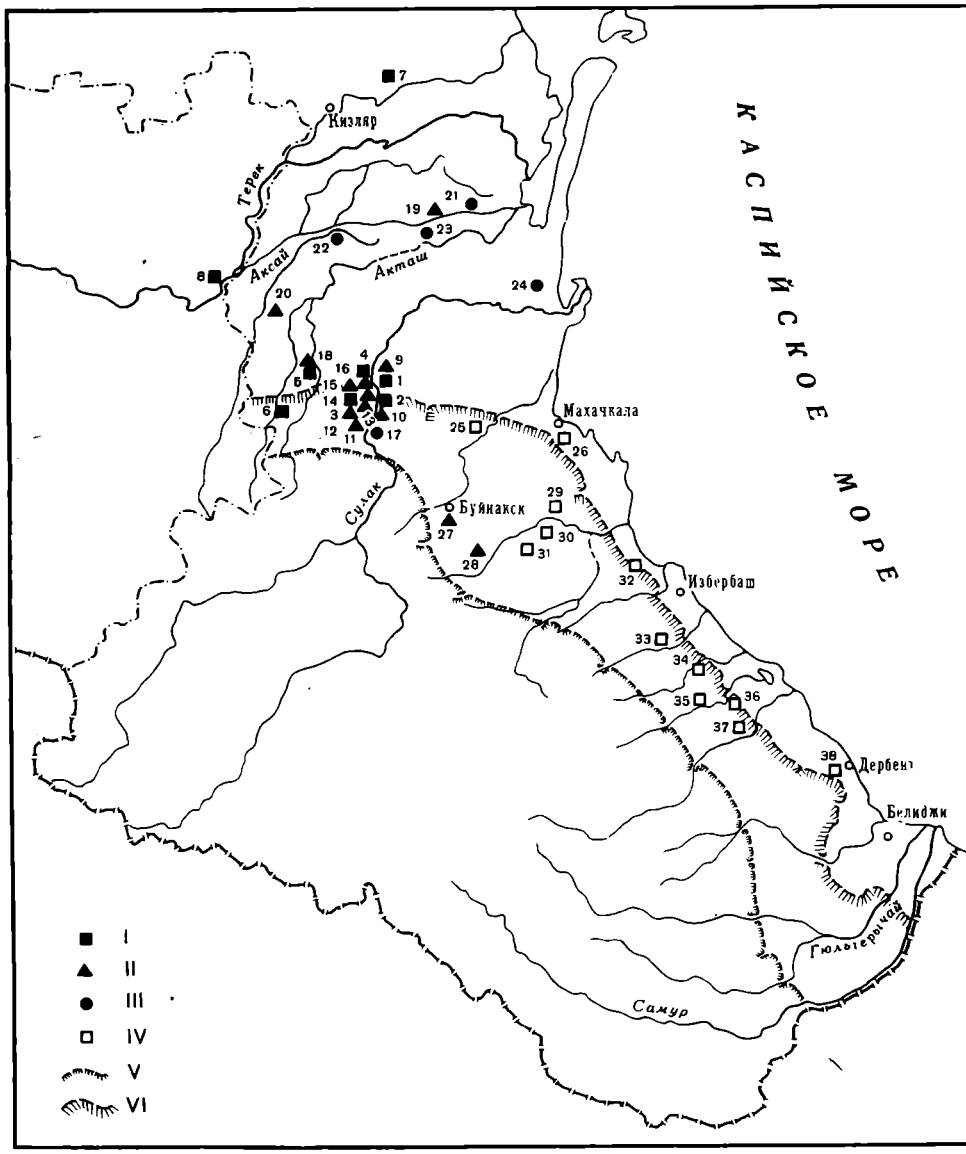


Рис. 1. Карта хазарских поселений, обнаруженных на территории Дагестана: *1* — Верхнечирюртовское, *2* — Сигитминское, *3* — Исти-Су, *4* — Бавтугайское, *5* — Андрейаульское, *6* — Новокулинское, *7* — Некрасовское, *8* — Шелковское, *9* — Верхнечирюртовское, *10* — Правобережное, *11* — Миатлинское, *12* — Черное поле, *13* — Мусашейхское, *14* — Исти-Су, *15, 16* — Бавтугайские, *17* — Хадумская, *18* — Андрейаульское, *19* — Герменчикское, *20* — Аксайское, *21* — Бораульская, *22* — Герменчикская, *23* — Новонадеждинская, *24* — Тенг-Кала, *25* — Капчугайское, *26* — Таркинское, *27* — Буйнакское, *28* — Нижнеджengутайское, *29* — Гуржиюртовское, *30* — Гентурунское, *31* — Какашуринское, *32* — Урцекское, *33* — Шамшахарское, *34* — Эскиюртовское, *35* — Таргу, *36* — Чакавуркент, *37* — Колачи, *38* — Деребентское.
Условные обозначения: I — городище, II — поселение, III — крепость, IV — городище II группы, V — граница высокогорий, VI — граница предгорий.

менных источников, были расселены собственно хазарские племена (рис. 1).

По своим размерам, месту расположения, структуре культурных отложений и особенностям оборонительных сооружений памятники эти могут быть разделены на четыре группы (рис. 1). К первой относятся крупные городища, расположенные вдоль речных террас, на границе предгорий и приморских районов Северо-Восточного Дагестана. Они выделяются обширными размерами (наиболее значительные из них достигают более 50 *га*), укреплены мощной системой оборонительных сооружений. Куль-

турные отложения городищ, насыщенные серолощеной керамикой, костями животных и другими бытовыми остатками, достигают нередко 3 *м* толщины. К ним примыкают обширные курганные или грунтовые могильники с захоронениями в подкурганных катакомбах или в ямах различных конструкций.

1. Верхнечирюртовское городище. Наиболее заселенной территорией в хазарскую эпоху выступает Чирюртовская долина, образованная системой хребтов в предгорьях Дагестана. Замкнутая с трех сторон отрогами хребтов, она тянется на 15 *км* вдоль р. Сулак и достигает на отдельных участках 4 *км* ширины. Открытый пролом хребтов, откуда Сулак вырывается из предгорий, связывает ее с Прикаспийской низменностью, служившей основным путем кочевых народов в страны Закавказья. Среди разнообразных памятников, выявленных здесь[7], особо выделяется Верхнечирюртовское городище, расположенное у выхода из долины. Точные размеры городища не устанавливаются в связи с затоплением значительной его площади при сооружении Чирюртовской ГЭС. Сохранившиеся культурные отложения городища, перекрытые сел. Чирюрт, протянулись до 1 *км* вдоль берегов реки. Ширина его с учетом затопленной части достигала не менее 1,2 *км*. В 1955—1959 гг. в зоне строительства ГЭС были проведены большие стационарные раскопки, в результате которых исследованы памятники разных эпох. На Верхнечирюртовском городище выявлены толщи культурных отложений, достигавших 3 *м*, насыщенные костями животных, предметами хозяйственного назначения, орудиями труда и особенно керамикой, представленной в основной массе серолощеными и изредка красноангобированными фрагментами[8]. Остатки многокамерных жилых и хозяйственных помещений, исследованных здесь, возведены из рваного известняка и речных валунов[9]. Это огромное для своего времени городище было укреплено с открытой приморской стороны массивными оборонительными сооружениями, достигавшими 10 *м* толщины. К его остаткам прилегают и несколько одновременных могильников, свидетельствующих о социальной и этнической пестроте обитателей городища.

Основной из них с захоронениями в подкурганных катакомбах тянется более 3 *км* на восток от оборонительных стен (рис. 2). Внушительные, достигающие нередко 5—6 *м* высоты и более 60 *м* в диаметре насыпи курганов, тщательно устроенные, большие (до 3—4 *м* длиной) погребальные камеры, напоминающие по форме внутренний интерьер кочевнических кибиток, а главное — богатый инвентарь из погребений, свидетельствуют о принадлежности могильника наиболее привилегированной части населения, возможно, собственно хазарам.

В пределах могильника исследованы остатки двух раннехристианских церквей вытянуто-четырехугольных форм размерами 7×14 *м*, возведенных из рваного известняка на глиняном растворе. Наряду с серолощеной керамикой в них выявлены обломки резных алтарных крестов и массивных постаментов, обработанных из песчаниковых монолитов. Остатки церквей свидетельствуют о широком проникновении христианства в языческую среду Хазарии в VI—VIII вв.

Могильники рядовых горожан с бедными захоронениями в простых грунтовых ямах, в подбойных могилах и в бескурганных катакомбах рас-

---

[7] *К. А. Бредэ.* Новые поселения на Сулаке. Тезисы докладов научной сессии ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959.

[8] *В. И. Канивец, С. С. Березанская, И. П. Костюченко, А. П. Савчук.* Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1955 г. Махачкала, 1956, РФ ИИЯЛ, д. 16.

[9] *Н. Д. Путинцева.* Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1957 г. Махачкала, 1958, РФ ИИЯЛ, д. № 2488, 2552.

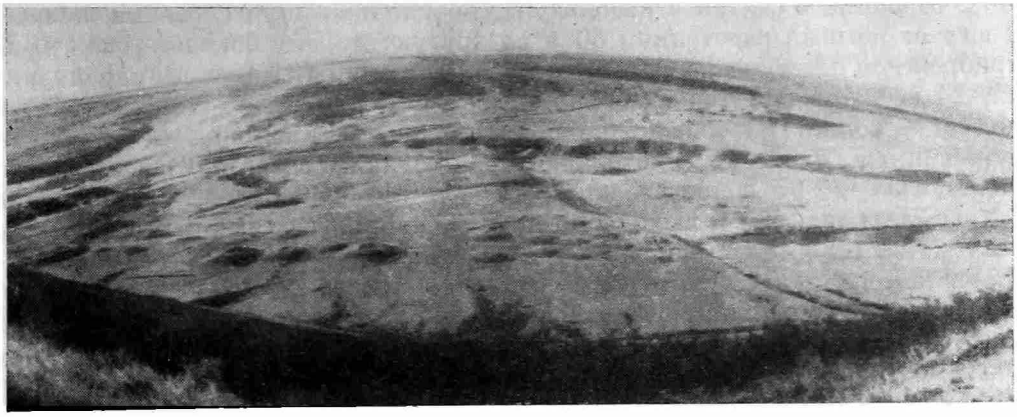


Рис. 2. Вид на Верхнечирюртовский курганный могильник

положены к югу от городища на пойменных террасах правого берега Сулака [10].

Для полноты характеристики археологических комплексов, связанных с Верхнечирюртовским городищем, отметим, наконец, и остатки гончарных печей, исследованных по южному склону хребта на восточной окраине городища [11].

Весь комплекс исследованных здесь памятников, датируемых VI—IX вв., воссоздает сложную топографию этого незаурядного памятника, выступающего важным политическим и экономическим центром Хазарии, отождествляемого с ранней столицей каганата городом Беленджер [12].

Керамика, в большом количестве выявленная на городище, в основной своей массе серолощеная. Она тождественна керамике с других памятников Терско-Сулакского междуречья, поэтому ее характеристика дается ниже при описании наиболее изученного Андрейаульского городища.

К Верхнечирюртовскому городищу примыкает целая серия поселений и городищ с аналогичной культурой, протянувшихся по обоим берегам реки к северу и к югу от него.

2. Сигитминское городище площадью 400×400 *м* расположено в 2 *км* к югу от Верхнечирюртовского, на правом берегу Сулака, ограниченного с боковых сторон отвесными склонами оврагов [13]. На месте его расположения система хребтов, протянувшихся параллельно приморским, подходит близко к реке, и долина резко сужается. Городище прикрывает собой естественные ворота в долину. С восточной, напольной стороны городище укреплено оборонительной стеной, протянувшейся на 370 *м* и толщиной 4 *м*, сооруженной из рваного песчаника на глиняном растворе [14]. С приморской стороны по гребню северного оврага также возведена стена протяженностью 550 *м* и толщиной 1,3 *м*. Она берет начало от надречного выступа и тянется до крутого северного склона хребта, возвышающегося за пределами городища. Расположение городища и приемы возведения оборонительных стен как бы повторяют особенности, характерные для Верхнечирюртовского городища. Объединяет их и общность культур. Различия лишь в толщине культурных отложений — с поверхности Сигитминского городища они были почти полностью смыты.

---

[10] *Н. Д. Пугинцева.* Верхнечирюртовский могильник. МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 248.

[11] *К. А. Бредэ.* Отчет о раскопках в 1956 г. археологических памятников на Сигитме. Махачкала, 1957, РФ ИИЯЛ, д. № 35.

[12] *М. Г. Магомедов.* Верхнечирюртовское городище. Уч. зап. ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, XIX, Махачкала, 1970, стр. 153.

[13] *В. И. Канивец и др.* Отчет об археологических исследованиях..., стр. 117.

[14] *К. А. Бредэ.* Отчет о раскопках в 1956 г.

С городищем связан и небольшой укрепленный пункт, расположенный к югу от него на расстоянии 50 *м* по другую сторону бокового оврага, на прибрежном выступе вытянуто-треугольной формы. Площадь укрепления 95×24 *м*[15]. Подобно городищу оно ограждено с напольной стороны массивной (7 *м* толщины) оборонительной стеной и устроенной в ней внутренней башней. Вдоль северного края оврага также возведена стена протяженностью до 90 *м* при толщине 0,95 *м*. На поверхности укрепления сохранились завалы и выходы стен помещений, возведенных из рваного песчаника. Керамика, собранная здесь, полностью аналогична керамике городища, что свидетельствует об их синхронности. Укрепление органически связано с городищем и могло являться его цитаделью.

3. Городище Исти-Су расположено на левом берегу Сулака, напротив Сигитминского, занимает ровную поверхность надпойменной террасы площадью 300×100 *м*, ограниченной с севера глубоким оврагом и с юга обрывом высотой до 60 *м*. С западной, напольной стороны оно было ограждено оборонительной стеной, протянувшейся между боковыми оврагами и сохранившейся в виде валообразной полосы с выходом кладки на отдельных отрезках. Городище является двухслойным памятником. Нижние слои с серолощеной керамикой верхнечирюртовского типа перекрыты позднесредневековыми отложениями, насыщенными обломками красноглиняной и поливной посуды.

4. Бавтугайское городище расположено в 2 *км* к северу от Верхнечирюртовского. Оно занимает надпойменные террасы левого берега Сулака у поселка Бавтугай. Площадь его 500×300 *м*[16]. Защитой для городища служили обрывистые берега Сулака и отроги приморских хребтов. С севера оно ограничено крутыми склонами террас, на краю которых бытовали остатки оборонительных сооружений[17].

Раскопками на городище выявлены трехметровые толщи культурных отложений, насыщенные костями животных, предметами хозяйственного назначения, серолощеной керамикой, а также остатки помещений, возведенных из рваного камня и речных валунов[18]. В обнажениях речных склонов до сих пор просматриваются остатки вкопанных в землю крупных сосудов и глубоких хозяйственных ям.

Как отмечают исследователи Бавтугайского городища, к югу от него по краю террасы на протяжении 2 *км* прослеживались культурные слои не менее трех поселений, разграниченных между собой древними оврагами[19]. Остатки их и значительная часть самого городища уничтожены при строительных работах.

К западу от городища находился могильник протяженностью более 130 *м*. Основными погребальными сооружениями здесь, как и на Верхнечирюртовском, являются катакомбы, подбойные могилы и грунтовые ямы[20]. Датируется Бавтугайское городище IV—IX вв.[21].

Памятники с характерной культурой серолощеной керамики известны и в Терско-Сулакском междуречье. На некоторых из них заложены шурфы, позволившие проследить сложную стратиграфию культурных отложений.

5. Андрейаульское городище является одним из крупных и наиболее исследованных. Остатки его возвышаются на левом берегу р. Акташ, в 2 *км* к северу от сел. Андрейаул Хасавюртовского района. Оно имеет

---

[15] *К. А. Бредэ.* Отчет о дополнительных раскопках на Нижне-Сигитминском поселении и городище. Махачкала, 1957, РФ ИИЯЛ, д. № 2470.

[16] *В. И. Канивец и др.* Отчет об археологических исследованиях..., стр. 111.

[17] *В. Г. Котович.* Отчет о работе 1 горного отряда в 1956 г. Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. № 2333; *М. И. Пикуль.* Отчет о результатах археологических исследований в 1957 г. Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. № 2474.

[18] *М. И. Пикуль.* Ук. соч., стр. 3; *ее же.* Отчет о работе III Бавтугайского отряда ДАЭ 1958 г. Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. № 81.

[19] *В. И. Канивец и др.* Ук. соч., стр. 114.

[20] *М. И. Пикуль.* Отчет о работе III Бавтугайского отряда, стр. 24.

[21] Там же, стр. 3.

неправильные, обусловленные рельефом очертания протяженностью около 1,5 *км* и шириной до 450 *м* (рис. 3).

С открытой напольной стороны городище ограничено мощной системой валов и рвов, рельефно сохранившиеся остатки которых воссоздают сложную топографию памятника, состоявшего из нескольких частей.

Основная часть, или сам город, размерами 500×450 *м* укреплена с напольной стороны валами, достигающими 8—10 *м* высоты и рвами глубиной 6—8 и шириной около 30 *м*.

В пределах городища, на надречной его стороне, рельефно выделяется вытянутая с севера на юг небольшая территория протяженностью 150 и шириной 60 *м*. С севера и юга она ограничена склонами небольших оврагов, обрывающихся рекой. От самого городища она отделена двумя валами высотой 1,5—2 *м*. Особенности расположения этой специально укрепленной части городища позволяют видеть в ней цитадель, служившую для привилегированной части городского населения.

К северу от городища простирается еще одна обособленная территория подтреугольной формы, размеры сохранившейся части — 200×250 *м*. С юга она ограничена городскими валами, с востока и севера рекой, с напольной стороны системой валов и рвов, протянувшихся с юга на север к обрыву реки. Изолированная от основных пределов городища, но связанная с ней общей планировкой и единой системой оборонительных сооружений, эта территория является, очевидно, его посадской частью.

С ней было связано поселение, остатки которого выявлены на речной террасе в 800 *м* к северу от посада. На этом участке левый берег Акташа описывает вогнутую к западу обширную дугу, удаленную от противоположного берега на 500 и более метров. Она образовалась в результате систематического разрушения береговых склонов рекой, которая уничтожила большую площадь посада. Сохранившиеся остатки поселения размерами 100×200 *м* могли быть дальней, перехлестнувшей за оборонительные валы посада окраиной городища.

И наконец, отдельные выходы культурных слоев, а также фрагменты характерной серолощеной керамики нередко встречаются и к югу от городища, по ту сторону древнего оврага.

К востоку от городища простирается обширный курганный могильник. Некоторые из курганов достигают 5 *м* высоты и более 60 *м* в диаметре. Судя по раскопкам отдельных курганов, они аналогичны по устройству верхнечирюртовским и принадлежат привилегированной части городского населения. Большие размеры городища, сложная его планировка в сочетании с внушительной системой остатков оборонительных сооружений не раз привлекали к себе внимание дореволюционных и советских исследователей [22]. Однако его археологические исследования начаты лишь с 1967 г. [23] Раскопки дали возможность выявить сложную стратиграфию культурных отложений городища. Мощность культурных слоев на нем достигает двух и более метров. Слой состоит из рыхлых, интенсивно перемешанных прослоек золотистой супеси и суглинка, насыщенных обломками турлучной обмазки, древесным углем, костями животных и особенно керамикой. Как показали раскопки, культурные напластования прорезают контрастно выделяющиеся докрасна прокаленные полосы, которые расчленяют эти отложения на три пласта.

---

[22] *Н. А. Нарышкин.* Сообщение Зап. ОЛКА, т. I, Тифлис, 1875, стр. 185; *А. Н. Грен.* Отчет о летней командировке в Хасавюртовский округ Терской области. Древности. Тр. МАО, т. XXI, II, М., 1907, стр. 133; *А. А. Иессен.* Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. Изв. ГАИМК, 110, М.— Л., 1935, стр. 33; *М. Исаков.* Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, стр. 28; *М. И. Пикуль.* Отчет по археологическим работам за 1952 г. Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. № 2107.

[23] *Д. М. Атаев, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев.* Раскопки Андрейаульского городища. АО — 1967, М., 1968, стр. 33.

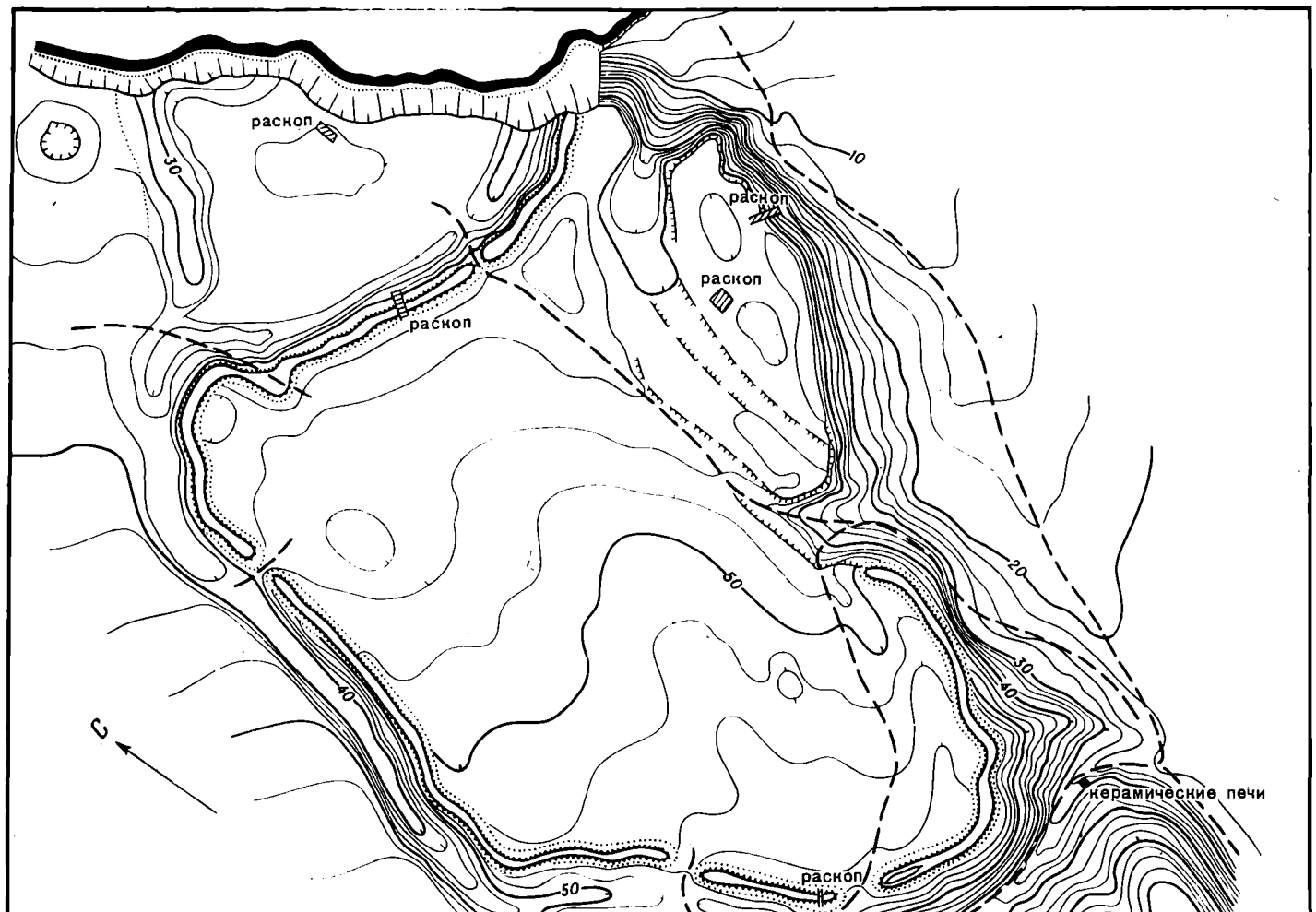


Рис. 3. План Андрейаульского городища. Горизонтали проведены через 2, 5 *м*

Они документируют явно различимые следы внезапных нарушений жизни на городище без заметного хронологического разрыва между слоями или смены одной культуры другой. Наоборот, генетическая связь между культурами на всех трех этапах прослеживается на огромном керамическом материале [24].

Керамика на городище хорошо обожжена и выполнена на гончарном круге из тонко отмученного теста. Для подавляющего большинства сосудов характерен серый цвет, который варьирует от светло-серых до черных оттенков. Посуда подразделяется на три основные группы: кухонная, столовая и тарная. Причем каждая группа характеризуется разнообразием размеров и форм. Кухонная керамика представлена горшками яйцевидной или шаровидной формы с плоским дном, встречаются здесь и обломки котлов. Сероглиняное их тесто имеет примесь мелкотолченых раковин, песка или кварца. Резко отогнутые наружу венчики горшков нередко украшены косой насечкой или пальцевыми вмятинами. Заглаженная или залощенная поверхность их орнаментирована рифлением, врезными горизонтальными линиями или валиками, а в отдельных случаях налепами в виде тамговидных знаков. Встречаются здесь и отдельные обломки котлов с внутренними ушками.

Наиболее разнообразна по форме столовая керамика, представленная кувшинами разных объемов, мисками, кружками, светильниками и др. Кувшины с шаровидными или яйцевидными туловами имеют цилиндрические, иногда расширяющиеся к тулову горловины, изогнутые венчики которых образуют слив. Орнаментированы кувшины горизонтальными, вертикальными или косыми пересекающимися полосками, придающими им переливающийся блеск. Плечики горшков нередко украшены параллельными или волнистыми врезными линиями, иногда с косым пунктиром между ними. Некоторые кувшины украшены рифлением по основанию горловины или налепными тамговидными знаками. Миски также черные или серолощеные, выделяются сильно загнутыми внутрь краями, часть из них имеет ребристые бортики на кольцевом поддоне. Некоторые из них украшены и налепными знаками. Другие типы столовой керамики, представленные отдельными фрагментами кружек, светильников и др., имеют те же технологические особенности, что и остальная керамика. Довольно часто на поддонах сосудов встречаются знаки гончарных дисков в виде крестов и кругов.

Богато орнаментированы ручки сосудов. Они круглые в сечении или ленточной формы. Круглые зооморфные ручки, в большинстве своем выявленные в нижних слоях городища, украшены косыми нарезами и налепами. В средних слоях чаще встречаются ребристые ручки, покрытые по наружным граням мелкой косой насечкой. В отдельных случаях встречаются и обломки с изображением коня с четко выделенной гривой, подчеркнутой мелкой насечкой. Для верхних слоев городища характерны простые ленточной формы ручки, орнаментированные лишь косой насечкой. Рассмотренные типы ручек наглядно иллюстрируют эволюцию приемов изображения коня, культ которого был широко распространен среди кочевников. На ранних и средних этапах изображение его достаточно реалистично, грива подчеркнута косой насечкой. На поздних этапах сохранилось лишь схематическое изображение гривы [25].

И наконец, тарная керамика на городище представлена большим количеством обломков толстостенных хумов яйцевидной формы. Они имеют утолщенные венчики, горизонтальная поверхность которых украшена пальцевыми вмятинами, и круглые плоские донца небольших диаметров. Покатые плечики хумов украшены горизонтальными врезными линиями.

[24] *Д. М. Атаев, М. Г. Магомедов.* Андрейаульское городище. Сб. «Древности Дагестана», Махачкала, 1974.

[25] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 176.

Они достигают иногда 1 *м* высоты и чаще всего встречаются вкопанными в пол помещений.

Незначительный процент в общей массе керамики городища занимают и красноглиняные обломки, попавшие на городище, очевидно, из албано-сасанидского мира.

Целый производственный комплекс гончарных обжигательных печей, исследованных в древнем овраге с южной стороны городища [26], свидетельствует о том, что яркая и разнообразная керамика, представленная на городище, производилась на месте.

Время бытования городища укладывается в рамки со II—III по VIII — начало IX в. [27] Топография городища и весь комплекс добытых здесь материалов свидетельствуют о том, что оно являлось крупным экономическим центром, находившимся, судя по его трехчастной структуре, на стадии интенсивного феодального развития.

6. Новокулинское городище также лежит на границе переходной зоны между предгорной полосой и приморской низменностью, у северной окраины одноименного селения Новолакского района [28]. Сохранившиеся остатки его площадью 200×400 *м* протянулись по пойменной террасе правого берега Ярыксу [29]. В результате систематических разрушений террасы рекой от городища осталась лишь северо-восточная часть, которая также обречена на гибель. От укрепленной цитадели городища, отделенного от поселения глубокой балкой, сохранился небольшой останец размерами 10×10 *м*.

Стационарными исследованиями на городище экспедицией кафедры археологии ЛГУ под руководством А. В. Гадло выявлены значительные (до 3 *м* толщины) культурные слои, стратиграфия которых свидетельствует о неоднократных катастрофах, обрушивавшихся на его обитателей. Разнообразный, в том числе и керамический, материал с городища тождествен керамике с памятников Терско-Сулакского междуречья [30].

С Новокулинским городищем связаны целые группы и огромные одиночные курганы, простиравшиеся вдоль левого берега Ярыксу [31]. Большинство из них, как и вокруг других памятников Терско-Сулакского междуречья, уничтожены в процессе всевозможных строительных работ.

Несколько отличаются от рассмотренных выше городища, исследованные на Тереке. Они лишены естественной защиты, поэтому имеют более строгие подчетырехугольные формы. Оборонительные сооружения вокруг них возведены, как правило, из чередующихся слоев глинобита и сырцовых кирпичей. Культурные отложения городищ, тождественные предыдущим памятникам, также отличаются в отдельных случаях некоторыми особенностями.

7. Некрасовское городище расположено на берегу старицы Терека в 5 *км* к юго-востоку от дер. Некрасовка Кизлярского района (рис. 4). В 1961 г. памятник был осмотрен Л. Н. Гумилевым. Он относит городище к сарматскому времени [32]. Рельефно возвышающиеся валы городища высотой в 3—5 *м* и шириной у основания около 40 *м* очерчивают подчетырехугольные, вытянутые с юга на север его формы площадью 400×290 *м*. На всей его территории встречаются обломки разнообразной серолощеной и изредка красноглиняной посуды.

В 1969 г. здесь были проведены небольшие разведочные раскопки. Они показали, что культурные напластования городища, достигающие в сред-

---

[26] *М. М. Маммаев.* Из истории гончарного производства в раннесредневековом Дагестане. Уч. зап. ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, XX, Махачкала, 1970, стр. 234.

[27] *Д. М. Атаев, М. Г. Магомедов.* Ук. соч., стр. 23.

[28] *М. Исаков.* Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, стр. 36.

[29] *М. И. Пикуль.* Отчет по археологическим работам за 1952 г., стр. 10.

[30] *А. В. Гадло.* Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья. Сб. «Древности Дагестана», Махачкала, 1974.

[31] *М. И. Пикуль.* Ук. соч., стр. 9.

[32] *Л. Н. Гумилев.* Открытие Хазарии. М., 1966, стр. 134.

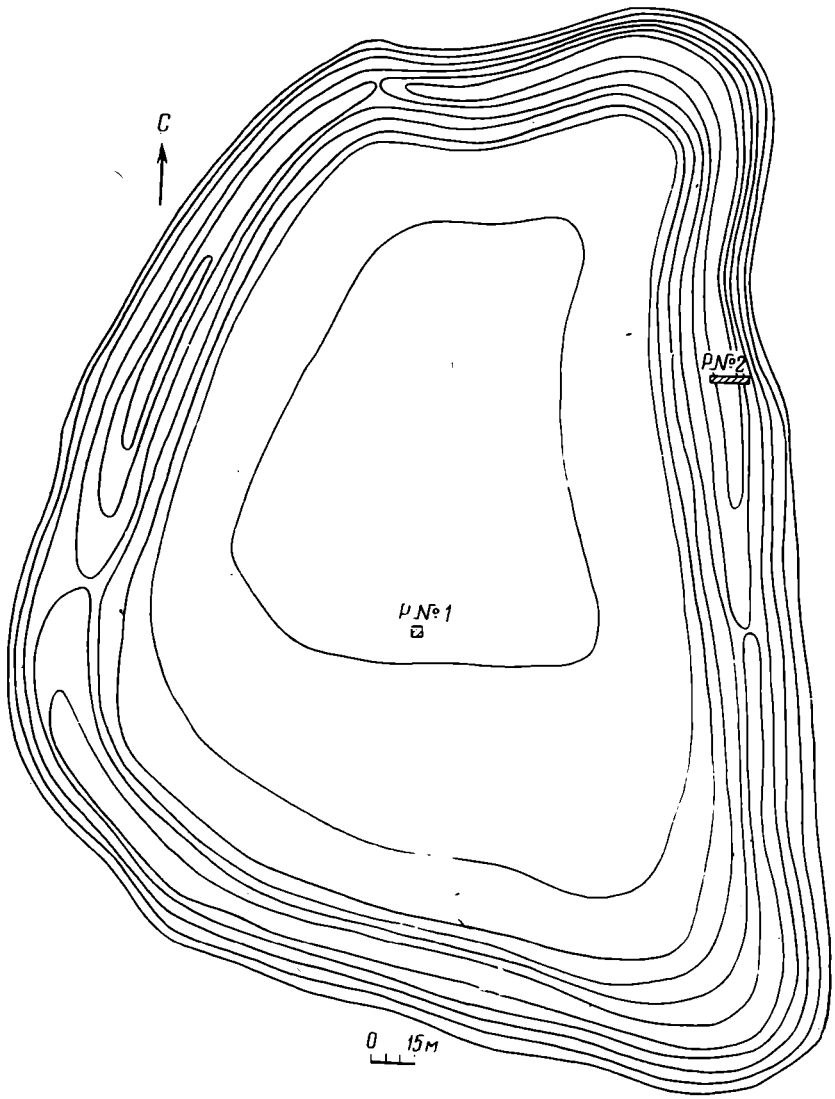


Рис. 4. План Некрасовского городища

нем 2,3 *м* толщины, и основная масса керамики, выявленная здесь, полностью аналогичны отложениям Андрейаульского и других аналогичных памятников, что свидетельствует об их синхронности. Стратиграфия отложений документирует те же внезапные катастрофы, неоднократно обрушивавшиеся на городище [33].

Раскопки на валу установили, что оно было окружено стеной, возведенной из чередующихся слоев глинобита и сырцовых кирпичей толщиной около 1 *м*. Размеры кирпичей составляют в среднем 40×20×10 *см*. Толщина стены достигает 6 *м* (рис. 5).

8. Шелковское городище. Городище привлекло в последние годы внимание исследователей в связи с выходом в свет книги Л. Н. Гумилева, в которой он отождествляет его остатки с хазарским Семендером [34].

Предпринятый нами осмотр городища с целью его сопоставления с исследуемыми в Дагестане памятниками хазарского времени дал возможность уточнить некоторые детали его устройства. Размеры его составляют не 200×200 *м*, как указано у Л. Н. Гумилева [35], а достигают 450×450 *м*. Горо-

[33] *М. Г. Магомедов.* Отчет о работе Северного отряда ДАЭ ИИЯЛ в 1969 г. Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. № 1747.

[34] *Л. Н. Гумилев.* Открытие Хазарии, стр. 169.

[35] *Л. Н. Гумилев.* Хазария и Терек. Вестн. ЛГУ, 24, 1964, стр. 81.

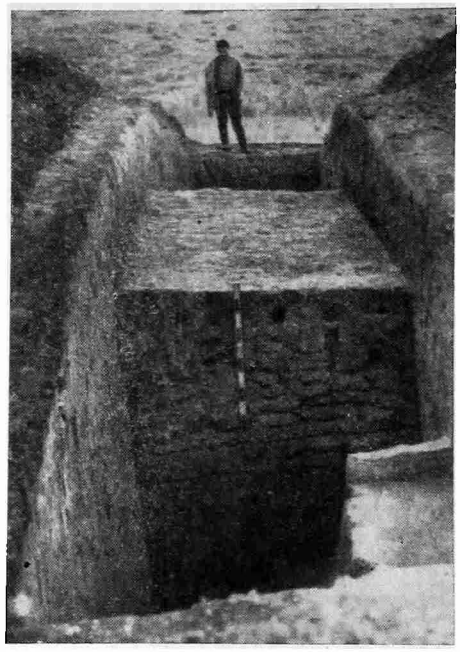


Рис. 5. Сырцовая стена Некрасовского городища

дище имеет квадратную форму и обнесено мощной системой оборонительных сооружений, сохранившихся в виде валов высотой до 6—8 *м* и шириной по основанию около 30 *м* (рис. 6). Посередине каждой из четырех сторон в системе валов прослеживаются проемы въездов и по 11 оплывших башнеобразных выступов. Его территория используется в настоящее время под пашню, для орошения которой произведен разрез вала с южной стороны городища. В обнажении разреза прослеживаются характерные приемы устройства оборонительных стен, которые возведены из тех же чередующихся слоев глинобита и сырцовых кирпичей. Причем размеры кирпичей здесь соответствуют кирпичам Некрасовского, Андрейаульского городищ и других памятников этой культуры. Аналогична с этими памятниками и керамика, выявленная в небольшом количестве на поверхности Шелковского городища [36]. И наконец, их объединяет наличие поблизости большого количества значительных по размерам курганов, которые также являются неотъемлемой частью топографии крупных хазарских городищ в приморском Дагестане. Все эти параллели определенно указывают на то, что Шелковское городище принадлежит к кругу хазарских памятников. Различия между ними заключаются лишь в отсутствии или слабой выраженности культурных отложений, которые могут свидетельствовать лишь о незначительном отрезке времени бытования городища.

Трудно допустить, чтобы разливы реки смыли, как полагает Л. Н. Гумилев, культурные отложения Шелковского городища [37], замкнутого со всех сторон массивными стенами. Поэтому его отождествление с хазарским Семендером вызывает обоснованные возражения исследователей [38]. Между тем крупные размеры городища, мощная система его оборонительных сооружений несомненно указывают на незаурядный характер памятника. Перед нами, очевидно, одна из промежуточных резиденций хазарских каганов, возникшая с началом арабо-хазарских войн и просуществовавшая незначительный отрезок времени.

Наряду с описанными крупными городищами, выступавшими экономическими и политическими центрами раннехазарского государства, выявлено значительное количество открытых поселений. Наибольшее их количество обнаружено в естественно защищенной Чирюртовской долине, где они выступают своего рода спутниками, тяготеющими к остаткам крупных городищ. Всего здесь выявлено девять открытых поселений (№ 9—16), расположенных вдоль р. Сулак и занимающих надпойменные террасы берегов, ограниченных по бокам древними оврагами [39]. Толщина культурных слоев на них достигает 0,5—1,5 *м*.

Как наиболее крупное из них, опишем лишь одно Миатлинское поселение (№ 11). Оно расположено у южной оконечности Верхнечирюртов-

[36] *М. Магомедов.* Отчет о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции ИИЯЛ в 1972 г. Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. № 217.

[37] *Л. Н. Гумилев.* Где же тогда Семендер? История СССР, 3, стр. 242—244.

[38] *В. Б. Виноградов.* Открыт ли Семендер? История СССР, 4, 1968, стр. 232.

[39] *В. И. Канивец и др.* Ук. соч., стр. 124; *М. Г. Магомедов.* Отчет о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР в 1970 г. Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. № 4502.

ской долины в 150 *м* к югу от сел. Миатли. Поселение занимает несколько покатую с запада на восток надпойменную террасу Сулака протяженностью 500 *м* и шириной 300 *м*. С востока поселение ограничено систематически разрушающимся берегом Сулака, с юга и севера — глубокими оврагами, а западная часть замыкается крутыми склонами высоких холмов. На его поверхности сохранились остатки жилищ в виде небольших всхолмлений, с выходами стен и развалов камня. В разрушенных рекой береговых склонах можно видеть культурные отложения толщиной более 1 *м*. Керамика, собранная на поселении, делится на две группы: сероглиняная Верхнечирюртовского типа и поздняя — красноглиняная.

Густое заселение Чирюртовской долины, где обнаружено более десяти поселений и городищ, объединенных между собой территориальной и культурной общностью, обусловлено стратегическими и благоприятными природными ее условиями. Огромное значение при этом имела и р. Сулак, служившая источником для орошения, водопоя скота и рыбной ловли.

С памятниками Чирюртовской долины связана небольшая крепость, известная под названием Хадумская. Она расположена к югу от Чирюртовской долины на горе Хадум, достигающей 995 *м* над уровнем моря. Остатки крепости занимают вершину, клином вытянутую на запад в сторону Сулакского каньона горы, повторяя конфигурацию ее вершины размерами 70×45 *м*. С трех сторон она защищена крутыми, достигающими более 50 *м* склонами. С напольной, восточной стороны она была ограждена оборонительной стеной протяженностью 72 *м*. По всей площади крепости прослеживаются оплывшие и заросшие кустарником впадины и выходы стен помещений из рваного камня. Керамика с крепости серолощеная, верхнечирюртовского типа. С места расположения крепости открывается широкая панорама не только Чирюртовской и Приморской долин, но и предгорий до Гимринского хребта включительно. По характеру расположения она выступает сторожевой крепостью, охранявшей подступы в долину со стороны гор.

Поселения вне Чирюртовской долины также расположены вдоль рек и тяготеют к крупным городищам. В качестве примера отметим лишь одно из них.

20. Аксайское поселение. Остатки поселения расположены на правом берегу р. Аксай Хасавюртовского района, занимая поверхность возвышающейся здесь речной террасы протяженностью 300 *м* и шириной 200 *м*. При строительных работах значительная площадь поселения уничтожена. Культурные напластования его, достигающие 1,5 *м*, обнажены в многочисленных разрезах, образовавшихся при строительстве дороги. Особенно контрастно они выделяются серым цветом на фоне желтой материковой глины с надречной стороны; на северной половине поселения прослеживается и целая серия вырытых в материке конусовидных хозяйственных ям глубиной до 2 *м* и диаметром у основания 1,5 *м*. Обильно встречающаяся здесь и особенно в разрезах керамика свидетельствует о культурной общности и синхронности поселения с другими аналогичными памятниками хазарской культуры [40].

Особую небольшую группу памятников составляют малые городища или крепости. Они примечательны небольшими размерами, чаще имеют округлые очертания и окружены оплывшими остатками мощных оборонительных сооружений, возведенных из глинобита и сырцовых кирпичей. Все они расположены в Терско-Сулакской низменности, являющейся основной территорией исторически сложившихся зимних пастбищ Северо-Восточного Кавказа.

21. Бораульская крепость рельефно возвышается над окружающей равниной в 1,5 *км* к западу от кутана Бор-аул в Бабаюртовском районе.

---

[40] *М. Г. Магомедов.* Отчет о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции в 1972 г., д. № 217.

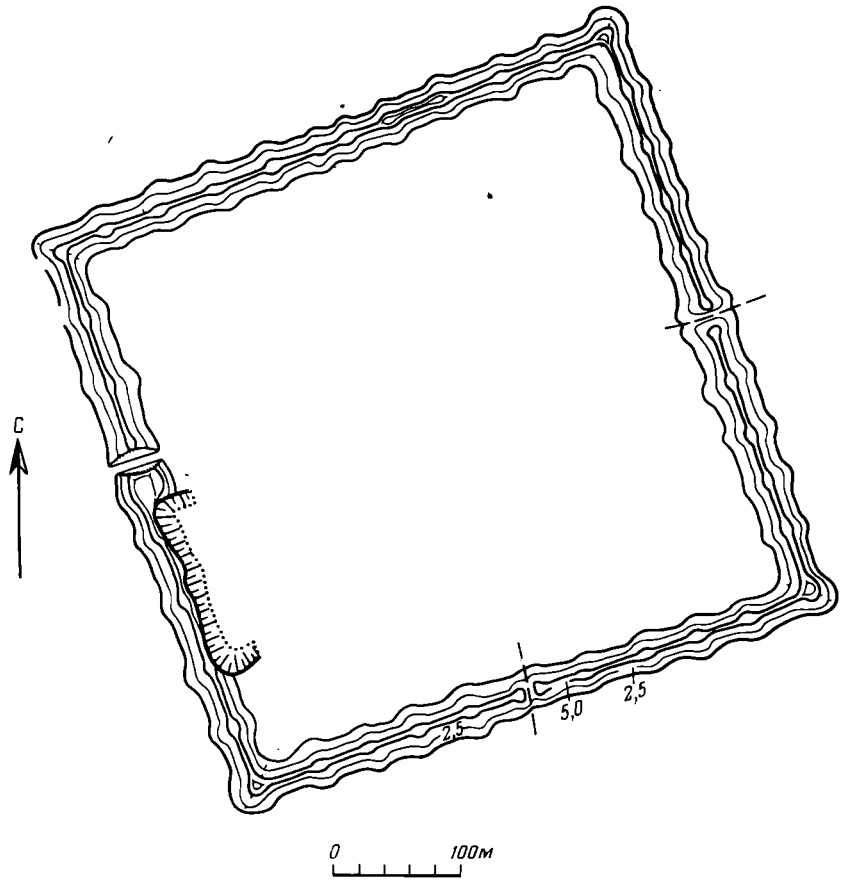


Рис. 6. План Шелковского городища. Горизонтали проведены через 2,5 *м*

Она имеет овальную форму, вытянутую на 75 *м* с юга на север. Высота крепости над округой достигает 6 *м*. К северу и югу от нее тянется значительная группа довольно крупных курганов.

В пределах крепости и к западу от нее на протяжении 200 *м* встречаются кости животных, обломки жерновов, куски глиняной обмазки и других бытовых остатков и особенно обломки серолощеной керамики верхнечирюртовского типа.

22. Герменчикская крепость также возвышается над окружающей равниной в 4 *км* к северо-западу от с. Герменчик Бабаюртовского района (рис. 7). Она имеет округлую форму диаметром около 100 *м* (рис. 8). Кольцевой вал крепости, сохранившийся у основания (высотой до 3—5 *м* и шириной более 20 *м*) имеет довольно крутые склоны, что может свидетельствовать о бытовании под ним остатков оборонительной стены, возведенной общим для подобных памятников приемом комбинированной кладки глинобита и сырцовых кирпичей.

Разведочными раскопами в центре крепости прослежены мощные двухметровые рыхлые толщи культурных напластований, содержащие типичные для этих памятников бытовые остатки [41], свидетельствующие об общем характере культуры этих памятников.

23. Новонадеждинская крепость расположена в 5 *км* к юго-востоку от с. Татаюрт Бабаюртовского района у пос. Новая Надежда. Остатки городища окружены кольцевым валом диаметром 200 *м* и шириной по основанию

[41] *Г. С. Федоров.* Отчет о разведывательных работах Прикаспийского отряда ДАЭ в 1966 г. Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. № 233.

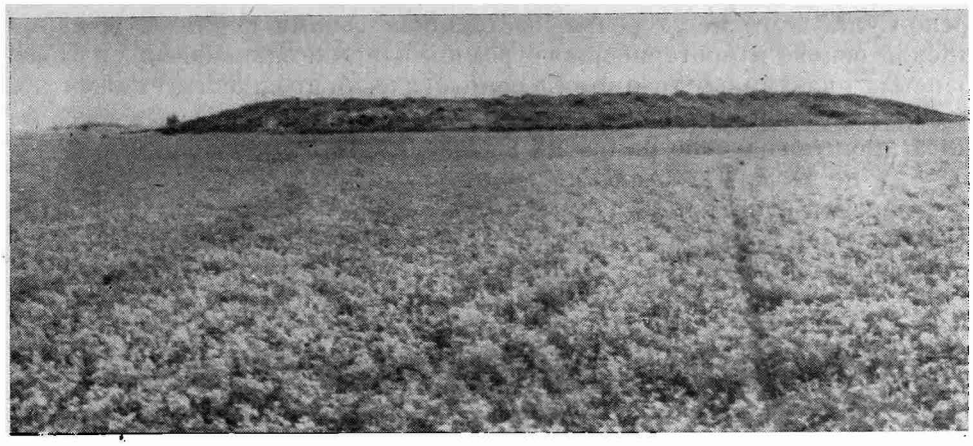


Рис. 7. Вид на крепость Герменчик

13—15 *м*, высота вала 5—8 *м*. В центре его сохранилось возвышение округлой формы высотою 7—8 *м* и диаметром 60 *м*, которое, возможно, является развалами дворца или донжона. На поверхности городища встречаются кости животных, обгорелая турлучная обмазка, обломки оселков и пряслиц, а также характерная серолощеная керамика. К западу от него на 1,5 *км* расположена курганная группа, насчитывающая более 100 насыпей[42]. Разведочные раскопки на крепости выявили культурные слои, достигающие 2 *м* толщины[43]. Стратиграфия отложений и керамика свидетельствуют о синхронности крепости с другими памятниками подобного рода.

24. Крепость Тенг-Кала находится в 3 *км* к югу от хутора Асаул и в 13—14 *км* к северо-западу от пос. Сулак, расположенного в устье р. Сулак. Остатки крепости, рельефно возвышающиеся над окружающей степью, имеют подчетырехугольные, несколько округлые по углам очертания; площадь крепости 115×85 *м* (рис. 9). Валы крепости, сохранившие высоту до 4—5 *м*, достигают у основания 25—30 *м* ширины. Керамика, представленная на крепости, аналогична керамике с других памятников.

Небольшими разведочными раскопками в пределах крепости прослежена стратиграфия отложений и особенности его оборонительных сооружений[44]. Толщина напластований, состоящих из характерных золистых и суглинистых слоев, насыщенных серолощеной керамикой, костями животных и другими остатками, превышает 2 *м*. Раскопки на валу показали, что они являются остатками оборонительной стены, возведенной из чередующихся слоев глинобита и сырцовых кирпичей обычных размеров (40×20×10 *см*). Сохранившаяся высота стены составляет около 3 *м*, ширина ее 6 *м*. Стратиграфия напластований крепости отражает картину нарушений жизни на ней в результате внезапных катастроф, возможно связанных с арабо-хазарскими войнами.

Таким образом, мы видим, что Терско-Сулакское междуречье было довольно густо заселено в хазарскую эпоху. Обширный керамический материал, общий для всех этих памятников, имеет широкие аналогии в многочисленных памятниках салтово-маяцкой культуры, свидетельствуя о генетической связи этих культур[45]. Культура, представленная на памятниках

[42] *М. И. Пикуль.* Отчет по археологическим работам за 1951—1952 гг. Махачкала, 1953, РФ ИИЯЛ, д. № 11.

[43] *Г. С. Федоров.* Ук. соч., д. № 233.

[44] *М. Г. Магомедов.* Отчет о работе Северного отряда ДАЭ ИИЯЛ в 1969 г. Махачкала, 1970, РФ ИИЯЛ, д. № 274.

[45] *В. А. Кузнецов.* Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962; *И. М. Чеченов.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969; *И. И. Ляпушкин.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, 62, 1958; *М. И. Артамонов.* Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935; *его же.* Саркел-Белая Вежа. МИА, 62, 1958; *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. М., 1967.

Терско-Сулакского междуречья, восходящая своими корнями к сармато-аланской основе и претерпевшая огромное влияние закавказских и особенно албанских культурных традиций, хронологически предшествует памятникам салтово-маяцкой культуры. На основе всего комплекса добытых здесь материалов хронологические рамки их бытования устанавливаются в пределах с III—IV по IX в. Дагестанский вариант выступает наиболее ранним этапом хазарской культуры. Начиная с VIII в, ведущие элементы этой культуры распространились на огромных просторах Юго-Восточной Европы, по всей территории каганата.

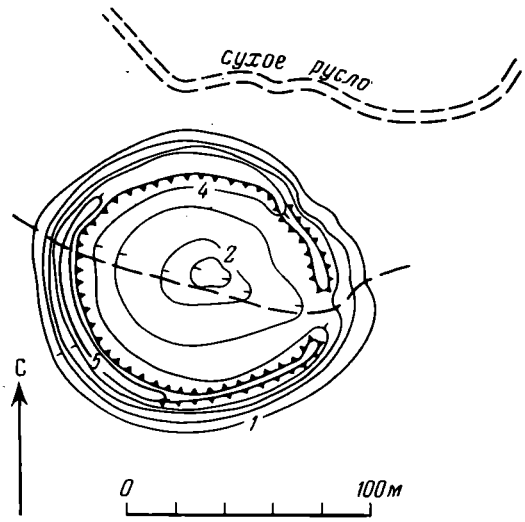


Рис. 8. План крепости Герменчик

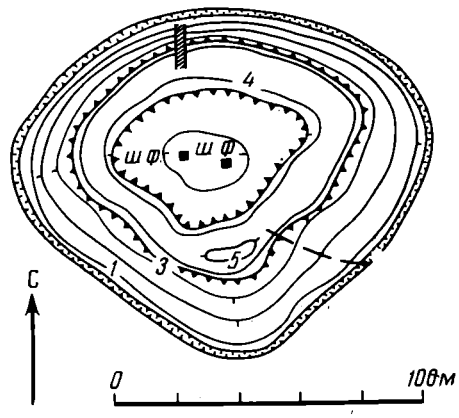


Рис. 9. План крепости Тенг-Кала

Хазария в свете археологических исследований в Дагестане выступает сложившимся оседло-земледельческим государством с развитыми производительными силами и яркой общегосударственной культурой. Этому способствовал процесс оседания недавних кочевников на плодородных землях приморского Дагестана. Творчески осваивая культурное наследие своих предшественников и соседей, они в короткий исторический отрезок времени трансформировались в основной своей массе в земледельцев. Эти коренные качественные изменения экономического уклада создали ту основу, на базе которой возникло и окрепло молодое хазарское государство, которое в VII—VIII вв. вышло на широкую международную арену как одна из мировых империй, объединившая под своей властью значительную часть Юго-Восточной Европы.

На фоне многочисленных хазарских памятников, выявленных в Терско-Сулакском междуречье, очевидна несостоятельность бытующих до сего времени теорий о так называемой Хазарской Атлантиде или Прикаспийских Нидерландах, которая получила широкое освещение в печати [46]. Автор этой теории Л. Н. Гумилев, предпринявший в начале 70-годов безрезультатные поиски вещественных следов хазар в приморских районах Дагестана, пытается объяснить причину их отсутствия следующим образом. Он пишет, что на Хазарию «неуклонно наступала вода морская. Она медленно заливала плоский берег — «Прикаспийские Нидерланды» — губила посевы и сады, нагонами разрушала деревни. К середине X в. уже две трети хазарской территории оказались под водой» [47]. Красноречивым

[46] *А. Алексин, Л. Н. Гумилев.* Хазарская Атлантида. Азия и Африка, 1962, 2; *Л. Н. Гумилев.* Хазария и Терек, стр. 78; *Л. Н. Гумилев.* Открытие Хазарии, стр. 92.
[47] *Л. Н. Гумилев.* Открытие Хазарии, стр. 92.

свидетельством того, что Хазария не погибла в волнах Каспийского моря, является сам факт бытования этих памятников и густое их расположение в Терско-Сулакском междуречье. Причем и значительные культурные напластования, отложившиеся на этих памятниках, также не содержат никаких следов раннесредневековой трансгрессии или колебания уровня Каспийского моря. И даже на таких памятниках, как Некрасовское городище и крепость Тенг-Кала, расположенных в низовьях Терека и Сулака, следы разливов рек и вызванных им «катастроф» в хазарское время археологически не прослежены. Таким образом, теория Л. Н. Гумилева о ландшафте и этносе применительно к прикаспийской Хазарии в свете новых археологических исследований в Дагестане оказывается несостоятельной.

Завершая обзор поселений Терско-Сулакского междуречья, необходимо отметить, что этой областью не ограничиваются пределы распространения хазарской культуры в Дагестане. Исследованиями 70-х годов в приморских районах выявлена многочисленная группа памятников, протянувшихся по всему предгорному Дагестану (рис. 1, *25—38*). К ним относятся такие городища, как Капчугайское, Кака-Шуринское, Гуржиюртовское, Генгурунское, Урцекское, Таргу, Чакавуркентское, Эскиюртовское и др.[48] Они, как правило, расположены во всех предгорных долинах, сливающихся с приморской полосой, занимая наиболее естественно защищенные участки. Городища характеризуются крупными размерами и укреплены продуманной системой оборонительных сооружений, возведенных из рваного камня. К ним тяготеют мелкие поселения и сторожевые крепости, расположенные на господствующих вершинах хребтов. Как показали разведочные исследования, все они имеют почти одинаковую стратиграфию культурных отложений. Нижние слои памятников со значительными отложениями местной — албанской и с прослойками сасанидской культуры, перекрывают слои, в которых довольно выразительно представлена и серолощеная керамика VII—VIII вв. Приведем для примера лишь одно из вновь выявленных городищ, археологические исследования которого начаты в полевом сезоне 1973 г. Речь идет о Таркинском городище, расположенном возле Махачкалы. Территория городища, полностью перекрытая современным сел. Тарки, простирается по северным склонам горы Тарки-Тау. В срезах строительных площадок и особенно вдоль дорог по всему селению обнажены четырехметровые культурные отложения, свидетельствующие о бытовании здесь поселений с рубежа нашей эры и до позднего средневековья. Значительный процент в общей массе керамического материала с городища занимает серолощеная хазарская керамика. Она встречается в слоях албано-сасанидского времени или в слоях, перекрывающих их. Подобное соотношение керамики верхнечирюртовского типа с исследованными культурными отложениями характерно для Урцекского городища[49] и других аналогичных ему памятников. Появление и массовое распространение серолощеной керамики VII—VIII вв. на многочисленных памятниках, протянувшихся по предгорному Дагестану от Сулака и до Дербента включительно, можно объяснить лишь проникновением носителей этой культуры в указанные районы. Оно является следствием расширения первоначальных Терско-Сулакских пределов Хазарского каганата в южном направлении в результате их военной экспансии против Албании и Сасанидского Ирана.

И наконец, отдельные элементы культуры Верхнечирюртовского типа (серолощеные сосуды, предметы украшения) прослеживаются на таких

---

[48] *В. Г. Котович.* Новые данные о раннесредневековых городах Дагестана. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР (тезисы докладов). Баку, 1965; *В. Г. Котович, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев.* Отчет о приморской археологической экспедиции ИИЯЛ Дагестан. филиала АН СССР, Махачкала, 1964, РФ ИИЯЛ, д. № 191.

[49] *М. М. Маммаев.* Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени. Автореф. канд. дис. М., 1970, стр. 8.

могильниках, как Узунталинское [50], Агачкалинское [51], Верхнекаранаевское [52], Акушинское [53] и др., исследованных у самой границы горного Дагестана. Для этих памятников, датируемых VII—XI вв., характерны элементы синкретизма культур, что может быть следствием инфильтрации отдельных групп носителей хазарской культуры в глубь предгорий. Покинув опустошенные в результате беспрерывных арабо-хазарских войн приморские районы, они углубляются в поисках защиты в предгорья Дагестана, где впоследствии растворяются в массе автохтонного населения.

M. G. Maghomedov

LES ETABLISSEMENTS KHAZARS AU DAGHESTAN

Résumé

Les recherches archéologiques de ces dernières années dans les régions côtières du nord-est du Daghestan ont mis au jour une grande quantité de monuments de la culture khazare. Ce sont des ruines importantes, protégées par un puissant ensemble d'ouvrages défensifs (ruines du Haut Tchiriourtov, de Sigitmine, d'Andreïaoul, de Nékrassovo, de Chelkovo, etc). Leurs dépots culturels, consitués surtout par la céramique vernissée grise, les os d'animaux et autres détritus ménagers, atteignent 3m. d'épaisseur. Ce sont les restes de villes, centres économiques et politiques de la Khazarie du VIe s. au IXe s.

Les établissements non fortifiés, avec des dépots culturels analogues, sont situés en majorité le long des terrasses fluviales. Ils sont bien moins importants que les ruines des villes et défendus seulement par des obstacles naturels.

Les petites villes ou forteresses (Hermentchek, Teng-Kalé, Boraoul) constituent un groupe à part. Elles ont des dimensions réduites et sont défendues par des murs épais faits d'argile battue et de briques crues. Enfin, la culture khazare est représentée par les ruines de villes qui s'échelonnent sur les contreforts du Daghestan jusqu'à Derbent inclus (Tarkine, Kaptchougaï, Ghentouroune, Ourtsek, Tchakavourkent, etc). Elles attestent la pénétration et l'établissement ici de tribus khazares.

Etant donné l'ensemble de ces monuments, nombreux et rapprochés, la Khazarie se présente comme un Etat d'agriculteurs sédentaires, ayant une brillante culture nationale.

---

[50] *Н. Д. Путинцева.* Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья. Махачкала, 1961, РФ ИИЯЛ, д. № 178.

[51] *К. Ф. Смирнов.* Агачкалинский могильник-памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 118.

[52] *М. И. Артамонов.* Отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции в Дагестане в 1937—1938 гг. Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. № 33.

[53] *В. И. Марковин, А. М. Твердохлебов.* Акушинский могильник. КСИИМК, 60, 1955, стр. 150.

А. И. РОМАНЧУК, В. Е. РУДАКОВ

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС IX—X ВЕКОВ БАКЛИНСКОГО ГОРОДИЩА

Городище Бакла, расположенное в 18 *км* к северо-востоку от Бахчисарая на столовой горе, входящей во вторую Крымскую гряду, находилось недалеко от перекрестка основных сухопутных торговых путей, которые связывали степные районы как с крупнейшим торгово-ремесленным центром средневекового Крыма — Херсонесом, так и городами, расположенными на Южном побережье [1].

Во время раскопок, которые проводились экспедицией Государственного Исторического музея с 1961 г., неоднократно встречались слои разрушения IX—X вв. [2] Один из таких завалов керамики, образовавшийся в результате разрушения здания от пожара, был выявлен в ходе работ отряда Крымской экспедиции Уральского университета. Раскопки нашей экспедиции, работающей совместно с Историческим музеем начиная с 1971 г., сосредоточены на посаде.

Стратиграфия исследуемого участка позволяет выделить четыре периода жизни на посаде. К первому, наиболее раннему, относятся цилиндрической формы вырубки в скале, вероятно, хозяйственного назначения и слои, насыщенные лепной, часто лощеной керамикой. Они перекрываются слоями V—VII вв., наиболее характерным материалом которых являются фрагменты ангобированных желобчатых амфор и амфор с глубоким гребенчатым рифлением [3]. Комплекс помещений, соответствующий этим слоям, пока не выявлен. Третий период представлен остатками стен жилых зданий. Обломки амфор с зональным рифлением и ойнохой с росписью белым ангобом по плечикам и пальцевыми вдавлениями на ручках позволяют датировать слои, относящиеся к данным помещениям, VIII — началом IX в. Следующий период представлен строительными остатками IX—X вв. Более поздние перестройки на посаде незначительны и относятся к XI—XII вв. Вероятно, жизнь здесь окончательно прекратилась в конце XII—XIII вв.

Большой интерес представляет комплекс помещений IX—X вв., возможно, относящихся к одной усадьбе, расположенной к северо-востоку от цитадели в 5—6 *м* от дороги, пересекающей плато (по мнению Д. Л. Талиса, эта дорога существовала и в древности).

В настоящее время выявлено три помещения, связанных единым характером кладки. Стены этих помещений, как и предыдущего периода, выложены в технике кладки «елочка» и были покрыты глинистой обмазкой.

Одно из помещений, самое северное в данном комплексе и находящееся ближе всего к дороге, раскопано полностью. Его размеры 2,8×3,35×2,7× ×3,55 *м*. Слой IX—X вв. представляет собой завал из камней, перемешан-

[1] *Е. В. Веймарн.* «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг. СА, 1958, 1, стр. 74—75, рис. 2.

[2] *Д. Л. Талис.* Средневековая клейменая амфорная ручка из раскопок Баклинского городища. Тр. ГИМа, 40, М., 1966, стр. 98.

[3] *А. И. Антонова, В. Н. Даниленко, Л. П. Ивашута и др.* Средневековые амфоры Херсонеса. В сб. «Античная древность и средние века», 7. Свердловск, 1971, стр. 88.

ных с землей. Мощность его до 70 *см*. Он образовался в результате разрушения кровли и стен во время пожара, о чем свидетельствуют встретившиеся здесь обугленные фрагменты керамики, угли и зола. Удаление завала производилось штыками. Первый штык сверху имел серовато-черный оттенок, второй — коричневый, это может свидетельствовать о том, что пожар наиболее интенсивно продолжался после разрушения помещения.

На дневном горизонте времени существования здания лежит сплошной слой угля, золы (толщина прослойки горения 2—3 *см*). Возможно, что пол был деревянный и полностью сгорел. Вдоль стен, особенно вдоль северной и южной, на полу разрушенного помещения отчетливо видны следы сгоревших балок от перекрытия второго этажа. В северо-восточном углу встречено довольно большое количество пережженных костей животных.

Во время раскопок здания собрана коллекция разнообразных керамических сосудов: 13 целых форм и несколько отдельных доньев и венчиков кувшинов и горшков. Кувшины в основном ойнохоевидные, отдельные экземпляры украшены волнообразной линией.

Гладкостенные кувшины представлены двумя экземплярами (рис. 1, *1*) их размеры: высота 30 и 20 *см* при наибольшем диаметре 19,2 и 12,9 *см* соответственно. По составу теста, технике изготовления и пропорциям сосуды близки между собой, отличает их только оформление венчика.

Черепок у этих сосудов коричневого цвета, те фрагменты, которые побывали в огне, имеют сероватый оттенок, в свежем изломе видны включения известковых частиц, кварца. Сосуды тонкостенные, толщина стенок тулова не превышает 4—5 *мм*, тулово несколько асимметрично, внутренние поверхности шероховатые, на горле видны концентрические окружности, с внешней стороны стенки заглажены.

Кувшины, украшенные врезным орнаментом, имеют пропорции, близкие выше описанным, а также часто одинаковые размеры (рис. 1, *2*). Не отличается визуально и структура черепка: пористый с включениями шамота, известковых частиц. Корпус их тоже несколько асимметричен, сформован небрежно, столь же неаккуратно нанесены три волнообразные линии в верхней части тулова (рис. 1, *2*).

Более тщательной выделкой отличается кувшин меньших размеров (наибольший диаметр 16 *см*), от которого сохранилась нижняя часть тулова высотой 17,8 *см*. Он тоже украшен двухрядной волнообразной линией (рис. 1, *3*).

В отличие от кувшинов горшки имеют большее разнообразие в пропорциях, деталях оформления венчиков, тулова. Некоторые экземпляры не имели ручек (рис. 1, *4*), были украшены врезным орнаментом под бортиком (рис. 2, *1*) или имели гладкие стенки (рис. 2, *2*). У всех них серовато-коричневый пористый черепок с включениями песка, известковых частиц. Корпус сформован небрежно, асимметричен, но сделаны они с помощью гончарного круга, о чем свидетельствует наличие концентрических окружностей на внутренней стороне бортиков.

Встреченные в слое завала сосуды своей формой и орнаментом напоминают горшки и кувшины IX—X вв. и более позднего времени, известные по раскопкам в Херсонесе [4], на поселениях Юго-Западного Крыма [5], аналогичные экземпляры встречены во время раскопок поселения VIII—IX вв., относимого к кругу салтово-маяцких памятников [6].

Большой интерес вызывают сосуды, не имеющие аналогий среди известных в настоящее время материалов не только Баклы, но всего Юго-Западного Крыма.

---

[4] *А. Л. Якобсон.* Средневековый Херсонес XII—XIV вв. МИА, 17, 1950, стр. 110, 111, рис. 67, 68.

[5] *Он же.* Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики. МИА, 168, 1970, стр. 42, рис. 10.

[6] *А. Баранов.* Раскопки салтово-маяцкого поселения на р. Зуі в Криму. В сб. «Археологічні дослідження на Україні в 1969 р.», 4. Київ, 1972, стр. 249.

Прежде всего это небольшой сосуд с двумя плоскими ручками и «защипами» под бортиком (рис. 3, *4*). Черепок серовато-коричневого цвета, пористый, в изломе видны частицы кварца. Этот сосудик, вероятно, производственный брак, так как стенки его очень сильно деформированы, черепок пережжен.

Более тщательно выделан сосуд редкой формы, несколько напоминающий высокогорлые кочевнические кружки IX—X вв.[7] Черепок его серовато-коричневый, плотный с небольшим количеством примесей кварцевых

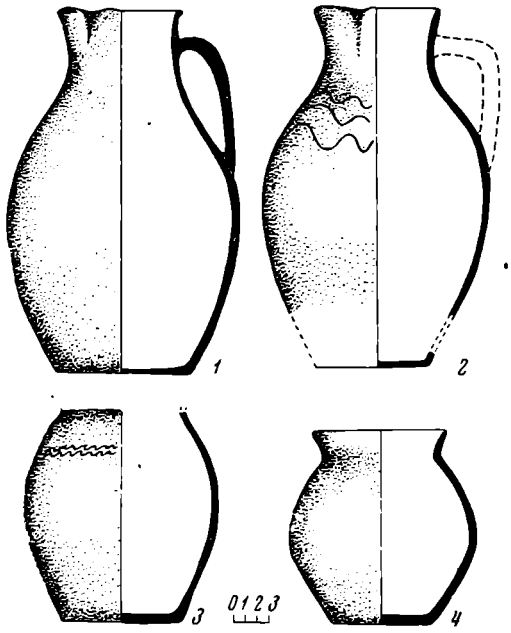


Рис. 1. Кувшины IX—X вв. из раскопок городища Бакла

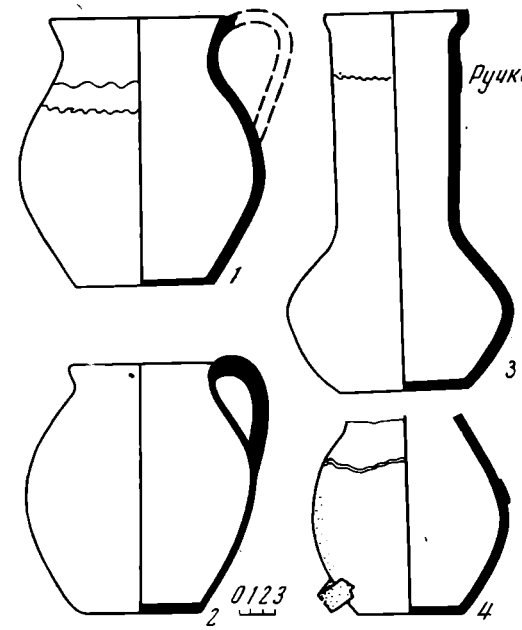


Рис. 2. Керамика Баклы IX—X вв.

частиц. Стенки его хорошо заглажены, тулово симметричное, орнамент в верхней части горла сделан тупым инструментом шириной до 1 *мм*. Высота сосуда 31,2, наибольший диаметр 18, высота горла 19 *см*. Венчик чуть отогнут, с внутренней стороны в месте отгиба сделан уступ, вероятно, для крышки (рис. 2, *3*), под венчиком была прилеплена ручка, от которой сохранился только след.

Столь же интересен кувшин с горизонтально расположенной петлевидной ручкой у дна (рис. 2, *4*). По черепку и технике изготовления он аналогичен остальным горшкам и кувшинам[8].

Среди описанной керамики поражает находка двух ойнохой, стилизованных в виде птиц. Боковые стенки их украшены волнообразными, беспорядочно нанесенными линиями, на конце хвоста проведены глубокие продольные полосы, имитирующие оперение. Ставились эти сосуды на три прилепленные снизу ножки цилиндрической формы. Одна ойнохоя имела сбоку носик (рис. 3, *1*), который не сохранился. Возможно, этот сосуд относится к типу водолеев, которые часто изготовлялись в виде птиц или животных.

Выделка сосудов этого вида отличается тщательностью, стенки хорошо заглажены, горла симметричны. Черепок у ойнохои с носиком сравнительно плотный, с небольшими включениями известковых частиц, имеет крас-

---

[7] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. МИА, 142, 1967, стр. 29.

[8] Такие сосуды встречались ранее при раскопках Государственного Исторического музея в цитадели. Пользуемся случаем принести благодарность Д. Л. Талису за возможность ознакомиться с материалом до его публикации.

новато-коричневый оттенок. Второй сосуд сильно пострадал во время пожара, поэтому трудно что-либо сказать о структуре его черепка, сходстве или отличиях теста, из которого он был сформирован.

Если рассматривать целые сосуды и выразительные фрагменты, позволяющие составить представление о форме, то можно отметить, что большинство сосудов составляют ойнохоевидные кувшины, многие из них, а также горшки украшены волнообразной врезной линией, все они отличаются грубой выделкой, асимметричностью тулова. Исключение представ-

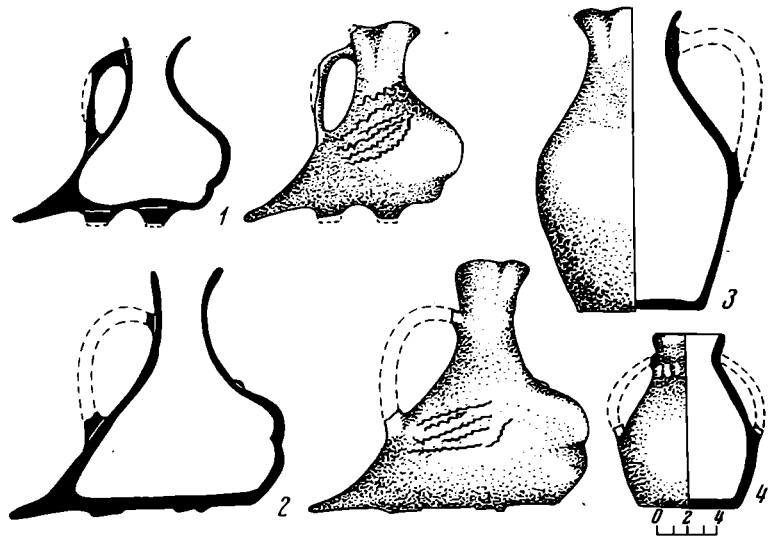


Рис. 3. Столовые и кухонные сосуды из усадьбы IX—X вв.

ляют зооморфные сосудики. Все кувшины имеют близкие пропорции: отношение высот к наибольшему диаметру — 1,55; 1,56; 1,61, а наибольшего радиуса к радиусу дна — 1,53; 1,71. Это обстоятельство свидетельствует о том, что, несмотря на отличия в оформлении венчиков (очень незначительные), все сосуды принадлежат скорее всего к кругу изделий одного мастера. В этом убеждает и близость черепков у всех рассматриваемых сосудов.

Отличие же черепков высокогорлого кувшина и двух зооморфных ойнохой можно объяснить иным назначением их и тем, что они могли быть изготовлены в другом районе. Правда, против последнего предположения свидетельствует сходство черепков стилизованных ойнохой и амфор XI—XII вв., которые считаются изделиями местных гончаров.

Возможно, что все сосуды сделаны баклинским мастером. Вполне вероятно, что это был сам владелец усадьбы.

На данное обстоятельство указывает встреченный во время раскопок диск ручного гончарного круга.

Диаметр диска 44—45, диаметр отверстия для втулки с верхней стороны 4, с нижней 6 *см*, оно конусовидное, сквозное. Толщина диска 2,5 *см*, в центре, у отверстия для втулки, — до 4,7 *см*. По краю круга с верхней стороны намечен невысокий бортик, но он не везде четко прослеживается. Вероятно, использовали диск не очень длительное время, так как сохранились местами острые ребра по краю и отверстие для втулки разношено не очень сильно. Поле диска неровное, заглажено только по краю. Здесь четко видны концентрические окружности, образовавшиеся в период работы. Нижняя сторона совершенно не заглажена. Надевался круг на коническую втулку, закреплялся снизу, поэтому здесь у самого отверстия сохранились выбоины шириной до 2—3 *см*. Круг, использовавшийся баклинским гончаром, по типу

напоминает ручные круги более раннего времени [9]. Диск изготовлен из светло-коричневой глины с примесью шамота. Для прочности в тесто было добавлено большое количество толченой керамики, немного кварца и известковых частиц. По структуре черепок диска близок к черепку пифосов и черепицы.

Кроме описанных находок в 1 *м* от юго-западного угла помещения стоял пифос, который был утоплен на 50—60 *см* в землю. Верхняя часть пифоса, возвышавшаяся над полом, была разбита во время пожара, фрагменты венчика лежали внутри него. Рядом валялась крышка, сделанная из известняковой плитки, ее диаметр 30 *см*, высота пифоса 135 *см*, венчик слегка отогнут наружу.

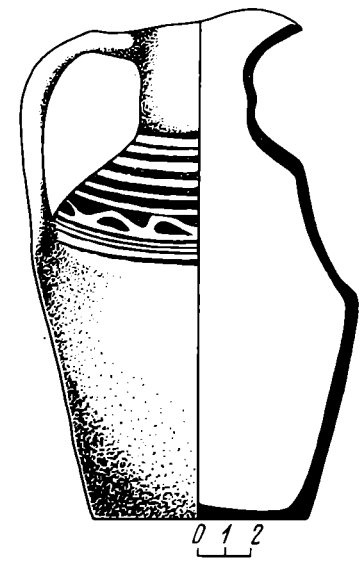


Рис. 4. Расписанный ангобом кувшин VIII—IX вв.

Для определения времени разрушения здания могут быть привлечены следующие материалы: фрагменты белоглиняной поливной посуды с подглазурной росписью [10], обломки круглого в сечении браслета из серовато-голубого стекла. В Причерноморье такие браслеты начинают бытовать с VIII—IX вв. [11] Terminus post quem дает находка расписанного ангобом кувшина, который, по материалам Е. В. Веймарна из раскопок Скалистинского могильника, датируется VIII—началом IX в. Он лежал под одной из стен помещения (рис. 4). На тулове кувшина имеется вмятина, образовавшаяся, вероятно, при закладке его в печь для обжига. Это указывает на местное производство расписанных ангобом кувшинов [12].

Вероятно, раскопанное помещение являлось подвалом, поэтому в стенах, сохранившихся на высоту до 1,5 *м*, дверного проема не обнаружено. В таком случае можно считать, что слой золы на полу помещения образовался от сгоревшего перекрытия первого этажа.

Судя по находкам, помещение использовалось для хозяйственных нужд. (Следует отметить, что при довольно большом количестве кухонных и столовых сосудов фрагментов амфор почти не встречено). Именно поэтому здесь хранился гончарный круг, посуда, стоял пифос и лежали жернова. Последние обнаружены у стены помещения. Сделаны они из местного песчаника, их диаметр 41 и 38 *см*, диаметры осевого отверстия 4,7 и 3,5 *см*.

Вероятно, здесь же хранились и некоторые запасы зерна, семян: один из горшков был наполнен пшеницей [13], а в зооморфной ойнохое (без носи-

[9] *А. А. Бобринский.* Гончарный круг с мраморным диском из городища Роксоланы. СА, 1966, 3, стр. 237, рис. 2; *А. А. Бобринский, Р. М. Мунчаев.* Из древнейшей истории гончарного круга на северном Кавказе. КСИА АН СССР, 108, 1966, стр. 21, рис. 7.

[10] *Т. И. Макарова.* Поливная керамика Таманского городища. В кн. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 74—78.

[11] *З. А. Львова.* Стеклянные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи. МИА, 75, 1959, стр. 318.

[12] Н. В. Пятышева считает, что изготовляли такие кувшины в Херсонесе, поскольку здесь в слоях VIII — первой половины IX в. найден производственный брак (*Н. В. Пятышева.* Раскопки Государственного исторического музея в Херсонесе. В сб. «Экспедиции ГИМа». М., 1968, стр. 151—153). Вероятно, производство кувшинов такого вида существовало в нескольких центрах. Иначе трудно объяснить столь далекий перевоз бракованных экземпляров от места изготовления.

[13] Анализ проб сделан научным сотрудником Ботанического сада АН МолдССР З. В. Янушевич. Проба, состоявшая из обугленного зерна пшеницы, содержала три ее вида: мягкая — Triticum aestivum L., карликовая — Triticum compactum Host., твердая — Triticum durum Dest. Смесь находилась в соотношении 2 : 1 : 2. В примесях встречено незначительное количество ржи, овса, полбы двузернянки, ячменя

ка) находились семена солодки, произраставшей, по словам Теофраста, у Меотиды. Корень солодки использовался в древности в качестве лекарственного средства [14].

Анализ встреченного в слое пожара материала позволяет предполагать, что помещение принадлежало гончару IX—X вв., работавшему за пределами городища в летний период. Разрушено оно было в промежутке между осенними и летними работами, поэтому здесь и находился гончарный круг. Скорее всего это произошло ближе к весне, так как больших запасов зерна не найдено, стоявший в кладовой пифос в период пожара был пуст [15].

A. I. Romantchouk, V. E. Roudakov

ENSEMBLE CERAMIQUE DES IXe ET Xe SIECLES PROVENANT DES FOUILLES EFFECTUEES DANS LES RUINES DE BAKLINE

Résumé

Dans cet article sont publiés les matériaux des IXe et Xe ss. provenant de Bakline, ruines situées au sud-ouest de la Crimée. On y a découvert une couche portant des traces de destruction, qui a donné une grande collection de céramiques: ustensiles de table et de cuisine. Des pots zoomorphes présentent un intérêt particulier. Dans la couche portant traces de destruction, on a trouvé le disque d'un tour de potier; ceci permet de supposer que l'habitation appartenait à un potier. Elle a brûlé durant les mois d'hiver, quand le four ne fonctionnait pas.

голозерного и Triticum dicoccum Schrank. Небезынтересно отметить, что в Западной Европе твердая и мягкая пшеница вытесняет полбяные сорта окончательно только к XII—XIV вв.: *С. Д. Сказкин.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. Избр. труды по истории. М., 1973, стр. 109.

[14] Theophr., h. pl., IX, 13, 2.

[15] Но это должно было случиться до марта — апреля, так как в эти месяцы, судя по этнографическим данным из похожих по климатическим условиям районов, гончары уже начинали работу: *И. А. Зарецкий.* Гончарный промысел Полтавской губернии. Полтава, 1894, стр. 56.

Е. Б. ПРУГЕР

К ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ТАЛЬКОВЫХ ПОРОД В УЗБЕКИСТАНЕ

В Средней Азии при археологических работах нередко находят изделия из тальковых пород [1]. Находки из этого камня встречаются еще в эпоху неолита и распространяются до позднего феодализма [2]. Этнографические наблюдения свидетельствуют об использовании местным населением таких изделий и позднее, вплоть до наших дней [3]. Широкий ареал распространения тальковых поделок в истории Средней Азии наводит на правомерный вопрос об источниках добычи тальковых пород.

---

[1] Минералогическое описание тальковых пород см. в следующих работах: *В. В. Аршинов.* Тальк и тальковый камень. Сб. «Нерудные ископаемые Советской Азии». М., 1932, стр. 113; *А. Г. Бетехтин.* Курс минералогии. М., 1956, стр. 434 сл.

[2] *О. И. Исламов.* Зарождение геологических знаний в Средней Азии. Сб. «Очерки по истории геологического изучения Средней Азии». Тр. Института геологии АН УзССР, 13, Ташкент, 1956, стр. 10; *В. М. Массон.* Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, стр. 21—23, табл. XIII, *1—3, 5; М. И. Вязьмитина.* Археологическое изучение городища Новая Ниса. Тр. ЮТАКЭ, I, Ашхабад, 1949, стр. 159; *М. Е. Массон.* Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства. Тр. ЮТАКЭ, V, Ашхабад, 1955, стр. 31; *А. М. Мандельштам* и *С. Б. Певзнер.* Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. Тр. ТАЭ, III, МИА, 66, 1958, стр. 311, 312; *В. Н. Ягодин.* Маршрутные археологические исследования в левобережной части приаральской дельты Аму-Дарьи. МХЭ, 7, М.— Л., 1963, стр. 75; *С. Б. Лунина.* Гончарное производство в Мерве X — начала XIII вв. Тр. ЮТАКЭ, XI, Ашхабад, 1962, стр. 383—385; *ее же.* Археолого-стратиграфическое изучение городища Султан-Кала, его обводов и западной части пригорода. Тр. ЮТАКЭ, XIV, Ашхабад, 1969, стр. 125—126; *Л. А. Кураева.* Средневековая привозная каменная утварь из Мерва и Нисы. Тр. ЮТАКЭ, XIV, Ашхабад, 1969, стр. 217—223; *Б. А. Литвинский, В. Г. Мошкова.* Изучение Така-Языра, Дуруна. Тр. ЮТАКЭ, I, Ашхабад, 1949, стр. 299, 301, 310; *Е. Атагаррыев.* Материальная культура Шехр-Ислама. Ашхабад, 1973, стр. 89; *Л. Н. Мережин.* Керамика XII — начала XIII в. из Старого Термеза. Тр. Таш ГУ им. В. И. Ленина, V. Сб. «Археология Средней Азии», нов. серия, вып. 172, истор. науки, 37, Ташкент, 1960, стр. 182; *И. А. Ахраров.* Каменные котлы средневековой Ферганы. Сб. «Из истории культуры народов Узбекистана». Ташкент, 1965, стр. 9—12; *Э. Гулямова.* Раскопки цитадели на городище Хульбук в 1957 г. Археологические работы в Таджикистане, вып. VI, 1958. Тр. Института истории АН ТаджССР, XXVII, Сталинабад, 1961, стр. 152, 154, рис. 4; *Ю. А. Раппопорт.* Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 г. Тр. ХАЭЭ, II, М., 1958, стр. 414; *Н. Н. Вактурская.* О раскопках 1948 г. на средневековом городе Шемаха-Кала Туркменской ССР. Тр. ХАЭЭ, I, М., 1952, стр. 188; *ее же.* Раскопки городища Ургенч в 1952 г. Тр. ХАЭЭ, II, М., 1958, стр. 488; *ее же.* О средневековых городах Хорезма. МХЭ, 7, М., 1963, стр. 50; *О. А. Вишневская.* Раскопки караван-сараев Ак-Яйла и Талайхан-ата. Тр. ХАЭЭ, II, М., 1958, стр. 460, 461 сл.

[3] *И. Ф. Бларамберг.* Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И. Ф. Бларамбергом в 1841 году. ЗИРГО, VII, СПб., 1853, стр. 235; Поездка по Восточной Персии Л-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование). Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. LXIII. СПб., 1896, стр. 314; *М. Е. Массон.* Силуэты Сумбарского района. Туркменоведение, 3—4, 1931, стр. 54; *Б. А. Литвинский, В. Г. Мошкова.* Изучение Така-Языра..., стр. 298; *И. А. Ахраров.* Каменные котлы..., стр. 11; *Л. А. Кураева.* Средневековая привозная каменная утварь..., стр. 224, 225.

Решению этой проблемы до некоторой степени способствуют древние письменные источники. Наиболее раннее известие о добыче талькового камня в Средней Азии, по существующему мнению, содержится в строительной надписи из дворца Дария I в Сузах[4]. В ней при перечислении строительных материалов, привезенных из самых разных и отдаленных областей державы Ахеменидов, упоминается «камень ахшайна» из Хорезма, под которым, как предполагает М. Е. Массон, вероятнее всего, подразумевалась тальковая порода, разрабатывавшаяся в прошлом в горах Султануздаг[5]. Позднее о добыче этого камня пишут средневековые авторы. Макдиси (X в.), кратко характеризуя сел. Бератегин в Хорезме, указывает, что «оно в пустыне поблизости от гор. Оттуда вывозят камень...»[6]. Не исключено, что он имел в виду султануздагский тальковый камень. Макдиси, а также Истахри, Ибн Хаукаль и автор анонимного географического сочинения «Худуд ал-Алем» (X в.) сообщают о добыче в горах Туса (Хорасан) камня, из которого делаются горшки (котлы)[7]. Бируни (первая половина XI в.) упоминает о безымянном руднике бирюзы, вблизи которого «находится рудник с подобным ей камнем, очень обильный. Из этого (камня) вытачивают ложки и тому подобные предметы; он мягок и быстро изменяется от соприкосновения с (растительным) маслом»[8]. По мнению Г. Г. Леммлейна, под камнем, подобном бирюзе, подразумевается тальковый (горшечный) камень[9]. Сочетание расположенных вблизи друг от друга рудников талька и бирюзы имеет место только в Хорезме и Хорасане. В первом случае расстояние между ними немногим более 10 *км*, во втором — около 90 *км* и, следовательно, термин «вблизи» для хорасанской ситуации менее применим. Таким образом, возможно, речь идет о руднике талька в Хорезме. Другим источником, дающим в отличие от предыдущего совершенно ясную информацию о тальковых разработках в Хорезме, является сочинение Омари (первая половина XIV в.). Описывая Хорезм, он сообщает: «Находится там каменоломня; из нее добываются камни, из которых

---

[4] Сузскую строительную надпись Дария I см. в работе *R. G. Kent.* Old Persian. Grammar, Texts, Lexicon. American oriental series, vol. 33, New Haven, 1950, p. 110, 142, 143.

[5] *М. Е. Массон.* К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953, стр. 10. По другим предположениям, под упомянутым в тексте документа камнем «ахшайна» из Хорезма подразумевалась бирюза (*R. G. Kent.* Ук. соч., стр. 144, 165), гематит либо бирюза (*М. М. Дьяконов.* Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, стр. 107, 108). Ю. П. Манылов, обнаруживший на бирюзовых выработках Хорезма позднесарматскую керамику VI—V вв. до н. э., но не нашедший ее на разработках других полезных ископаемых, без всяких оговорок связывает на этом основании упоминаемый в сузской надписи камень «ахшайна» с бирюзой. См. *Ю. П. Манылов.* Археологические памятники Султануздага эпохи античности и средневековья (археолого-топографическое исследование Султануздага). Автореф. канд. дис. Ташкент, 1972, стр. 15, 16. Думается, что для такого утверждения нужны более убедительные доказательства. Г. А. Пугаченкова вспоминает о камне «ахшайна» в связи с обнаружением в одном из древних карьеров гор Султануздаг капители в виде двух сросшихся, обращенных в разные стороны полиморфных фигур с туловищем и рогами барана и головой бородатого мужа, находя в ней общность с каменными капителями ахеменидского зодчества (*Г. А. Пугаченкова.* Зодчество Средней Азии и Ирана в исторических связях. Сб. «История Иранского государства и культуры». М., 1971, стр. 239).

[6] *Ал-Макдиси.* Ахсан ат-такасим фи-ма' рифат ал-акалим. МИТТ, т. 1, М.—Л., 1939, стр. 187. Л. А. Кураева совершенно бездоказательно пишет, что в Бератегине производили окончательную обработку тальковых заготовок. См. *Л. А. Кураева.* Ук. соч., стр. 223.

[7] *Ал-Макдиси.* Ук. соч., стр. 203; *Ал-Истахри.* Китаб месалик ал-мемалик. МИТТ, т. 1, М.—Л., 1939, стр. 172; *Ибн Хаукаль.* Китаб ал-месалик ва-л-мемалик. Там же, стр. 183; Худуд ал-Алем. Там же, стр. 212. Краткие упоминания о мешхедских ломках тальковых пород (в горах Туса) см.: Поездка по Восточной Персии Л-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена..., стр. 314; *G. Le Strange.* The lands of the eastern Caliphate. Cambridge, 1930, p. 339 сл.

[8] *Ал-Бируни.* Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Перевод А. М. Беленицкого, 1963, стр. 159.

[9] Там же, стр. 456, 457.

делаются котлы (для варки)...» [10]. Несколько позже Бакуви в своем компилятивном географическом труде начала XV в. указывает, что в горах Туса в Хорасане «... есть рудники бирюзы. Из нее высекают котелки, чаши и прочие сосуды» [11]. Нужно полагать, что в данном случае бирюзой ошибочно назван горшечный камень, ибо вряд ли такой ценившийся на Востоке камень-самоцвет, как бирюза, мог широко использоваться для изготовления бытовой посуды, в частности котелков [12].

Судя по сведениям, извлеченным из древних письменных источников, в средние века было известно по крайней мере два района добычи тальковых пород и изготовления из них посуды (особенно котлов) и других изделий, пользовавшихся спросом в Средней Азии,— горы Туса в Хорасане и Хорезм. Третьим, не упоминаемым в прошлом ни одним из древних источников, являются горы Нуратау, где в начале 30-х годов текущего столетия обнаружены выработки, пройденные по тальковым породам. Последние два района расположены в пределах Узбекской ССР. Почти на всех известных здесь месторождениях и проявлениях тальковых пород со следами былой разработки были проведены комплексные геолого-археологические исследования (рис. 1) [13].

Горы Султануиздаг. Все шесть расположенных в этом районе месторождений и проявлений тальковых пород [14] затронуты древними горными работами. Большинство тальковых тел приурочено к контактам серпентинитов менажатского комплекса с амфиболитами и известняками [15].

1. Древний рудник [16] Зинельбулак. Находится в центральной части гор Султануиздаг, в среднем течении Кызылсая [17] и в нижнем Зинельбулаксая. На площади месторождения отмечены многочисленные древние выработки. В частности, на его северном участке, в правом борту Кызылсая, на пространстве 300×300 *м* зафиксировано более 30 отработок. В основном это неглубокие, до 5—10 *м*, наклонные шурфы с камерами и заходками, ограниченные уровнем грунтовых вод. Будучи приурочены к однородным, плотным, лишенным трещин блокам талькового камня, они пройдены в разных направлениях. Наиболее характерны две из них. Одна — наклонная под

---

[10] *Ибнфадлаллах Эломари.* Пути взоров по государствам разных стран. См. *В. Тизенгаузен.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884, стр. 242.

[11] Абу ар-Рашид ал-Бакуви. Китаб талхис ал-асар ва'аджа' иб ал-малик ал-каххар («Сокращение [книги о] «Памятниках» и чудеса царя могучего»). Издание текста, перевод, предисловие, примечания и приложения З. М. Буниятова. М., 1971, стр. 76. Следует учесть, что труд ал-Бакуви представляет собой сокращенную редакцию компилятивного географического сочинения Закарийа ал-Казвини (XIII в.), содержащего извлечения из трудов многих предшествующих авторов.

[12] Известны редкие случаи изготовления из бирюзы драгоценных чаш. *Ал-Бируни.* Собрание сведений..., стр. 159; *М. Г. Джанашвили.* Драгоценные камни, их названия и свойства. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 24. Тифлис, 1898, стр. 13, 14; *И. Ф. Бларамберг.* Статистическое обозрение Персии..., стр. 239.

[13] Комплексные геолого-археологические работы проводились партией по изучению древнего горного промысла Узбекистана в 1963 г. (С. В. Лопатин, А. Г. Ермилов) и в 1972 г. (В. И. Киреев, Е. Б. Пругер). Результаты наблюдений 1963 г. отражены в геологическом отчете 1964 г. (авторы — С. В. Лопатин, Е. Б. Пругер, А. Г. Ермилов). Позднее тальковые разработки Хорезма привлекли внимание Ю. П. Манылова (*Ю. П. Манылов.* Археологические памятники Султануиздага..., стр. 17, 18).

[14] О петрографическом исследовании тальковых пород хребта Султануиздаг см. *Я. С. Висьневский.* Петрография основных и ультраосновных пород Султан-Уиз-Дага. Ташкент, 1940.

[15] *С. С. Шульц.* Геологическое строение зоны сочленения Урала и Тянь-Шаня. М., 1972, стр. 144.

[16] Под термином «древний рудник» нами понимается совокупность былых горных выработок, многочисленных и единичных, взаимно связанных либо изолированных, объединенных контурами конкретного месторождения (рудопроявления).

[17] Краткое упоминание о тальковых выработках в среднем течении Кызылсая приводится А. В. Пэком (*А. В. Пэк.* Султануиздаг. Таджикско-Памирская экспедиция 1934 г. М.— Л., 1935, стр. 484).

углом 35—40° штольня, пройденная по азимуту 280°. Протяженность ее от козырька входа до забоя 30 *м*, ширина в забое 3,5 *м*, высота 2,1 *м*. Другая — наклонный шурф сечением 0,9×1,4 *м*, опускающийся под углом 50° на пятиметровую глубину и переходящий затем в широкую камеру высотой до 3 *м*. По южной стене шурфа сделаны ступеньки шириной 30—70 *см*, высотой 20—30 *см*. На стенках и кровле выработок видны четкие задиры — следы орудий, использовавшихся при проходке и добыче тальковых пород. В отвалах найдены обломки заготовок и полуобработанных каменных котлов (рис. 2).

Рис. 1. Схематическая карта древних рудников тальковых пород на территории Узбекистана

На левом берегу Кызылсая, вблизи разработок, выявлены остатки примерно 10 небольших домиков — жилищ древних горнорабочих , сложенных из камня местных пород. На поселении и в отвалах выработок собран довольно выразительный комплекс археологических находок. Неглазурованная керамика представлена несколькими черепками кремового обжига с процарапанным линейно-извилистым и штампованным орнаментом; фрагментами сероглиняной керамики с темно-серым и черным ангобом, в том числе мисок, кувшинов (один со спускающимся по плечам прочерченным извилистым орнаментом) (рис. 3). Глазурованная керамика имела светло- и темно-зеленую поливу или заглушенно-голубую. Встречается коричневый орнамент на желтом фоне, черная нечеткая роспись на синем фоне; найдены два кашиновых черепка — один с черным орнаментом на фоне бирюзовой глазури, другой с синим рисунком на белом фоне. Судя по этим находкам, рудник функционировал в IX—XIV вв. Верхняя хронологическая граница подтверждается обнаруженным на поселении фельсом XIV в., чеканенным в Нишапуре (определение М. Е. Массона). Из других находок в пределах поселения нельзя не отметить бронзовое кольцо, фрагменты стекла, осколок мутного горного хрусталя, куски светло-коричневого кремня.

2. Древний рудник Казгантау. Местоположение — центральная часть хребта Султануиздаг, в верховьях Казгансая, в районе одноименной горы. Посетивший его в 1874 г. Н. П. Барбот де Марни не нашел никаких признаков золотых и серебряных руд, которые, по преданиям, здесь добывались; в отвалах выработок ничего, кроме медной зелени, серного колчедана и горного шпата, не встретил, но возле одной из них отметил сохранившиеся пьедесталы для колонн, высеченные из хлоритового камня, исходя из чего предполагает, что некоторые «ямы» служили для добычи этого полезного ископаемого. Тем не менее, несмотря на поразившее его большое количество выработок, он считает, что как таковых разработок тут не было, а проводились многократно повторявшиеся из столетия в столетие безуспешные поиски[18]. В 1927 г. выработки осматривались Я. С. Висьневским[19],

[18] *Н. П. Барбот де Марни.* О геологических исследованиях в Аму-дарьинском крае. Изв. РГО, т. XI, 2, СПб., 1875, стр. 114; *его же.* Через Мангышлак и Устюрт в Туркестан. Тр. Арало-Каспийской экспедиции, вып. VI. СПб., 1889, стр. 75, 76.

[19] *Я. С. Висьневский.* Петрография основных и ультраосновных пород..., стр. 113, 114.

позднее — многими геологами, занимавшимися изучением гор Султануиздаг (Л. Б. Коган, А. А. Кулеш, С. С. Шульц и др.)[20].

На месторождении зафиксировано множество выработок типа наклонных штолен и шурфов, карьерообразных ям и щелей, пройденных по зонам развития тальковых пород на глубину 5—10 *м*, ограниченную уровнем грунтовых вод. В лежащих рядом отвалах отмечены многочисленные куски заготовок и обработанных каменных котлов (рис. 2)[21]. Вблизи разработок

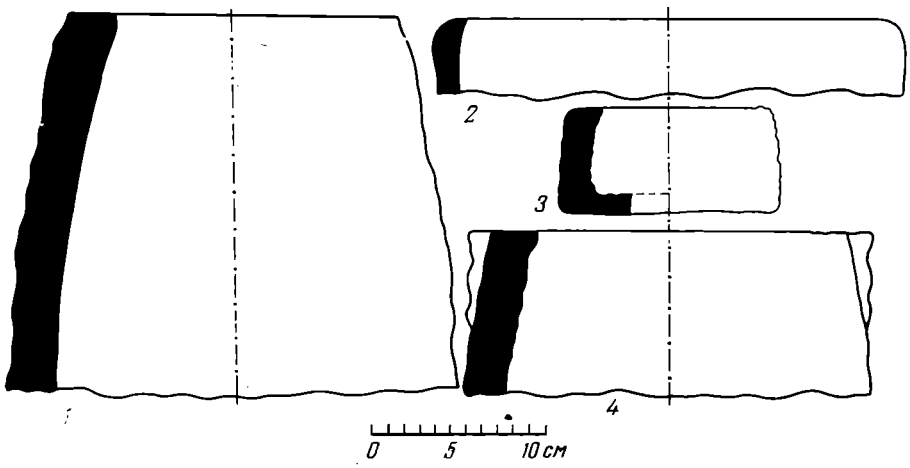


Рис. 2. Изделия из тальковых пород. *1* — полуобработанная заготовка (древний рудник Зинельбулак); *2* — фрагмент готового изделия (древний рудник Казгантау); *3—4* — заготовки (древний рудник Зинельбулак)

заметны остатки небольших домиков древних горнодобытчиков, выложенные из имеющегося здесь в изобилии камня. На поселении найдены фрагменты сероглиняной керамики с серым и черным ангобом, характерные для XII—XIV вв. (рис. 3). По сообщению геолога С. С. Шульца, в отвале одной из выработок обнаружена медная монета X в.

3. Древний рудник Кызылсай. Расположен в верховьях Кызылсая. Месторождение отработано с поверхности карьерами, щелеобразными траншеями, наклонными шурфами и штольнями (рис. 4). Рядом с выработками отвалы с включением фрагментов заготовок изделий из тальковых пород. Датирующий материал на площади рудника не обнаружен. Но, судя по внешнему облику выработок и отвалов, они пройдены, по-видимому, одновременно с расположенными недалеко от них зинельбулакскими разработками.

4. Древний рудник Менажат. Находится в 3 *км* северо-восточнее мавзолея Султанбаба, у горы Менажат. Здесь зафиксировано несколько небольших, совершенно заплывших выработок, пройденных с целью добычи тальковых пород. Из-за отсутствия археологических находок установить время отработки проявления не удалось.

5. Древний рудник Кахралы. Расположен у одноименного колодца. Подземные выработки, опускающиеся на небольшую глубину, тянутся в широтном направлении полосой длиною 0,5 *км*. В забоях видны следы вырубки монолитов тальковых пород. Археологических находок нет. Время эксплуатации проявления не ясно.

[20] Сведения о выработках Казгантау содержатся в ряде геологических отчетов, хранящихся в фондах Министерства геологии УзССР. Краткие данные о них имеются также в опубликованной литературе: *И. В. Мушкетов*. Туркестан. Т. I. СПб., 1886, стр. 641, 642 (со ссылкой на Н. П. Барбота де Марни); *М. Е. Массон*. К истории добычи асбеста в Средней Азии. За недра Средней Азии, 4, 1934, стр. 95, 96; *его же*. К истории горного дела..., стр. 10, 18 сл.

[21] Впервые они найдены здесь Я. С. Висьневским в 1927 г. (*Я. С. Висьневский*. Петрография основных и ультраосновных пород..., стр. 113. Об этой же находке см. *М. Е. Массон*. К истории добычи асбеста..., стр. 90).

6. Древний рудник Дущебулак. Местоположение — северный склон хребта Султануиздаг, на правом берегу одноименного сая. Пять небольших выработок пройдены по зоне отальковання. Самая крупная из них — карьер длиной 15, шириной 3 *м*, глубина до завала 2 *м*. Верхняя выветренная часть пород не тронута и оставлена в виде козырька толщиной 0,5 *м*. В отвалах изредка встречаются куски заготовок каменной утвари. Найденные фрагменты сероглиняной керамики позволяют определить время здешних горнодобывающих работ по крайней мере XII—XIV вв.

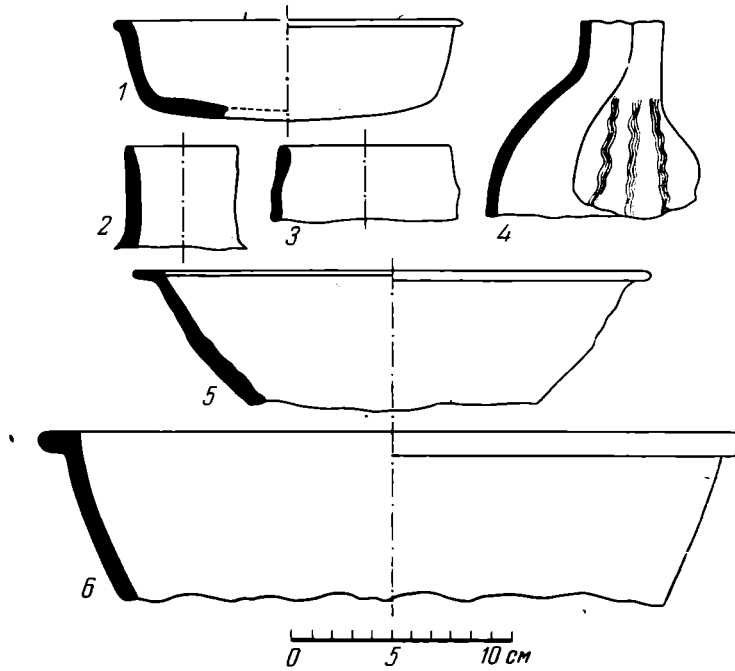


Рис. 3. Керамика XII—XIV вв. *1, 2, 4* — поселение древнего рудника Зинельбулак; *3, 5* — древний рудник Казгантау; *6* — древний рудник Зинельбулак

Горы Нуратау. Среди месторождений и проявлений различных полезных ископаемых со следами их былой эксплуатации здесь известны два, разрабатывавшиеся с целью добычи тальковых пород. Породы обоих объектов представлены преимущественно серпентинитами, с подчиненными участками амфиболового габбро, и всегда сопровождаются интенсивным смятием и рассланцованностью с переходом в тальковые породы и тальк-хлоритовые сланцы [22].

1. Древний рудник Каракан [23]. Находится на северных склонах Нуратинских гор, в 50 *км* к северо-западу от г. Джизака, у кишлака Каракан. Открыт в 1936 г. В тальковых породах отмечены следы проведенных в прошлом работ по добыче камня. Время разработки объекта неизвестно.

2. Древний рудник Бибикон (рис. 5) [24]. Местоположение — левобережье

[22] *Б. Н. Наследов.* Металлогения Западного Тянь-Шаня и Узбекистана. М., 1961, стр. 262, 263.

[23] Краткое упоминание о выработках у кишлака Каракан имеется у М. Е. Массона (*М. Е. Масон.* К истории горного дела..., стр. 24. По предположению Х. М. Абдуллаева, здесь, исходя из геологической обстановки, аналогичной Уралу, в прошлом могли добывать платину или алмаз. (*Х. М. Абдуллаев.* К металлогении Западного Узбекистана. Бюллетень АН УзССР, 8, 1946, стр. 16).

[24] Некоторые сведения о древнем руднике Бибикон приводятся в следующих работах: *Н. А. Смольянинов и Б. Л. Баскин.* Нуратинские горы и их полезные ископаемые. Сб. «Таджикско-Памирская экспедиция 1934 г.». М.— Л., 1935, стр. 100, 101; *Б. Л. Баскин, В. С. Мясников, В. П. Флоренский.* Геология и полезные ископаемые Нуратинских гор. М.— Л., 1936, стр. 76; *Н. А. Смирнов.* Нур-атинские горы. Геология Узбекской ССР, II. Л.— М., 1937, стр. 83.

устья Сентабсая. Выявлен в 1934 г. Состоит из четко выделяющегося в рельефе карьера длиной 30, шириной до 10 и глубиной около 20 *м*. Здесь большей частью добывался темно-зеленый, очень мягкий и легко поддающийся обработке поделочный камень серпентинит[25]. Из карьера по зоне развития почти белого с зеленоватым оттенком мягкого и сильно расслаивающегося талька пройдено несколько подработок, козырек которых обрушился, и четыре небольших штольни. Длина наиболее сохранившейся 13 *м*, сечение входа 1,7×1,5 *м*. В ее забое видны следы вырубки талькового

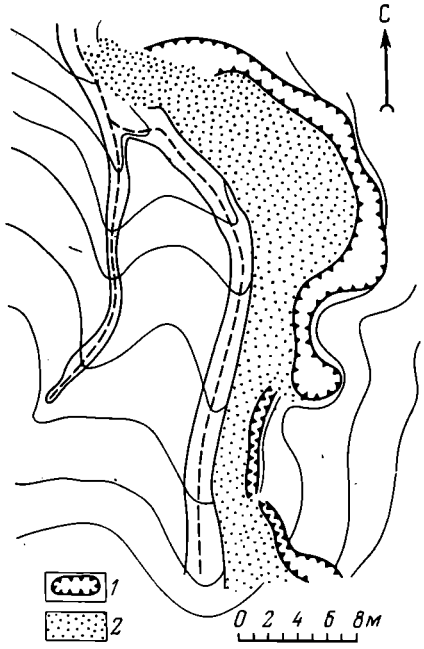


Рис. 4. Древний рудник Кызылсай. Схематический план карьера. *1* — контур карьера; *2* — отвал

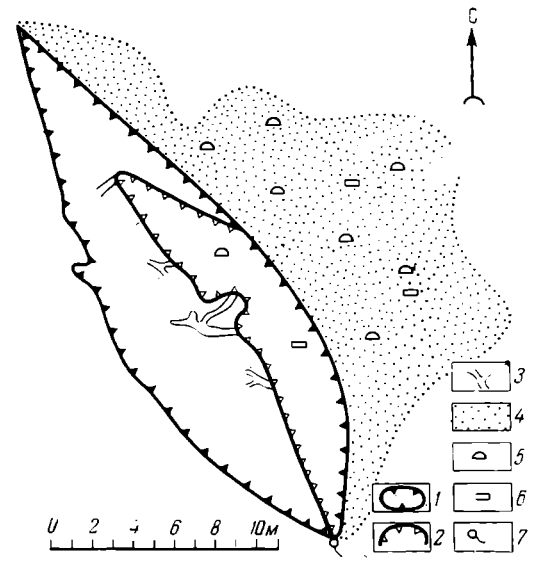


Рис. 5. Древний рудник Бибикон. Схематический план. *1* — контур карьера; *2* — контур забойной части; *3* — контур штольни; *4* — отвал карьера; *5* — находки керамики; *6* — находки частей каменных молотков; *7* — родник

камня зубилообразным инструментом. Дно карьера отчасти завалено крупными глыбами обрушившихся козырьков подработок. Восточная его часть, не закрытая обвалом, заполнена крошкой и мелкими обломками серпентинита и талька — вероятно, отходами их первичного обогащения. Ниже по склону горы отмечен отвал, также включающий многочисленные мелкие куски серпентинита и талька. Археологические находки, обнаруженные на руднике, малочисленны и невыразительны. Среди них три куска от каменных молотков, изготовленных из гранита, и несколько фрагментов лепной керамики. Таким образом, время функционирования объекта установить не удалось.

Мягкий, легко крошащийся тальк Бибикона в отличие от султануиздагских тальковых пород не пригоден для изготовления каменной посуды. Только этим можно объяснить отсутствие в отвалах сентабских разработок полузаготовок кухонной утвари и других изделий, столь характерных для хорезмийских месторождений. Поскольку горы Нуратау представляют собой один из крупных районов древней добычи и металлургической переработки золотых, полиметаллических, медных и железных руд, не исключено

[25] Геологом М. Д. Трояновым в кишлаке Сентаб были найдены две хорошо отполированные подвески из местного серпентинита.

применение в прошлом местного талька как огнеупорного материала для выделки мелких литейных форм [26].

Технология добычи «тальковых пород» определяется особенностями материала, в одном случае достаточно годного с точки зрения физико-технических свойств для изготовления разнообразных изделий, главным образом котлов (горы Султануиздаг), в другом — непригодного для этих целей, но вполне применимого в металлургии (горы Нуратау). Султануиздагские месторождения и проявления тальковых пород отрабатывались, судя по задирам на стенках выработок, при помощи металлического кайла с трехгранным рабочим концом, нуратинские — зубплообразным инструментом и каменным молотком.

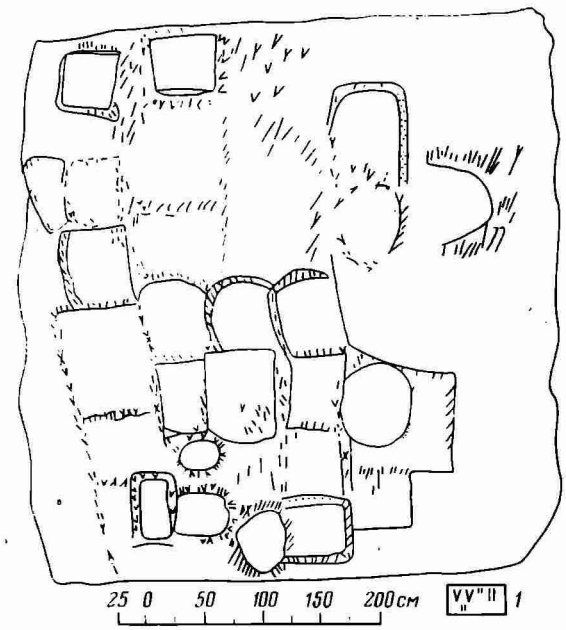


Рис. 6. Древний рудник Казгантау. Зарисовка части стенки выработки со следами отбойки блоков талькового камня. *1* — следы отбойного инструмента

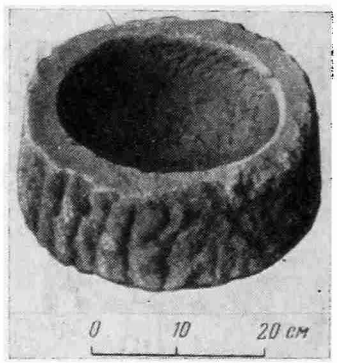


Рис. 7. Заготовка котла из тальковой породы. Горы Султануиздаг

Тщательным осмотром выработок Казгантау, Кызылсай и других хорезмийских древних рудников установлено, что вкрест сланцеватости тальковых пород пробивались канавки, отсекавшие на определенную глубину близкий по возможности к конкретной форме блок, который затем отделялся от стенки забоя по сланцеватости (рис. 6). Добытому блоку путем извлечения сердцевины и обтесывания внешней поверхности придавалась форма (рис. 7). Технологический процесс завершался обработкой заготовок с окончательной выделкой из них изделий [27]. Обработка осуществлялась непосредственно у выработок, что подтверждается обнаруженными в лежащих рядом отвалах фрагментами заготовок и готовых каменных сосудов. По-видимому, доставка тяжелых и неудобных для транспортировки блоков в отдаленные от рудников пункты была затруднительна и экономически нецелесообразна. По всей вероятности, невыгоден был и отрыв обрабатывающей стадии работ от пунктов добычи. Часть блоков и заготовок при обработке ломалась, отбраковывалась, и лишь постоянное поступление подручного материала могло возместить определенные убытки масте-

[26] В связи с этим нельзя не вспомнить тальковые литейные формы конца II тысячелетия до н. э., найденные в низовьях Днепра. См. *Е. Н. Черных.* Металл — человек — время. М., 1972, стр. 174.

[27] Процесс извлечения сердцевины хорошо виден на снимке мастерской по производству каменной утвари, сделанном Т. А. Тутунджаном в Иране в 1942 г. (*Л. А. Кураева.* Средневековая привозная каменная утварь..., стр. 225, рис. 4). По мнению Ю. П. Манылова, на месторождении проводилась лишь предварительная обработка блоков «во избежание транспортировки в мастерские непригодных для обработки заготовок с трещинами». См. *Ю. П. Манылов.* Ук. соч., стр. 18.

ров, специализировавшихся на изготовлении разнообразных изделий из тальковых пород [28].

Открытие нуратинских древних рудников позволяет говорить о новом районе древней былой разработки тальковых пород, что не противоречит сообщениям средневековых авторов о двух центрах добычи «горшечного камня» — хорасанском и хорезмийском — источниках распространения по Средней Азии великолепной каменной утвари. Время эксплуатации хорезмийских месторождений и проявлений тальковых пород пока ограничивается IX—XIV вв. [29] Это совпадает с историческими данными и со временем наибольшего распространения изделий из талька.

E. B. Prougher

HISTOIRE DE L'EXPLOITATION DES GISEMENTS DE ROCHES TALQUEUSES EN OUZBEKISTAN

Résumé

Lors de travaux archéologiques en Asie Centrale on a trouvé plus d'une fois de menus objets en roches talqueuses. A en juger par les renseignements que fournissent les anciennes sources écrites, on connaissait au Moyen Age au moins deux régions d'extraction des roches talqueuses: les montagnes de Touss au Khorassan et celles de Soultanouisdag au Khorezm. La troisième région, que ne mentionnent pas les sources écrites, est constituée par les montagnes de Nourataou. Les deux dernières régions sont situées dans la République Socialiste Soviétique Ouzbek. Dans les montagnes de Soultanouisdag on a noté six gisements et présence de roches talqueuses (fig. I), exploitées du IXe s. au XIVe s. pour l'extraction d'une très belle pierre, employée dans la fabrication d'ustensiles de cuisine et autres objets. On connaît dans les montagnes de Nourataou deux endroits d'ancienne exploitation de pierre talqueuse (fig. I), inutilisable pour la fabrication d'ustensiles de pierre, mais très employée en métallurgie comme matériau réfractaire pour faire de petits moules de fondeur.

---

[28] Описанная схема процесса добычи сырья, изготовления из него изделий и разделения труда дается только для хорезмийских разработок тальковых пород. В Иране она может быть иной.

[29] По данным Ю. П. Манылова, месторождения талька в Хорезме эксплуатировались в XII—XIV вв. (*Ю. П. Манылов.* Археологические памятники Султануиздага..., стр. 18), хотя даже обзор археологических находок изделий из тальковых пород в самом Хорезме свидетельствует о более ранней их разработке.

В. П. ДАРКЕВИЧ

МЕДНЫЕ И БРОНЗОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ (XIII — XIV века)

Во второй половине XIII в. города Волжской Болгарии восстанавливаются после страшного монгольского нашествия. В первой половине XIV в. они достигают экономического расцвета. В Болгар, чеканивший собственную монету, по-прежнему съезжались купцы из разных государств; согласно Гильому Рубруку, отсюда к татарам привозили «дорогие меха разного рода» [1]. Через золотоордынские центры Нижнего Поволжья Болгария сносилась со странами Востока — от Китая до Восточного Средиземноморья. «Являясь центром караванной торговли, территория Болгарии служила ярмаркой для встречного потока товаров, идущих из Руси, Восточной Европы, с Кавказа, из Персии, Средней Азии, Монголии и Китая» [2]. Международные связи Болгара, Сувара, Биляра отражены в археологических материалах (спро-египетское стекло, иранская и среднеазиатская полива, китайские зеркала и селадон) [3]. По привозным образцам местные ремесленники изготовляли бронзовые зеркала [4], металлические украшения и т. д.

Среди произведений художественного ремесла XIII—XIV вв., найденных в пределах Волжской Болгарии, выделяются изделия из бронзы и меди: чаши, котелки, ковши, подсвечники, чернильницы. Они делятся на две категории: импортные и местной работы, отражающие влияние привозных образцов.

Импортные вещи.

1. Чаша с изображением всадников. Бронза. Гравировка, инкрустация золотом и серебром. Мосул. Вторая половина XIII в. (рис. 1, *1*, *2*).

Случайная находка 1891 г. на городище Великие Болгары в с. Болгары (Успенское) Спасского у. Казанской губ. [5] (ныне Куйбышевский р-н Татарской АССР). В 1893 г. чаша куплена Эрмитажем, в каталогах которого фигурирует как иранская XIII в. [6]

Высота 11, диаметр горла 18,5, диаметр тулова 26,5 *см* [7]. Внизу выломаны часть тулова и дно, большой фрагмент которого сохранился отдельно. Золотом инкрустированы медальоны с Y-образным заполнением, детали снаряжения всадников, буквы надписи. Остальной орнамент, фигуры животных и наездников, композиция на дне инкрустированы серебром. Декор состоит из круговых полос: 1) кружки, образованные плетенкой (на венчике); 2) собаки и барсы, преследующие зайцев; 3) плетенка из трех ленточек и волнистый стебель; 4) меандровый узор; 5) скрученный в ту-

[1] *Джиованни дель Плано Карпини.* История монгалов; *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. М., 1957, стр. 98.

[2] *А. П. Смирнов.* Волжские булгары. М., 1951, стр. 63.

[3] Там же, стр. 59, 259.

[4] Там же, стр. 116—118.

[5] ОАК за 1891 г., СПб., 1893, стр. 125.

[6] Каталог Международной выставки памятников иранского искусства и археологии. ГЭ, 1, Л., 1935, стр. 385.

[7] SPA, vol. IX 1939, табл. 1363 A.

Рис. 1. Бронзовые изделия с инкрустацией серебром. *1, 2* — чаша из Болгара (№ 1), вид сбоку и часть дна; *3* — чернильница (№ 2); *4* — обломок сосуда (№ 3)

гие витки стебель; 6) благопожелательная арабская надпись почерком насх (в отдельных картушах); 7) спирально вьющийся стебель. Последние три полосы прерваны восемью фестончатыми медальонами с фигурами всадников. Их последовательность (по часовой стрелке): а) игрок в поло, в правой руке палка, загнутая на конце (саульджан); б) всадник стреляет из лука назад; в) игрок в поло, в левой руке палка в форме молоточка; г) охотник с соколом; д) игрок в поло; е) игрок в поло, в правой руке мяч (?), в левой палка; ж) игрок в поло; з) игрок в поло. Всадники в узорных кафтанах до колен с боковым разрезом и косым запáхом. Кушаки узкие со свисающими спереди концами. На головах (окружены нимбами) низкие округлые шапочки. Сапоги без каблуков с острыми носами. Снаряжение верховых коней включает ремни оголовья, поводья, широкий нагрудный и подхвостный ремни, чепрак. Хвосты подвязаны длинными лентами. Далее следует: 8) меандровый узор; 9) пальметты, соединенные переплетающимися лентами. Горизонтальный край чаши украшен плетенкой, как в полосе 3. Внутри на дне рыбы и утки образуют концентрические круги вокруг солнца с человеческой личиной и 12 лучами.

Совокупность элементов орнамента характерна для мосульских изделий второй половины XIII в. (меандровые полосы, спиральные стебли

Рис. 2. Основание бронзового подсвечника (№ 4). *1* — вид сбоку; *2* — вид сверху; *3—8* — детали орнамента

с треугольными листьями, ряды кружков, образованных плетенкой, плетения из тонких ленточек[8], звериный гон, всадники)[9]. Типичны для искусства Мосула фестончатые медальоны[10] и круглые медальоны с Y-образным узором (восемь раз прерывают орнамент в полосах 2, 3, 5, 7). К датирующим признакам относится инкрустация золотом (со второй половины XIII в.)[11]. Каждый игрок в поло вписан в отдельный медальон, как на чаше конца XIII в. из музея Бенаки в Афинах. В более ранних изображени-

[8] Плетенка из четырех или более ленточек типична также для иранских и сиро-египетских металлических изделий XIV в.: *А. А. Иванов.* Бронзовый тазик середины XIV в. Сб. «Средняя Азия и Иран». Л., 1972, стр. 114.

[9] SPA, vol. IX, 1939, табл. 1331, 1334, 1343 A; *D. Barrett.* Islamic metalwork in the British museum. London, 1949, pl. 12, 15C; *E. Baer.* Sphinxes and harpies in medieval Islamic art. An iconographical study. Jerusalem, 1965, pl. XXXVI, *64.*

[10] *R. Hārari.* The Art of Metalwork. Metalwork after the Early islamic period. SPA, vol. III, 1939, p. 2495.

[11] *А. Иванов.* Художественная бронза Ближнего и Среднего Востока (VII—XX вв.). СГЭ, XXX, Л., 1969, стр. 32.

Рис. 3. Бронзовые котелки. *1, 2* — котелок из Болгара (№ 5), вид сбоку; *3* — орнамент на его дне; *4* — надпись на горле; *5* — котелок из Болгара (№ 6) вид сбоку

ях игроки объединены в группы или образуют длинный фриз [12]. Композицию из рыб вокруг розетки встречаем на дне бронзовых чаш конца XIII—XIV в. (Сирия и Иран) [13]. Этот древний символ означает чередование дня (солнце) и ночи (рыбы ассоциируются с морем, в которое садится солнце) [14].

2. Чернильница. Бронза. Гравировка, инкрустация серебром. Восточный Иран (Герат?). Конец XII— первая половина XIII в. (рис. *1, 3*).

---

[12] *D. S. Rice.* Studies in Islamic Metal Work. BSOAS, vol. XIV, 3, 1952, p. 572, fig. 3—5.

[13] Ibid., p. 572—573, fig. 1; *R. Ettinghausen.* The «Wade Cup» in the Cleveland Museum of Art. Its Origin and Decorations. «Ars Orientalis», II, 1957, fig. R, pl. 13, *39, 40.*

[14] Ibid., p. 345.

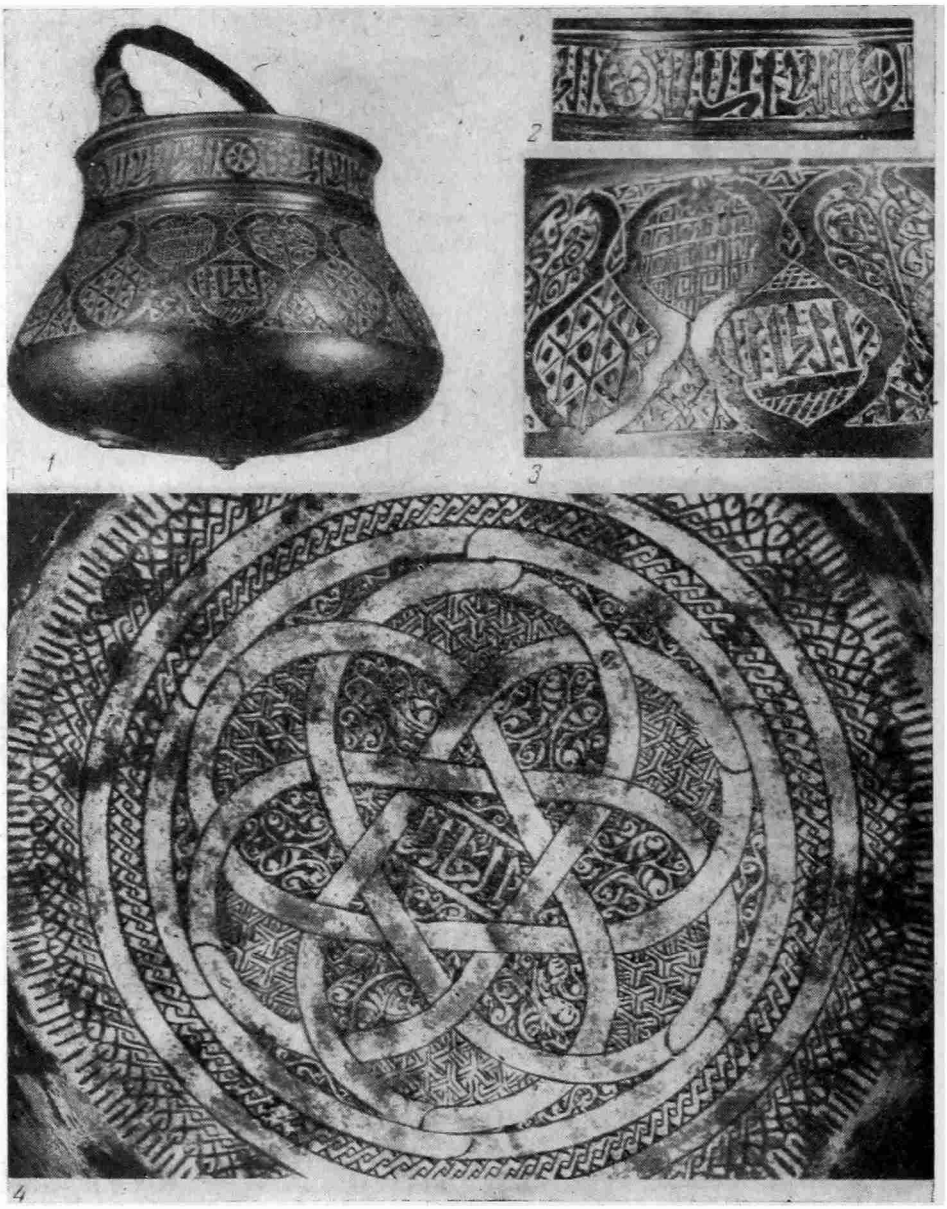


Рис. 4. Бронзовые и медные сосуды с гравировкой. *1* — котелок из дер. Айбаш (№ 7), вид сбоку; *2, 3* — детали его орнамента; *4* — орнамент на блюде из дер. Татарской (№ 8)

Найдена в конце XIX в. в с. Кульбаева Мураса Чистопольского у. Казанской губ. [15] Хранится в Эрмитаже (инв. № VC-106).

Чернильница почти цилиндрическая. Высота 6 *см*, диаметр внизу 8, диаметр вверху 7,5 *см*. Крышка утрачена. В три приклепанных ушка продевалась цепочка для подвешивания. Декор состоит из трех полос. В крайних на фоне больших спирально скрученных стеблей с пальметтами арабская надпись почерком насх с пожеланиями славы, успеха, могущества и т. д. [16] В образованных плетенкой медальонах среднего пояска розетки из семи маленьких кружков — «марка» хорасанских медников [17]. Орнамент и

[15] ОАК за 1899 г. СПб., 1902, стр. 119, рис. 227.

[16] Ср. фон надписи на инкрустированной серебром восточноиранской фляжке XIII в. из Британского музея (*D. Barrett.* Op. cit., pl. 9).

[17] *M. S. Dimand.* A Handbook of Muhammadan Art. New York, 1947, p. 141.

Рис. 5. Медные ковши из Болгара. *1—4* — ковш и детали его орнамента (№ 9); *5* — фрагменты ковша (№ 10)

буквы инкрустированы серебром. Снаружи на дне и в верхней части чернильницы выгравированы волнистые стебли с пальметтами.

Известна похожая чернильница гератской работы [18]. Иранская чернильница с той же системой декора (но без розеток из кружков) хранится в Британском музее [19].

3. Обломок сосуда. Бронза. Гравировка. Восточный Иран (?). XIII в. (рис. 1, *4*).

Найден на городище Великие Болгары. Хранился в коллекции Сиклера, преподавателя в Казани, затем в музее Ars Asiatica в Москве, откуда в 1921 г. передан в ГИМ (инв. № 58456).

Фрагмент верхнего края чаши (?) украшен полосой шириной 3,7 *см*. Арабская надпись почерком насх (читается слово «успех») и ее фон из спиральных стеблей с пальметтами сближают сосуд с чернильницей № 2.

4. Основание подсвечника. Бронза. Гравировка, инкрустация серебром. Иран (северо-западный?). Первая половина XIV в. (рис. 2).

---

[18] Ibid., fig. 82.
[19] *D. Barrett.* Op. cit., pl. 5 *b*.

Подсвечник найден на территории армянской колонии на городище Великие Болгары при рытье ямы около остатков армянской церкви, известной под названием «Греческой Палаты». Находился в коллекции Н. Ф. Высоцкого (Казань). Ныне хранится в Гос. музее Татарской АССР в Казани (инв. № 5641).

Судя по фотографии, изданной Н. Ф. Высоцким, нашли и верхнюю, расширенную часть короткого ствола подсвечника с выгравированным вьющимся стеблем [20]. Полое основание подсвечника усеченно-коническое, края утолщены. Диаметр вверху 13,5, диаметр внизу 18 *см*, высота 12,3 *см*. На нижнем крае и двух узких валиках на корпусе выгравирован шнуровой орнамент. На верхней узкой и нижней широкой полосах чередуются кружки и овальные фигуры. Подобные овалы украшают одну из полос на иранском медном подносе XIV в. [21] Средняя широкая полоса окаймлена полосками из кружков. Она состоит из шести круглых медальонов, образованных узкой лентой без орнамента. В медальоны вписаны (по часовой стрелке): 1) сидящий по-восточному пирующий мужчина с кубком в правой руке (рис. 2, *3*); 2) сфинкс (рис. 2, *4*); 3) пирующий персонаж в низкой шапочке с лентой; 4) четвероногое крылатое животное с головой, похожей на собачью (рис. 2, *6*); 5) пирующий персонаж; 6) фронтальная человеко-птица («гарпия») с распростертыми крыльями (рис. 2, *7*) [22]. У всех фигур гладкие нимбы, только у гарпии лучистый. Фон заполнен сплошным орнаментом из завитков с листьями и цветами. В промежутках между медальонами цветы лотоса (рис. 2, *8*) чередуются со стилизованными арабскими буквами. На верхних концах букв человеческие головы, а на нижних — головки зайцев (рис. 2, *5*). Верхняя часть основания подсвечника с вогнутой серединой украшена концентрическими кольцами с декором из кружков, овалов и треугольников (рис. 2, *2*).

Атрибуция вещи установлена по следующим деталям. 1. Концы вытянутых вверх крыльев сидящего сфинкса образуют нимб вокруг его головы. Ближайшие аналогии находим на иранских бронзовых предметах XIV в. [23] 2. В художественном ремесле Ближнего и Среднего Востока китайский по происхождению [24] мотив цветка лотоса появляется в самом начале XIV в. Цветок лотоса из шести лепестков (два вверх, два в стороны и два вниз) характерен для бронзовых изделий Ирана XIV—XV вв. [25] С начала XIV в. он известен и на сиро-египетских работах по металлу [26]. На подсвечнике над лотосом в двух случаях помещен крупный шестилепестковый цветок с вытянутой сердцевинкой. Лотос рядом с подобным цветком (но с восемью лепестками) видим на иранском медном подносе XIV в. [27] Сочетание шестилепестковой розетки и лотоса в XIV в. наблюдаем на предметах иранского круга, например на основании бронзового подсвечника 1308 г. [28] Цветок с шестью лепестками и круглой сердцевиной часто встречается на иранских бронзах XIV в. На сиро-египетских изделиях этого времени он пока не зафиксирован [29]. 3. Группу сходных по форме подсвечников второй половины XIII — начала XIV в. Д. С. Райс отнес к северо-западному Ирану [30]. 4. Буквы почерком насх с человеческими головами наверху во второй половине XII в. появились на инкрустированных бронзах Хорасана (гератский

[20] *Н. Ф. Высоцкий.* Несколько слов о древностях Вожской Болгарии. ИОАИЭ, т. XXIV, *4*, Казань, 1908, табл. X.

[21] *А. А. Иванов.* Иранский медный поднос XIV в. ЭВ, XVIII, Л., 1967, рис. 1.

[22] Ср. изображение на глиняной фляжке XIV в., происходящей из Северной Сирии (*E. Baer.* Op. cit., p. 18, pl. XIX, *34*).

[23] *А. А. Иванов.* Иранский медный поднос..., стр. 100, 102.

[24] *D. S. Rice.* Studies in Islamic Metal Work. BSOAS, vol. XV, 3, 1953, p. 495, 497.

[25] *А. А. Иванов.* Иранский медный поднос..., стр. 102.

[26] *D. S. Rice.* Studies..., 1953, p. 497.

[27] *А. А. Иванов.* Иранский медный поднос..., стр. 103, рис. 4б.

[28] SPA, vol. IX, 1939, табл. 1355.

[29] *А. А. Иванов.* Иранский медный поднос..., стр. 103.

[30] *D. S. Rice.* Studies..., 1953, p. 500, 501; Idem. The labors of the months in Islamic art. «Ars Orientalis», vol. I, 1954, p. 16, 17, pl. 8f-g; 9 b; 10a.

котелок 1163 г. из Гос. Эрмитажа). В конце первой четверти XIII в. «антропоморфные» надписи распространились на бронзовых вещах Верхней Месопотамии [31]. Конец XIII — начало XIV в.— последний период, когда на бронзовых изделиях Ирана употребляли надписи с головами людей на верхних концах букв [32]. В эпиграфическом декоре подобные элементы, видимо, бытовали несколько дольше.

Так же оформлены буквы на бронзовой с инкрустацией серебром чаше, найденной при раскопках бани XIV в. («Красная Палата») в Болгаре. Помещенные на фоне растительных завитков, они занимают полосу (шириной 2,5 *см*) в верхней части сосуда [33]. Аналогичные буквы находим на маленьком фрагменте бронзового инкрустированного серебром сосуда (чаша?) из Болгара (ГИМ, инв. № 58456). Они вписаны в полосу (шириной 3 *см*), украшавшую край чаши.

На иранских изделиях из бронзы крылатые четвероногие и птицы с человеческими головами («сфинксы» и «гарпии») получили распространение с рубежа XII—XIII вв. [34] Часто их изображали в связи с темой придворных увеселений. В дворцовой живописи и резьбе по дереву, работах по металлу и поливной посуде эти существа сопровождают властелина на пиру или на охоте [35]. В сценах праздничного быта мусульманских резиденций сфинксы и человеко-птицы могли восприниматься как атрибут царственности [36] или олицетворять фауну подобных небесному парадизу «райских садов», в которых неторопливо протекала полная удовольствий жизнь повелителя. О солярном значении человекоголовой птицы, возможно, свидетельствует ее лучистый нимб.

Как видно на примерах чаши № 1 и подсвечника № 4, стремление к отвлеченным орнаментальным формулам еще не означало «потери сюжета». В XII—XIV вв. запрет изображать живые существа не распространялся на деятельность художников-миниатюристов, керамистов и ткачей [37]. В круг допустимых предметов с изображениями входила и металлическая столовая посуда, которая употреблялась в быту феодалов и зажиточных горожан. Как и в других видах прикладного искусства, в ее стиле торжествует «синтез конкретного и отвлеченного, натуралистического и декоративного» [38]. Тематика отмечена печатью традиционности. Стремление к праздничности бытия, умение наслаждаться отдыхом в созданном на земле «парадизе» отразились в сценах придворных увеселений — пиров с музыкой и танцами, игры в поло и охот в заповедных парках. Охоты и пиры сопровождаются геральдическими знаками сословного отличия. Коронованные сфинксы и птицы с человечьими ликами сулят счастье повелителю. Это искусство, замкнутое пределами дворца, служило прославлению богатства и знатности властителя, одновременно развлекая его. Будучи составной частью эстетизированного быта светских феодалов, оно не подчинялось жестким требованиям мусульманских ригористов.

Стремление к жанру и иллюстративности, например в передаче литературных сюжетов в прикладном искусстве и книжной миниатюре XII—XIII вв., не исключало символизма некоторых образов, восходящего к доисламским верованиям. В металле процветала астрологическая символика: рыбы и утки вокруг солнца (рис. 1, *2*), «колеса» из сросшихся зайцев, знаки зодиака. Символическую сторону в искусстве ислама нельзя

---

[31] *D. S. Rice.* Studies in Islamic Metal Work. BSOAS, vol. XV, 1, 1953, p. 79.

[32] *А. А. Иванов.* Иранский медный поднос..., стр. 99.

[33] *А. П. Смирнов.* Армянская колония города Болгара. МИА, 61, 1958, стр. 358, рис. 10.

[34] *E. Baer.* Op. cit., p. 14.

[35] Ibid., p. 51—53, fig. 63, 66, 67.

[36] Ibid., p. 55, 56.

[37] *О. Г. Большаков.* Ислам и изобразительное искусство. Тр. ГЭ, X, 1969, стр. 151.

[38] *Т. Х. Еникеева.* К вопросу о влиянии ислама на изобразительное искусство средневекового Ирана. Сообщения Гос. музея искусства народов Востока. II, М., 1969, стр. 17.

недооценивать, хотя многие художники повторяли традиционные мотивы, не понимая их смысла. Изображения птиц, гарпий, сфинксов и львов подобно благопожелательным надписям иногда играли роль талисманов, дарующих благополучие владельцу вещи.

5. Котелок. Бронза. Гравировка, инкрустация серебром. Иран. XIV в. (рис. 3, *1—4*).

Вместе с котелком № 6 входил в состав клада, найденного в 1889 г. на городище Великие Болгары. Клад из пяти бронзовых сосудов под опрокинутым медным котлом обнаружен крестьянином с. Успенское при рытье ямы для погреба на глубине около одной сажени [39]. В 1891 г. оба котелка из Археологической Комиссии поступили в Эрмитаж.

Высота 13 *см*, диаметр горла 13,5 *см*. Орнамент и надпись инкрустированы серебром. На венчике узор из маленьких кружков (ср. № 4). В широкой полосе на горле надпись почерком насх: «Знание и красноречие (?), слава и успех; слава и победа, и успех, и жизнь и ... ; благородство и безопасность (?) блеск и ...» (чтение Г. А. Федорова-Давыдова). Два последних слова не дописаны. Фон из завитков с отходящими усиками характерен для иранских вещей XIV в. [40] Надпись прерывается шестью круглыми медальонами, образованными узкой лентой без орнамента. В медальоны вписаны розетки.

Узкая лента под валиком ниже горла украшена шестилепестковыми цветками и шестью медальонами с розетками. Цветок с круглой сердцевиной и шестью лепестками типичен для бронзовых изделий Ирана XIV в. [41] В шести маленьких треугольных медальонах под лентой изображены лотосы, аналогичные лотосам на подсвечнике № 4. На дне снаружи выгравирована ленточная плетенка, образующая шестилепестковую розетку (рис. 3, Ленты плетенки покрыты меандровым узором. Такие же ленты декорируют тулово котелка. На ручке выгравирован шнуровой орнамент (ср. № 4), а в ее средней утолщенной части — волнистый стебель.

6. Котелок. Бронза. Гравировка. Сирия — Египет. XIV в. (рис. 3, *5*).

Хранится в Гос. Эрмитаже (инв. № VC-22). Высота 11 *см*, диаметр горла 14,5 *см*. Котелок украшен только гравированным орнаментом, инкрустации на нем не было. Декор состоит из четырех полос: 1) узкая, с плетенкой из трех ленточек; 2) широкая, с рисунком, образованным узкой лентой без орнамента. Шесть картушей разделены круглыми медальонами, в которых чередуются Y-образный узор и растительные завитки с крючковатыми усиками. В картушах благопожелательная арабская надпись почерком насх (перевод В. Г. Тизенгаузена): «Слава и долгоденствие, и почет, и восхваление, и долготерпение, и скромность, и праведность, и приумножение, и щедрость, и великодушие, и победа, и милосердие» [42]. Фон надписи из больших спиральных стеблей с почковидными утолщениями характерен для сиро-египетских изделий XIV в. [43]; 3) аналогична первой полосе; 4) шесть маленьких треугольных медальонов со спиральными стеблями и пальметками внутри.

Композиция орнамента (круговые полосы, рисунок второй полосы, образованный узкой неорнаментированной лентой, треугольные медальоны на четвертой полосе) близка как к сиро-египетским, так и к иранским бронзовым вещам XIV в. Все же декор на котелке, в котором вместо изображений людей, животных, птиц и цветов широко применены геометризованные и измельченные растительные мотивы, ближе к сиро-египетскому. Предметы этого стиля, обычно лишенные инкрустации золотом и серебром

---

[39] ОАК за 1890 г. СПб., 1893, стр. 115, рис. 65; *Н. Лихачев.* Новая находка вещей в г. Булгаре. ЗВОРАО, т. V, СПб., 1891, стр. 105—108.

[40] *D. S. Rice.* The labors of the months..., p. 26.

[41] *А. А. Иванов.* Иранский медный поднос..., стр. 103.

[42] *Н. Лихачев.* Ук. соч., стр. 107.

[43] *С. Б. Певзнер.* Египетская медная мисочка XIV в. СГЭ, X, 1956, стр. 45; *А. А. Иванов.* Бронзовый тазик середины XIV в. ..., стр. 128.

и имеющие арабские надписи, не известны среди иранских бронзовых предметов XIV в.[44]

Находками из Волжской Болгарии представлены важные центры производства художественных изделий из бронзы, локализуемые в Иране, Месопотамии, Сирии и Египте. Около середины XII в. мастерские по изготовлению бронзовой утвари с инкрустацией серебром и медью возникли в Хорасане. Отличительный признак хорасанских изделий — розетки из семи кружков (рис. 1, *3*). Для их выделения особенно важен гератский котелок 1163 г.[45] Стиль, созданный медниками Герата, Нишапура, Мерва и Систана, был усвоен на Ближнем Востоке[46]. В XIII в. расцвет техники инкрустации связан с Мосулом на севере Месопотамии. К середине столетия его продукция все возрастает и все богаче украшается серебром. В декоре бронз мосульской школы доминируют фигуры людей и животных: всадники, которые играют в поло или охотятся (рис. 1, *1*), владетели на пиру, развлекаемые танцорами и музыкантами, знаки зодиака, звери, бегущие цепочкой друг за другом (рис. 1, *1*), и т. д. Фоны покрыты тугими завитками с пальметками и полупальметками или Т-образными фигурами[47]. Характерны круглые медальоны с Y-образным заполнением, которые встречаем также на иранских бронзовых изделиях XIII—XIV вв.[48]. Мастера Мосула, спасаясь от монголов, достигли Сирии и Египта, где при Мамлюках во второй половине XIII в. организовали производство бронзовых изделий с инкрустацией серебром и золотом. По сравнению с мосульскими их декор модифицировался[49]. В XIV в. в Сирии и Египте стиль, которому присущи инкрустация золотом и серебром, изображения живых существ и цветочный орнамент, сосуществовал с другим стилем, где преобладали геометризованные и мелкие растительные узоры, а инкрустация не применялась (рис. 3, *5*)[50]. Прием заполнения фона большими спирально скрученными стеблями, известный по иранским вещам XIII в. (рис. 1, *3*, *4*), появился на сиро-египетских изделиях в XIV в.[51].

Изделия, исполненные в Волжской Болгарии.

7. **Котелок.** Бронза. Гравировка. XIV в. (рис. 4, *1—3*).

Найден в 1890 г. в дер. Айбаш Спасского у. Казанской губ. В 1891 г. из Археологической Комиссии поступил в Эрмитаж.

Форма аналогична котелку № 5. Высота 13 *см*, диаметр горла 13 *см*. На дне три каплевидных выступа. На венчике орнамент, подражающий шнуровому. В широкой полосе на горле выгравирована нечитаемая надпись почерком насх, прерываемая шестью круглыми медальонами с розетками (ср. котелок № 5). Декор тулова состоит из 24 картушей, образованных гладкой широкой лентой. В 12 картушах верхнего ряда меандровый узор чередуется со спиральными стеблями. В картушах нижнего ряда надпись почерком насх («высокое положение», согласно чтению Г. А. Федорова-Давыдова) перемежается с орнаментом из треугольников.

Котелок отражает влияние инкрустированных иранских (?) бронз, но декор сильно искажен. Надпись на горле воспроизведена механически, фон из растительных завитков схематизирован, медальоны отделены от формообразующих лент, розетки в них упрощены (рис. 1, *2*).

8. **Блюдо.** Медь. Гравировка. XIV в. (рис. 4, *4*).

По стилю декора и способу его нанесения медное блюдо, найденное в 1949 г. близ дер. Татарской Чердынского р-на Пермской обл., близко к котелку № 7. Д. Е. Харитонов, подробно описавший находку, справедли-

[44] *А. А. Иванов.* Бронзовый тазик середины XIV в. ..., стр. 114, 115.
[45] *Н. И. Веселовский.* Гератский бронзовый котелок 559 года гиджры (1163 г. по Р. Х.). МАР, 33, СПб., 1910.
[46] *M. S. Dimand.* Op. cit., p. 138.
[47] *G. Migeon.* Manuel d'art musulman. T. 1, Paris, 1927, p. 35.
[48] *А. А. Иванов.* Иранский медный поднос..., стр. 102.
[49] *G. Migeon.* Op. cit., p. 37.
[50] *А. А. Иванов.* Бронзовый тазик середины XIV в. ..., стр. 114.
[51] Там же, стр. 128, 129.

во отнес ее к булгарским изделиям XIII—XIV вв.[52] В центре блюда такая же, как в картушах на котелке, искаженная арабская надпись («высокое положение»). В конце надписи поставлены лишние знаки.

9. Ковш. Медь. Гравировка. XIV в. (рис. 5, *1—4*).

Найден на городище Великие Болгары. Поступил в ГИМ из Археологической Комиссии в 1892 г., инв. № 26910.

Высота 7,3, диаметр 17,5, длина ручки 8 *см*. Декор состоит из трех полос: 1) широкая; шесть картушей, разделенных круглыми медальонами, образованы широкой лентой без орнамента (в медальонах Y-образный узор, в картушах нечитаемая арабская надпись почерком насх на фоне спиральных завитков чередуется со сложной плетенкой из тонких ленточек); 2) узкая, с плетенкой из трех ленточек (такой же узор на ручке ковша); 3) пять треугольных фестончатых медальонов с пальметтами на конце перемежаются с шестью маленькими круглыми медальонам с Y-образным орнаментом.

10. Шесть фрагментов верхней части ковша. Медь. Гравировка. XIV в. (рис. 5, *5*).

Найдены на городище Великие Болгары. Хранились в коллекции Сиклера (Казань), затем в музее Ars Asiatica в Москве, откуда в 1921 г. переданы в ГИМ (инв. № 58456). В круглых медальонах верхней широкой полосы Y-образный орнамент чередуется с растительным. Это единственное отличие от ковша № 9.

Оба последих сосуда представляют собой местную модификацию сиро-египетских вещей XIV в. (ср. котелок № 6).

При сложности транспортировок на большие расстояния массовый импорт сравнительно дешевых изделий из бронзы был нерентабелен. Отдельные сосуды завозили очень далеко, но не как товар, а в качестве посольских подарков, паломнических сувениров или тары (например, в бронзовых кувшинах IX—X вв. иногда доставляли куфические монеты)[53]. Поэтому в разных концах мусульманского мира старались организовать собственное производство медной и бронзовой утвари.

Сосуды № 7—10 свидетельствуют о том, что не позднее XIV в. под воздействием сиро-египетских, иракских и иранских образцов в Волжской Болгарии сложилась местная школа медников. По формам посуды, принципам построения декора посредством узких лент и его размещению она генетически восходила к традиции Ближнего Востока XIII—XIV вв. Однако профессиональный уровень выполнения болгарских изделий значительно ниже, чем ближневосточных. Местные мастера не применяли инкрустации бронзовых вещей серебром и медью. Они не исходили из строгих правил построения декора (количество полос, картушей и медальонов, характер их заполнения), а комбинировали орнаментальные элементы довольно произвольно. Для болгарских предметов характерны нечитаемые надписи с неумелым начертанием букв, предельно упрощенный их фон, в котором с трудом можно узнать спирально закрученные стебли, значительная схематизация орнаментальных мотивов. Специфичны спиральные завитки с пальметками и полупальметками; иногда они сгруппированы по сторонам средней оси (рис. 4, *3*, *4*; 5, *4*, *5*).

Изготовление предметов из меди, украшенных только гравировкой, отсутствие изображений живых существ и широкое использование геометризованных и измельченных растительных мотивов указывают на сиро-египетское влияние. Оно определялось направлением связей Золотой Орды,

[52] *Д. Е. Харитонов.* Булгарское медное блюдо из Чердынского района. СА, 1965, 1, стр. 303—306.

[53] Согласно Мукаддаси (около 985 г.), из Бухары вывозили медные фонари, из Ребинджана — оловянные сосуды, из Самарканда — медные котлы (*В. В. Бартольд.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., I, М., 1963, стр. 294, 295). Но их сбывали главным образом в близлежащих областях. Так, изделия из меди и бронзы продавали на ярмарках Бухарского оазиса (*А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, стр. 287).

торговавшей с Анатолией и мамлюкской империей в Сирии и Египте, с которой поддерживались и интенсивные дипломатические контакты. По словам Ибн-Батуты, жившего в Сарае Бату в 1333 г., здесь на особом участке, окруженном стеной, обитали купцы и чужеземцы «из обоих Ираков, из Египта, Сирии и других мест» [54]. В числе даров мамлюкских султанов золотоордынским ханам и членам их династии на Волгу привозили сиро-египетские стеклянные сосуды [55] и художественные изделия из металла. По сообщению египетского хроникера XIV в. Рукн-ад-дина Бейбарса, султан Египта изготовил для Берке-хана «всяческие прекрасные вещи». Среди них упомянуты позолоченные булавы, крытые фонари, шандалы, светильники, уздечки с инкрустацией из золота и серебра, лампады на серебряных цепочках [56].

С середины XIII в. особое значение приобрели пути по Средиземному и Черному морям (где ключевые позиции захватили итальянцы), Крыму и половецким степям (Дешт-и-Кипчак) в золотоордынские города Нижнего Поволжья, а оттуда в Хорезм, Среднюю Азию, Монголию и Китай. По великой волжской магистрали Золотая Орда сносилась с Болгаром и русскими княжествами. По ней в XIII—XIV вв. на север поступал ближневосточный и золотоордынский художественный импорт. Согласно Рубруку, мусульмане Персии и Турции ездили во владения Бату и через «Железные ворота» (Дербентский проход) [57]. Из Закавказья (Армении и Азербайджана) могли попадать на Волгу бронзовые изделия Ирана. При хане Токте (1290—1312) Золотая Орда наладила отношения с Хулагидами, и для купцов и их товаров открылась кавказская дорога через Арран [58].

V. P. Darkievitch

OBJETS DE CUIVRE ET DE BRONZE PROVENANT DE LA BULGARIE VOLGIENNE (XIIIe—XIVe ss)

Résumé

Parmi les ouvrages de l'artisanat d'art des XIIIe—XIVe ss. découverts sur le territoire de la Bulgarie Volgienne se distinguent des objets de bronze et de cuivre: coupes, chaudrons, puisoirs, candélabres, encriers. On peut les diviser en objets d'importation et de fabrication locale. Les objets importés proviennent des grands centres de production d'objets d'art en bronze, situés en Iran, Mésopotamie, Syrie et Egypte. Dans la Bulgarie Volgienne, pas plus tard que le XIVe s., il s'était formé une école locale d'artisans en cuivre. Par les formes des ustensiles, les principes de composition et de disposition du décor elle se rattachait directement à la tradition du Proche-Orient aux XIIIe et XIVe ss. L'influence syro-égyptienne, particulièrement visible, résultait des relations entre la Horde d'Or et l'empire des Mameluks.

---

[54] *Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский.* Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 143.

[55] Там же, стр. 148, 149 173. Сиро-египетский стеклянный графин найден в кургане близ ст. Кужорской в Прикубанье (ОАК за 1895 г. СПб., 1897, рис. 154). К числу вещей, вывезенных из Египта, относится мраморный подсвечник XIV в. с арабской надписью (*Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский.* Ук. соч., рис. 32).

[56] Там же, стр. 79, 80.

[57] *Джиованни дель Плано Карпини, Гильом де Рубрук.* Ук. соч., стр. 117.

[58] *Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский.* Ук. соч., стр. 89.

Заметки

В. В. СИДОРОВ, М. Г. ЖИЛИН

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ДАЛЬНИЙ ОСТРОВ В ПОДМОСКОВЬЕ

Мезолит Верхней Волги и Оки изучен относительно неплохо. Л. В. Кольцову удалось очертить контуры локальных групп мезолитических стоянок, содержащих разновременные памятники [1]. Все они связаны с долинами основных рек района — Волги и Оки. Междуречье же изучено очень слабо. Здесь на реках Клязьме и Москве тоже обнаружен мезолит. Самыми богатыми мезолитическими памятниками района оказались моренные берега и острова Тростенского озера в верховьях р. Озерны. Отрядом Московского областного краеведческого музея в течение пяти сезонов обследовано около 15 мезолитических стоянок и местонахождений. Большая часть их распахана, но на пяти сохранился слой. Небольшие раскопки проведены в 1972 г. на стоянке Дальний остров.

Это островок, возвышающийся над водой на 2,5 *м*. Он вытянулся с северо-запада на юго-восток на 100 *м* при ширине около 50 *м* среди залива, из которого начинается р. Озерна, в полукилометре от берега. Остров стоит среди торфяника, прорезанного дренажными канавами. Одна из них пересекает северо-западную оконечность острова. Та же часть острова испорчена карьером 15×25 *м*. Северный и восточный берега острова крутые, высокие, видимо, подмытые озером, а западный и южный конец полого опускаются, уходя под торф. Находки встречаются по всему острову.

Раскоп 30 $м^2$ заложен в центре острова на склоне к небольшому заливу. На вершине острова — шурф 1×2 *м*. Поверхность покрыта торфяной трухой мощностью до 20 *см*, оставшейся от свалки пней торфоразработок. Слой от 12 *см* в нижней части склона до 25 *см* в шурфе на вершине представляет собой светлую плотную супесь, в верхней части слегка буроватую, в нижней — белесую. Подстилает его плотный суглинок с гравием и галькой. Никаких пятен, западин в слое нет.

Находки рассеяны довольно равномерно в супеси, начиная от контакта с торфяной трухой и до контакта с суглинком. В буроватой супеси, помимо мезолитических кремней, встречены три фрагмента льяловских и один —фатьяновского сосудов, два шлифованных кремневых топора и нож из отщепа вполне неолитической формы. К неолиту могут быть отнесены и некоторые другие орудия, но основная масса представляет собой цельный мезолитический комплекс.

Сырьем служил разнообразный моренный кремень. Местные морены богаты отличным кремнем верхневолжских сортов: лиловым, черным и табачно-желтым. Из-за трещиноватости сырья много осколков. Значительна серия желваков с начатой оббивкой. По более выраженным экземплярам и начатому нуклеусу видно, что основной формой был торцовый нуклеус (рис. 1, *25*). Тыльная часть сужена, скалывание велось от площадки, обра-

[1] *Л. В. Кольцов.* Локальные группы волго-окского мезолита. КСИА АН СССР, 137, 1973.

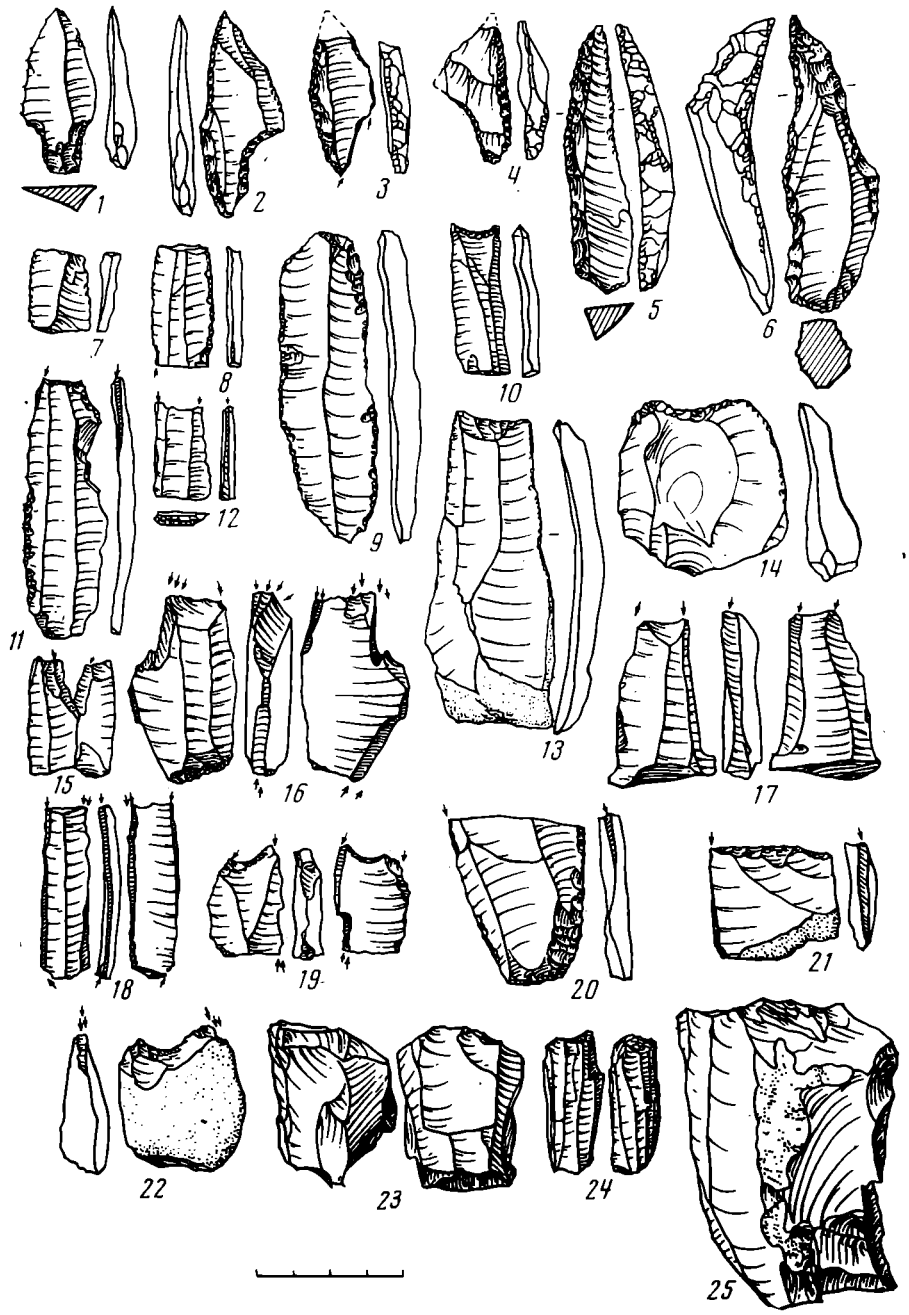


Рис. 1. Стрелы (*1—4*), ножи и вкладыши (*5, 7—9*), провертка (*6*), резцы (*10—22*) нуклеусы (*23—25*)

зованной на одной из вершин крупным сколом, вдоль относительно широкой грани. Так получались довольно массивные крупные пластины. Единственный нуклеус для отщепов — крупный, двухплощадочный, с продольной и поперечной ориентацией фасов. Семь нуклеусов прошли стадию нормального функционирования. После того, как с них скалывались широкие пластины, они были грубо оббиты со всех сторон и превратились в кубовидные многоплощадочные (рис. 1, *23*). На стоянке нет следов использования отщепов с этих нуклеусов, т. е. их оббивка не имела целью получения отщепа-заготовки. Два из них и один едва начатый сработаны как ретушеры. Нуклевидные куски и грубые нуклеусы образовывали скопление в северной части раскопа. Правда, по такому маленькому раскопу нельзя

судить об их распространенности на всей площади стоянки. Кроме ретушеров из нуклеусов имеется один из овальной песчаниковой гальки.

Для снятия микропластин предназначался основательно сработанный карандашевидный нуклеус лилового кремня (рис. 1, *24*).

Основу кремневой индустрии составляли ножевидные пластины, 77% орудий сделаны из пластин. Среди пластин без обработки —12 экземпляров массивных, длиной 7—10 *см*, шириной 14—24 *мм*. Четыре таких пластины служили ножами: они несут нерегулярную подправку мелкой ретушью (рис. 1, *9*). Из 45 более плоских пластин (ширина 7—21 *мм*, длина 70—25 *мм*) 23 правильных. Следов работы на них не видно, кроме 7 прямоугольных сечений пластин с ударными бугорками длиной около 15 *мм* (рис. 1, *7*). Эта серия могла служить вкладышами. Девять микропластинок шириной до 6 *мм* тонкие, правильные, все сломаны. Кроме этих пластин имеется три вкладыша, сделанные из одинакового серого прозрачного кремня (рис. 1, *8*), с нерегулярной ретушью и один с тонким резцовым сколом.

Для изготовления остальных орудий шли довольно массивные пластины.

Наибольший интерес представляют наконечники стрел. Их четыре экземпляра и один черешок наконечника (рис. 1, *1—4*). Три изготовлены из широких пластин. Отвесной, иногда встречной ретушью сделаны выемки, оформляющие черешок. Один наконечник симметричный из треугольной пластины. Черешок сделан на ударном бугорке, а перо оставлено без обработки. Другой крупный наконечник с асимметричной выемкой у черешка, другая сторона выпуклая, обрублена ретушью от черешка до кончика пера. Третий асимметричный наконечник имеет выемку, обработанную резцовым сколом. По другой выпуклой стороне лежит крутая ретушь. Четвертый наконечник сделан из отщепа. Выемка и прямая сторона оформлены крутой ретушью, лезвие оставлено без обработки. Это так называемый вкладыш алтыновского типа. Ни по размерам, ни по форме и обработке он не отличается от наконечников и, вполне вероятно, должен быть отнесен к их числу.

Очень выразительна серия резцов. К ним может быть отнесена серия орудий из правильных пластин (пять) и отщепа (один) (рис. 1, *10*, *13*, *14*), с ретушированными выемками на конце. У всех, кроме одного, ретушь лежит на спинке. Заметна заполированность от работы этой выемкой как скобелем, изношены и боковые лезвия, примыкающие к выемке. У одного из них от угла выемки идет небольшой резцовый скол. Аналогичная выемка имеется у серии резцов. Однако только у двух она обращена к спинке, у большинства (восемь) — к брюшку. Характерна большая массивность этих орудий. Выемки оббиты и сточены, служили скобелями. У одного из резцов на правильной пластине резцовый скол от выемки снимает лезвие ножа (рис. 1, *11*).

Массивные боковые резцы имеют по два и три резцовых лезвия не обязательно от ретушированной выемки. На двух резцах вторая площадка образована изломом. Повторные резцовые сколы от одной площадки образуют все более острый угол с плоскостью орудия, заходя на брюшко (рис. 1, *16*, *17*). Три резцовых отщепа сохранили часть подправленной площадки, по которой их можно отнести к этому же типу.

Орудия с концевой выемкой и боковые резцы образуют единую типологическую серию и, судя по следам сработанности, использовались одинаково. Наиболее правильные пластины могли работать в качестве резцов без резцового скола. Нужда в нем возникает по мере затупления лезвий. Более массивные орудия раньше требовали переоформления лезвий, поэтому у них резцовые сколы бывают повторные, часто на всех углах. Попутно такое орудие могло служить скобелем. Резцы из отщепов с ретушированной площадкой (шесть) более грубы, часто многофасеточны, только один из них с прямой длинной площадкой сделан из тонкого отщепа

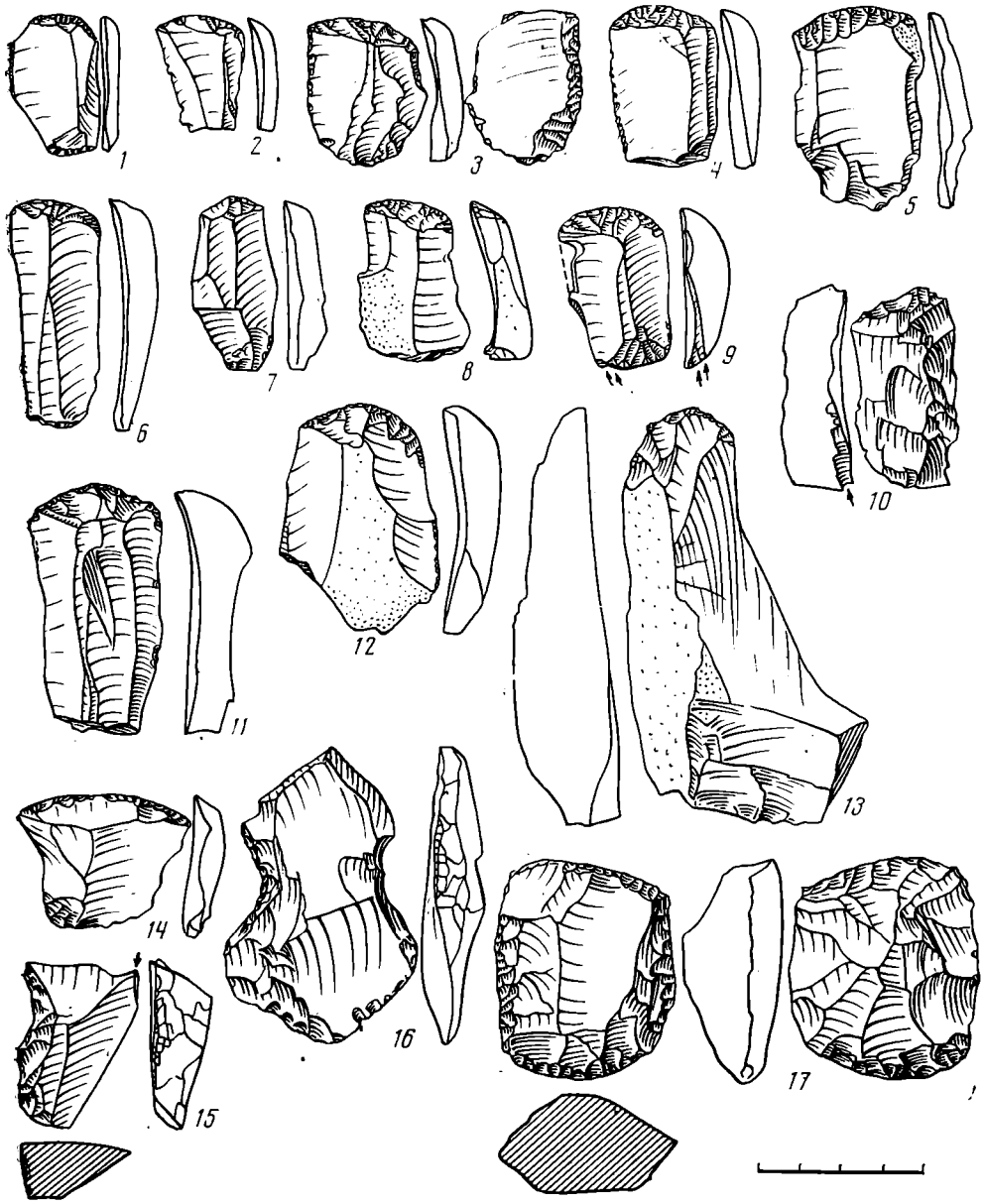


Рис. 2. Скребки (*1—14*), скобель (*15*), рубящие орудия (*16, 17*)

(рис. 1, *21*, *22*). Один резец из массивного отщепа не имеет специального скола, определяется только по характеру сработанности.

11 резцов на углу сломанной пластины в основном небольшие, с тонким сколом, иногда с двумя по одному краю (рис. 1, *18*). Резцовые сколы короче, чем у боковых. Пластинки, из которых они сделаны, средней массивности. Иногда резцовый скол имеет пластина с пологой ножевой ретушью, вкладыш. Есть резцовые сколы у двух скребков (рис. 2, *9*, *10*).

Найдены два плоских резца из тонких микропластинок черного кремня. Сколы нанесены по брюшку от излома (рис. 1, *15*).

Абсолютно преобладают концевые скребки, среди них можно выделить несколько вариантов. 1. Небольшие из довольно тонких правильных пластин с дуговидным крутым лезвием. Средняя ширина его 25 *мм*. Тонкие прямые лезвия у 7 из 14 сработаны как ножи, иногда со специальной ретушью (рис. 2, *1—4*). 2. Несколько массивнее 12 концевых скребков из треугольных в сечении пластин. Лезвия их уже, четче выражена скошенность лезвия вправо. Три из них двойные, у двух имеются резцовые сколы, зато

боковые режущие лезвия не выражены (рис. 2, *6—10*). 3. Крупные концевые скребки из массивных пластин или фаса нуклеуса (рис. 2, *11, 13*) и два из крупных отщепов при стандартной небольшой ширине лезвия. 4. Два скребка из плоских пластинчатых отщепов, типологически они ближе к первому варианту, но гораздо крупнее их, лезвие одного (рис. 2, *5, 12*) оформлено на ударном бугорке.

Скребков коротких, на отщепах, всего четыре. Один из них на правильном трапецневидном отщепе с тонким лезвием, ретушь очень мелкая, снимает только относительно массивные участки лезвия (рис. 2, *14*). Остальные — массивные, неправильной формы, с прямыми лезвиями со скругленными или острыми углами. Ретушь по лезвиям довольно ровная, но фасетки более разнообразны, чем на других скребках — узкие, широкие, струйчатые, прямые, короткие. Сработанность лезвий легко видна невооруженным глазом — она такая же, как у концевых скребков.

Выразительных скобелей только пять. Это массивные отщепы (рис. 2, *15*), участок с выемкой грубо оббит, выемка у четырех единственная и сработана до нависания карниза, ширина ее всего 5—7 *мм*. Боковое тонкое лезвие одного из них имеет следы использования для пиления довольно твердого материала, скорее всего кости. Незначительные выемки на других орудиях, пластинах и отщепах могут быть случайного происхождения.

Кроме названных выше ножей и вкладышей из пластин, имеется еще очень своеобразный обушковый нож (рис. 1, *5*). Он сделан из крупной пластины (отличного мелового кремня с благородной патиной), обрубленной по диагонали отвесной встречной ретушью, аналогичной ретуши наконечников. Конец ножа острый. Лезвие — край пластины — несет следы сильной сработанности. Ножи из отщепов невыразительны, кроме одного, скорее всего неолитического: из пластинчатого отщепа с пологой ретушью по обоим лезвиям. Явные следы употребления в качестве ножа имеют массивный отщеп, скобель и многие скребки и резцы. Интересна провертка из массивной изогнутой пластины. Отвесной ретушью у нее выделено острие, сильно сточенное от середины до плечиков, немного сточена и высокая спинка (рис. 1, *6*). Плечиковая проколка или сверло было сделано из пластины: жальце выделено крупной ретушью к брюшку. Кроме того, можно предполагать использование в качестве проколок двух отщепов без регулярной обработки, у которых мелкая ретушь есть только при естественном острие, и одной пластины с острым концом.

Найдены были на острове и рубящие орудия (рис. 2, *16, 17*) помимо неолитических: небольшое подквадратное теслецо лилового кремня, обработанное регулярной оббивкой по краю, плоскости, возможно, сохраняют фасы нуклеуса, лезвие сильно смято и залощено. Другое орудие — макролит с перехватом — очень маленький для своего типа (74×48×8 *мм*), сделан из отщепа. Оформлены только глубокие выемки. Ширина перехвата всего 21 *мм*. Лезвие не обработано — им служил бок отщепа, на котором хорошо заметны выщербины и заполированность. Точно такая же сработанность имеется на одном крупном треугольном отщепе без специальной обработки.

Аналогии комплексу Дальнего острова рассеяны среди памятников позднего этапа верхневолжского мезолита. Больше всего их в Калининско-Бутовской группе. Наконечники стрел, аналогичные нашим, известны на стоянках Черная грязь I [2], у Вилки Дорог [3] и др. Среди них есть экземпляры, оформленные резцовым сколом. Эти формы стрел и «вкладыши» алтыновского типа характерны только для вазузско-старицкой, калининско-бутовской и угличско-копринской группы [4]. Значительные серии резцов на

[2] *Д. А. Крайнов.* Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь I. КСИА АН СССР, 131, 1972.

[3] *Ф. И. Иванов.* Отчет об археологических разведках, произведенных в окрестностях г. Калинина в 1956 г. Архив ИА, Р-1/1235.

[4] *Л. В. Кольцов.* Ук. соч., стр. 33.

пластинах с концевой выемкой в сочетании с резцами на углу сломанной пластины имеются в Лукино [5]. Рубящие орудия объединяют особенности вазузско-старицкой (тесла с перехватом на отщепах, очень характерные для остальных тростенских стоянок) и прямоугольные топоры других волжских групп [6].

Есть и заметные отличия: невыработанность форм скребков на отщепах, отсутствие округлых скребков, незначительное количество угловых резцов на отщепах, отсутствие стрел свидероидного типа. Плечиковые провертки характерны для мезолитических памятников Тростенского озера.

Близость к верхневолжским группам и отличие от окских групп тростенского мезолита ясны уже сейчас. Оценить значение местных особенностей можно будет после анализа материала остальных стоянок. Вероятно, здесь была еще одна локальная группа мезолита Волго-Окского междуречья. Изучение ее может стать ключом к выяснению происхождения озерного неолита.

[5] *Л. В. Кольцов.* Некоторые проблемы волго-окского мезолита. «The Mesolithie in Europe». Warszawa, 1973.

[6] *Л. В. Кольцов.* Локальные группы..., стр. 34.

В. И. ДЬЯКОВ

НОВАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ С о. ИТУРУП

(Курильские острова)

Археология Курильских островов неоднократно привлекала внимание специалистов [1]. Были частично обследованы крупные острова и выявлены некоторые памятники, характеризующие прошлое этого региона в пределах почти трех тысячелетий. Собранные материалы уже нашли отражение в литературе [2].

Однако далеко не все вопросы первобытной истории Курил получили исчерпывающую характеристику. Главным образом это касается наиболее ранних этапов освоения островов и роли их первых обитателей в сложении своеобразной материальной культуры островного мира Тихоокеанского бассейна. Слабая изученность многих важнейших проблем объясняется относительно редкой публикацией материалов из этого отдаленного региона.

Коллекция, поступившая в сектор археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного научного центра АН СССР, собрана летом 1972 г. геологами Е. Д. Петраченко и Е. П. Тереховым на побережье Охотского моря в северо-западной части о. Итуруп, приблизительно в 3 *км* от населенного пункта Сентябрьский [3].

Стоянка расположена в устье небольшой речки, вытекающей из оз. Сопочного и впадающей в море против скал Четыре брата. Материал происходит из двух пунктов, находящихся по обоим берегам речки.

Пункт 1. Расположен на небольшой дюне, четко выделяющейся в береговом рельефе, на высоте 3 *м* от уровня моря. На плоской вершине холма

[1] Краткую историографическую справку см.: *В. А. Голубев.* Археология Курильских островов. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1972, стр. 6.

[2] *Р. В. Чубарова.* Неолитические стоянки на о. Итурупе (Курильские о-ва). СА, 1960, 2, стр. 128—138; *Р. В. Козырева.* Древняя история Курильских островов. Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964, стр. 679—694; *В. А. Голубев.* Древние культуры Курильских островов. Сибирь и ее соседи в древности. Древняя Сибирь, Новосибирск, 3, 1970, стр. 218—225; *его же.* Археологические памятники Курильских островов. Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. Владивосток, 1968, стр. 142—145.

[3] Приношу глубокую благодарность Е. П. Терехову и Е. Д. Петраченко, поставивших нас в известность о своих находках, приложивших к коллекции описание местности и условий залегания материала.

имеется культурный слой, хорошо заметный в обрезе в виде 20—30 *см* горизонта темно-желтой глины или суглинка. В плане возвышенность имеет дугообразный изгиб, выпуклой частью обращенный к морю. С противоположной стороны склон размывается ручьем, впадающим в речку. Длина дюны 50—80 *м* при ширине от 3 до 5 *м*.

Материал собирался на вершине, склоне, обращенном к морю, и в русле ручья. В коллекции из этого пункта имеется 18 каменных предметов, изготовленных из плотного черного базальта, кремня, яшмы.

Пункт 2. Расположен на небольшой возвышенности по левому берегу речки. Слой сильно разрушен ветровой эрозией и более темного цвета, чем на пункте 1. Встречается много обломков базальта и кремня. Находки расположены скоплениями на участках площадью 1×2; 2×4; 5×6 *м*. Визуально фиксировалось большое количество отходов, связанных с обработкой камня: отщепов, оббитых желваков и т. п. Собранная коллекция состоит из 19 каменных предметов.

Наиболее многочисленную часть коллекции составляют наконечники стрел, которые можно разделить на следующие виды: 1) коротко-черешковые с покатыми плечиками и треугольным пером (рис. 1, *4*); 2) треугольные двух разновидностей: а) со слабо округленными длинными сторонами, овальным выемчатым основанием и слегка асимметричными жальцами (рис. 1, *6*); б) прямыми сторонами и основанием в форме «ласточкиного хвоста» (рис. 1, *7*); 3) удлиненные с округлым в сечении боевым концом (рис. 1, *10*); 4) миндалевидные (рис. 3, *6*).

Наконечники дротиков имеют подтреугольные очертания пера и черешок (насад), составляющий до 1/2 длины орудия (рис. 3, *1—5*, *8*; рис. 2, *3*). Один наконечник обладает прямосрезанным острием (рис. 1, *3*) и напоминает позднейшие металлические «срезни». Не исключено, что это дальнейшая утилизация сломанного орудия.

Наконечники копий представлены в коллекции четырьмя образцами (одним целым и тремя фрагментами — рис. 2, *6—8*). По-видимому, все образцы составляют одну типологическую группу, характеризующуюся: использованием кремня; тщательной полной обработкой поверхности и дополнительной подправкой всего орудия по периметру мелкой отжимной ретушью; узким округлым обушком; удлиненно-ромбовидным телом; пропеллеровидным сечением функциональной части. «Пропеллеровидность» характерна и для многих наконечников дротиков. Подобный эффект достигался с помощью крутой односторонней ретуши, оформляющей края функциональной части в противолежащих плоскостях.

Рубящие орудия представлены двумя топорами подтреугольной в плане формы, со скошенным и закругленным лезвием (рис. 2, *1*; рис. 3, *10*) и теслами с треугольным сечением и асимметричным лезвием. Одно из них покрыто глубокой светло-зеленой патиной. Второе изготовлено на крупной пластине из черного плотного базальта (рис. 2, *2*). Утолщенная торцовая часть пластины со стороны спинки оформлена грубыми сколами и превращена в острое слегка изогнутое лезвие.

В коллекции имеется характерный нож, изготовленный из кремнистой метаморфизованной (опаловой) породы камня. Орудие имеет округлое лезвие и узкую рукоять, дополнительно уплощенную продольным широким сколом. Клинок двусторонне обработан и подправлен по краю короткой грубой ретушью (рис. 2, *5*). Второй образец — клинок лавролистной формы с легким изгибом по длинной оси (изготовлен на пластине). Лезвие симметричное, с односторонней плоской, сравнительно правильной ретушью (рис. 3. *12*). К этой группе относится небольшое комбинированное орудие листовидных очертаний, сочетающее нож и боковой скребок (рис. 3, *13*).

Скребки представлены концевыми и боковыми на отщепах (рис. 1, *12*, *13*, *14*); на сработанном нуклусе овальной формы (рис. 3, *15*); заготовке орудия, испорченной неудачным ударом (рис. 3, *11*).

Топография пунктов и анализ материала позволяют думать о существо-

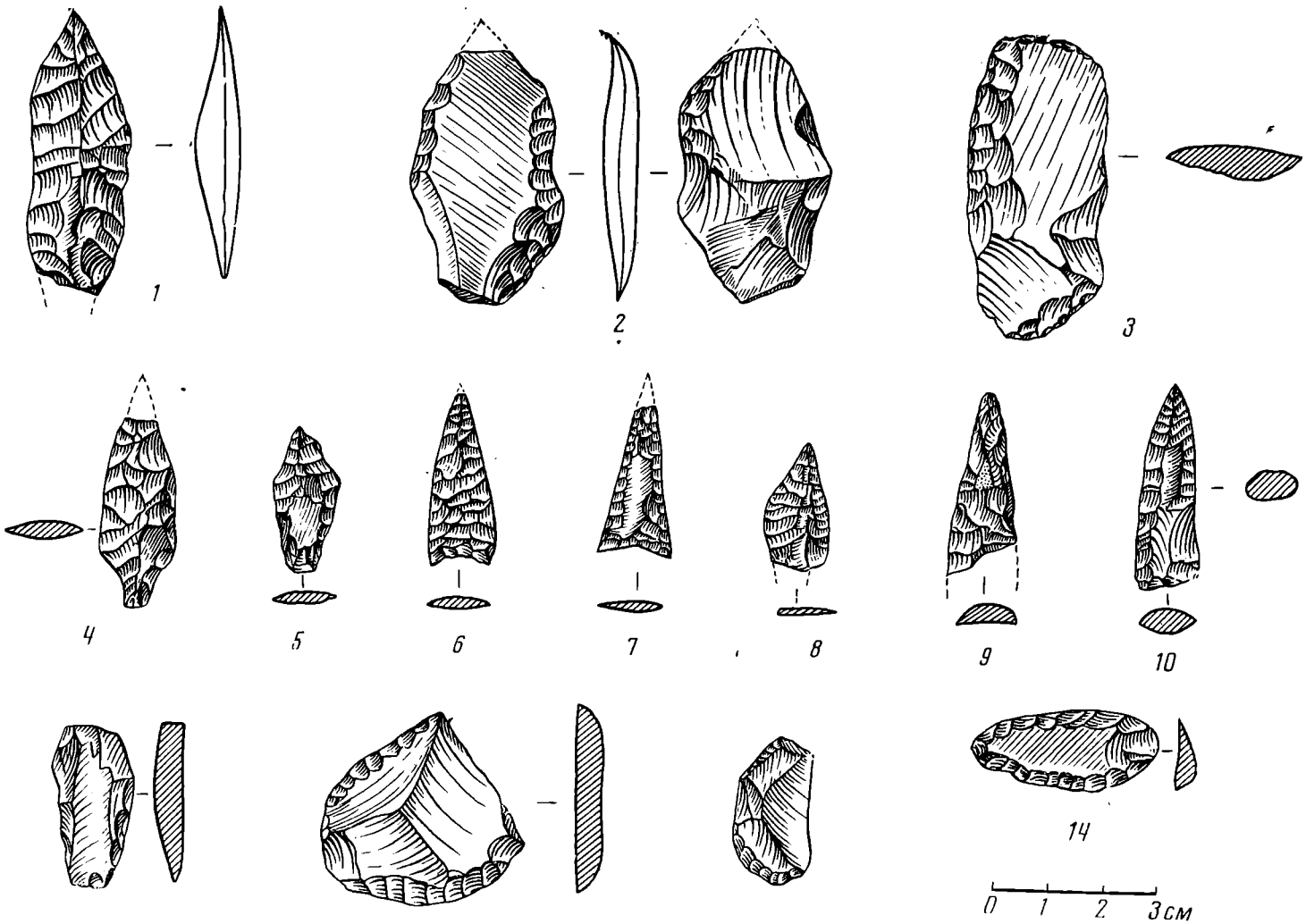


Рис. 1. *1—2* — наконечники дротиков; *3* — ножевидное орудие; *4—10* — наконечники стрел; *11* — долотовидное орудие; *12—14* — скребки

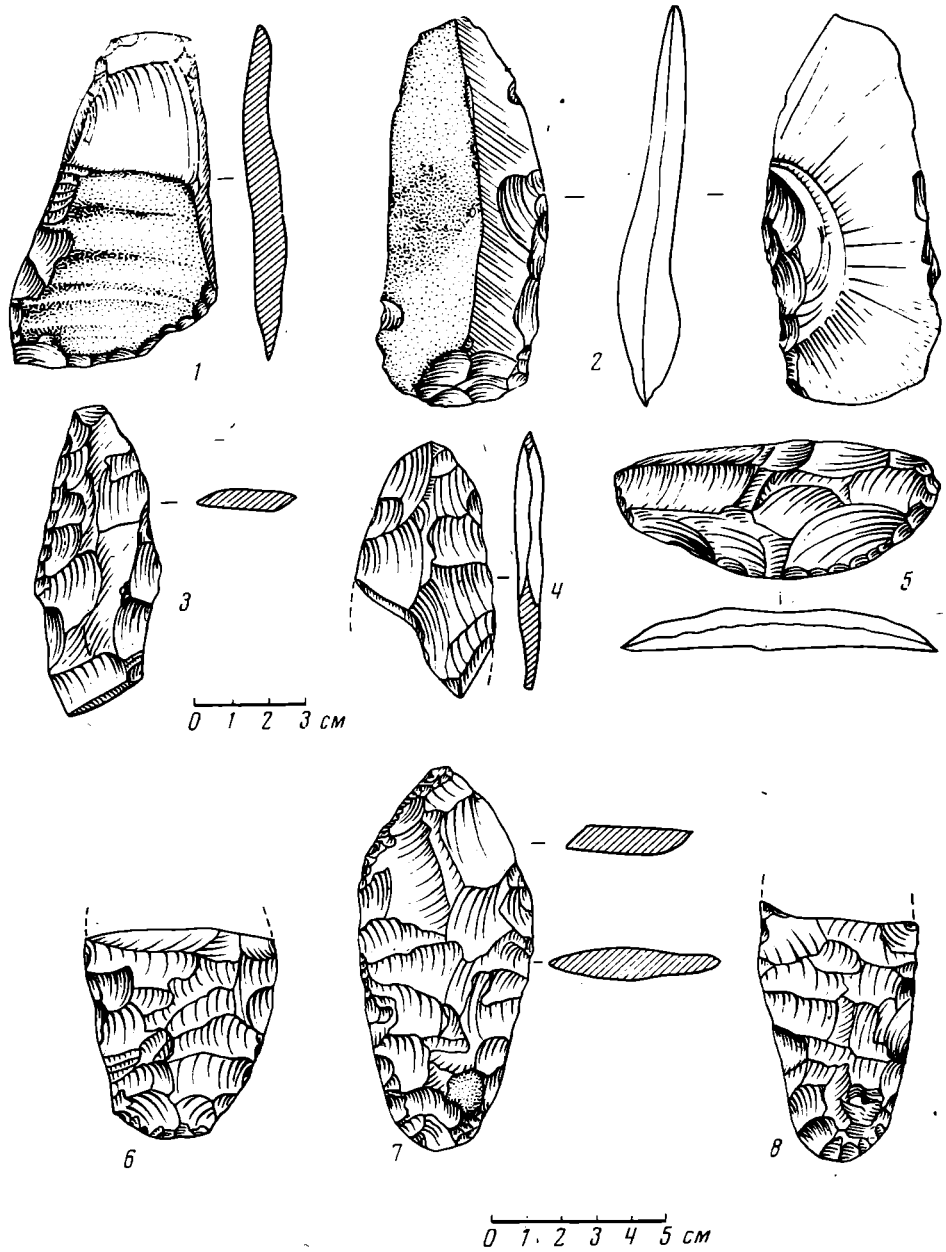


Рис. 2. *1* — топор; *2* — тесло; *3—4* — орудия с режущим краем; *5* — нож; *6—8* — наконечники копий

вании близ озера Сопочного крупной стоянки, связанной с расположенными вблизи источниками сырья. Весь материал, из которого изготовлены орудия (базальт, кремень, халцедон, обсидиан), связан с мощными скальными обнажениями, начинающимися в нескольких десятках метров от места стоянки. Не исключено, что именно наличие хорошего поделочного камня, сравнительно легко доступного, обеспечило длительность существования поселения (мощный культурный слой, отмеченный на пункте 1) и, вероятно, многоразовое посещение этого места древнейшими обитателями острова (наличие патинизированного тесла, резко отличного по степени сохранности от остального материала). Техника обработки большей части каменных изделий, используемое сырье, месторасположение памятника свидетельствуют о неолитическом возрасте стоянки.

Материал стоянки у оз. Сопочного находит аналогии в ранних неолитических памятниках о. Итуруп — Касатка, Березовка. Это главным обра-

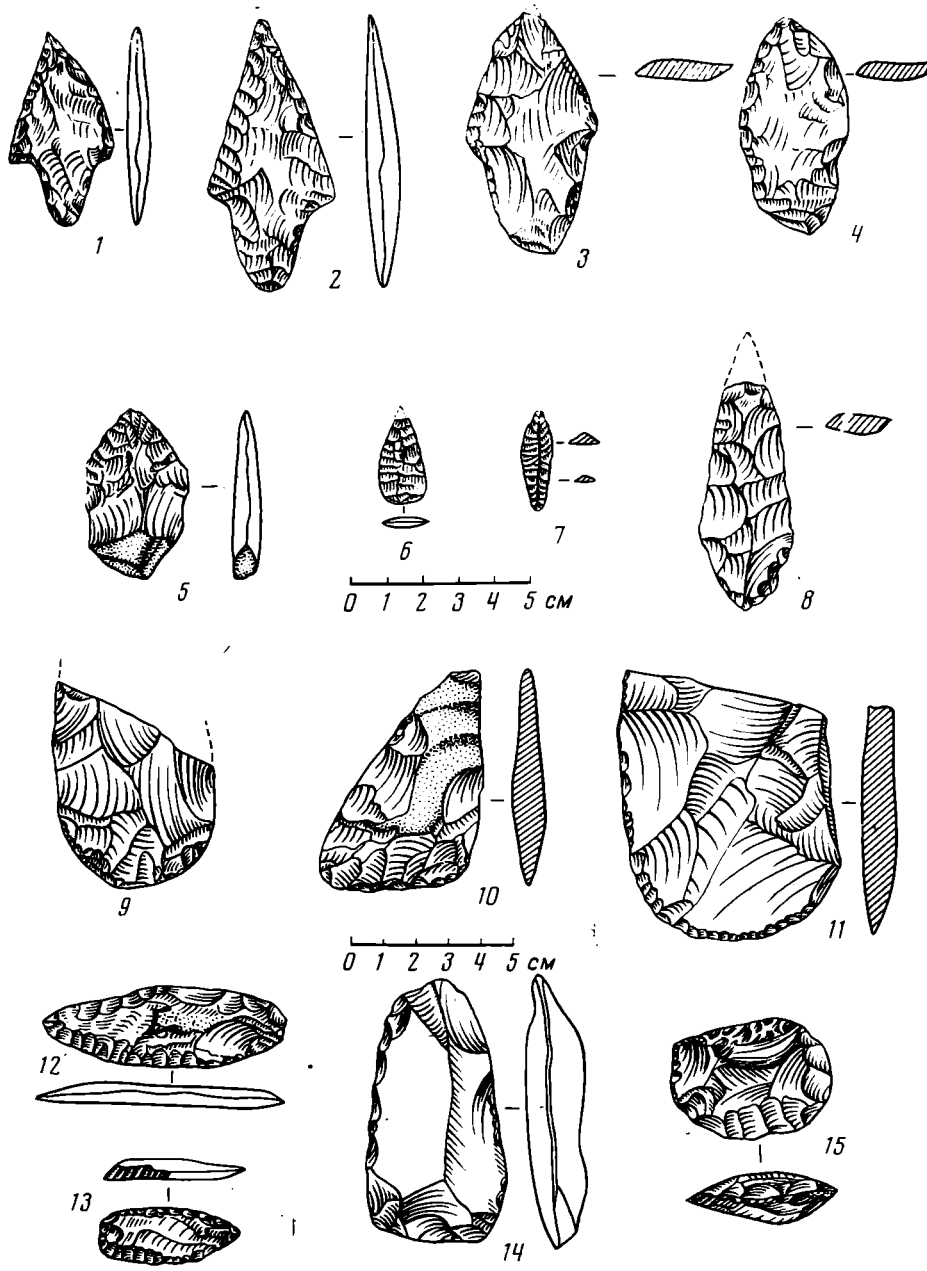


Рис. 3. *1—5, 8* — наконечники дротиков; *6—7* — наконечники стрел; *9—11* — орудия с двусторонней обработкой; *12* — нож; *13, 15* — комбинированные орудия; *14* — тесло

зом черешковые и треугольные с овальной выемкой в основании наконечники стрел, ножи. В материалах Касаткинской стоянки имеется сходный с нашим наконечник «с узким, почти круглым в сечении лезвием»[4]. Известны такие орудия и в раннем неолите о. Хоккайдо (культура Сумиеси)[5].

Более важным моментом, на который особенно необходимо обратить внимание, является отсутствие в коллекции прямоугольных топоров и топоров с выступами у рабочего края, долотец, тесел, частично шлифованных или имеющих пришлифованное лезвие. Нет и оббитых рубящих орудий, хотя бы в какой-то мере напоминающих известные формы с о. Итуруп.

[4] *Р. В. Чубарова.* Неолитические стоянки на о. Итурупе, стр. 131.
[5] *Groot.* Prehistory of Japan. N. Y., 1951.

Два топора стоянки Сопочная аналогичны орудиям неолитического поселения Стародубское-II о. Сахалин [6]. В этой же коллекции имеются и ножи с выпуклым овальным лезвием и узкой рукоятью [7]. Оба ножа из нашей коллекции и комбинированное орудие нож-скребок имеют аналогии в континентальной неолитической культуре Охотского побережья [8], а также севера Приморья [9]. Единственный наконечник стрелы миндалевидной формы, обнаруженный на описанной выше стоянке о. Итуруп, характерен для самого раннего неолита Охотского побережья (на о. Недоразумения) и выделяется там во второй тип [10].

Все эти сведения направлены на выяснение относительного возраста стоянки у оз. Сопочного, которая, вероятно, близка поселению Стародубское-II и ранней стадии неолита Охотского побережья. Исходя из этих соображений, она может быть предварительно датирована рубежом II—I тысячелетий до н. э. и причислена к наиболее ранним известным в настоящее время памятникам Курильских островов.

---

[6] *Р. В. Чубарова.* Работы сахалинского отряда Дальневосточной экспедиции в 1955 г. КСИИМК, 71, 1958, рис. 42, *2*.

[7] Там же.

[8] *Р. С. Васильевский.* К вопросу о неолите Охотского побережья. Сибирь и ее соседи в древности. Древняя Сибирь, 3, стр. 231, рис. 3, *5*; 7, *1—4*.

[9] *А. П. Окладников.* Археологические исследования в 1955 г. на Дальнем Востоке. КСИИМК, 71, 1958, стр. 112, рис. 35; *его же.* Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, рис. 16.

[10] *Р. С. Васильевский.* К вопросу о неолите Охотского побережья, стр. 221.

В. С. ГОРБУНОВ, М. Ф. ОБЫДЕННОВ

НАХОДКИ КОСТЯНЫХ ПСАЛИЕВ ЭПОХИ БРОНЗЫ В БАШКИРИИ

В 1973 г. экспедицией Башкирского государственного университета исследовалось I Казангуловское поселение срубной культуры, на котором были обнаружены костяные псалии, находки которых чрезвычайно редки в памятниках эпохи бронзы. Поэтому большой интерес представляет подробная их публикация.

I Казангуловское поселение находится в 1 *км* к югу от с. Казангулово Давлекановского района, на краю первой надпойменной террасы правого берега Демы, левого притока р. Белой. Поселение расположено на двух обширных мысах, разделенных неглубоким оврагом-промоиной на две части — северную и южную. С трех сторон памятник прикрыт возвышенностями террасы, а четвертая, западная сторона, ограничивается поймой Демы. На задернованной поверхности поселения имеются две впадины — следы жилищ размерами 18×16 и 13×11 *м*, глубиной 0,40 и 0,30 *м*. Бо́льшая впадина располагалась в северной части памятника, у самого подножия возвышенности, меньшая — в 20 *м* юго-западнее, у края оврага.

Памятник открыт разведочным отрядом Башгосуниверситета под руководством Г. И. Матвеевой в 1962 г.[1]. В 1973 г. на поселении был заложен раскоп площадью 60 $м^2$, захвативший и вскрывший часть жилища. Траншеей шириной 1 *м* и длиной 26 *м* был разрезан культурный слой между землянками. Оказалось, что заполненный черноземом котлован жилища углублен на 0,95 *м* в материк (2,03 *м* от современной поверхности). Дно котлована неровно и понижается к центру. Северо-западная часть жилища врезана в сложенное из известняка подножие возвышенности, у склона которой располагалось жилище. Находок в раскопе в пределах жилища

---

[1] *Г. И. Матвеева, И. Б. Васильев.* Новые памятники срубной культуры в Башкирии. СА, 1972, 3, стр. 244.

почти не было, за исключением отдельных мелких фрагментов керамики и двух костяных наконечников, которые были найдены в одном месте, в 4 *м* от края жилища, на глубине 0,67 и 1,32 *м* от современной поверхности. Первый — трехгранный наконечник дротика длиной 12 *см*. Черешок его выполнен в виде многогранника, на двух противоположных гранях которого имеются насечки (рис. 1, *3*). Второй — тщательно отполированный наконечник стрелы длиной 6 *см* (рис. 1, *4*). Основная масса находок сосре-

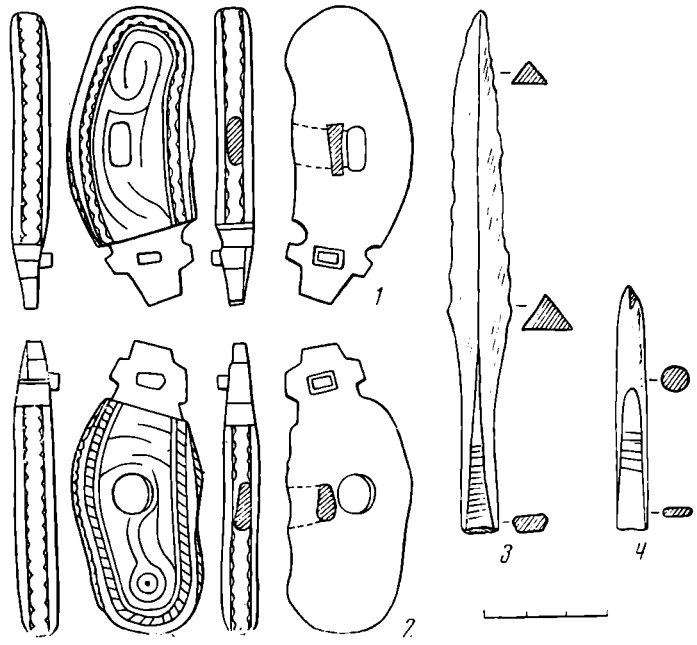


Рис. 1. Костяные предметы I Казангуловского поселения: *1—2* — псалии, *3—4* — наконечники

дотачивалась в траншее, за пределами жилища. Между землянками, под слоем дерна, залегал слой супеси, перемешанной с золой, мощностью 0,80 *м*, а на уровне материка траншеей прорезано два мощных зольника — возможно, выбросы золы. В зольном слое было найдено большое количество обломков глиняных сосудов. В 5 *м* от края жилища, на глубине 0,92 *м*, чуть выше уровня материка, в зольнике были найдены два псалия, располагавшиеся в 5 *см* один от другого.

Псалии представляют собой плоские костяные пластинки светло-желтого цвета. Судя по весу, псалии изготовлены из окаменелой кости, возможно, бивня мамонта. По размерам оба псалия одинаковы. Длина их 71 *мм*, ширина 31 *мм*, толщина 9,5 *мм*. По устройству псалии однотипны и составляют пару. В центре изделий имеется одно большое отверстие: на левом — овальное (рис. 1, *1*), на правом псалии — круглое (рис. 1, *2*). Перпендикулярно центральным отверстиям пробиты боковые отверстия овальной формы, имеющие выход на внутренней стороне пластин, рядом с центральным отверстием. Нижняя часть обоих псалиев выполнена в виде трапеций с боковыми выступами, в центре которых в прямоугольные отверстия вмонтированы шипы длиной 10 *мм*. Шипы представляют собой прямоугольные в сечении клинья, вбитые с внутренней стороны псалиев так, что узкий конец выступает наружу на 3 *мм*, а широкий закреплен в отверстии псалия. Отличие левого псалия от правого заключается в том, что при пробивании бокового отверстия была частично разрушена перегородка, отделяющая его от центрального отверстия.

Поверхность пластин тщательно заполирована, а внешняя и боковые стороны украшены резным орнаментом. Внешнюю рамку орнамента лице-

вой стороны левого псалия образует зигзагообразная лента, выполненная двумя рядами врезанных треугольников, заключенных между двумя глубоко прочерченными рельефными линиями. К внутренней стороне примыкает третья линия. В эту внешнюю рамку заключена несложная орнаментальная композиция из овальных и ломаных линий. На правом псалии внешняя рамка выполнена тремя линиями, между двумя из которых нанесены поперечные бороздки. Внутренний орнамент состоит из двух циркульных кругов в верхней и плавных линий в средней части псалия. Боковая поверхность обоих псалиев орнаментирована совершенно одинаково в виде зигзагообразной ленты, аналогичной описанной на левом псалии.

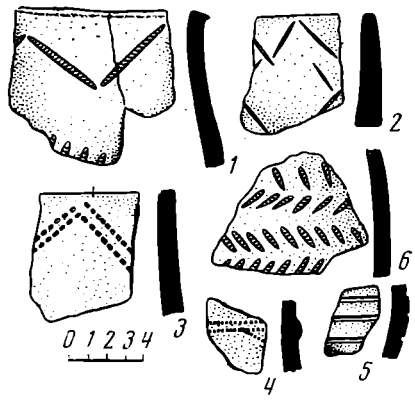


Рис. 2. Керамика I Казангуловского поселения

Керамика, которая была найдена на памятнике как в заполнении жилища, так и в траншее, рядом с псалиями, однородна и представляет собой фрагменты от плоскодонных толстостенных сосудов (толщина стенок 8—13 *мм*) преимущественно баночной формы. Фрагменты черного, из зольного слоя светло-серого цвета, плотные, прочные, с примесью шамота в глиняном тесте. Из общего числа обломков выделяется до 15 сосудов. Основная часть фрагментов имеет на поверхности следы заглаживания шероховатым предметом. Чрезвычайно бедная орнаментация нанесена гребенчатым штампом. Исключение составляет черепок, украшенный параллельными желобками (рис. 2, *5*). Один фрагмент имеет небольшой валик, орнаментированный оттисками гребенки (рис. 2, *4*), другой украшен горизонтальной елочкой (рис. 2, *6*). Подобная керамика характерна для памятников срубной культуры Башкирии. Обычно ее датируют первым этапом срубной культуры (по О. А. Кривцовой-Граковой), хотя единственный маловыразительный фрагмент с налепным валиком указывает на хвалынское время.

Что касается жилища, то срубных жилищ на территории Башкирии раскопано немного, но и здесь имеется общее, что сближает их с казангуловским жилищем. Например, глубокий котлован и наличие зольников около жилища [2].

Точные аналоги найденным псалиям в литературе неизвестны, но типологически они близки II типу псалий по классификации К. Ф. Смирнова [3]. К этому типу отнесены тастыбутакский плоский псалий [4], обломок псалия из Алакульского могильника [5] и псалий из могильника Айдабуль I [6]. Эти псалии отличаются от казангуловских тем, что первые два выполнены в виде плоских дисков, а айдабульский — в виде плоского прямоугольника с длинными, сужающимися отростками. Судя по опубликованным рисункам, на этих псалиях нет боковых отверстий. Сближает их то, что все они

---

[2] *В. Д. Викторова.* Из истории населения юго-западной Башкирии в эпоху бронзы. Сб. «Из истории Урала». Свердловск, 1960, стр. 65; *К. В. Сальников.* Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии, БАСб, 1959, стр. 31—35; *его же.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 151; *Г. И. Матвеева, И. Б. Васильев.* Ук. соч., стр. 248.

[3] *К. Ф. Смирнов.* Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, 1, стр. 60.

[4] Андроновская культура. САИ, 1, В 3—2, М., 1966, табл. XXXVIII, *22*.

[5] *К. В. Сальников.* Курганы на озере Алакуль. МИА, 24, 1955, стр. 58, рис. 7, *2*.

[6] *К. Акишев.* Памятники старины северного Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, т. 7, Археология. Алма-Ата, 1959, стр. 16, рис. 8.

относятся к типу плоских псалиев без шипов, имеющих отросток с выступами и большое центральное отверстие, куда пропускали мягкие удила. Имеется общее и в орнаментации. Хотя айдабульский и тастыбутакский псалии не орнаментированы, на алакульском имеется точно такая же заштрихованная лента, как на правом казангуловском псалии (рис. 1, *2*).

По расположению отверстий в боковой стенке казангуловские находки наиболее сходны с псалиями I типа (по К. Ф. Смирнову), которые изготовлялись из расколотой трубчатой кости животного и связаны, преимущественно, со срубными памятниками. Сближает их и определенный мотив орнамента — зигзагообразная лента по внешнему краю (комаровские и и усатовский псалии[7]).

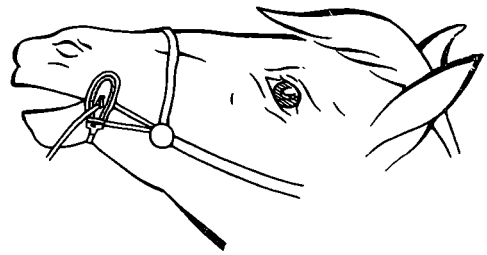


Рис. 3. Вероятное расположение псалиев в уздечке

Прочерченные окружности, такие как на правом казангуловском псалии, имеются на дисковидных псалиях из Тосега[8], типологическое родство которых с псалиями II типа отметил еще К. Ф. Смирнов[9].

Псалии из расколотой трубчатой кости I типа К. Ф. Смирнов датирует XV—XII вв. до н. э., а плоские псалии II типа — XIV—XIII вв. до н. э.[10]. Казангуловские псалии, вероятно, следует датировать тем же временем, что и псалии II типа (по К. Ф. Смирнову), тем более, что керамический материал, обнаруженный совместно с псалиями, вполне укладывается в последние века первого (покровского) этапа срубной культуры.

Способ крепления казангуловских псалий нам представляется следующим образом. В центральное отверстие продевались мягкие удила с петлей, которые оставили сильные потертости на краях отверстия правого псалия и даже несколько сместили отверстие левого псалия. К петлям, вероятно, имевшимся на удилах, крепились поводья. Раздвоенный нащечный ремень крепился одним концом за внутреннюю стенку малого отверстия — здесь заметны глубокие следы потертости — и другим — за нижнюю часть с выступами (рис. 3). Шип в этом месте не давал соскочить подгубному ремню. Наносный ремень крепился, по всей видимости, к ремню оголовья, так как в других местах, кроме указанных, потертости на псалиях отсутствуют. Расположение ремней подобным образом в более позднее время несомненно[11].

---

[7] *А. Е. Алихова.* Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки. КСИИМК, 59, 1955, стр. 97, рис. 38; *И. В. Синицын.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, табл. 6, *1*.

[8] *A. Mozsolics.* Mors en bois de cerf sur le territoire du bassin des Carpathes. AAH, v. III, 1—4, Budapest, 1953, p. 84, fig. 19, 20.

[9] *К. Ф. Смирнов.* Ук. соч., стр. 61.

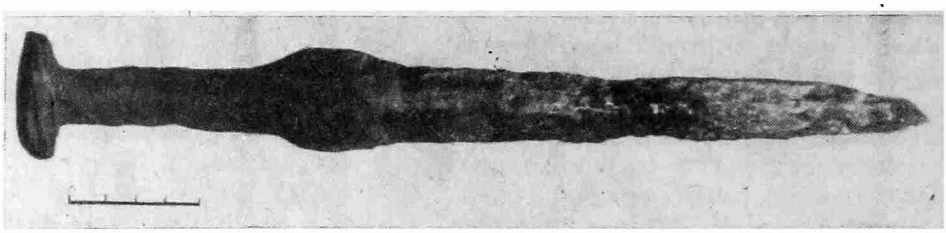
[10] Там же, стр. 57, 63.

[11] *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 146, рис. 44, *3—6; В. А. Ильинская.* Скифская узда IV в. до н. э. Скифские древности. Киев, 1973, стр. 45, рис. 1, *6*; стр. 49, рис. 3; стр. 53, рис. 6.

В. А. НЕПОЧАТЫХ

АКИНАК ИЗ ХВАЛЫНСКА

В 1971 г. сотрудниками районного краеведческого музея при обследовании северной части Хвалынского района Саратовской области в овраге, проходящем по территории пос. Возрождение и носящем название «Большой», был найден железный кинжал (рисунок), близкие аналогии которому широко известны среди памятников скифского времени.



Кинжал находился на поверхности в месте соединения «Большого» оврага с ответвлением, образующим выступ. Вместе с кинжалом подобраны фрагменты лицевой части черепа и тазовых костей человека. Никаких следов, указывающих на расположение в этой местности поселения или курганного могильника, не было обнаружено. Можно предполагать, что речь идет о случайной гибели воина, останки которого лишь недавно были размыты паводком.

Судя по размеру (31 *см* длиной) и весу (380 *г*), а также форме, кинжал был удобен для нанесения колющих ударов. Среднее ребро его сохранилось лишь с одной стороны лезвия. Плоская, выкованная вместе с клинком с двумя продольными параллельными желобками ручка заканчивается наварным, слегка скошенным навершием, имеющим форму овального бруса или, скорее, удлиненного бочонка. Несколько необычно выглядит перекрестье, представляющее собой немного асимметричное бесформенное уплощение основания клинка.

Конструкция кинжала сходна с наиболее ранними скифскими изделиями подобного рода, распространенными в Поволжье. Много общего с нашим имеет, например, акинак из Вольского района Саратовской области [1], датированный VI в. до н. э. Находки близки и территориально.

Факт находок оружия скифского времени в непосредственной близости к городецким памятникам данного района [2] делает наш акинак еще более интересным.

---

[1] *Е. К. Максимов, М. Р. Полесских.* Заметка об акинаках. СА, 1971, 2, стр. 238, 239.

[2] *Е. К. Максимов.* Материалы из Хвалынского музея. СА, 1962, 3, стр. 282—288; *В. И. Гуляев.* К вопросу о связях городецких племен с Югом в VII—IV вв. до н. э. В кн. «Историко-археологический сборник» (в честь А. В. Арциховского). М., 1962, стр. 116, 117.

В. А. КОРЕНЯКО, А. А. ГОРБЕНКО

КОТЕЛ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В АЗОВСКОМ МУЗЕЕ

В археологической коллекции Азовского историко-краеведческого музея хранится бронзовый литой котел сарматского времени [1]. Он был найден в 1965 г. в карьере Азовского кирпичного завода и представляет собой случайную находку.

Котел (рис. 1) имеет яйцевидное тулово и маленькое деформированное донце без поддона. Горло котла заметно расширяется кверху. Две ручки без каких-либо украшений были приляты к котлу. Тулово украшено небрежно отлитой «веревочкой». В стенке котла имеются два отверстия, одно из которых заклепано. Кроме того, незаклепанное отверстие есть в донце котла. В нижней части тулова — заметная вмятина.

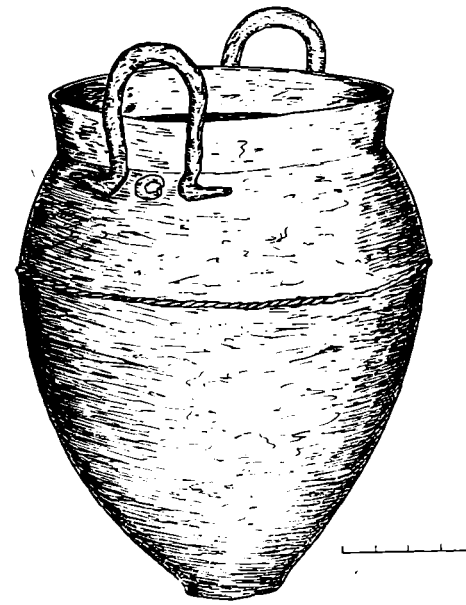


Рис. 1. Бронзовый котел из коллекции Азовского музея

Под ручками котла, между их расходящимися в разные стороны нижними концами, имеются кольцевые приливы. Такие приливы, по мнению Е. К. Максимова, образовывались из-за применения жеребеек [2].

Высота котла 15,2, наибольший диаметр 12,5, высота горла 1,7, наибольшая ширина горла 10,5, толщина стенок котла до 0,3, диаметр донца 3,1 *см*.

Находки подобных котлов на Нижнем Дону немногочисленны (станицы Еланская и Березовская, пос. Октябрьский) [3]. Наш котел относится к группе котлов сарматского времени, сводка которых опубликована Е. К. Максимовым. Наиболее близкие аналоги датируются по тамгообразным знакам I—III вв. н. э. [4]. Из близких аналогий, опубликованных после сводки Е. К. Максимова, стоит назвать случайную находку у хут. Сидоры [5] и котел, найденный у с. Павловка в Полтавской обл., датирующийся по сигмообразному знаку и найденной вместе с ним бронзовой миске концом I—II в. н. э. [6].

Наш котел, будучи единичной находкой и не имея тамгообразных знаков, должен быть датирован I—III вв. н. э.

---

[1] Фонды Азовского историко-краеведческого музея, № ИК—3443.

[2] *Е. К. Максимов.* Сарматские бронзовые котлы и их изготовление, СА, 1966, 1, стр. 59. Ср. *В. А. Пазухин.* Как все же отливали сарматские котлы? СА, 1970, 4, стр. 284.

[3] *Е. К. Максимов.* Ук. соч., стр. 52, рис. 1, 8; стр. 53, рис. 2, 6, 7.

[4] *Е. К. Максимов.* Ук. соч., стр. 54, 57; *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 96, 97, 102, 120, 122, 128, 132, 168—171.

[5] *А. С. Скрипкин.* Случайные находки сарматских котлов на территории Волгоградской области. СА, 1970, 4, стр. 207, 208.

[6] *В. Н. Корпусова.* Новые памятники с сарматскими знаками. МАСП, 7. Одесса, 1971, стр. 243, 245.

М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ, А. С. ФРОЛОВ

СЮЛЬГАМА ДЬЯКОВСКОГО ВРЕМЕНИ С БОРИСОГЛЕБСКОГО ГОРОДИЩА

Борисоглебское городище (Борисоглебский погост) входит в группу городищ раннего железного века на р. Пахре Московской области. Оно было открыто в 1923 г. работниками Сухановского краеведческого музея.

Памятник расположен на правом берегу Пахры при впадении в нее ручья (в 5 *км* от города Подольска и примерно в 800 *м* от известного Щербинского городища). Борисоглебское городище расположено на высоком обрывистом мысу, образованном двумя глубокими оврагами, выходящими в долину реки. Общая площадь городища — более 1000 *м*². Площадка почти полностью испорчена кладбищем XVII—XX вв.

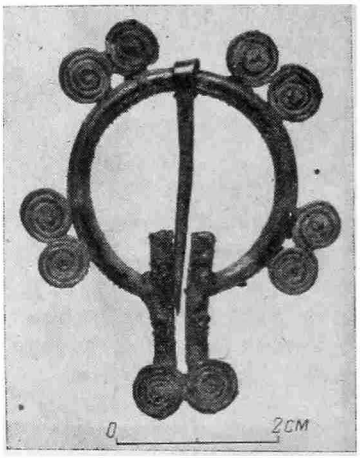


Рис. 1. Бронзовая сюльгама дьяковского времени с Борисоглебского городища

Памятник неоднократно привлекал внимание московских археологов [1]. Работы носили характер разведок (шурфы, зачистки) и производились в основном на западном и северном склонах городища, а также у его подножия. Несмотря на небольшой объем, эти изыскания принесли исследователям много интересного материала и позволили сделать вывод, что памятник одновременен Щербинскому городищу (V—IV вв. до н. э.— V—VII вв. н. э.) [2]. Р. Л. Розенфельдт высказал предположение, что население бассейна р. Пахры в I тысячелетии н. э. имело центром Щербинское городище, а расположенное неподалеку Борисоглебское городище было культовым сооружением, которое использовалось также для жилья.

Осенью 1969 г. в размытой стенке неглубокой траншеи, прорезающей северный склон Борисоглебского городища, московскими школьниками была обнаружена бронзовая застежка-сюльгама (рис. 1) [3].

Общая длина предмета 46 *мм*. Длина язычка сюльгамы 32 *мм*, а его толщина в средней части 2 *мм*. Сечение бронзового кольцеобразного прутка-дрота, основной части застежки, — 3 *мм* (по всей длине). Концы кольца (диаметр 29 *мм*) незамкнуты, к ним крепятся два прямых усика длиной по 15 *мм* с напаянным поперек них в концевой части S-образным завитком. Четыре точно таких же S-образных завитка (по 3—4 витка в каждом) напаяны по внешнему краю дрота в плоскости кольца и служат ее украшением. Вероятно, с той же целью на усики были напаяны небольшие бронзовые шарики по 2 *мм* в диаметре. Шарики напаяны по два в центральной части каждого усика. Отчасти они напоминают «грибовидные окончания» обломка сюльгамы, обнаруженного в зоне V Троицкого городища [4].

Предмет находится в хорошей сохранности. Язычок застежки полностью покрыт патиной.

Подобные сюльгамы скрепляли края и складки одежды. На реконструкции женского костюма из Шатрищенского могильника (городецкая куль-

---

[1] *Р. Л. Розенфельдт.* Разведки и раскопки дьяковских городищ в Подмосковье в 1960—1963 гг. КСИА АН СССР, 102, 1964, стр. 111—113; *его же.* Археологические разведки в Подмосковье в 1964—1965 гг. КСИА АН СССР, 112, 1967, стр. 107—110.

[2] *Р. Л. Розенфельдт.* Разведки и раскопки..., стр. 111.

[3] Находка поступила во 2-й археологический отдел Государственного Исторического музея.

[4] *К. А. Смирнов.* Части костюма и украшения, найденные на Троицком городище. МИА, 156, 1970, стр. 187.

тура)[5] показаны две сюльгамы, скреплявшие на груди запахивавшиеся справа налево края одежды, и одна сюльгама на плече верхней рубахи, закалывавшая ее у самого ворота. Такие же застежки закалывали сверху головной убор женщины, по-видимому, платок.

S-образные завитки, украшающие сюльгаму с Борисоглебского городища, встречаются на многих памятниках эпохи раннего железа. Их присутствие отмечено в комплексах вещей с городища Березняки в Верхнем Поволжье (III—V вв. н. э.)[6], Щербинского городища на р. Пахре[7], городища у дер. Ромоданово на р. Можайке, правом притоке Оки (первая половина

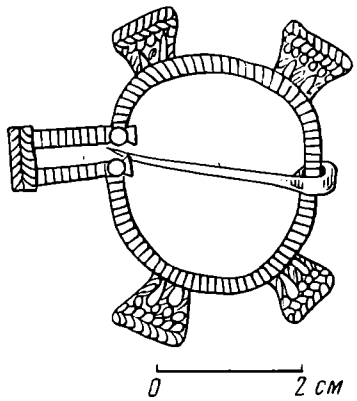


Рис. 2. Бронзовая застежка из погребения 24 Кузьминского могильника

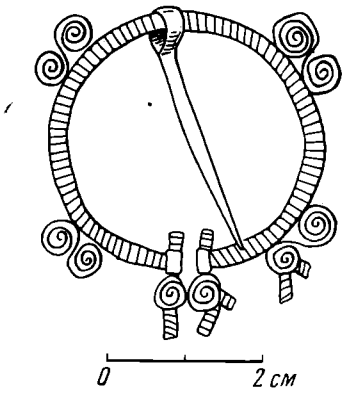


Рис. 3. Польное-ялтуновская сюльгама

I тысячелетия н. э.)[8], Шатрищенского могильника на р. Оке, у Старой Рязани (V—VI вв. н. э.)[9], из верхнего слоя Пекуновского городища на Верхней Волге[10], который О. Н. Бадер датирует IV—V вв. н. э. и более поздним временем, а также в комплексах с других памятников.

А. Е. Алихова отмечала, что орнаментация подобными завитками характерна для более древней ананьинской культуры[11].

Борисоглебская застежка близка сюльгаме из погребения 24 Кузьминского могильника (рис. 2)[12]. Предметы по своим размерам почти одинаковы. Основной дрот сюльгамы из Кузьминского могильника был полностью обвит тонкой проволокой. Существенное различие заключается в том, что на этой застежке вместо четырех S-образных завитков напаяны (также симметрично) четыре орнаментированные лопасти.

Как удалось установить, наиболее полной аналогией бронзовой сюльгамы с Борисоглебского городища является бронзовая сюльгама из могильника Польное-Ялтуново Рязанской области (рис. 3). Она была обнаружена в 1945 г. при раскопках, производившихся под руководством А. Е. Аликовой[13].

---

[5] *Т. А. Кравченко.* Раскопки Шатрищенского могильника в 1966 г. КСИА АН СССР, 119, 1969, стр. 96, рис. 45.

[6] *П. Н. Третьяков.* Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 124, рис. 29.

[7] *И. Г. Розенфельдт.* Итоги раскопок Щербинского городища. КСИА АН СССР, 112, 1967, стр. 96, рис. 32.

[8] *Т. Н. Никольская.* Археологические раскопки в 1961—1962 гг. в Калужской области. КСИА АН СССР, 102, 1964, стр. 77, рис. 28.

[9] *Т. А. Кравченко.* Ук. соч., стр. 95, рис. 44.

[10] *О. Н. Бадер.* Древние городища на Верхней Волге. МИА, 13, 1950, стр. 123, рис. 42.

[11] *А. Е. Алихова.* Могильник кошибеевского типа у села Полное-Ялтуново. КСИИМК, 72, 1958, стр. 41.

[12] Древности мордовского народа. Саранск, 1941, стр. 39, табл. XV, *3*; *А. А. Спицын.* Древности бассейна рек Оки и Камы. МАР, 25, 1901, табл. XV, *3*.

[13] *А. Е. Алихова.* Ук. соч., стр. 37—45.

Вещь хранится в фондах Государственного Исторического музея (инв. № 96190). Сохранность сюльгамы неудовлетворительная.

По своим размерам польное-ялтуновская сюльгама схожа с борисоглебской. Ее основной дрот обмотан тонкой бронзовой полоской (ширина 1 *мм*). Кстати, лентой шириной в 1 *мм* была обмотана и сюльгама из рва Троицкого городища, также с напаянными усиками, датируемая III—IV вв. н. э.[14]

Польное-ялтуновская сюльгама была обнаружена в нижней части груди костяка погребения 1. По внешней ее кромке в плоскости кольца прикреплены четыре симметрично расположенных S-образных завитка. Такой же завиток помещен поперек на концах усиков (они короче, чем у борисоглебской сюльгамы). К нему, как и к двум ближайшим усикам-завиткам, с нижней стороны были припаяны изогнутые под углом спиральки, на которых могли крепиться утраченные элементы украшений. На линии стыка усиков с дротом помещаются две цилиндрические «кнопки».

Установленные аналогии позволяют отнести Борисоглебскую сюльгаму к мордовско-финскому типу, что представляет интерес для уточнения этнической принадлежности племен, населявших этот район в раннем железном веке.

Приблизительная датировка вещи — IV—V вв. н. э.

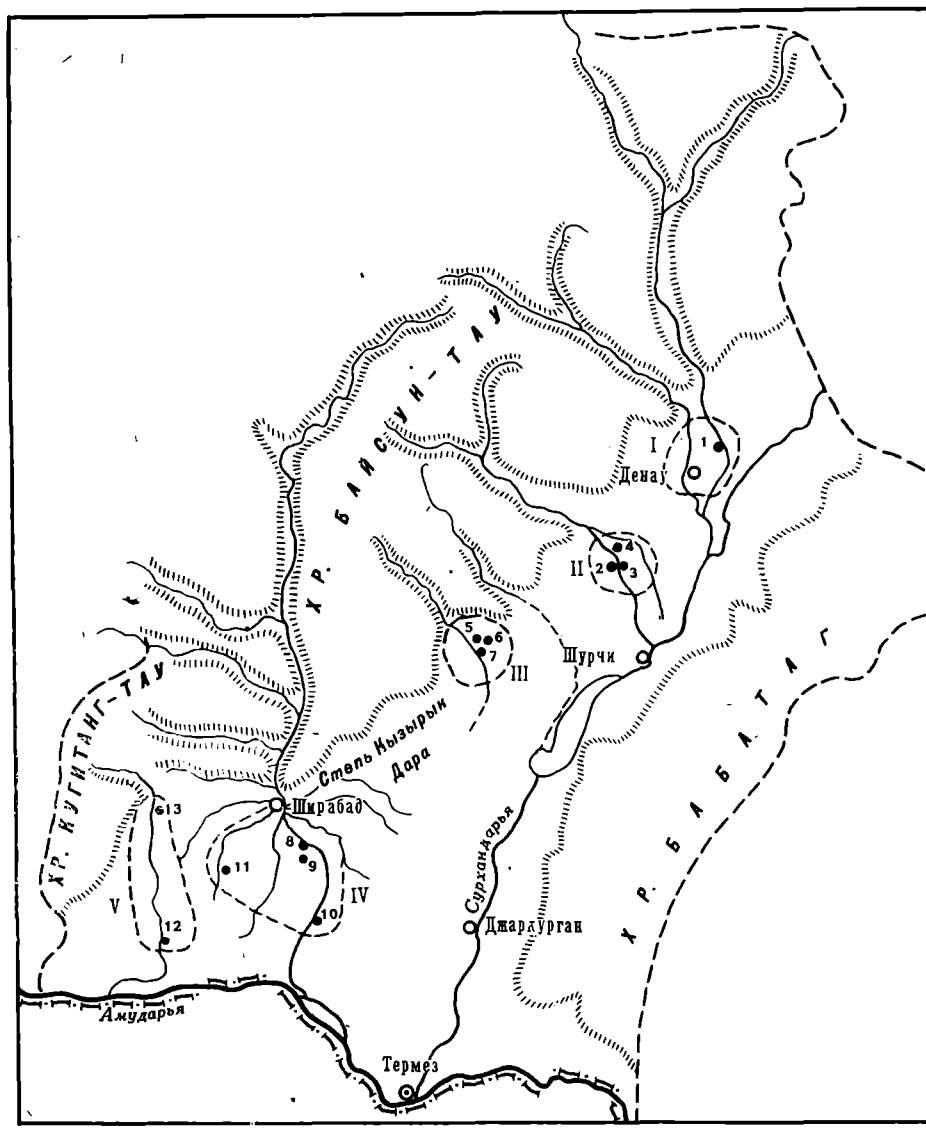
[14] *А. Ф. Дубынин.* Троицкое городище. МИА, 156, 1970, стр. 79, табл. 18, *10*.
[15] *А. Е. Алихова.* Ук. соч., стр. 41.

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПАМЯТНИКОВ СУРХАНДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ АХЕМЕНИДСКОГО ВРЕМЕНИ

На юге Узбекистана лежит довольно обособленная в географическом отношении Сурхандарьинская область, ограниченная с севера и запада горными хребтами Байсун-тау и Кугитанг-тау, а с юга и востока Амударьей и Бабатагом. В прошлом эта область наряду с соседними районами Таджикистана составляла значительную часть северной, или правобережной, Бактрии. Однако, если в Таджикистане памятники ахеменидского времени стали известны еще с конца XIX в. (Амударьинский клад), а в первые послевоенные годы уже были найдены и частично раскопаны слои IV—VI вв. до н. э. на городище Калаи-Мир (Кобадиан I)[1], то в Сурхандарьинской области они долго оставались неизвестными. Началом истории их изучения следует считать первые годы предыдущего десятилетия, когда были открыты и исследованы слои ахеменидского времени на городище Халчаян (Ханака-тепе[2]) и Кучук-тепе в Музрабадской степи, в 70 *км* к северо-западу от Термеза[3]. В последующие годы благодаря постоянным маршрутным рекогносцировкам, проводимым сотрудниками Узбекистанской искусствоведческой экспедиции в различных районах Сурхандарьинской области, зафиксировано значительное количество памятников этого времени, и среди них крупнейшее городище данного периода в Северной Бактрии — Кызыл-тепе[4]. К настоящему времени общее число поселений VI—IV вв. до н. э. достигло 13.

[1] *М. М. Дьяконов.* Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиан) (1950—1951 гг.) МИА, 37, 1953, стр. 25; *Н. Н. Забелина.* Раскопки на городище Калаи-Мир. МИА, 37, 1953, стр. 131; *М. М. Дьяконов.* Сложение классового общества в Северной Бактрии. СА, XIX, 1954, стр. 121—140.
[2] *Г. А. Пугаченкова.* Халчаян. Ташкент, 1966, стр. 32—33.
[3] *Л. И. Альбаум.* К датировке верхнего слоя Кучук-тепе. ИМКУ, 8, Ташкент, 1969, стр. 69—79.
[4] *Г. А. Пугаченкова.* Работы в Шурчинском районе УзбССР. АО—1972, М., 1973, стр. 467—468; *З. Хакимов.* Из археологических открытий 1972 г. УСА 2, Л., 1972, стр. 55.



В процессе наблюдения над топографией их размещения выяснилась интересная закономерность: все они группируются в нескольких обособленных друг от друга оазисах, расположенных на небольших горных речках. Сейчас можно выделить пять таких оазисов, расположенных в предгорной полосе вдоль Байсун-тау — Кугитанг-тау от Халчаяна до Музрабада (см. карту). Приводим описание этих оазисов, названных нами по основным речным системам, с краткой характеристикой поселений, входящих в каждый из них. Датировка поселений определяется по находкам весьма характерных для ахеменидского времени сосудов цилиндро-конической формы с подкосом в нижней части, имеющих ближайшие параллели в комплексах Яз II—III, Кобадиан I и Афрасиаб I.

I. Сангардак — Тупалангский оазис — орошался водами рек Сангардак, в нижнем течении Кзыл-су, и Тупаланг, берущих свое начало в горах Байсун-тау. Исследован еще недостаточно. К позднеахеменидскому времени относится нижний слой Халчаяна (№ 1 на карте).

Халкаджарский оазис питался водами реки, носящей в верхнем своем течении название Халкаджар, а в нижнем Тентек-сай, берущей начало в горах Байсун-тау. На одном из боковых протоков этой реки, Кызыл-сае, расположено городище Кызыл-тепе площадью более 20 *га*, раскопки на ко-

тором с 1971 г. ведет отряд Узбекистанской искусствоведческой экспедиции (№ 2 на карте). В окрестностях Кызыл-тепе отмечена целая группа мелких поселений ахеменидского времени (№ 3, 4 на карте) [5]. Еще одно поселение этого же времени зафиксировано у искусственного озера Ахад-Куль, но размеры его неясны [6].

Ургульский оазис орошался водами Ургуль-сая, берущего начало в горах Байсун-тау. В настоящее время Ургуль-сай заполняется водой только во время весенних паводков, широко разливаясь по равнине, летом полностью пересыхает. В этот оазис входят три поселения ахеменидского времени, расположенные у юго-западной окраины к. Бандыхан в радиусе 3—5 *км*. Таково **Гази-мулла-тепе**, где от некогда значительного поселения сохранился небольшой холм высотой до 5 и диаметром до 50 *м*, но керамика встречается и на расстоянии до 500 *м* к северу и 200—300 *м* к западу от него (№ 5 на карте).

В 2 *км* к юго-западу от Гази-мулла, на левом берегу Ургуль-сая, расположено **Киндык-тепе.** В плане это подпрямоугольное тепе размером 40×30 *м* с несколько вытянутой северо-восточной частью, высотой до 4 *м* (№ 6 на карте). Ориентировано по линии северо-запад — юго-восток. К северу и к западу от тепе керамика встречается на расстоянии до 200 *м*.

В 1 *км* к востоку от Киндык-тепе находится **Безымянное тепе.** Оно состоит из четырех частей, разделенных рвами, роль которых выполняли блуждающие русла Ургуль-сая. Общая протяженность городища, ориентированного длинной стороной по линии восток — запад, около 500 *м*, наибольшая ширина до 200 *м* (№ 7 на карте). Самая высокая часть городища до 6 *м*, видимо цитадель, расположена в западной стороне и значительно разрушена кладбищем.

Ширабадский оазис орошался водами Ширабад-дарьи, берущей начало в горах Байсун-тау и ее боковыми протоками. Здесь зафиксировано четыре памятника ахеменидского времени, из них три расположены в непосредственной близости от Кара-Су, главного русла Ширабад-дарьи, а один — на ее боковом протоке.

Городище **Джандавлят-тепе** находится у Саитабада, в 7 *км* к юго-востоку от Ширабада. Общая протяженность городища с северо-запада на юго-восток — 360 *м*, наибольшая ширина до 200 *м*. Размеры поселения ахеменидского времени неясны, так как оно перекрыто мощными слоями кушанского времени, но весьма возможно, что оно было довольно значительным, поскольку керамика этого периода зафиксирована в разных местах (№ 8 на карте).

В 1 *км* к югу от Джандавлят-тепе расположено **Пачмак-тепе.** Представляет собой округлый в плане бугор диаметром 30 *м* и высотой до 3 *м* (№ 9 на карте). По предположению Ш. Пидаева, содержит остатки монументального здания, храма огня [7].

Талашкан-тепе I находится в 15 *км* к юго-западу от Ширабада, у кишлака Талашкан. В плане это городище округлой формы диаметром 125—130 *м*. Окружено стеной шириной до 5 *м*, выстроенной из сырцового кирпича 62×31×10 *см*, 58×29×10 *см*[8] и высотой до 3 *м*. Представляет собой, по-видимому, цитадель (?) некогда большого поселения, так как в разных местах за пределами стены зафиксированы находки керамики того же времени.

У северной окраины к. Ангор обследовано Л. И. Альбаумом **Безымянное тепе.** Размеры небольшие, точно не установлены [9].

---

[5] *З. Хакимов.* Ук. соч., стр. 55.

[6] *Г. А. Пугаченкова.* Работы..., стр. 467—468.

[7] *Ш. Пидаев.* Раскопки святилища «ахеменидского» времени на холме Джандавлят-тепе в Северной Бактрии. Древний город Средней Азии. Л., 1973, стр. 27—28.

[8] *Э. В. Ртвеладзе.* К обследованию древних городищ в Северной Бактрии. АО — 1972, М., 1973, стр. 419.

[9] Сообщение Л. И. Альбаума, которому приношу искреннюю благодарность.

Улян-Булак-сайский оазис орошался водами Улян-Булак-сая, берущего начало в горах Кугитанг-тау. Здесь пока зафиксированы два поселения ахеменидского времени. Это **Кучук-тепе** — небольшой холм высотой около 8, диаметром около 50 *м*. К ахеменидскому времени относится верхний слой, содержащий остатки помещений с разнообразным материалом [10].

Второй памятник — **Дабиль-курган,** находящийся у северной окраины кишлака Пашхурд, на левом берегу Дабиль-сая. В плане имеет форму клина, вытянутого с севера на юг; общая протяженность более 300, наибольшая ширина до 120, высота до 12 *м* (№ 13 на карте). В нижних слоях зафиксирована керамика ахеменидского времени. Поселение заселялось вплоть до позднего средневековья.

На основе первичных рекогносцировочных обследований можно отметить характерные признаки всех этих оазисов. Так, каждый из оазисов включает в себя три-четыре небольших поселения. Там, где это удалось проследить, центрами оазисов являются довольно крупные городища с четким развитым планом и фортификацией (цитадель, оборонительные стены, рвы) — Кызыл-тепе, Талашкан-тепе I, Безымянное тепе в Ургульском оазисе. Поселения обычно находятся на небольшом расстоянии друг от друга в радиусе 5—10 *км*. Наиболее удалены друг от друга поселения в Ширабадском оазисе, который по своей площади был, по всей вероятности, наиболее крупным. Поселения во всех пяти оазисах располагаются на берегах рек ледникового или родникового происхождения или в непосредственной близости от них. Следует заключить, что дебит воды в некоторых из этих рек, теперь частично или совсем пересохших, был в ахеменидское время более высоким, чем сейчас.

Интересно, что большинство оазисов располагалось в зоне предгорий, за исключением Ширабадского и частично Улян-Булак-сайского, занимающих степные районы. Сами поселения, как правило, занимают места по верхнему течению рек, в непосредственной близости от выхода их на равнину. Материальная культура этих оазисов изучена еще слабо, но в области керамического производства и строительной техники она характеризуется преобладанием сосудов цилиндро-конической формы с подкосом в нижней части и прямоугольным сырцовым кирпичом 62×31×10 *см*, 58×29×10 *см*.

Подобный принцип размещения поселений по оазисам, привязанным к определенной речной системе, известен и до ахеменидского времени. Археологи фиксируют его на юге Средней Азии еще до эпохи бронзы [11]. В Северной Бактрии он также, видимо, унаследован от предшествующей поры, так как во всех выделенных нами оазисах, кроме поселений ахеменидского времени, имеются поселения развитой и поздней бронзы. Проиллюстрируем это положение примерами.

В Сангардак-Тупалангском оазисе к эпохе развитой бронзы относится нижний слой познесредневековой крепости г. Денау. В Халкаджарском оазисе располагается целый комплекс поселений развитой и поздней бронзы у кишлака Миршаде [12]. В Ургульском оазисе к этому времени относится Безымянное тепе в 3 *км* к югу от кишлака Бандыхан. Недавно обнаруженное сотрудниками Бактрийской экспедиции В. Н. Пилипко и В. И. Осиповым в Ширабадском оазисе поселение Джаркутан и, наконец, в Улян-Булак-сайском оазисе — это уже хорошо известные Сапполи-тепе и нижний слой Кучук-тепе [13].

Расположение памятников показывает, что в ахеменидское время, видимо, еще не начался в широких масштабах процесс освоения долин круп-

[10] *Л. И. Альбаум.* Ук. соч., стр. 69—79.

[11] *В. М. Массон.* Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973, стр. 36—37.

[12] *Г. А. Пугаченкова.* Новый памятник древнебактрийской культуры. УСА, Л., 1972, стр. 47—49.

[13] *А. Аскаров.* Поселение древних земледельцев на юге Узбекистана. Общественные науки в Узбекистане, 8, 1971, стр. 40—43.

ных рек Сурхандарьи — Амударьи в пределах Сурхандарьинской области. Во всяком случае ни в долине Амударьи, где проведены стратиграфические раскопки на поселениях Хатын-Рабад, Айртам и в Старом Термезе, ни в низовьях и по среднему течению Сурхандарьи пока не обнаружено слоев этого времени [14]. Таким образом, уже сейчас на основе первичных рекогносцировочных, а кое-где и стационарных исследований [15] можно осветить некоторые весьма важные вопросы исторической географии части Северной Бактрии в ахеменидское время, которые при дальнейшем более углубленном изучении, несомненно, пополнятся новыми данными.

[14] Стратиграфическое изучение Хатын-Рабада и Айратама проводили сотрудники Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Материал хранится в Институте искусствознания им. Хамзы. Из археологических памятников в среднем течении Сурхандарьи стратиграфия установлена для Дальверзин-тепе, который возник в греко-бактрийское время. См. *Г. А. Пугаченкова.* Новое о Дальверзин-тепе, СА, 1971, 4, стр. 188.

[15] Стационарные исследования проводились на следующих поселениях ахеменидского времени: Кызыл-тепе. Талашкан-тепе I, Пачмак-тепе и Кучук-тепе.

П. Н. СТАРОСТИН

ПОГРЕБЕНИЕ С ОСТАТКАМИ КРЕМАЦИИ В НИЗОВЬЯХ КАМЫ

Летом 1972 г. на Нижней Каме в Куйбышевском районе Татарии при раскопках II Старо-Куйбышевского могильника выявлено погребение середины I тысячелетия н. э. с обрядом кремации. Его остатки случайно обнаружены сотрудником Казанского филиала АН СССР Е. П. Казаковым в обнажении надлуговой террасы правого берега р. Бездны, левого притока Камы, в 1,2 *км* к востоку от Старого Куйбышева. На глубине около 70 *см* от поверхности в нижних горизонтах темного гумированного слоя замечены мелкие жженые человеческие кости. Поверхность террасы ровная, задернованная, до середины 1950-х годов использовавшаяся под посевы, ныне интенсивно разрушается водохранилищем.

Заложенный нами на краю террасы раскоп размером 2×2 *м* позволил выявить следующую стратиграфию грунта. Сверху на 15—18 *см* шел слой дерна. Под ним до глубины 35 *см* залегал серый пахотный слой. Еще ниже шел мелкий по структуре темный гумированный слой. На глубине 55—60 *см* фиксировалась красная материковая глина.

В северо-западной части раскопа на глубине 45 *см* от уровня современной поверхности могильника прослежены остатки овальной в плане ямы, в значительной части разрушенной рекой. Яма была заполнена серым слоем с красноватыми крапинами глины и имела ступенчатое дно (рис. 1, *Б*; 2). На одной из ступенек обнаружено глиняное пряслице. В нижней части ямы на глубине около 75 *см* от уровня современной поверхности террасы, по-видимому на дне, найдены кусочки пережженных костей [1], угольки, а также фрагменты глиняного сосуда.

По обряду и форме ямы данное захоронение напоминает погребения II Рождественского могильника, где в 1950-е годы проводились большие раскопки. Напомню, что многие из ям погребений II Рождественского могильника, как и рассматриваемая, имеют ступенчатые днища, в нижнюю часть которых ссыпался прах и ставились сосуды [2].

[1] Исследование обгоревших фрагментов костей из погребения проведено сотрудниками физико-технического отдела Института судебной медицины Министерства здравоохранения СССР В. Н. Звягиным и В. К. Ивановым. Фрагмент теменной кости из области затылочного шва был отнесен к человеку 41—60 лет.

[2] *В. Ф. Генинг, В. Е. Стоянов, Т. А. Хлебникова, И. С. Вайнер, Е. П. Казаков, Р. К. Валеев.* Археологические памятники у села Рождествено. Казань, 1962, стр. 38.

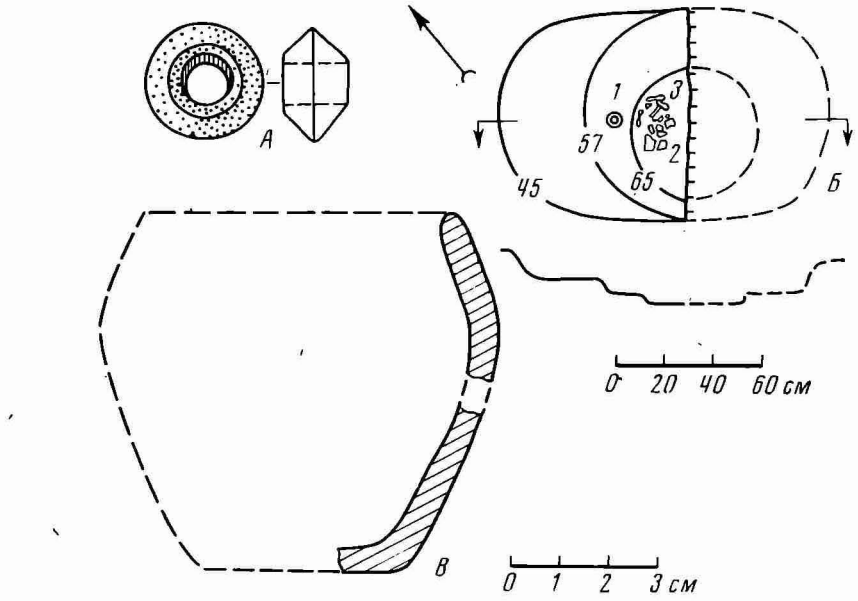


Рис. 1. План погребения и находки: *А* — пряслице; *Б* — план погребения (*1* — пряслице; *2* — фрагменты сосуда; *3* — жженые кости); *В* — сосуд

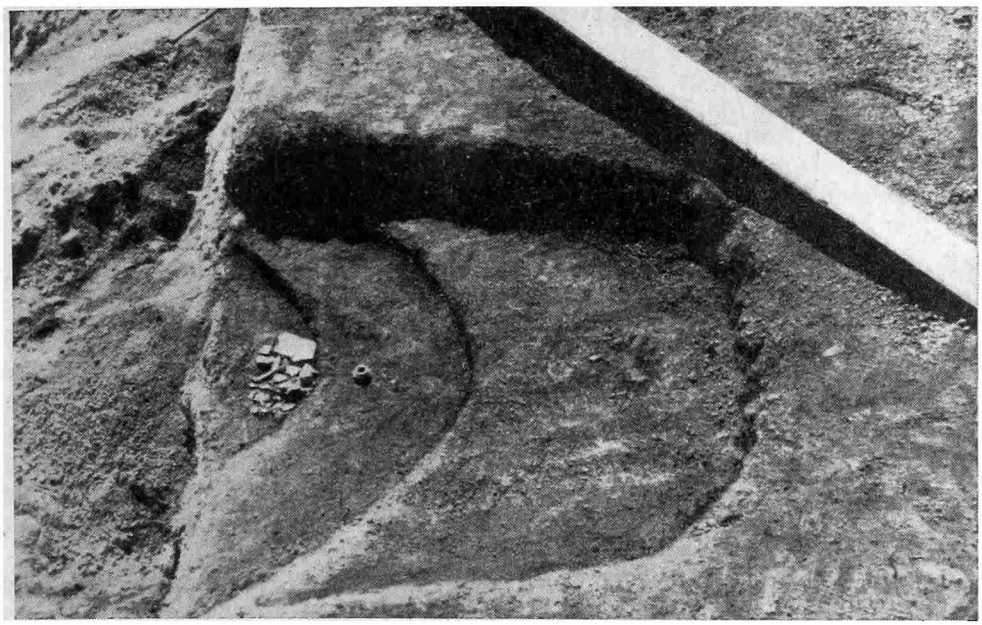


Рис. 2. Остатки вскрытого погребения

В определенной степени сопоставимы с рождественскими и находки из погребения. Среди них прежде всего следует отметить усеченно-биконическое пряслице (рис. 1, *А*). В глиняном серого цвета тесте пряслица мелкие несущественные примеси. Поверхность пряслица аккуратно заглажена и подлощена. Рассматриваемая находка аналогична многочисленным пряслицам с поселений именьковского типа и II Рождественского могильника[3].

Встреченные в погребении фрагменты сосуда принадлежат неорнаментированному горшку с вогнутым вовнутрь краем (рис. 1, *В*). В глиняном

[3] Там же, табл. XVI, *16, 17*.

серого цвета тесте фрагментов примесь мелкого шамота. Поверхность сосуда гладкая. Судя по остаткам, высота сосуда составляла около 7,5 *см*, диаметр устья 6,5 *см*, наибольший диаметр тулова 8,5 *см*. Близкие рассматриваемому сосуду можно найти в материалах именьковских поселений и II Рождественского могильника.

Наконец, рассматривая это погребение, нельзя еще раз не остановиться на его топографии. При обследовании низовий р. Бездны в районе Старого Куйбышева в 1946 г. Н. Ф. Калинин зафиксировал целую серию поселений именьковского типа [4]. Одно из них, II Старо-Куйбышевское, находится в 20—30 *м* к востоку от вскрытого нами погребения. По-видимому, как и в Рождествене, могильник примыкал к поселению именьковского типа и был оставлен его обитателями.

Изложенное выше позволяет включить данное погребение в один ряд с такими погребениями с остатками кремации Прикамья, как рождественские, кушнаренковские [5], байчугинское [6]. При всей дискуссионности проблемы этнической принадлежности и истоков данных погребений можно согласиться с утверждением, что этнический компонент, включающий данный обряд и вошедший в культуру населения I тысячелетия н. э. Прикамья, был существенным.

---

[4] *Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков.* Итоги археологических работ 1945—1952 гг. Тр. Казанского фил. АН СССР, серия гуманитарных наук, Казань, 1954, стр. 46.

[5] *В. Ф. Генинг.* К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии н. э. АЭБ, II, Уфа, 1964, стр. 122.

[6] *П. Н. Старостин.* Этнокультурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье. Сб. «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья». Казань, 1971, стр. 47.

Ю. Н. ВОРОНОВ, А. С. ВОЗНЮК

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В ГУДАУТСКОМ РАЙОНЕ АБХАЗСКОЙ АССР

Среди древностей Абхазии почетное место занимает Куланурхвский могильник, уже давно известный своими замечательными погребениями позднеколхидской и раннескифской эпох (VIII—VI вв. до н. э.)[1]. К сожалению, памятник в течение полувека систематически разрушался распашкой, и уже ко времени раскопок М. М. Трапша (1948—1952 гг.) был почти полностью уничтожен. В 1969—1971 гг. нами на площади разрушенного памятника (2 *га*) была собрана значительная коллекция древних предметов [2].

Анализ новых материалов с холма Аджра свидетельствует, что здесь находилось синхронное могильнику многослойное поселение, не зафиксированное до сих пор исследователями, обычно относившими принадлежащие ему керамические фрагменты к погребениям [3]. Древнейший слой поселения характеризуется двурогими ручками (рис. 1, *1*), ручками от котловидных (рис. 1, *2*) и кружковидных (рис. 1, *4*) сосудов, крышками (рис. 1,

---

[1] Впервые материалы этого могильника были опубликованы: *А. Л. Лукин.* Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Тр. ОИПКГЭ, 1. Л., 1941, стр. 45—46, 59—60, рис. 3, табл. XV, *1*; Систематические раскопки могильника провел в 1948—1952 гг. М. М. Трапш, выявивший 12 погребений (*М. М. Трапш.* Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми, 1962; *его же.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. В издании «Труды в четырех томах» (далее «Труды...»), т. I, Сухуми, 1970, стр. 87—187).

[2] Исследования 1969—1971 гг. проводились совместно с В. А. Юшиным.

[3] Первые сведения о Куланурхвском поселении опубликованы: *Ю. Н. Воронов.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, стр. 22, 46.

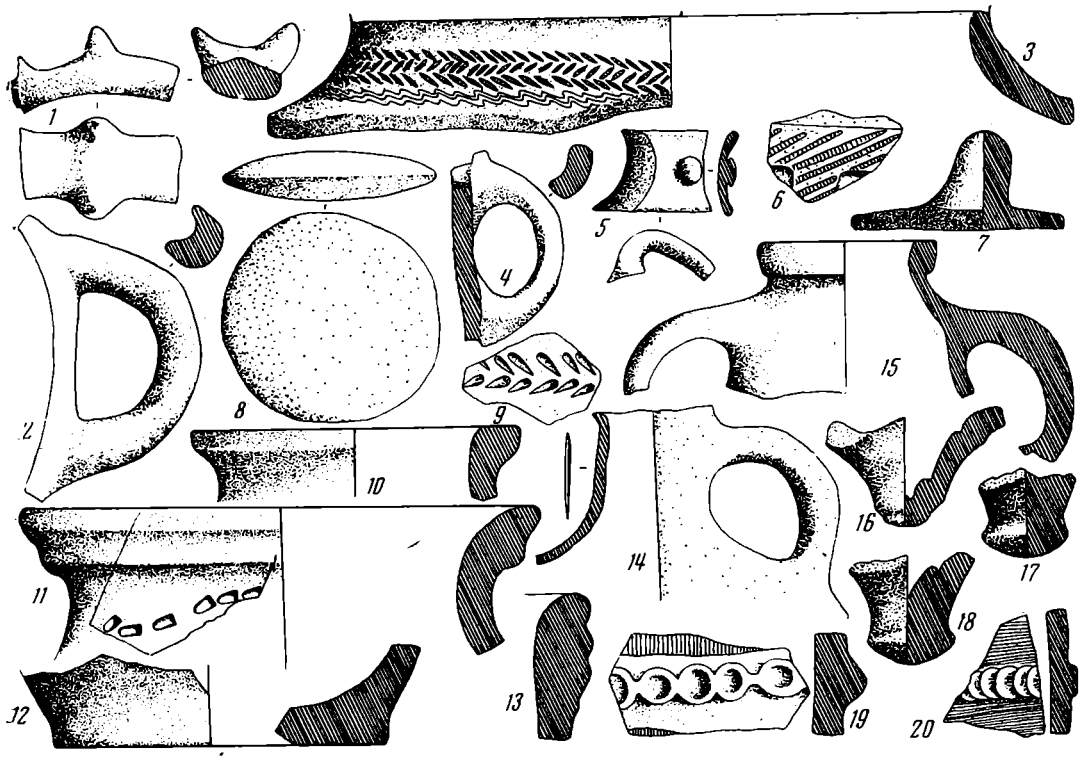


Рис. 1. Находки с Куланурхвского поселения (масштаб 1/4)

7), фрагментами пифосов со штампованным орнаментом по горловине (рис. 1, *3*) либо по налепному валику в верхней части тулова (рис. 1, *6*). Эти материалы относятся к позднему этапу колхидской культуры (IX — первая половина VII вв. до н. э.)[4]. О том, что жизнь на поселении не замирала и в более позднюю эпоху свидетельствуют находки фрагментов раннеантичных колхидских пифосов (рис. 1, *9—13*)[5], кувшинов (рис. 1, *14*)[6], амфор из коричневой глины с пироксеновидной примесью (рис. 1, *15*)[7], красноглиняных амфор (рис. 1, *16—18*), обломков светло-глиняной тонкостенной посуды античного типа (рис. 1, *5*). К этому или более раннему периоду должны быть отнесены и красноглиняные диски пока непонятного назначения (рис. 1, *8*). О присутствии на холме Аджра отдельных усадеб в раннем и развитом средневековье свидетельствуют обломки красноглиняных пифосов (рис. 1, *19*, *20*) и другие находки[8].

Аналогичную картину длительности функционирования показывает и материал из Куланурхвского могильника. На основании распределения случайных находок может быть сделан вывод о преимущественном распространении погребений конца бронзовой эпох по юго-восточной окраине поселения, в то время как погребения более позднего времени локализуются и по его северо-западной периферии.

---

[4] *М. М. Трапш.* Памятники эпохи бронзы..., стр. 114; *В. В. Бжания.* Тамышское поселение эпохи поздней бронзы. Сб. научных работ аспирантов. Сухуми, 1967, стр. 230—231, рис. 7, *11*; 8, *3*; *Ю. Н. Воронов.* Ук. соч., табл. XXII, *25—30; М.М, Трапш.* Древний Сухуми, Труды..., II, Сухуми, 1969, табл. XVI, *1, 3, 4.*

[5] Особо следует отметить, что в коричневой глине одного из пифосов (рис. 1, *11*) присутствует довольно значительная пироксеновидная примесь, что ставит это изделие в зависимость от одной из античных керамических мастерских Восточного Причерноморья, возможны, Диоскурпады.

[6] *Ю. Н. Воронов.* Ук. соч., табл. XXIV, *7, 21.*

[7] Там же, табл. XXIX, *21.*

[8] *М. М. Трапш.* Итоги раскопок в селе Куланурхва в 1951 г. Тр. АбИЯЛИ, XXVII. Сухуми, 1956, стр. 181.

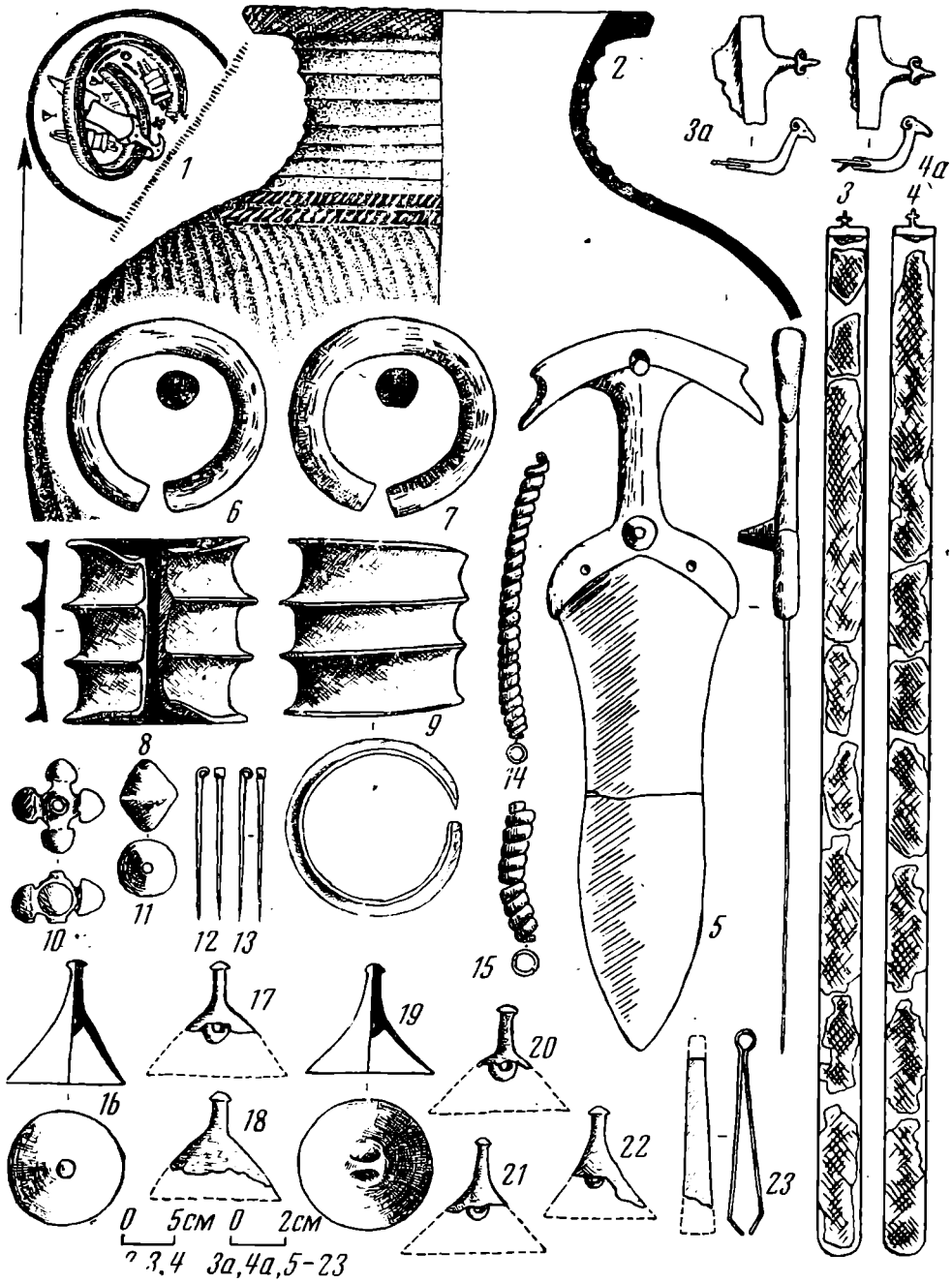


Рис. 2. Погребение VIII в. до н. э. из Куланурхвского могильника

Важным дополнением к уже известным материалам позднебронзовой эпохи служит доследованное нами на юго-восточном склоне холма оссуарное погребение (рис. 2, *1*). Сосуд был установлен вниз горловиной в яме, высеченной в конгломерате. Он вылеплен из грубой красновато-коричневой глины с большой примесью кварцитовой дресвы (рис. 2, *2*)[9]. Инвентарь

[9] Оформление поверхности этого сосуда (штампованный орнамент, каннелюрная обработка горловины и тулова), а также его типологическая характеристика находят аналогии в памятниках заключительного этапа позднебронзовой колхидской культуры (X—VII вв. до н. э.), в первую очередь в оссуариях из Эшерского (*Б. А. Куфтин.* Материалы к археологии Колхиды, 1. Тбилиси, 1949, табл. XXI, *1*) и Красномаяцкого (*М. М. Трапш.* Древний Сухуми, стр. 145) могильников, датирующихся VIII в. до н. э.

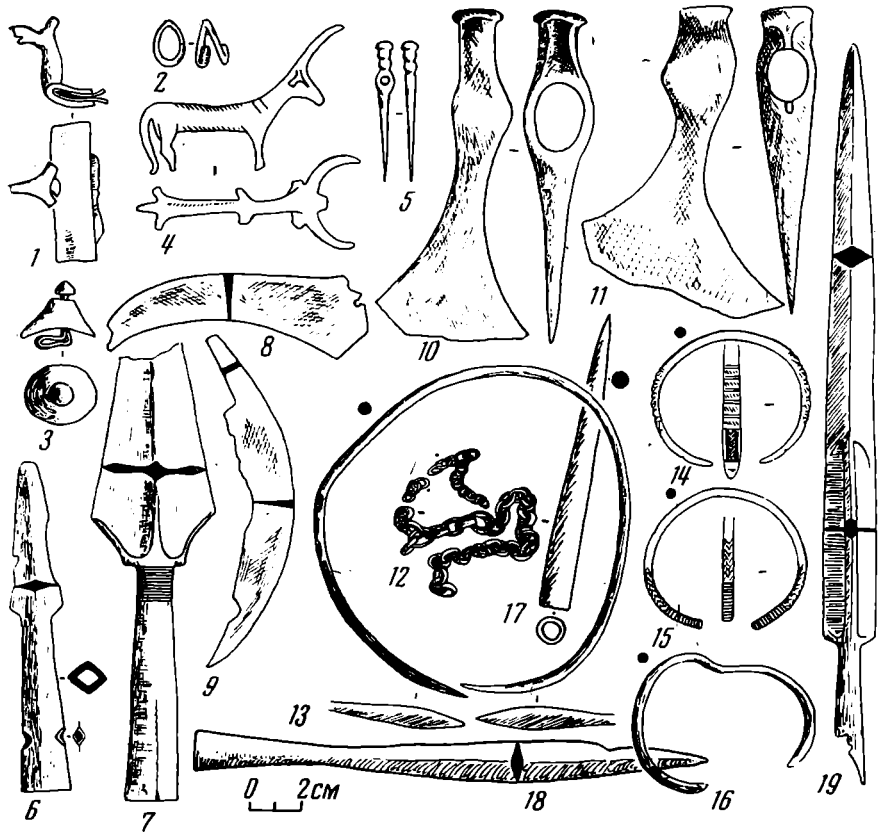


Рис. 3. Отдельные находки из Куланурхвского могильника и с. Ачандара: *1—3, 5—19* — Куланурхвский могильник; *4* — с. Ачандара

погребения включает бронзовый кинжал с ритуальным разломом (рис. 2, *5*)[10], два бронзовых пояса с пряжками, оформленными головками баранов (рис. 2, *3*, *4*)[11], два полых с заполнителем массивных бронзовых браслета (рис. 2, *6*, *7*)[12], обнаруженные in situ на костях предплечья, попарно, с двумя цилиндрическими бронзовыми ребристыми браслетами (рис. 2, *8—9*)[13], две проволочные булавки (рис. 2, *12*, *13*)[14], биконическую бронзовую бусину (рис. 2, *11*), бронзовое крестовидное, полое, с заполнителем, навершие (рис. 2, *10*)[15], семь конусно-колокольцевидных украшений (рис. 2,

[10] До сих пор в Абхазии было найдено четыре таких кинжала (*А. Л. Лукин.* Эшерская находка. Тр АбИЯЛИ, XXVII, Сухуми, 1956, табл. I—II), которые, сочетаясь со сходным инвентарем, еще ни разу, однако, не встречались здесь в комплексе с железными изданиями.

[11] Подобные пояса с зооморфными головками имели широкое распространение как в Абхазии (*А. Л. Лукин.* Ук. соч., стр. 144; *М. М. Трапш.* Ук. соч., табл. XXVI, *1, 2, 7*), так и за ее пределами (*Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети, 1, Тбилиси, 1941, рис. 70), главным образом в комплексах VIII в. до н. э.

[12] Аналогичные кольца известны в Абхазии главным образом как «ножные» (*А. Л. Лукин.* Материалы..., стр. 41—42), однако, соответствующие наблюдения в Красномаяцком могильнике (*М. М. Трапш.* Ук. соч., стр. 130) и рассматриваемый случай свидетельствуют, что, как правило, эти браслеты использовались для рук.

[13] Этот тип браслетов широко распространен в Абхазии (Эшера, Куланурхва и др.) в сочетании с инвентарем главным образом VIII — первой половины VII вв. до н. э.

[14] Булавки этого типа в Абхазии найдены впервые. В то же время в Триалети (Сафар-Хараб) они встречены в характерных комплексах IX—VIII вв. до н. э. (*Б. А. Куфтин.* Ук. соч., табл. LII).

[15] Вотивное навершие оформлено фаллическими выступами. Ближайшие ему аналогии встречены в Абхазии лишь однажды в комплексе со сходным инвентарем (*А. Л. Лукин.* Эшерская находка, стр. 152). Близкое по форме, но с петлей для подвешивания изделие происходит из Красномаяцкого могильника, где оно датируется концом VIII — первой половиной VII вв. до н. э. (*М. М. Трапш.* Ук. соч., табл. XXVII, *20*).

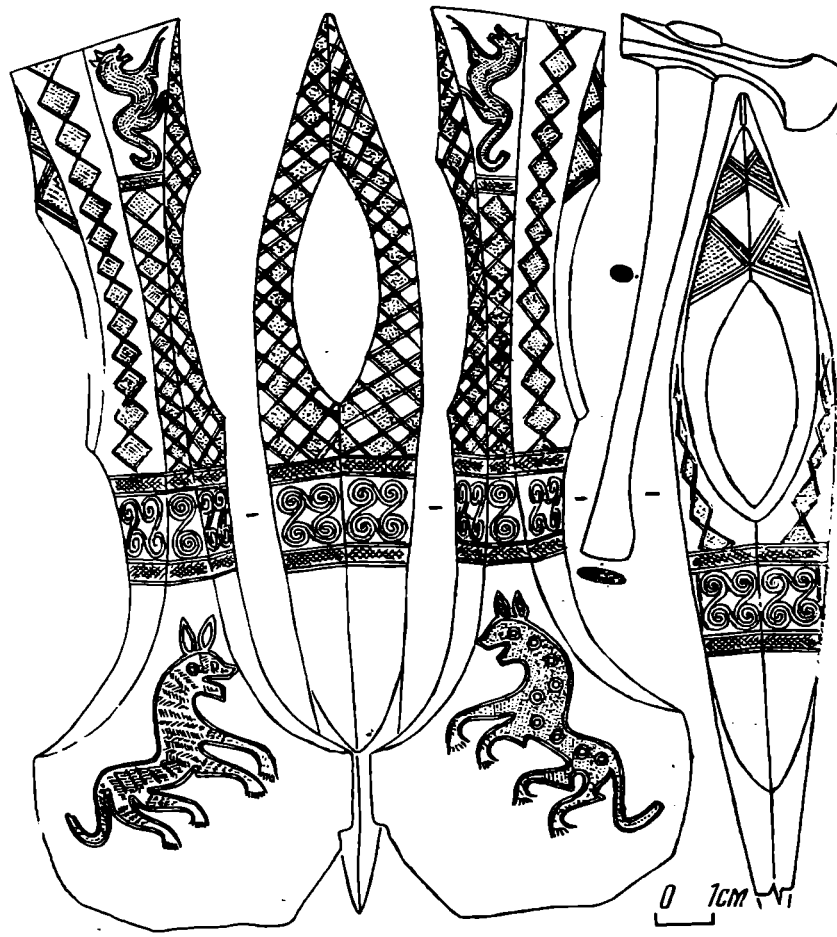


Рис. 4. Бронзовый топор из с. Абгархук

16—22) [15], две цилиндрических бронзовых спирали (рис. 2, *14*, *15*) и железный пинцет (рис. 2, *23*)[17]. Помимо инвентаря, в сосуде обнаружено несколько фаланг пальцев рук, фрагмент черепа, несколько обломков трубчатых костей и ребер [18]. По совокупности всех данных рассмотренное погребение датируется VIII в. до н. э., вероятнее всего, его первой половиной [19]. Кроме этого, из разрушенных поблизости одновременных погребений происходят бронзовая поясная пряжка с собаковидной головкой (рис. 3, *1*),

[16] Назначение этих предметов пока не установлено. Исследователи сопоставляют их то с «поясными бляхами», то с пуговицами, то с украшениями одежды. Аналогичные рассмотренным изделия, также с фаллическим оформлением шпиля, происходят из сходных комплексов в Аагсте, Эшере и Куланурхве (*А. Л. Лукин.* Ук. соч., стр. 144—146). Последние, однако, несколько мельче и по ряду признаков могут считаться дериватом описанной находки.

[17] Аналогичной формы железные пинцеты на территории Абхазии встречены в сочетании уже с полностью железным инвентарем (*М. М. Трапш.* Ук. соч., стр. 90).

[18] Таким образом, речь идет об обряде вторичного захоронения, связанного в ряде пунктов Абхазии (Эшера, Красный Маяк) со сходными комплексами (*Б. А. Куфтин.* Материалы..., 1, стр. 180—192; *М. М. Трапш.* Ук. соч., стр. 155—162), укладывающимися в рамки VIII — первой половины VII в. до н. э.

[19] Остальные известные погребения Куланурхвского могильника этого периода располагаются в следующей хронологической последовательности: погр. 1 — вторая половина VIII — начало VII вв.; погр. 6 и 7 — вторая половина VIII — первая половина VII вв.; погр. 11 — конец VIII — первая половина VII в.; погр. 8 и 9 — не ранее второй половины — конца VII вв. до н. э. Таким образом, описанное погребение является сегодня в Куланурхвском могильнике наиболее древним.

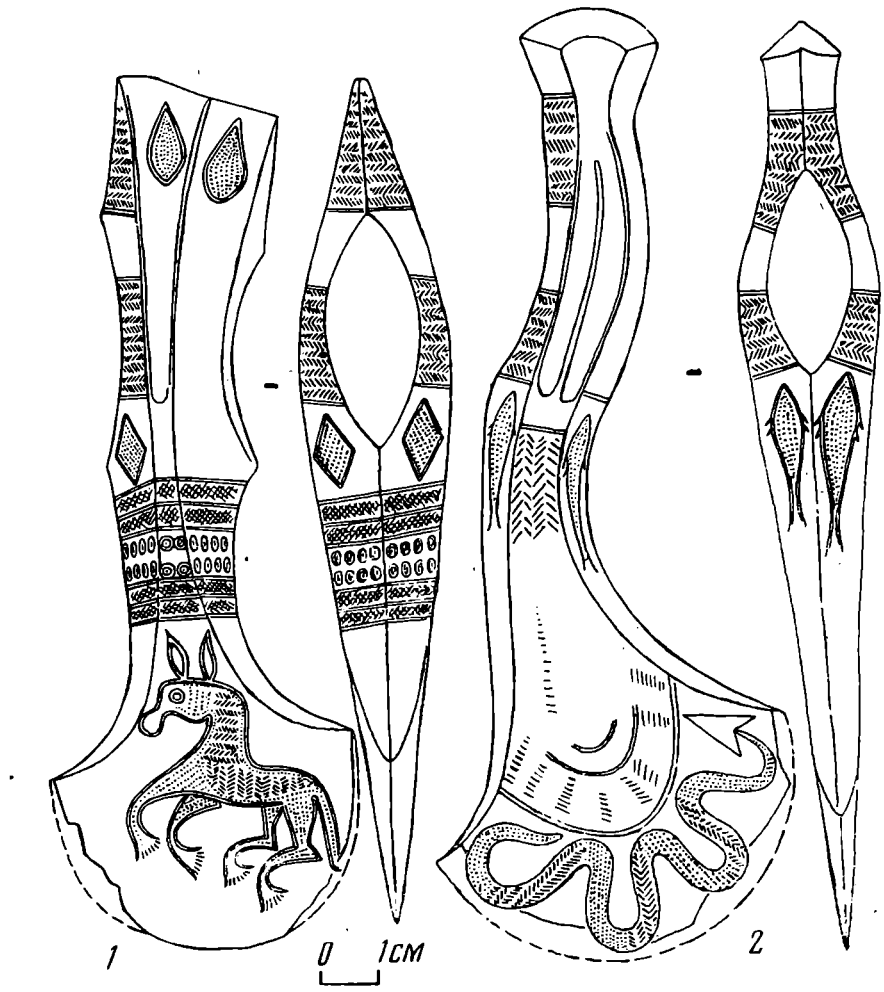


Рис. 5. Бронзовые топоры: *1* — с. Абгархук; *2* — с. Ачандара

бронзовое конусно-колокольцевидное украшение своеобразной формы, явно запаздывающей по сравнению с аналогичными изделиями из погребения (рис. 3, *3*), бронзовая булавка (рис. 3, *5*)[20], бронзовый (рис. 3, *6*) и железный (рис. 3, *7*) [21] наконечники копий.

М. М. Трапш в одном из Куланурхвских погребений (№ 1) выявил серию бронзовых топоров, один из которых имел бронзовую рукоять[22]. Насколько нам известно, колхидские топоры на бронзовых рукоятях встречены пока только на территории Абхазии в трех экземплярах (Эшера, Куланурхва, Гудаута)[23]. В связи с этим большой интерес представляет недавняя находка богато орнаментированного колхидского топора на массивной бронзовой рукояти (рис. 4) севернее Куланурхвы в с. Абгархук. Этому топору близок другой, недавно обнаруженный там же бронзовый орнаментированный топор, но без рукояти (рис. 5, *1*). Особняком стоит, без сом-

[20] Эту булавку следует считать более поздним вариантом соответствующего изделия из Триалети (*Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети, рис. 80, *4*).

[21] По форме и орнаментации куланурхвский наконечник почти полностью копирует один из бронзовых наконечников Бамборского погребения 1940 г., датируемого, по-видимому, второй половиной VIII в. до н. э. (*Ю. Н. Воронов.* Ук. соч., стр. 56, табл. XXVIII, *1*); следовательно, дата рассматриваемого наконечника должна определяться скорее всего первой половиной VII в. до н. э.

[22] *М. М. Трапш.* Памятники эпохи бронзы..., стр. 114—125.

[23] *А. Л. Лукин.* Материалы..., табл. XI, *1*; *М. М. Иващенко.* Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. ИНИИК, 3. Тифлис, 1935, **рис. XVI, *3*.**

нения, замечательный топор типично кобанской формы с соответствующей орнаментировкой (рис. 5, *2*), найденный севернее с. Куланурхва в с. Ачандара в погребении совместно с бронзовым бычком (рис. 3, *4*) [24]. Эта находка лишний раз подчеркивает несомненное для многих исследователей (И. И. Мещанинов, Б. А. Куфтин, А. А. Иессен, А. Л. Лукин и др.) единство колхидской и кобанской культур.

Существование Куланурхвского поселения во второй половине I тысячелетия до н. э. подтверждается не только анализом ранее выявленных материалов из Куланурхвского могильника, но и последними находками, которые, хотя и носят случайный характер, тем не менее вполне достаточны для соответствующих сопоставлений. Ранее раскопанные погребения Куланурхвы этого времени укладываются в рамки VI—V вв. до н. э.[25] Из последних находок серповидные ножи (рис. 3, *8*, *9*), а также топор (рис. 3, *10*) должны тоже относиться к VI—V вв. до н. э.[26] Несколько более поздними (V—II вв. до н. э.) следует считать серебряную височную подвеску (рис. 3, *2*)[27], бронзовую гривну (рис. 3, *13*), бронзовые цепочки (рис. 3, *12*), железный топор (рис. 3, *11*)[28], железные наконечники копий (рис. 3, *17*, *18*) и бронзовые браслеты (рис. 3, *14—16*)[29]. Железный наконечник копья (рис. 3, *19*) по всем своим признакам относится к значительно более позднему времени (V—VI вв. н. э.)[30].

Таким образм, приведенные в настоящей работе данные позволяют значительно расширить наши сведения об археологических памятниках Куланурхвы и ее окрестностей.

---

[24] *О. Г. Хагба.* Памятники села Абгархук. «Советская Абхазия», 18 мая 1968 г.

[25] Хронология этих погребений следующая: погр. 4 и 5 — вторая четверть — середина VI в.; погр. 10 — VI в.; погр. 12 — VI—V вв. или даже IV—III вв. (*М. М. Трапш.* Итоги..., стр. 185); погр. 3 — не раньше второй половины VI—V вв. до н. э.

[26] Эти ножи по форме ближе всего стоят к ножу из погр. 10 рассматриваемого могильника (*М. М. Трапш.* Памятники эпохи бронзы..., табл. VI, *10*). Топор близок по форме к топорам из погр. 4 того же могильника (там же, табл. V, *26*).

[27] Серебряная подвеска той же формы и также украшенная происходит из Красномаяцкого могильника (*М. М. Трапш.* Древний Сухуми, табл. IX, *8*), где она по комплексу датируется IV—III вв. до н. э.

[28] Аналогичной формы топоры были широко распространены в Абхазии в IV—III вв. до н. э. (*М. М. Трапш.* Ук. соч., рис. 4; *А. Н. Каландадзе.* Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1954, табл. VII).

[29] Аналогичные бронзовые браслеты встречены и в других пунктах Абхазии в сочетании с инвентарем IV—I вв. до н. э. (*М. М. Трапш.* Ук. соч., табл. XXXIV, *10—12*, XXXVIII, *4* и др.).

[30] *Ю. Н. Воронов. А. С. Вознюк, В. А. Юшин.* Апуштинский могильник IV—VI вв в Абхазии. СА, 1970, 1, стр. 188, рис. 16, *36*.

Критика и библиография

Henri de Lumley — Woodyear. Le Paléolithique inférieur et moyen du Midi Méditerranéen dans son cadre géologique. v. II. Bas — Languedoc — Roussillon — Catalogne. V supplément à «Gallia préhistoire», 443 pages, 10 tabl., 300 fig. Paris, 1971.

Выходом в свет второго тома монографии Анри де Люмлея завершена публикация обширных материалов по раннему и среднему палеолиту северного побережья Средиземного моря. В научный оборот введены сведения о 322 палеолитических памятниках, причем многие из них являются многослойными.

Второй том построен так же, как и первый [1]. Разделение на главы сделано по природным регионам: гл. VI — Гарригю дю Гар (51 стоянка), гл. VII — Гарригю де Эроль (31 стоянка), гл. VIII — бассейн рек побережья Битерруа (31 стоянка), гл. IX — Нижний Лангедок (21 стоянка), гл. X — Руссильон (французская Каталония — 12 стоянок), гл. XI — испанская Каталония (13 стоянок). Общий итог и теоретические представления автора о характере развития палеолитических индустрий в исследуемом районе изложены в гл. XII. Монография снабжена обширным списком использованной литературы, состоящим из 901 работы, и четырьмя указателями: местонахождений, видов флоры и фауны, фамилий исследователей и кумулятивных графиков, охватывающих оба тома.

Значительная часть публикуемых материалов добыта в результате полевых исследований самого автора в последние 15 лет. Поэтому А. де Люмлей свободно владеет всей информацией и излагает сведения о памятниках достаточно емко, широко используя данные естественных наук. К сожалению, лаконизм изложения, характерный для всей работы, иногда бывает чрезмерным, что заставляет читателей для получения более полных представлений о некоторых памятниках обращаться к специальным статьям, разбросанным по разным журналам.

Несомненным упущением автора является также отсутствие данных об абсолютном числе предметов, собранных в различных памятниках и в различных слоях [2]. Такие цифры приведены только для немногих местонахождений. Вместе с тем именно абсолютные показатели каменного инвентаря и фауны дали бы возможность другим исследователям оценить значение многих количественных различий, на которых основывается А. де Люмлей при выделении разных индустрий. Замена абсолютных показателей общим типологическим списком, введенным Ф. Бордом, и кумулятивными графиками делает дальнейшую статистическую обработку типологических данных невозможной. К тому же в этом списке и в графиках не находят отражения новые типы орудий, выделяемые А. де Люмлеем, а ведь именно они важны для характеристики особенностей развития культуры в данном регионе по сравнению с другими.

Несмотря на эти недостатки, монография А. де Люмлея представляет исключительный интерес [3]. Автору удалось установить почти все звенья в развитии древнего палеолита на территории Европы, начиная с верхнего виллафранка (грот Валлоне). Благоприятные природные условия на всем протяжении плейстоцена способствовали тому, что северное побережье Средиземного моря было занято палеолитическим человеком без перерывов. Большое количество находок и четкое стратиграфическое обоснование их геологического возраста позволило А. де Люмлею восстановить сложную картину развития материальной культуры и возникновения различных социальных явлений от миндельской эпохи вплоть до начала позднего

[1] *Н. Д. Праслов.* Рецензия на I том той же работы. СА, 1971, 4, стр. 280—282.
[2] См. рецензию П. Мелларса на эту же книгу. PPS 38, December 1972, p. 417—418.
[3] Рецензия С. Венцла на эту же книгу. PA, LXIII, 1972, 2, S. 531—532.

палеолита около 35 тыс. лет тому назад. По мнению автора, на исследуемой территории уже в минделе фиксируется широкое расселение древних людей, на что указывают такие местонахождения, как Терра Амата, Бельгийский бульвар в Монако, грот Эскаль, серия I из Битерруа, находки на 20-метровой террасе в Марсей-летт и др. Имеются факты использования или, как полагает А. де Люмлей, освоения огня (Терра Амата, Эскаль). Огонь становится центром объединения людей и способствует усовершенствованию социальной структуры: «индивидуальный антропогенез переходит в коллективный» (стр. 353). К сожалению, наши знания об этой эпохе остаются еще явно недостаточными. Не обнаружены пока находки и в миндель-рисских отложениях.

Более выразительные и более убедительные факты представлены рисскими памятниками. Следы жизни и деятельности рисских палеоантропов прослежены как на открытом воздухе, так и в скальных убежищах. По мнению А. де Люмлея, в ряде гротов (Бом Бонн, Лазаре), выгораживаются жилые площадки овальных очертаний длиной в 5 *м* при ширине примерно в 2,5 *м*, отделенные от остальной части естественного убежища искусственными сооружениями, напоминающими хижины. В отдельных случаях пол таких хижин для изоляции от сырости покрывался гальками (Бом Бонн). В гроте Ригаб зафиксировано ограждение очага камнями. На открытом воздухе возникают целые поселки (Ле Саблон, Гро де Пейроль, Фонтареш). Не со всеми реконструкциями А. де Люмлея можно согласиться. Но несомненным остается то, что социальная жизнь первобытного человечества стала более сложной. Это подтверждается тем, что уже в самом начале рисского оледенения появляется леваллуазская техника расщепления камня (серия II Битерруа) и происходит сложение устойчивых типов индустрий: ашельской, тейякской (или прото-шарантской) и эвенозийской. А. де Люмлей полагает, что эти типы индустрий отражают отдельные самостоятельные этнические группы первобытного человечества, эволюция которых идет медленно на протяжении всего рисса, т. е. от 200 тыс. лет до 120 тыс. лет, без каких-либо взаимовлияний (стр. 354, 355). Думается, что подобная интерпретация разных типов индустрий в рамках древнего палеолита слишком гипотетична и преждевременна. Сейчас необходимо сосредоточить внимание на обосновании различий между данными индустриями, поскольку, если разница между ашелем и тейяком достаточно выразительна, то эвенозийская индустрия отличается от тейякской недостаточным количеством признаков. Нужно учесть еще и то, что все эти индустрии сосуществуют в одном регионе.

Большой интерес представляет открытие в целом ряде хорошо датированных рисских памятников комплексов каменных изделий, почти не отличающихся от классических мустьерских (Бом Бонн, Кон дель Араго, Ригаб и др.). Особенно выразительны «прото-шарантские» комплексы Бом Бонна и Кон дель Араго, очень близкие по большинству типологических показателей к мустье типа Кина и Ферраси. Эти памятники как бы размывают границу между древним и средним палеолитом, делая совершенно неправомерным отнесение к среднему палеолиту только ранневюрмских мустьерских индустрий. Подобные индустрии продолжают существовать и в рисс-вюрмском межледниковье, когда начинает оформляться мустье с ашельской традицией наряду с развивающимися культурами пре-мустье.

В раннем вюрме (по французской схеме от 80 тыс. лет до 40 тыс. лет) плотность населения на исследуемой территории, по-видимому, значительно возросла. Площадь охотничьих лагерей увеличивается (более 60 *га* в Трекасат). Осваиваются не только удобные пещеры и гроты, но и небольшие скальные навесы. При помощи искусственного освещения люди проникают вглубь пещер до 400 *м* для совершения каких-то загадочных обрядов – бросания комками глины в скальную стену (пещера Базура в Лигурии). Искусственные комки глины найдены в отложениях вюрма I в гроте Мюре. В гроте Принца зафиксирована высокая пирамида из крупной щебенки, напоминающая таковую из рисского тейяка в Бом Бонне, а также пирамиды из мустье в Эль Геттар в Тунисе и из солютре в Верхнем Ложери. В гротах и пещерах, как и в риссе, по-прежнему выделяются жилые площадки, которые А. де Люмлей реконструирует как остатки хижин, овальные в плане (Мадонна дель Арма, Бом Бонн, Веррери) и в некоторых случаях с вымощенным полом (Санта Лючия). Богаче и разнообразнее становится каменный инвентарь. Только

в добрёрупском вюрме автор выделяет мустье пост-ашельское, 8 вариантов типичного мустье, мустье типа Монтгри, мустье с крупными заготовками и два архаичных шарантских (тип Ферраси и типа Кина). Хотя такое расчленение индустрий основано на формальных данных и вряд ли все эти типы индустрий оставлены «разными этническими группами», как полагает А. де Люмлей, но оно с несомненностью указывает на еще большее разнообразие, чем в предшествующие эпохи, подтверждая гипотезу Ф. Борда о разветвленном характере эволюции индустрий. В вюрме II зафиксировано 12 различных типов каменных индустрий. В это время начинает появляться дифференциация мест обитания на постоянные или основные поселения и более временные (вторичные) стоянки. Так, по указанию А. де Люмлея, шарантские памятники типа восточного Ферраси в конце вюрма II занимают район массива Люберон (основное поселение – Бом де Пейрард, вторичные стоянки – навес Скала, Кастелла, Крос, Гаргас) и ущелье Вердона (основное поселение – Бом Бонн, вторичные стоянки – Святой Максим, грот дю Лак, грот Созад). В то же время мустье типичное леваллуазской фации занимает ущелье Нэск и Воклюзские горы. Шарантские памятники типа Кина сохраняются в ущелье Гардона.

Весьма интересным является замечание А. де Люмлея о том, что почти на всем протяжении вюрма II культурные группы были как бы в застывшем состоянии и только в конце стадиала в связи с адаптацией к степным условиям прослеживается новый толчок к резкому разветвлению индустрий. Но не все группы населения, а только некоторые, наиболее приспособленные, смогли перейти в поздний палеолит (стр. 363). В начале вюрма III, когда почти во всей Европе появился Homo sapiens со своей позднепалеолитической техникой, в Бом Бонне продолжает существовать типичное мустье леваллуазской фации.

Большое значение для выяснения происхождения позднего палеолита в Западном Средиземноморье имеют находки каменных индустрий, которые датируются концом среднего палеолита, но в своем инвентаре имеют сочетание мустьерских и позднепалеолитических форм. Особенно важны такие памятники, как Сан Франческо и Бо дель Обезье, где отмечен не только высокий процент пластин (соответственно 36 и 29%), но и большое количество хороших концевых скребков и резцов. Здесь же встречены ножи с обушком, близкие шательперронским ножам.

Учитывая последние данные палеоантропологов, пришедших к выводу об известном сходстве Homo sapiens и неандертальцев [4], вряд ли можно согласиться с мнением А. де Люмлея о том, что последние мустьерцы были предметом охоты широко расселившихся в начале позднего палеолита Homo sapiens (стр. 364). Да, автор, по-видимому, и не будет настаивать на достоверности этой гипотезы, поскольку излагает ее в форме короткого замечания.

Как уже отмечалось, не со всеми положениями А. де Люмлея можно согласиться. Его двухтомная монография дает много оснований для споров. Но не столько для возражений, сколько для правильного осмысления процесса развития раннего и среднепалеолитической культуры древнейшего человечества. Автор монографии, хотя и пользуется типологическими разработками Ф. Борда, под давлением фактического материала пошел значительно дальше Ф. Борда в выделении и понимании типов индустрий. По всей работе чувствуется, что метод и типологический список Ф. Борда стали тесны талантливому исследователю палеолита А. де Люмлею и он вот-вот вырвется из этих крепких пут. Впрочем, своей сводной таблицей развития раннего и среднего палеолита на северном побережье Средиземного моря на фоне геологических и палеоклиматических изменений в плейстоцене (фиг. 300) он уже преодолел схематизм в понимании исторических процессов и по существу стал на правильный конкретно-исторический путь анализа древнейшего прошлого человечества.

Публикация огромного фактического материала, сделанная на высоком научном уровне, привлекает к монографии А. де Люмлея большой интерес и обеспечивает ей долгую жизнь. Без этой работы теперь не может обойтись ни один исследователь палеолита.

Н. Д. Праслов

[4] *E. Vlček.* Neandertaler der Tchechoslowakei. Prag, 1969, S. 247—255.

Domestikationsforschung und Geschichte der Haustiere. Internationales Symposium in Budapest, 1971. Herausgegeben von János Matolcsi. Akadémiai Kiadó. Budapest, 1973. 402 стр., 120 илл.

В рецензируемой книге напечатаны доклады, прочитанные на Международном симпозиуме по доместикации и ранней истории домашних животных, проходившем в рамках III Международного конгресса сельскохозяйственных музеев в Будапеште (апрель 1971). Конгресс был созван в связи с 75-летием Венгерского сельскохозяйственного музея.

В последние десятилетия повысился интерес к проблеме доместикации и истории домашних животных со стороны ученых разного профиля, в том числе зоологов, зоотехников, археологов и историков. Увеличивается темп развития археозоологии, разрабатывающей костные материалы, добытые при археологических раскопках, имеющие значение для изучения истории домашних животных. Все большее значение приобретает информирование широкого круга специалистов о новейших проблемах и результате исследования в данной области науки. Этому должно служить и опубликование рассматриваемого сборника.

В предисловии, составленном редактором книги Я. Матольчи, характеризуется организация симпозиума, состав его участников, проделанная работа и ее значение для исследования доместикации и истории домашних животных. В симпозиуме участвовали 78 специалистов из 18 стран Европы, Америки и Азии. Всего было заслушано 44 доклада. Советские исследователи в работе симпозиума, к сожалению, не участвовали.

Большое внимание на симпозиуме было уделено проблемам развития археозоологии, в частности вопросам усовершенствования и стандартизации применяемой методики. Симпозиум одобрил и поддержал инициативу А. фон ден Дриш и Х.-П. Юрпмана (ФРГ) по выработке проекта основ археозоологической методики. Назначена группа специалистов, которым разработанный проект должен быть представлен для критического рассмотрения и дополнения. Из СССР в эту группу вошли В. И. Бибикова и К. Л. Паавер. Другие рекомендации симпозиума касаются обмена информацией между исследователями, составления ежегодной библиографии работ по археозоологии истории домашних животных (составитель Х.-Х. Мюллер, ГДР), а также обзорного списка специалистов, работающих в данной области науки с указанием разрабатываемых ими тем (составительница А. Т. Клазон, Голландия).

В вводной статье Я. Матольчи, озаглавленной «Результаты и проблемы изучения домашних животных на международном симпозиуме в Будапеште», дан наряду с общей характеристикой работы Будапештского симпозиума также краткий обзор задач изучения истории домашних животных и современного состояния археозоологии.

В последние десятилетия отмечаются некоторые сдвиги в основных направлениях археологических исследований. Так, с начала 60-х годов наблюдается повышение интереса к проблеме изменчивости количественных признаков животных. Характерной чертой этого сдвига можно считать широкое применение популяционного подхода и внедрение биометрических методов в анализ остеометрических данных. Растет значение результатов сравнительно-остеологических исследований и остеометрического (в особенности аллометрического) анализа для различения в процессе определения материала остатков домашних животных и их диких предков. Из более частных вопросов, связанных с остеометрическим анализом костных остатков, рассматриваются определение величины тела (высоты в холке, веса) домашних животных по размерам костей, а также установление по ним индивидуального возраста особей. Знание величины тела использованных древним населением животных позволяет не только характеризовать географические, породные и другие различия, оценивать условия содержания животных и устанавливать тенденции изменения последних, но и вычислять приблизительно количество мяса, употребленного населением в тот или иной период существования памятника.

В статье указывается на необходимость учета при археозоологических работах биологического характера остеологических материалов и отмечается неоправданность одностороннего увлечения формально применяемыми статистическими приемами их анализа. В то же время Я. Матольки подчеркивает незаменимость ста-

тистических методов как при анализе и сравнении массовых палеофаунистических материалов из раскопок, так и при изучении изменчивости домашних животных. Этот вопрос приобретает еще большую актуальность в связи с расширяющимся использованием в археозоологии современной электронной техники, а также с разработкой специально для задач остеологической статистики вычислительных программ. Сделанные в этом направлении усилия (указываем, например, на опыт И.-Г. Гейвалля и его сотрудников в Швеции) являются весьма перспективными и оказывают большое влияние на усовершенствование археозоологической методики.

Основное содержание книги – вновь пересмотренные и несколько дополненные тексты 37 докладов на немецком, английском и французском языках. В статье В. Херре «Результаты современного изучения доместикации» рассматриваются основные аспекты зоологического подхода к проблеме. Х. Петш рассматривает происхождение домашней кошки, О.-Ф. Гандерт – распространение домашнего голубя севернее Альп, К. Оуэн — вопрос о доместикации хорька. Статьи Ш. Бёкёни и П. Дюкоса посвящены проблеме доместикации животных в Азии, а статья Б. Брентьеса – анализу причин доместикации и разных путей их изучения. Г. Нобис анализирует проблему происхождения домашней лошади и приходит к выводу, что ее предками следует считать разные популяции позднеплейстоценового вида Equus ferus Boddaert, 1785.

Часть докладов рассматривает биологические последствия одомашнения. М. Рёрс и Д. Круска описывают доместикационные изменения структур мозга разных видов. Г. Столь анализирует морфологические различия в строении щитовидной железы у диких и одомашненных южноамериканских мозоленогих, а Д. Фабиан – роль экспериментальной методики при изучении доместикации. М. Л. Райдер пишет о возможности использования морфологических признаков кожи и шерсти при изучении следующих за доместикацией изменений домашних животных. П. Дейли, Д. Перкинс и И. Дрю рассматривают влияние одомашнения на микроструктуру костей животных. Установленные ими различия в архитектонике костной ткани диких и одомашненных животных могут быть использованы для различения их остатков в материале из археологических раскопок.

Еще одна группа статей озаглавлена «Исследование первобытного и раннеисторического хозяйства». В статьях, помещенных в эту часть книги, уделяется много внимания вопросам животноводства, особенно в целях характеристики питания древнего населения. Х. Бэренс анализирует способы добывания пищи неолитическими обитателями средних районов Германии и приходит к выводу о смешанном характере их хозяйства (животноводство и полеводство). Дж. Мэррей рассматривает связь между характером животноводства и археологическими культурами Европы в период позднего неолита и указывает на перспективность изучения способов добывания пищи при исследовании развития общества. Х.-Х. Мюллер анализирует, как отражаются общественные отношения на составе палеофауны среднеевропейских археологических памятников второй половины I тысячелетия – начала II тысячелетия н. э.

Группа статей посвящена анализу фауны домашних животных и соотношению животноводства и охоты. Статьи И. Лепиксаара, Г. Маркова и Дж. Кой посвящены истории домашних животных соответственно Швеции, Болгарии и Греции. А. Боломей описывает использование млекопитающих в эпипалеолите и раннем неолите на территории Румынии. Б. Надь характеризует палеофауну археологических памятников Индии, обращая особое внимание на проблему доместикации. А. фон ден Дриш описывает климат, ландшафты и фауну Иберийского полуострова в эпоху металла, А. Т. Класон, М. Тейхерт и С. Хаймовичи характеризуют на археологическом материале соотношения охоты и животноводства в разных районах Европы.

В статьях И. Бёсснека, Р. Карайванова и А. Петрова, а также Я. Матольчи Л. Л. Фирюз рассматриваются изменчивость остеологических признаков субфоссильных лошадей различных районов и периодов. И. Бёсснек касается также находок плейстоценового осла с Иберийского полуострова. Вопросы истории и изменчивости быков анализируются в статьях К. Крысяка, А. Ласоты и И. Ковальчика, а также Х. Рейхштейна. Темой статей И. Орбани, как и Р. К. Балевской и А. Пет-

рова, является история породообразования домашней овцы. Статья И. Бодо посвящена селекции древних венгерских пород в степи Хортобаги.

Пять докладов посвящены вопросам методики археозоологических исследований. Д. Перкинс критикует традиционные методы количественного анализа костных материалов, добытых археологическими раскопками, и сообщает о проводимых в Колумбийском университете (США) исследованиях с целью выработки новых, более точных методов. Х.-П. Юрпман рассматривает методику анализа остеологического материала из поселений в целях изучения хозяйства их обитателей. Более детально останавливается он на комбинированном весовом методе. Б. А. Нодл рассматривает методику определения веса тела крупного рогатого скота по промерам костей. М. Кубасевичем представлен обзор археозоологических исследований, проведенных в Польше за последнюю четверть века. Охарактеризованы разнообразные методы, применяемые польскими археозоологами при количественном анализе массового материала, в частности весовой метод определения количества мяса, полученного от утилизированных животных, Б. Лоренс обсуждает проблему сравнения остатков животных из разных местонахождений и подчеркивает необходимость создания более объективных основ для этого путем уточнения и стандартизации применяемых методов.

В целом статьи рассматриваемого сборника представляют большой интерес, так как вводят в науку новые данные, оригинальные взгляды и методы работы. Нет сомнения, что публикация материалов Будапештского симпозиума окажет стимулирующее влияние на исследование проблем доместикации и истории домашних животных, а также на дальнейшее развитие археозоологических исследований, ведущихся уже во многих странах.

В заключение необходимо отметить прекрасное полиграфическое выполнение книги. Она богато иллюстрирована хорошими рисунками и фотографиями.

К. Л. Паавер

М. М. Трапш. Избранные труды в четырех томах. Тома I—III. «Алашара». Сухуми, 1969—1971.

Зимой 1968 г. неожиданно скончался известный абхазский археолог Михаил Маметович Трапш. Последние годы своей жизни М. М. Трапш много работал над несколькими темами, связанными с историей древней, античной и средневековой Абхазии. Им проводились полевые исследования в районе городов Сухуми, Гудаута и в абхазских предгорьях. В итоге всех этих работ М. М. Трапш написал несколько монографий и статей, которые так и не успел издать. Эти работы выполнены очень тщательно и имеют большое значение для древней и средневековой истории Западного Кавказа.

Сразу же после смерти М. М. Трапша Совет Министров Абхазии принял решение об издании его научного наследия. Специально созданная редакционная коллегия отобрала наиболее ценные рукописи для издания трудов М. М. Трапша в четырех томах. Сейчас перед нами лежат уже три тома, подготовленные к печати А. Х. Халиковым, другом покойного, и О. Д. Лордкипанидзе. Изданы они Абхазским институтом языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР.

Первый том трудов М. М. Трапша посвящен памятникам эпохи бронзы и раннего железа Абхазии. Он состоит из трех частей и краткой биографии покойного ученого, написанной Л. Н. Соловьевым и А. Х. Халиковым.

Первая часть тома «Археологические памятники Абхазии, их изучение и охрана» начинается с небольшого раздела, посвященного археологическим исследованиям Абхазии до 1921 г. Данный раздел, судя по сноске, написан самим М. М. Трапшем и является частью его неопубликованной работы 1953 г. «Очерки по археологии Абхазии». К сожалению, в том включены всего три страницы из этой рукописи и читатель остается в неведении о дальнейшей судьбе всей этой монографии. Дело в том, что последующие страницы данного раздела написаны М. М. Трапшем в со-

авторстве с Л. Н. Соловьевым и уже были опубликованы в виде самостоятельной работы [1]. В их статье дана краткая характеристика результатов археологических исследований Абхазии по темам: первобытность, античное время и Абхазия в период средневековья.

Вторая часть «Первобытнообщинный строй и рабовладельческие отношения на территории Абхазии» включает две главы, взятые из коллективной и уже опубликованной работы (авторы М. М. Трапш, З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-Ипа) [2]. Данная статья представляет собой краткое обобщение археологических, исторических и этнографических материалов. Текст ее рассчитан на широкий круг читателей, поэтому он изобилует всевозможными пояснениями (например, что древнекаменный век – это палеолит, что ашель «непосредственно следует за шеллем» и т. д.). По нашему мнению, вряд ли было целесообразно включать в том избранных трудов М. М. Трапша, составленных в основном из работ исследовательского характера, научно-популярные статьи, к тому же опубликованные и написанные в соавторстве.

Третья часть является самой большой в данном томе. Она называется «Памятники колхидской культуры в Абхазии» и состоит из двух самостоятельных разделов. Первый резделл – уже известная читателям монография М. М. Трапша «Памятники колхидской и скифской культур в с. Куланурхва Абхазской АССР» [3]. Она посвящена материалам некрополя, обследованного М. М. Трапшем в с. Куланурхва. Здесь было раскопано 12 погребений. Девять из них содержали богатый инвентарь, характеризующий колхидскую культуру VIII—VI вв. до н. э. Три погребения дали материал скифского облика. В одном из этих погребений было обнаружено захоронение коня с бронзовыми удилами скифского типа.

Данная работа, выполненная с той тщательностью, которая вообще характерна для М. М. Трапша, является очень важной. В ней даются основные черты колхидской культуры, устанавливаются связи местных племен с населением скифского времени Прикубанья и Приднепровья. Особенно детально автор останавливается на хронологии колхидской культуры. Включение данной работы в том «Трудов» М. М. Трапша вполне оправдано, так как ее первое издание (1000 экз.) давно стало библиографической редкостью.

Последний раздел первого тома посвящен кладам и отдельным находкам. Особенно интересен клад, найденный в городе Гали. Здесь в глиняном сосуде были обнаружены бронзовые и медные слитки, обломки изделий и забракованные топоры. Все эти предметы, являясь кладом литейщика, могут быть датированы приблизительно серединой II тысячелетия до н. э. Формы топоров, близкие северокавказским, свидетельствуют, как справедливо указывает М. М. Трапш, о связях племен, населявших в древности Абхазию, с более северными центрами металлургии и металлообработки. Интересен и другой клад – из сел. Лыхны, где было найдено 40 топоров, относящихся к колхидской культуре, но один из них имеет ранний, новосвободненский облик. Если сведения, полученные М. М. Трапшем о составе клада, верны, то придется признать, что в эпоху бытования колхидской культуры все еще употреблялись очень ранние типы топоров с круглой проушиной.

Второй том «Трудов» М. М. Трапша целиком занят монографией «Древней Сухуми», материалы к которой он собирал начиная с 1951 г. В качестве введения к этой работе редакция сочла возможным поместить карту археологических памятников доантичного и античного времени, обнаруженные в Сухуми и его окрестностях. М. М. Трапш упоминает в ней 40 местонахождений: здесь и могильники колхидской культуры, поселения, городища и отдельные находки.

Основной текст работы открывается описанием и интерпретацией некрополя Гуадиху. Автор в данной главе дает детальное описание «старшей» части могильника, т. е. более древней его части, относящейся к колхидской культуре. Им сделаны не только описания погребений, но и подробный анализ погребального обряда и инвентаря по категориям находок. Все это дано на широком фоне, в качестве

[1] Сборник «Под знаменем Октября». Сухуми, 1968.

[2] «Очерки истории Абхазской АССР». Сухуми, 1960.

[3] *М. М. Трапш.* Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. Абгосиздат, Сухуми, 1962.

аналогий привлечены материалы Передней Азии и юга СССР (в том числе Северного Кавказа). В силу спорности датировки колхидской культуры специальный раздел посвящен и этому вопросу. В нем автор убедительно датирует «старшую группу» могильника VIII—VII вв. до н. э.

К сожалению, в работе детально ничего не говорится о культурном слое, по-видимому, энеолитического времени, который перерезали погребения этого могильника. А данные материалы представляют большой интерес для иллюстраций преемственности в развитии местных культур с эпохи раннего металла до появления железа.

Глава II посвящена Красномаяцкому могильнику IX—VI вв. до н. э. Материалы его наиболее древней части, собранные из 104 могил, описаны очень тщательно. Основной инвентарь могильника как бы дополняет и уточняет те выводы, которые позволил сделать могильник Гуадиху. Укажем, что в Красномаяцком могильнике инвентарь, идентичный гуадихскому, найден в могилах с обрядом вторичных захоронений. М. М. Трапш считает, что все три обряда (трупоположения, кремации и вторичных погребений) могли сосуществовать и бытовать в разных, но этнически родственных группах. С этим можно вполне согласиться, так как в погребальном обряде могли получить отражение социальные и возрастные различия членов общества. Правда, автор привлекает для уточнения истории возникновения некоторых погребальных обрядов слишком широкие аналогии и иногда не совсем правильно датирует отдельные погребальные комплексы (так, погребения хутора Новые Арашти в Чечне, привлеченные в качестве аналогии, он относит к неолиту, хотя они датируются Р. М. Мунчаевым ранней бронзой).

Описанные М. М. Трапшем могильники свидетельствуют, что на месте современного Сухуми, задолго до возникновения древнего города, жило оседлое население. Социально-экономический и культурный уровень его как бы подготовил почву для возникновения городского поселения. Именно этому поселению и посвящена третья глава книги. По мнению автора, греческий город — колония Диоскурия — Себастополис, а позже Цхуми — Акуа — Сухуми не случайно возникает на берегу удобной для мореходства бухты, в месте сосредоточения колхидских племен, достигших для своего времени высокого культурного уровня. В этом разделе М. М. Трапш детально останавливается на вопросе отождествления Диоскурии с более поздними городами Себастополис — Цхуми — Сухуми, разбирает этимологию этих названий и уделяет большое внимание анализу археологических находок, которые позволяют ему конкретизировать время возникновения греческого города. Эти материалы дают возможность изучить экономику Диоскурии, занятия ее жителей.

В последующих главах М. М. Трапшем дана подробная характеристика материалов «младших» групп могильников Гуадиху и Красный маяк, которые иллюстрируют культуру местного населения, подвергшегося влиянию греческого города, но сохранивших древнеколхидские черты.

Последняя глава книги посвящена памятникам позднеантичного (римского) времени Себастополиса — Сухуми. Эта работа М. М. Трапша является первой капитальной монографией, посвященной специально археологии и истории одного из крупных причерноморских городов античного мира — Сухуми. Публикация этой работы М. М. Трапша заполнила существенный пробел в изучении Причерноморья в эпоху античности и раннего средневековья, а описанные им более древние памятники весьма важны для специалистов, изучающих эпоху поздней бронзы Кавказа.

Третий том трудов М. М. Трапша состоит из монографии «Культура Цебельдинских некрополей», посвященной нескольким раннесредневековым могильникам, обследованным автором в 1960—1963 гг. Эти некрополи расположены в горной Абхазии, недалеко от Цебельдинской крепости, упоминаемой еще Прокопием Кесарийским. Здесь в четырех могильниках было изучено 90 погребений (с обрядом трупоположения, кремации, а также отдельные конские захоронения). Они позволили собрать большую коллекцию различных предметов, которые, несомненно, будут иметь важное значение при решении вопросов хронологии позднеантичных — раннесредневековых культур Северо-Восточного Причерноморья.

Основной задачей монографии, по словам ее автора, «является прежде всего возможно полное введение в научный оборот вещественного материала Цебельдинских некрополей». Однако работа этим не ограничивается. В монографии дан тщательный анализ погребальных обрядов, что позволило ее автору поставить вопрос о выделении в Западном Закавказье особой цебельдинской культуры. Она проявляет генетическую связь с местными культурами эпохи бронзы – раннего железа и античности. Картографирование ее памятников и привлечение письменных источников позволило М. М. Трапшу связывать цебельдинскую культуру с одним из древнеабхазских племен – апсилами. Хронологические рамки Цебельдинских некрополей определены автором в пределах II–V вв. н. э. В этом отрезке времени выделены шесть этапов, к которым относятся отдельные группы погребений из разных некрополей. Однако нам кажется, что раздел, посвященный хронологии цебельдинской культуры, а также разделы, указывающие на ее связи как с соседними культурами, так и с далеким миром черняховской культуры и с сарматскими племенами степной полосы Юго-Восточной Европы, в монографии М. М. Трапша разработаны еще не вполне достаточно. Это должны сделать его преемники.

Рецензируемые тома «Трудов» покойного М. М. Трапша, к сожалению, содержат опечатки, неправильные ссылки на рисунки и другие погрешности, что снижает качество выпущенных книг.

В. В. Бжания, В. И. Марковин

В. С. Стоколос. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., «Наука», 1972, 168 стр. с илл.

Небольшая книжка В. С. Стоколоса (10 печ. листов) – важный и долгожданный шаг вперед в разработке классификации андроновской культуры. Периодизация андроновской культуры (первый этап – федоровский, второй – алакульский, третий – замараевский), предложенная К. В. Сальниковым для Южного Зауралья в 40–50-х годах [1], получившая широкую известность и распространенная затем на территорию почти всего Казахстана и Сибири [2], давно уже вызывала сомнения исследователей. Достаточно сказать, что даже ее сторонники испытывали значительные трудности при попытке отнести некоторые памятники к тому или иному «этапу» К. В. Сальникова. Так, могильник Биырек-коль в Северном Казахстане, содержавший керамику и федоровского и алакульского типа и соответственно федоровский и алакульский обряд погребения, отнесен А. М. Оразбаевым к переходному федоровско-алакульскому времени [3], а могильники Канаттас и Карасай в Центральном Казахстане, где также федоровский тип керамики и обряд погребения сочетаются с алакульской керамикой и обрядом погребения, отнесены: первый к нуринскому этапу (соответствующий федоровскому), а второй к атасускому (соответствующий алакульскому) [4]. Серьезный удар классификации К. В. Сальникова был

[1] *К. В. Сальников.* К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья. Первое Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948; *его же.* Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, 21, 1951.

[2] *А. М. Оразбаев.* Северный Казахстан в эпоху бронзы. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 5, Алма-Ата, 1958; *М. К. Кадырбаев.* Могильник Сангуыр II. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 12, Алма-Ата, 1959; *М. Н. Комарова.* Относительная хронология памятников андроновской культуры. АСбГЭ, 5. Л., 1962. М. Н. Комарова даже считает, что отсутствие памятников алакульского типа на Оби и Енисее, а федоровского типа в Кустанайском районе и Западном Казахстане говорит лишь о недостаточной археологической изученности этих районов, а не о том, что федоровские и алакульские памятники располагались на разных территориях (*М. Н. Комарова.* Ук. соч., стр. 53); при этом она считает, что на Енисее алакульские памятники должны быть потому, что между андроновскими памятниками федоровского типа и памятниками карасукскими слишком большие различия, а алакульские могли бы послужить связующим звеном (там же, стр. 69–70). Однако из чего следует, что карасукские памятники вообще должны быть похожи на андроновские?

[3] *А. М. Оразбаев.* Ук. соч., стр. 246–247.

[4] *А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 62, 82–86, 116–117, 279, табл. LVIII, *10, 11.*

нанесен Э. А. Федоровой-Давыдовой, нашедшей в 1957 г. сосуды федоровского и алакульского типа вместе с копьем сейминского типа в одной и той же могиле кургана № 1 могильника Близнецы у с. Кумак на р. Илеке (Оренбургская обл.) [5]. Э. А. Федорова-Давыдова сделала отсюда вывод о сосуществовании федоровских и алакульских памятников в Южном Приуралье [6].

Вследствие этих открытий стало распространяться мнение, что схема К. В. Сальникова неприложима к территориям, расположенным за пределами Южного Зауралья, но для Южного Зауралья она справедлива [7]. Работы В. С. Стоколоса с материалами Южного Зауралья, обобщенные в рецензируемой книге, лишают схему К. В. Сальникова ее последней опоры.

Ведя раскопки на этой территории, В. С. Стоколос убедился, что и здесь его данные несовместимы с классификацией К. В. Сальникова [8], что и заставило его критически подойти к этой классификации. Эта критическая часть представляется наиболее важной в книге В. С. Стоколоса, она прекрасно обоснована материалами собственных его раскопок и материалами раскопок К. В. Сальникова, проработанными со всей возможной тщательностью. Рассмотрение материалов Замараева и Кипельского селища — памятников, на которых К. В. Сальников и основал свою классификацию,— показало, что в этих памятниках стратиграфия отсутствует; в очаге кипельского жилища сосуды федоровского «этапа» найдены вместе с сосудами алакульского «этапа», а в шести очагах жилища в Замараеве найдены совместно сосуды всех трех «этапов» [9].

Параллельно В. С. Стоколос пересмотрел периодизацию памятников черкаскульского типа, «лесного андрона», как его называл К. В. Сальников. В соответствии с периодизацией «степного андрона» памятники черкаскульского типа были разбиты К. В. Сальниковым также на три хронологических этапа: черкаскульский, межовский и березовский, даты которых соответствуют датам этапов «степного андрона». К. В. Сальников обосновывал эту периодизацию стратиграфией поселения Черкаскуль II и сходством форм и орнаментов черкаскульской керамики с формами и орнаментами федоровской керамики [10]. В. С. Стоколос, подробно изучив формы, профили и виды орнаментов керамики поселения Черкаскуль II и сопоставив признаки, выделеные К. В. Сальниковым для характеристики керамики черкаскульского и межовского «этапов», убедительно показал, что большинство признаков, которые, по К. В. Сальникову, характеризуют черкаскульский «этап», характерны и для керамики межовского «этапа» (из 12 признаков, свойственных, по К. В. Сальникову, черкаскульской керамике, 9 характерны и для межовской; из остальных 3 признаков 2 относятся к числу нехарактерных) и что поселение Черкаскуль II следует считать однослойным, но существовавшим более или менее длительный срок (может быть, несколько десятков лет), в течение которых керамика несколько видоизменилась [11].

Затем В. С. Стоколос провел сравнение керамики «лесного» и «степного» андрона (памятники черкаскульского и замараевского типа), подробно рассмотрев все орнаменты керамики. При этом выяснилось, что из 29 элементов орнамента, украшающих керамику поселения Черкаскуль II, 25 характерны и для керамики поселения Замараево; более того, 15 элементов орнамента на поселениях Черкаскуль II и Замараево встречены в почти одинаковых процентах [12]. Сходство керамики черкаскульской и замараевской проявляется и в технике нанесения орнамента,

---

[5] *Э. А. Федорова-Давыдова.* Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. (К вопросу о периодизации андроновской культуры). ТГИМ, т. 37, 1960, стр. 56—59.

[6] Там же, стр. 59.

[7] *С. С. Черников.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, стр. 92.

[8] *В. С. Стоколос.* Памятник эпохи бронзы — могильник Черняки II. Уч. зап. ПГУ, 191. Пермь, 1968, стр. 215, 218—219.

[9] *В. С. Стоколос.* Ук. соч., стр. 72—80, 96—100; *его же.* О стратиграфии поселения Кипель. СА, 1970, № 3, стр. 193—197.

[10] *К. В. Сальников.* Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы. ВАУ, 6, Свердловск, 1964, стр. 17, 20; *его же.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 356—364.

[11] *В. С. Стоколос.* Культура населения..., стр. 68—70.

[12] Там же, стр. 71, рис. 27.

и в формах сосудов. Все это позволило В. С. Стоколосу сделать вывод о большом сходстве или даже идентичности черкаскульского и замараевского керамических комплексов [13]. Однако из этого следует, что черкаскульский комплекс относится к тому же времени, что и замараевский, т. е. к концу бронзового века, а не к XVIII в. до н. э., как его датировал К. В. Сальников. В. С. Стоколос подтверждает свой вывод и рассмотрением обоснования этой абсолютной даты. Дата XVIII в. до н. э. для черкаскульского «этапа» предложена К. В. Сальниковым на основании сходства черкаскульской керамики с федоровской, а в погребении с федоровской керамикой из Смолино был найден наконечник стрелы с длинной втулкой, который К. В. Сальников датировал XVIII в. до н. э., приводя в качестве аналогий ему балановские копья [14]. В. С. Стоколос совершенно справедливо отвергает эти сопоставления и приводит ближайшую параллель смолинскому наконечнику — стрелы из Новочеркасского клада VIII—VII вв. до н. э. [15] (Следует добавить, что такие стрелы хорошо известны и в других памятниках VIII—VII вв. до н. э.: в Симферопольском погребении, Бутенках и др.) [16]. Эта поздняя дата черкаскульской и федоровской керамики хорошо подкрепляется стратиграфическими и планиграфическими наблюдениями В. С. Стоколоса на целом ряде памятников Зауралья, где федоровская керамика в качестве небольшой примеси постоянно сопровождает позднюю керамику типа Замараева и Алексеевки (селище у Спасского моста, Нижне-Спасское, Алексеевское, Замараево, Ново-Бурино, Черкаскуль II, Новая III), а алакульская керамика — более ранняя по данным планиграфии (на поселении Черняки II вначале отложился слой с алакульской керамикой, а затем с федоровской и замараевской). В. С. Стоколос справедливо указывает на то, что и за пределами Южного Зауралья федоровская керамика встречается в поздних комплексах (поселения Атасу, Бугулы II, Каркаралинск, Улутау в Центральном Казахстане; поселения Малокрасноярска и Трушниково в Восточном Казахстане; еловские памятники Западной Сибири) [17]. На основании всех этих данных В. С. Стоколос приходит к обоснованному выводу о том, что алакульские памятники являются более ранними, а замараевско-черкаскульские и федоровские — более поздними. (Отметим здесь, что, несомненно, под влиянием работы В. С. Стоколоса, защищенной в качестве кандидатской диссертации в 1968 г., некоторые авторы, как Е. Е. Кузьмина, ранее придерживавшиеся схемы К. В. Сальникова, теперь изменили свои взгляды и датируют памятники федоровского типа концом эпохи бронзы, приводя для доказательства этой даты те же бронзовые наконечники стрел из Смолино и Межовского поселения, которые приводил и В. С. Стоколос [18]).

Не менее важен вывод В. С. Стоколоса о том, что алакульские и федоровские памятники расположены в основном на различных территориях: алакульские памятники занимают Южное Зауралье, Оренбуржье и бóльшую часть Казахстана, а федоровские — территорию к востоку от Ишима. Смешанные алакульско-федоровские памятники расположены в междуречье Ишима и Иртыша, южнее Петропавловска и на Нуре (карта на стр. 55). Этот же вывод ранее сделан С. В. Зотовой, на основании изучения андроновских орнаментов разделившей андроновские памятники на андроновско-федоровские и алакульско-карагандинские; сравнивая «ковровые» орнаменты андроновской керамики с орнаментами настоящих ковров и плетений, она пришла к выводу, что федоровские и алакульские орнаменты восходят к разным видам плетений [19].

---

[13] Там же, стр. 82—86.

[14] *К. В. Сальников.* Очерки..., стр. 358, 314—315, 325.

[15] *В. С. Стоколос.* Культура населения..., стр. 123.

[16] *А. А. Щепинский.* Погребение начала железного века у Симферополя. КСИА АН УССР, 12, 1962, стр. 59, рис. 3, 2—7, 10—25; *Г. Т. Ковпаненко.* Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворсклы. Там же, стр. 68, рис. 1.

[17] *В. С. Стоколос.* Культура населения..., стр. 122.

[18] *Е. Е. Кузьмина.* Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале. Сб. «Проблемы археологии Урала и Сибири». М., 1973, стр. 162—164.

[19] *С. В. Зотова.* Ковровые орнаменты андроновской керамики. МИА, 130, 1965, стр. 181.

Менее убедительной представляется относительная хронология алакульских памятников, данная В. С. Стоколосом. В основу ее положено рассмотрение орнаментов алакульских памятников и ориентировка погребенных [20]. Исходя из поздней даты черкаскульской культуры, В. С. Стоколос наиболее поздними считает алакульские памятники с примесью черкаскульских элементов, а наиболее ранними — алакульские памятники без такой примеси. Однако, если исходить из предположения, что различные культуры могут сосуществовать на одной территории (а В. С. Стоколос исходит из этого предположения), то черкаскульская примесь в алакульских памятниках — совсем не обязательно хронологический признак: памятники без черкаскульской примеси могут быть просто не затронуты черкаскульским влиянием. Еще менее надежный хронологический признак — ориентировка погребенных. Преобладание той или иной ориентировки в могильнике может объясняться самыми разными причинами: локальными особенностями и т. п. К недостаткам книги относится и то, что В. С. Стоколос нигде специально не рассматривает памятники федоровского типа; между тем рассмотрение их позволило бы автору более убедительно обосновать вывод о поздней дате федоровской керамики и ее отношении к местным зауральским культурам.

Наконец, слабым местом книги являются абсолютные даты. Предлагая их, В. С. Стоколос ссылается на различных авторов, следовавших разным хронологическим системам. Так, для Сосново-Мазинского клада В. С. Стоколос сначала указывает дату IX—VIII вв. до н. э. (вслед за О. А. Кривцовой-Граковой, следовавшей системе А. М. Таллгрена — В. А. Городцова), а несколькими строками ниже — XIII—XI вв. до н. э. (по Н. Я. Мерперту) [21]. Ниже, касаясь даты абашевской культуры в связи с абашевским влиянием на андроновскую керамику алакульского типа, В. С. Стоколос снова отвергает ранние даты К. В. Сальникова для раннего этапа абашевской культуры XV—XIV вв. до н. э. (опирающиеся на «длинную» хронологию Н. Я. Мерперта) [22] и принимает даты XII—XI вв. до н. э., по «короткой» хронологии В. А. Сафронова [23]. Наконец, на стр. 125 В. С. Стоколос снова принимат «длинную» хронологию Н. Я. Мерперта, требуя удревнения даты могильника Кокча-3. Если бы В. С. Стоколос твердо следовал одной из двух систем, предложенных сейчас для хронологии позднего бронзового века Восточной Европы — длинной или короткой, — то значительно убедительнее выглядели бы абсолютные даты в разделе его книги «Хронология алакульских памятников» [24]. Однако предложенная В. С. Стоколосом убедительная относительная датировка андроновских памятников федоровского, алакульского и замараевского типа, а также черкаскульских памятников уже и сейчас требует пересмотра многих прежних представлений о датах и происхождении не только андроновской культуры, но и целого ряда других культур, близких к андроновской или связанных с ней. В этом и состоит значение этой важной книги; разработка абсолютной хронологии андроновской культуры — дальнейшая задача ее автора. Большая самостоятельность выводов, опирающихся всегда на скрупулезно проработанный материал обширной территории, выгодно отличает ее от иных работ, построенных на поверхностном изучении небольшого района или стремящихся найти некую среднюю между крайними точками зрения, и выдвигает ее в число лучших работ современного уровня нашей науки.

Н. Л. Членова

---

[20] *В. С. Стоколос.* Культура населения..., стр. 106—126.
[21] Там же, стр. 94.
[22] *К. В. Сальников.* Очерки..., стр. 107, 109.
[23] *В. С. Стоколос.* Культура населения..., стр. 119—120.
[24] Там же, стр. 130—132.

О. А. Вишневская. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII — V вв. до н. э. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. VIII, М., 1973.

Раскопки могильника Уйгарак в низовьях Сырдарьи, осуществленные Хорезмской экспедицией под руководством О. А. Вишневской, явились важным событием в скифской археологии. Результатам этих работ посвящена рецензируемая книга. Значение этого исследования трудно переоценить, поскольку оно позволяет перейти от спекулятивных и умозрительных построений о происхождении скифской культуры и евразийского звериного стиля к конкретному анализу материала, заполняющего, наконец, лакуну между Причерноморьем и Сибирью, с одной стороны, и между евразийской степной зоной и цивилизациями Ирана и Средней Азии — с другой.

Полевые работы были проведены на высоком методическом уровне, что позволило проследить все детали погребального обряда и сделать ряд ценных наблюдений. В главах I и II дана характеристика погребальных комплексов и обряда. Глава III содержит анализ материальной культуры могильника, глава IV — предметов звериного стиля. Классификация инвентаря дана очень четко, круг привлекаемых аналогий достаточно широк, причем отобраны комплексы и типы, имеющие решающее значение для установления эволюции и хронологии культуры.

В главе V определяется возраст погребений на основе тщательного анализа, проведенного в предшествующих главах. Этот заключительный раздел исследования характеризуется объективностью и осторожностью, с которой автор подходит к решению вопросов хронологии, все еще остающихся весьма спорными, и, избегая крайних точек зрения, датирует могильник VII—V в. до н. э., относя большую часть погребений к VII—VI в. до н. э. и выделяя среди них более раннюю группу. Предложенное О. А. Вишневской распределение комплексов по шкале относительной хронологии надежно аргументировано. Что касается абсолютной хронологии, то здесь также не может быть выдвинуто серьезных возражений, поскольку автор часто пользуется осторожным заключением «не позднее VI в. до н. э.». Однако если верхний рубеж комплексов в большинстве случаев строго обоснован, то вопрос о нижней дате иногда остается открытым. Отметив при анализе отдельных типов их возможный возраст VIII — VII в. до н. э. на основании причерноморских параллелей, автор в заключении отбрасывает ранние даты. Этого никак нельзя поставить в вину О. А. Вишневской, поскольку, во-первых, хронология предскифского периода — все еще объект острых дискуссий, и, во-вторых рискованно безоговорочно переносить даты отдельных типов из Причерноморья в Приаралье, учитывая, что темп развития в двух столь удаленных ареалах мог быть различен.

Однако, если провести сравнение с другими территориями не по отдельным элементам культуры, которые могли в разных регионах бытовать в разное время, а сопоставить комплексы и выделить взаимовстречающиеся группы вещей, то это даст основание для их синхронизации. Если корреспондирующие комплексы локализуются на широкой территории и повсеместно составляющие их типы вещей существуют лишь короткий отрезок времени, это делает синхронизацию еще более надежной.

Особенно перспективно рассмотрение в комплексах других территорий взаимовстречаемости стрел, удил, псалиев, некоторых типов оружия и украшений, находящих аналогии в уйгаракских погребениях.

Важнейшее значение имеет комплекс, открытый М. П. Грязновым в кургане Аржан в Туве. Целый ряд найденных здесь типов вещей находит аналогии в ранних могилах Уйгарака. Это стремечковидные удила, в том числе с дополнительными отверстиями, архаические втульчатые стрелы, каменные застежки. М. П. Грязнов датирует курган VIII в. до н. э.[1].

---

[1] *М. П. Грязнов, М. Х. Маннай-оол.* Аржан — царский курган раннескифского времени в Туве. АО—1971, М., 1972, стр. 243—246.

В Запорожье, в богатом кургане Высокая могила [2], найдены архаичный кинжал, втульчатые двухлопастные башневидные стрелы типа Малой Цимбалки, отодвигающие дату комплекса к концу VIII — первой половине VII в. до н. э., и асимметрично-ромбические стрелы типа Енджи (последние аналогичны стрелам 39 кургана Уйгарака и могильника Аржан), застежки, также аналогичные аржанской и уйгаракской (курган 21, табл. VI, 7), серьги с грибовидным навершием (аналогии — Уйгарак, курганы 21, 26 — табл. VI, VIII), точильный камень (аналогии — Уйгарак, курганы 21, 26, 59). В Болгарии найдена стела VII в. до н. э., на которой изображен кинжал с грибовидным навершием [3], аналогичный кинжалу 21 кургана (табл. VI).

Инвентарь погребения в Енджe (Болгария) середины — второй половины VII в. до н. э. [4] включает удила с псалиями предскифского типа, двухлопастные и четырехгранные втульчатые ромбические стрелы с шипом и без него (аналогии им — стрелы курганов 39 и 84 — табл. XIII, XX) и начельную ленту, украшенную солярными знаками (аналогии им — орнамент на конском снаряжении в курганах 29, 60, 70 — табл. XI, XVII, XVIII).

Тот же солярный знак, что на предметах из Енджи и Уйгарака, помещен на бронзовой секире и бляхах из хутора Кубанского [5]. В сопровождающем инвентаре есть втульчатые двухлопастные асимметрично-ромбические стрелы, каменные оселки, стремечковидные удила (III тип, по А. А. Иессену [6]) — все эти предметы имеют соответствия в ранних комплексах Уйгарака. Дата погребений у Кубанского определяется концом VIII—VII в. до н. э. по находкам удил I типа и псалиев I и III типов.

В Ставропольском крае у хутора Алексеевского найден комплекс середины — второй половины VII в. до н. э., включающий стремечковидные удила III типа с псалиями III типа, втульчатые двулопастные асимметрично-ромбические стрелы и пронизи с солярным знаком [7].

Из другого погребения в Ставрополье происходят стремечковидные удила III типа, каменный оселок, двухлопастные втульчатые ромбические стрелы [8].

Наконец, в Жаботине (курган 524) сочетаются удила и псалии III типа, асимметрично-ромбические стрелы и солярный орнамент. Курган датируется концом VII — началом VI в. до. н. э. [9]

Рассмотрение этих комплексов позволяет считать, что сочетание стремечковидных удил с некоторыми типами асимметричных ромбических двухлопастных стрел, каменными оселками, каменными застежками и предметами, украшенными солярным знаком, особенно характерно для конца VIII—VII в . до н. э. и не встречается в комплексах моложе VI в. до н. э. Этот вывод служит основанием для предположения, что комплексы Уйгарака, содержащие эти вещи, вероятно, относятся преимущественно к VII в. до н. э. (курганы 21, 39, 51, 60, 70).

На возможность ранней датировки некоторых могил Уйгарака указывает и сопоставление с комплексами юга Средней Азии и Ирана. В инвентаре группы

---

[2] *В. И. Бидзиля, Э. В. Яковенко.* Киммерийские погребения «Высокая могила». СА, 1974, 1.

[3] *Г. Тончева.* Два надгробных монументальных памятника фракийским вождям. «Tracia», 1972, v. I, p. 101 сл.

[4] *Р. Попов.* Могильниті гробові при с. Енджа. Изв. На Българскія археологически Институт, VI, София, 1932.

[5] *Н. В. Анфимов.* Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья. Сб. «Проблемы скифской археологии». М., 1971, стр. 175, 176, рис. 4.

[6] *А. А. Иессен.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. СА, XVIII, 1953.

[7] *А. А. Иессен.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 118, рис. 7.

[8] *Т. М. Минаева.* Археологические материалы скифского времени в Ставропольском краеведческом музее. Сб. «Материалы по изучению Ставропольского края», 8, 1956, рис. 1.

[9] *А. И. Мелюкова.* Вооружение скифов. САИ, Д 1—4, М., 1964, стр. 118; *В. А. Ильинская.* Относительная хронология раннескифских курганов бассейна р. Тясмин. СА, 1973, 3, стр. 22; *ее же.* Скіфська вузда VI ст. до н. э. Археологія, XIII, Київ, 1961 (В статье дан подробный анализ вопроса о солярном знаке).

могил некрополя Тепе Сиалка есть каменная и бронзовая застежки того типа, который характерен для Уйгарака, Аржана и Высокой могилы, и псалии (III тип, по А. А. Иессену) [10], а в верхнем слое Тепе Гияна такие же псалии найдены вместе с удилами IV типа [11], по А. А. Иессену.

В Сиалке эти вещи происходят из той группы могил В II, которые в результате детального сопоставления с ассирийскими и эгейскими материалами были надежно датированы Р. Бёмером 770—760—690/680 гг. до н. э. [12], что делает Сиалк В II одним из опорных памятников для датировки ранних степных комплексов. Существенно, что в Сиалке, наряду с псалиями III типа и однокольчатыми удилами, найдены трехлопастные втульчатые стрелы. Однокольчатые удила найдены также в тепе Гияне I, Хасанлу [13], Чешме-Мехи [14] в Луристане и датируются там по крайней мере начиная с VIII в. до н. э. В Средней Азии однокольчатые удила обнаружены в Чусте [15] и в составе клада у Каменки на Иссыккуле вместе с бронзовым кельтом с лобным ушком, сходным с уйгаракскими, и скифским кинжалом, определяющим дату клада VI в. до н. э. [16].

Это позволяет допускать более раннюю дату кургана № 16 Уйгарака (табл. V), отнесенного О. А. Вишневской на основании находки однокольчатых удил по скифским параллелям к V в. до н. э., поскольку в Иране и Средней Азии этот тип появляется раньше. Возможна и более ранняя дата кургана 22, также отнесенного к V в. до н. э. (табл. V) по находке черешковых трехлопастных крупных стрел. Последние аналогичны стрелам из кургана 5ж могильника Карамурун в Казахстане [17], где они найдены совместно с двухлопастными втульчатыми стрелами VII — начала VI в. до н. э. Другие находки не противоречат отнесению этого кургана ко времени, более древнему, чем V в. до н. э. Головка кабана, как отмечает О. А. Вишневская, сходна с чиликтинской; волнистый орнамент бляшки аналогичен завершению шлема из Самарканда, датирующемуся не позднее VI в. до н. э. [18].

В тризне кургана 1 могильника Жаман-Тогай вместе найдены железный меч с брусковидным бронзовым навершием и бабочковидным перекрестием, каменные оселки, втульчатые двухлопастные стрелы с башневидной головкой, черешковые трехлопастные стрелы и кольцо от удил [19].

Таким образом, рассмотрение взаимовстречаемости некоторых типов изделий входящих в инвентарь погребений Уйгарака, позволяет допустить их более раннее появление и перенести их дату примерно на полстолетия по сравнению с предложенной О. А. Вишневской, относя большую часть комплексов не к VII—VI в. до н. э., а к VII — рубежу VI в. до н. э.

Однако если правомерно удревнение некоторых материалов Уйгарака, то это имеет принципиальное значение для решения проблем этногенеза и этнических передвижений в Евразии. Недавно в связи с новыми находками в Уйгараке и Та-

---

[10] *R. Ghirshman.* Fouilles de Sialk. II, Paris, 1939, pl. XXIX, *6*, 7. LVI.

[11] *G. Contenau, R. Ghirshman.* Fouilles de Tepe Giyan. Paris, 1935, pl. V, VIII, *11*.

[12] *R. Boehmer.* Zur Datierung der Necropole B von Tepe Sialk, AA, 1965, Bd. 80, H. 4, S. 802—822.

[13] *R. Ghirshman.* Perse, Paris, 1963, p. 278, fig. 338.

[14] *J. Maleki.* Une fouille en Luristan. «Iranica antiqua», v. IV, fasc. 1, 1964, p. 17, pl. VIII, *1*.

[15] *Е. Е. Кузьмина.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ, В 4—9, 1966, стр. 60 табл. XV, *39*.

[16] *Л. Р. Кызласов.* Сакская коллекция с Иссыккуля. Сб. «Новое в археологии». М., 1972, стр. 102—107; Л. Р. Кызласов датировал клад V в. до н. э., но кинжал клада относится к I типу по А. И. Мелюковой, с брусковидным навершием и почковидным перекрестием, датирующимся VI в. до н. э. (*А. И. Мелюкова.* Ук. соч., табл. 15, *4, 5, 9, 10*).

[17] *А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, рис. 58.

[18] *Е. Е. Кузьмина.* Бронзовый шлем из Самарканда. СА, 1958, 4, *Е. В. Черненко.* Скифский доспех. Киев, 1968, стр. 80.

[19] *А. Г. Максимова, М. С. Мерщиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина.* Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, стр. 180, табл. V.

гискене *К. Иеттмаром* был вновь поднят вопрос о понтийской миграции [20] — движении с запада на восток, предполагавшемся Р. Гейне-Гельдерном [21].

Напротив, советские исследователи рассматривают эти материалы как подтверждение свидетельства Геродота о приходе скифов из Азии [22].

Для решения этой проблемы очень важно выяснение генезиса типов, составляющих ранние среднеазиатские и казахстанские комплексы. И в этом отношении О. А. Вишневской сделано многое. Ею прослежена генетическая связь погребального обряда Уйгарака с более древним тагискенским, установлено происхождение некоторых типов керамики, привлечены находки некоторых типов стрел в комплексах II — начала I тысячелетия до н. э.

Если суммировать и дополнить все данные о генезисе типов, составляющих инвентарь раннесакских погребений, то это подкрепит вывод о местном среднеазиатско-казахстанском генезисе раннесакской культуры.

К эпохе бронзы восходят типы ножа однолезвийного с прямым лезвием и невыделенной рукоятью (табл. XXI, *12*) [23] и ножа с кольцевым навершием (табл. XXI, *11*) [24]. Бронзовый кинжал из позднебронзового клада у с. Палацы [25] — прототип железного уйгаракского (табл. VI, 1). Кельты с лобным ушком также относятся к категории, различные варианты которой распространены в эпоху поздней бронзы в евразийских степях, в частности в Казахстане [26]; наличие литого валика по краю втулки уйгаракских экземпляров (табл. XXI, *1—3*) — признак архаический. В позднеандроновских комплексах есть каменные оселки [27], аналогичные уйгаракским (табл. VI, *3;* VIII, *7*). Среди казахстанских и среднеазиатских украшений находят прототипы многие украшения Уйгарака: несомкнутые браслеты [28] (табл. I *10, 17;* IX, *1*), зеркала с петелькой [29] (табл. II, *10;* IV, *6;* XV, *14*; XVI, *13, 14*). Среди многочисленных солярных знаков, украшающих андроновские бляшки, есть оба символа, представленные на бляшках Уйгарака (табл. I, *3;* X, *13, 17—19;* XI, *4;* XVII, *1, 2*), — и концентрические круги, и квадрат с кругом в центре [30]. К эпохе поздней бронзы относится и появление бляшек с петелькой [31].

Как прообраз костяных и каменных застежек Сиалка В II, Аржана, Уйгарака, Высокой могилы могут рассматриваться костяные поделки с позднеандроновских поселений Малокрасноярка и Алексеевское [32].

Особенно важно, что именно в азиатской части степи, по-видимому, сложились конский убор и основные типы стрел, которые составляют наиболее важную отличительную особенность сакской культуры.

Как уже говорилось, в Чусте найдены однокольчатые удила, на Дальверзине — трехдырчатый псалий; как бы ни датировать кюзелигырский псалий, несомненна его генетическая связь со степными экземплярами эпохи бронзы; на позднеандроновских поселениях Казахстана обнаружены древнейшие наносники, роговые псалии и другие предметы конского снаряжения, получающие широкое распространение у саков и скифов [33].

---

[20] *K. Jettmar.* The Thraco-cimmerian Phase in Central Asia. «Early Chinese Art and its Possible Influence in the Pacific Basin», II, 1972, p. 231—239.

[21] *R. Heine-Geldern.* Das Tocharerproblem und die Pontische Wanderung. «Saeculum», Bd 2, 1951, S. 225—255.

[22] *С. П. Толстов, М. А. Итина.* Саки низовьев Сырдарьи, СА, 1966, 2, стр. 174.

[23] *Е. Е. Кузьмина.* Ук. соч., стр. 45, 46, табл. IX.

[24] *Э. А. Новгородова.* Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970, рис. 17.

[25] *С. С. Черников.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, табл. X, *1.*

[26] Там же, табл. LXVII, *7.*

[27] Там же, табл. XLVII, *12, 13.*

[28] *Е. Е. Кузьмина.* Ук. соч., стр. 70, 71, табл. XIV.

[29] Там же, стр. 68, табл. XIII, *7.*

[30] *О. А. Кривцова-Гракова.* Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, т. XVII, М., 1948, рис. 41; *А. Х. Маргулан.* Комплексы Былкылдак. Сб. «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, рис. 19, *2.*

[31] *Е. Е. Кузьмина.* Ук. соч., стр. 69, 70, табл. XIV.

[32] *С. С. Черников.* Ук. соч., табл. XXXIX, *6; О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., рис. 22, *3.*

[33] *Е. Е. Кузьмина.* Ук. соч., стр. 59, 60; *А. И. Тереножкин.* Бронзовый псалий с городища Кюзели-Гыр. КСИЭ, XXX, 1958; *А. Х. Маргулан и др.* Ук. соч., табл. XXIV.

Родиной различных вариантов двухлопастных черешковых и втульчатых стрел были андроновские степи. В андроновскую эпоху энергично шел процесс совершенствования этого вида оружия, о чем свидетельствует разнообразие типов стрел [34].

Крупные наконечники с выступающей втулкой, характерные для эпохи развитой бронзы (Увак, Айшрак, Жаман-Узен II), сменяются в конце эпохи бронзы более миниатюрными длинновтульчатыми стрелами (Смолино, Садчиково) и стрелами со скрытой втулкой (Алексеевка, Степняк, Боровое, Биырек-Коль, Малокрасноярка).

В самом конце бронзового века появляются двухлопастные стрелы с шипом (Дандыбай) и башневидные стрелы (Малокрасноярка), которые уже могут быть непосредственно связаны с наконечниками предскифской поры типа Малой Цимбалки.

К экземплярам эпохи поздней бронзы близки двухлопастные втульчатые наконечники Уйгарака II и III типов, по О. А. Вишневской.

В алакульских колчанах были также стрелы втульчатые пулевидные (Темир-Астау) — прототип уйгаракских (табл. XXV, *25, 26*).

В андроновскую эпоху параллельно с развитием втульчатых шло совершенствование черешковых стрел от крупных экземпляров (Айшрак, Жаман-Узен) к более миниатюрным (Степняк). К ним восходят двухлопастные черешковые стрелы Уйгарака.

Наконец, как показала О. А. Вишневская, и трехлопастные черешковые стрелы Уйгарака связываются с позднебронзовыми стрелами (Алеп-Аул, Бегазы).

Таким образом, рассмотрение генезиса различных категорий инвентаря подтверждает правильность сделанного О. А. Вишневской вывода о связи сакской культуры Уйгарака с культурой Казахстана эпохи бронзы и вместе с тем служит важным аргументом в пользу гипотезы о восточном происхождении скифов.

Разумеется, окончательное решение этих проблем еще далеко, однако в предстоящих дискуссиях одно из решающих мест будет принадлежать материалам Уйгарака, столь тщательно исследованным О. А. Вишневской.

В заключение хочется обратить внимание еще на одно чрезвычайно важное наблюдение автора. Благодаря примененному тонкому анализу О. А. Вишневской удалось выявить на Уйгараке три группы захоронений, различающихся не только топографически — по расположению тремя группами на площади могильника,— но также по преобладанию определенных типов конструкций, погребальному обряду и инвентарю могил (стр. 67). Вполне убедительна гипотеза О. А. Вишневской об экономическом и социальном расслоении общества (стр. 129). Как объяснить различия между тремя группами? О. А. Вишневская полагает, что «членение могильника связано, по-видимому, с родо-племенным делением общества и каждая из составляющих могильник групп может... рассматриваться как родовое кладбище» (стр. 68). Однако она показывает, что к центральной группе относятся погребения родовых вождей, сопровождающиеся символами власти и богатым набором оружия, женщинам восточной группы свойственны жреческие функции, а могилы западной групы отличаются бедностью (стр. 129). Не позволяет ли это сделать вывод, что три группы могил Уйгарака содержат не захоронения разных родов племени, а захоронения трех социальных классов одного рода?

В самом деле, могилы центральной группы отличаются большими размерами сооружения и содержат оружие, предметы конского убора и звериного стиля, импортные вещи,— это богатые воины-всадники. Могилы западной группы характеризуются простотой конструкции и бедностью инвентаря, только три из них

---

[34] *Е. Е. Кузьмина.* Ук. соч., стр. 31—37; *ее же.* Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале. Сб. «Проблемы археологии Урала и Сибири». М., 1973, стр. 163, рис. 4; *А. Х. Маргулан и др.* Ук. соч., стр. 270, табл. LIV; *С. С. Черников.* Ук. соч., стр. 162, табл. XXa, *2;* XXXVI, *2—6, 11—13; его же.* Древнее горное дело в районе г. Степняк. Изв. АН КазССР, I, Алма-Ата, 1948; *А. М. Оразбаев.* Северный Казахстан в эпоху бронзы. Тр. ИИ АЭ КазССР, Алма-Ата, 1958, табл. IV, *17;* VIII, *10; О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 108, рис. 33, *1; Л. Р. Кызласов, А. Х. Маргулан.* Плиточные ограды могильника Бегазы, КСИИМК, XXXII, 1950; *М. П. Грязнов.* Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, XVI, 1952; *Н. Аванесова.* Жаман-Узен II — могильник андроновской культуры Центрального Казахстана. АО, 1972, М., 1973, стр. 445.

содержат конскую сбрую, зато во многих есть зернотерки. К этой же группе принадлежит и единственное в могильнике погребение ремесленника — металлурга, костереза и ювелира (курган 69). Все это позволяет связать западную группу с рядовыми общинниками-земледельцами и ремесленниками.

Наконец, как подчеркивает О. А. Вишневская, женщинам восточной группы свойственны жреческие функции. В этой группе особенно отчетливо сохранялись традиции погребального обряда, восходящие к эпохе бронзы. Именно в этой группе, в курганах 15 и 14, найдена керамика, относящаяся к эпохе бронзы. С. П. Толстов и М. А. Итина допускали принадлежность ее к сакским погребениям [35]. О. А. Вишневская полагает, что она не связана с сакскими захоронениями. Однако если учесть, что в жреческой среде особенно стойки были пережитки древней культуры, то предположение С. П. Толстова и М. А. Итиной кажется вероятным, тем более, что теперь известен уже целый ряд комплексов, датирующихся не ранее VIII в. до н. э. и содержащих наряду с раннесакскими типами вещей керамику эпохи бронзы.

Если верна гипотеза о том, что в погребенных в трех группах могильника Уйгарак можно видеть представителей трех социальных классов общества — жрецов, воинов и рядовых общинников, то материалы Уйгарака служат еще одним подтверждением гипотезы о наличии трех классов или трех каст в обществе древних иранцев [36], в том числе скифов [37] и саков.

Таким образом, новый материал, открытый и тщательно проанализированный О. А. Вишневской, служит источником для реконструкции не только материальной культуры, но и социального строя сакских племен, и книга О. А. Вишневской является важным вкладом в изучение истории Средней Азии.

Е. Е. Кузьмина

---

[35] *С. П. Толстов, М. А. Итина.* Саки низовьев Сырдарьи, стр. 157, 158.

[36] *J. Dumezil.* Mythe et épopée. L'idéologie des trois fonctions dans les épopées des peuples indo-européens. Paris, 1968; *E. Benveniste.* Les classes sociales dans la tradition avestique. «Journal Asiatique», CCXXI, 1, 1932; *М. М. Дьяконов.* Очерки истории древнего Ирана. М., 1961; «История таджикского народа». Т. I, М., 1963, гл. III; *Э. А. Грантовский.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970; *Е. Е. Кузьмина.* Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей. ВДИ, 1974, 4.

[37] *Э. А. Грантовский.* Индоиранские касты у скифов. XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1960.

E. B. Thomas. Helme. Schilde. Dolche. Studien über römisch-pannonische Waffenfunde. Akadémiai Kiadó. Budapest, 1971, стр. 155, табл. 80, 4 цв. вклейки.

Вышедшая в издательстве Венгерской Академии наук книга Э. Томас посвящена анализу ряда предметов вооружения — шлемов, умбонов и кинжалов, происходящих из римской Паннонии и хранящихся в Венгерском национальном музее.

Задачи автора в данной книге видятся нам в исчерпывающем описании, сравнительно-типологическом анализе предметов, в определении времени и места их изготовления. Кроме того, Э. Томас старается раскрыть семантику декора анализируемых вещей.

В сущности рецензируемая работа представляет собой три совершенно самостоятельные монографии по каждому из видов вооружения, объединенных общими задачами.

Трем главам-«монографиям» предпослано введение (стр. 7), в котором в лаконичной и емкой форме раскрываются основные положения, связанные с постановкой вопроса о римско-паннонских украшенных предметах вооружения. Автор показывает значение именно украшенного оружия как важнейшего документа эпохи, так как украшения оружия позволяют глубже проникнуть в идеи, принципы и приемы воплощения этих идей, связанных с римской имперской военной пропагандой. Кроме того, они помогают выяснить военно-идеологическую и военно-политическую ситуацию именно в Паннонии. Далее, украшенное оружие, помимо своих утилитарных свойств, является и памятником прикладного искусства, и ана-

лиз их, как таковых, позволит судить о политической и культурной ситуации в Паннонии.

Первая часть работы (стр. 11—24) посвящена двум группам шлемов. Сначала рассматриваются два почти идентичных бронзовых шлема — из римского лагеря Бригеция и из бывшего собрания Дельхэса. Их подробное описание дано на стр. 11, 12. Э. Томас верно отмечает, что данные предметы представляют собой лишь верхнюю часть сложных шлемов, лицевые части которых утрачены. Датирует их Э. Томас временем Александра Севера (стр. 12) и, основываясь на технике украшения шлемов, связывает их происхождение скорее всего с Сирией (стр. 13).

Далее, на стр. 13—24 рассматривается группа более поздних железных шлемов с гребнями и куполом, склепанным из двух половин.

Группа состоит из двух находок шлемов. Первая находка — раскопанные в 1909 г. на территории Интерцизы остатки 15—20 шлемов, из которых было собрано четыре целых шлема. Они украшены серебряной таушировкой в виде пары глаз на лобной части, четырехлучевых звезд, полумесяцев. Вторая находка — известный парадный шлем из Аквинкума, найденный в 1898 г. Подробно описав шлем на стр. 17—21, Э. Томас объясняет детали его декора — фигуры Виктории, Юпитера, львов, изображения кратеров — как символику победы жизни над смертью (стр. 20).

На стр. 22 Э. Томас дает сводку всех шлемов, относимых к рассматриваемой группе. Кроме экземпляров Венгерского национального музея она относит к этой группе еще ряд шлемов из других мест, в том числе и шлем из Концешт, хранящийся в Государственном Эрмитаже. На основании анализа украшений шлема из Аквинкума при помощи хронологически и географически очень точных и конкретных аналогий автор датирует его 60—70-ми годами IV в. (стр. 24). Несколько более ранняя и широкая датировка предлагается для шлемов из Интерцизы — 20—70-е годы IV в. Отмечая восточные влияния в декоре интерцизских шлемов, выразившиеся в таушировке серебром, обкладке их деталей этим металлом, Э. Томас определяет центры их производства так же, как и шлема из Аквинкума, в Южной Паннонии, скорее всего в Сирмиуме (стр. 24).

Вторая глава посвящена описанию, анализу, датировке и определению места изготовления двух умбонов, поступивших в Венгерский национальный музей в 1966 г. из Зацхаломбатты и Дунафельдвара. Относительно их Э. Томас приходит к следующим выводам: все умбоны рассматриваемой группы, имеющие украшения, являются наградами, знаками отличия; фигуративные изображения на них являются символами победы (стр. 39); по технике и характеру орнаментов они связаны с восточными провинциями империи — Сирией или Египтом (стр. 42); вся система украшений является строго уставной, централизованно регламентированной и отражает символику военных доблестей насаждаемых имперской военной пропагандой (стр. 40—42); умбоны Венгерского национального музея датируются, вероятнее всего, II в. (стр. 42).

Третья, самая короткая (стр. 47—53), часть посвящена исследованию кинжала в украшенных золотой и серебряной таушировкой и красной эмалью ножнах, поступивших в Венгерский национальный музей в 1968 г. из Дунафельдвара. Кинжал принадлежит к весьма обширной группе римских кинжалов I в., образцы которой встречаются от Британии до Паннонии, от Германии до Италии. Автор считает, что кинжалы рассматриваемого типа были, как и украшенные умбоны и шлемы, наградами, знаками отличия, подносившимися особо отличившимся представителям командного состава (стр. 52). Различные орнаментальные мотивы на них были символами победы или носили апотропеический характер (стр. 53). Э. Томас приводит хронологическую таблицу кинжалов этой группы (табл. LXXX), где кинжал из Дунафельдвара относится ко времени Калигулы.

Широкий ареал находок кинжалов анализируемого типа не дает основания, по мнению Э. Томас (стр. 53), для точной локализации места их производства, но она считает, что делали их в императорских мастерских где-то в центре империи. В вопросе о происхождении рассматриваемого типа кинжалов Э. Томас присоединяется, с некоторыми оговорками, к авторам, выводящим их из кельтиберской Испании (стр. 53).

Огромным достоинством издания является то, что почти каждое положение автора проиллюстрировано в обширном альбоме, на 60 таблицах которого воспроизведены все рассматриваемые предметы из Венгерского национального музея в виде общих и детальных фотографий и общих и детальных прорисовок. В альбоме приводятся и фотографии, и прорисовки всех аналогий умбонов и кинжалов (к сожалению, это не сделано по отношению к шлемам). Кроме того, альбом включает в себя таблицы орнаментальных мотивов каждого из привлекаемых умбонов и кинжалов. В тексте также имеются четыре цветных вклейки, воспроизводящие шлем из Аквинкума, оба умбона и кинжал из Венгерского национального музея.

Книга Э. Томас представляется типичной исчерпывающей музейной публикацией очень высокого качества, выполненной в виде книги. В ней даны подробнейшие скрупулезные описания предметов, приводится подробная историография рассматриваемых вопросов, полемика относительно их. Анализ мотивов декора, техники его исполнения, а также использование этого анализа для датировки и локализации памятников поистине виртуозны.

Вместе с тем работа имеет и характерные недостатки, присущие отмеченному жанру исследования. Это прежде всего некоторая отрывочность и случайность в подборе объектов и их групп для исследования. Ведь в Венгерском национальном музее хранятся и другие образцы римско-паннонского оружия, в том числе и украшенные.

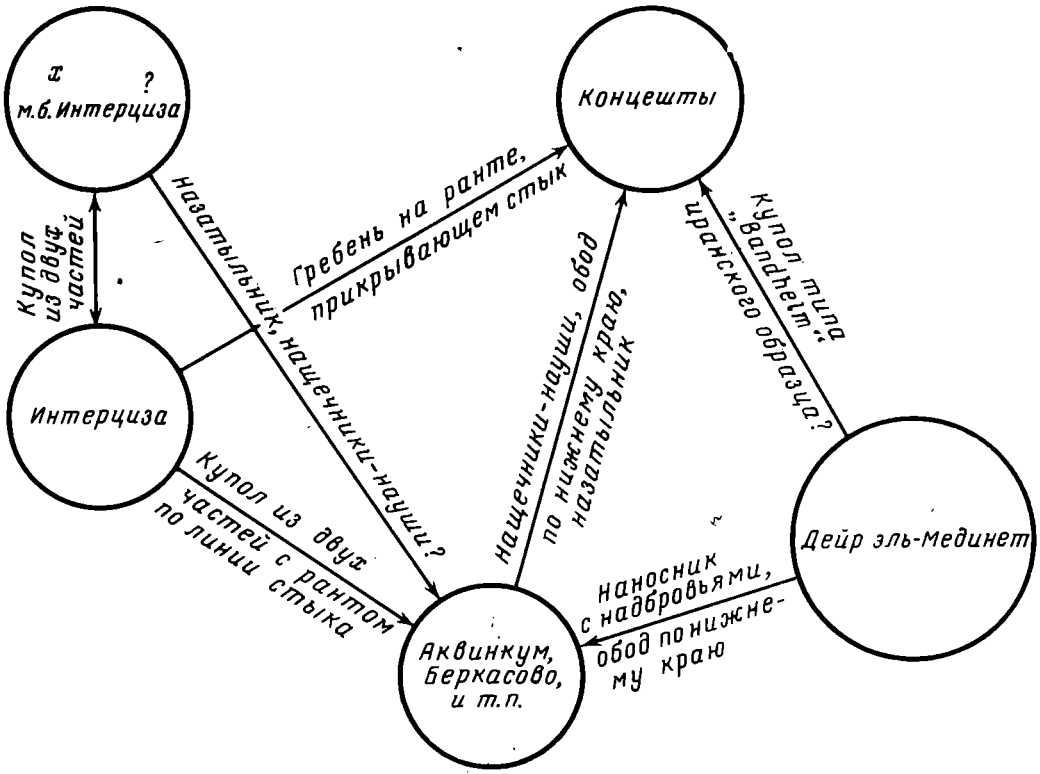
В рецензируемой же книге рассматриваются группы предметов или отдельные предметы, разновременные, разностильные и, как прекрасно показывает сам автор, изготовленные в различных частях империи.

Проделав тонкий, поистине ювелирный анализ техники и элементов декора, давший прекрасные результаты, Э. Томас, на наш взгляд, не уделила достаточно внимания типологии предметов, что особенно ощутимо в местах, касающихся шлемов из Интерцизы и Аквинкума. Дело в том, что вопрос о типологии античных шлемов в настоящее время отнюдь не выглядит простым или в достаточной мере разрешенным. Это касается даже классических греческих шлемов; тем более сложна эта проблема для III—IV вв. Типологию следует разрабатывать, учитывая все конструктивные и формообразующие признаки, а не два-три, как это обычно делалось. Для античных шлемов, начиная уже с эпохи греческой классики, характерно смешение по меньшей мере двух признаков различных «чистых» типов шлемов. И особенно сильный процесс смешения мы видим именно в III—IV вв., процесс, связанный с «великим переселением народов», с варваризацией римских провинций, с самим существованием огромной империи, раскинувшейся на трех континентах.

Исходя из этого, нам кажется, что шлемы из Интерцизы нельзя типологически объединять со шлемом из Аквинкума, как это делает Э. Томас, основываясь только на том признаке, что купола всех этих шлемов склепаны из двух половин, с железной полосой, перекрывающей стык. Ведь все остальные признаки у них разные. Дело здесь особенно усложняется тем фактом, что форме шлемов из Интерцизы в их теперешнем состоянии вообще опасно придавать серьезное значение, так как четыре рассматриваемых в работе шлема собраны из обломков 15—20 шлемов и, как признает сама Э. Томас, их детали, как правило, принадлежат разным экземплярам (стр. 14). Действительно, в реконструкциях, сделанных около 50 лет назад на весьма низком научном уровне, видно плохое понимание автором реконструкций функций и места каждой детали, а в целом — слабое знание римских шлемов. Например, нащечники, расположенные в реконструкциях под ушными вырезами, должны находиться перед ними; назатыльники кажутся слишком узкими для всей конструкции, открывающими слишком много опасных участков головы и требующими очень широких нащечников-наушей, таких, как на шлеме из Аквинкума. Вообще, нам кажется, что среди 15—20 шлемов, найденных в Интерцизе, были шлемы разных типов (в том числе, может быть, и шлемы, близкие экземпляру из Аквинкума), но лучше сохранились купола шлемов, использованные для реконструкций и имевшие, может быть (если узкие нащечники относятся к ним), мягкие широкие назатыльники (кольчужные или кожаные), либо вообще не имевшие назатыльников.

Основное же их отличие от шлема из Аквинкума состоит в том, что последний был снабжен ободом, охватывающим нижний край оголовья, что, учитывая всю кон-

струкцию, позволяет отнести его к типу «Bandhelm» [1]. Вместе с тем шлем из Аквинкума имеет некоторые особенности, связывающие его со шлемом из Дейр эль-Мединет [2], — нижний обод и, главное, приклепанные дуги надбровий с наносником, — хотя в целом шлем из Дейр эль-Мединет относится к типу «Spangenhelm». Шлемы из Интерцизы, известные по реконструкциям, также, вероятно, сыграли роль в генезисе конструкции и формы шлема из Аквинкума, хотя отнюдь не исключена возможность, что его исходным вариантом были шлемы из Интерцизы того же типа



(судя по форме назатыльников на реконструкциях), только не сохранившиеся в целости. Таким образом, шлем из Аквинкума представляется, как и другие шлемы этого круга, продуктом скрещения нескольких типов шлемов, причем набор элементов в нем почти уникален, что опять-таки характерно для III—V вв. (шлемы, подобные Аквинкумскому и Койцештскому, явились непосредственными прототипами шлемов типа «Vendel» — VI—VIII вв., — для которых характерна гораздо большая унификация конструкции и формы, большая «чистота» типа). Генезис наборов признаков шлемов из Аквинкума и Беркасова и близкого к ним шлема из Концешт представляется нам в следующем виде (рисунок).

Относительно умбонов в книге необходимо было бы упомянуть о том, что четырехугольные умбоны с полусферической выпуклостью являлись навершиями прямоугольных пехотных щитов «scutum» [3] (кроме одного уникального случая, когда умбон такого типа изображен на овальном щите [4]), а круглые умбоны укрепляли щиты круглые, овальные, шестиугольные [5], хотя изредка служили навершиями и для «scutum».

В раскрытии семантики отдельных элементов декора и их сочетаний хотелось бы иногда более конкретного и подробного ее истолкования. Например, орел и змея на шлемах из Бригенпя и из собрания Дельхэса имели апотропеическое значение:

---

[1] Glossarium Armorum, v. I (Arma Defensiva). Graz, 1972, Tav. 27, Deutsche Ausgabe, s. 13.

[2] *H. R. Robinson.* Oriental Armour. London, 1967, Fig. 40 B.

[3] См., напр.: *F. B. Florescu.* Die Trajanssäule, Bukarest-Bonn, 1969, Abb. 42.

[4] *L. Lindenschmit.* Tracht und Bewaffnung römischen Heers während der Keiserzeit. Braunschweig, 1882, Taf. II. I.

[5] См., напр.: *F. B. Florescu.* Abb. 43, 49.

призывали на защиту своих носителей силы небесные, астральные (орел-Юпитер) и силы хтонические (змея, которая одновременно являлась спутником Минервы — богини мудрости, военной доблести и искусства). Более того, орел и змея имели магический смысл, передавая воинам свои боевые качества, а также боевые качества тех богов, спутниками которых они являлись.

Все сказанное выше отнюдь не снижает ценности книги Э. Томас, явившейся существенным вкладом в оружиеведческую и искусствоведческую литературу, посвященную памятникам поздней римской античности.

М. В. Горелик

Les collections d'archéologie régionale du Musée de Mariemont. II.— G. Faider-Feytmans. Les nécropoles mérovingiennes. 1. Texte, 2. Planches. Kortrijk, 1970.

Второй том каталога музея в замке Марьемон (Бельгия) посвящен хранящимся в музее материалам из пяти франкских могильников VI—VII вв. в провинции Геннегау. Автор публикации Г. Фэдер-Фейтманс отмечает, что в их числе находятся самый большой из раскопанных в Бельгии могильников VI—VII вв. (Сипли) и самый богатый (Тривьер). В общей сложности публикация охватывает материал не менее чем из 2000 погребений. К сожалению, значительная часть этих могил (Тривьер, Эн-Сен-Поль, Ними) была раскопана в 1907—1913 гг. тогдашним владельцем замка Марьемон без всякой документации. Не велось ни дневников, ни описей, не снято планов, не известно даже точное число могил, раскопанных на каждом памятнике, и вещи помещены в музей без указания номеров могил. Нет документации и по могильнику Мораж, раскопанному в 1923 г. Также на частные средства и для пополнения частной коллекции велись раскопки могильника Сипли в 1879 и 1893 гг. Но непосредственно руководившие работой E. Hublar и L. De Pauw вели записи о размещении находок в могилах и поставили номера могил не только на вещи, но и на антропологические материалы. К сожалению, эти записи о размещении находок почти не сохранились, зато есть общий план могильника, а комплексы можно восстановить по номерам на самих вещах. Только небольшой полуразрушенный могильник в Тертре, раскопанный автором публикации, имеет полевую документацию. Г. Фэдеру-Фейтмансу пришлось проделать огромную работу по систематизации и подготовке к печати этого ценнейшего, хотя и столь плохо документированного материала. Ему удалось установить места раскопок, определить их примерные площади. Материал из Сипли и Тертра описан по могилам, из остальных могильников — по типам вещей.

Книга начинается кратким общим обзором могильников VI—VII вв. в верховьях Эн (Haine). Последующий текст сгруппирован по памятникам. Каждая глава начинается обзором истории раскопок, погребального обряда, далее идет подробный анализ инвентаря: украшений, оружия, керамики, стекла; потом идет каталог находок и завершается глава списком литературы. Дано описание каждой вещи, перечислены ее упоминания в литературе, указаны аналогии и дата. Там, где известны комплексы, периодизация дана по погребениям, где нет, по эпохам распределены вещи. Хронология меровингских могильников изучена хорошо, многие формы вещей датируются в пределах узких отрезков времени. В зависимости от разной длительности бытования у франков тех или иных вариантов вещей Г. Фэдер-Фейтманс выделяет следующие хронологические группы в могильнике Сипли: 5 могил начала VI в., 11 могил середины и второй половины VI в. (в книге используется общепринятый на западе цифровой способ записи таких дат вместо принятого у нас более длинного словесного: «525—600 гг. »), 5 могил второй половины VI в. («550—600 гг.»), 9 рубежа VI и VII вв. («около 600 г.»), 3 первой половины VII в., 1 середины VII в., 4 середины и второй половины VII в. («625—700 гг.»), 2 конца VII и начала VIII в. Еще 39 могил датированы более широко — в пределах столетия: 25—VI в., 14—VII в. Инвентарь остальных могил скуден и не позволяет отнести их к определенному кратковременному этапу внутри VI—VII вв.

Погребения франков ориентированы головами к западу (с отклонениями), расположены рядами. Как считает Г. Фэдер-Фейтманс, большинство публикуемых им

могил не имело гробов. Некоторые могилы были перекрыты деревом. В некоторых могилах VII в. в Сипли для обкладки и перекрытия использованы плиты, кирпичи и черепица, взятые из римских построек. Судя по раскопкам в Сипли, могилы с более обильным инвентарем находились в одних группах с бедно снабженными инвентарем и с безынвентарными.

Инвентарь франкских могил очень разнообразен. При погребениях воинов много оружия. Это криволинейных очертаний вислообушные метательные топоры-франциски, то́поры с оттянутым вниз лезвием и сечковидные. Мечи длинные двулезвийные или короткие широкие однолезвийные (скрамасаксы). Наряду с разнообразными наконечниками копий «привычных» для нас пропорций встречаются пилюмовидные «анго» с очень длинным железным стержнем. Нередки наконечники копий с отогнутыми роговидными выступами-упорами на нижней части втулки. Среди наконечников стрел преобладают втульчатые. Иногда встречаются умбоны щитов. Не менее своеобразны украшения. Поясные пряжки имеют толстые кольца, а основание шипа часто украшено фигурным щитком. Часть пряжек прикреплялась прямо к ремню, другие с помощью фигурных, обычно вытянутых ромбовидных или подтреугольных обойм. Декор — гранчатая резьба, гравировка, кружки с точкой в центре, большие полушарные шляпки заклепок. Часто две одинаковые пластины симметрично располагались на поясе по обе стороны от кольца пряжки. Другая особенность франкских поясов конца VI и VII вв. — две или три большие железные пластины с пряжкой, украшенные сложным орнаментом из вбитой в железо серебряной или латунной проволоки (автор книги называет эту инкрустацию дамаскированием, немецкие авторы — таушированием).

Для археологов, изучающих древности Восточной Европы и прилегающих областей Подунавья, привычны пальчатые фибулы с ромбической ножкой. У франков местные фибулы с ромбической ножкой редки. Большинство их пальчатых фибул имеет длинную узкую прямоугольную или слабо расширенную к концу ножку. Многие авторы справедливо видят в этом наследие позднеримских провинциальных Т-образных фибул с луковичными кнопками и длинной узкой ножкой. Число выступов на полукруглых головках бельгийских фибул колеблется от 5 до 7 и даже 9. Иногда они сделаны в виде орлиных головок. Есть группа фибул с прямоугольными головками, их ножки то овальные, то ромбические и орнаментированы в северогерманском зверином стиле. Лучшие фибулы сделаны из серебра и позолочены с таким расчетом, чтобы гладкие или гравированные серебряные полосы сочетались с позолоченными частями, покрытыми углубленной гранчатой резьбой, создавая игру светотени и красок. У пары фибул из Тривьера эту игру красок дополняют ажурная резьба и перегородчатая инкрустация из гранатовых пластинок. Помещенные в книге цветные фото хорошо передают своеобразную красоту этих изделий франкских ювелиров. Набор дужковых фибул дополняют немногие равноконечные фибулы, связанные с культурой романизированного населения на территории, когда-то входившей в западные провинции Рима. Не менее, чем пальчатые фибулы, у франков распространены броши. Фигурные броши имеют вид профильных фигурок орлов с большим клювом или фантастических зверей или сделаны в виде S-видной пластинки с двумя головками птиц или зверей на концах. Особенно разнообразны по технике изготовления дисковидные броши: к резьбе и инкрустациям здесь добавляются тиснение и филигрань. Назначение всех этих вещей различно. Броши находят на плечах погребенных женщин, по-видимому, они скрепляли плащ. Пальчатые фибулы часто лежат ниже пояса. Поэтому сложилось мнение, что в меровингские могилы фибулы помещали не так, как их носили при жизни, а скрепляли ими погребальный саван. Однако Х. Хинц собрал большой материал, показывающий, что в костюм меровингской женщины входила свешивающаяся поверх юбки лента-подвеска, заканчивающаяся большой шаровидной гирькой, часто из хрусталя. Пальчатые фибулы входили в состав этой подвески, так как располагаются в могилах в один ряд с хрустальным шаром. Г. Фэдер-Фейтманс пишет, что одна пара фибул из Тривьера имеет снизу кольца для скрепления между собой: у одной на головке, у другой на ножке. Он предполагает, что эти фибулы висели на ленте вниз головками одна над другой, а завершал эту подвеску хранящийся в той же коллекции большой хрустальный шар в металлической перевязи. В Тривьере есть и другой шар — из метеорит-

ного железа. Женский наряд дополняли обычные для этой эпохи проволочные серьги с полиэдрической бусой, а также излюбленные у франков длинные шпильки с утолщенными головками.

Найдено много бус, туалетные щипчики, накладки сумок в виде длинных кресаловидных пластин или ажурных дисков. Большинство керамики сделано на круге, имеет темный цвет, орнаментировано штампами или зубчатым колесиком. На дне некоторых сосудов есть прочерченные или пролощенные знаки: чаще перекрещивающиеся линии, иногда свастики. Среди стеклянной посуды преобладают высокие суженные в середине и с раздутым низом «колоколовидные» кубки с заостренным маленьким выступом вместо ножки. Автор отмечает, что франкское стекло окрашено окислами в коричневатый или зеленоватый цвет: античные рецепты бесцветного стекла были уже забыты. В Сипли найдено коромысло маленьких чашечных весов, служивших в восточной части меровингского государства для взвешивания монет при торговле (Г. Фэдер-Фейтманс ссылается здесь на известное исследование И. Вернера «Вес и деньги в меровингскую эпоху»).

Сопоставляя могильники, Г. Фэдер-Фейтманс приходит к выводу о разном социальном положении оставившего их населения. В Тривьере и Эн-Сен-Поле особенно много оружия и его качество выше. Например, в Тривьере каждый десятый мужчина был погребен с мечом. Там же найден полушарный шлем из железных пластин (как показала реставрация, он изнутри и снаружи был обтянут кожей). Богаче там и украшения, их лучшие образцы не уступают тем, которые происходят из могил высшей франкской знати в соборах Парижа и Кельна. В Сипли оружия меньше, украшения проще, много могил без инвентаря или со скудным инвентарем. Автор предполагает, что в Тривьере (могильник возник в конце V в., но в основном использовался между 525—600 гг.) и в Эн-Сен-Поле (между 550—700 гг.) погребали людей, обслуживавших королевское поместье, находившееся где-то в этом районе и известное по упоминанию в источниках VIII в. Кладбище около деревни Сипли (известной в X в. под названием Ципилиакум) принадлежало рядовому населению этих мест, земледельцам и ремесленникам, хотя и здесь есть могилы людей с более высоким общественным положением.

Большой интерес представляют и некоторые частные вопросы. В советской археологической литературе очень различно оценивается датирующее значение монет. Нет единства мнений и о том, надо ли учитывать при датировании могилы наличие в ней более древних вещей. Например, в сибирских древностях известны ханьские зеркала или их обломки в сочетании с вещами V—VI вв. и позднее. Наиболее характерные для IV—V вв. стеклянные сосуды с синими налепами неоднократно встречены в Абхазии в могилах VI в. (исследования М. М. Трапша, Ю. Н. Воронова и В. А. Юшина), а один раз с набором зерненых и инкрустированных украшений типа Кара-Агач – Варна (предположительно VII в.) во вторично использованном античном склепе (Марфовка близ Керчи). Следует ли сближать дату захоронений со временем изготовления ханьских зеркал и тем более хрупкой стеклянной посуды, или отдать предпочтение более поздним чертам, имеющимся в этих комплексах? Книга Г. Фэдера-Фейтманса дает интересный материал для дискуссии на эту тему. Монеты найдены в Сипли только в 10 могилах из более чем 1200 раскопанных. В 6 случаях это были римские или даже местного доримского чекана монеты. В двух из этих 6 могил не было другого инвентаря, в третьей он был невыразительным, зато оставшиеся 3 могилы хорошо датируются. В мог. 829 с тремя медными монетами Константина II (337—341 гг.) Максима Магна (383—388 гг.) и Аркадия (чеканена в 388—402 гг.) были меровингские пряжки и бусы. В могилах с брошью и с поясом VII в. были монета нервиев, выпущенная до римского завоевания, с отверстием для подвешивания (мог. 235), и антониниан Галлиена, чеканенный в 257—268 гг. (мог. 339). Не менее интересно распределяются 3 монеты, современные могильнику. Медная обтянутая золотом имитация монеты последней трети VII в. была в безынвентарной (по-видимому, ограбленной) мог. 464. Золотая имитация триенса Юстина I (518—527 гг.) сопровождалась в мог. 155 только римским стеклянным сосудом IV в. Лишь в мог. 684 золотой триенс 524—534 гг. сопутствовал богатому женскому убранству середины и второй половины VI в. Итак, большинство монет из достаточно выразительных комплексов оказались не пригод-

ными для их датирования, запоздав от 300 до 500—700 лет. Лишь один комплекс с монетой на 1200 могил (и на 10 могил с монетами) мог бы позволить приблизительно датировать Сипли VI в., если бы памятник уже без этого не был датирован по множеству аналогий для массового материала. Во избежание недоразумений напомню, что именно монеты служат основным показателем абсолютной даты. Однако любая хронология, в том числе и детально разработанная меровингская, строится прежде всего на массовом материале, а не на единичных вещах. Сначала выясняется относительная хронология всего материала в целом, выделяются этапы и затем для абсолютного датирования отбираются те из монет, которые присущи каждому отдельному этапу и не встречены в более ранних. Без монет не может быть абсолютной хронологии археологических материалов. Но материалы Сипли еще раз подтверждают, как неправы те, кто пытается строить хронологию сразу по монетам, без их проверки с помощью детальной относительной хронологии.

Как видно из книги Г. Фэдера-Фейтманса, хрупкость предмета не исключает его длительного сохранения. Судя по монете, прошло более 200 лет, прежде чем стеклянный сосуд IV в. попал в погребение 155. Случаи долгого сохранения римского стекла известны и в Норвегии (например, римский кубок в золотой узорчатой оправе VI в.). Собрав воедино все случаи находок римских вещей в могилах VI—VII вв. в Сипли, Г. Фэдер-Фейтманс получил внушительную картину. Римская керамика найдена в 11 могилах, стекло в 4, бронзовые вещи в 5 могилах. Не все случаи показательны: то римская посуда представлена обломками и может относиться к засыпи, то нет достаточно характерных меровингских вещей. Поэтому 3 могилы могут быть римскими, как предполагает Г. Фэдер-Фейтманс. Зато часть могил хорошо датирована и ясно показывает, что франки намеренно клали римские вещи в могилы. В мог. 124 стеклянный бальзамарий конца II—III вв. (с отбитым краем горлышка) найден вместе с меровингскими бусами, в мог. 155 целый стеклянный сосудик IV в. сопровождался только одним предметом: золотой имитацией монеты Юстина I (518—527 гг.). Обломок стеклянной бутылки в мог. 540 был с пряжкой VI—VII вв. В мог. 863 была римская миска «терра сигиллята» IV в. вместе с таушированным поясом. В мог. 917 глиняный сосуд конца I — начала II в., дополнительно орнаментированный характерным меровингским орнаментом поверх древних узоров, был вместе с сосудом, пряжками и фибулами середины и второй половины VII в. В мог. 38 и 666 вместе с меровингскими вещами были черепки римских сосудов. С характерным франкским инвентарем найдены и бронзовые римские изделия: деталь конского снаряжения в мог. 154 и дефектные фибулы второй половины II — первой половины III в. (мог. 1011) и середины III—IV вв. (мог. 589). Г. Фэдер-Фейтманс предполагает, что франки использовали римские вещи и монеты в магических целях: «необычный характер некоторых предметов или то обстоятельство, что некоторые из них были найдены в более древних могилах, придавало им таинственность и могло побуждать к тому, чтобы считать их охранительными элементами для носящих их живых, для мертвых, которым они сопутствовали за гробом» (стр. 60). Такое объяснение очень интересно. Ведь обычай класть в могилы более древние вещи широко распространен в раннем средневековье. Он наблюдается на Кавказе (кобанские вещи в могилах V—VII вв.), на Дунае (римские монеты в гепидских могилах VI в. и особенно массовые находки мелких римских вещиц и монет в позднеаварских могилах VIII в.) и у франков.

Г. Фэдер-Фейтманс специально останавливается на верованиях франков. Он перечисляет хранящиеся в Марьемонском музее амулеты (в том числе костяные пирамидальные подвески, имитирующие античную «палицу Геракла»), различные виды бус (как янтарные и глазчатые), которым могли придавать апотропеическое значение, вторично используемые римские вещи, кости жертвенных животных, поминальные очаги около некоторых могил. Он специально подчеркивает почти полное отсутствие христианских символов в публикуемых могилах франков VI—VII вв. Перечисляемые им как предположительно христианские крестовидные узоры некоторых фибул и кресты на дне сосудов (особенно свастики) едва ли связаны с христианством. Можно согласиться только с тем, что на перстне VII в. из Ними действительно изображен крестик. Более проблематична связь с христианством перстня из Эн-Сен-Поля и крестовидных фигур (образованных свободным полем между че-

тырьмя большими полушарными заклепками) на некоторых поясных бляхах с таушировкой. Г. Фэдер-Фейтманс напоминает, что даже раскопанные в церквах Кельна и Парижа погребения высшей знати первой, второй и третьей четвертей VI в. не имели христианских символов среди разнообразного и роскошного инвентаря. Стоит вспомнить свидетельство Прокопия Кесарийского о том, что еще в середине VI в. франки, «будучи христианами, сохранили многое из своих прежних верований: они приносят человеческие жертвы и совершают другие религиозные обряды, далекие от истинного благочестия» (Прокопий из Кесарии, Война с готами, II, 25, § 9–11). Как параллель этому можно привести многочисленные могилы христианской поры у крымских готов, у гепидов, у вестготов, в Абхазии и в древней Руси, где сохранена вся языческая обрядность. Обычно принятие христианства очень долго не отражалось на погребальной обрядности. Г. Фэдер-Фейтманс считает, что только с VIII в. христианские нормы стали глубже проникать во франкское общество.

Каталог франкских коллекций Марьемонского музея прекрасно издан, на хорошей бумаге, с множеством иллюстраций. Воспроизведена большая часть вещей в хороших контурных рисунках достаточно крупного масштаба. Ценно, что многие вещи показаны не только с лицевой стороны, но и в профиль (или в разрезе) и с обратной стороны. Приведены линейные масштабы. Стеклянная посуда и некоторые богато орнаментированные вещи повторены в крупномасштабных черно-белых фотографиях. Лучшие ювелирные изделия (в основном фибулы и броши) публикуются хорошими цветными фото в натуральную величину или с незначительным уменьшением. Они удачно передают своеобразную красоту франкских украшений меровингской эпохи. Текст каталога обстоятелен и легко обозрим. Книга представляет полезный вклад в раннесредневековую археологию.

А. К. Амброз

Ю. Л. Щапова. Стекло Киевской Руси. Изд. МГУ, 1972. Тираж 1540, стр. 216.

Производство стеклянных изделий в Киевской Руси достигло высокого для своего времени уровня. Как показывают археологические исследования, произведенные главным образом в последние несколько десятилетий, в Киевской Руси вырабатывались стеклянная посуда, оконное стекло, стеклянные бусы, стеклянные браслеты.

Книга Ю. Л. Щаповой посвящена обзору стеклоделия Киевской Руси на основании накопленного в последнее время обширного археологического материала.

В рассматриваемое исследование входит:

Введение. Здесь некоторые данные по изучению древних стекол.

Глава I. В ней рассказывается об источниках, методах изучения и основных проблемах истории стекла Киевской Руси.

Глава II. В этой главе описывается посуда древнего Киева, Вышгорода, Чернигова, Любеча, Вщижа, Изяславля, а также Новгорода, Новогрудка и Турова. Глава III. Описание производства оконного стекла. Глава IV. Посвящена стеклянным бусам. Глава V. В ней сведения о перстнях, изделиях, находимых сравнительно редко среди образцов русской материальной культуры. Глава VI. В этой главе приведены характеристики браслетов из разных городов Древней Руси – Киева, Полоцка, Новгорода, Церковища, Смоленска, Любеча, Костромы, Рязани, Турова, Пинска, Изяславля, городков-крепостей.

В последней, VII, главе вкратце изложена история стекла в Киевской Руси. Здесь приведены соображения и гипотезы о возникновении древнерусского стеклоделия, его происхождении и развитии.

После заключения в приложениях даны результаты спектральных анализов браслетов из раскопок в Новогрудке, Церковщине, Смоленске, Московском Кремле, пуговиц и разных поделок из новгородских раскопок.

В книге обстоятельно рассматривается каждый из указанных выше видов стеклянных изделий. Ю. Л. Щапова приводит таблицы фрагментов соответствующих

предметов и их реконструкции, дает современные классификации посуды и украшений (например, спецификация для бус, предложенная А. В. Арциховским). Фрагменты и реконструкции распределены по стратиграфическим ярусам данной местности.

Говоря о методах изучения предметов материальной культуры, автор книги правильно отмечает, что стеклянные изделия Древней Руси (добавим, вообще все средневековые и античные стекла) должны быть изучены, с одной стороны, археологически: особенности формы и ее эволюции, ареал и его изменение и т. д. С другой стороны, для изучения истории древнерусского стекла необходимо подробное химико-технологическое изучение предметов.

Химия и технология производства стекла определяют основной состав, вспомогательные материалы, температуры варки стекол и способы изготовления самих изделий.

Ю. Л. Щапова считает наиболее целесообразным для химического исследования стекол метод качественного спектрального анализа по М. Фэрнсворту и П. Ритчп. Этот способ анализа требует минимальных навесок (не больше 50 *мг*) без уничтожения исследуемого образца. Другие существенные достоинства способа – быстрота определений (за 2 недели 100 образцов) и небольшие затраты на проведение исследований, когда необходимы тысячи и десятки тысяч определений.

По мнению Ю. Л. Щаповой, подробные микрохимические анализы стекла громоздки и их результаты не используются в полной степени. «Химический состав лишь наполовину характеризует технологию древних стеклянных поделок» (стр. 21). Автор рассматриваемой книги характеризует М. А. Безбородова «главным противником этого метода» (качественного спектрального анализа). Однако она упускает из виду, что в книге «Стеклоделие в Древней Руси» (1956 г.) М. А. Безбородов писал (стр. 115): «Можно надеяться, что техника количественного определения химического состава стекла спектрографическим способом будет в дальнейшем усовершенствована и тогда им можно будет пользоваться не только для качественной характеристики стекла». По нашему мнению, автор монографии в известной степени права, утверждая, что не только химический метод дает представление о действительном соотношении компонентов в стекле. Качественный спектральный анализ с приблизительной оценкой содержания элементов практически может привести к колоссальным результатам в изучении составов древних стекол. От правильного пути сочетания обоих методов «несомненно выиграют археологи и даже скептически настроенные химики».

Нельзя согласиться с высказанным в книге положением (стр. 17): «Такие сведения о стекле, как температура плавления, его «длина», способность к кристаллизации, химическая устойчивость, не нашли применения в историко-археологических исследованиях». Именно все эти моменты определили методику производства и сохранность исследуемых предметов материальной культуры. Без них не над чем было бы вести историко-археологические исследования.

При рассмотрении древнерусского стекла в книге почти совершенно упущено стекло из Галича, стольного города Галицкого княжества. На стр. 37 книги лишь вскользь упоминается о находках В. Ф. Рожанковского и М. К. Каргера в этой области.

Между тем В. И. Довженок [1] рассказывает о древнерусской стекольной мастерской, обнаруженной экспедицией под его руководством близ Галича. Там были найдены печи для производства стекла, стеклоплавильные тигли с остатками стекла в них, некоторые сырьевые материалы (свинец, сурик) и т. д.

Произведены анализы фрагментов галицких огнеупоров, причем обнаружилось известное сходство рецептов их составления с киевскими.

Огнеупорные материалы и изделия из них (плиты, тигли, горшки и т. п.) – неотъемлемая часть стекольного производства. Важно не только какое стекло и как оно плавится, но и в чем плавление происходит, откуда и каким образом ведется выработка.

---

[1] *В. И. Довженок.* Селища и городища в окрестностях древнего Галича. КСИА АН УССР, 1955, 4, стр. 12—13.

К сожалению, авторы ряда монографий, исследований и статей по истории стеклоделия не уделяют этому вопросу должного внимания. Не избежала данной ошибки и Ю. Л. Щапова. В рассматриваемой книге ни слова нет об огнеупорном припасе. Автор книги правильно отмечает, что специфика «изучения стеклоделия древних эпох складывается из необходимости подходить к самому изделию с двух разных точек зрения: археологической и химико-технологической, имея в виду главное – историю готовых вещей в связи с историей их производства» (стр. 11). Действительно, только комплексный метод изучения материалов, находимых при археологических раскопках, может дать наиболее полную картину состояния ремесленного производства в прошлом. Однако в книге явно превалирует археологическая часть в ущерб технологии. Мы находим очень мало или почти ничего о печах и горнах для плавки древнерусского стекла, самой варке, температурах варки, методах выработки посуды, оконного стекла, бус и т. д. Нет ничего и о необходимых для выделки изделий инструментах, их эволюции [2].

Многочисленные результаты спектральных анализов, приведенные в приложении, весьма интересны; они дают понятие из чего стекла варились, какие материалы применялись для их производства. Косвенно они проливают свет на некоторые данные о процессах варки и выработки.

Но даже подробный химический анализ состава стекла может лишь наполовину характеризовать технологию производства древних стеклянных поделок. Тем более не могут этого дать качественные спектральные анализы.

Технологию производства любых стеклянных изделий, как старых, так и современных, можно получить лишь при рассмотрении в чем и как стекло варится и каким образом изделия вырабатываются.

Неясно изложены закалка и отжиг браслетов из Любеча (стр. 145). Автор пишет: «Готовая продукция, предварительно нагретая до 500°, постепенно остывает». Это типичный отжиг, никакой закалки здесь нет.

Как указывает Ю. Л. Щапова, в Древней Руси производилось много стекла для мозаик, глазурей и эмалей. По мнению автора, глазури и эмали – специальная тема исследований. В ограниченной степени рассматриваются и мозаики, что мы считаем не совсем правильным. Мозаики имели большое распространение в Древней Руси для украшения многочисленных церквей и соборов.

Расцветшее в древнем Киеве стеклоделие прекратило свое существование после взятия Киева монголо-татарами в 1240 г. Монголо-татары разрушили стеклоделательные мастерские и в других местах Руси. Стекольные заводы возникли вновь в Московском государстве в первой половине XVII в. (например, завод Елисея Коэта в 1635 г.). В истории русского стеклоделия получился большой «антракт», промежуток почти в четыре столетия – 1240–1635 гг. Фактически этот «антракт» несколько меньше, ибо волны монголо-татарского нашествия не докатились, например, до Новгорода и некоторых других мест.

А. В. Арциховский обнаружил стеклянные браслеты для слоев Новгорода времен посадника Феодора (1362 г.). Это верхний хронологический предел. Пока нет определенных данных о наличии стеклоделия на Руси в этот период. В книге нужно было дать наиболее правдоподобные гипотезы, объясняющие причины упадка стеклоделия на Руси или отсутствие спроса на стеклянные изделия в столь длительный послемонгольский период.

По нашему мнению, наиболее вероятна следующая гипотеза причин упадка стеклоделия на Руси: монголо-татарское нашествие разрушило основные центры стеклоделия древней Руси. Монголо-татарское иго имело следствием замедление темпов социально-экономического и культурного развития России.

Лишь освобождение от этого ига и образование централизованного русского государства во второй половине XV в. привело к новому экономическому подъему.

В результате развития торгового капитала и усиления спроса на изделия кустарной промышленности, в том числе и на стекольные изделия, в первой половине XVII в. появляются первые стеклянные заводы в Московском государстве. В 1635 г. был один такой завод, меньше чем 100 лет спустя их насчитывалось более 10.

[2] См.: *М. А. Безбородов*. Химия и технология древних и средневековых стекол. Изд-во «Наука и техника», Минск, 1969.

Многочисленные ссылки на литературу следовало дать не в виде сносок, а отдельным перечнем источников в конце книги.

Несмотря на перечисленные недостатки, публикация вводит в научный оборот весьма ценный материал. Книга систематизирует результаты археологических исследований в области многих видов древнерусского стекла. Значительный интерес представляют приводимые автором классификации изделий по цветам, формам и стратиграфии, а также спектральные анализы браслетов и некоторых других поделок.

М. Ф. Шур

Л. А. Голубева. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973.

Белоозеро – один из трех древних северных городов, названных в летописи под 862 г. Столь раннее упоминание города – факт сам по себе значительный, а если учесть, что древнее Белоозеро как область расселения летописной веси с глубокой древности было тесно связано с историко-культурными процессами прибалтийских, волжских и вычегодско-пермских финно-угорских групп населения, территорией, куда в начале II тысячелетия продвинулись славяне, исследовательский интерес к данному району не требует дополнительных разъяснений.

Подход к сложной, далекой от окончательного решения проблеме, на наш взгляд, Л. А. Голубевой сформулирован глубоко и исчерпывающе: «1 – обобщение всех археологических данных о веси, главным образом белозерской; 2 – выделение комплексов погребального обряда и инвентаря белозерской веси по памятникам X–XIII вв.; 3 – выявление локальных групп веси и их взаимоотношений со славянами в процессе продвижения последних на Белоозеро». Вторая часть книги, посвященная публикации результатов проведенных автором многолетних раскопок города, является логическим продолжением первой.

В главе первой «Вопрос о веси в современной литературе» автор рецензируемой монографии рассматривает письменные западноевропейские и древнерусские источники, сведения восточных авторов, упоминающих весь, позволившие еще раз на комплексном материале подтвердить мнение о широком расселении веси.

Возражение вызывает очерченная автором северо-западная граница весского ареала, особенно в зоне контактов летописной корелы и веси. Л. А. Голубева придерживается мнения В. И. Равдоникаса и Я. В. Станкевич, что курганы Олонецкого перешейка (южная часть Карельской ССР) являются промежуточным звеном к памятникам Северо-Западного Приладожья [1]. «Предположение о том, что население, оставившее Видлицко-Олонецкие курганы (т. е. весь.– *С. К.*), могло участвовать в формировании карел, заслуживает полного доверия» (стр. 18).

Высказанная точка зрения далеко не единственная. На основе лингвистических данных Д. В. Бубрих обрисовал общую картину этнических процессов в Северо-Западном Приладожье. До образования древнерусского государства Карельский перешеек был слабо заселен. Здесь кочевало редкое саамское население. Но с образованием государства начался процесс формирования корелы, находившейся в сфере влияния Руси. На вопрос, откуда она появилась, Д. В. Бубрих не берется ответить, но предполагает, что часть населения пришла из еми, часть из мест, близких к Чудскому озеру, Новгороду. Возможно, в сложении корелы приняла участие и весь, поскольку в топонимии Карельского перешейка встречается название Вепсä (недаром эстонцы сохранили смутное воспоминание о ней); следовательно, пишет Д. В. Бубрих, обитали они когда-то поблизости друг от друга [2].

[1] Данная точка зрения необоснованно приписана и автору рецензии. Однако в моей работе «Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв.» (Л., 1973) по этому поводу сказано следующее: «Можно думать, что существующих данных достаточно для того, чтобы наметить определенные связи приладожских курганов, особенно тех, которые расположены на Олонецком перешейке, с кексгольмскими, но недостаточно для утверждения о переселении населения из Юго-Восточного Приладожья на Карельский перешеек» (стр. 66).

[2] *Д. В. Бубрих.* Не достаточно ли емских теорий? Изв. Карело-Финского филиала АН СССР, Петрозаводск, 1950, 1, стр. 87.

В. И. Равдоникас высказал другую точку зрения, согласно которой материальная культура Карельского перешейка IX—XI вв. аналогична материальной культуре центральной и западной Финляндии, из чего следовал вывод – Карельский перешеек был заселен тем же племенем, что и центральная Финляндия, т. е. племенем емь. Население могло прийти из Юго-Восточного Приладожья, откуда оно было вытеснено новгородцами, а появившись на Карельском перешейке, вытеснило проживавшую там емь. Но какое-то время то и другое население жило бок о бок[3].

Основные аргументы, которые приводит В. И. Равдоникас в подтверждение своей гипотезы, касаются сопровождающих вещей и погребального обряда курганов Олонецкого перешейка. По В. И. Равдоникасу, вещи из курганов XI—XII вв. являются прототипами вещей карельских могильников XII—XIV вв.; в тех и других погребальных памятниках использовались срубы, в которых помещались умершие, прослежены зольно-углистые прослойки, остатки шкур животных, слой бересты и некоторые другие общие детали.

Исследования последних лет выявили в концепции серьезные противоречия. Не останавливаясь на подробном анализе сходных черт обоих памятников[4], скажем, что аналогии между вещами далеко не полные, а те, что есть, характерны для многих других синхронных памятников Северо-Запада. К примеру, литые массивные браслеты, крестовидные подвески, спиральки, втульчатые листовидные копья, мечи, котлы не могут служить этническими показателями. Напротив, типичные для кексгольмских могильников предметы из женских погребений: парные овальные фибулы типов C_1—C_2, H, F_1—F_4 (по Ю. Айлио)[5], карельские подковообразные фибулы, серебряные булавки, литые бронзовые орнаментированные рукояти ножей и т. д. отсутствуют и на Олонецком перешейке, и в Юго-Восточном Приладожье. Между погребальными обычаями меньше сходства, нежели различий. Характерно, что в курганах Олонецкого перешейка погребенные ориентированы головой на юг, а в могильниках Карельского перешейка – на север.

Третья точка зрения принадлежит финскому исследователю Э. Кивикоски. В статье о происхождении карел и карельской культуры она полагает, что заселение Карелии происходило не с востока на запад, а с запада на восток, в результате карельской культуре приписывается западнофинское происхождение[6].

Точка зрения Д. В. Бубриха в настоящее время не может быть подтверждена археологическими данными, которые смогли бы осветить ранние этапы формирования корелы; гипотеза Э. Кивикоски не встречает сторонников среди финских ученых[7]. Мнение В. И. Равдоникаса уже сейчас находится в противоречии с археологическими фактами. Олонецко-Видлицкая группа памятников не является промежуточным звеном, переходным этапом к более поздним грунтовым могильникам Карельского перешейка, а население, оставившее эти курганы, не могло в XI—XII вв. принимать участие в формировании корелы.

Малоубедительным представляется отнесение могилы на поселении Муромское VI к кругу памятников веси (стр. 26, карта 2, пункт 2). На восточном побережье Онежского озера, насыщенного лопарской топонимией, встречаются селища и сопутствующие им единичные грунтовые могилы. На селищах тонкий культурный слой, хозяйственные сооружения отсутствуют. Помимо фрагментов керамики найдены немногочисленные железные предметы, изделия из бронзы, не отличающиеся какими-либо выразительными деталями, схожие с вещами многих памятников Севера Европейской части СССР той поры. В грунтовых могилах умерший ориентирован головой на юг с небольшим отклонением к западу или востоку. Таково погре-

---

[3] *В. И. Равдоникас.* Проблемы изучения культур эпохи металла в Карелии, Карелия. Ежегодник КГМ за 1928, Петрозаводск, 1930.

[4] *С. И. Кочкуркина.* Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв., стр. 63, 66.

[5] *J. Ailio.* Karjalaiset soikeat kupurasoljet. SMYA, XXXII, Helsinki, 1922.

[6] *E. Kivikoski.* Zur Herkunft der Karelier und ihrer Kultur. Acta Archaeologica, XV, Fasc. 1—2, København, 1944.

[7] В докладе проф. Хейкки Киркинена «Участие племен, населявших Прибалтику и Финляндию, в решении территориальных вопросов района Балтийского моря в XII и XIII вв.», прочитанном на советско-финском семинаре в Москве в январе 1974 г., поддержана гипотеза В. И. Равдоникаса, причем прародина карел смещена в долины рек Волхова и Сяси.

бение с юго-западной ориентировкой покойного на восточном побережье Онежского озера на поселении Шеттима I [8].

Существенное отличие их от Чёлмужских курганов, насыпанных продвинувшейся из Юго-Восточного Приладожья весью, приводит к более правдоподобному предположению, что могилы оставлены, учитывая топонимию, лопарями, летописной лопью, обитавшей поблизости от Муромского монастыря, как это известно из описания жизни его основателя Лазаря Муромского, боровшегося с «дикой лопью» [9].

В главе первой Л. А. Голубевой приведены важные сведения о термине «чудь», под которым автор понимает прибалтийских финнов вообще. Еще ранее В. В. Пименовым собраны и картографированы фольклорные предания и средневековые письменные упоминания о чуди [10], наглядно демонстрирующие широкое (от Прибалтики до Западной Сибири) собирательное значение этнонима, хотя только у эстов, води и вепсов термин «чудь» использовался в качестве самоназвания (Л. А. Голубева, стр. 13) – вывод, по всей вероятности, на сегодняшний день достаточно обоснован [11].

Вторая глава посвящена курганам славян и веси X—XIII вв. Автор выходит за пределы собственно Белозерья, подвергая анализу памятники летописной веси в Юго-Восточном Приладожье и Ярославском Поволжье. Надо сказать, что Юго-Восточное Приладожье часто фигурирует при доказательстве тех или иных положений монографии, так как приладожские погребальные комплексы в наибольшей чистоте сохранили типичные весские этнические черты, не в пример древнему Белоозеру, куда рано проникли славяне, что привело к стиранию этнических черт веси. Видимо, этим объясняется то, на первый взгляд, несообразное явление, что древнее Белоозеро – страна веси – менее самобытно, чем Юго-Восточное Приладожье. Не следует забывать и о влиянии восточных соседей, придавших отличную от Юго-Восточного Приладожья окраску материальной культуре Белозерья эпохи средневековья.

Л. А. Голубева справедливо отмечает продвижение на эту территорию групп населения из Приладожья. Не исключено, что этот процесс был более интенсивным, чем допускается в монографии, не случайно славяне и весь, судя по памятникам X — начала XI в., почти одновременно появляются на Белом озере.

При выделении общих черт, присущих веси в пределах огромного ареала, исследовательницей выделены и специфические черты, свойственные локальным группам летописной веси (третья глава). Отличия между ними существуют, иначе и быть не может. Д. В. Бубрих считал, что термин «весь» — собирательный, что «летописная белозерская весь вряд ли была то же самое, что весь, скажем, в районе Свири, продолжающаяся в современном вепском народе» [12].

Погребальные комплексы Приладожья и верхнего течения Волги, средней Колпи и Моложско-Волжского бассейна имеют ощутимые различия. К тому же, как признает Л. А. Голубева, несоответствие количества исследованных памятников величине занимаемой весью территории может изменить представление о локальных группах веси.

Автор подробно останавливается на обстоятельствах славянского освоения края, указывает различные каналы, по которым распространялось славянское влияние на местное население. К сожалению, в монографии не рассматривается обратный процесс – влияние веси на славян. Движение славян на Белоозеро, как пишет автор, «носило народный, крестьянский характер»; в археологическом материале должны быть прослежены взаимовлияния и контакты.

Публикация многолетних раскопок Белоозера (часть вторая) – неоценимая заслуга Л. А. Голубевой. Монография «Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв.» — серьезный вклад в изучение северного средневековья.

С. И. Кочкуркина

---

[8] *Г. А. Панкрушев.* Отчет о работе Восточно-Карельской археологической экспедиции в 1967 г. Архив Карельск. фил. АН СССР, ф. 1, оп. 29, № 196, стр. 33.

[9] *И. В. Витов.* Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962, стр. 69, 70.

[10] *В. В. Пименов.* Вепсы. М.— Л., 1965, рис. 10; глава третья «Предания о Чуди», стр. 117—170.

[11] Эстонские коллеги, судя по литературе (История Эстонской ССР. I. Таллин, 1961, стр. 81, 107, 108) и недавним выступлениям на советско-финском семинаре, отождествляют чудь и эстов.

[12] *Д. В. Бубрих.* Не достаточно ли емских теорий? стр. 83, 84.

Хроника

ПОДГОТОВКА К МУЗЕЕФИКАЦИИ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ И АРХИТЕКТУРЫ В ПСКОВЕ

Как сохранить и показать памятники археологии, архитектуры и истории в пределах современного города? [1]. Эти вопросы стоят и перед Псковским историко-художественным и архитектурным музеем-заповедником.

Авторским коллективом Центрального научно-исследовательского института экспериментального проектирования торгово-бытовых зданий и туристских комплексов разработаны проектные предложения по превращению Пскова в крупный туристский центр на основе сохранения и пропаганды памятников его истории и культуры [2]. Более 100 памятников псковского зодчества охраняется государством. Сюда входят целые архитектурные ансамбли, уникальные оборонительные и гражданские сооружения, культовые здания.

Гордостью псковичей, архитектурным «акцентом» города является Кремль [3]. Планомерное археологическое изучение Пскова началось с раскопок именно территории Кремля [4]. Раскопками установлено, что на территории Кремля уже во II—III вв. возникло древнее поселение [5].

Начатые в 1954 г. реставрационно-восстановительные работы стен и башен Кремля продолжаются и близки к завершению [6] (рис. 1, 2). Существовало два варианта восстановления Псковского Кремля.

Первый вариант заключался в консервации кремлевских руин; этот путь был бы наиболее целесообразным, если бы кремлевские укрепления сохранили в большей мере присущие им первоначальные архитектурные формы. Техническое состояние сооружений Кремля было таково, что по ним очень трудно было бы представить, даже частично, характер бывших укреплений. Консультации химиков показали, что сохранение руинированных укреплений возможно лишь на малой площади, работа эта чрезвычайно дорогостоящая, кроме того, она потребовала бы почти ежегодных подновлений.

---

[1] Эти вопросы ставились на совещании работников историко-архитектурных музеев-заповедников РСФСР в Новгороде в 1960 г.; на совещании, посвященном вопросам охраны, реставрации, пропаганды памятников истории и культуры в Костроме в 1968 г., на научно-методическом совещании «Охрана и музейный показ памятников археологии в РСФСР» во Владимире в 1971 г. В основу статьи положено сообщение, сделанное на последнем совещании.

[2] *М. Орлов.* Развитие туризма и особенности проектирования крупных туристских комплексов. Архитектура СССР, 1972, 9, стр. 48, 49; *Ю. Ранинский.* Архитектурные решения туристских центров в исторических городах. Там же, стр. 59.

[3] В Кремле находится вечевая площадь, Троицкий собор, в подклетье собора — усыпальница псковских князей. На территории Кремля располагались хранилища запасов зерна и пороха. Здесь же помещался двор митрополита.

[4] В 1930 г. обследование на территории Кремля проводил К. К. Романов, в 1936 г.— Н .Н. Чернягин, с 1945—1949 гг. здесь работала С. А. Тараканова. К территории Кремля неоднократно обращалась экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством Г. П. Гроздилова, а позже — В. Д. Белецкого, оборонительными сооружениями Кремля занимался М. Х. Алешковский.

[5] *С. А. Тараканова.* Новые материалы по археологии Пскова. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 62.

[6] Проект реставрации Псковского Кремля был выполнен архитектором А. И. Хамцовым. Работы ведутся силами Псковской специальной научно-реставрационной производственной мастерской (далее ПСНРПМ). С 1966 г. реставрационными работами в Кремле руководит архитектор Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината А. В. Воробьев. Восстановление Псковского Кремля следует рассматривать как часть грандиозной по своему масштабу работы по восстановлению всей оборонительной системы древнего Пскова.

Рис. 1. Руины Кремля до реставрации, 1948 г. Вид с северо-западной стороны

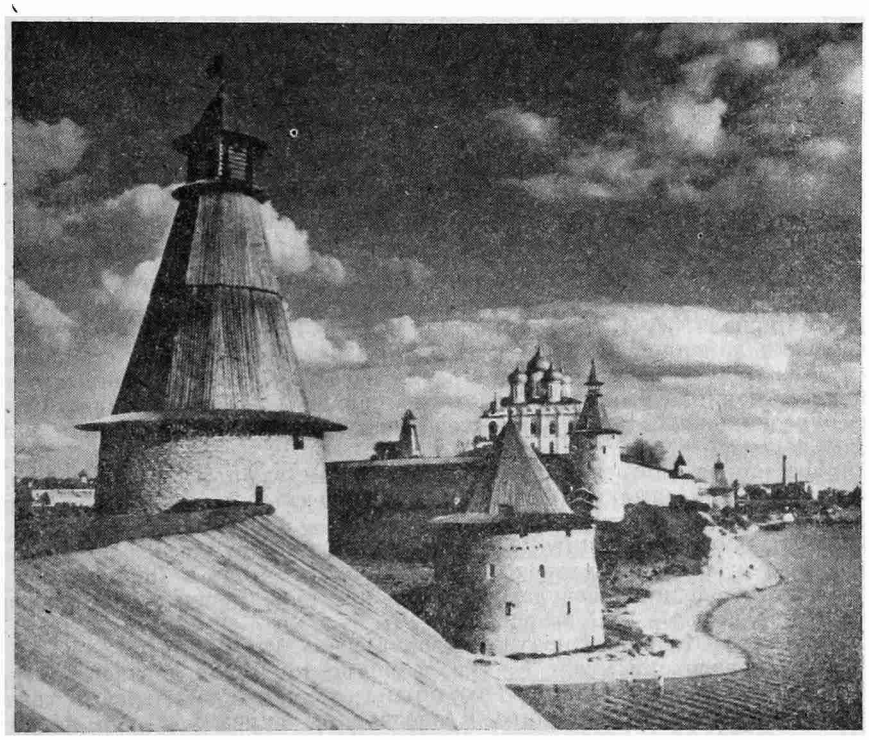


Рис. 2. Вид на Кремль с северо-западной стороны после реставрации

Местная плита, из которой сложен Кремль, псковские храмы, гражданские постройки, очень быстро поддается разрушению [7]. По-видимому, уберечь уникальный памятник крепостного зодчества от разрушения возможно только благодаря его полному восстановлению. Именно консервация в результате восстановления может обеспечить памятнику длительную жизнь. Этот путь и был избран для восстановления стен и башен Кремля (в формах, существовавших в XVI—XVII вв.). Воссоздание недостающих частей стен и башен осуществлялось докладкой их новой известковой плитой, той же самой, из которой сложены все древние укрепления, на документальной основе с учетом сохранившихся в натуре остатков стен и башен, а также с использованием архивных документов и, в частности, чертежей 1740 г. [8].

С юга к Кремлю примыкает вторая крепость – Довмонтов город, уникальнейшее сооружение, не находящее себе аналогий в древнерусском градостроительстве [9]. Площадь Довмонтова города (приблизительно 1,5 *га*) была некогда густо застроена церковными и общественными зданиями. Существует предположение, что каждый конец города (их было 6) и каждый пригород (их было 12) ставили здесь храмы [10]. Купцы тоже создавали здесь свои патрональные церкви (церковь Святой Софии, 1416 г.).

Значение Довмонтова города в литературе должным образом не раскрыто. Между тем по не использованному в нашей литературе сообщению немецкого путешественника Иоганна Давида Вундерера, побывавшего в Пскове в 1590 г. и слышавшего рассказы местных жителей, по всей вероятности, здесь находились выделявшиеся среди других изрядной величиной и положением царские (княжеские?) палаты (palatium principis) и зал для народных собраний (comitia) [11]. В последнем можно видеть место собраний псковского нобилитета, возникшее и существовавшее, вероятно, еще в период городской независимости. Известия Вундерера для реконструкции социальной топографии Пскова в связи с их «поздним» характером, конечно, следует принимать с оговорками. Сам путешественник описывает в зале «для народных собраний» царский трон, перед стеной Кремля высокий камень, а на нем медное изображение царя Ивана III, якобы воздвигнутое в его честь в 1491 г. Ретроспективно сведения Вундерера, однако, не противоречат, например, предположениям о первоначальном местоположении княжьего двора в Довмонтовом городе, и лишь в какой-то момент перемещенного за его пределы [12].

По справедливому утверждению Ю. П. Спегальского, в Довмонтовом городе сосредоточилось управление производственными и церковными объединениями города [13]. Раскопками В. Д. Белецкого там же кроме храмов обнаружены остатки архива [14]. Таким образом, письменные и археологические источники воссоздают своеобразнейший центр, который вместе с Кремлем, где собиралось вече и, по сообщению Вундерера, находились военные люди, оружие и «совет» (Räth) образовывал административный, военный и церковный центр древнего города.

Часть построек, видимо, исчезла. Гигантские Приказные палаты, построенные в конце XVII в., видимо, навсегда скрыли от нас следы предшествовавших общественных сооружений. При всем этом реконструкция этого необычного района имеет первостепенное значение для социологического изучения всего городского организма.

---

[7] По метеорологическим данным, зона Пскова имеет в среднем около 100 случаев в году перехода через температурный нуль, что губительно сказывается на этом нестойком материале (*Л. А. Петров.* Восстановление Псковского Кремля. Сб. «Вопросы консервации каменной кладки», I, 1965, стр. 26). Для придания стойкости плите псковичи обмазывали стены зданий и Кремля известью. Имеются данные о том, что «левкашение» стен производилось вплоть до начала XVIII в. Реставраторами произведена обмазка южной стены Довмонтова города от Власьевской башни до Святых ворот.

[8] При восстановлении псковских укреплений, там, где это было возможно, сохранены «пятна» старой кладки – например, в Покровской башне (архитектор В. П. Смирнов) и некоторых участках кремлевских стен.

[9] Раскопки, произведенные в 1945 г. на территории Довмонтова города С. А. Таракановой, носили рекогносцировочный характер. С 1956 г. в Довмонтовом городе начала работать экспедиция Государственного Эрмитажа (вначале под руководством Г. П. Гроздилова, позже – В. Д. Белецкого).

[10] *Г. Я. Мокеев.* Столичный центр вечевого Пскова. М., 1971, стр. 12.

[11] И. Д. Вундерер описывает Кремль и Довмонтов город двучастным укреплением, он попал внутрь него и внимательно отметил все, что там видел. К сожалению описание немецкого путешественника, приводящего, например, точное число псковских дворов – 41568, переведено частично. Нами использован полный текст подлинника: *J. D. Wunderer.* Reisen nach Dennemarck, Rußland und Schweden 1589 und 1590. Frankfurtisches Archiv für älter deutsche Litteratur. II. Frankfurt am Mein, 1812, S. 202–205.

[12] По сведениям XVII в., «государев двор» находился перед Довмонтовой стеной, но когда он возник там, неизвестно. (*Ю. П. Спегальский.* Псковские каменные жилые здания XVII в. МИА, 119, М.— Л., 1963, стр. 169, № 8.)

[13] *Ю. П. Спегальский.* Псков. Художественные памятники. Л., 1972, стр. 113.

[14] *В. Д. Белецкий.* Древний Псков по материалам археологических раскопок экспедиции Гос. Эрмитажа. СГЭ, 29, Л., 1968, стр. 3.

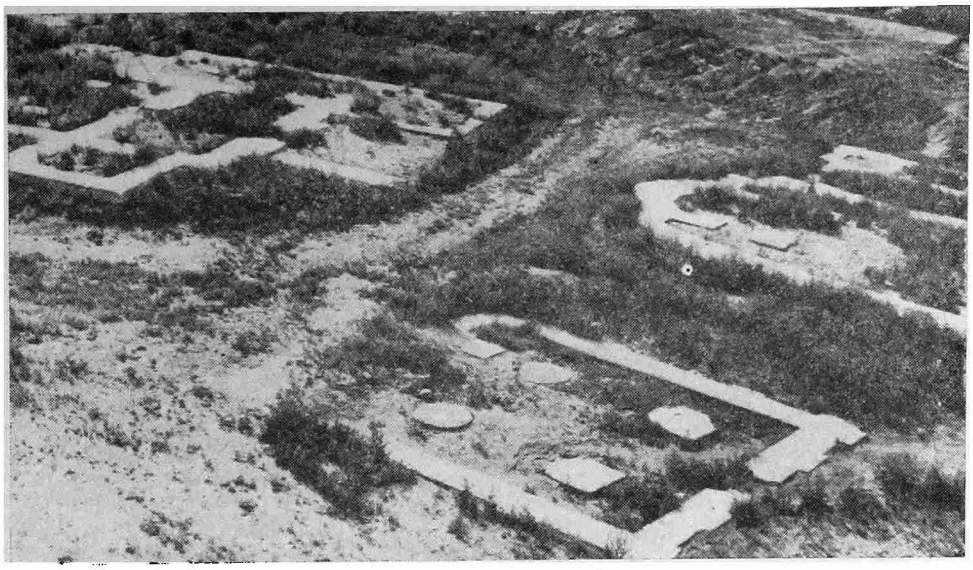


Рис. 3. Первые опыты консервации памятников Довмонтова города, 1965 г.

Раскопками в Довмонтовом городе пока вскрыто 14 памятников архитектуры — это и культовые сооружения, и гражданские постройки. Памятники датируются XIII—XIV вв., временем сложения псковского каменного зодчества. Поскольку все маршруты экскурсий по Пскову начинаются с Кремля и Довмонтова города, возникла необходимость консервации вскрытых объектов и их музеефикации. Эти работы ведутся с 1961 г. (рис. 3).

Был избран следующий метод консервации древней кладки «под открытым небом». После раскрытия памятника его стены примерно на 1 *м* надстраиваются несколькими рядами защитной кладки, в свою очередь закрытой железобетонными плитами (толщиной 6—7 *см*). Положенные сверху плиты несколько шире защитной кладки, что сделано для стока вод. Древние полы храмов и гражданских построек присыпались землей. В результате подобной консервации получаем точные планы зданий на приблизительно одном горизонтальном уровне (рис. 4, 5).

Довмонтов город ныне представляет своеобразный и, пожалуй, единственный в своем роде в РСФСР музей целой серии частично восстановленных архитектурных сооружений русского средневековья и является одним из немногочисленных замкнутых комплексов на территории нашей страны, сохранившим средневековую планировку. Археологическое исследование Довмонтова города близится к концу. Уникальный по насыщенности памятниками комплекс преподнес очередной сюрприз археологам в 1972 г.

Известно, что накануне Северной войны Петром I были возведены земляные бастионы в Кремле и у восточной стены Довмонтова города. Экспедиции Эрмитажа удалось точно установить число храмов (их было три), почти полностью погребенных под бастионом, а при частичном вскрытии храма Покрова Богородицы на его стенах, на высоте более 3 *м* над предполагаемым уровнем пола, были обнаружены остатки фресковой росписи, которая, как считают исследователи, сохранилась, по всей вероятности, со времени возведения храма (т. е. с XIV в.). Предполагается осуществить реставрацию и реконструкцию всех трех храмов, как раскопанных (церковь Святого Духа, сохранившая свои стены и даже частично своды, раскопана в 1972 г.), так и двух, еще находящихся под насыпью Рождественского бастиона (у них будут восстановлены своды и барабаны).

У южной стены Довмонтова города расположены построенные в 1694 г. Приказные палаты, крыльцо которых реконструировано в древних формах. Музей предполагает воссоздать интерьер палат. В юго-восточном углу Довмонтова города реставраторы закончили восстановление участка стены с въездными Святыми воротами и надвратной башней; перед Персями (южной кремлевской стеной) прорыта Гребля — ров, соединявший в древности воды рек Великой и Псковы (следы этого рва были впервые обнаружены С. А. Тараканової в 1945 г.).

Методы консервации, применявшиеся при благоустройстве Довмонтова города с 1961 г., выдержали экзамен времени. Теперь, когда количество вскрытых памятников архитектуры значительно, а археологические раскопки в Довмонтовом городе близки к завершению, со всей остротой встает вопрос о более совершенном музейном показе вскрытых памятников.

Реставраторы предлагают выводить кладку храмов на разный уровень,— это должно снять ощущение статичности вскрытых объектов. Может быть, стоит изме-

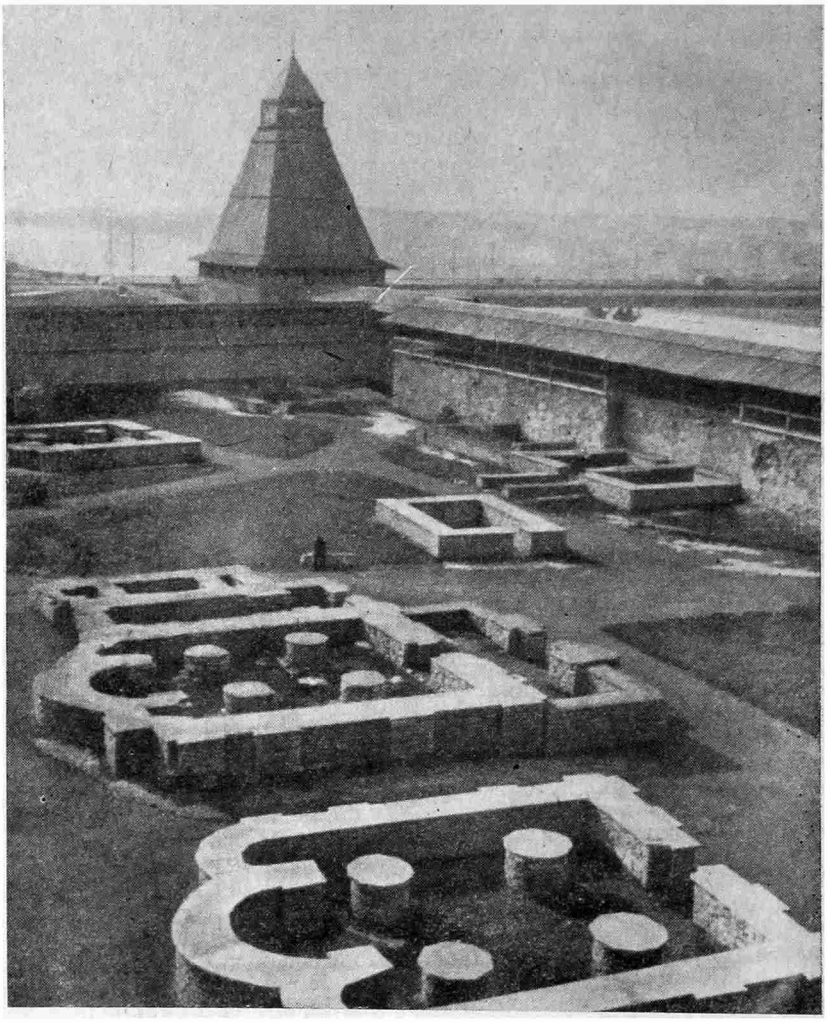


Рис. 4. Общий вид консервированных памятников Довмонтова города, 1969 г.

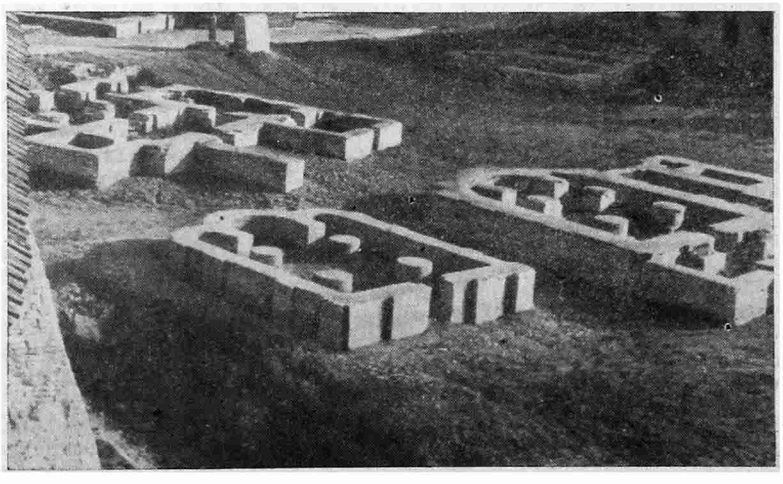


Рис. 5 Современный вид Довмонтова города.

пить и характер покрытия кладки – в зарубежной реставрационной практике используются прозрачные пластмассовые покрытия. Защитная «подушка», сохраняющая старую кладку памятника, лишает посетителя возможности сравнить ее с подлинной древней кладкой. В связи с этим, вероятно, стоит продумать систему показа лицевой поверхности засыпанной древней кладки путем создания смотровых окон.

Помимо Кремля и Довмонтова города Псков располагает значительным числом памятников, подлежащих охране. Специфика древнего Пскова состоит в том, что застройка его носила ансамблевый характер, именно поэтому здесь возможно создать целую серию самостоятельных архитектурно-археологических узлов, таких, например, как Паганкины палаты и палаты Подзноевых, комплекс гражданских зданий XVII в. на Романовой горке комплекс Мирожского монастыря, ансамбль Гремячей горы и др.

Неблагоустроенность территории, окружающей памятник архитектуры, строения, вплотную подходящие к нему, вредят памятнику и снижают эстетическое впечатление. В связи с этим особое внимание должно уделяться созданию соответствующего памятнику окружения и организации охранной зоны. Работа по созданию охранных зон в Пскове была начата в 1946 г. архитектором Ю. П. Спегальским. Им же был создан проект системы охранных зон, вошедший в перспективный план восстановления города. Ю. П. Спегальским был предложен проект планировки архитектурных заповедников, предусматривающий особые зоны застройки. В условиях послевоенной разрухи города этот проект не мог быть осуществлен. Однако позже, при составлении Плана охранных зон и зон регулирования центра Пскова [15], авторы проекта Плана воспользовались материалами Ю. П. Спегальского.

В основу проекта заложен принцип групповых охранных зон, соединенных между собой и представляющих потенциальные туристские маршруты [16]. Охранные зоны не равнозначны по своему режиму. Есть охранные зоны, где новое строительство не допускается (Кремль, Довмонтов город), есть зоны регулирования и археологических исследований, где новое строительство разрешается органами охраны памятников только после тщательных широких археологических исследований; есть зоны регулирования и археологического надзора, где новое строительство разрешается при условии закладки предварительных шурфов и археологического надзора за земляными работами.

К сожалению, еще не всегда требования органов охраны памятников соблюдается строительными организациями, ведущими работы внутри охранных зон. Работы начинаются без предварительных археологических исследований, в результате чего разрушаются древние памятники. Так получилось с памятником архитектуры XV—XVI вв. Иоанно-Златоустовским Медведковым монастырем. Правда, после того как строители наткнулись на следы старой кладки, строительство было приостановлено и сделаны соответствующие обмеры. Но работы на этом участке были начаты без археологического надзора. Сходная ситуация возникла и при осуществлении подготовительных работ к прокладке газопровода в долине р. Псковы. Земляные работы велись в районе Рыбников, территории древнего Торга, без археологического надзора. Экскаватором была повреждена часть пристани Рыбного Торга. Утрачен для археологов и интересный участок древнего Пскова, на левом берегу р. Великой, где, возможно, находился один из иностранных торговых дворов. Здесь сооружается здание театра.

По всей вероятности, органам охраны памятников необходим перспективный план археологических исследований, связанный со строительными работами в охранных зонах.

В результате раскопок в Пскове вскрыто значительное количество деревянных сооружений. Следует отметить, что сохранность обнаруженных деревянных сооружений в Кремле гораздо худшая, нежели на остальной территории города. В музейной экспозиции мы показываем остатки жилых и колодезных срубов, водоотводных сооружений, мостовую с частоколом. Методика же консервации строительного дерева in situ еще только разрабатывается. Сделан первый и, надо сказать, удачный опыт подобной консервации в Белоруссии. Об аналогичном эксперименте на своем материале мечтают и псковичи.

В Пскове проводится значительная работа по восстановлению древних памятников архитектуры. Однако сил реставрационной мастерской не хватает на все объекты. Кремлю и Довмонтову городу повезло, а вот стены Окольного города разрушаются, наполовину восстановлена церковь Сергия с Залужья, в аварийном состоянии находятся Палаты в Волчьих ямах на Гремячей горе.

---

[15] Проект разрабатывался в течение 1966–1968 гг. Псковской СН РПМ совместно с институтом Ленгипрогор (авторы проекта Н. С. Рахманина и Г. П. Боренко). Приношу свою благодарность Н. С. Рахманиной за ценные указания и консультации и О. К. Аршакуни, представившей возможность ознакомиться с материалами по составлению охранных зон Пскова из архива Ю. П. Спегальского.

[16] *Н. С. Рахманина.* Методика составления плана охранных зон и зон регулирования застройки центра города Пскова. Сб. «Вопросы охраны, реставрации, пропаганды памятников истории и культуры», II, 1970, стр. 88.

Следует, видимо, обратить внимание и на такие вопросы: всегда ли фиксация и документация памятников соответствует конечному результату, всегда ли тесна связь археолога с реставратором, потому что только такое сотрудничество может обеспечить научную высоту реставрации.

Вновь откорректированный институтом Ленгипрогор генеральный план Пскова большое внимание уделяет сохранению архитектурного наследия древнего города. Планом предусматривается активное включение памятников древней архитектуры в структуру современного Пскова, что будет способствовать органическому сохранению исторического Пскова в системе его новой застройки.

О. А. Кондратьева.

VI ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ

Очередная Всесоюзная конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии состоялась в Таллине 13—16 ноября 1973 г. Основная работа конференции велась по секциям. В работе секции археологии приняло участие около 60 ученых, был прочитан 21 доклад, по которым велись прения.

Значительное место в дискуссии было отведено проблеме «Норманны в Восточной Европе». Обсуждение ее открылось докладом Д. А. Авдусина «Археологические источники по варяжскому вопросу». Докладчик показал, что археологические материалы, количество которых постоянно увеличивается, давно стали основными в решении узловых и частных вопросов рассматриваемой проблемы. В последние годы опубликовано немало исследований, освещающих различные стороны варяжской проблематики. Однако в некоторых из них археологические данные используются без должного источниковедческого анализа. Решению ряда исторических вопросов препятствует также сходство в отдельных деталях погребальной обрядности и элементах языческих верований славян и племен Северной Европы. В заключение Д. А. Авдусин предпринял попытку определения скандинавских захоронений в Гнездовском могильнике (трупосожжения в ладьях, присутствие железных гривен с привесками-молоточками Тора и т. п.). Таковых насчитывается около 50, причем все относятся к X столетию. Поэтому докладчик определяет время присутствия здесь варягов X — началом XI в.

Курганы того же могильника анализировались в докладе В. А. Булкина «Норманнские древности в Гнездовском могильнике (по материалам больших насыпей)». Рассмотрены были данные семи самых больших курганов с плоскими вершинами, исследованных еще в конце XIX и начале XX в. Тщательный анализ опубликованных и архивных сведений позволил исследователю в деталях восстановить последовательность и отдельные элементы погребальной обрядности. Трупосожжения в этих насыпях произведены на подсыпках и в ладьях. Датируются они второй половиной X в. Несмотря на то что обряд трупосожжения в ладье по происхождению является скандинавским, а в рассматриваемых курганах найдены к тому же фибулы скандинавских типов и железные гривны с молоточками Тора, докладчик не считает возможным определять эти насыпи как норманнские, так как по ряду признаков они тождественны с некоторыми местными гнездовскими погребениями конца IX — начала X в. Норманны в Гнездове, по-видимому, быстро растворились в местной древнерусской среде и утратили свой этнический облик.

Два доклада были посвящены курганам юго-восточного Приладожья. Н. В. Тухтина в докладе «Весь и скандинавы в Приладожье» утверждала, что погребальный обряд как курганов с сожжениями, так и насыпей с трупоположениями однороден. Так как курганы с трупоположениями, аналогичные приладожским, известны в западном Белоозерье, в пределах ареала веси, исследователь относит все курганы юго-восточного Приладожья к финно-угорскому населению. Некоторые авторы приписывают скандинавам погребения с набором из двух скорлупообразных фибул в сочетании с равноплечей, щитообразной или трилистной. Однако, замечает Н. В. Тухтина, эти находки встречаются всегда в курганах с местным погребальным обрядом и с финно-угорскими украшениями. Очевидно, скандинавские вещи в приладожских курганах являются результатом экономических контактов с Фенно-Скандинавией.

В. А. Назаренко в докладе «Скандинавы в Приладожье» проанализировал курганы с очагами и показал, что, несмотря на встречаемость в них скандинавских вещей, по своему строению и деталям похоронного ритуала эти курганы принадлежат однородной приладожской культуре. Докладчик полагает, что первые норманны появились в юго-восточном Приладожье и вступили в контакт с аборигенами еще до сложения приладожской курганной культуры. Поэтому собственно скандинавские погребения в приладожских курганах выявить не удается.

В докладе В. А. Кольчатова «Скандинавские погребения в Шестовицком могильнике» рассмотрена группа из 21 кургана с трупосожжениями на месте, устройство насыпей, особенности погребального ритуала, вещевой материал. Автор склонен считать эти курганы Шестовицкого могильника норманнскими.

По этим докладам развернулась оживленная дискуссия. Г. С. Лебедев, А. Н. Кирпичников и В. А. Булкин не согласились с Д. А. Авдусиным в датировке гнездовских курганов X — началом XI в., утверждая, что ранние захоронения этого могильника

относятся к IX в. Г. С. Лебедев отметил также, что в докладе Д. А. Авдусина не были отмечены положительные стороны исследований последних лет, критикуемые работы не были названы, а анонимная критика мало продуктивна. В 1949 г. Д. А. Авдусин считал варяжскими только два гнездовских погребения, теперь — свыше 40. Это — не результат появления новых материалов. Прежде норманнские захоронения выделялись по комплексу признаков, теперь — по одному-двум, что не всегда оправдано. В частности, погребения в ладьях не являются бесспорно скандинавскими.

Э. Тыниссон, Г. С. Лебедев и В. Я. Петрухин не согласились с тезисом доклада Н. В. Тухтиной о распространении скандинавских вещей в приладожских курганах исключительно в результате торговых связей. В частности, В. Я. Петрухин отметил, что скорлупообразные фибулы с изображениями на сюжеты скандинавской мифологии не были объектом торговли, о чем свидетельствуют западноевропейские материалы. Курганы ливов в юго-восточной Прибалтике, заметил Э. Тыниссон, как и приладожские содержат одновременно и местные и скандинавские вещи. Выделить чисто норманнские комплексы в них невозможно. Однако отрицать скандинавский этнический компонент в среде ливов нельзя. Необходимо пользоваться не только археологическими источниками. Так, среди ливских антропонимов выявляется около 25% имен скандинавского происхождения. Нужно было бы подобным образом проанализировать вепсские личные имена, изучить топонимику Приладожья. Минусом последних исследований приладожских, ярославских и гнездовских курганов, по мнению Э. Тыниссона, является их изолированность. Для выявления скандинавского компонента было бы целесообразнее комплексно проанализировать эти памятники.

Следующая группа докладов посвящена теме «Культурные и торговые взаимодействия Восточной Европы с Фенно-Скандинавией в раннем средневековье». В докладе З. А. Львовой «К вопросу о стеклянных бусах X в. в некоторых районах севера Восточной Европы» шла речь о дешевых бусах и рубленом бисере, в большом числе находимых в слоях X в. в Старой Ладоге и в курганах юго-восточного Приладожья. Они привозились из Средиземноморья через Западную Европу и Готланд. В ряде городов, расположенных на торговых путях, в X в. возникает собственное производство. Докладчик полагает, что стеклянные бусы обменивались в Приладожье на меха, последние в Волжской Болгарии и на Итиле были объектом мены на восточное серебро, которое отправлялось в страны Западной Европы.

О. И. Давидан в докладе «Антропоморфные и зооморфные изображения из Старой Ладоги» проанализировала 38 находок (украшений, бытовых предметов и культовых изделий), происходящих в основном из слоев IX—X вв. Среди них обнаруживаются скандинавские, финские, восточнославянские изображения и вещи «гибридного характера». О. И. Давидан приходит к выводу о разноэтничном составе староладожской культуры и широких контактах ладожан.

Ю. Я. Селиранд в докладе «О североевропейских наконечниках копий из дамасской стали» классифицировал раннесредневековые эстонские наконечники копий с пером из сварочной узорчатой стали на 10 групп. Такие копья в X—XIII вв. получили широкое распространение в юго-восточной Прибалтике, в Швеции и Финляндии. Изготавливались они в нескольких центрах вокруг Балтийского моря.

И. В. Дубов прочитал доклад «Археологический комплекс у дер. Большое Тимерово под Ярославлем и его связи с памятниками Балтийского бассейна», в котором рассказал об открытом в 1973 г. богатом захоронении в кургане 95. Оно позволяет говорить о широких связях Ярославского Поволжья с Балтийским регионом. Селища, исследованные поблизости, позволили докладчику полагать, что здесь имелся «протогородской центр» — предшественник древнерусского города.

Темой доклада Е. А. Рябинина были «Погребения с меридиональной ориентировкой в Северной Руси». В основу доклада положен анализ 2500 курганов. Такую ориентировку погребенных в древнерусских курганах докладчик связывает с финно-угорским наследием.

С. И. Кочкуркина в докладе «Линнавуори в Карелии» познакомила участников конференции с результатами раскопок Куркиокского городища в Карелии. Оно принадлежит к типу городищ с каменными оборонительными укреплениями (линнавуори), которые характерны для северо-западного побережья Ладожского озера.

Выступавшие по этим докладам отметили их значительный научный интерес. А. Н. Кирпичников и В. А. Назаренко остановились на докладе Е. А. Рябинина, указав, что разграничение северной и южной ориентировок существенно для дифференциации финно-угорских племен и изучения их миграции. Т. Н. Никольская, выступая по докладу И. В. Дубова, не согласилась с интерпретацией Тимерева как «протогорода». Ведь это поселение не переросло в город, Ярославль возник на другом месте. Наоборот, В. А. Булкин поддержал мысль о «протогородах» — торгово-ремесленных центрах накануне возникновения русских городов.

Три доклада были посвящены раннесредневековой Скандинавии. Г. С. Лебедев в докладе «Социальная топография могильника эпохи викингов в Бирке» проанализировал различные типы захоронений в связи с зарождением феодальных отношений. Курганы VIII—IX вв. содержат остатки трупосожжений в урнах без следов имущественной дифференциации. В конце IX и первой половине X в. возрастает число безурновых захоронений со следами имущественного различия. В IX в. возникает особое кладбище с преобладанием курганов, содержащих сожжения в ладье. Докладчик считает, что это курганы дружины викингов. К концу IX — началу X в. относятся большие камерные могилы — захоронения королевских дружинников.

С большим интересом был выслушан доклад Е. И. Оятевой «Осебергская обувь (опыт исторического исследования)». На основе разработанного автором типологического метода и технологического анализа были определены формы трех пар кожаных башмаков из Осебергского погребения. Они оказались разнотипными. На основе исторических сопоставлений делается заключение о захоронении здесь двух женщин, выясняются причины разнотипности башмаков.

В. Я. Петрухин в докладе «К характеристике представлений о загробном мире у скандинавов эпохи викингов» рассказал о двух вариантах представления о загробном мире, отраженных в древнескандинавской литературе. Согласно «завету Одина», сожжения приводят умерших в загробный чертог — Вальхаллу. При ингумации умерший продолжает жить в могиле (жизнь Фрейра в кургане связывается с благополучием в стране). Двойственность представлений о загробном мире соответствует разнообразным формам погребального ритуала скандинавов эпохи викингов.

Таллинский искусствовед Е. А. Кальюнди и ленинградский археолог А. Н. Кирпичников прочитали доклад на тему «Планы из шведских архивов как источник для изучения замков и городов-крепостей Эстонии и северо-западной Руси». Докладчики познакомили археологов с некоторыми планами и чертежами XVI—XVII вв. Таллина, замка Курессааре, Ивангородской крепости, Нарвы, Выборга, Орешка, Корелы, Ямгорода, Копорья, Новгорода, показали их большие возможности в уточнении истории городов и крепостей, при реставрационных и музейных работах, в археологических исследованиях. А. Н. Кирпичников высказал пожелание об устройстве в СССР выставки находящихся в шведских архивах чертежей и планов древнерусских и ливонских городов.

Три доклада касались восточноевропейско-скандинавских взаимоотношений в римское время и эпоху переселения народов. В докладе «Скифо-сарматское воздействие на культуру древних германцев Скандинавии и Южной Балтики» В. В. Седов говорил об инфильтрации ираноязычного населения в среду древних германцев, что нашло отражение у античных авторов, в скандинавской мифологии и распространении биритуализма в Балтийском регионе в первых веках нашей эры.

М. А. Тиханова прочитала доклад «О следах рунической письменности в черняховской культуре», в котором рассматривались находки с руническим письмом, обнаруженные в трех памятниках — Раду-Негру, Летчанах и Лепесовке. Выступивший в прениях по докладу Э. А. Сымонович высказал сомнение в принадлежности некоторых знаков к рунам (кувшин из Раду-Негру).

В докладе Э. А. Сымоновича «Могильник Симрис и памятники черняховского типа в Поднепровье» сопоставлялись детали погребального обряда могильника Симриса, расположенного в юго-восточной Швеции, с тремя черняховскими кладбищами (Журовка, Гавриловка и Коблево). Черты сходства докладчик считает стадиально-эпохальным явлением, а различия — свидетельством того, что черняховская культура не формируется за счет распространения в Поднепровье гото-гепидских племен.

Выступивший по докладу Э. А. Сымоновича И. Вернер отметил, что сравнение черняховских могильников лишь с одним из шведских (при большом разнообразии скандинавских могильных памятников) неправомерно. К тому же Симрис относится в основном к классическому римскому времени, когда черняховская культура давно сложилась. Сопоставление должно быть последовательным — могильники Скандинавии — могильники нижней Вислы — причерноморские могильники. Сопоставлять нужно не всю черняховскую культуру, а погребения ее древнейшей фазы, для которых характерны ранние фибулы и лепная керамика.

О методических ошибках в докладе Э. А. Сымоновича говорила и М. А. Тиханова. Она подчеркнула, что сопоставление черняховских могильников со скандинавскими, игнорируя гото-гепидские — восточнопоморско-мазовецкие (вельбарско-цецельские, по современной польской терминологии), не оправдано. К тому же Симрис не принадлежит ни готам, ни гепидам. Каких-либо выводов из сопоставлений Э. А. Сымоновича делать нельзя.

С интересом и вниманием был выслушан доклад западногерманского археолога И. Вернера «Связи восточной Скандинавии и юго-восточной Прибалтики с Венгрией и Италией в V—VI вв. н. э.» Докладчик отметил, что в середине I тысячелетия н. э. римские торговые пути в Средней Европе перестали функционировать. Связи между отдаленными территориями Европы теперь приобретают новый характер. На ряде археологических примеров И. Вернер рассмотрел эти связи.

Доклады Г. А. Панкрушева и Ю. А. Савватеева посвящены были проблемам каменного века. В первом, озаглавленном «К вопросу о единой культуре Сперрингс в Карелии и Финляндии», получили характеристику однородные памятники неолитической культуры, на территории Финляндии и Карелии. Ю. А. Савватеев в докладе «Онежские петроглифы и наскальное искусство Скандинавии» показал параллели петрографам Карелии в наскальных рисунках Скандинавии, что является следствием культурных контактов древнего населения Северной Европы.

На заключительном заседании секции отмечена необходимость в привлечении к работе Скандинавской конференции археологов из Латвии, Литвы, Белоруссии и областных городов РСФСР и высказано пожелание в постановке на следующей конференции крупного доклада, освещающего одну из исследуемых проблем в целом.

В. В. Седов

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В ФОТОАРХИВ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

Комплектование фотоархива Ленинградского отделения Института археологии АН СССР происходит из двух источников: ежегодных поступлений фотодокументов деятельности отделения и поступлений со стороны, из личных собраний.

Предлагаемая заметка имеет целью познакомить читателей только с составом и характером коллекций, полученных фотоархивом из частных архивов после 1950 г., т. е. после издания полного «Обозрения» коллекций фотоархива («Советская археология», 1950, XII).

За указанный период фотоархив ЛОИА получил следующие личные коллекции.

Г. В. Григорьев, археолог. Коллекция содержит снимки его раскопок 1936—1940 гг. в Узбекистане (костехранилище Фринкента, городищ Тали-Барзу и Каунчи), а также вещевого материала из этих раскопок, переданного в музеи Самарканда, что дополняет документацию, ранее поступившую в фотоархив ЛОИА. В коллекции представлена также съемка 1938—1940 гг. обследований пещеры Дауда, ее окрестностей и древней оросительной системы района Даргома. Кроме перечисленного имеется серия снимков с дувалов Самаркандской обл. (Джумасай, Кум-Арык, Коштамгалы, Рованак, Тайлак и др.). Всего 276 негативов и 669 позитивов.

Г. Л. Леонтович, архитектор. Коллекция стереоскопических негативов, исполненных в 1913—1917 гг., отражает состояние некоторых памятников Украины. В том числе имеются снимки с раскопок церкви Спаса на Берестове в Киеве. Всего 131 негатив.

Л. А. Мацулевич, искусствовед-византинист. Коллекция состоит из позитивов, собранных им для иллюстраций своих работ: «Византийский антик и Прикамье», «Погребение варварского князя», «Серебряная чаша из Керчи», «Byzantinische Antike» и др. Однако число снимков в значительной степени превышает количество помещенных в работах. Имеется большая серия снимков, отражающая сборы древностей и находки из раскопок 1891—1926 гг. на территории бывшей Таврической губ., в том числе Керчи и ее ближайших окрестностей.

Виды местности, процесса раскопок и предметов искусства (торевтики и ювелирного дела) Армении и Грузии дают снимки памятников Армазисхеви, Кледети, Самтавро, Триалети и Уреки. В особую группу можно выделить снимки, полученные Л. А. Мацулевичем из-за границы, с предметов прикладного искусства, собранных музеями Будапешта, Вены, Парижа и Нью-Йорка. Особую серию представляют снимки икон и церковного серебра, фигурировавших на выставке 1922 г. в Государственном Эрмитаже. Всего в коллекции более 1000 позитивов.

К. К. Романов, архитектор-художник. Коллекция содержит снимки 1909—1927 гг. с памятников гражданского и церковного зодчества Средней России (Звенигорода, Владимира, Суздаля, Юрьева-Польского и ряда сел). Среди этих снимков имеются фотографии раскопок Архитектурно-археологической экспедиции ГАИМК 1925—1947 гг. в Юрьеве-Польском. Северо-западная часть территории РСФСР отражена снимками 1905—1920 гг. не только памятников архитектуры, но и церковно-прикладного искусства Новгорода, Ферапонтова, Кирилло-Белозерского и Горицкого монастырей. На снимках 1910—1913 гг. представлены Изборская крепость и Гремячая башня в Пскове.

Особую ценность коллекции К. К. Романова представляют съемки народного искусства Севера, его поездок в Олонецкую, Вологодскую и Архангельскую губ., в том числе в составе Понежско-Мезенской экспедиции 1926—1929 гг.[1] Снимки содержат виды местности, улиц, крестьянских построек, костюмов, быта, обрядов и типов местных жителей. В самостоятельную группу можно выделить снимки, исполненные в 1934—1936 гг. в с. Михайловском во время реставрации усадьбы А. С. Пушкина. Всего 1430 негативов и 2275 позитивов.

Н. П. Сычев, историк искусства. Основу коллекции составляют снимки о деятельности Новгородской архитектурной экспедиции ГАИМК 1920 г., исследовавшей монументальную живопись Новгорода, Волотова и Ковалева, дополняющие переданные в свое время фотоархиву ЛОИА. Аналогичные исследования Н. П. Сычева в Закавказье представлены снимками 1911 и 1915 гг. фресок храма Тиграна Ḥ'Оненда в Ани, а также храмов Зарзмы и Чуле. Деятельность Сычева на Владимирщине представлена собственной съемкой 20-х годов и позитивами, связанными с реставрацией росписи владимирских соборов в 1940—1953 гг.

---

[1] Работа экспедиции была организована Комитетом социологического изучения искусства при Государственном институте истории искусств в Ленинграде. После ликвидации последнего в 1930 г. фотодокументация считалась утраченной. Однако о проводившихся съемках было известно из журнала «Крестьянское искусство СССР» Л., 1928, вып. 2. Лишь в 1969 г. негативы (около 400 шт.) были найдены в Отделе фольклора Института русской литературы (Пушкинский дом), которые в значительной степени дополнили материалы, пришедшие с архивом К. К. Романова.

Т. Б. Томес

МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

В августе 1973 г. открылся музей археологии в Алма-Ате. Он создан как новая научная единица в системе Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР.

С организацией музея качественно изменился уровень пропаганды исторических знаний, расширился фронт научных исследований по археологии, улучшены условия хранения и обработки археологических материалов, накопленных археологами республики за несколько десятков лет интенсивных работ.

Основная задача музея — показать развитие человеческого общества на территории Казахстана с древнейших времен до эпохи позднего средневековья. Племена и народы, населявшие территорию нашей республики, оставили многочисленные памятники, свидетельствующие о высоком уровне развития культуры и о том вкладе, который внесли народы Казахстана в сокровищницу мировой цивилизации.

Экспозиция музея состоит из четырех больших разделов, внутри которых материал систематизирован по регионам и хронологическим этапам (рисунок).

Первый раздел посвящен памятникам каменного века. На выставке экспонированы грубые отщепы, нуклеусы нижнего палеолита из местонахождений Борыказган и Танырказган в горах Каратау (Южный Казахстан).

Памятники среднего палеолита (мустье) обнаружены в Южном Казахстане, в Сары-Арке, в Северном Прибалхашье. Представлены скребла, остроконечники, отщепы из местонахождений в Южном Казахстане.

Верхний палеолит характеризуют кремневые орудия, обнаруженные на открытых стоянках и при раскопках. Большой интерес вызывают материалы из раскопанной стоянки им. Ч. Ч. Валиханова в горах Каратау. Среди них большой набор остроконечников, скребков, нуклеусов, отщепов.

Памятники неолита и энеолита представлены случайными находками и погребением из Уральской области. Привлекают внимание каменные браслеты с насечками, каменное навершие булавы, шлифованные топорики, наконечники дротиков. Уникальной вещью является выточенная из кости палочка, конец которой оформлен в виде реалистично выполненной головы утки.

Раскопки неолитических стоянок проводились археологами в северных, южных, центральных и восточных районах Казахстана. Материалы из раскопок — миниатюрные иглы, шилья, основа ножа, набор микролитических орудий из раскопок пещерной стоянки Караунгур в Южном Казахстане, хорошо дополняют экспозицию этого раздела.

Следующий раздел музея отведен памятникам эпохи бронзы (андроновская культура). Индустрия древней бронзы в Казахстане базировалась на богатых медных и оловянных месторождениях Центрального и Восточного Казахстана. Не случайно именно в Центральном Казахстане обнаружены столь многочисленные поселения и могильники этого времени. В экспозиции, отведенной эпохе бронзы Центрального Казахстана, материал расположен по двум этапам, выделенным казахстанскими археологами: нуринскому и атасускому. Специальный подраздел посвящен памятникам поздней бронзы (бегазы-дандыбаевская культура). Экспонированы бронзовые наконечники стрел и копий, ювелирные изделия из бронзы и золота. Привлекают внимание височные кольца, основа которых бронзовая, с наружной обтяжкой золотой фольгой и бронзовая гривна с золотыми подвесками.

Глиняные сосуды, топоры, серпы, украшения из могильников Тау-Тары (Южный Казахстан) и Кара-Кудук (Семиречье) раскрывают облик андроновской культуры, ее особенности в южных и юго-восточных регионах республики.

Специальный подраздел посвящен характеристике поселений культуры эпохи бронзы. Показаны планы поселений, состоящих, как правило, из нескольких землянок или полуземлянок, орудия из камня и кости, керамика. Иллюстративный материал дает представление о погребальном обряде, надмогильных сооружениях и культовых воззрениях эпохи бронзы.

Третий раздел музея охватывает период с VIII в. до н. э.— V в. н. э. Это эпоха раннего железного века, которую Ф. Энгельс образно охарактеризовал как «время железного меча, железного плуга и железного топора» [1]. В указанный период у древнего населения Казахстана произошел переход к кочевому скотоводству, возникли племенные союзы, началось разложение первобытнообщинных и сложение классовых отношений.

Открывается раздел экспозицией памятников Тасмолинской культуры Центрального Казахстана, показанных в хронологическом развитии. Демонстрируются предметы вооружения, конского снаряжения, изделия прикладного искусства. Вызывает интерес костяная застежка с изображением кабана и козлов, скульптурные бронзовые фигурки архаров. Памятники Западного Казахстана, оставленные племенами савроматов и сарматов, представлены погребениями Лебедевского могильника и могильников Актюбинской области. Некоторые экспонаты (металлические сосуды, ювелирные изделия) свидетельствуют о связях сарматских племен с миром античной цивилизации.

---

[1] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1970, стр. 181.

Интерьер Музея археологии Академии наук Казахской ССР

Наиболее полно представлена сакская культура Семиречья. Оружие, орудия труда, украшения, макет погребальной камеры из Бесшатырского могильника свидетельствуют о высоком уровне развития культуры саков. В этом же разделе демонстрируются материалы из раскопок кургана Иссык. Уникальна реконструкция одежды и головного убора «золотого человека» из кургана. Нашивные бляшки, пластины головного убора, бляхи наборного пояса — гальванокопии. Подлинники хранятся в специальной «золотой кладовой».

Разнообразен инвентарь могильников рядовых саков — Каратума и Сары-Булак. Усуньская культура Семиречья поражает многообразием форм глиняной посуды из могильников Илийской и Таласской долины, из Восточного Казахстана.

Два скульптурных портрета сака и усуня, выполненные М. М. Герасимовым на основе реконструкции лица по черепу, дают представление об облике древних обитателей Семиречья. Один из подразделов отведен раннеземледельческим поселениям юга Казахстана и могильникам начала I тысячелетия н. э.

Представлена керамика, изделия из металла и кости из поселений Актобе, Баба-Ата, Шаушукумтобе: оружие, предметы украшения, посуда — из могильников района Чардары.

Четвертый раздел музея занимают памятники средневековья. В середине I тысячелетия н. э. происходит сложение классового общества, получают развитие раннефеодальные отношения. Возникают, сменяя друг друга, государства древних тюрок, тюргешей, карлуков, огузов, караханидов, кипчаков. В этих условиях развиваются средневековые города Казахстана, расцвет которых приходится на X—XII вв.

В разделе представлена керамика, стекло, изделия прикладного искусства средневековых городов — Тараза, Алматы, Талгара, Жаксылыка, Каратумы, Актобе и Баба-Аты. Большой подраздел отведен показу материалов Отрара, где в течение трех лет ведет раскопки Южноказахстанская комплексная археологическая экспедиция. На аэрофотографиях видны кварталы, улицы, площади Отрара XVI—XVIII вв. Экспонируется керамика этого времени, изделия из металла, стекла. Особый интерес вызывают две резные колонны из мавзолея Арслан-Баб (XIV в).

Архитектура и строительное искусство средневекового Казахстана представлены серией фотографий, среди которых аэрофото Саурана и Бузука. Два макета мавзолеев – Айша-Биби, выполненного в масштабе 1 : 10, и Ахмеда Ясеви, изготовленного в масштабе 1 : 50, дают представление о выдающихся памятниках зодчества.

В разделе средневековья экспонируются материалы могильников Борижары, Алакульского, могильников Семиречья и Восточного Казахстана. В специальную тему выделены материалы городища Куль-Тобе, оседлого поселения казахов на северных склонах Каратау.

Изделия прикладного искусства казахов XIX—XX вв.— серьги, браслеты, перстни, наборные пояса, седла — свидетельствуют о традициях и преемственности материальной культуры казахов и племен эпохи бронзы: саков, усуней, тюрок, средневекового населения Казахстана.

К. А. Акишев, К. М. Байпаков

МОНГАЙТ АЛЕКСАНДР ЛЬВОВИЧ

20 августа 1974 г. в Москве скончался известный советский археолог Александр Львович Монгайт. Он родился 24 апреля 1915 г. в Николаеве на Украине, получил там среднее образование, после чего с 1931 г. преподавал в школах этого города, а затем, переехав в 1935 г. в Москву, и в столичных учебных заведениях (в Промакадемии и техникумах). С 1935 по 1940 г. Александр Львович учился на только что возрожденном Историческом факультете МГУ. Уже тогда он начал заниматься научной работой, опубликовал ряд статей в журналах (по истории французской революции, о русской артиллерии XIV—XVI вв.), участвовал в раскопках А. В. Арциховского в Новгороде Великом. В 1941 г. А. Л. Монгайт вступил добровольцем в ополчение, оборонявшее Москву от фашистских захватчиков. После демобилизации по болезни Александр Львович работал директором школы в Алма-Атинской обл. В 1943 г. он поступил в аспирантуру ИИМК АН СССР. С тех пор на протяжении 30 с лишним лет научная деятельность А. Л. Монгайта протекала в центральном археологическом учреждении нашей страны. Защитив кандидатскую диссертацию, в 1946 г. Александр Львович стал старшим научным сотрудником сектора славяно-русской археологии ИИМК — ныне Институт археологии АН СССР. Тесно связан был он и с другими научными учреждениями — Институтом этнографии АН СССР и Институтом истории и теории искусств Академии художеств, где состоял членом ученых советов, со многими музеями, реставрационными мастерскими и т. д.

Первый цикл работ А. Л. Монгайта посвящен славяно-русским древностям. В Новгороде он изучал оборонительные сооружения, вел исследования в Софийском соборе. С первых послевоенных лет и до конца дней Александр Львович руководил Рязанской экспедицией Института археологии АН СССР, сосредоточившей свои силы на раскопках замечательного памятника — городища Старой Рязани. До войны раскопки как на самом городище, так и в Рязанской земле были случайными и небольшими по масштабу. А. Л. Монгайт создал археологию этого крупного центра древнерусской культуры. Были обнаружены богатые клады ювелирных изделий домонгольской эпохи, остатки трех неизвестных ранее церквей, охарактеризованы топография и укрепления города, жилища рядовых горожан, подняты сложные проблемы взаимоотношения славянских и финских племен в бассейне Оки, намечены этапы истории Рязанского княжества. Эти темы освещены в кандидатской и докторской диссертациях А. Л. Монгайта, в его книгах «Старая Рязань» (1955), «Рязанская земля» (докторская диссертация, защищенная в 1961 г.), «Художественные сокровища Старой Рязани» (1967) и многих статьях. Других центров древней Руси касаются книга А. Л. Монгайта «Муром» (1947), ряд его работ о славянах в Приазовье («Надпись на камне», 1969), публикация фресок Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке (сб. «Культура древней Руси», 1966). Им издан ценный комментарий к переведенным О. Г. Большаковым известиям арабского путешественника ал-Гарпати о Руси XII в. («Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу», 1971).

С середины 1950-х годов круг интересов Александра Львовича расширился. Появились его книги и статьи, затрагивающие историю археологии, ее методику, важнейшие успехи отдельных ее разделов. Это «Археология в СССР» (1955), «Археология и современность» (1963) и две книги, написанные в соавторстве с А. С. Амальриком — «Что такое археология» (три издания: 1957—1966 гг.) и «В поисках исчезнувших цивилизаций» (два издания — 1959, 1966 гг.). Эти книги познакомили с археологией широкие слои наших читателей, популяризировали достижения советской науки за рубежом. Книга «Археология в СССР» переведена в Англии, Италии, Румынии, а издательством «Иностранная литература» — и на другие европейские языки. Статьи и доклады А. Л. Монгайта о новых методах в археологии способствовали созданию лабораторий естественных методов в Московском и Ленинградском отделениях Института археологии. Статья Александра Львовича по проблемам этнической истории переведена на ряд языков и вызвала много откликов. Интересные статьи опубликованы им по археологической картографии, по истории советской археологии. А. Л. Монгайт был одним из авторов университетского учебника «История первобытного общества» (совместно с В. П. Алексеевым и А. И. Першицем, два издания — 1968 и 1974 гг.). Достойным завершением этого цикла работ А. Л. Монгайта стала двухтомная «Археология Западной Европы» (1973—1974). Эта книга охватывает древности от начала палеолита до рубежа нашей эры и основана на проработке и критической оценке колоссальной литературы. Равноценного издания нет ни в одной из зарубежных стран. А. Л. Монгайтом опубликовано 13 книг и свыше 150 статей.

Александр Львович был жизнерадостным, общительным, очень доброжелательным человеком. Мог он быть и очень твердым, когда дело касалось принципиальных вопросов, моральных проблем. Не удивительно, что он пользовался большим уважением и популярностью и среди всех археологов СССР, и среди историков, этнографов, искусствоведов. Память об Александре Львовиче Монгайте — человеке и ученом — останется в нашей среде. Книгам его суждена долгая жизнь.

А. А. Формозов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АбГМ — Абхазский Гос. музей
АбИЯЛИ — Абхазский институт языка, литературы и истории
АГСП — Сб. «Античные города Северного Причерноморья», I, М.—Л., 1955
АИЗ — Археологические Известия и Заметки Московского археологического общества
АИСП — Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья, Л., 1968
АИСК — Сб. «Археологические исследования средневекового Крыма», Киев, 1968
АИУ — Археологические исследования на Украине, Киев
АП — Археологічні пам'ятки УРСР, Київ
АСб.ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
АЭСб. — Археолого-этнографический сборник
БАСб. — Башкирский археологический сборник
БИАМ — Бахчисарайский историко-археологический музей
ВА — Вопросы антропологии
ВАУ — Сб. «Вопросы археологии Урала», Свердловск
ВИСДВ — Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока, Новосибирск, 1961
Древности — Труды Московского Археологического общества
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗОЛО — Записки Одесского археологического общества
ЗИРГО — Записки Императорского русского географического общества, Спб.
ИАДК — Сб. «История и археология древнего Крыма, Киев»
ИАК — Известия императорской археологической комиссии
ИГ — Институт географии АН СССР
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЗ — Исторические записки
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана, Ташкент
ИНИИК — Известия научно-исследовательского института кавказоведения, Тифлис
ИОАИЭ — Известия общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете
Изв. СОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИЯЛИ КФ АН СССР — Институт языка, литературы, истории Казанского филиала АН СССР
КАМ — Сб. «Культура античного мира», М., 1966
КАЭ — Киргизская археологическая экспедиция
КБН — Корпус боспорских надписей
КГМ — Карельский государственный музей
КГПИ — Казанский государственный педагогический институт
КД — Сб. «Каракумские древности», Ашхабад
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
МКА — Материальная культура Азербайджана
МОКМ — Московский областной краеведческий музей в г. Истре
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
НГПИ — Новгородский государственный педагогический институт
НПЛ — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов
ОАК — Отчеты Императорской археологической комиссии
ОАСА — Отдел античной и средневековой археологии Крыма
ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ПГУ — Пермский государственный университет
Працы — Працы Археалогічнай Камісіі. Записки Аддзелу гуманитарных навук..., Минск
ПСА — Сб. «Проблемы скифской археологии», М., 1971
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПСНРПМ — Псковская специальная научно-реставрационная производственная мастерская
ПУАС — Пятое Уральское археологическое совещание
РГО — Русское географическое общество, Спб.
РМ — Рязанский историко-архитектурный музей
РФ ИИЯЛ — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР

САИ — Свод археологических источников
Сообщ. ГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СГУ — Саратовский государственный университет
Сообщ. ХМ — Сообщения Херсонесского музея
ТОДОРЛ — Институт русской литературы. Труды отдела древнерусской литературы
Тр. ОИПК ГЭ — Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
Тр. ТАЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
Тр. ИИАЭ Каз. ССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Казахской ССР
Тр. ХЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
Уч. зап. ИИЯЛ — Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
Уч. зап. КБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
Уч. зап. ПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета
ХГУ (ХДУ) — Харьковский государственный университет
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЧИНИИЯЛ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
AA — Archäologischer Anzeiger
AH — Archaeologia Hungarica
AJA — American Journal of Archaeology
Ath. Mitt — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
AMRS — Archäologische Mitteilungen aus Russischen Sammlungen. Berlin—Leipzig
AP — Archeologia Polski
AÚSAV — Archeologický ústav Slovenskej Akadémie Vied, Nitra
AuF — Ausgrabungen und Funde
BSA — British School at Athens, the Annual
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London
BSR — British School at Rome, Papers
CuA — Current Anthropology
DOP — Dumbarton Oaks Papers, Washington
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki
IoSPE — Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini
JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
IG — Inscriptiones Graecae
MDAFA — Memoires de la Delegation Archeologique Française en Afghanistan
PA — Pamatky Archeologicke, Praha
PPS — Proceedings of Prehistoric Society
PSI — Papiri greci e latini, Publicazioni della Societa Italiana per la ricerca del papiri, Firenze
RE PW — Pauli — Wissowa — Kroll, Real Encyclopädie der Klassischen — Altertumswissenschaft
RM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung
SAAB — The South African Archaeological Bulletin
SAJS — The South African Journal of Science
SCIV — Studi si cercetari de Istorie Veche
SMYA — Suomen muinaistoyhdistyksen aikakauskirja
SPA — Survey of Persian Art
ZfA — Zeitschrift für Archäologie
ZfN — Zeitschrift für Numismatik

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Тел. 126-91-45

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/I-1975 г. Т-04266 Подписано к печати 1/IV-1975 Тираж 3370 экз.
Зак. 1614 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 28,0 Бум. л. 10,0 Уч.-изд. л. 30,1

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКА

Советская археология № 2

На стр. 36 напечатано: Рис. 7. Койбальский чаа — тас. Туесок из ящика 6

следует читать: Рис.5. Койбальский чаа — тас. Стела IX, яма 2